

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации
Институт истории и археологии
Уральского отделения Российской академии наук
Южно-Уральский государственный университет

Н.В. Суржикова, Н.А. Михалев, С.А. Пьянков

**РОССИЙСКОЕ БЕЖЕНСТВО:
ЦЕНТРЫ И ПЕРИФЕРИИ, ПРОЦЕССЫ
И СТРУКТУРЫ, ИНДИВИДЫ
И МАССЫ (1914–1922 гг.)**

Монография

Екатеринбург — Челябинск
Издательский центр ЮУрГУ

2021

УДК 94(470) «1914/1922»

ББК 63.3(2)52

С90

*Рекомендовано к печати Ученым советом Института истории
и археологии Уральского отделения Российской академии наук*

*Рекомендовано к печати Ученым советом Института медиа и социально-
гуманитарных наук Южно-Уральского государственного университета*

Рецензенты:

д-р ист. наук, профессор Е.М. Главацкая

канд. ист. наук, доцент М.А. Оболонкова

Суржикова, Н.В.

С90

Российское беженство: центры и периферии, процессы и структуры, индивиды и массы (1914–1922 гг.): монография / Н.В. Суржикова, Н.А. Михалев, С.А. Пьянков. — Екатеринбург — Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2021. — 493 с.

ISBN 978-5-696-05208-3

В монографии представлены промежуточные результаты исследования истории российского беженства 1914–1922 гг. Помимо изучения таких составляющих беженского кризиса в России 1914–1922 гг., как его динамические, структурные и географические характеристики, практики вспомоществования беженцам со стороны государственных и общественных структур, воздействие беженства на рынок труда и культуру производства, место беженцев в миграционных потоках и политических практиках 1918–1922 гг., репрезентации беженства в общественном дискурсе центра и периферии, в книге показано, как беженцы и беженство повлияли на дальнейшее развитие российского общества. При этом, раскрывая свое видение феномена, авторы книги дают читателю возможность составить собственное мнение о реалиях российского беженства 1914–1922 гг., «услышать» голоса эпохи благодаря обильно цитируемым в тексте источникам и богатым приложениям в конце монографии.

Книга адресована широкой аудитории читателей, интересующихся военной историей, историей России и историей XX века в целом.

© Суржикова Н.В., Михалев Н.А.,
Пьянков С.А., 2021

© Издательский центр ЮУрГУ, 2021

ISBN 978-5-696-05208-3

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ	4
ГЛАВА I. Российское беженство в контексте отечественной и зарубежной историографий	10
ГЛАВА II. Беженцы Первой мировой войны в Российской империи: археология проблемы и динамика перемещения	41
ГЛАВА III. Беженство в традициях российской благотворительности	90
ГЛАВА IV. Между помощью и принуждением: беженцы на рынке труда	160
ГЛАВА V. Беженцы Первой мировой в миграционных процессах 1917–1922 гг.	222
ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ. Беженцы в контексте «лепки» населения и социального переустройства России	271
ПРИЛОЖЕНИЯ	
Приложение 1. Статистико-географические характеристики российского беженства, 1915–1917 гг.	281
Приложение 2. Перечень организаций помощи беженцам по состоянию на 1 мая 1916 г. (Европейская Россия)	308
Приложение 3. Национальное измерение беженства (на примере еврейских организаций)	378
Приложение 4. Беженцы в политике Временного правительства, 1917 г.	417
Приложение 5. Голоса беженцев, 1915–1922 гг.	441
Приложение 6. Беженцы и беженство в поэзии военного времени	472
Приложение 7. Российское беженство: взгляд со стороны	486

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

«Я помню сыпучие пески, разбитые широкие дороги, перепуганных насмерть жителей местечек. Навстречу нам, увязая по ступицы в песках, ползли беженские обозы... Было тревожно, душно, беспорядочно. Десятки костров горели на местечковой площади. Около костров, у распряженных фурманок, сидели и лежали вповалку беженцы — польские крестьяне. Заходились, синяя, на руках у измученных простоволосых женщин, грудные дети. Лаяли собаки, ругались обозные, прокладывая путь через эту человеческую мешанину. Они стегали людей плетками, задевали колесами за груды наваленного крестьянского скарба, и за обозными фурами тянулись, зацепившись, шитые рушники, шали, рубахи. Женщины, плача, вырывали их из-под колес и уносили к кострам. Но вещи были уже измазаны дегтем, изорваны и вывалены в пыли...

Среди ночи похлебка была готова, и мы начали раздавать ее беженцам. Сотни трясущихся рук с кружками, старыми тарелками, чашками и тазами тянулись к санитарам. Женщины, получив еду, пытались целовать санитарам руки. Плач, который нельзя было отличить от смеха (а может быть, это был действительно смех изголодавшихся людей, вдохнувших запах горячей говядины), стоял над толпой.

К рассвету мы накормили вторую партию беженцев...

Часть беженцев ушла, часть задержалась...

Мы обгоняли беженцев. Нас обгоняли обозы и артиллерия... Два раза мы останавливались, чтобы похоронить умерших, валявшихся около дороги.

Один раз это был ребенок. Он лежал на клетчатом головном платке, — очевидно, этот платок сняла с себя мать. На грудь ребенку кто-то положил кустик сурепки, вырванной с корнем. Другой раз это была молодая крестьянка с открытыми светлыми глазами. Она спокойно смотрела в небо, где светило сквозь дым желтоватое солнце...

Вокруг шла армия и валили по дорогам, застревая на время около попутных сел, тысячи беженцев...

Все смешалось к тому времени в Москве... В коренную Москву влились беженцы из Польши, Прибалтики и Белоруссии. В певучий московский говор все чаще вторгались быстрые и шипящие акценты...»,

— свидетельствовал Константин Паустовский в автобиографической 6-книжной «Повести о жизни», вспоминая о Первой мировой войне как о трагедии тысяч людей, сдвинутых со своих мест¹. Ему вторил другой современник Великой войны, военный атташе Великобритании в России Альфред Нокс, также ставший очевидцем массового исхода гражданского населения империи в тыл:

«Казалось, что все польское крестьянство мигрировало из районов восточнее Вистулы. Русские говорили, что не заставляли крестьян уезжать, если не предполагалось, что их деревни окажутся местом боевых действий. У оставшихся, однако, объявлялись реквизиции всего скота, лошадей, бекона, чая и сахара, поэтому для лишенных основных средств существования и пропитания людей было практически невозможным остаться на прежних местах. К сожалению, гражданские служащие уезжали первыми, и проводить реквизиции приходилось Интендантскому корпусу. Последний, не имея для этой цели соответствующего штата, выполнял свою задачу самым нерадивым образом. Власти тыловых районов оказались в трудном положении, сталкиваясь с необходимостью справляться с движением населения, принявшим масштабы общенациональной миграции. Даже если бы имелись поезда, они были бы бесполезны для крестьян, чье имущество было слишком громоздким. Они передвигались на своих длинных польских телегах, которые, как правило, тянули две лошади, при этом отец семейства правил, а мать сидела наверху семейного скарба в окружении малолетних детей. Их старшие братья и сестры гнали стада гусей и свиней по обочинам дорог...

То самообладание, с которым эти бедные люди встречали свои несчастья, заставляло сердце сжиматься от боли за них. Женщины часто тихо плакали, вокруг было много лиц с выражением абсолютного отчаяния, но ни единой жалобы, ни вспышек гнева не наблюдалось. Я видел одного крестьянина, стойчески правившего повозкой, на которой лежало тело его жены, умершей по дороге; вокруг нее на подстилке лежали дети...

На следующий год я обнаружил, что расположенные дальше к востоку главные дороги, по которым прошла волна беженцев, через каждые сто ярдов были усеяны наспех сделанными крестами, отмечавшими общие могилы, где были захоронены жертвы холеры. Некоторые польские беженцы оказались даже за Уралом. Четыре года спустя поляки жили в землянках Омска»².

¹ Паустовский К.Г. Беспокойная юность. М., 2009.

² Knox A. With the Russian Army, 1914–1917. Being Chiefly Extracts from the Diary of a Military Attache. L., 1921. P. 322–323.

По подсчетам демографа Е.З. Волкова, к июлю 1917 г. число таких людей перевалило за 7 млн чел., что составляло порядка 5 % от всего населения Российской империи³. В таких условиях проблема так называемых беженцев ожидаемо переросла в проблему беженства, не только коснувшись собственно мигрантов, но и став проверкой на прочность для самых разных институтов и практик общенационального, регионального и локального значения. И формировавшийся через мучительный поиск баланса между необходимостью защитить беженцев, с одной стороны, и стремлением соблюсти интересы не-беженцев — с другой, режим российского беженства 1914–1922 гг. потому и является безусловно актуальной научной темой, что его изучение позволяет выявить не только действенные способы администрирования, контроля и обеспечения собственно «беженских масс». Изучение этой темы видится важным еще и в мысли определения действенных механизмов самоорганизации, самоидентификации и самосохранения любого общества перед лицом провоцируемых войной гуманитарных и социальных катастроф. Проблема, однако, состоит в том, что беженство изначально поставило перед российским обществом столько вопросов, что их практически невозможно охватить в одной книге. Именно поэтому настоящая работа вовсе не претендует на звание комплексного исследования российского беженства 1914–1922 гг., будучи попыткой высветить его наименее изученные стороны и протестировать те представления о нем, которые уже сложились в специальной литературе.

При этом, обращаясь к изучению российского беженства 1914–1922 гг., сразу следует отметить один безусловно важный факт — факт того, что российские беженцы периода Первой мировой войны беженцами в современном понимании этого слова не являлись. В качестве таковых принято рассматривать исключительно лиц, покинувших страну, в которой они постоянно проживали, в силу тех или иных чрезвычайных обстоятельств, тогда как беженство Первой мировой войны было явлением в основном внутрироссийским. Породив различные перемещения гражданского населения — «неблагонадежных» ино- и русскоподданных, высланных подконвойным порядком под надзор полиции, выселенцев, отправленных бесконвойным порядком подальше от прифронтовой зоны, и добровольно-вынужденных мигрантов, просто бежавших от войны, — Первая мировая

³ См.: Волков Е.З. Динамика народонаселения СССР за восемьдесят лет. М.; Л., 1930. С. 72, 75.

еще не знала таких специальных определений, как интернированные, депортированные и т.п. Все они в итоге вошли в российскую часть ее истории именно как беженцы. И случилось это вовсе не потому, что разницы между различными категориями мигрантов никто не понимал. Превращение термина «беженец» в зонтичный детерминировалось самой логикой войны, уже к осени 1915 г., во-первых, перемешавшей все названные выше людские потоки, и, во-вторых, за их масштабностью выдвинувшей на первый план вопрос о том, что теперь делать со всей этой многочисленной разноплеменной человеческой толпой? Тем самым пресловутый принцип историзма не просто позволяет, а требует использовать термин «беженцы» в его самом широком смысле.

Широта этого смысла, в свою очередь, обязывает рассматривать беженцев и беженство через призму самых разных источников. Их градация посредством общепринятой для российской источниковедческой традиции видовой классификации видится нам безусловно возможной, но далеко не самой удачной. Задокументировать картину беженства так или иначе пытались самые разные исторические акторы, предельно рассеянные по его территории. В связи с этим при формировании источниковой базы исследования наиболее рациональной нам представляется ее сегментация не по функции документов, которые, собственно, и фиксирует видовая классификация, а по их авторству. Исходя из этого, в отдельные группы источников могут быть выделены: 1) документы всевозможных государственных ведомств и служб, экспонирующие ту бюрократическую реальность, которой постепенно «обрастал» беженский вопрос; 2) материалы, связанные с деятельностью занимавшихся беженцами общественных организаций и объединений; 3) публикации, размещенные на страницах разнообразных периодических изданий; а также 4) эго-документы и художественная литература, демонстрирующие субъективные модели восприятия беженцев и беженства. Причем в рамках нашего исследования предпочтение изначально было отдано документам 2–4 групп, а не традиционным для таких случаев планам, отчетам и переписке разновеликих официальных канцелярий, присутствий и столов⁴. Такой подход к выбору источников позволил, как нам

⁴ Примечательно, что использование таких документов характерно не только для исследовательской литературы, посвященной беженцам, но и для документальных изданий. См., напр.: Когда рушились государства: судьба российской провинции в контексте Первой мировой войны: сб. документов и материалов. Томск, 2015. Т. 2. С. 162–210.

представляется, вывести изучение российского беженства за рамки этатистского подхода, что, в свою очередь, дало возможность реконструировать на страницах данной книги именно историю беженства, а не историю государственной политики в отношении беженцев.

С выбором источников напрямую оказался связан и выбор инструментов для нашего исследования, которое изначально обещало быть состоятельным только при условии его междисциплинарности. Историческая демография, экономика фронта и тыла вооруженных сил, историческая антропология, социальная психология и др. — эти и другие области и «подобласти» гуманитарного знания стали опорой как для отдельных глав нашей книги, так и для ее концепции в целом.

Между тем, в процессе исследования российского беженства 1914–1922 гг. нам показалось логичным и полезным обратиться к использованию наработок еще и так называемой теории практик. Она, породив очередной — «прагматический» или «критический» — поворот в западной гуманитаристике, противопоставляет представлениям о структурно-функциональной, экономической, социальной или культурной детерминированности деятельности людей картину, на которой процессы воспроизводства и изменений актуальной реальности экспонируются через активную коллективную человеческую деятельность⁵. Настоящая исследовательская перспектива ориентирует историка не на общетеоретический анализ явлений прошлого (как, например, в марксизме), а на исследование практик (usages), понимаемых как искусство решения практических задач в ситуации неопределенности. Думается, что такой подход позволяет не только ответить на вопрос, что из себя представляло российское беженство 1914–1922 гг., но и увидеть, кем и как оно конструировалось, какие мотивы, решения и приемы сделали его тем, чем оно стало в конечном итоге⁶.

Подчеркнем также, что в своих изысканиях, посвященных беженцам и беженству, нам казалось важным оценить их влияние на российское общество 1914–1922 гг. в целом, а также траектории его дальнейшего развития. По этой причине важной составляющей

⁵ См. подробнее: Волков В.В. О концепции практик(и) в социальных науках // Социологические исследования. 1997. № 6. С. 9–24; Волков В.В., Хорохордин О.В. Теория практик. СПб., 2008.

⁶ См.: Гренье Ж.-И. Размышления о «критическом повороте» // Одиссей: Человек в истории. 2005. С. 138–151.

своей работы мы видели поиск оптимального баланса между контекстуализацией и деконтекстуализацией изучаемых нами явлений и процессов.

Очевидно, что объективно синтетический характер формирования источниковой базы нашего исследования, а также его методологической оснастки серьезно обостряет проблему его субъективности. Дабы нивелировать ее градус, в основу нашей книги совершенно сознательно был положен принцип гиперцитирования различных документов и материалов, сформированных как изучаемой эпохой, так и историографической традицией. Синхронизируя голоса эпохи и голоса тех историков, которых она заинтересовала, мы надеялись тем самым не просто найти пресловутую историческую правду. Мы надеялись показать, что беженство тогда и беженство сейчас — это разные беженства, дистанцию между которыми каждый исследователь определяет сам, исходя прежде всего из уровня своей исследовательской культуры.

ГЛАВА I

РОССИЙСКОЕ БЕЖЕНСТВО В КОНТЕКСТЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИЙ¹

Несмотря на истекшие десятилетия с момента окончания Первой мировой войны, одного из крупнейших международных конфликтов XX века, она до сих пор остается объектом пристального внимания со стороны многих отечественных и зарубежных исследователей. Отечественная историография Первой мировой войны развивалась по следующим основным направлениям: военно-историческому, внешнеполитическому, истории социалистического движения, истории стран Запада во время войны. Еще одно направление фокусировалось на изучении экономических и социальных аспектов истории России в связи с участием ее в войне². Однако, несмотря на несомненные достижения отечественной исторической науки, как справедливо отметил Г.З. Йоффе еще в 2001 г., «в изучении социально-экономических пертурбаций военных лет освещены еще не все грани такой проблемы, как ... беженство»³.

Излишне говорить о том, что в советской историографии история России поздней имперского периода рассматривалась главным образом в свете вызревания предпосылок для победы Октябрьской революции 1917 г., а период Первой мировой войны трактовался как время революционного кризиса. Советские историки и экономисты, движимые задачей всесторонне осветить исторические предпосылки Октября, неизменно проявляли значительный интерес к вопросам социально-экономического положения страны в военные годы. Ими был «поднят» громадный архивный материал, тщательно конкретно-исто-

¹ Частично опубликовано в: Суржикова Н.В., Михалев Н.А., Пьянков С.А. Российское беженство 1914–1922 гг. в контекстах новейших отечественной и зарубежной историографий // Вестник Пермского университета. Сер. История. 2012. № 3(20). С. 140–152.

² Козенко Б.Д. Отечественная историография Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2001. № 3. С. 3–27.

³ Йоффе Г.З. Выселение евреев из прифронтовой полосы в 1915 г. // Вопросы истории. 2001. № 9. С. 85.

рическому исследованию подверглись военная экономика русской промышленности, влияние войны на сельское хозяйство, деятельность монополий и банков, финансовое положение России, экономическая политика царского и Временного правительства⁴. Вполне естественно при этом, что беженцы (в отличие от рабочих и крестьянства) как группа, имевшая слабую связь с деятельностью политических организаций или с революционным движением, не попадала в поле зрения советских историков, в связи с чем советская историография беженство как особую социальную и гуманитарную проблему не формулировала, а следовательно — и не изучала специально. Показательно, что в итоговом докладе А.Л. Сидорова, В.И. Бовыкина и П.В. Волобуева «Экономические и социальные проблемы Первой мировой войны», представленном в связи с 50-летием начала войны, о проблеме российского беженства не было сказано ни слова⁵.

Все это, однако, не означало, что о беженцах советская историческая наука совсем ничего не знала. Исследования беженства, не имея самостоятельного характера, «факультативно» проводились в рамках изучения наиважнейшего для советской историографии вопроса «как наступала революция?» Проигнорировать эту проблему позволил себе только Е.З. Волков, в демографическом исследовании которого была предпринята попытка оценить суммарные показатели численности беженцев, и кроме того — динамику их погодного прибытия, убытия и окончательного наличия⁶. Выделяя три области беженства (Кавказ, Белорусско-прибалтийский край и Западную Украину), автор вслед за М.М. Граном отметил, что беженство периода империалистической войны охватило 10, а возможно даже 15 млн человек⁷. Основываясь на весьма оригинальной методике, исследователь отнес к наиболее динамичным периодам развития беженского движения 1916 г.

⁴ См., например: Сидоров А.Л. Некоторые проблемы российского капитализма в советской исторической науке // Вопросы истории. 1961. № 12. С. 26–62; Тарновский К.Н. Советская историография российского империализма. М., 1964; Великий Октябрь. История, историография, источниковедение. М., 1978; Советская историография Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1981; и мн. др.

⁵ Сидоров А.Л., Бовыкин В.И., Волобуев П.В. Экономические и социальные проблемы первой мировой войны // Первая мировая война. 1914–1918. М., 1968. С. 179–191.

⁶ См.: Волков Е.З. Динамика народонаселения СССР за восемьдесят лет. М.; Л., 1930. С. 68–75.

⁷ Гран М.М. Опыт изучения санитарных последствий войны 1914–1917 гг. в России // Труды Комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914–1920 годов. Вып. 1. Пг., 1923. С. 37.

и 1917 г., для которых были характерны наиболее высокие погодные приросты беженцев⁸. И несмотря на то, что в современных исследованиях пиком беженского кризиса, как правило, называется 1915 г., цифровые показатели, выведенные Е.З. Волковым, остаются непоколебимыми (см. подробнее гл. II).

Таковыми же непоколебимыми остаются актуализированная советскими историками статистика трудового использования беженцев, а также его ключевые характеристики. По данным А.М. Анфимова, Т.М. Китаниной, И.В. Маевского, А.П. Погребинского и других советских классиков экономической — и не только экономической — истории⁹, в качестве рабочей силы беженцы прежде всего использовались в сельском хозяйстве.

«... Значительная, если не подавляющая часть беженцев не могла быть использована в промышленном производстве, так как не обладала нужной квалификацией. Подавляющая часть беженцев, происходивших из крестьян, торговцев, ремесленников и лиц свободных профессий, была использована в учреждениях, в сельском хозяйстве и в торговых предприятиях. В промышленность попало не больше 250–300 тыс. человек»,

— конкретизировал И.В. Маевский¹⁰. Сопоставимых показателей — 240 тыс. человек — статистика беженского труда в сельском хозяйстве достигла уже в июне 1916 г., впоследствии только прогрес-

⁸ Волков Е.З. Указ. соч. С. 75.

⁹ См.: Анфимов А.М. Российская деревня в годы первой мировой войны (1914 — февраль 1917 г.). М., 1962; Большаков В.Н. Источники пополнения рабочей силы в промышленности Сибири в годы первой мировой войны // Промышленность и рабочие Сибири в период капитализма. Новосибирск, 1980; Волобуев П.В. Пролетариат и буржуазия России в 1917 г. М., 1964; Гапоненко Л.С. Рабочий класс в 1917 г. М., 1970; Казаков А. Экономическое положение сельскохозяйственного пролетариата до и после Октября. М., 1930; Кирьянов Ю.И. Влияние первой мировой войны на изменение численности и состава рабочих России // Вопросы истории. 1960. № 10; Китанина Т.М. Война, хлеб и революция: Продовольственный вопрос в России. 1914 — октябрь 1917 г. Л., 1985; Маевский И.В. Экономика русской промышленности в условиях первой мировой войны. М., 1957; Погребинский А.П. Сельское хозяйство и продовольственный вопрос в России в годы первой мировой войны // Исторические зап. 1950. Т. 31; Рашин А.Г. О численности и территориальном размещении рабочих России в период капитализма // Исторические зап. Т. 46; Тарновский К.Н. Формирование государственно-монополистического капитализма в России в годы первой мировой войны (на примере металлургической промышленности). М., 1958; Таяев А.П. Вводный очерк // Рабочий класс Урала в годы войны и революции. Свердловск–М., 1927. Т. 1; Шестаков А. Очерки по сельскому хозяйству и крестьянскому движению в годы войны и перед Октябрем 1917 г. Л., 1927; Шигагин Г.И. Военная экономика в первую мировую войну (1914–1918). М., 1956; и др.

¹⁰ Маевский И.В. Указ. соч. С. 322.

сируя¹¹. При этом основным «потребителем» беженского труда стало не мелкое крестьянское, а крупное частновладельческое хозяйство, где труд новой категории сельскохозяйственных рабочих применялся в 20 раз чаще¹².

Т.М. Китанина, уделив особое внимание импровизационному характеру политики, проводимой в отношении беженцев в целом, подчеркнула, что «условия найма беженцев определялись стихийно, без какого бы то ни было учета их квалификации, а порой и профессии. Иного положения и быть не могло, ибо и условия труда, и условия быта беженцев мало кого интересовали»¹³. Вместе с тем, определенная тенденция в организации трудового использования беженцев развивалась, по мнению советских исследователей, совершенно отчетливо, превращая его в практически принудительный.

«... Привлечение беженцев к работе не всегда базировалось на их добровольном согласии. Было немало случаев, когда они привлекались к работе любого характера в полупринудительном и принудительном порядке. Беженцы, отказавшиеся от работы в промышленных предприятиях, рассматривались как “лентяи, не желавшие своим участием в труде окупить тот продовольственный паек, который они получали от правительственного комитета”. Применялось экономическое давление: в случае отказа от работы беженцев лишали продовольственного снабжения. Комитеты, призванные защищать интересы беженцев, хотя и жаловались на низкую зарплату беженцев, тем не менее заявляли, что не может быть и речи об уклонении беженцев от труда на нужды войны. Под предлогом заботы о “трудовом устройстве беженцев” на них была организована по существу своеобразная охота, которой занимались не только агенты промышленных предприятий, но и всякого рода общественные и благотворительные организации типа Татьянинского комитета, которые, живя подачками промышленных корпораций, старательно выполняли их заказ по “трудовому устройству беженцев”. Бюро труда по устройству беженцев на работу, учрежденные при земских и городских комитетах, при Татьянинском, Еврейском, Польском и других комитетах помощи беженцам, начали даже конкурировать между собой по устройству их на работу. В результате конкуренции между указанными комитетами стала понижаться заработная плата не только беженцев, но и других

¹¹ Погребинский А.П. Указ. соч. С. 43.

¹² Анфимов А.М. Указ. соч. С. 195; Китанина Т.М. Указ. соч. С. 58; Погребинский А.П. Указ. соч. С. 43.

¹³ Китанина Т.М. Указ. соч. С. 51.

категорий рабочих, что вызвало у последних резкое неудовольствие беженцами и их “устроителями”»,

— характеризовал И.В. Маевский итоги эксперимента по интеграции беженцев в трудовые процессы¹⁴. Оценивая этот опыт как негативный, П.В. Волобуев подчеркнул, что он не только не помог компенсировать в полной мере потери, происшедшие в кадрах рабочих промышленных предприятий, а, напротив, способствовал «понижению качественного состава всей рабочей массы»¹⁵. На селе наблюдалась аналогичная картина:

«По данным всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г., использование труда военнопленных и беженцев лишь на 23 % восполняло потребность в рабочей силе, которую испытывало помещичье хозяйство... Сельскохозяйственная печать подчеркивала, что применение труда военнопленных и беженцев “лишь в незначительной степени может восполнить убыль, произведенную среди рабочего населения мобилизациями”... К тому же труд военнопленных и беженцев был менее производителен»¹⁶.

Консолидированную позицию советских историков, видевших в беженском труде, скорее, угрозу, нежели спасение для экономики, по существу следует признать вполне объективной и в целом соответствующей традиционной оценке принудительного труда — оценке, в основе которой лежит идея деградации культуры производства под влиянием на нее преимущественно административного, а не рыночного регулирования. В этой связи результаты исследований историков марксистско-ленинской школы совсем не выглядят чрезмерно идеологизированными, что сохраняет их значение до сегодняшнего дня.

Между тем, очевидно, что те или иные изыскания, связанные с беженской темой, в советский период носили инструментальный характер, и изучение проблемы российского беженства 1914–1922 гг. как самостоятельной — причем именно беженства, а не беженцев — долгие годы оставалось проектом. Не будет преувеличением сказать, что его реализация началась совсем недавно, когда Первая мировая война вышла, наконец, из тени событий 1917 г. и превратилась в автономную область исследования. При этом на интернациональном уровне сразу было признано, что забытая на долгие годы Великая европей-

¹⁴ Маевский И.В. Указ. соч. С. 321–322.

¹⁵ Волобуев П.В. Указ. соч. С. 24.

¹⁶ Погребинский А.П. Указ. соч. С. 43.

ская война своей «великостью» обязана не только беспрецедентной географии военных действий, но и масштабным перемещениям гражданского населения. При этом следует отметить, что «узкоспециальный» научный интерес к беженству возник в России и за ее пределами практически одновременно и в самом общем виде может быть датирован 1990-ми гг., когда на суд широкой общественности были представлены серии работ П. Гетрелла¹⁷ и А.Н. Курцева¹⁸. Однако своими «возрастными» характеристиками близость отечественной и зарубежной традиций изучения беженцев и беженства, пожалуй, и исчерпывается. Что же касается их очевидных различий, то прежде всего они лежат в плоскости теоретико-методологических «пристрастий» современных российских и нероссийских авторов.

Пренебрегая всяческими сложными конструктами и неудобопонятными терминологическими изысками, можно сказать, что история российских беженцев на их родине воспроизводится главным образом в русле внешней по отношению к собственно беженцам истории, написанной как бы «снаружи» и «сверху». В эпицентр исследования тем самым помещаются организации и лица, имевшие прямое или косвенное отношение к делу управления и помощи беженцам, тогда как сами мигранты в виде некой имперсональной группы отходят на второй план. Другим интегрирующим фактором для отечественных вариатив историописания российского беженства является «провин-

¹⁷ См.: Гетрелл П. Беженцы и проблемы пола в России во время Первой мировой войны // Россия и Первая мировая война: материалы Междунар. научн. colloquium. СПб., 1999. С. 112–128; Он же. Беженцы Первой мировой войны в России // Исторические записки. М., 2001. № 4. С. 46–72; Он же. (Не)обыкновенная Первая мировая война 1914–1917 гг.: взгляд на концепцию “беженство” // Ab Imperio. 2001. № 4. С. 29–41; Gatrell P. Der Krieg, die Flucht und die Nation. Das Flüchtlingsdrama im Zarenreich und die Folgen, 1914–1920 // Osteropa. 2014. Bd. 64. H. 2–4. S. 185–196; Idem. Refugees in the Russian Empire, 1914–1917 // Critical Companion to the Russian Revolution, 1914–1921. London–Sydney–Auckland, 1997. P. 554–564; и др.

¹⁸ См.: Курцев А.Н. Беженцы первой мировой войны в Курской губернии. 1914–1917 гг. // Курские тетради. Курск и куряне глазами ученых. Вып. 1. Курск, 1997. С. 70–98; Он же. Беженцы Первой мировой войны на территории Центрального Черноземья в 1914–1917 гг. // Проблемы исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья и Запада России. Липецк, 1998. С. 80–88; Он же. Беженцы первой мировой войны в России (1914–1917) // Вопросы истории. 1999. № 8. С. 98–113; Он же. Беженство // Россия и Первая мировая война: материалы Междунар. научн. colloquium. С. 129–146; Он же. Военные беженцы в городах России (1914–1917 гг.) // Культура городов Российской империи на рубеже XIX–XX вв. СПб., 2004; Он же. Количество беженцев в российских регионах на 1916–1917 гг. // Юг России в прошлом и настоящем: история, экономика, культура: сб. научн. тр. IV Междунар. научн. конф. в 2 т. Т. 2. Белгород, 2007. С. 127–135; и др.

циализация» научного поиска, обнаруживающаяся в очевидном доминировании среди специальных исследований темы регионально ориентированных работ¹⁹. Их тексты при этом зримо стабилизировались в рамках практически «универсального нарратива», не претендуя на сколько-нибудь ошутимое сюжетное разнообразие. Однако секвестрированная таким образом российская историография беженства, трактуемого не иначе как через призму событийной, чистай, политической истории, исключительно едких замечаний явно не заслуживает. По контенту рассматриваемых проблем она распадается на ряд весьма содержательных историй и подысторий беженства, за иерархией которых скрывается любопытная иерархия его альтернативных контекстуализаций.

¹⁹ См., напр.: Абраменко В.А. Беженцы из Прикарпатья в области Войска Донского в 1914–1920 гг. (на материале фондов Государственного архива Ростовской области) // Русин. 2018. № 3 (53). С. 33–49; Алферова И.В., Фишер Е.С. «Принять», «организовать», «устроить»...: беженцы в Орловской губернии (июль–август 1915 г.) // Вестн. Брянского государственного ун-та. 2018. № 1 (35). С. 9–18; Васильев М.В. Беженцы Первой мировой войны и Псковская губерния // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. 2014. № 40. С. 170–184; Габдрафикова Л.Р. Беженцы в Казанской губернии в эпоху революций // 1917 год в истории России и судьбах народов Поволжья: материалы Межрегион. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2018. 100–107; Гулин А.О. Беженцы на территории Владимирской, Костромской и Ярославской губернии в годы Первой мировой войны // Вестн. Костромского государственного ун-та им. Н.А. Некрасова. 2015. Т. 21. № 5. С. 24–28; Кривоноженко А.Ф. Беженцы в Карелии во время Первой мировой войны // Ученые записки Петрозаводского государственного ун-та. 2020. Т. 42. № 8. С. 62–71; Масалимов А.С., Масалимов Т.С. Беженцы и военнопленные Первой мировой войны в Уфимской губернии // Вестник ВЭГУ. 2007. С. 31–32. С. 145–151; Матвеев В.А. Беженцы Первой мировой и Гражданской войны на Юге России // Исторические и социальные аспекты модернизации России в XIX — начале XXI в. Ростов-на-Дону; Таганрог, 2017. С. 171–186; Тарасов А.В. Беженцы в Вятской губернии в период Первой мировой войны // Немцы в России: взгляд из провинции: сб. материалов III Всерос. научн. конф. с международным участием. Киров, 2015. С. 14–17; Тимофеева Е.Г., Лебедев С.В. Беженцы великой войны в Астраханской губернии 1915–1918 гг. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2014. № 4 (41). С. 288–295; Фролова К.В. Беженцы Первой мировой войны в Самарской губернии (1914 — начало 1920-х гг.) // XX век и Россия: общество, реформы, революции. 2017. № 5. С. 75–96; Чернолуцкая Е.Н. Военнопленные и беженцы Первой мировой войны на российском Дальнем Востоке и их репатриация // Исторический опыт освоения Дальнего Востока. Вып. 3: Проблемы истории, социально-экономического и культурного развития / отв. ред. А.П. Деревянко. Благовещенск, 2000. С. 137–143; Шмакова Н.Н. Беженцы на Южном Урале в условиях Первой мировой войны // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история: сб. статей по материалам XX Междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2013. С. 122–123; Щетинина А.С. Беженцы Первой мировой войны на Алтае (1917–1930-е гг.) // III научные чтения памяти Ю.С. Булыгина: сб. научных трудов / под ред. Ю.М. Гончарова, В.Н. Владимирова. Барнаул, 2005. С. 111–116; Юдин С.О. Беженцы в Пензенской губернии в годы Первой мировой войны // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2016. № 3 (39). С. 63–73; и мн. др.

Одним из приоритетных направлений обследования российского беженства 1914–1922 гг. остается его географо-переселенческая составляющая²⁰. При этом как проблема миграционная беженство не просто встраивается в контекст сопутствующих ему аналогов, но и рассматривается как явление, само по себе предполагающее различные контексты. Обобщая материалы общероссийского уровня, курский историк А.Н. Курцев, одним из первых обратившийся к ретроспективной проблематике²¹, анализирует не только количественные параметры беженского потока, но и его композицию.

Итогом рассмотрения беженства в рамках предложенной А.Н. Курцевым логики стал ряд альтернативных периодизаций перемещений гражданского населения в России в 1914–1922 гг., что в свою очередь привело к формированию альтернативных же трактовок структуры беженских масс и их веса в общем потоке мигрантов. Так, В.В. Хасин, подразделив миграции на естественные и искусственные, выделил их четыре различные формы: стихийные, беженство, депортации и переезд по разрешению. По мысли автора, для естественного типа миграций были характерны главным образом стихийные «исходы» жителей с мест постоянного проживания, для искусственного типа — депортации, в то время как беженство и переезд по разрешению объединяли признаки обоих типов перемещений. Собственно беженское движение включало при этом волну массового перемещения мигрантов (июль–декабрь 1915 г.), их глубокого погружения в новую среду (конец 1915 — конец 1916 гг.) и, наконец, нарастающей стихийной миграции (с конца 1916 г.). Детализируя представления о беженстве, его первый этап автор описывает в эпитетах «механического

²⁰ См.: Горелов Ю.П. Прием беженцев в Сибири в годы Первой мировой войны // Сибирь: XX век: межвуз. сб. научн. трудов. Вып. 4. Кемерово, 2002. С. 66–73; Гулидов А.Ю. Размещение беженцев на территории Владимирской губернии в годы Первой мировой войны // Ярославский педагогический вестн. 2011. Т. 1. № 1. С. 32–35; Нам И.В. Численность и национальный состав беженцев в Сибири в годы Первой мировой войны // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири: IV научн. чтения памяти проф. А.П. Бородавкина: сб. научн. трудов. Барнаул, 2003; Ростов Н.Д., Горелов Ю.П. Прием беженцев в г. Иркутске и Иркутской губернии в годы Первой мировой войны // Известия лаборатории древних технологий. 2015. № 4 (17). С. 86–89; Соколова В.И., Харитонова С.Б. Размещение и трудоустройство эвакуированных и беженцев в Симбирской губернии в годы Первой мировой войны // Вестн. Чувашского университета. 2013. № 2. С. 53–61; Щеров И.П. Миграционная политика России в 1914–1922 гг. Смоленск, 2000; и мн. др.

²¹ Курцев А.Н. Историческая социомобильность и многообразие миграций населения Центрального Черноземья в 1861–1917 гг. // Вестн. Российского ун-та дружбы народов. Сер.: История России. 2008. № 3(13). С. 82–92; и др. (см. выше).

передвижения», предполагающего физическое перемещение жителей одних губерний в другие; второй этап, связанный с деформацией местного социально-экономического и демографического ландшафта, характеризуется как «инерционная стадия»; третий, явившийся следствием отторжения пришлого населения, — как «механическое перемещение»²². Однако настоящая попытка структурировать беженство, одновременно оперируя «разнокоренными» понятиями массовости, стихийности, погруженности и т.д., не обнаруживает прозрачных критериев определения его механики и, соответственно, едва ли может считаться успешной.

Прочие варианты помещения беженства в классификации миграций военного времени страдают схожими «болезнями». А.С. Щетинина²³, к примеру, разделила вынужденные миграции Первой мировой войны в России на две группы: 1) миграции, обусловленные государственным принуждением, к каковым относятся принудительные (под угрозой применения силы), насильственные (при непосредственном применении силы) и добровольно-вынужденные (административное принуждение без силовых действий); 2) миграции, обусловленные влиянием неблагоприятных условий, включающие индивидуальные, самостоятельные (без участия государства) и организованные (при помощи государства). Очевидно, что такой подход к проблеме перемещений гражданского населения минимизирует их связь с конкретно-историческими реалиями Первой мировой войны, будучи практически универсальной рамкой для теоретического описания миграций вообще.

Более «аутентичную» модель недобровольных миграций россиян предложила А.С. Кузьменко²⁴, различая в порожденных Первой мировой войны людских потоках такие слагаемые, как беженство, вынужденная миграция и депортация. Критерии такого подразделения следует искать в источниках того времени и прежде всего — в законе от 30 августа 1915 г., согласно которому беженцами признавались «лица, оставившие местности, угрожаемые неприятелем или им уже занятые, либо выселенные распоряжением военных или гражданских

²² Хасин В.В. Миграционные процессы в Российской империи в Первую мировую войну (по документам Нижнего Поволжья): дисс. ... канд. ист. наук. Саратов, 1999. С. 154.

²³ Щетинина А.С. Беженцы на юге Западной Сибири 1914–1923 гг.: источники и методы изучения: дисс. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2007.

²⁴ Кузьменко А.С. Недобровольные мигранты в Восточной Сибири в 1914 — феврале 1917 гг. (по материалам Енисейской и Иркутской губерний): дисс. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2010.

властей, а также выходцы из враждебных России государств»²⁵. Проблема, правда, состоит в том, что отмеченные в указанном документе импульсы перемещения населения с трудом выстраиваются в систему рядоположенных «вещей», требуя дополнительных пояснений. Следует ли удивляться, что, говоря о беженстве, А.С. Кузьменко вынуждена подчеркивать, что как особый вид недобровольной миграции оно предполагало наиболее «добровольное» решение о переселении, принимавшееся «под давлением приближения театра военных действий к населенным пунктам, когда мирные жители самовольно покидали территорию». В конце концов исследователь вообще приходит к заключению, что «провести четкую линию, отграничивающую вынужденного переселенца от беженца, не представляется возможным — учет, который велся в те годы, не включал в себя необходимой информации», а потому «численность и вес каждой из двух частей миграционного потока в отдельности друг от друга подсчитать ... нельзя», равно как и составить «полную количественную характеристику депортационной части потока»²⁶.

Очевидно, таким образом, что попытки так или иначе категоризировать беженство, полагаясь прежде всего на его географо-переселенческие «параметры», постоянно менявшиеся количественно и качественно, как правило, обнаруживают свою ограниченность. Больше того, они обнаруживают, что сам термин «беженцы» далек от строго определения и общего, конвенционального понимания. В связи с этим российская историография также оказалась далека и от того, чтобы снять вопрос о соотношении таких категорий, как беженцы и высленцы, то объединяя их, то разъединяя²⁷. Ю. Бахурин, попытавшийся справиться с этой задачей, просто остался в одиночестве, не встретив ни поддержки, ни возражений со стороны российских коллег²⁸.

²⁵ Законы и распоряжения о беженцах. Вып. I. М., 1916. С. 2.

²⁶ Кузьменко А.С. Указ. соч. С. 75, 77, 147; и др.

²⁷ См., напр.: Златина М.А. Еврейские беженцы в Черниговской губернии: проблема повторного выселения (1915 г.) // Евреи Европы и Ближнего Востока: наследие и его ретрансляция. История, языки, литература, культура: материалы Междунар. научн. конф. Сер. «Труды по иудаике. История и этнография». СПб., 2017. С. 127–133; Катцина Т.А. «Нуждаемся во всем...»: положение высленцев Первой мировой войны в Восточной Сибири // Вестн. Красноярского государственного педагогического ун-та им. В.П. Астафьева. 2013. № 4 (26). С. 204–207; Орехова Н.А. Евреи высленцы и беженцы в Енисейской губернии в годы Первой мировой войны // Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке: история и современность: материалы V региональной науч.-практ. конф. Красноярск, 2004. С. 60–67; и др.

²⁸ См.: Бахурин Ю.А. Вынужденные переселения из западных окраин России в период Первой мировой войны (1914–1917 гг.): проблемы терминологии и причин // Великая и забытая: Материалы Междунар. научно-практ. конф. Калининград — Гусев, 2013. С. 82–93.

Кроме того, исследования, абсолютизирующие беженство как явление миграционное, обходят стороной тему влияния беженских потоков на социально-демографическую динамику регионов выбытия и прибытия, причем не только в краткосрочной, но и среднесрочной перспективе. «Регионализируя» беженство и фокусируясь на «квантитативных» характеристиках его частей, отечественные исследователи никак не касаются и явственно обозначившейся при этом проблемы его воздействия на представления «пришельцев» и «аборигенов» о пространстве и территории²⁹. Впрочем, это лишь подтверждает тот факт, что новации теоретико-методического плана и, в частности, перспективы «пространственного поворота», остаются для большинства отечественных исследователей — и не только исследователей беженства — *terra incognita*³⁰.

Другое измерение российского беженства 1914–1922 гг., безусловно связанное с первым, в самом общем виде может быть обозначено как измерение этническое³¹. Оно актуализировалось в общем для отечественной исторической науки процессе «академизации» этничности, запущенном в начале 1990-х гг. и проявившемся в резком увеличении числа тематически этноориентированных научных форумов,

²⁹ См. об этом, напр.: Baron N. *New Spatial Histories of Twentieth Century Russia and the Soviet Union: Surveying the Landscape* // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2007. № 55 (3). P. 374–400; Idem. *New Spatial Histories of 20th-Century Russia and the Soviet Union: Exploring the Terrain* // *Kritika. Explorations in Russian and Eurasian History*. 2008. № 9 (2). P. 433–448; и др.

³⁰ Редким исключением из этого правила является работа: Нарский И.В. Революция и реорганизация пространства (на примере Урала 1917–1922 гг.) // *Пути России: преемственность и прерывистость общественного развития*. Т. XIV. М., 2007. С. 281–289.

³¹ См.: Арутюнян А.А. Первая мировая война и армянские беженцы (1914–1917 гг.): дисс. ... канд. ист. наук. Ереван, 1989; Златина М.А. Проблема еврейского беженства в России в период Первой мировой войны: дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2010; Утгоф В.С. Белорусские беженцы Первой мировой войны в 1914–1922 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2003. См. также: Апушкина О.Б., Кривчикова Л.Г. Польские беженцы на территории Рязанской губернии в начале XX века // *Материалы и исследования по рязанскому краеведению: сб. науч. работ*. Т. 4. Рязань, 2003. С. 99–109; Иванов Д.А. Поддержка беженцев немецкого происхождения жителями села Ней-Галка Новоузенского уезда Самарской губернии в период Первой мировой войны // *Материалы научной сессии, г. Волгоград, 20–24 апр. 2015 г. Волгоград, 2015*. С. 5–7; Кищенко М.С. Еврейские диаспоры в годы Первой мировой войны на территории Ярославской губернии // *Ярославский педагогический вестн.* 2011. № 1. Т. 1. С. 329–333; Мкртчян Л.Г. Армянские беженцы в Самарском крае в 1915–1920-е гг. // *Вестн. Самарского ун-та. История, педагогика, филология*. 2019. Т. 25. № 2. С. 30–35; Сулимов В.С. Политика государства в отношении обучения поляков-беженцев в Западной Сибири в годы Первой мировой войны // *Политика, государство и право*. 2014. № 7 (31). С. 37–40; Тишкина К.А. Еврейские организации Западной Сибири в годы Первой мировой и Гражданской войн и проблема еврейских беженцев // *Научный диалог*. 2020. № 5. С. 465–481; и др.

кандидатских и докторских диссертаций, сборников статей и специальных исследований. Вместе с тем, «национализация» беженства вполне исторична еще и сама по себе. Действительно, политика, проводимая в отношении и беженцев, и пленных³², обнаруживая в своих проявлениях зримые этнонациональные асимметрии, беспроблемно вписывалась в осуществлявшийся правительством в годы войны курс на «мобилизацию этничности»³³, который, в свою очередь, базировался на выработанной еще в довоенный период концепции «дружественных» и «враждебных» национальностей³⁴.

Неравнозначное отношение властей к армянам, белорусам, евреям, латышам, немцам, полякам и другим этническим группам беженцев серьезно осложняет проблему их объединения под общей «вывеской», поскольку в иерархии «надежных» и «подозрительных» народностей они занимали разные места. В самом ее низу, как известно, находились евреи и немцы, подозревавшиеся в политической неояльности и «шпионстве» и в этой связи ставшие жертвами откровенно дискриминационной политики³⁵. Локализация этих сюжетов

³² См. об этом, напр.: Суржикова Н.В. Российский плен 1914–1917 гг. как пространство политико-идеологических манипуляций: теории центра и практики периферии // *Cahiers du Monde russe*. 2012. № 53/1. P. 247–266.

³³ Термин Марка фон Хarena. См.: Von Hagen M. The Great War and the Mobilization of Ethnicity in the Russian Empire: Conflict and State-Building // *Post-Soviet Political Order*. London, 1998. P. 34–57.

³⁴ См. об этом: Кадио Ж. Лаборатория империи: Россия/СССР, 1860–1940. М., 2010; Миллер А. Империя Романовых и национализм. М., 2008; Могильнер М. *Homo imperii*. История физической антропологии в России. М., 2008 г.; Холквист П. Вычислить, изъять и истребить: Статистика и политика населения в последние годы царской империи и в Советской России // *Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина*. М., 2011. С. 139–179; Он же. Тотальная мобилизация и политика населения: российская катастрофа в европейском контексте (1914–1921) // *Россия и Первая мировая война: материалы Междунар. научн. colloквиума*. СПб. 1999. С. 83–100; Sanborn J.A. Drafting the Russian Nation: Military Conscription, Total War, and Mass Politics, 1905–1925. DeKalb, 2003; и др.

³⁵ См. об этом, напр.: Бахтурина А.Ю. «Лучше пусть немцы разорятся, чем будут шпионить»: немцы-колонисты и российское общество в годы «германской» войны // *Новый исторический вестник*. 2013. № 35. С. 6–32; Гольдин С. Русское командование и евреи во время Первой мировой войны: причины формирования негативного стереотипа // *Мировой кризис 1914–1920 годов и судьба восточноевропейского еврейства*. М., 2005. С. 29–47; Еврен и русская революция: материалы и исследования. М.; Иерусалим, 1999; Иоффе Г.З. Выселение евреев из прифронтовой полосы в 1915 г. // *Вопросы истории*. 2001. № 9. С. 85–97; Пивоварчик С. Трагедия Первой мировой войны: «евреи-шпионы» (по материалам Национального исторического архива Беларуси в Гродно) // *Мировой кризис 1914–1920 годов и судьба восточноевропейского еврейства*. С. 71–84; Соболев И.Г. Борьба с «Немецким засильем» в России в годы Первой мировой войны. СПб., 2004; и др.

в пределах фронта, то есть там, где они разворачивались во всей своей событийной красе, стала фактически отдельной темой исследований прежде всего благодаря усилиям таких исследователей, как А.Б. Асташов, А.Ю. Бахтурина, Ю.А. Бахурин и С.Г. Нелипович³⁶. Остается только пожалеть, что «этнизируя» беженство, отечественные исследователи, лишь относительно недавно включились в международную дискуссию о «политике населения» в познеимперской и Советской России³⁷, причем включились во многом «интуитивно», в основном рафинируя уже высказанные при этом оценки³⁸.

Однако исследования, на острие которых оказалась проблема соотношения беженства и этничности, не ограничиваются только теми работами, где выселенцы и беженцы позиционируются как манипулируемые жертвы. К этому блоку исследований также примыкают исследования, в которых показано, что помещение беженцев в этнокультурную среду оказалось мощным фактором осознания собственного отличия.

³⁶ См.: Асташов А.Б. Переселенческая политика военных властей России во время «великого отступления» 1915 г. // Россия и современный мир. 2018. № 1 (98). С. 63–77; Он же. Русская армия и население театра военных действий: массовые выселения в 1915 г. // Первая мировая война, Версальская система и современность. сб. статей / отв. ред. А.Ю. Павлов, А.В. Бодров, А.А. Малыгина. М., 2015. С. 19–29; Он же. Русская армия и немецкие колонисты в Польше в 1915 г. // Россия и Германия в годы Первой мировой войны: между безопасностью и гуманностью. М., 2019. С. 205–244; Бахтурина А.Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). М., 2004; Она же. Политика самодержавия в отношении немцев в прифронтовых районах в годы Первой мировой войны // Россия и Германия в годы Первой мировой войны: между безопасностью и гуманностью. С. 177–204; Бахурин Ю. Принудительные миграции еврейского населения России в годы Первой мировой войны: причины и последствия // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2011. № 1 (3). С. 50–56; Нелипович С.Г. В поисках внутреннего врага: Депортационная политика России в 1914–1918 гг. // Первая мировая война и участие в ней России. М., 1994. Т.1. С. 54–64; Он же. Генерал от инфантерии Н.Н. Янушкевич: «Немецкую пакость уволить, и без нежностей...» // Военно-исторический журнал. 1997. № 1. С. 42–49; Он же. Репрессии против подданных «Центральных держав»: Депортации в России, 1914–1918 // Военно-исторический журнал. 1996. № 6. С. 32–42; Он же. Роль военного руководства России в «немецком вопросе» в годы Первой мировой войны // Российские немцы: Проблемы языка, истории и современного положения. М., 1996. С. 262–283; и др.

³⁷ См. об этом подробнее: Иванов А.С., Михалёв Н.А. Этнические депортации населения СССР в современной зарубежной историографии // Вопросы истории. 2018. № 10. С. 162–175.

³⁸ Пример такого включения см.: Интернирование и депортации гражданского населения России и Германии в годы Первой мировой войны: политический, социальный и гуманитарный аспекты: Материалы междунар. круглых столов 17–18 октября 2019 г. и 26 ноября 2020 г. М., 2020.

«Несмотря на общую пассивность, белорусские беженцы осознали себя, как отдельную национальную группу, которая в условиях войны не только совместно преодолевала экономические трудности, но и предприняла ряд решительных шагов в развитии белорусского либерального движения»,

— отмечает, в частности, В.С. Утгоф, предлагая тем самым рассматривать беженцев как социознческую группу, способную к самоорганизации, консолидации и действию³⁹. Еще дальше пошла Е.Л. Назарова, говоря о самоорганизации перед лицом беженской проблемы латышского общества. По ее мнению, опыт этой самоорганизации дал латышам, как минимум, надежду на образование своей национально-территориальной автономии в составе Российского государства, а опыт создания национальных воинских формирований из латышей — и на обретение своей государственности⁴⁰.

Следующий контекст, в который «вписано» российское беженство 1914–1922 гг., связан с историей отечественной благотворительности, — историей, пережившей в постсоветский период настоящий исследовательский бум. При этом трудно не заметить, что при повышенном интересе к развитию российской благотворительности конца XIX — начала XX в.⁴¹ военная благотворительность как финальный аккорд в развитии дореволюционной отечественной благотворительности вообще постепенно обособляется в самостоятельную сферу

³⁹ Утгоф В.С. Указ. соч. Л. 167, 173.

⁴⁰ Назарова Е.Л. Латышский исход 1915–1917 гг. и национальная интеллигенция // История: Электронный научно-образовательный журнал. 2017. № 4 (58). С. 6; Она же. Национальный вопрос как фактор распада Российской империи. Латвия и Эстония на пути к независимости. 1914–1917 // Альманах североевропейских и балтийских исследований. 2018. № 3. С. 73–109.

⁴¹ См., к примеру: Власова А.В. Благотворительность на Урале во второй половине XIX — начале XX в.: дисс. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2004; Горбунова И.А. Становление общественного призрения на Дальнем Востоке России: 1884 — февраль 1917 г.: дисс. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2003; Фалько Е.И. Русское Женское Взаимно-благотворительное общество, 1885–1918 гг.: реконструкция документального комплекса: дисс. ... канд. ист. наук. М., 2003; Федулова А.В. Общественное призрение и благотворительность в Симбирской губернии во второй половине XIX — начале XX века: дисс. ... канд. ист. наук. Ульяновск, 2006; и др. См. также: Бочанова Г.А. и др. Очерки истории благотворительности в Сибири во второй половине XIX — начале XX в. Новосибирск, 2000; Пашенцева С.В. Правовой статус и структура женских благотворительных обществ России конца XIX — начала XX века. М., 1999; Ульянова Г.Н. Благотворительность в Российской империи, XIX — начало XX века. М., 2005; Хитров А.А. Дом Романовых и российская благотворительность. Вторая половина XIX — начало XX века (по материалам Санкт-Петербурга–Петрограда и Петербургской–Петроградской губернии). Калининград, 2004; и др.

изучения. Больше того, реконструируя реалии военного времени, современные специалисты не мыслят его полновесной картины без сюжетов, так или иначе связанных с призрением жертв войны⁴². Результатом всех этих изысканий можно считать заключение о том, что по сравнению с мирным временем благотворительность военных лет, получив самый широкий размах, стала едва ли не главным инструментом, с помощью которого государство пыталось «залатать» образовавшиеся в ткани социально-экономических отношений бреши или как минимум снизить остроту порожденных войной социально-экономических противоречий.

Очевидно, что, встраивая помощь беженцам в модель/модели российской благотворительности, современные исследователи вплотную подошли к тому, чтобы позиционировать беженство как особую гуманитарную проблему, предполагавшую решение комплекса неведомых доселе задач (обеспечение не только продовольствием и предметами первой необходимости, но и жильем, медицинской помощью, работой и т.д.)⁴³. Однако недостаточная от-refлексированность

⁴² Эта тенденция нашла свое выражение прежде всего в диссертационных исследованиях регионального плана: Алехин Д.В. Городское население Тамбовской губернии и Первая мировая война: июль 1914 — февраль 1917 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2003; Букалова С.В. Орловская губерния в годы Первой мировой войны: социально-экономические, организационно-управленческие и общественно-политические аспекты: дореволюционный период: июль 1914 — февраль 1917 года: дисс. ... канд. ист. наук. Орел, 2005; Гулидов А.Ю. Общественно-политическая жизнь российской провинции в годы Первой мировой войны: дисс. ... канд. ист. наук. Шуя, 2010; Рязанский И.В. Тыловая российская провинция в условиях Первой Мировой войны: Южный Урал в июле 1914 — феврале 1917 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2006; Суханова О.Н. Калужское земство в годы Первой мировой войны: дисс. ... канд. ист. наук. Владимир, 2012; и др.

⁴³ См.: Долинина Н.В. Система оказания помощи беженцам Первой мировой войны на территории Нижегородской губернии: от прибытия до эвакуации // Регионы мира: проблемы истории, культуры и политики: сб. статей / Сост. и гл. ред. А.А. Корнилов; отв. ред. А.А. Сорокин. Нижний Новгород, 2019. С. 199–205; Жукова Л.А. Организация медицинской помощи беженцам на Кавказском фронте в годы Первой мировой войны // Военно-медицинский журнал. 2008. Т. 329. № 3. С. 107–110; Жумадилова М.Т. Частно-государственное партнерство в организации приюта для беженцев в г. Новониколаевске // Молодежь XXI века: образование, наука, инновации: материалы VIII Всерос. студенческой науч.-практ. конф. с международным участием. В 2-х ч. / под ред. Н.Е. Лукьянова. Ч. 1. Новосибирск, 2019. С. 62–63; Карнишин В.Ю. Вызовы Первой мировой войны: продовольственный вопрос и обеспечение беженцев в деятельности местного управления средневоложских губерний // Наука. Общество. Государство. 2016. Т. 4. № 1 (13). С. 5–11; Косых В.И. Деятельность Забайкальского епархиального комитета по оказанию помощи беженцам духовного звания и ведомства в 1919–1920 гг. // Гуманитарный вектор. 2009. № 1. С. 85–92; Соловьева Е.А., Кобзоева Т.А. Возмещение убытков беженцам в годы Первой мировой войны // Власть. 2017. Т. 25. № 5. С. 204–209; Фофанова Н.П. Особенности трудового

данной проблемы как одной из ключевых для периода Первой мировой войны продолжает осложнять задачу определения места беженцев в иерархии жертв войны. В какой-то мере это относится и к выявлению специфических форм помощи беженцам, которые, безусловно, были. Требуя от российской благотворительности тех или иных инфраструктурных, логистических и прочих трансформаций, одной из таких специфических форм, очевидно, стала помощь детям-беженцам. Немногочисленные работы, посвященные этому вопросу, позволяют надеяться не только на автономизацию этого блока исследований, но и на историизацию других направлений и инструментов поддержки беженцев⁴⁴. Только тогда мы, наконец, получим возможность ответить на далеко не праздный вопрос о том, можно ли говорить о выработке в России концепции и системы помощи жертвам войны в целом и беженцам — в частности.

Тематическая «корзина», вмещающая в себя исследования беженства как ресурса для всевозможных гуманитарных инициатив, вплотную соприкасается с работами, которые с некоторой долей условности могут быть отнесены к управленческо-институциональным трактовкам проблемы беженства. Блокируясь в соответствии с хронологическим принципом вокруг дореволюционного или советского опыта управления перемещениями населения, указанные трактовки основываются на изучении деятельности государственных (Особого совещания по устройству беженцев, Центральной коллегии по делам пленных и беженцев и ее преемников), полугосударственных (Татьянинского комитета) и самостоятельных структур (Всероссийского Земского и Городского союза, национальных комитетов и т.д.). При этом наглядно показывается, что вплоть до октября 1917 г. в управление беженцами и, соответственно, в конструирование беженства были вовлечены самые разные органы, объединения и учреждения, деятельность

посредничества в России в период с 1915 года до Октябрьской революции 1917 года // Современное право. 2012. № 7. С. 158–163; и мн. др.

⁴⁴ См.: Бахурин Ю. «Одинокое с родины»: [Дети-беженцы Первой мировой в Московской губернии] // Родина. 2013. № 8. С. 139–141; Катцина Т.А., Пашина Н.В., Мезит Л.Э., Потапова В. Исторический опыт учебно-воспитательных практик для детей беженцев Первой мировой войны (на примере Енисейской губернии Российской империи) // Былые годы. Российский исторический журнал. 2019. Т. 3. № 53. С. 1394–1403; Микиртичан Г.Л. Организация помощи детям в годы Первой мировой войны // Российский педиатрический журнал. 2014. Т. 17. № 4. С. 61–64; Фомичев И.В. Благотворительная помощь детям-беженцам и детям-сиротам в годы Первой мировой войны // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та. 2015. № 25. С. 196–199; и др.

которых не носила четко скоординированного характера⁴⁵. Как результат, сферы их ответственности постоянно пересекались, создавая при этом условия для соперничества и конфронтации. Вместе с тем, так и не создав централизованной системы управления беженским делом и перекладывая бремя каждодневных забот о перемещенных лицах на общественные организации, правительство всеми силами стремилось сохранить за собой контроль за распределением материальных и административных ресурсов, ограничивая тем самым пределы диалогичной коммуникации между властью и социумом.

Альтернатива «своеобразной государственно-общественной организации беженского дела»⁴⁶ была предложена большевиками,

⁴⁵ См.: Баженова К.Е. Деятельность организаций Всероссийского Земского Союза и Всероссийского Союза Городов на Среднем Урале в годы Первой мировой войны: 1914 — февраль 1917. дисс. ... канд. ист. наук. Нижний Тагил, 2010; Ильин А.В. Особые совещания Российской империи: их место и роль в государственном механизме (1915–1917 гг.): дисс. ... канд. юр. наук. Л., 1989; Цовян Д.Г. Деятельность государственных органов и общественных организаций по оказанию помощи беженцам в годы первой мировой войны. 1914–1917 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. М., 2005; и др. См. также: Багдасарян А.О. К вопросу о взаимодействии органов государственной власти и общественности Российской империи в ходе эвакуации населения в годы Первой мировой войны // Современная научная мысль. 2018. № 4. С. 62–69; Будко А.А., Грибовская Г.А. Внеочередной съезд 1916 года по вопросу о беженцах Первой мировой войны // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья им. Н.А. Семашко. 2014. № 1. С. 38–40; Златина М.А. Основание Еврейского комитета помощи пострадавшим от войны и погромов (июль–сентябрь 1914 г.) // Герценовские чтения–2007. Актуальные проблемы социальных наук: сб. научн. статей. СПб., 2008. С. 107–110; Ильин А.В. Об Особом совещании по устройству беженцев (1915 г. — февраль 1917 г.) // Правоведение. 1991. № 5. С. 49–55; Кнорринг В.В. Общество для распространения просвещения между евреями в России: деятельность по организации помощи беженцам // Евреи Европы и Ближнего Востока: история, социология, культура. материалы Междунар. научн. конф. СПб.: 2014. С. 206–211; Мартынцева Н.В. Земская помощь беженцам из Западных губерний в годы Первой мировой войны (по материалам западных уездов Орловской губернии) // Проблемы славяноведения: сб. научн. статей и материалов. Вып. 5. Брянск, 2003. С. 134–144; Матвеева Н.Л. Благотворительная деятельность именных комитетов императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2004; Павлова О.С. Роль уфимского епархиального духовенства в организации помощи беженцам в 1915–1917 гг. // Великая Российская революция 1917 г.: методология, источники, историография: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. Стерлитамак, 2017. С. 195–198; Спиридонова Л.М. Деятельность Татянинского комитета в Пензенской губернии в годы Первой мировой войны // Вестник военно-исторических исследований. сб. научн. трудов / под ред. С.В. Белоусова. Вып. 8. Пенза, 2017. С. 77–87; Степаняц С.М. Деятельность Первопрестольного Эчмиадзина в годы Первой мировой войны // Территория науки. 2014. № 5. С. 6–10; Тишкина К.А. Сибирские врачебно-питательные отряды и оказание поддержки беженцам в прифронтовых зонах Европейской России // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: сб. материалов Междунар. молодежной научн. школы-конф. Новосибирск, 2020. С. 276–284; Шевырин В.М. Земский и Городской союзы (1914–1917): Аналитический обзор. М., 2000; и др.

⁴⁶ Характеристика А.С. Тумановой. См.: Туманова А.С. Гражданское общество и его адаптивные возможности в кризисных условиях // Материалы XII Междунар. научн. конф. по проблемам развития экономики и общества. М., 2012. Т. 2. С. 217.

учредившими в 1918 г. Центральную коллегию по делам пленных и беженцев⁴⁷. По мнению М.А. Засыпкина, соотносящемуся с мнениями большинства современных исследователей, благодаря деятельности коллегии и ее правопреемников в стране возникла «централизованная сеть государственных специализированных миграционных аппаратов со строгой иерархической подчиненностью как внутри РСФСР, так и на территории соседних Белорусской и Украинской советских республик». Степень ее централизации, продолжает автор, постоянно увеличивалась, придавая Пленбежу статус «общефедерального органа по реализации общегосударственных планов и программ по переброске и обслуживанию всех видов людских перевозок»⁴⁸. Однако, соглашаясь с И.П. Щеровым в том, что концентрация управления миграциями в руках одного ведомства была безусловным благом⁴⁹, отечественные эксперты оказались весьма далеки от того, чтобы устроить деятельности Пленбежа по-настоящему экспертную проверку. Так, тот же И.П. Щеров никак не увязывает структурные перестройки миграционных служб Советской России с реальными успехами или провалами в их работе, запутывая читателя в бесконечных метафорах «борьбы с упущениями» и «многочисленными трудностями»⁵⁰, а также вязкой статистике перемещенных, перемещаемых или подлежащих перемещению людей.

Так или иначе, но совершенно очевидно, что пока досоветская система контроля и помощи перемещенным лицам, основанная на

⁴⁷ См.: Гавриленков А.Ф. Рославльский уездный Пленбеж (1918–1922 гг.) // Край Смоленский: Знания. Доброта. Культура. Смоленск, 2002. С. 17–37; Галас М. Государственно-институциональная и социальная адаптация репатриантов и реэвакуированных беженцев в России в 1920-е гг. // Власть. 2011. № 4. С. 105–108; Засыпкин М.А. Правовые основы деятельности Центральной коллегии о пленных и беженцах (1918–1919 гг.) // Право и политика. 2020. № 9. С. 239–248; Лахарева Н.В. Реэвакуация беженцев Первой мировой войны с территории Курской губернии (1918–1925 гг.). Курск, 2001; Островский Л. Репатриация оптантов, беженцев и военнопленных из Сибири в Польшу (1921–1924 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 3. С. 70–74; Утгоф В.С. Реэвакуация белорусских беженцев Первой мировой войны (начальный этап): структуры, формы, организация // Источник. История. История: сб. научн. работ. СПб., 2002. С. 396–416; Щеров И.П. Центропленбеж в России: история создания и деятельности в 1918–1922 гг. Смоленск, 2000; и др. См. также: Засыпкин М.А. Организационно-правовые основы деятельности НКВД РСФСР по решению проблемы беженцев: 1918–1923 гг.: дисс. ... канд. юр. наук. М., 2008; Зубаров И.Е. Деятельность коллегии по делам военнопленных и беженцев Симбирской губернии в 1914–1922 гг. дисс. ... канд. ист. наук. Пенза, 2006; и др.

⁴⁸ Засыпкин М.А. Указ. соч. С. 103, 104, 195.

⁴⁹ См.: Щеров И.П. Центропленбеж в России: история создания и деятельности в 1918–1922 гг. С. 8.

⁵⁰ Там же. С. 37, 38, 43, 47 и мн. др.

полицентризме и конкуренции, и ее советский антипод, фундирующий идею централизма и монополизации политики населения государством, будут рассматриваться отдельно друг от друга, проблема управления беженцами и беженством в России 1914–1922 гг. останется нерешенной. В связи с этим жесткая контекстуализация беженства в жестких хронологических, равно как и в жестких тематических рамках едва ли может претендовать на звание успешной, требуя корреляции различных масштабов, углов зрения и временных измерений.

Примером такой корреляции призвана была статья работа И.Б. Беловой «Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914–1925 гг.»⁵¹.

«В монографии с привлечением новых, главным образом архивных источников, с учетом достижений современной историографии рассматривается положение мигрантов военного времени — беженцев и военнопленных Первой мировой войны в российских центрально-европейских губерниях в имперский и советский периоды. Особое внимание уделено возвращению вынужденных мигрантов. Автор прослеживает их долгий путь на родину, продолжавшийся до 1925 г., выделяя формы и особенности реэвакуационного процесса. Анализируются направления и выявляется степень эффективности работы советских эвакуационных органов (Центропленбеж/Центрэвак)»,

— отмечается в аннотации к изданию. Однако заявленная задача «воссоздать целостную картину положения беженцев и военнопленных Первой мировой войны в Российской империи» и «проследить, как оно изменилось в Советской России и каким был путь вынужденных мигрантов на родину», на наш взгляд, осталась в данном случае лишь декларацией. И причин тому как минимум три. Во-первых, очевидно неравноценное внимание автора к событиям 1914–1917 гг., с одной стороны, и 1918–1925 гг. — с другой, изначально обесценивает попытку создания целостной картины российского беженства и плена уже потому, что, поверхностный «разбор» дореволюционной истории изучаемого вопроса дефундирует любые выводы, связанные с последующим, уже советским этапом истории миграций, вызванных Первой мировой войной. В первую очередь это относится к выводу-сравнению, согласно которому имперские власти были чуть ли не образцом в деле организации эвакуации и обустройства беженцев,

⁵¹ Белова И.Б. Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914–1925 гг. М., 2014.

тогда как действовавшие в Советской России Центропланбеж/Центроэвак целых семь лет, до 1925 г., никак не могли решить беженскую проблему⁵².

Во-вторых, источниковый горизонт исследования, основанного в основном на документах разнообразных властных инстанций, не оставляет в книге места никакому иному подходу, кроме подхода этатистского. Источники личного происхождения и периодическая печать не отменяют этого факта, поскольку используются автором преимущественно как иллюстрации и, кроме того, представлены в основном свидетельствами государственных же деятелей и официальными изданиями тех или иных органов власти.

В-третьих, география работы, ограниченная шестью губерниями Центрально-Европейской России, однозначно дефицитна для того, чтобы делать обобщения национального уровня. И дело даже не в том, что Воронежская, Калужская, Курская, Орловская, Рязанская и Тульская губерния, на материалах которых написана книга, были, по сути, губерниями-карликами и все, вместе взятые, помещались на территории Вологодской или Пермской губерний, два раза — на территории Иркутской, пять раз — на территории Тобольской и девять раз — на территории Енисейской. Территориальные рамки исследования И.Б. Беловой нерепрезентативны в плане решения поставленных ею задач прежде всего потому, что в 1918–1925 гг. Воронежская, Калужская, Курская, Орловская, Рязанская и Тульская губернии находились на периферии определяющих для российского беженства и плена событий и прежде всего событий Гражданской войны. Иначе говоря, «локализуя» свое исследование в рамках названных губерний, И.Б. Белова просто механически исключила из поля зрения сложность всех тех процессов, которые напрямую влияли на судьбы беженцев и военнопленных в России 1918–1925 гг.

Сомнения также вызывает попытка автора связать свою работу с достижениями современной историографии, поскольку в содержательной части книги не востребована даже советская историография, не говоря уже о чем-то новом и по-настоящему прорывном. И, наконец, главное. Едва ли может быть признана удачной терминологическая «оснастка» монографии И.Б. Беловой. Тогда как беженцев действительно можно признать соответствующими определению «вынужденные мигранты», то военнопленных — однозначно нет. Не вдаваясь в детали, просто отметим, что ни одно авторитетное

⁵² Там же. С. 378.

издание, посвященное военным миграциям, будь то издание отечественное или зарубежное, учебное или научное, не знает такой категории вынужденных мигрантов, как военнопленные, относя их перемещение к принудительным репрессивным миграциям⁵³. По большому счету, работа И.Б. Беловой — ничто иное как попытка заполнить одну из географических лакун в изучении ретроспективного вопроса с особым акцентом на деятельности советских миграционных служб. При этом эмпиризм и нарративизм этой работы не являются ее особенностью, а отражают общий уровень изысканий по истории не только беженства, но и уровня основной массы современных изысканий по истории в России вообще.

Все вышесказанное свидетельствует, что отечественная историография беженства Первой мировой войны продолжает развиваться главным образом в рамках инерционной стратегии, предполагающей не столько освоение темы «вглубь», сколько «вширь». Однако рамки такой стратегии не являются непреодолимыми. Это демонстрируют работы, ориентированные на отход от понимания беженства исключительно как опыта страданий и усилий по их облегчению⁵⁴. Так, рассматривая беженство как фактор, воздействовавший на актуальный социальный и социокультурный «пейзаж», ряд авторов фактически подошел к осмыслению беженской темы из перспективы социального конструирования и/или воображения и объективировал их значимость как катализатора общественных изменений.

Что касается исследований российского беженства, подготовленных историками Беларуси, Польши, Украины, Армении, Израйля

⁵³ См., напр.: Полян П. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001; Энциклопедия изгнаний: депортация, принудительное выселение и этническая чистка в Европе в XX веке / ред. Д. Брандес, Х. Зундхауссен, Ш. Требст; отв. ред. Д. Мешков. М., 2013; и др.

⁵⁴ См., напр.: Алферова И.В. Беженцы Первой мировой войны: проблемы аккомодации (на материалах Орловской губернии) // Вестн. Брянского государственного ун-та. 2018. № 3 (37). С. 9–16; Рынков В.М. Беженцы и принимающий социум: к характеристике социальной мобильности в годы Первой мировой войны // Гуманитарные науки в Сибири. 2015. Т. 22. № 3. С. 70–75; Семенова Е.Ю. Взаимодействие горожан и беженцев на территории тылового города в годы Первой мировой войны (по материалам Поволжья) // Известия Самарского научного центра РАН. 2014. Т. 16. № 3–2. С. 436–443; Фролова И.В. Диалог «своих» и «чужих»: примеры взаимодействия местного населения и беженцев в годы Первой мировой войны (на примере провинциального города) // Феномен диалога: философские и исторические аспекты: материалы Всерос. (с международным участием) научно-теоретического семинара. Череповец, 2020. С. 179–184; и др.

и стран Балтии, то в общем и целом их контент выдержан в том же ключе, что и изыскания, идущие в России⁵⁵. Написанные этими историками работы обнаруживают ту же тематическую стабильность, которая, однако, предполагает еще и сюжеты, связанные с проблемой нацистроительства⁵⁶. Обо всем этом наглядно свидетельствуют,

⁵⁵ См.: Арутюнян А.А. Первая мировая война и армянские беженцы, 1914–1917 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. Ереван, 1989; Даниелян Э.Г. Уцелевшие от геноцида армянские беженцы в Закавказье 1914–1922 гг. (миграция, положение, численность): дисс. ... канд. ист. наук. Б.м., 1997. См. также: Білобровец О.М. Становище польських біженців-інтелігентів в Україні в роки Першої світової війни // Інтелігенція і влада. 2017. № 37. С. 21–30; Бартеле Т., Шалда В. Латышские беженцы в России в годы гражданской войны // Отечественная история. 2000. № 1. С. 18–30; Gvozdyk V.S. Становище біженців в Олександрівському повіті Катеринославської губернії в умовах Першої світової війни (1915–1916 рр.) // Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету. 2012. № 34. С. 70–74; Донік О.М. Діяльність громадських організацій і товариств у справі допомоги військовим та цивільному населенню в Україні у роки Першої світової війни (1914–1918 рр.) // Проблеми історії України XIX — початку XX ст. К., 2002. Вип. 4. С. 155–182; Загребельна Н.І. Провідні гуманітарні громадські організації в Україні у період Першої світової війни: створення, структура, соціальна база, джерела фінансування // Проблеми історії України XIX — початок XX ст. Вип. 6. К., 2003. С. 255–269; Korzeniowski M., Mańdzik M., Tarasiuk D. Tułaczy los. Uchodźcy polscy w imperium rosyjskim w latach pierwszej wojny światowej. Lublin, 2007; Лазанська Т.І. Становище біженців в роки Першої світової війни // Проблеми історії України XIX — початку XX ст. К., 2009. Вип. XVI. С. 196–240; Лихачова Т.М. Культурно-просвітницька робота серед біженців-поляків з Королівства Польського в роки Першої світової війни // Актуальні проблеми вітчизняної і всесвітньої історії. 36. наук. пр. Вип. 10. Харків, 2007. С. 86–94; Она же. Польські організації допомоги жертвам війни в системі державної та суспільної опіки над біженцями на Сході (1914–1921 рр.) // Polska dyplomacja na Wschodzie w XX — początkach XXI wieku. Praca zbiorowa pod redakcją H. Strońskiego i G. Seroczyńskiego. Olsztyn — Charków, 2010. S. 33–51; Олієвський О. Біженство в Росії під час Першої світової війни // Питання історії нового та новітнього часу: 36. наук. стат. Чернівці, 2000. С. 124–128; Сердюк О.В. Біженство в Україні під час Першої світової війни // Проблеми історії України XIX — початок XX ст. Вип. 4. К., 2002. С. 111–132; Zahrebelna N., Makovei Ye. благодійна діяльність та меценатство представників українських торгово-промислових кіл та інтелігенції уроки Першої світової війни // Проблеми історії України XIX — початку XX ст. 2012. № 20. С. 220–228; Шалда В. Латышские беженцы в России и революция. 1915–1921 гг. // Россия и Балтия. Т. 2. Эпоха перемен (1914–1924) / отв. ред. А.О. Чубарьян. М., 2002. С. 60–87; Шустер Ф.М. «Дай мне хлеба, и я дам тебе девушку»: Бедность, контрабанда, шпионаж и проституция во время Первой мировой войны в еврейском контексте // Мировой кризис 1914–1920 годов и судьба восточноевропейского еврейства. М., 2005. С. 10–28; и др. См. также историографию беженской темы в Беларуси здесь: Карнялюк В.Р. Гістарыяграфія гісторыі беженства з Беларусі Першай сусветай вайне // Вестн. Гродненского государственного ун-та им. Янки Купалы. Сер. 1. История и археология. Философия. Политология. 2017. Т. 9. № 1. С. 45–56.

⁵⁶ См., напр.: Айрапетян К.П. Проблема западно-армянских беженцев во вновь образованной первой республике Армения // Гуманитарные и юридические исследования. 2016. № 2. С. 8–15; Левин В. Еврейская национальная квазиавтономия в Российской империи: парламентская политика, гражданское общество и вопрос беженцев в период

к примеру, работы украинской исследовательницы Л.Н. Жванко⁵⁷, особенно отличающиеся своей обстоятельностью и вполне заслуженно получившие лестные отзывы в литературе⁵⁸. Позиционируя беженство как ключевую социо-гуманитарную проблему войны, автор рассматривает ее в контексте истории Российской империи, Украинской Народной Республики и Украинской Державы Гетмана Павла

Первой мировой войны // *Международные отношения и общество*. 2020. Т. 2. № 1. С. 81–88; Михайлюк Д. Беженцы 1915 г. из западных губерний Российской империи и белорусский национальный вопрос // *Материалы ежегодной Междунар. науч.-практ. конф. Взгляд спустя столетие*. М., 2016. Т. 2. С. 385–397; Шимукевич С.Ф. Первое легальное национальное белорусское общество — через благотворительность к возрождению нации (Деятельность Белорусского Общества помощи пострадавшим от войны, 1915–1916 гг.) // *Беларуская дзяржаўнасць: вопыт XX стагоддзя. Матэрыялы міжнароднай навукова-тэарэтычнай канферэнцыі*. Минск. 2004. С. 64–66; Щавлинский Н.Б. Первая мировая война и национальный вопрос в деятельности белорусских организаций в Киеве и Одессе (1917–1918 гг.) // *Первая мировая война и становление Версальско-Вашингтонской системы международных отношений: материалы Междунар. науч.-практ. конф.* Витебск, 2018. С. 63–67; Karnaliuk V.R. Prerequisites and Manifestation of Social and Political Activity of the Refugees From Belarus in 1917–1918 // *Vesnik of Yanka Kupala State University of Grodno. Series 1. History and Archaeology. Philosophy. Political Science*. 2018. Т. 10. № 3. Р. 6–16; и др.

⁵⁷ См.: Жванко Л.М. Біженство Великої війни 1914–1918 рр. в часи Української Центральної ради: документальні свідчення // *Історичний журнал*. 2009. № 4. С. 102–115; Она же. Біженство Першої світової війни в Україні: Документи і матеріали (1914–1918 рр.). Харків, 2010; Она же. Біженці Першої світової війни: український вимір (1914–1918 рр.). Харків, 2012; Она же. Генеза нормативно-правової бази біженства у роки Першої світової війни: український вимір // *Науковий вісник Ужгородського університету*. Ужгород, 2009. Вип. 23. С. 5–17; Она же. З історії перебування біженців Першої світової війни в Катеринославській губ. (1915 р.) // *Надніпрянська Україна: історичні процеси, події, постаті: зб. наук. пр.* Дніпропетровськ, 2006. Вип. 4. С. 218–224; Она же. Джерело до історії політики Української Центральної Ради з проблем біженців Першої світової війни // *Проблеми вивчення історії Української революції 1917–1921 рр.* Вип. 2. К., 2007. С. 94–102; Она же. Діяльність Харківського губерньського відділення Тетянинського комітету // *Історичний журнал*. 2005. № 4. С. 104–109; Она же. Допомога духовенства Полтавщини біженцям Першої світової війни // *Історія релігій в Україні. Праці XIII-ї Міжнародної наукової конференції*. Львів, 2003. Кн. 1. С. 245–249; Она же. До проблеми задоволення релігійних потреб біженців католиків у Російській імперії (1914–1918 рр.) // *Studia Polonijne*. Lublin, 2009. Т. 30. С. 137–147; Она же. Іноземні біженці Першої світової війни в Україні // *Київська старовина*. 2005. № 3. С. 77–93; Она же. Підготовка до реєстрації біженців «Великої війни» за гетьманства П. Скоропадського (квітень — грудень 1918 р.) // *Історія України. Маловідомі імена, події, факти*. Вип. 30. К., 2005. С. 306–317; Она же. Уряд Павла Скоропадського і спроба подолання епідемій серед населення та біженців // *Київська старовина*. 2005. № 6. С. 112–133; Zhvanko L. problems of employment refugees of the first world war in ukrainian provinces during the russian empire // *Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету*. 2013. № 35. С. 90–97; Žvanko L.ubova. Latvies bēgļi Pirmā pasaules kara gados Harkovā (1915–1916) // *Latvijas Kara museum gadagrāmata*. X. Rīga, 2009. L. 19–38; и др.

⁵⁸ Рецензии на работы Л.Н. Жванко см., в частности, в: *Український історичний журнал*. 2012. № 6. С. 209–214; *Київська старовина*. 2010. № 5. С. 167–170.

Скоропадского и приходит к выводу, что мероприятия государства, проводимые в отношении беженцев, явно перевешивали на фоне разобщенных общественных инициатив. Изыскания Л.Н. Жванко тем более интересны, что в них беженство артикулируется не только как проблема исхода, но и как проблема возвращения. Таким образом, Л.Н. Жванко показала, что беженцы в исследуемый период практически никогда не составляли односторонне направленного потока, и не только контроль над их перемещениями был трудноразрешимой задачей, но и само определение беженства, его границ и структуры стало настоящей проблемой⁵⁹. При всем при том, как нам представляется, изыскания украинских, а с ними и других восточно-европейских исследователей по истории беженцев в перспективе могли бы получить новое звучание прежде всего за счет антропологически ориентированных работ, посвященных теме ресоциализации мигрантов после их возвращения на родину. Выявление путей и моделей их реинтеграции видится нам действительно важной задачей, поскольку только политическая история беженства вряд ли позволит адекватно оценить степень его воздействия на дальнейшее развитие восточно-европейских обществ.

Несмотря на богатство всех охарактеризованных выше историографических источников, созданных в России и странах, территории которых в начале XX в. входили в состав империи Романовых, следует признать, что богатство это состоит прежде всего в накоплении огромного фактологического материала. И так сложилось, что пока отечественные исследователи и их коллеги из ближнего зарубежья занимались и продолжают заниматься собиранием фактов, западно-европейские и американские историки оказались увлечены прежде всего поиском объяснительных моделей, приложимых к истории российского беженства Первой мировой войны. Вне всякого сомнения, наибольших успехов в этом поиске добился уже упомянутый выше П. Гетрелл. Даже поверхностное знакомство с его книгой «Вся империя в движении: Беженцы в России в период Первой мировой войны»⁶⁰ убеждает, что вклад этого исследователя в концептуализацию проблемы российского беженства 1914–1922 гг. получил самую высокую оценку вполне заслуженно⁶¹. Смешивая хронологический

⁵⁹ См.: Жванко Л.М. Біженство Першої світової війни в Україні: Документи і матеріали (1914–1918 pp.). С. 22–23.

⁶⁰ Gatrell P. A Whole Empire Walking: Refugees in Russia during World War I. Bloomington; Indianapolis, 1999.

⁶¹ Рецензии на монографию П. Гетрелла «Вся империя в движении...» см.: Неприкосновенный запас. 2002. № 5 (25) (П. Полян); Europe-Asia Studies. Vol. 53. № 1 (Jan., 2001).

подход с тематическим, Гетрелл обращается к ряду самых разнообразных вопросов: кем были беженцы, как они определяли себя, как они определялись другими, как развивался беженский кризис, какие меры принимались государством и общественными организациями по его поводу, каким образом этот кризис повлиял на перспективное развитие российского общества. При этом, погружая беженство в самые разные истории, политическую, социальную, культурную и прочие, П. Гетрелл не просто показывает его многоаспектность. «Распарывая» беженство по «швам» и актуализируя этнические, гендерные, возрастные, профессиональные и классовые различия его составляющих, автор идет еще дальше. Он подчеркивает, что из всех событий Первой мировой войны только беженство заслуживает эпитета «необыкновенное», объясняя его «необыкновенность» не только масштабами перемещений гражданского населения или «композитностью» этого населения, а прежде всего тем, кем и как проблематизировался его статус. По П. Гетреллу, беженство — это во многом искусственный конструкт, создававшийся и поддерживавшийся целым рядом исторических акторов: с одной стороны, самими беженцами в целях получения доступа к материальной помощи, с другой — небегенцами, тем самым дистанцировавшимися от чужаков, воспринимавшихся как угроза стабильному и привычному укладу жизни, а с третьей — учреждениями, организациями и ведомствами, для которых беженство стало вопросом борьбы за ресурсы, как материальные, так и административные. Очевидно поэтому, что беженство имело мало общего с любыми другими миграциями и «сотрясло» российское общество до самых его оснований.

Беженство, в частности, создало беспрецедентное пространство для «игры» конкурирующих версий социального контроля, версий, предложенных аппаратом полицейского государства и методами профессиональных специалистов, занятых в общественных организациях. При этом неспособность государства, уповавшего на традиционные властные стратегии, справиться с проблемой беженства позволила общественным организациям изобрести собственные стратегии влияния

P. 191–193 (by Mark von Hagen); *International Migration Review*. Vol. 35. № 3 (Autumn, 2001). P. 947–948 (by Willard Sunderland); *Russian Review*. Vol. 61. № 2 (Apr., 2002). P. 316–317 (by Yanni Kotsonis); *Slavic Review*. Vol. 60. № 2 (Summer, 2001). P. 436–437 (by Rex A. Wade); *The American Historical Review*. Vol. 105. № 5 (Dec., 2000). P. 1837–1838 (by Theodore R. Weeks); *The English Historical Review*. Vol. 115. № 463 (Sep., 2000). P. 1020–1021 (by John Keep); *The Journal of Modern History*. Vol. 73. № 4 (Dec., 2001). P. 997–1000 (by Josh Sanborn); *The History Teacher*. Vol. 34. № 4 (Aug., 2001). P. 550–551 (by Sidney Monas); и др.

и «механизмы дисциплинарного насилия», что, скорее, способствовало крушению существующих иерархий и увеличению риска социального распада, нежели поддержке социального благополучия.

Кроме того, беженство разнообразило массовую политику и процессы демократизации, запущенные первой русской революцией 1905–1907 гг. Возвращаясь к создававшемуся самыми разными силами нарративу беженства, П. Гетрелл подчеркивает, что этот нарратив не исключал относительно автономных поднарративов, конструировавшихся в первую очередь на основе этнокультурных различий беженцев. Иначе говоря, в рамках общенационального проекта беженства возникали и развивались в том числе и его национальные подпроекты. Беженство легитимировало и трансформировало возможности для национальной агитации со стороны возрождавшейся патриотической интеллигенции, среди которой были многие лидеры независимых государств, возникших на обломках империи после 1917–1918 гг. Именно беженство обучило этих людей искусству управления, а также приучило некоторых беженцев думать «по-национальному», что для патриархальной империи было едва ли не главным шагом на пути к модерности.

Однако, констатирует П. Гетрелл, даже в рамках национальных подпроектов, не говоря уже о проекте общенациональном, поиск типического беженца бесполезен. Часть беженцев легко отказывалась от своего статуса и, решив обосноваться в «отдаленных углах» Европейской России и Сибири, отрывалась от национальных беженских общин. Помимо того, этничность не была единственным и тем более неизменным атрибутом идентичности беженцев. Она, к примеру, могла быть отвергнута «притязаниями классового сознания», которые явственно проявились в 1917 г. Заостряя внимание на проблеме альтернативности идентификационных кодов, а значит и практик, «деколлективизировавших» беженцев, П. Гетрелл тем самым экспонирует, что, вопреки дискурсивно доминировавшему образу усталого больного изгнанника, образ беженца может и должен быть представлен на языке и в символах активного гражданина, а не только пассивной молчаливой жертвы.

Перевод беженцев из категории беспомощных, феминизированных и этнизированных объектов в категорию деятельных исторических акторов, по мнению Я. Кацониса, и объясняет оригинальность работы П. Гетрелла. Действительно, выталкивая беженцев и беженство за пределы «страдальческого дискурса», П. Гетрелл принципиально меняет концептуальную рамку исследования беженской

проблемы. Не предлагая единой монолитной аргументации, а, скорее, ряд заключений и выводов, исследователь вместе с тем оказывается достаточно убедителен в том, что само существование беженцев являлось вызовом бытовавшим в России представлениям о нормальности. Беженцы, по тонкому замечанию П. Гетрелла, «высмеяли современность не меньше, чем они осмеяли социальные конвенции царской России». Быстрое конструирование новой социальной категории, не вписывавшейся в систему имевшихся в России того времени таксономий социального описания, символизировало не только несостоятельность этих описаний, но и предвещало кардинальные перемены в стране. Подрывая такие более современные развивающейся капиталистической экономике разновидности групповой принадлежности, как класс и профессия, беженцы, «беженскость» и беженство подвергли испытанию, казалось бы, незыблемые социальные устои и предвосхитили собой «перевернутое общество» времен Гражданской войны⁶². Это, очевидно, и является главной причиной, мешающей исключить беженцев из «современной» истории и служит приглашением к реконцептуализации самой «современности», значительно более сложной, чем это представляется российским исследователям беженства в частности и истории России в целом⁶³.

Несмотря на то, что, как и любая другая новаторская работа, книга П. Гетрелла «Вся империя в движении: Беженцы в России в период Первой мировой войны» оставила примерно столько же вопросов, на сколько ответила, достигнутый автором уровень обобщений позволил ему обосновать факт особой важности опыта российского беженства в глобальной истории беженства, что убедительно подтверждают его последующие работы⁶⁴. Особенно стоит подчеркнуть глубину выводов П. Гетрелла, связанных с гендером и этничностью как факторами, которые характеризуют глубинные социальные процессы не только в рамках собственно беженства, но и российского общества в целом. И остается только пожалеть, что «Вся империя в движении...», оставаясь наиболее фундированным исследованием поднятой в ней темы, до сих пор не переведена и не издана в России.

⁶² См. подробнее: Gatrell P. *A Whole Empire Walking: Refugees in Russia during World War I*. P. 197–199.

⁶³ См. также: Gatrell P. *War, Refugeedom, Revolution. Understanding Russia's refugee crisis, 1914–1918* // *Cahiers du Monde russe*. 2017. № 58/1–2. P. 123–146; Idem. *Refugee history and refugees in Russia during and after the First World War* // *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 2017. Vol. 62. Issue 3. P. 497–521; и др.

⁶⁴ См., напр.: Gatrell P. *The Making of the Modern Refugee*. Oxford, 2013.

Судьбам евреев-выселенцев 1915 г., впоследствии причисленных властями Российской империи к числу беженцев и именно под этим «общеродовым» именем известных большинству современников, посвятил свое исследование 2001 г. Э. Лор⁶⁵. Оценивая принудительную миграцию российских евреев как крупнейшую за все время Первой мировой войны и при этом безусловно преступную, автор вслед за другими исследователями европейского еврейства⁶⁶ доказывает, что политику «радикального насилия» по отношению к населявшим западные области империи и традиционно подозревавшимся в нелояльности к режиму евреям проводили прежде всего военные власти России, в то время как гражданские чиновники пытались ей сопротивляться. Выделяя в ретроспективной политике четыре фазы, Э. Лор принципиально избегает термина «беженцы», оперируя понятиями «выселенные», «депортированные» или «заложники». Вынося перемещения еврейского населения за рамки беженского контекста, историк вписывает их в куда более широкий исторический контекст:

«Политика армии и насилие, которое она породила, имели серьезные последствия, затрагивавшие далеко не только еврейскую общину; фактически они затронули более широкие контексты войны и революции несколькими путями. Во-первых, эта кампания подрывала военное усилие России. Она не только причинила громадный экономический вред местному хозяйству, но также препятствовала нормальной работе железных дорог и создавала условия дороговизны и хаоса во внутренних губерниях, куда отправляли евреев...»⁶⁷

Во-вторых, продолжает Э. Лор, массовые выселения заставили режим разрубить gordiev узел ограничений, связанных с существованием на протяжении целого столетия так называемой черты оседлости, разрушение которой было в некотором роде тем историческим

⁶⁵ См.: Lohr E. The Russian Army and the Jews: Mass Deportation, Hostages, and Violence during World War I // *Russian Review*. 2001. Vol. 60. № 3. P. 404–419.

⁶⁶ См., напр.: Klier J.D., Lambroza S. *Pogroms: Anti-Jewish Violence in Modern Russian History*. Cambridge, 2004 (русскоязычное изд.: Погромы в российской истории Нового времени (1881–1921) / под ред. Джона Д. Клиера и Шломо Ламброзы. М., 2016); Prusin A.V. *Nationalizing a Borderland: War, Ethnicity, and Anti-Jewish Violence in East Galicia, 1914–1920*. Tuscaloosa, 2005; Rowland R.H. *Geographical Patterns of the Jewish Population in the Pale of Settlement of Late Nineteenth Century Russia* // *Jewish Social Studies*. 1986. Vol. 48. Issue 3/4. P. 207–234; и др.

⁶⁷ Lohr E. The Russian Army and the Jews: Mass Deportation, Hostages, and Violence during World War I. P. 418.

освобождением, которого евреи добивались поколениями. Это освобождение, между тем, вскоре обнаружило свою темную сторону, проявившуюся в серии антиеврейских погромов 1918–1919 гг., которые захлестнули в первую очередь недавно принявшие еврейских беженцев губернии.

В-третьих, дискриминационная политика по отношению к евреям способствовала разрыву либеральных и умеренных партий с правительством. «Либералы, которые рассматривали войну как возможность укрепить национальное единство и развить современное чувство гражданства ..., были потрясены тем, что царь и его генералы делают прямо противоположное, выделяя значительную группу российских граждан в качестве внутренних врагов», — констатирует Э. Лор, тем самым включаясь в профессиональную дискуссию о специфике государственного строительства в позднеимперской России⁶⁸. Продолжая ее на страницах вышедшей в 2003 г. книги, посвященной уже не только выселению евреев, а всему «великому выселению народов» с окраин России в годы Первой мировой войны⁶⁹, Э. Лор отмечает, что депортационные и конфискационные меры в отношении лишенных гражданских прав, домов и теперь почти нищих национальных меньшинств возымели неожиданный побочный эффект: «Проходя через эти процессы, национальность и этничность в некотором смысле получали официальный статус в качестве незапланированного результата военных практик идентификации»⁷⁰.

С выводами Э. Лора относительно насильственного перемещения национальных меньшинств, населявших западные губернии Российской империи, фактически солидаризируется и Д. Хоффман⁷¹. В своей книге 2011 г. он, в частности, резюмирует:

«Масштабные депортации, проводимые царским правительством в годы Первой мировой войны, снизили порог чувствительности к дальнейшему использованию этого вида отсекающего насилия. Подобные действия не только получили оправдание в качестве мер

⁶⁸ Lohr E. The Russian Army and the Jews: Mass Deportation, Hostages, and Violence during World War I. P. 418.

⁶⁹ См.: Lohr E. Nationalizing the Russian Empire: The Campaign Against Enemy Aliens during World War I. Cambridge, 2003. (русскоязычное изд.: Лор Э. Русский национализм и Российская империя: Кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны. М., 2012).

⁷⁰ Лор Э. Русский национализм и Российская империя: Кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны. С. 199.

⁷¹ См.: Hoffmann D.L. Cultivating the Masses: Modern State Practices and Soviet Socialism, 1914–1939. Ithaca and New York, 2011. (русскоязычное изд.: Хоффман Д. Вращивание масс. Современное государство и советский социализм. 1914–1939. М., 2018).

безопасности, но и стали частью опыта как жертв, так и организаторов депортаций. Тот факт, что высылка и интернирование были признаны в качестве метода государственной политики и средства социальной профилактики, имел серьезные последствия. Отныне военные и политические деятели могли спокойно прибегать к таким методам во имя охраны национальной безопасности или ввиду определенной идеологической повестки дня. Кроме того, высылка этнических меньшинств укрепила (хотя и безосновательно) представление военных статистиков о том, что население можно классифицировать по этническому признаку, чтобы определить степень его политической лояльности и общественной ценности»⁷².

Еще дальше идет американский историк А. Санборн, говоря о безусловной корреляции истории выселенцев и беженцев Первой мировой войны с крахом Российской империи в 1917 г. Высказав еще в 2005 г. в одной из своих статей предположение о том, что принудительные миграции населения имперских окраин периода Первой мировой войны были прямой дорогой к социальной катастрофе⁷³, в своей книге 2014 г. Дж. Санборн подкрепил его новыми доводами⁷⁴. Депортации и беженство, наряду с мобилизациями и дезертирством, по мысли Дж. Санборна, не просто привели всю империю в движение. Мигранты деструктивно влияли на общество в первую очередь потому, что все они способствовали нормализации насилия как особой модели социального поведения⁷⁵. Разница была лишь в том, что часть мигрантов творила насилие, тогда как другая его претерпевала. При этом общий социальный мир первых месяцев войны покатылся под откос именно с Великим отступлением 1915 г. и, очевидно, связанным с ним беженским кризисом, в результате которых деструкции, имевшие место на фронте и близ фронта, и пришли в тыл⁷⁶.

Подводя черту под вышесказанным, следует признать, что историописание российского беженства 1914–1922 гг. на его родине и за ее пределами — это два разных по своему характеру историописания.

⁷² Хоффман Д. Вращивание масс. Модерное государство и советский социализм. С. 221.

⁷³ См.: Sanborn J.A. Unsettling the empire: violent migrations and social disaster in Russia during World War I // *Journal of Modern History*. 2005. Vol. 77. № 2. P. 290–324.

⁷⁴ См.: Sanborn J. *Imperial Apocalypse: The Great War And The Destruction Of The Russian Empire*. N.Y.; Oxford, 2014.

⁷⁵ См.: Ibid. P. 175, 252–254, 256–257.

⁷⁶ См. подробнее: Михалев Н., Суржикова Н. [Рец.:] Joshua A. Sanborn. *Imperial Apocalypse: The Great War and the Destruction of the Russian Empire* (Oxford and New York: Oxford University Press, 2014). 287 pp., ill. Index. ISBN: 978-0-19-964205-2 // *Ab Imperio*. 2016. № 4. С. 288–299.

В России беженская тема изучается едва ли не только ради собственно беженской темы и бесконечно ветвится прежде всего в соответствии с географическим принципом. Для западной же историографии концептуализация истории беженства — это лишний пример, подтверждающий состоятельность того или иного теоретического конструкта, в частности, такого, как «политика населения» П. Холквиста, основанного в свою очередь на теории интервенционистского государства З. Баумана⁷⁷. Примечательно, что этот подход позволяет рассматривать российское беженство Первой мировой войны как часть универсального опыта современных современных государств и тем самым ставит под сомнения всевозможные построения, в рамках которых история России и сама Россия позиционируются как историческая аномалия. Характерно, что даже П. Гетрелл, когда-то подчеркивавший уникальность российского беженства, фактически отошел от этой идеи. Яркое тому свидетельство — собранный по его инициативе в 2017 г. сборник статей, объединивший различные национальные истории европейского беженства периода Первой мировой войны⁷⁸. При этом, следует отметить, что амбициозную задачу создания общего нарратива беженской истории 1914–1918 гг. эта книга едва ли решила. Она, скорее, показала различные траектории изучения ретроспективной тематики, которые вряд ли выводят на однозначные и тем более исчерпывающие оценки политического, социального и культурного значения беженства периода Первой мировой войны. Впрочем, это только доказывает тот факт, что история и ее прочтения имеют полное право быть инвариантными.

⁷⁷ См. об этом: Glebov S. In the court where multi-ethnic polities are on trial the jury is still out. Interview with Zygmunt Bauman // *Ab Imperio*. 2008. № 1. С. 19–21.

⁷⁸ *Europe on the Move. Refugees in the Era of The Great War*. Manchester, 2017.

ГЛАВА II

БЕЖЕНЦЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: АРХЕОЛОГИЯ ПРОБЛЕМЫ И ДИНАМИКА ПЕРЕМЕЩЕНИЯ¹

«Великая огромная волна катится. Она становится бесконечным лагерем у местечек и городов, ночью сверкает длинными огненными цепями костров по бокам дороги, днем заполняет шоссе густой, плотной массой, и, чтобы представить себе приблизительно численность этой толпы, надо проехать по этим лагерям. Теперь главная волна беженцев, по отзывам всех причастных к этому, схлынула. Теперь идут остатки — уже десятые двенадцатые валы... Извилистой сетью улиц и переулков убегает вдаль этот странный город из телег, кое-как сложенных шалашей, кое-как выцарапанных в мерзлой уже земле землянок. Станный табор странного времени, вернувшегося к первобытным кочевым временам, когда люди не знали оседлости, мирных занятий мирного времени, уюта и тепла постоянного очага... Сколько здесь ... людей? ... Нельзя сказать даже примерно...»²

Именно так один из современников осенью 1915 г. описывал перемещение гражданского населения Российской империи. Хлынувший во внутренние районы страны поток беженцев при этом сразу не был однородным и включал различные категории мигрантов. На это обстоятельство указывали уже наиболее информированные очевидцы. «Беженство, — подчеркивал в своем докладе, открывавшем работу Харьковского областного съезда Всероссийского союза городов 29 ноября 1915 г., товарищ председателя областного комитета союза С.М. Кузнецов, — должно быть разбито на несколько стадий, на несколько этапов и в тоже время должно быть разграничено и по своей структуре»³.

¹ Частично опубликовано в: Михалев Н.А., Пьянков С.А. Беженцы Первой мировой войны в Российской империи: численность, размещение, состав // Уральский исторический вестник. 2015. № 4 (49). С. 95–105.

² Мужель В. Осень 1915 года (из записной книжки) // Жизнь беженцев. 1916. 30 окт. С. 4.

³ Труды Харьковского областного съезда Всероссийского союза городов по вопросу об устройстве и эвакуации беженцев (Харьков, 29, 30 ноября, 1 декабря 1915 г.). Харьков, 1916. С. 14–15.

Все началось с того, что «в силу государственных соображений из полосы военных действий на 100 верст были высланы административным порядком лица немецкой национальности, находящиеся в русском подданстве»⁴. Тем самым военные власти, приступив с началом войны к массовой высылке и интернированию подданных Австро-Венгрии и Германии, вскоре применили аналогичные меры и по отношению к этническим меньшинствам, находившимся в российском подданстве. В число подвергнувшихся депортациям российско-подданных попали прежде всего немецкие колонисты и евреи, а также представители некоторых других этнорелигиозных групп⁵. Согласно оценкам Э. Лора, эти насильственные перемещения, названные им «великим выселением народов», затронули около 1 млн гражданских лиц и заняли «важное место в истории Европы как один из наиболее ранних примеров широкомасштабного, санкционированного государством насильственного переселения в XX столетии»⁶.

Другим источником «беженского потока» стала «эвакуация коренного населения, которая происходила вследствие того, что движение неприятеля заставляло очищать добровольно или по соображениям военным целые губернии, целые области»⁷. Эта «эвакуация» производилась в условиях отступления русских войск, прибегнувших по приказу Ставки к тактике выжженной земли. Как результат, к концу июня 1915 г. «наиболее обширные полчища беженцев на Северо-Западном фронте образовались из сельского населения Холмской и Люблинской губерний, двинутых целыми уездами, вследствие желания военного начальства предоставить врагу вместо цветущего края пустыню»⁸. Хотя в августе 1915 г. Совет министров признал «огуюльную эвакуацию населения с уничтожением имущества недопустимой», армейские акции по «очищению местности от населения» продолжались и далее⁹. Последствия этой политики наглядно запечатлела перепись беженцев в Риге, проведенная в апреле 1916 г. Программа

⁴ Труды Харьковского областного съезда Всероссийского союза городов по вопросу об устройстве и эвакуации беженцев (Харьков, 29, 30 ноября, 1 декабря 1915 г.). С. 14–15.

⁵ См. подробнее: Лор Э. Русский национализм и Российская империя: кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны. М., 2012. С. 145–179.

⁶ Там же. С. 9, 144.

⁷ Труды Харьковского областного съезда Всероссийского союза городов по вопросу об устройстве и эвакуации беженцев. С. 15.

⁸ Цит. по: Курцев А.Н. Беженцы первой мировой войны в России (1914–1917) // Вопросы истории. 1999. № 8. С. 101.

⁹ Там же. С. 102.

переписи включала вопрос о причине бегства и, отвечая на него, почти 91 % беженцев (44,8 из 49,5 тыс. чел.) в качестве такой причины назвали распоряжение гражданских или военных властей¹⁰.

Главной же составляющей массового беженства стало добровольно-вынужденное бегство населения приграничных губерний, не желавшего оставаться на линии фронта или под оккупацией. По заключению Министерства внутренних дел, с конца августа 1915 г. население прифронтовых районов «оставляет свои места не потому, что русские войска мерами насилия принуждают его это делать, а добровольно, не желая оставаться под выстрелами и вообще в районе, занятом неприятелем, так как среди народа упорно циркулируют слухи о жестоком обращении немцев с населением и конфискации у него жизненных запасов»¹¹. Распространению панических настроений способствовало и поведение представителей гражданской администрации. Н. Янушкевич, депутат Государственной Думы от Ковенской губернии, отмечал в связи с этим: «Неприятель в ста верстах, а губернатор бежит, сзади едет жена, везут собачек, цыплят и т.д., за ними целый эскадрон стражников — все это движется массой. В деревне все спокойно, но видят начавшееся «великое переселение начальства», и все обращаются в бегство, кто куда»¹².

Принцип «кто куда», став едва ли не определяющим, сбивал любые планы организованной отправки беженцев в тыл, что, в частности, засвидетельствовала датированная июлем 1915 г. телеграмма управляющего Министерством внутренних дел князя Н.Б. Щербатова, отправленная варшавскому генерал-губернатору: «Минский губернатор сообщает о прибытии в Минск большой партии беженцев из Радомской губернии. Между тем Минская губерния назначена для водворения беженцев Гродненской и Сувалкской губерний. Благоволите, Ваше сиятельство, распорядиться направлять беженцев Радомской губернии в Черниговскую»¹³.

Чем оборачивалось выполнение таких распоряжений, в свою очередь, зафиксировал Ф. Кудринский:

¹⁰ См.: Результаты переписи беженцев в г. Риге от апреля 1916 г. Рига, 1916. С. 15–16, 40.

¹¹ Цит. по: Курцев А.Н. Указ. соч. С. 102. См. также: Тяжелые дни (секретные заседания Совета министров 16 июля — 2 сентября 1915 года) / Сост. А.Н. Яхонтов // Архив русской революции. Т. XVIII. Берлин, 1926. С. 32–33.

¹² Государственная дума, четвертый созыв, сессия четвертая. Стенографические отчеты. Пг., 1915–1916. Стб. 811.

¹³ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 215. Оп. 1. Д. 224. Л. 22.

«По улицам сегодня потянулись новые волны беженцев... самые ужасные. Несколько сот повозок... и каких! Черных, отвратительно грязных, каких-то отчаянных... Я остолбенел от удивления. Я не видел еще более печального зрелища. Раньше среди нищеты все-таки попадались арбы, на которых заметны были признаки хоть какого-нибудь достатка, хоть имущество в арбах было... Но то, что движется сегодня, прямо-таки чудовищно по бедности. Внутри арб ничего нет, кроме детей и больных стариков, и сидят они почти на голых досках...

— Откуда вы? Кто вы? — задаю я вопросы, сознавая, что своими расспросами, быть может, только растрavляю их горе...

Ответы были краткие, но содержательные. Они — из Минской губернии, Новогрудского уезда. При нашествии немцев их выселили из этого уезда в Слуцкий уезд и расселили там по деревням. Потом их потревожили и приказали переселиться через Старые Дороги, за Днепр. Полтора месяца назад они шли через Рогачев, переселяясь за Днепр. Там их расселили в Годиловичах, Довске и др. селах на расстоянии 25–30 верст от Рогачева. А теперь сняли их опять и приказали ехать назад, в Рогачев на железную дорогу...

Вместе с минчуками прибыли и некоторые семейства люблинцев... Эти едут добровольно, без принуждения»¹⁴.

При этом главное в приведенном источнике — не только бесконечные скитания людей, перемещенных войной. Главное здесь — то, почему уже упомянутый выше С.М. Кузнецов включил в состав «беженской массы» не только собственно беженцев, но и представителей национальных меньшинств, подвергшихся принудительному выселению. Действительно, современники какое-то время разграничивали беженство и выселение. Так, генерал Ю.Н. Данилов утверждал, что депортированные немецкие колонисты беженцами не являются¹⁵. Согласно оценкам одного из участников внеочередного Пироговского съезда, состоявшегося 14–18 апреля 1916 г., среди «пришло-го элемента», «нахлынувшего» в 1915 г. из прифронтовых районов, «свободные беженцы составляют меньшинство 10–20 %, главный же контингент — это насильственно выселенные, их 80–90 %». Другой участник съезда также призывал различать беженцев и выселенцев: «Беженство — это стихия, выселение — произвол. С прекращением

¹⁴ Кудринский Ф. (Богдан Степанец) Людские волны: Беженцы. Пг., 1918. С. 168–169.

¹⁵ Gatrell P. A Whole Empire Walking: Refugees in Russia during World War I. Bloomington; Indianapolis, 1999. P. 31.

выселения легче станет бороться с беженством»¹⁶. Еще один современник признавал, что «количество людей, переброшенных ходом событий с запада на восток, было бы очень велико» и в том случае, если бы не господствовали соображения о необходимости принудительного выселения. Но «так как они господствовали, то с запада на восток хлынуло море»¹⁷.

Однако, как заключает в этой связи П. Гетрелл, границы между насильственным перемещением и добровольной миграцией в общественном дискурсе постепенно стерлись. Стерлись они прежде всего потому, что различные потоки мигрантов просто перемешались. Кроме того, и официальные, и полуофициальные круги стали отдавать все большее предпочтение термину «беженец», тем самым стараясь не акцентировать внимание на тактике русской армии и ее роли в экстраординарных перемещениях населения военных лет¹⁸. Стиранию границ между выселенцами и беженцами, наконец, напрямую способствовало и законодательное определение статуса последних. Согласно закону «Об обеспечении нужд беженцев», принятому 30 августа 1915 г., беженцами признавались «лица, оставившие местности, угрожаемые неприятелем или им уже занятые, либо выселенные распоряжением военных или гражданских властей из района военных действий, а также выходцы из враждебных России государств»¹⁹. Все это, вместе взятое, в конечном итоге и позволило современнику заключить: «Границы, вообще довольно спорные, стерлись, категории смешались. Да и мелочь они в огромном и тяжком явлении, которое может быть названо социальным потоком»²⁰.

В течение июня — июля 1915 г. скапливавшихся в прифронтовой зоне беженцев военные и гражданские власти старались перенаправить дальше в тыл, сначала в восточные уезды «своих» губерний, позднее — в соседние губернии. Собственно беженцы при этом довольно часто усложняли эту задачу. «Часть беженцев отходит за линию войск на 5 или 10 верст и останавливается, не желая двигаться далее точка Прошу принять энергичные меры к продвижению беженцев на Нижев, Малкин и Соколов, где желательно их посадить на железную

¹⁶ Труды внеочередного Пироговского съезда по врачебно-санитарным вопросам в связи с условиями настоящего времени (Петроград, 14–18 апреля 1916 г.). М., 1917. С. 66.

¹⁷ Борисов А. Внутренние дела и вопросы // Русские записки. 1915. № 12. С. 253.

¹⁸ См.: Gatrell P. Op. cit. P. 32.

¹⁹ Законы и распоряжения о беженцах. Вып. I. М., 1916. С. 2.

²⁰ Борисов А. Указ. соч. С. 253.

дорогу для перевозки в Смоленск...», — сообщалось, в частности, в телеграмме в Ставку от 19 июля 1915 г.²¹

Стоит ли удивляться, что в начале августа по инициативе Ставки состоялось решение о массовом перемещении беженцев во внутренние губернии с целью «разгрузить» прифронтовую местность от избыточного населения и предоставить ему более действенную помощь²². Эта работа была возложена на главноуполномоченных по устройству беженцев Северо-Западного и Юго-Западного фронта, на должности которых в июле 1915 г. были назначены С.И. Зубчанинов и кн. Н.П. Урусов²³. Ими был намечен и согласован план эвакуации, в соответствии с которым тяготеющими к Северо-Западному фронту и потому предпочтительными в смысле приема беженцев были признаны следующие губернии Европейской России: Гродненская, Минская, Могилевская, Смоленская, Орловская, Тамбовская, Пензенская, часть Самарской, Оренбургская и все губернии, находящиеся севернее перечисленных. Размещение беженцев с Юго-Западного фронта предполагалось производить в Екатеринославской, Киевской, Курской, Полтавской, Черниговской, Астраханской, Воронежской, Саратовской, южной части Самарской, Таврической, Харьковской, Херсонской губерниях, а также в Области войска Донского. Для каждой губернии должна была определяться ее потенциальная «емкость», при расчете которой учитывались «комбинированные данные о пространстве и населении» с поправкой на «местные практические условия»: наличие удобных путей сообщения, обеспеченность территории продовольствием, возможность для трудоустройства беженцев и т.п. В соответствии с этими предварительными планами на одну губернию должно было приходиться от 30 до 100 тыс. беженцев, но не более 5 % от местного населения. Для недопущения «переполнения» одних губерний за счет других направления движения размечались так, чтобы беженцы, находившиеся в эвакуируемой местности, направлялись по ближайшему гужевому или железнодорожному пути в одну-две определенные губернии. Такой подход должен был способствовать более рациональному проведению эвакуации еще и тем, что «более северные местности тыла получали направления в более северные губернии полосы заселения, более южные — в южные»²⁴.

²¹ ГАРФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 224. Л. 16.

²² См.: Курцев А.Н. Указ. соч. С. 103.

²³ См.: ГАРФ. Ф. 102. Оп. 2-е делопроизводство. 1915 г. Д. 328. Л. 80–81.

²⁴ См.: Там же. Л. 43–44, 54–54 об.; Инструкция, утвержденная Главноуполномоченным князем Урусовым 27 сентября 1915 г. // Югобеженец. 1915. 9 нояб. С. 2.

Забегая вперед, отметим, что в сентябре 1915 г. территория страны была разделена на 12 районов, куда были также назначены специальные главноуполномоченные, деятельность которых должна была помочь не столько делу планомерной эвакуации беженцев, сколько их устройству²⁵.

Практически одновременно с назначением фронтовых главноуполномоченных по устройству беженцев к делу неотложной помощи беженцам подключились Всероссийские Земский и Городской союзы, приступившие к организации сети питательных и изоляционных пунктов, а также устройству «заразных» барачков в ближайших к фронту районах. Кроме того, на совещании представителей союзов, состоявшемся 18 июля 1915 г. в Брест-Литовске, был выработан свой план эвакуации беженцев из фронтовой и прифронтовой зоны. Он предполагал создание нескольких линий «пунктов-заслонов». Передовые, «легко передвигаемые в зависимости от обстоятельств» пункты должны были располагаться на фронте и имели своей целью «кормить и направлять дальше беженцев». На границе между фронтом и центральными губерниями намечалась вторая линия, которая должна была «фильтровать поток беженцев», задерживая всех «подозрительных по заразным болезням», производить первоначальную регистрацию беженцев и направлять их во внутренние эвакуационные пункты. Во внутренних губерниях предполагалось создать распределители для дальнейшей отправки беженцев в тыловые регионы Европейской России и Сибири. При этом была намечена и «целая система мероприятий» для регулирования перевозки беженцев по железным дорогам²⁶.

Однако реализовать даже эти общие установки оказалось весьма проблематично. По словам председателя отдела по устройству беженцев Земского и Городского союзов М.М. Щепкина, «жизнь все эти планы, все эти заслоны спутала окончательно... Когда эта стихия поднялась волной и пошла, большинство намеченных заслонов и распределителей оказалось в виде красных, зеленых и синих кружков на наших планах»²⁷. Главноуполномоченные также не могли установить полного контроля над движением беженских потоков. Получив сведения, что «беженцы идут широкой волной по всему пространству

²⁵ См.: Законы и распоряжения о беженцах. Вып. II. М., 1916. С. 2–5.

²⁶ См. подробнее: Очерк деятельности Всероссийского Союза Городов. 1914–1915 г. М., 1916. С. 127–130.

²⁷ Щепкин М.М. Беженцы и организация помощи им в связи с работами Особого Совещания. М., 1916. С. 17–18.

Северо-Западного фронта», С.И. Зубчанинов 27 июля 1915 г. выехал из Петербурга в действующую армию. Посетив г. Кобрин, «скопища» беженцев у которого в то время достигали 200 тыс. чел., он установил, что весь путь от Бреста к Москве в пределах Гродненской, Минской, Могилевской и Смоленской губерний уже был «усеян беженцами». Те же «стихийность, неорганизованность и обширность явления» он увидел в Виленской, Ковенской, Лифляндской, Витебской и Псковской губерниях. В таких условиях С.И. Зубчанинов был вынужден признать, что связанные с эвакуацией «расчеты на работу планомерную если не совсем рушились, то во всяком случае при первом соприкосновении с действительностью стали колебаться. Можно было думать не о коренных мерах, с которыми запоздали, а о внесении лишь некоторых частичных улучшений в положение беженцев...»²⁸

Для выполнения этой задачи главноуполномоченные приступили к формированию своего аппарата и разворачиванию его деятельности на местах. Так, для «ближайшего заведования» делом по устройству беженцев в губерниях, попавших в район Юго-Западного фронта, Н.П. Урусовым были назначены особоуполномоченные, располагавшие целым штатом сотрудников: помощниками из числа «комиссаров, земских начальников или землеустроительных чинов», собственной канцелярией и агентами, направлявшимися для руководства отдельными пунктами или выполнения специальных поручений²⁹. Одна из главных задач особоуполномоченных заключалась в объединении «функционирующих без всякой между собой связи» лиц и местных общественных и благотворительных организаций, «взявших на себя труд обслуживать беженцев». Кроме забот о продовольствии и «охранении здоровья», на них были также возложены обязанности по непосредственной эвакуации беженцев, которая должна была осуществляться по следующей схеме. Особоуполномоченные или их сотрудники формировали партии беженцев на местах посадки и распределительных пунктах, отправляли их в места назначения, определенные главноуполномоченным, одновременно проводя проверку «транзитных» беженцев. При этом каждая партия беженцев с места выселения до места водворения сопровождалась «особыми провожатыми», которые назначались «преимущественно из должностных лиц крестьянского самоуправления, священников, учителей и, в крайнем случае, из числа более развитых беженцев». С посадочных

²⁸ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 2-е делопроизводство. 1915 г. Д. 328. Л. 55.

²⁹ Там же. Л. 43–44.

и распределительных станций уполномоченные уведомляли телеграммой губернаторов тех тыловых губерний, в которые следуют беженцы, о количестве отправленных или прошедших с указанием мест назначения и номеров поездов, которыми они направлялись.

Позднее Н.П. Урусов расширил свой аппарат, дополнив его уполномоченными, состоявшими при командующих армиями. В круг их обязанностей входило «установление и поддержание постоянной связи между штабами армий и главноуполномоченным, так как все распоряжения последнего должны согласоваться с видами и целями военного начальства». С целью контроля «как за правильным направлением эвакуируемых, так и за своевременным снабжением их продовольствием и врачебной помощью», специальные уполномоченные были отправлены на узловые и наиболее крупные транзитные железнодорожные станции, в частности: Бердичев — Казатин — Фастов, Винница — Жмеринка — Вапнярка, Бирзула — Раздельная — Слободка, Знаменка — Користовка — Елизаветград, Ворожба — Бахмач — Нежин и Ровно — Бердичев. Наконец, чтобы «облегчить труд губернаторов», в тыловые губернии, предназначенные для расселения беженцев Юго-Западного фронта, были также командированы особые уполномоченные³⁰. На путях следования беженцев были организованы, в т.ч. при участии Земского и Городского союзов, врачебно-санитарные, питательные и иные пункты³¹.

Сходные мероприятия были осуществлены С.И. Зубчаниновым и в районе Северо-Западного фронта: был сформирован штат районных уполномоченных и их помощников, на 18 узловых железнодорожных станций были также назначены «наблюдающие» за движением беженцев, в сотрудничестве с общественными организациями открывались врачебно-питательные пункты³². При этом организация по устройству беженцев Северо-Западного фронта получила название «Северопомощь», Юго-Западного — «Югобеженец».

Все эти меры, однако, имели лишь ограниченный успех. «Сосредоточение всего дела эвакуации беженцев и помощи им в руках двух лиц, наделенных обширными полномочиями и огромными средствами, не повело, однако, к упорядочению движения», — говорилось

³⁰ См. подробнее: Инструкция, утвержденная Главноуполномоченным князем Урусовым 27 сентября 1915 г. // Югобеженец. 1915. 9 нояб. С. 2; Краткие сведения по устройству беженцев юго-западного фронта // Там же. 23 нояб. С. 1–2.

³¹ См.: Щепкин М.М. Указ. соч. С. 27.

³² См.: ГАРФ. Ф. 102. Оп. 2-е делопроизводство. 1915 г. Д. 328. Л. 54–54 об., 55 об.

в отчете Смоленского губернского комитета Всероссийского земского союза. Переселение беженцев продолжало носить «стихийный характер». Запланированное разделение между фронтами внутренних губерний на зоны приоритетной эвакуации «встречало серьезные затруднения», и беженцы Северо-Западного фронта продолжали поступать «в район князя Урусова». Далеко не всегда происходило предварительное определение «емкости» принимающих губерний, в результате чего «одни губернии перегружались, другие оставались более или менее свободными от беженцев»³³.

Проведению организованного перемещения беженцев препятствовала, кроме того, ведомственная разобщенность и отсутствие единоначалия. Несмотря на назначение главноуполномоченных, «различные ведомства продолжали считать своей обязанностью вникать в дело помощи беженцам и издавать через посредство главноуполномоченных или даже помимо их свои распоряжения». Так, в начале августа 1915 г. С.И. Зубчанинов передал на станцию Смоленск, ставшую одним из крупных транзитных пунктов движения беженцев, указание министра путей сообщения о сопровождении беженских поездов фельдшером и отправке этих поездов со станции только после звонков. Оно, однако, осталось неисполненным, и «все поезда продолжали прибывать и отправляться без фельдшеров и без звонков», чему напрямую способствовали распоряжения других чиновников. В конце того же месяца в Смоленске была получена телеграмма начальника санитарного отдела штаба снабжения Северо-Западного фронта В.Б. Гюббенета, требовавшего «из санитарных соображений» более продолжительных стоянок беженских поездов. В то же время телеграмма Управления военных сообщений Северо-Западного фронта за подписью генерала Д.М. Дернова, наоборот, предписывала ускорять движение таких поездов и сокращать продолжительность их стоянок. Создавалась ситуация, когда «распоряжения, касающиеся беженского движения, шли со всех сторон», что не могло не вносить еще большей путаницы в дело эвакуации беженцев³⁴.

«Такое положение дела становится длительным, быть может, хроническим. В конце августа мы встречаем ту же картину хаоса и дезорганизации, что и раньше, с тою лишь разницей, что место действия

³³ См.: Отчет о деятельности Смоленского Губернского Комитета Всероссийского Земского Союза по оказанию помощи беженцам, следовавшим через станцию Смоленск (транзитным) за время 17 июня — 1 ноября 1915 г. Смоленск, 1915. С. 6–7.

³⁴ Там же. С. 8–9.

переносится дальше на восток», — констатировалось в одном из документов без особой надежды на то, что ситуация изменится³⁵.

Усугублению «путаницы», приведшей к расстройству первоначальных планов по перемещению беженского населения, способствовала так до конца и не решенная проблема «стройного» использования «шоссейных и рельсовых путей». Перевозка беженцев по железным дорогам в летние месяцы 1915 г. не была массовым явлением. В приоритете железных дорог стояли грузы военного назначения и иные материальные ценности, эвакуируемые с линии фронта. С.И. Зубчанинов отмечал по этому поводу:

«В наиболее угрожаемой Гродненской губернии вагоны для беженцев отпускались как великая милость. Нередко на мои требования предоставить вагоны (или хотя бы открытые платформы) для перевозки слабых и безлошадных — я получал отказ, мотивированный отсутствием свободного подвижного состава, и в то же время передо мной проходили целые поезда, груженные всякой рухлядью, от казенных ломаных повозок, с которыми только в одном поезде прошло через Слоним из Белостока 22 платформы, до цветочных горшков включительно, принадлежащих хозяевам положения — эвакуированным железнодорожным служащим. Местами приходилось даже прибегать к насильственному впихиванию беженцев в вагоны, считавшиеся окончательно загруженными, лишь бы только дать им возможность двигаться вперед»³⁶.

Рост спроса на подвижной состав и его нерациональное использование приводили к тому, что беженцы, как это, например, происходило в июле 1915 г. на станции Смоленск, «зачастую ехали на открытых платформах, между орудиями, под рельсами Полесских железных дорог, которые на платформах перевозились в глубокий тыл; на крышах вагонов, скрываясь от дождя и ветра в самодельных шатрах»³⁷. С наступлением осени условия передвижения не улучшились: на протяжении первой половины сентября беженцев продолжали перевозить на открытых платформах, а во второй — хоть и в крытых, но неотапливаемых вагонах. Неоднократные требования армейских властей и Министерства путей сообщений предоставлять для транспортировки

³⁵ Сдвиг беженцев с мест // Беженцы и выселенцы. Отдельные оттиски из № 17 Известий Всероссийского союза городов. М., 1915. С. 52.

³⁶ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 2-е делопроизводство. 1915 г. Д. 328. Л. 56 об.

³⁷ Отчет о деятельности Смоленского Губернского Комитета Всероссийского Земского Союза по оказанию помощи беженцам, следовавшим через станцию Смоленск (транзитным) за время 17 июня — 1 ноября 1915 г. С. 11.

беженцев теплые вагоны выполнялись не всегда, и с середины октября беженцам, следовавшим через Смоленск в холодных вагонах, стали выдаваться железные печки и трубы, приобретаемые по указанию губернского комитета Земского союза³⁸. Пример Смоленского комитета вовсе не был общим местом. Так, в начале ноября 1915 г. беженцы, находившиеся в поездах, следовавших в Сибирь через Златоустовский уезд, для того чтобы согреться, вынуждены были раскладывать костры прямо в вагонах, заявляя на протесты железнодорожной администрации, что им все равно, от чего умереть, от мороза или от огня³⁹. В то же время при уже стоявших в тот момент в Сибири 30-градусных морозах Управление Забайкальской железной дороги циркулярно разрешило перевозку беженцев в неотапливаемых вагонах по причине отсутствия теплушек⁴⁰.

Отчеты агентов-проводников, которые с августа 1915 г. стали направляться для сопровождения беженцев региональными отделениями Земского и Городского союзов, были полны сведений о множестве «лишений, огорчений» и всякого рода «испытаний», которые приходилось «претерпевать беженцам при передвижении по железнодорожным путям». Типичным было описание практически непригодных к перевозке людей вагонов, из которых составлялись эшелоны с беженцами. Так, священнику Михаилу Сошинскому, прибывшему на станцию Славута, удалось получить для беженцев только именно такие вагоны:

«Около 4-х часов 12 сентября было подано для беженцев восемнадцать вагонов. Почти все они имели жалкий вид. Некоторые из них выслужили свой срок. Например, тот вагон, в котором я поместился, должен был выйти из употребления еще десятого августа сего года. Был он из-под угля и имел в своих стенах щели. Вообще вагоны для людей были грязные: из-под извести, угля и ни одной теплушки. Вычистить вагоны не представлялось возможным и, приведя их кое как в порядок, люди садились в них. Оставшаяся пыль от угля и извести дорогой вследствие ветра страшно поднимались, грязня людей и их одежду, так что мыло, взятое мною в дорогу, приходилось раздавать щедрой рукою. С таким положением приходилось, однако, мириться...»⁴¹

³⁸ См.: Отчет о деятельности Смоленского Губернского Комитета Всероссийского Земского Союза по оказанию помощи беженцам, следовавшим через станцию Смоленск (транзитным) за время 17 июня — 1 ноября 1915 г. С. 12–13.

³⁹ См.: В беженских поездах // Беженец. 1915. 1 нояб. С. 6.

⁴⁰ См.: Жестокое распоряжение // Беженец. 1915. 8 нояб. С. 10.

⁴¹ Труды областного совещания по оказанию помощи беженцам, состоявшегося в г. Киев при Комитете Юго-Западного фронта Всероссийского Земского Союза 15–17 октября 1915 г. Киев, 1915. С. 17.

Другой типичной проблемой была чрезвычайно низкая скорость движения беженских поездов. По словам другого сопровождающего, чтобы преодолеть путь от Киева до станции Ворожба расстоянием 277 верст поезду с беженцами потребовалось целых пять суток, иными словами, он шел так же быстро, «как передвигаются только на волах»⁴². Такая медлительность была вызвана частыми, иногда довольно продолжительными, остановками поездов на небольших станциях, где к тому же отсутствовала необходимая инфраструктура для удовлетворения элементарных потребностей и без того измученных пассажиров:

«Обычно беженцы задерживаются и голодают, как это ни странно, не доезжая одного перегона до станции с питательным пунктом. Так, например, по свидетельству одного агента, его эшелон беженцев особенно долго стоял на станции Носовка в 23-х верстах от Нежина, на станции Плиски в 24-х верстах от Бахмача, на станции Путивль в 25-ти верстах от Ворожбы. И вот в то время, как в 25-ти верстах для беженцев готов обед, они из-за остановки лишаются его и голодные должны ночевать на малой станции...

По свидетельству другого агента-проводника, Н.Д. Колесникова, “железнодорожная администрация в большинстве случаев обращается с беженцами как с дровами”. Бывают случаи, что эшелоны с беженцами стоят по 10–12 часов и даже целые сутки на маленьких станциях, благодаря чему беженцы голодают. На станции Дьяково М[осковского]-К[иевской]-В[оронежской] железной дороги помощник начальника станции задержал поезд с беженцами, несмотря на то что по лично наведенным агентом справкам в Курске, Курск принимал поезда с беженцами»⁴³.

Даже тогда, когда принимающие станции располагали питательными пунктами, случалось, что поезда отправлялись по усмотрению станционного начальства, независимо от того, была ли к этому моменту завершена раздача пищи. В результате «одни успевают получить пищу, а другие нет, причем многие беженцы отстают от поезда и бывают даже случаи, ... что беженцы попадали и под колеса вагонов»⁴⁴.

Перевозка беженцев в неприспособленных вагонах, их «скупенность» (случалось, что в одном вагоне ехало до 100 чел.⁴⁵), отсутствие

⁴² См.: Там же. С. 20–21.

⁴³ Там же. С. 22.

⁴⁴ Там же. С. 23.

⁴⁵ См.: Отчет о деятельности Смоленского Губернского Комитета Всероссийского Земского Союза по оказанию помощи беженцам, следовавшим через станцию Смоленск (транзитным) за время 17 июня — 1 ноября 1915 г. С. 11.

адекватной медицинской помощи в пути приводили к распространению среди беженцев различных инфекционных и иных заболеваний. По всей видимости, один из участников внеочередного Пироговского съезда 1916 г., выступая в прениях по докладу «О беженцах в Москве», совсем не преувеличивал, когда эмоционально заявил, что этот доклад лишь

«...несколько приотворил перед нами дверь товарного вагона, в котором транспортируют беженцев, приотворил настолько, чтобы вынести оттуда трупы детей и взрослых. Но он не заглянул с вами внутрь вагона. Там вы увидели бы помещение, битком набитое человеческими телами — от грудных младенцев до глубоких стариков; увидели бы детей, больных дифтерией, скарлатиной, оспой, корью и поголовно дизентерией; услышали бы стоны мучающихся в родах женщин; увидели бы лежащих в бреду, в агонии тифозных и корчащихся в судорогах холерных больных»⁴⁶.

Неудивительно, что с прибывавших беженских поездов снимали «по три, четыре и пять покойников», как это было, например, в Оренбурге⁴⁷. На станции Ртищево в Саратовской губернии, через которую к весне 1916 г. прошло более 450 тыс. беженцев, с поездов было снято более 200 трупов и «заразных — холерных, сыпнотифозных, дизентерийных и пр.» — более 700 чел.⁴⁸ По настоящему критическая ситуация с беженцами сложилась в августе 1915 г. на Полесских железных дорогах около станции Гомель:

«Беженцы попережку с трупами холерных на протяжении нередко 15 верст стоят близ Гомеля сплошной линией поездов. По ночам здоровые беженцы выбрасывают из своих вагонов трупы холерных на полотно дороги, днем власти снова размещают эти трупы по вагонам беженцев так как их приказано хоронить только в местечке Новобелица по проезду Гомеля. Новобелица не успевая хоронить, отказывается принимать трупы. Для отгрузки ужасного груза железная дорога ночью тайком бросает эти вагоны в районе Новобелицы, где они отгружаются подобно грузам малой скорости. Беженцы, соприкасавшиеся с покойниками, за недостатком изоляционных пунктов не выдерживаются в карантине»⁴⁹.

⁴⁶ Труды внеочередного Пироговского съезда по врачебно-санитарным вопросам в связи с условиями настоящего времени (Петроград, 14–18 апреля 1916 г.). С. 62.

⁴⁷ См.: По земской России (из газет и журналов) // Известия Главного комитета Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам. 1915. № 21. С. 75.

⁴⁸ См.: Труды внеочередного Пироговского съезда по врачебно-санитарным вопросам в связи с условиями настоящего времени (Петроград, 14–18 апреля 1916 г.). С. 64.

⁴⁹ ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 3048. Л. 7.

Наиболее красноречивым признаком отсутствия должного контроля за организацией передвижения беженцев по железным дорогам стали маршруты, которыми приходилось следовать беженским поездам. Конечные пункты назначения этих поездов, как уже говорилось, определялись правительственными главноуполномоченными в соответствии с принятым ими разделением внутренних губерний на зоны приоритетной эвакуации. Однако, маршрут следования зависел не только и не столько от решения уполномоченного, сколько от «сложной совокупности обстоятельств», прежде всего, от наличия свободных путей, которые в условиях напряженного грузо- и пассажиропотока с линии фронта обычно были заняты⁵⁰. Начальник военных сообщений при Верховном главнокомандующем С.А. Ронжин дал такую оценку ситуации на российских железных дорогах, сложившейся в результате массовой эвакуации первой половины 1915 г.:

«Недостаточно определенные и часто запаздывающие распоряжения по эвакуации со стороны военных властей и отсутствие надлежащего спокойствия у исполнителей сделали работу железных дорог с самого начала очень нервной. По мере отступления и неизбежного распространения по линиям тревожных слухов и на головных станциях, и все глубже в тылу производилась спешная и нередко совершенно произвольная погрузка и отправка казенного и частного имущества. Руководство движением было до крайности затруднено непрерывно менявшейся обстановкой, а иногда и вмешательством лиц командного состава. Поезда, следовавшие с головных участков под давлением военной необходимости, проталкивали вглубь составы попутных станций и постепенно как бы спрессовывали движение. Число отправляемых поездов значительно превышало пропускную способность линий, и на станциях начали образовываться пробки. Подходившие с фронта составы вынуждены были останавливаться в пути, вследствие чего получались непрерывные линии вагонов в десятки верст длиною»⁵¹.

То, каким образом эти обстоятельства отразились на перевозке беженцев, наглядно описал уже упоминавшийся председатель Отдела по устройству беженцев Земского и Городского союзов М.М. Щепкин:

«Мы предполагали, что эта волна [беженцев — *Авт.*] должна пойти по такой-то железной дороге, но оказалось, что на этой именно

⁵⁰ См.: Борисов А. Указ. соч. С. 254.

⁵¹ Сенин А.С. Генерал С.А. Ронжин и его очерк о российских железных дорогах в Первую мировую войну // Новый исторический вестник. 2013. № 38. С. 119.

дороге образовалась в движении пробка и по этому пути беженцы идти не могут. Вместо того, чтобы идти на Вятку, они попадали в Ростов-на-Дону. Вместо того, чтобы попадать прямо на восток, они шли назад — на запад. Агенты Зубчанинова стремились, где можно, посадить беженцев на поезд, дать ему назначение в определенную губернию и телеграммой предупредить соответствующего губернатора. Такая стройность оставалась лишь в мечтах. Медленно двигаясь, зацепляясь по пути за различные железнодорожные “пробки”, постепенно меняя первоначально полученное направление, такой поезд вместо юга уклонялся к северу и, сверх ожидания, застревал где-нибудь на запасных путях московского или иного узла... И вот поезд, получивший на месте одно назначение, в пути таковое совершенно изменяет. В результате — губернатор, которого предупредили, претендовал на Зубчанинова, что беженцы не пришли; а те, которых не предупредили, претендовали, что на них совершенно неожиданно свалились эти беженцы и они не смогли их устроить...»⁵²

Резюмируя, автор образно заключал: «На этом деле жизнь лишней раз дала яркое подтверждение поговорки “на плане — как на органе, на деле — как на барабане”. “Барабан” действительной жизни беспощадно отбивал свой резкий такт, не считаясь с успокоительными мелодиями “органа”, намечаемыми планами уполномоченных»⁵³.

Слова М.М. Щепкина подтверждали характерные случаи появления «блуждающих» поездов с беженцами. К ним относилась, в частности, «грустная история» странствий группы беженцев из Гродненской губернии в составе 510 чел., рассказанная ее проводниками М.И. Резановым и В.Н. Морозовым. Поезд, который они сопровождали, отправился из Курска в Херсон, но благополучно добрался только до станции Корытовка, где беженцев «ждал сюрприз»:

«Начальник станции объявил:
— В Херсон я вас отправить не могу.
— Как? Почему?
— Получено распоряжение.
— Но у нас ведь назначение в Херсон.
— Ничего не могу сделать...

Поезд с беженцами отправили вместо Херсона в Пятихатку. Здесь злополучный поезд продержали 27 часов, пока оказалось возможным отправить его в Екатеринослав, куда он прибыл в ночь на 27-е октября»⁵⁴.

⁵² Щепкин М.М. Указ. соч. С. 17–18.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Блуждающий поезд // Беженец. 1915. 8 нояб. С. 9.

Выяснилось, правда, что в связи с переполнением губернии, оставить беженцев в Екатеринославе не представлялось возможным, и поезд получил новое назначение — в Пензу. «Однако, еще вопрос, примут ли нас в Пензе, — говорили проводники. — Возможно, заключения и мытарства “блуждающего поезда” еще далеко не окончились, и несчастные беженцы, как грешные души, еще не скоро найдут отдых и покой»⁵⁵.

Вполне возможно, что опасения проводников оправдались, поскольку подобного рода «бродячие» поезда, предварительно побывав в Харькове, Екатеринославе и Пензе, осенью 1915 г. оказались на станции Воронеж, куда шли беженские эшелоны как с Северо-Западного, так и Юго-Западного фронта, зачастую прибывая с двух конечных станций одной и той же железнодорожной линии. Причем массовое появление беженцев в Воронежской губернии явилось совершенной неожиданностью для местных властей, поскольку никаких предварительных уведомлений губернская управа ни от кого не получала⁵⁶.

Не очень повезло и большой группе беженцев из Виленской губернии, которая попыталась добраться к своим родственникам и землякам, проживавшим в Херсонской губернии. Уже в дороге беженцы заметили, что их «везут не туда»:

«На сызранском распределительном пункте они постарались выяснить ошибку и вторично заявили о своем желании поселиться в Херсонской губернии. Но в Сызрани им порекомендовали заявить об этом в Челябинске. Заявляли и в Челябинске и энергично заявляли. Там им дали категорическое обещание вернуть в Херсонскую губернию, но отправили дальше на восток, вглубь Сибири. Отправиться в Херсонскую губернию беженцы смогли лишь из Томска. Отсюда же (т.е. из Томска) направляли беженцев в Рыбинск, в Актюбинск (Оренбург-Ташкентской дороги) и т.п.»⁵⁷

Отправленный в обратную сторону по направлению к Челябинску поезд был остановлен на небольшой станции Чебулы и снова развернут на восток, к Томску, до ближайшей большой станции Болотная. Продолжавшаяся более двух недель переписка по этому вопросу между железнодорожным начальством и томским губернатором, завершилась тем, что губернатор предложил председателю Томского уездного

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ См.: Труды областного совещания по оказанию помощи беженцам, состоявшегося в г. Киев при Комитете Юго-Западного фронта Всероссийского Земского Союза 15–17 октября 1915 г. С. 73–74.

⁵⁷ Борисов А. Указ. соч. С. 260–261.

комитета помощи беженцам «немедленно разместить данную партию беженцев». Все это время беженцы «сидели в вагонах, столь необходимых теперь для подвоза предметов первой необходимости»⁵⁸.

В первой половине октября 1915 г. для упорядочения эвакуации беженцев Министерством внутренних дел была введена система маршрутных поездов с прямой доставкой людей до пункта назначения. По данным А.Н. Курцева, только за октябрь было сформировано 200 таких поездов, каждый из которых вмещал более 1 тыс. чел. с вещами⁵⁹. Сокращая до возможного минимума сроки перевозки беженцев, эта система имела и «известные неудобства», наиболее существенное из которых, как отмечал Земский союз, заключалось в том, что «беженцы направляются во внутренние губернии не в соответствии с числом свободных там мест, что при значительном перегружении может повлечь за собой нежелательное осложнение местной жизни». Кроме того, наблюдались случаи одновременной отправки крупных партий беженцев на небольшие станции, быстрое расселение в районе которых было невозможно: «на таких станциях беженцы скопляются в значительных количествах, днями ожидая предназначенных для развоза их по селениям и деревням подвоз»⁶⁰.

Вполне закономерно, что, обсуждая проблему беженства на Пироговском съезде весной 1916 г., его участники практически единодушно описывали передвижение беженцев вглубь страны не иначе как «первобытный хаос». Детализируя эту общую характеристику, представитель Саратовской губернии отмечал:

«В общем картина передвижения беженцев и ожидания их была одинакова как на местах, близко расположенных к фронту, так и в ближнем и даже самом глубоком тылу. ... Ни администрация, ни общественные учреждения не были подготовлены к этому движению. ... До самого последнего времени в губернии никто не знал, откуда, когда и сколько придет беженцев. Каждый раз появление их было неожиданностью. Так называемые маршрутные поезда не приходили, а вместо них в губернию прибывали случайные партии, каждый раз неожиданно для местных работников»⁶¹.

⁵⁸ Борисов А. Указ. соч. С. 260–261.

⁵⁹ См.: Курцев А.Н. Указ. соч. С. 104.

⁶⁰ Из деятельности отдела по устройству беженцев Земского и Городского союзов // Известия Главного комитета Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам. 1915. № 26. С. 48–49.

⁶¹ Труды внеочередного Пироговского съезда по врачебно-санитарным вопросам в связи с условиями настоящего времени (Петроград, 14–18 апреля 1916 г.). С. 63–64, 76.

Вместе с тем, несмотря на все сложности, именно по железным дорогам была перевезена основная масса беженцев, влившихся и в без того огромный поток грузов, отправленных на восток. Так, на юго-западных железных дорогах для транспортировки беженцев было задействовано 35 тыс. вагонов, из них около 10 тыс. было разгружено в пределах юго-западных дорог, остальные проследовали транзитом вглубь страны. Кроме того, около 15 тыс. вагонов было погружено на самой дороге. На Риго-Орловской дороге было принято 7 тыс. вагонов грузов и 500 тыс. беженцев; в ее пределах было погружено 35 тыс. вагонов грузов и 300 тыс. беженцев. Правление дороги указывало на полное отсутствие какой-либо организации в деле эвакуации беженцев, которые оказались предоставлены самим себе. Известно, что северо-западные дороги приняли 62,4 тыс. вагонов с грузами и беженцами, большинство которых (43,3 тыс. вагонов) было разгружено в пределах дороги, где также было погружено 1,6 тыс. вагонов с грузами и 750 вагонов с беженцами. Московско-Виндаво-Рыбинская дорога только за два месяца с 22 июля по 24 сентября 1915 г. приняла 32,8 тыс. вагонов с беженцами и грузами. Александровская железная дорога приняла 32,2 тыс. вагонов беженцев и грузов, из них около трети (11,4 тыс. вагонов) было разгружено на станциях дороги, а остальные проследовали транзитом. С 1 августа по 25 сентября 1915 г. располагавшаяся далеко от линии фронта Московско-Казанская железная дорога приняла 7,9 тыс. вагонов с беженцами и грузами; около половины их было разгружено на станциях дороги, а остальные прошли транзитом далее. Особенно большая нагрузка выпала на Полесские железные дороги, которые за полтора месяца отправили 5,5 тыс. вагонов с беженцами и 80 тыс. вагонов с грузами. До 200 тыс. беженцев проследовало по Екатерининской железной дороге. Всего, как установил А.Л. Сидоров, в течение двух летних месяцев 1915 г. для перевозки беженцев и различного оборудования на российских железных дорогах было задействовано 115 тыс. вагонов⁶².

Для передвижения беженцев активно использовались и гужевые пути. Однако в этом случае «надлежащего порядка» также не наблюдалось. Во фронтовых районах гужевые маршруты движения избирались по согласованию с армейским начальством, которое могло неоднократно менять их в течение одного и того же дня. «Какая бы то ни было планомерная работа при таких условиях, — признавал

⁶² См.: Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы первой мировой войны. М., 1973. С. 590–592.

С.И. Зубчанинов, — делалась чрезвычайно затруднительной, так как каждый маршрут должен быть оборудован врачебными и питательными пунктами, снабжен фуражом, обставлен для распорядка стражей и проч.»⁶³ Позиция военных, не без основания рассматривавших беженцев как препятствие на пути движения войск, была главным препятствием, мешавшим решению всех этих задач. По словам одного «вдумчивого офицера» Генерального штаба, ставшего непосредственным очевидцем беженского движения летом 1915 г.,

«это такое бедствие, что трудно себе представить что-нибудь более ужасное; это — люди, до дна пьющие чашу несчастья; это я отчетливо знаю. Но когда наша часть спешит на поддержку другого своего отряда, и когда нужно пересечь или занять дорогу, а по этой дороге двигаются и мешают пройти беспорядочные толпы, забываешь о том, что это несчастные, и видишь в них только помеху, которую нужно устранить»⁶⁴.

Критические ситуации создавались и в случаях, когда для передвижения беженцев отводились обходные, проселочные дороги, «намечаемые просто по карте, без всякого соображения о состоянии этих дорог, как это имело место в отношении путей с Кобрина на Пинск и с Зельвы до Новогрудок»⁶⁵. В то же время возникали ситуации, когда специально предназначенные для движения беженцев гужевые пути оставались пустыми, а усилия правительственных и общественных организаций, затраченные на их оборудование всей необходимой инфраструктурой, оказывались напрасными. Так, например, подготовленным для беженцев трактом Витебск — Поречье — Белый — Ржев в октябре 1915 г. воспользовались лишь «единичные подводы» вместо ожидавшихся 400 тыс. беженцев⁶⁶. Глядя на все это, один из современников с горечью заключал: «...У семи нянек дитя без глазу. Потоки беженцев льются там, где нет ни помощи, ни надзора. А там, где собраны силы, налажены санитарные и продовольственные организации, нет беженцев»⁶⁷.

Ожидая определения согласованных с военными маршрутов передвижения, беженцы — уже вторично — оказывались жертвами

⁶³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 2-е делопроизводство. 1915 г. Д. 328. Л. 56 об. — 57.

⁶⁴ Шаров С. Начальная летопись Калитниковского поселка (К материалам по вопросу о помощи беженцам в Москве) // Известия Всероссийского союза городов. 1918. № 1–2. С. 56.

⁶⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 2-е делопроизводство. 1915 г. Д. 328. Л. 57.

⁶⁶ См.: Сокращение движения беженцев // Беженец. 1915. 25 окт. С. 10.

⁶⁷ Борисов А. Указ. соч. С. 259.

наступления противника. Именно так, в частности, произошло с беженцами, скопившимися под Кобриным, которые 15 июля 1915 г. подверглись налету немецкой авиации. На лагерь беженцев, вероятно, принятый за обоз русской армии, было сброшено до 80 бомб⁶⁸. Е.А. Никольский, районный уполномоченный Главного управления по устройству беженцев Северо-Западного фронта, находившийся тогда в Кобрине и также попавший под эту бомбардировку, подробно описал ее катастрофические последствия:

«Войдя в лагерь, я оказался перед ужасной картиной. У моих ног лежал старик ничком к земле, голова у него была совершенно разбита и представляла бесформенную массу. Около него лежала молодая девушка, у которой были перебиты обе ноги, нижние их части от колен были откинuty в стороны и образовали по отношению к ее туловищу прямые углы. Почти вся она была обнажена, кровь медленно вытекала из разорванных кровеносных сосудов. Она была еще жива, с открытыми огромными глазами, выражавшими неопикуемый ужас...

Вокруг меня огромная толпа безумно кричала в каком-то ужасном смятении, все были как сумасшедшие. В этот момент где-то поблизости опять упали несколько бомб одна за другою. Крики толпы усилились. Я поднял взор на небо и увидел несколько аэропланов, блестящих серебром на ярких лучах солнца. Было ясно видно, как ближайший бросил бомбу, которая полетела на массу безумных людей.

Голова у меня закружилась, я почувствовал терпкий запах горячей человеческой крови и, не помня себя, бросился бежать. Но скоро, споткнувшись о чье-то мертвое тело, упал на него, мои руки коснулись еще горячей крови. Я в ужасе вскочил и постарался выйти как можно скорее из толпы народа.

Совершенно бессознательно достиг я, наконец, ближайшей улицы города, пробежал несколько кварталов и пришел в себя только тогда, когда увидел несколько санитарных повозок, несущихся мне навстречу. Я остановил первую повозку и дал указание находившемуся в ней доктору, куда ехать за ранеными. Сам пошел домой и послал еще двух человек с запиской в штаб войск с просьбой выслать еще не менее двадцати санитарных повозок — мне было ясно, что раненых много.

Действительно, раненых оказалось более четырехсот человек. Сколько было убитых, узнать не удалось — близкие сразу предали их погребению там, где их настигла смерть»⁶⁹.

⁶⁸ См.: ГАРФ. Ф. 102. Оп. 2-е делопроизводство. 1915 г. Д. 328. Л. 57 об.

⁶⁹ Никольский Е.А. Записки о прошлом / Сост. и подгот. текста Д.Г. Браунса. М., 2007. С. 220.

Начавшееся вскоре немецкое наступление заставило срочно организовывать эвакуацию беженцев из Кобрина. Их десятидневный путь по шоссе из Кобрина в Слуцк через Пинские болота при повторявшихся налетах авиации противника проходил в условиях настоящей гуманитарной катастрофы. Воспоминания Е.А. Никольского, сопровождавшего беженцев, настолько реально запечатлели события этого перехода, что стоят того, чтобы привести их практически полностью:

«Первый переход в пятнадцать верст был самым тяжелым. По этому шоссе отступали артиллерийские и обозные части войск, предоставив половину дороги беженцам. Торопясь как можно скорее уйти из Кобрина, все сбились в общие сплошные массы — конные и пешие люди, повозки, скот, идущий с беженцами. Все двигались медленным шагом, постоянно останавливаясь из-за задержек у идущих впереди. Эти бесконечные остановки были чрезвычайно утомительны. Делая в час около одной версты, мы дошли до первой станции лишь к позднему вечеру, когда уже было темно, преодолев с раннего утра только пятнадцать верст. ...

Постоянная угроза возможного попадания бомбы крайне отрицательно действовала на психику не только беженцев, но и идущих рядом с нами войсковых частей. Почти у всех лица ясно выражали волнение, некоторые крестились, как только издали появлялся вражеский аэроплан. Особенно волновались матери малых детей. Они инстинктивно прятали их с головой под одеяла и платки, как будто это могло спасти их от немецкой бомбы.

На третий день нашего похода аэропланов больше не было видно, и мы вздохнули свободно. К концу дня мы достигли местечка Картуз-Берега. ...

Дорожные канавы [здесь были — *Авт.*] полны прозрачной водой, но пить ее нельзя — вода Пинских болот полна ядовитыми бактериями. Человек, напившийся ею, заболевает желудочной болезнью в весьма грозной форме и без медицинской помощи очень скоро умирает.

Уже на второй день после выхода из Картуз-Берега начались страдания беженцев. Шедшие с нами войска имели возможность запастись свежей водой. Беженцы не могли этого сделать из-за отсутствия соответствующей посуды. ...

На станциях были глубокие, наполненные водою колодцы. Впереди идущие очень быстро вычерпывали всю воду из них. Последующим воды не оставалось — можно было зачерпнуть только мутную холодную грязь, но не воду. Дети плакали, кричали, требовали пить, тяну-

лись к канавам и часто пили эту ужасную воду. Матери грудных детей, мучимые жаждой, безуспешно давали им сосать свои тощие груди.

Вечером того же дня рухнул мост через довольно широкую реку. Крушение произошло впереди нас на расстоянии не более ста — ста пятидесяти шагов. Поэтому мы имели возможность подойти к мосту и увидеть своими глазами гибель тонущих людей. Зрелище было настолько ужасное, что я поспешил скорее уйти, будучи не в состоянии чем-либо им помочь. Люди, находившиеся на мосту, погибли, несомненно, все.

Крушение остановило движение и заставило нас простоять не только всю ночь, но и половину следующего дня. На наше счастье, недалеко оказался саперный парк. Саперы дружно принялись за починку моста и сравнительно скоро его исправили.

На четвертый день прохождения Пинских болот все войсковые части нас обогнали, спеша как можно скорее пройти этот кошмарный участок пути. Беженцы пошли более широкой полосой, заняв все шоссе. Однако от этого общее положение не стало лучше. Потребность в свежей воде становилась все сильнее, а прошедшие войска после себя оставляли колодцы станций совершенно пустыми. ...

Заболевшие люди умирали. Больные матери малых детей испытывали невероятные мучения — чувствуя приближение смерти и не имея никого из близких, на которых они могли бы оставить своих малюток, матери сами топили своих детей в канавах.

Как-то вдруг появились дети-сироты.

Я установил между нами очередь сидеть в наших повозках каждому из нас по одному часу, а два часа идти пешком. Таким образом, повозки частично освободились, и мы на них посадили шестнадцать детей-сирот. Мы довезли их благополучно до города Слуцка, где я их сдал на попечение местных властей. ...

Наконец, на исходе десятого дня нашего страдного пути мы достигли города Слуцка Минской губернии.

В продолжение короткого времени — всего десяти суток — многие и многие десятки тысяч людей, не причастных к войне, перенесли неописуемые страдания. Кто не присутствовал на пути прохождения Пинских болот массой беженцев, тот не может представить себе все страдания, испытанные несчастными людьми. Для них Судьба явилась злой мачехой в самом ужасающем виде.

Голод, жажда и болезни на всем пути составили только часть страданий беженцев. Что может быть ужаснее того, что мать находит за благо топить собственными руками своего любимого грудного ребенка в канаве, полной гнилой воды? ...

Очень многие беженцы — и пешие, и с повозками, а особенно большие семьи, имевшие несколько повозок, — перемешивались в беспорядочной толпе. В конце концов, они теряли друг друга, влекомые неудержимо стремящейся вперед огромной человеческой рекой. Многие ослабевшие и заболевшие отстали от своих на большое расстояние. Часть их погибла, ушла в лучший мир, не попрощавшись со своими близкими и не будучи даже погребенными в землю. Они просто были брошены на дороге или столкнуты чужими людьми в канавы. ...

Многие из оставших либо потерявшихся беженцев так до конца своих дней и не смогли найти своих близких. ...

Подумай, читатель, какой это ужас!

У меня нет ни красок, ни таланта, чтобы более понятно и ярко описать все, что вынесли беженцы»⁷⁰.

При этом страдали не только беженцы, но и местное население территорий, через которые следовали мигранты. По образному выражению одного современника, «человеческая лавина, неимоверно страдая сама, накопляла в себе возможности тяжких санитарных и иных осложнений»⁷¹. Конкретизируя существо этих «осложнений», С.И. Зубчанинов не без сожаления отмечал, что беженский поток, руководимый желанием обогреться, утолить голод и просто продвинуться вперед, буквально смывал все на своем пути:

«Толпы беженцев наносят большой ущерб населению тех местностей, через которые пролегает их путь. Вырубая леса на костры, выкапывая картофель, вытаптывая поля и т.п., они нарушают этим священное право частной собственности. Однако, я не берусь осуждать их слишком строго, так как сам при подобных условиях поступил бы также. Есть и другие убытки, нанесенные беженцами. К числу их относятся грабежи, а также злостная порча имущества, что я могу объяснить лишь утратой душевного равновесия. Создается особая психология: я пострадал, — так и вы за это пострадайте»⁷².

Реакция пострадавших «собственников» не заставила себя долго ждать, оборачиваясь все новыми и новыми человеческими трагедиями:

«В Бобруйске явились в канцелярию “Северопомощи” две беженки. Они заявили, что убит муж одной из них при следующих обстоя-

⁷⁰ Никольский Е.А. Записки о прошлом. С. 227–231.

⁷¹ Борисов А. Указ. соч. С. 254.

⁷² Особое совещание по устройству беженцев. 10 заседание. 20-го октября // Беженец. 1915. 1 нояб. С. 2.

тельстввах. Было холодно. И муж одной из них пошел поискать дров для костра. Что произошло потом — они не знают. Быть может, он хотел взять доску от забора или стал обламывать сучья в помещицьем саду, но вдруг бледный он прибежал к стоянке, а за ним двое парней. Недалеко от воза парни настигли его, связали ему руки и повели. Жена и другая беженка бросились за ними. Связанного привели к управляющему имением, и тот издал крикнул: “Расстрелять”. Беженца тут же на месте расстреляли...»⁷³

К осени интенсивность передвижения беженцев по гужевым трактам и проселкам стала снижаться, однако с наступлением холодов она вновь активизировалась, что было связано с появлением, так называемого «беженца бродячего». Во время массового движения беженцев летом их магистральный поток имел тенденцию постепенно расщепляться. Чтобы избежать прохождения по уже опустошенным дорогам, где все, что можно было съесть, уже было съедено, что можно было вытоптать, уже было вытоптано, «людская лавина сама в себе накопила стремление рассыпаться»: отдельные семьи или группы беженцев «отделялись, отходили куда-либо вглубь, подальше от вытоптанных и страшных дорог, и здесь оседали». При этом «оседали» беженцы чаще всего в лесах, где строили шалаши, копали землянки и жили вплоть до холодов. Летом это был своего рода «предохранительный клапан», спасавший «места, лежавшие на трактах». Осенние холода начали «выжимать» людей из леса, и когда они снова вышли на тракты и проселочные дороги, ситуация обострилась. Если летом «задние толкали передних, и вся масса лилась в несколько стихийном, но все же определенном направлении с запада на восток», то осенью «выжатые холодом из лесов бредут уже без направления — куда случится»⁷⁴. Постепенно такие беженцы концентрировались около железных дорог, в результате чего «местами из отдельных лесных обывателей образовывались огромные человеческие скопища, исчислявшиеся цифрами в 300–400 тысяч». По сообщению «Русского слова», только на одних юго-западных железных дорогах в октябре для перевозки беженцев, «выжатых холодом из лесов», потребовалось 10 тыс. вагонов⁷⁵.

Очевидно, таким образом, что сдвинутые войной со своих мест люди, превратившись в скитальцев и мытарей, в полной мере ощутили

⁷³ Борисов А. Указ. соч. С. 254.

⁷⁴ Там же. С. 266–267.

⁷⁵ Там же. С. 267.

на себе всю ее тяжесть и трагизм. «Во всем этом движении поражает отсутствие системы, отсутствие плана. Все делается случайно, без сознания перспективы, без понимания последствий, и отсюда ужасы, сопровождающие переселение, отсюда ряд ненужных и нередко легко устранимых жестокостей... Это отсутствие плана и поставило города в очень тяжелое положение. Внезапно, по самым неожиданным направлениям, нагрянули волны беженцев, неся с собой ужасы заразы и нищеты...», — с горечью отмечал современник⁷⁶. На этом фоне заключения некоторых нынешних авторов о том, что «до конца 1915 г. беженцы, вынужденно оставившие родные места, были благополучно доставлены в пункты своего временного размещения»⁷⁷, выглядят легкомысленно, если не сказать больше, а приводимые при этом ссылки на воспоминания бывших беженцев, то есть источники, фиксирующие те или иные события или переживания людей ретроспективно и уже потому не точно, — дефицитны⁷⁸.

Подтверждением того, что массовое прибытие беженцев во внутренние губернии страны, начавшееся в июле — августе 1915 г. и спавшее только к концу года, было во всех смыслах далеким от благополучного, является такой очевидный факт, как дискуссионность практически любых имеющихся в наличии «квантитативных» характеристик беженства. Говоря о них, с полной уверенностью можно утверждать лишь то, что наибольшая интенсивность беженского движения была зафиксирована в сентябре и октябре (см. табл. 1). По крайней мере, об этом свидетельствуют посуточные данные, поступавшие, начиная с середины сентября 1915 г., с 54 регистрационных пунктов, которые были организованы в Европейской России комитетами Земского и Городского союзов. За указанные полтора месяца через пункты прошло почти 5,7 млн чел., или в среднем по 148,9 тыс. в день в сентябре и 111,8 тыс. в октябре. При этом максимальный поток беженцев пришелся на последнюю декаду сентября

⁷⁶ Бахрушин С. Беженцы // Беженцы и выселенцы. Отдельные оттиски из № 17 Известий Всероссийского союза городов. М., 1915. С. 2.

⁷⁷ Белова И.Б. Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914–1925 гг. М., 2014. С. 109.

⁷⁸ О специфике эго-документов и в том числе воспоминаний, которым свойственно «ре-инсценирование аффектов в контролируемой форме», см.: Рождественская Е.Ю. Нарративная идентичность в автобиографическом интервью // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2010. № 30. С. 5–26.

Таблица 1

Динамика численности беженцев, прошедших через
54 регистрационных пункта в Европейской России в период
16 сентября — 31 декабря 1915 г. по данным статистического бюро
Отдела по устройству беженцев Всероссийского земского
и городского союзов, чел.*

Месяц Число	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь
1		195 763	8 458	4 157
2		199 767	22 351	3 962
3		192 320	18 084	3 761
4		193 192	13 153	3 673
5		205 580	13 627	3 418
6		171 624	18 838	2 119
7		167 274	10 679	2 920
8		165 427	10 516	2 951
9		144 986	9 904	1 967
10		155 630	12 415	3 051
11		150 717	9 603	1 334
12		142 164	10 394	2 157
13		150 836	7 750	565
14		130 842	5 854	955
15	104 732	117 096	8 117	3 240
16	100 614	130 118	5 303	1 049
17	139 111	101 700	5 135	1 250
18	102 986	112 542	6 890	668
19	134 508	87 255	5 683	1 048
20	139 606	77 971	7 573	349
21	113 001	71 282	5 835	890
22	140 755	58 485	4 715	1 053
23	165 019	54 331	11 113	437
24	169 017	59 925	6 144	1 453
25	185 795	36 778	3 522	2 759
26	180 640	35 562	3 614	197
27	192 090	33 064	2 545	276
28	185 425	42 759	3 737	442
29	179 763	33 729	3 585	319
30		31 978	2 511	353
31		14 424		358
Итого	2 233 062	3 465 121	257 648	53 131

* Источник: Отчет деятельности Отдела по устройству беженцев Всероссийского земского и городского союзов. Б.м., б.г. С. 24–25.

и первую половину октября, когда нагрузка на регистрационные пункты превышала 1 млн чел. Со второй половины октября интенсивность движения беженцев ослабела (до 78,5 тыс. чел. в день), а с ноября — резко упала (до 8,6 тыс. чел. в день), еще более снизившись в декабре, когда пункты регистрировали в среднем по 1,7 тыс. беженцев в день.

Собранные местными комитетами Земского и Городского союзов сведения об «оседании» беженцев в тыловых регионах наглядно зафиксировали и то, что мигранты при сохранении и увеличении своего значительного присутствия в губерниях Европейской России и Урала с конца 1915 г. начали обосновываться в Сибири, Средней Азии, а также на Кавказе (см. табл. 2 и приложение 1).

Со второй половины июня 1915 г. статистический учет беженцев был организован и переселенческими пунктами Переселенческого управления, в мирное время занимавшимися регулированием переселенческого движения в восточные регионы страны. Беженцев, направлявшихся в зауральские и сибирские губернии, регистрировали в Челябинском и Екатеринбургском пунктах. В Иркутске производилась регистрация беженцев, ехавших на Дальний Восток. Всего в период с 22 июня по 31 декабря 1915 г. за Урал только через Челябинск проследовали 166,2 тыс. беженцев. При этом наибольшее число беженцев по итогам этого полугодия было отправлено в Томскую губернию (50,6 тыс. чел.), вторая по численности партия беженцев отправилась в Оренбургскую губернию (41,9 тыс. чел.), третья — в Акмолинскую область (20,1 тыс. чел.); одна семья пунктом своего конечного назначения получила даже Камчатку (см. табл. 3). Иркутский пункт за данный период зарегистрировал 16,2 тыс. беженцев, половина из которых (8,6 тыс. чел.) проследовала далее, на Дальний Восток⁷⁹. Здесь же подчеркнем, что администрация переселенческих пунктов столкнулась с теми же проблемами, что и все те, кто уже имел дело с беженцами до нее:

«Движение беженцев коренным образом отличалось в худшую сторону от переселенческого движения. Возникнув в условиях военных действий, оно, естественно, носило характер нередко бедствия... Волна беженцев направилась в Сибирь не по какому-либо определенному, заранее разработанному плану, но была явлением почти случайным, вызванным быстрым накоплением беженцев в восточных губерниях

⁷⁹ См.: Движение беженцев за Урал // Известия Комитета ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны. 1916. № 11. С. 8.

Таблица 2

Динамика численности беженцев в тыловых регионах
Российской империи в 1915–1916 гг. по данным
Отдела по устройству беженцев Всероссийского земского
и городского союзов, чел.*

Регион Дата	Европей- ская Россия	Урал	Сибирь	Средняя Азия	Кавказ	Итого
01.10.1915	766 283	75 228	Нет свед.	Нет свед.	6 000	847 511
01.11.1915	1 792 191	137 947	Нет свед.	Нет свед.	8 317	1 938 455
01.12.1915	1 948 575	151 533	7 000	Нет свед.	8 453	2 115 561
01.01.1916	2 005 781	157 862	8 700	Нет свед.	8 942	2 181 285
01.02.1916	2 069 983	119 251	8 700	Нет свед.	9 239	2 207 173
01.04.1916	2 388 456	176 176	76 506	107 587	21 368	2 770 093
01.05.1916	2 412 843	181 102	77 451	109 964	21 431	2 802 791
01.06.1916	2 419 244	183 427	77 451	96 865	23 758	2 800 745
01.07.1916	2 446 931	184 795	76 949	93 518	23 758	2 825 951

*Источник: Ведомость о числе беженцев, осевших во внутренних губерниях Европейской России к началу октября 1915 г. // Известия Главного комитета Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам. 1915. № 25. С. 40; Ведомость о числе беженцев, осевших во внутренних губерниях Европейской России к началу ноября 1915 года // Там же. 1915. № 28. С. 76; Ведомость о числе беженцев, осевших во внутренних губерниях Европейской России к началу декабря 1915 года // Там же. 1916. № 30–31. С. 158; Ведомость о числе беженцев, осевших во внутренних губерниях Европейской России к началу января 1916 года // Там же. 1916. № 33. С. 101; Ведомость о числе беженцев, осевших во внутренних губерниях Европейской России к началу февраля 1916 года // Там же. 1916. № 37–38. С. 151; Ведомость о числе беженцев, осевших по губерниям и областям Европейской России, Средней Азии и Северного Кавказа к 1 мая 1916 года // Там же. 1916. № 40. С. 114–115; Ведомость о числе беженцев, осевших по губерниям и областям Европейской России, Сибири, Средней Азии и Северного Кавказа к 1 июня 1916 года // Там же. 1916. № 41–42. С. 121–122; Ведомость о числе беженцев, осевших по губерниям и областям Европейской России, Средней Азии и Северного Кавказа к 1 июля 1916 года // Там же. 1916. № 45–46. С. 127–128.

Таблица 3

Места назначения беженцев, прошедших через
Челябинский переселенческий пункт в период
с 22 июня по 31 декабря 1915 г., *семей/чел.**

Регион назначения	Количество семей	Количество человек	Количество одиночек	Итого, человек
Тобольская губерния	3 226	16 091	2	16 093
Томская губерния	10 501	50 650	4	50 654
Енисейская губерния	2 249	11 072	2	11 074
Иркутская губерния	876	3 809	3	3 812
Забайкальская область	300	1 185	—	1 185
Амурская область	318	1 541	—	1 541
Приморская область	691	3 036	1	3 037
Акмолинская область	4 046	20 121	7	20 128
Семипалатинская область	417	2 088	—	2 088
Семиреченская область	12	59	—	59
Тургайская область	196	1 012	—	1 012
Оренбургская губерния	8 487	41 880	—	41 880
Пермская губерния	2 341	11 333	—	11 333
Сыр-Дарьинская область	96	466	—	466
Самаркандская область	27	175	—	175
Ферганская область	4	29	—	29
Туркестанский край	17	66	—	66
Камчатка	1	3	—	3
Не выяснено	355	1 597	—	1 597
Итого	34 160	166 213	19	166 232

*Источник: Движение беженцев за Урал // Известия Комитета ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны. 1916. № 11. С. 8.

Европейской России... Эшелоны беженцев прибывали в Челябинск часто не только без всяких документов, маршрутов, но и без проездных железнодорожных билетов или с билетами, выданными до таких станций, на которых беженцы не могли быть приняты и размещены на жительство. Часто маршруты беженцев были обозначены лишь надписью мелом на вагонах... Маршруты, данные в Челябинске, точно не выполнялись, так как города Сибири быстро наполнялись [часть из них и вообще была уже заполнена военнопленными и войсками — *Авт.*], и эшелоны беженцев механически передвигались все далее на Восток»⁸⁰.

Несмотря на все усилия, предпринятые Земским и Городским союзами по проведению регистрации беженцев в общеимперском масштабе, даже в самих союзах понимали, что собранные ими данные проблему определения общей численности и состава беженского населения в полной мере не решали. Учет беженцев осуществлялся союзами на основе получаемых с мест общих «телеграфных» сведений, а также более детальных данных, которые должны были представляться по специально разработанной форме — «Ведомости об осевших беженцах» — три раза в месяц (10, 20 и 30 числа) по городам и уездам в отдельности⁸¹. Однако в силу различных причин эти ведомости поступали в союзный Отдел по устройству беженцев «крайне слабо» и были «далеко не полны». Так, например, к 1 ноября 1915 г. Отдел получил ведомости из 33 губерний и 10 городов Кавказа и Сибири, но они были высланы «лишь незначительною частью городов и уездов, входящих в состав этих губерний». Нередки были случаи, когда на всю губернию приходилось лишь 1–2 ответа. Только по 4 губерниям — Владимирской, Калужской, Саратовской и Ярославской — ведомости были представлены не менее чем из половины относившихся к ним городов и уездов. При этом далеко не все поданные сведения соответствовали утвержденной форме⁸².

Для обсуждения проблемы регистрации и розыска беженцев 24–25 ноября 1915 г. в Москве при союзном Отделе по устройству беженцев состоялось специальное совещание, участие в котором приняли представители губернских и городских комитетов союзов, а также

⁸⁰ Переселение и землеустройство за Уралом в 1915 г. (отчет о работах Переселенческого управления в 1915 г.). Пг., 1916. С. 9–10.

⁸¹ См.: Официальные распоряжения и циркуляры Главного комитета // Известия Главного комитета Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам. 1915. № 24. С. 10.

⁸² См.: Из деятельности Отдела по устройству беженцев Земского и Городского союзов // Известия Главного комитета Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам. 1915. № 28. С. 75–76.

целого ряда национальных беженских организаций. Совещание высказалось за проведение повсеместной переписи беженцев, необходимым условием успешности которой должно было стать «объединение во всероссийских земском и городском союзах всех организаций, как центральных, так и местных, ведающих делом помощи беженцам, а также образование губернских регистрационных бюро при содействии местных земских и городских статистических организаций». Для получения корректных результатов перепись должна была быть произведена по «однородной программе», которая была утверждена совещанием⁸³.

Однако стремление Земского и Городского союзов взять на себя координирующие функции в вопросе регистрации беженцев на общенациональном уровне было незамедлительно пресечено центральной властью. На очередном заседании Особого совещания по устройству беженцев при МВД 26 ноября 1915 г. при обсуждении доклада А.Ф. Кони, председателя Комиссии по удовлетворению духовных нужд беженцев, единогласным голосованием было решено, что в деле регистрации беженцев должен быть только один центральный орган, а именно — Центральное всероссийское бюро по регистрации беженцев, действовавшее при Комитете ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны для оказания помощи пострадавшим от военных бедствий (Татьянинском комитете). Одновременно совещание высказалось категорически против параллельной регистрации беженцев, производимой структурами Земского и Городского союзов. Спустя три дня, 29 ноября, это решение Особого совещания было утверждено министром внутренних дел и циркуляром № 2052 разослано губернаторам. Специальным письмом министра внутренних дел от 30 ноября 1915 г. о решении Особого совещания был проинформирован и главноуполномоченный Земского союза кн. Г.Е. Львов, который должен был сделать «зависящие распоряжения» для прекращения всех самостоятельных «опытов» по регистрации беженцев, начатых союзами «обособленно» от Татьянинского комитета⁸⁴. Последовавшие за этим попытки представителей союзов добиться пересмотра этого постановления Особого совещания успеха

⁸³ См.: Совещание по вопросам отчетности, регистрации осевших и розыска оставших беженцев, состоявшееся 24–25 ноября в Москве при Отделе по устройству беженцев Всероссийских земского и городского союзов // Известия Главного комитета Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам. 1915. № 29. С. 100–117.

⁸⁴ См.: Сообщение министра внутренних дел на имя Главноуполномоченного Всероссийского земского союза кн. Г.Е. Львова о прекращении предпринятой союзами регистрации беженцев // Там же. С. 99–100.

не имели. Повторно включенный 6 января 1916 г. в повестку его заседания вопрос о регистрации беженцев снова оказался «единодушно решен в том смысле, что центральным всероссийским органом, ведущим регистрацию беженцев, признавался Татьянинский комитет; прочим учреждениям и организациям предоставлялось вести регистрационные работы лишь в согласии с Татьянинским комитетом»⁸⁵.

Запланированная союзами всероссийская перепись беженцев была проведена в первой половине 1916 г. хотя и при непосредственном участии земских и городских организаций, но уже под эгидой Татьянинского комитета. Он же занимался и разработкой переписного материала⁸⁶. Кроме того, на основе поступавших из местных отделений данных Комитетом готовились и регулярно публиковались общеимперские статистические сводки, которые остаются основным источником для оценки численности беженского населения России в годы Первой мировой войны.

Одна из первых попыток определения общего числа беженцев в империи была предпринята Комитетом еще в конце 1915 г. Она показала, что по состоянию на 20 декабря 1915 г. в губерниях Европейской России находилось 2 706,3 тыс. беженцев⁸⁷. Некоторое время спустя, после получения сведений о беженцах из Турции и Персии, оказавшихся на территории Кавказского наместничества, эта цифра была скорректирована. Согласно данным уполномоченного Кавказского комитета Союза городов, летом 1915 г. по направлению к русской границе направилось 250–260 тыс. беженцев, из которых до нее добралось лишь около 200 тыс.: более 45 тыс. умерли в дороге от голода и болезней, а 20 тыс. были убиты в результате нападений турок и курдов. По более полным данным канцелярии главноуполномоченного по устройству беженцев на Кавказе к 1 января 1916 г. в пределах Кавказского наместничества находилось 182,8 тыс. беженцев. Произведенный вслед за этим административный учет беженцев увеличил их численность на 3,1 тыс., то есть до 185,9 тыс. чел. Наконец, добавив к ним 51,6 тыс. беженцев, зарегистрированных в областях Турции

⁸⁵ Щепкин М.М. Указ. соч. С. 44–45.

⁸⁶ См. подробнее: Отчет о деятельности Особого отдела Татьянинского комитета в 1916 г. Пг., 1916. С. 26–30; Регистрация беженцев Особым отделом Комитета ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны // Известия Комитета ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны. 1916. № 3. С. 8–12.

⁸⁷ См. подробнее: Отчет о деятельности Особого отдела Комитета ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны по регистрации беженцев в 1915 г. Пг., 1916. С. 47.

Таблица 4

Динамика численности беженцев в тыловых регионах Российской империи в 1916–1917 гг. по данным Татьянинского комитета, чел.*

Регион \ Дата	1 мая 1916 г.	1 июня 1916 г.	15 декабря 1916 г.	1 февраля 1917 г.
Европейская Россия	2 547 544	2 745 175	2 670 873	2 735 588
Урал	151 000	179 750	188 349	178 145
Кавказ и Закавказье	185 893	180 825	174 294	180 621
Сибирь	78 531	77 895	68 664	64 249
Средняя Азия	111 918	70 656	34 947	41 898
Всего	3 074 886	3 254 301	3 137 127	3 200 501

*Источник: Известия Комитета ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны. 1916. № 1. С. 11; Там же. 1916. № 4. С. 10; Там же. 1917. № 17. С. 12–13; Известия Татьянинского комитета. 1917. № 19. С. 7, 10.

и Персии, занятых русскими войсками в конце 1915 г., Татьянинский комитет пришел к выводу, что в начале 1916 г. общее число беженцев на Кавказе определялось цифрой 237,5 тыс. чел.⁸⁸ Всего, таким образом, по подсчетам Комитета, в конце 1915 — начале 1916 гг. общее количество беженцев в России должно было составлять 2 943,8 тыс. чел. К 1 февраля 1917 г. их численность в абсолютном выражении увеличилась на 256,7 тыс., составив 3 200,5 тыс. чел. (см. табл. 4).

Несмотря на то, что статистика, сведенная воедино усилиями Татьянинского комитета, была более адекватной, нежели данные, зафиксированные Земским и Городским союзами (см. табл. 2), она также учитывала далеко не всех беженцев. На то, что реальная численность беженцев в России превышала все известные цифры, указывал как сам Комитет, так и некоторые современники⁸⁹.

После революционных событий 1917 г. оставшийся открытым вопрос об определении числа беженцев, порожденных пертурбациями военных лет, был актуализирован в связи с деятельностью созданной в конце 1920 г. при Наркомате здравоохранения РСФСР Комиссии по обследованию санитарных последствий войны. Согласно представленной в Комиссию докладной записке профессора В.М. Устинова,

⁸⁸ См.: Несколько цифровых данных о беженцах на Кавказе // Известия Комитета ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны. 1916. № 10. С. 18–21.

⁸⁹ См.: Известия Комитета ее императорского величества великой княжны Татьяны Николаевны. 1916. № 5. С. 2; Прокопович С.Н. Война и народное хозяйство. М., 1917. С. 111; Food supply in Russia during the world war. Under the general direction of P.B. Struve. New Haven: Yale university press, 1930. P. 298; и др.

заведующего статистическим отделом НКВД, куда были переданы архивы Центральной коллегии по делам пленных и беженцев, на хранении в отделе находилось не менее 2½ млн беженских карточек. После более тщательного ознакомления с «беженским архивом» количество беженских карточек было определено уже как «более 3½ миллионов». Но даже этот показатель, сопоставимый с данными Татьянинского комитета, не отражал «действительных размеров беженской массы». По заключению автора записки, беженская картотека охватывала «данные приблизительно о 5 миллионах беженцев», так как «карточки, из которых она (картотека) состоит, заключают в себе сведения о членах семьи»⁹⁰.

М.М. Гран, возглавлявший Комиссию Наркомздрава, критично отнесся к выводам Устинова, оценив принятый тем при расчетах средний размер беженской семьи в два человека как цифру, «явно преуменьшенную». В соответствии с имевшимися в распоряжении Комиссии материалами переписи еврейских беженцев, осуществленной Еврейским комитетом помощи жертвам войны в 1916 г. в Полтавской, Нижегородской, Саратовской и Екатеринославской губерниях, средний размер беженской семьи определялся в 4 человека. Из осторожности снижая этот показатель «для всей массы беженцев» до 3 человек и принимая количество зарегистрированных беженских семей в 3 млн, М.М. Гран пришел к показателю численности беженцев примерно в 9 млн чел. Эта цифра, правда, также не являлась окончательной.

Далее М.М. Гран указал, что «регистрация беженцев в процессе ее осуществления обычно захватывала лишь “иждивенцев”, то есть беженцев, в той или иной мере пользовавшихся правительственной или общественной помощью; более состоятельная часть беженцев в период войны в значительной мере ускользала от регистрации». Так, например, согласно переписи еврейских беженцев, которой пользовалась Комиссия, такие «иждивенцы» составляли порядка 55 % всего беженского населения.

Кроме того, настаивал М.М. Гран, произведенная регистрация беженцев отличалась «крайней неполнотой» еще и в связи с тем, что не затронула 40-верстную прифронтовую полосу, так как «формально в ней беженцам быть не полагалось, а в то же время эта прифронтовая полоса была наиболее густо населена беженцами, причем в этой

⁹⁰ Гран М.М. Опыт изучения санитарных последствий войны 1914–1917 гг. в России // Труды комиссии по обследованию санитарных последствий войны. Т. 1. М., 1923. С. 37.

именно полосе на долю их выпадали наиболее тяжкие страдания, лишения; здесь они большими массами болели и умирали, скрываясь в лесах, лишь бы быть поближе к своим разоренным насиженным очагам и гнездам». Учитывая эти обстоятельства, М.М. Гран заключил, что «беженство периода войны 1914–1917 гг. охватило массу населения по меньшей мере в 10, если не в 15 миллионов...»⁹¹

Общая критика данных Татьянинского комитета была поддержана и известным советским демографом Е.З. Волковым. Вслед за М.М. Граном он подчеркнул, что отказ «мало-мальски обеспеченных групп населения», имевших возможность самостоятельно найти «занятия и кров» во внутренних губерниях, от помощи «патронирующих организаций» и, следовательно, от регистрации в числе беженцев, стал одной из главных причин неточности текущего учета беженцев и их всероссийской переписи 1916 г. Кроме того, запрет военных властей на проведение последней в прифронтовой полосе оставил «за пределами учета Татьянинского комитета от 500 до 600 тыс. беженцев». Наконец, отмеченная Е.З. Волковым «чрезвычайная подвижность беженской массы» являлась еще одним обстоятельством, препятствовавшим ее адекватному учету⁹².

Изначальная неадекватность учета беженцев заставила Е.З. Волкова выстроить свою систему определения их численности. По его расчетам, основанным на результатах разработки Татьянинским комитетом материалов всероссийской переписи беженцев, «на вторую половину 1916 г. должно было бы находиться в пределах страны до 3 969,2 тыс. беженцев-иждивенцев». Сюда Е.З. Волковым были включены 600 тыс. беженцев, находившихся в не охваченной переписью прифронтовой полосе, а также 121,5 тыс. беженцев, числившихся на пайковом снабжении патронирующих организаций, регистрационные карточки на которых в Комитет к концу 1916 г. так и не поступили. Эту 121,5 тыс. Е.З. Волков отнес на «счет погибших от болезней и голода» и соответственно снизил полученную им вначале общую численность беженцев до 3 847,7 тыс. чел. против 2 897,1 тыс. на начало 1916 г. На 1 января 1917 г. общее число беженцев, продолжавшее прогрессировать прежде всего в связи с прорывом Западного и Кавказского фронтов, согласно Е.З. Волкову, возросло до 5 255,5 тыс. чел.

⁹¹ Гран М.М. Опыт изучения санитарных последствий войны 1914–1917 гг. в России // Труды комиссии по обследованию санитарных последствий войны. Т. 1. М., 1923. С. 37–38.

⁹² См.: Волков Е.З. Динамика народонаселения СССР за восемьдесят лет. М.; Л., 1930. С. 69–70.

Таблица 5

Динамика численности беженцев в России в 1916–1917 гг.,
по данным Е.З. Волкова, *тыс. чел.**

Дата	Общая численность	Ежегодный прирост
1 января 1916 г.	2 897,1	950,6
1 июля 1916 г.	3 847,7	1 407,8
1 января 1917 г.	5 255,5	1 135,2
1 июля 1917 г.	6 390,7	—

*Источник: Волков Е. З. Динамика народонаселения СССР за восемьдесят лет. М.-Л., 1930. С. 72.

И, наконец, неудачное летнее наступление русской армии 1917 г. довело общую численность беженцев до 6 390,7 тыс. чел. (см. табл. 5).

Помимо того, исследователь счел необходимым включить в число беженцев выселенцев из западных областей России, «по преимуществу принадлежавших к жителям городских местностей, прибывавших во внутренние губернии бывшей империи и расселившихся также преимущественно по городам без того, чтобы официально регистрироваться в патронировавших беженское население организациях». Долю этой категории беженцев Е.З. Волков принимает в 17,8% от «патронируемого беженства» (без беженцев прифронтовой полосы), исходя из определенного Татьянинским комитетом количества беженцев-горожан в общей массе «беженцев-иждивенцев» (без беженцев, находившихся в прифронтовой зоне). Применяя этот коэффициент к промежуточным итогам своих расчетов, а также используя собственные коэффициенты интенсивности результатов военных действий за 1914 и 1915 гг., Е.З. Волков получает погодную динамику численности беженцев за весь период войны (см. табл. 6). Причем итоговую цифру общей численности беженцев к концу войны в 7 421,4 тыс. чел. ученый-демограф, ссылаясь на более ранние расчеты М.М. Грана, был склонен считать в большей мере «преуменьшенной, чем преувеличенной»⁹³.

Однако даже скрупулёзные подсчеты Е.З. Волкова в споре о динамических характеристиках российского беженства точки не поставили. Использувавшиеся в ряде исследований советских историков-демографов⁹⁴ оценки Волкова были поставлены под сомнение А.Н. Курцевым, посчитавшим сведения об итоговой численности

⁹³ См.: Там же. С. 71–72.

⁹⁴ См., напр.: Поляков Ю.А. Советская страна после окончания Гражданской войны: территория и население. М., 1986. С. 100; Брук А.С., Кабузан В.М. Миграционные процессы в России и СССР. Вып. 1. М., 1991. С. 92–93; и др.

Таблица 6

Динамика численности беженцев в России в 1914–1918 гг.
по данным Е.З. Волкова, *тыс. чел.**

Погодная динамика прибытия		Аккумулятивные итоги по годам	
Годы на 1 января	Ежегодный прирост	За год	Общая численность
1914	—	1914	892,6
1915	892,6	1915	3306,0
1916	2 413,4	1916	6 084,2
1917	2 778,2	1917	7 421,4
1918	1 337,2		

*Источник: Волков Е. З. Динамика народонаселения СССР за восемьдесят лет. М.; Л., 1930. С. 75.

беженцев — 7,4 млн на лето 1917 г. — завышенными. Опираясь на официальные статистические данные периода войны, А.Н. Курцев фактически солидаризировался с подсчетами участников Пироговского съезда врачей 1916 г., полагая, что к концу 1917 г. общая численность «перемещенных граждан в период Первой мировой войны в России» достигала 5 млн чел. По его мнению, эта цифра охватывала не только учтенных, но и не учтенных «жертв войны», а также мужчин-беженцев, мобилизованных в армию, и новых беженцев 1917 г.⁹⁵

Другой современный исследователь, П. Гетрелл, также оценил методику расчетов Е.З. Волкова как не совсем удовлетворительную. По мысли П. Гетрела, отнесение почти 900 тыс. чел. на вторую половину 1914 г. «не может быть оправдано, учитывая то, что известно о воздействии военных действий на гражданское население». К тому же, заметил П. Гетрелл, Е.З. Волков, по-видимому, преуменьшил размеры беженского перемещения в течение 1915 г. и преувеличил его масштабы в 1916 г. Спорным, по Гетреллу, является и предположение советского демографа о том, что за первое полугодие 1917 г. число перемещенных лиц выросло более чем на 1,25 млн чел. Тем не менее, в отличие от А.Н. Курцева, П. Гетрелл согласился с волковским показателем актуальной для июля 1917 г. беженской статистики в 7 421,4 тыс. чел. как вполне «обоснованным приблизительным показателем», сопоставимым с данными других источников⁹⁶.

Еще меньше ясности неорганизованное или, как минимум, недостаточно слаженно организованное перемещение беженцев вглубь стра-

⁹⁵ См.: Курцев А. Н. Указ. соч. С. 98, 108.

⁹⁶ См.: Gatrell P. Op. cit. P. 213.

ны оставило вопросу о качественных особенностях миграционных потоков в России военного времени. В этом отношении единственным источником данных остаются, пожалуй, лишь статистические материалы, собранные и разработанные Татьянинским комитетом. Наиболее полными при этом следует признать данные Комитета, касавшиеся распределения беженцев по регионам их прежнего и нового местожительства (см. табл. 7 и приложение 1). Согласно этим материалам по состоянию их разработки на 1 февраля 1917 г., самое большое число беженцев покинуло Северо-Западный край — более 1,3 млн чел., или 42,4 % от общего количества беженцев. Следующими по масштабу «исхода» местного населения регионами были Царство Польское (606,1 тыс. чел.), Юго-Западный край (537,7 тыс. чел.) и Прибалтийские губернии (382,4 тыс. чел.). В совокупности эти территории лишились более 1,5 млн чел., которые составили 49,1 % общей численности беженцев (или 19,5 %, 17,3 и 12,3 % соответственно). Подсчеты Татьянинского комитета, что примечательно, коснулись в том числе и инородцев, нашедших убежище и приют в России. Так, значительную часть беженцев на Кавказе и в Закавказье составляли выходцы из Турции (126,2 тыс. чел.) и Персии (2,8 тыс. чел.), из Галиции в Российскую империю прибыло 95,1 тыс. беженцев.

При этом, основным регионом, принявшим беженцев, стала Европейская Россия, где было сосредоточено около 85 % всех вынужденных мигрантов. Хотя отдельные группы беженцев добрались до Сахалина⁹⁷ и даже Харбина⁹⁸, их перемещение на восток страны в силу разных причин (слабой транспортной инфраструктуры, нежелания самих беженцев уезжать в настолько «глубинные» районы и т.д.) осуществлялось менее интенсивно. Так, на территории Урала разместилось только 6,2 % всех беженцев, Сибири — 2,2 %. Кавказ и Средняя Азия приютили 5,5 % и 1,3 % беженцев соответственно.

Современники не без оснований называли беженство «национальной миграцией», указывая на то, что с мест были «сняты» и «изгнаны» «целые народности»⁹⁹. Хотя более половины (54,4 %) беженского населения составляли русские, к которым относили также украинцев

⁹⁷ См.: Движение беженцев за Урал // Известия Комитета ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны. 1916. № 11. С. 8; Беженцы на остр[ове] Сахалин // Югобеженец. 1916. 20 июля. С. 1.

⁹⁸ См.: Беженцы в Харбине // Беженец. 1916. 6 дек. С. 14.

⁹⁹ См.: Knox A. With the Russian Army, 1914–1917. Being Chiefly Extracts from the Diary of a Military Attache. London, 1921. P. 322; Государственная дума, четвертый созыв, сессия четвертая. Стенографические отчеты. Пг., 1915–1916. Стб. 808–809.

Таблица 7

Распределение беженского населения Российской империи по регионам прибытия и выбытия по статистическим материалам Татьянинского комитета, разработанным на 1 февраля 1917 г., чел.*

Регионы прибытия Регионы выбытия	Евро- пейская Россия	Урал	Кавказ и Закавказье	Сибирь	Средняя Азия	Всего
Царство Польское ¹	538 569	45 189	4 240	8 727	9 374	606 099
Северо-Западный край ²	1 133 948	112 852	8 757	49 235	15 728	1 320 520
Юго-Западный край ³	482 020	25 943	8 063	8 749	12 895	537 670
Бессарабская губерния	2 160	91	18	10	36	2 315
Прибалтийские губернии ⁴	372 228	6 603	684	2 677	243	382 435
Кавказ и Закавказье	732	—	20 111	—	—	20 843
Турция	703	—	126 254	—	—	126 957
Галиция	90 318	1 127	939	88	2 630	95 102
Персия	652	—	2 801	—	—	3 453
Сербия и Черногория	139	—	—	—	—	139
Прочие	2 699	146	17	51	4	2 917
Неизвестно	13 562	832	374	80	74	14 922
Итого	2 637 730	192 783	172 258	69 617	40 984	3 113 372

*Источник: Известия Татьянинского комитета. 1917. № 19. С. 8–9.

¹ В Царство Польское или «Привислинский край» входили 10 губерний: Варшавская, Калишская, Келецкая, Ломжинская, Люблинская, Петроковская, Плоцкая, Радомская, Сулавская, Холмская.

² В состав Северо-Западного края входили 6 губерний: Виленская, Ковенская, Гродненская, Минская, Могилевская, Витебская.

³ В состав Юго-Западного края входили 3 губернии: Волынская, Подольская, Киевская.

⁴ К Прибалтийским или «Остзейским» губерниям относились Курляндская, Лифляндская, Эстляндская.

Таблица 8

Национальный состав беженского населения
Российской империи по статистическим материалам
Татьянинского комитета, разработанным на 1 февраля 1917 г., чел.*

Национальность	Европейская Россия	Урал	Кавказ и Закавказье	Сибирь	Средняя Азия	Итого
Русские	1 469 548	143 997	18 302	41 451	20 395	1 693 693
Поляки	463 435	11 886	2 755	4 305	978	483 359
Литовцы	73 640	2 467	189	1 170	447	77 913
Латыши	270 972	4 588	519	1 543	166	277 788
Евреи	182 218	6 713	361	1 492	44	190 828
Немцы	94 898	20 274	543	1 851	15 704	133 270
Армяне	1 091	3	122 778	—	—	123 872
Эстонцы	3 117	19	—	12	3	3 151
Прочие	12 403	576	3 945	79	1 116	18 119
Не указавшие	66 408	2 260	22 866	17 714	2 131	111 379
Всего	2 637 730	192 783	172 258	69 617	40 984	3 113 372

*Источник: Распределение беженцев по национальностям // Известия Комитета ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны. 1917. № 18. С. 10–11.

и белорусов, оставшаяся его часть представляла собой «разноплеменную пестроту» (см. табл. 8). Наиболее крупными по численности этническими группами после русских являлись поляки (15,5 % всех беженцев), латыши (8,9 %), евреи (6,1 %), немцы (4,3 %), армяне (4 %). С демографической точки зрения эта «национальная» миграция привела к тому, что «некоторые провинциальные “русские” города были превращены во многоязычные “интернациональные” центры, в прибежище для людей, зачастую не принадлежавших к православной вере и пытавшихся развивать нерусские культуры»¹⁰⁰. Для размещения в глубинных тыловых районах были предназначены прежде всего так называемые «выселенцы» — жертвы принудительных выселений и депортаций. Например, на Урале оказались 15,2 % всех немецких беженцев и 3,5 % — всех еврейских. При этом представители этих и других этнических групп, проживавших ранее на западных окраинах империи, «оседали» именно в городских поселениях (см. табл. 9). По состоянию на 1 декабря 1916 г. в сельской местности один беженец приходился на 100 жителей, тогда как в городах — один на 28¹⁰¹.

¹⁰⁰ Gatrell P. Op.cit. P. 141.

¹⁰¹ См.: К характеристике расселения беженцев // Известия Комитета ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны. 1916. № 14. С. 15.

Таблица 9

Сведения о расселении национальных групп беженского населения
Российской империи по данным Татьянинского комитета
на 1 февраля 1917 г., чел., %*

Национальность	«Осело» в городских поселениях		«Осело» в сельской местности	
	Абс.	%	Абс.	%
Евреи	176 195	88,1	23 700	11,9
Литовцы	55 454	64,8	30 098	35,2
Поляки	303 985	59,2	209 449	40,8
Латыши	163 887	57,3	121 927	42,7
Армяне	30 080	25,0	90 087	75,0
Русские	351 971	20,3	1 374 097	79,7
Прочие ¹	57 546	29,9	135 050	70,1
Не указавшие	29 056	37,7	47 930	62,3
Всего	1 168 174	36,5	2 032 338	63,5

*Источник: Статистические сведения о беженцах // Известия Татьянинского комитета. 1917. № 19. С. 7.

¹ Преимущественно немцы-выселенцы.

Самые значительные последствия беженство имело для еврейского населения империи. Война «решительным образом освободила российское еврейство», заставив царское правительство признать свою неспособность сохранить его прежнюю черту оседлости¹⁰². В августе 1915 г. МВД в силу чрезвычайных обстоятельств военного времени разрешило проживание евреев в городских поселениях вне черты оседлости, за исключением столиц и местностей, находившихся в ведении Военного министерства и Министерства императорского двора¹⁰³. В результате 2/5 всех еврейских беженцев разместились в тех районах Российской империи, которые до того были закрыты для них, а «жители провинциальных российских городов, едва ли ранее вообще видевшие евреев, сейчас жили с бок о бок с еврейскими беженцами»¹⁰⁴.

¹⁰² См.: Gatrell P. Op.cit. P. 145.

¹⁰³ Запрет на проживание евреев сохранялся, помимо Москвы и Петрограда, в областях Донского, Кубанского и Терского казачьих войск, в сельской местности и на курортах, где отдыхала царская семья. См.: Сборник важнейших законоположений и распоряжений, действующих с 1 июля 1914 по 1 января 1916 года, вызванных обстоятельствами военного времени. Пг., 1916. С. 73.

¹⁰⁴ Gatrell P. Op.cit. P. 146.

Таблица 10

Половозрастной состав беженского населения
Российской империи по статистическим материалам
Татьянинского комитета, разработанным
на 1 января 1917 г., %*

Возрастная группа	Мужчины	Женщины	Оба пола
0–7	19,5	15,6	17,4
7–14	21,7	17,1	19,2
14–17	9,3	7,3	8,2
17–55	38,4	50,0	44,8
55 и более	8,6	7,6	8,0
Возраст не указан	2,6	2,3	2,4
Итого	100,0	100,0	100,0

*Источник: Распределение беженцев по возрастным группам // Известия Комитета ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны. 1917. № 17. С. 13.

К сожалению, в весьма незначительной степени Татьянинским комитетом оказались разработаны материалы о половозрастном составе беженцев: по состоянию на 1 января 1917 г. эти данные охватили лишь 1 218,2 тыс. зарегистрированных Комитетом беженцев. Согласно этим сведениям, удельный вес младших возрастов (до 14 лет) в возрастной структуре беженского населения составил 36,6 %, на группу «17–55 лет» приходилось немногим больше — 44,8 %, доля старших возрастных групп (55 лет и старше) составляла 8 % (см. табл. 10). Такая конфигурация возрастной структуры являлась наиболее типичной (см. табл. 11), хотя и не универсальной, имея свои локальные вариации. Перепись беженцев, прошедшая в Петрограде 29 февраля 1916 г., показала, что доля беженцев трудоспособного возраста (17–55 лет) здесь была заметно больше, чем в целом по России, составляя 60,3 %, а удельный вес беженцев в возрасте до 14 лет — меньше (24,7 %). Данное обстоятельство объяснялось значительной емкостью столичного рынка труда, привлекавшего «работоспособный элемент беженцев»¹⁰⁵.

Половой состав беженского населения отличался очевидной асимметричностью. Примерно равное соотношение полов в младших и подростковых возрастных группах сменялось преобладанием женщин во всех более старших возрастах. Наибольший дисбаланс наблюдался в самом многочисленном интервале 17–55 лет, где доля

¹⁰⁵ Перепись беженцев в Петрограде. Пг., 1916. С. 17–18.

Возрастная структура беженского населения Российской империи
по статистическим материалам Татьянанского комитета,
разработанным на 1 января 1917 г., чел., %*

Возраст \ Регион	Европейская Россия и Урал ¹		Сибирь ²		Кавказ ³		Средняя Азия ⁴		Всего	
	Абс.	%%	Абс.	%%	Абс.	%%	Абс.	%%	Абс.	%%
0–7	181 636	17,6	3 685	17,3	25 018	15,5	1 233	18,7	211 572	17,4
7–14	190 935	18,6	4 515	21,2	37 030	23,0	1 330	20,2	233 810	19,2
14–17	86 458	8,4	1 889	8,9	11 039	6,8	573	8,7	99 959	8,2
17–55	464 001	45,1	8 874	41,7	69 586	43,2	2 931	44,4	545 392	44,8
55 и старше	84 375	8,2	2 100	9,9	10 741	6,7	510	7,7	97 726	8,0
Неизвестно	21 665	2,1	211	1,0	7 818	4,8	23	0,3	29 717	2,4
Все население	1 029 070	100,0	21 274	100,0	161 232	100,0	6 600	100,0	1 218 176	100,0

*Источник: Распределение беженцев по возрастным группам // Известия Комитета ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны. 1917. № 17. С. 14–15.

¹ Архангельская, Бессарабская, Витебская, Владимирская, Вологодская, Волынская, Воронежская, Вятская, Калужская, Киевская, Курляндская, Олонечская, Оренбургская, Орловская, Пензенская, Подольская, Петроградская, Полтавская, Псковская, Симбирская, Тверская, Тульская, Уфимская, Херсонская, Черниговская, Ярославская губернии.

² Тобольская губерния; Амурская, Забайкальская области.

³ Бакинская, Елизаветпольская, Тифлисская, Эриванская губернии; Батумская, Карская, Кубанская области; Сухумский округ.

⁴ Уральская область.

Таблица 12

Соотношение полов в возрастных группах беженского населения Российской империи по статистическим материалам Татьянинского комитета, разработанным на 1 января 1917 г., %*

Возрастная группа	Мужчины	Женщины
0–7	50,6	49,4
7–14	50,8	49,2
14–17	50,7	49,3
17–55	38,6	61,4
55 и более	48,2	51,8
Возраст не указан	47,2	52,8
Итого	45,0	55,0

*Источник: Распределение беженцев по возрастным группам // Известия комитета ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны. 1917. № 17. С. 13.

мужчин составляла всего 38,6 %, а женщин — 61,4 % соответственно (см. табл. 12). По этой причине во всех регионах именно в этой возрастной группе фиксировались максимальные диспропорции в соотношении полов — от 60 мужчин на 100 женщин в губерниях Европейской России и Урала до 83–84 мужчин на 100 женщин на территориях Кавказа (см. табл. 13).

Материалы переписей и регистраций беженцев в отдельных губерниях и населенных пунктах позволяют выявить дополнительные характеристики их половозрастного профиля. Так, проведенная в сентябре — начале октября (с дополнительной регистрацией в ноябре) 1915 г. сплошная перепись беженцев, поселившихся в Харькове, зафиксировала тенденции распределения беженцев по полу и возрасту практически идентичные тем, что определяются на основании сводных данных Татьянинского комитета. В целом на 100 женщин здесь приходилось 79–80 мужчин, в группе «16 лет и старше» этот разрыв становился еще большим — 68–69 на 100, в детских и подростковых возрастных группах соотношение полов было примерно равным (см. табл. 14). Распределение беженского населения Харькова по трудоспособности свидетельствовало, что лишь 39,9 % беженцев относилось к категории трудоспособных, таковыми являлись 45,9 % всех мужчин и 35,1 % всех женщин. В категории нетрудоспособного населения и в абсолютном, и в относительном выражении фиксировался женских перевес (см. табл. 15).

Таблица 13

Соотношение полов по возрастным группам беженского населения Российской империи по статистическим материалам Татьянинского комитета, разработанным на 1 января 1917 г., чел.*

Возраст \ Регион	Число мужчин, приходящихся на 100 женщин в данной возрастной группе				
	Европейская Россия и Урал	Сибирь	Кавказ	Средняя Азия	Всего
0–7	101,4	106,3	109,1	105,2	102,4
7–14	100,5	101,8	121,4	97,9	103,6
14–17	103,9	103,3	96,7	89,7	103,0
17–55	60,0	62,1	83,4	82,0	62,8
55 и старше	89,3	104,5	125,7	100,0	93,1
Неизвестно	88,0	115,3	93,5	76,9	89,6
Все население	79,3	84,1	98,9	91,1	81,8

*Источник: Распределение беженцев по возрастным группам // Известия Комитета ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны. 1917. № 17. С. 14–15.

Таблица 14

Распределение беженского населения Харькова по полу и возрасту по данным переписи 1915 г.*

Пол	Всего, чел.	В том числе в возрасте, чел.			В том числе в возрасте, %			Всего, %
		До 2 лет	3–15 лет	16 лет и старше	До 2 лет	3–15 лет	16 лет и старше	
Мужской	12 326	799	4 751	6 776	6,8	38,4	54,8	44,3
Женский	15 519	803	4 792	9 924	5,2	30,9	63,9	55,7
Оба пола	27 845	1 602	9 543	16 700	5,8	34,3	59,9	100,0

* Источник: Труды Харьковского областного съезда Всероссийского союза городов по вопросу об устройстве и эвакуации беженцев (Харьков, 29, 30 ноября, 1 декабря 1915 г.). Харьков, 1916. С. 64.

Группировка семей беженцев Харькова по трудоспособности демонстрировала, что доля семей, полностью состоявших из трудоспособных беженцев, равнялась 27,3%, в этих семьях, естественно, не было детей, а на 100 женщин приходилось 88–89 мужчин. Доля семей, все члены которых попадали в категорию нетрудоспособных, составляла 18,2%, число детей и подростков в возрасте до 16 лет в них превышало количество остальных членов семьи (2,0 против 1,8 тыс. чел., или 52,7 и 47,3 % соответственно), а преобладание

Таблица 15

Распределение беженского населения Харькова по полу
и трудоспособности по данным переписи 1915 г.*

Пол	Всего, чел.	В том числе						
		Трудоспо- собных, чел.	Нетрудоспособных, чел.			Нетрудоспособных, %		
			До 2 лет	16 лет и старше	Всего	До 2 лет	16 лет и старше	Всего
Мужской	12 326	5 653	5 550	1 123	6 673	45,0	9,1	54,1
Женский	15 519	5 448	5 595	4 476	10 071	36,0	28,8	64,9
Оба пола	27 845	11 101	11 145	5 599	16 744	39,9	20,1	60,1

* Источник: Труды Харьковского областного съезда Всероссийского союза городов по вопросу об устройстве и эвакуации беженцев (Харьков, 29, 30 ноября, 1 декабря 1915 г.). Харьков, 1916. С. 64.

женщин достигало своего максимального значения (62–63 мужчины на 100 женщин). Наконец, 54,5% семей включали как трудоспособных, так и нетрудоспособных членов, доля детей и подростков в этой группе была также значительной (44%), а на 100 женщин приходилось 81–82 мужчины (см. табл. 16).

Итоги регистрации беженцев в Ярославской губернии добавляют к характеристике половозрастной структуры беженского населения еще один аспект — национальную принадлежность. При этом выясняется, что значительных различий по данному признаку не существовало. Ощутимый женский перевес наблюдался почти во всех возрастах у всех национальных групп. Наибольший «провал» мужского населения приходился на возраст полной трудоспособности (21–50 лет), где он находился в интервале от 35–36 мужчин на 100 женщин у евреев до 60–61 мужчины на 100 женщин у литовцев (см. табл. 17). В целом по губернии половина всех беженцев (51,1%) попадала в возрастные группы «до 15 лет» и «61 и старше» и, следовательно, относилась к категории нетрудоспособного населения. Полностью трудоспособные беженцы в возрасте от 21 года до 50 лет составляли всего 30,8%, «отчасти трудоспособные» (возрастные группы 16–20 лет и 51–60 лет) — 18,1%. Наибольшая доля трудоспособного населения принадлежала латышам и полякам (33,7 и 32,6%), а удельный вес нетрудоспособного населения достигал своего максимума у немцев и русских (60,7 и 53% соответственно) (см. табл. 18).

Как представляется, все вышесказанное было более чем достаточным основанием, чтобы квалифицировать добровольно-вынужден-

Таблица 16
Распределение семей беженцев Харькова по трудоспособности по данным переписи 1915 г.*

Состав семьи	Число семей	В них человек			В т.ч. лиц в возрасте		Удельный вес, %	
		Муж.	Жен.	Всего	До 15 лет	16 лет и старше	Лиц в возрасте 16 лет старше	Женщин
Трудоспособные	2 219	1 547	1 749	3 296	—	3 296	100,0	53,1
Нетрудоспособные	1 476	1 509	2 411	3 920	2 067	1 853	47,3	61,5
Трудоспособные и нетрудоспособные	4 428	9 270	11 359	20 629	9 078	11 551	56,0	55,1
Всего	8 123	12 326	15 519	27 845	11 145	16 700	60,0	55,7

*Источник: Труды Харьковского областного съезда Всероссийского союза городов по вопросу об устройстве и эвакуации беженцев (Харьков, 29, 30 ноября, 1 декабря 1915 г.). Харьков, 1916. С. 65.

Таблица 17
Соотношение полов по возрастным и национальным группам беженского населения Ярославской губернии (число мужчин, приходящихся на 100 женщин в данной возрастной группе) по данным губернской земской управы на январь 1916 г., чел.*

Возраст		Всего	До 15 лет	16–20 лет	21–50 лет	51–60 лет	61 и старше
Национальность							
Русские		79,0	104,0	52,1	54,0	94,5	95,2
Поляки		77,2	120,6	58,3	48,6	58,6	54,8
Латыши		70,2	93,0	41,4	52,6	113,5	51,2
Литовцы		87,6	90,3	102,2	60,7	153,6	177,8
Немцы		71,7	74,1	166,7	50,0	66,7	—
Евреи		55,3	58,3	120,0	35,7	50,0	33,3
Все население		79,0	105,1	57,6	54,0	90,3	85,6

*Источник: Савинский Д. Беженцы в Ярославской губернии (Статистический обзор). Ярославль, 1916. С. 18.

Таблица 18

Распределение беженского населения Ярославской губернии
по национальности и степени трудоспособности по данным
губернской земской управы на январь 1916 г., %*

	Всего	Русские	Поляки	Латыши	Литовцы	Немцы	Евреи
Трудоспособные	30,8	29,8	32,6	33,7	30,9	22,8	32,2
Отчасти трудоспособные	18,1	17,2	18,6	18,3	22,5	16,4	28,8
Нетрудоспособные	51,1	53,0	48,8	47,9	46,6	60,7	39,0

* Источник: Савинский Д. Беженцы в Ярославской губернии (Статистический обзор). Ярославль, 1916. С. 18.

ное бегство и принудительное выселение тысяч россиян — жителей прифронтовой полосы как «второе великое переселение народов»¹⁰⁶. Используемая при этом метафорика — «лавина», «саранча», «поток», «волна», «потоп», «море» и т.д.¹⁰⁷ — не только подчеркивала внезапность и интенсивность их перемещений. Все эти характеристики беженства также недвусмысленно указывали на отсутствие действенного контроля над этими миграционными потоками и слабый успех любых попыток их администрирования. Однако этот вывод безусловно важен не только сам по себе. Он важен еще и своей прямой корреляцией с тем фактом, что в местах размещения и обустройства беженского населения всё было также далеко от идиллии.

¹⁰⁶ См.: Тяжелые дни (секретные заседания Совета министров 16 июля — 2 сентября 1915 года) / Сост. А.Н. Яхонтов. С. 37.

¹⁰⁷ См.: Борисов А. Указ. соч. С. 253, 254, 259, 262; Gatrell P. Op. cit. P. 200.

ГЛАВА III

БЕЖЕНСТВО В ТРАДИЦИЯХ РОССИЙСКОЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ¹

К Первой мировой войне российский опыт филантропической деятельности уже отличался многообразием своих направлений и видов². Особенно активное развитие благотворительных инициатив наблюдалось во второй половине XIX в., создав благоприятную почву для последующего роста как числа заведений и обществ, занимавшихся общественным призрением, так и зарождению новых, более специализированных практик меценатства и вспомоществования (см. табл. 1). В этой связи вполне уместно будет привести слова Г.Н. Ульяновой, по мысли которой «структура, механизм и параметры сменяющих друг друга во времени или действовавших параллельно институтов помощи бедным являлись своеобразным индикатором тенденций общественно-политического развития Российской империи»³.

¹ Частично опубликовано в: Суржикова Н.В. Проблема беженцев в конфликтах и компромиссах властей и общественности России в годы Первой мировой войны (по материалам периодической печати) // Вестник Пермского университета. Сер. История. 2016. № 1 (32). С. 122–133.

² См., напр.: Бочанова Г.А. и др. Очерки истории благотворительности в Сибири во второй половине XIX — начале XX в. Новосибирск, 2000; Матвеева Н.Л. Благотворительность семьи Романовых. М., 2004; Пашенцева С.В. Правовой статус и структура женских благотворительных обществ России конца XIX — начала XX века. М., 1999; Скоч А.В. Меценатство и благотворительность в отечественном образовании XIX–XX веков. М., 2004; и др. См. также: Дуплий Е.В. Становление и развитие приказов общественного призрения в России: 1775–1864 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. М., 2004; Кононова Т.Б. Благотворительность императорского дома. XIX в.: Историко-социальный аспект: дисс. ... д-ра ист. наук. М., 2004; Павлова И.П. Социальное попечение в России в конце XIX — начале XX в.: дисс. ... д-ра ист. наук. СПб., 2004; Павлова О.К. Предпринимательство, призрение и благотворительность в Санкт-Петербурге: Вторая половина XIX — начало XX веков: дисс. ... д-ра ист. наук. СПб., 2005; Покотилова Т.Е. Благотворительность в социальной истории дореволюционной России: Мирозрение и исторический опыт: дисс. ... д-ра ист. наук. Ставрополь, 1998; Семин О.В. Становление государственного призрения в России в XVII веке: Историко-социальный аспект: дисс. ... канд. ист. наук. М., 2005; Фалько Е.И. Русское Женское Взаимно-благотворительное общество, 1885–1918 гг.: реконструкция документального комплекса: дисс. ... канд. ист. наук. М., 2003; и др.

³ Ульянова Г.Н. Благотворительность и общественное призрение в России XIX — начала XX века. Институциональное развитие в контексте формирования гражданского общества // Труды Института российской истории РАН. 2000. № 2. С. 199.

Таблица 1

Динамика открытия в России благотворительных учреждений
и обществ (1801–1901 гг.)*

Годы открытия	Учреждения в городах	Учреждения вне городов	Общества в городах	Общества вне городов
До 1801	14	2	82	65
1801–1825	58	1	104	36
1825–1855	163	2	398	133
1856–1860	30	1	78	42
1861–1865	73	6	126	79
1866–1870	178	14	224	85
1871–1875	185	14	246	94
1876–1880	319	37	261	97
1881–1885	359	179	357	126
1886–1890	267	124	318	139
1891–1895	576	249	665	334
1896–1900	1 048	337	849	372
1901	217	57	182	106
Без года	168	76	435	235
Итого	3 655	1 099	4 325	1 943

*Источник: Ульянова Г.Н. Благотворительность и общественное призрение в России XIX — начала XX века. Институциональное развитие в контексте формирования гражданского общества // Труды Института российской истории РАН. 2000. № 2. С. 184.

Это понимали и современники, попытавшиеся объективировать эту важнейшую, но неотрефлексированную в полной мере социальную интуицию⁴.

Что касается Первой мировой войны, то она стала не только серьезной проверкой на прочность для ранее созданных институтов благотворительности, но и создала условия для их конкуренции, что со всей очевидностью и продемонстрировала история российского

⁴ См., напр.: Благотворительная Россия: история государственной, общественной и частной благотворительности в России. СПб., 1901; Благотворительность в России. В 3-х тт. СПб., 1907; Георгиевский П.И. Призрение бедных и благотворительность. СПб., 1894; Гогель Е.В. Объединение и взаимодействие частной и общественной благотворительности. СПб., 1908; Дерюжинский В.Ф. Заметки об общественном призрении. М., 1897; Ключевский В.О. Добрые люди Древней Руси. Сергиев Посад, 1892; Кудрявцев А. Исторический очерк христианской благотворительности. Одесса, 1883; Максимов Е.Д. Особые благотворительные ведомства и учреждения, СПб., 1903; Он же. Очерки частной благотворительности в России. СПб., 1897; Сборник сведений о благотворительности в России. СПб, 1899; и др.

беженства 1914–1917 гг. Действительно, даже еще не прибытие, а только ожидание прибытия беженцев во внутренние округа России серьезно взбудоражило общественность, озабоченную возможным ростом в этой связи социальной напряженности, и позволило мобилизовать на решение этой проблемы если не все, то многие ресурсы. Дамские комитеты и комитеты дорожных служащих, сельскохозяйственные и вольно-пожарные общества, организации студентов и учащихся, союзы борьбы с детской смертностью и санитарные бюро, попечительства о бедных и советы церквей, музыкально-драматические кружки и потребительские кооперативы, общества трезвости и общества приказчиков, кредитные товарищества и страховые союзы, и т.д., и т.п. — все эти и многие другие традиционные для России начала XX в. общественные ассоциации едва ли не первыми, если не считать действовавших на фронтах государственных «Северопомощи» и «Югобеженца», отреагировали на беженский кризис (см. приложение 2).

«На циркулярное воззвание к потребительным обществам Пермского союза потребительных обществ об оказании помощи беженцам, прибывающим в г. Пермь и Пермскую губернию, кооперативные организации не замедлили откликнуться и в настоящее время в правление союза поступили следующие пожертвования: от Чусовского общества потребителей — 300 руб., Кусье-Александровского общества потребителей — 200 руб., Сарсинского общества Красноуфимского уезда — 100 руб. и от общества Лысьвенского завода — 25 рублей. Всего поступило пожертвований деньгами от потребительских обществ 625 руб., каковые, поступая в распоряжение правления Пермского союза потребительных обществ, пойдут исключительно на дело помощи беженцам. Кроме того, беженцев берут на свое полное содержание потребительные общества: Мотовилихинское общество “Самопомощь” берет 10 семей, Нижне-Михайловское Красноуфимского уезда — 4 семьи и Бисертское общества — от 10 до 12 человек с выдачей им пособия от 8 до 10 руб. в месяц...»,

— сообщала 11 сентября 1915 г. екатеринбургская газета «Зауральский край» об одной из тех многочисленных местных инициатив, которые появлялись в знак сочувствия беженцам по всей стране⁵.

«15 сентября [1915 г. — *Авт.*] в помещении яслей отдела Союза борьбы с детской смертностью состоялось заседание Екатеринбургского временного комитета Всероссийского попечительства об охране

⁵ Помощь кооперативных организаций беженцам // Зауральский край. 1915. 11 сент.

материнства и младенчества. Выработана была смета на оборудование и содержание приютов-яслей для детей беженцев в Екатеринбурге. Предполагается открыть приюты-ясли в трех частях города — около ткацкой фабрики Макаровых, в юго-западной и северо-западной частях города. Ясли приюты открываются смешанные — дневные и ночные...»,

— спустя всего несколько дней писал тот же источник, объективируя тот факт, что в деле помощи беженцам могли найти себе применение самые разные силы⁶. Всероссийским городским союзом в 1916 г. было подсчитано, что на местах силы эти были представлены 1200 беженскими организациями, среди которых 35 % составляли земско-городские объединения, 36 % — национальные комитеты, 13 % — отделения Татьянинского комитета, 10 % — разномастные общества и их отделения, 2 % — комитеты духовного ведомства⁷.

Таким образом, очевидно, что в основе устройства беженского дела в России изначально лежал принцип многоначалия и полицентризма, руководствуясь которым даже городские и уездные управления стремились обозначить свою «самость». «По выслушании доклада управы об организации дела помощи беженцам (письменный) Собрание постановило: поручить управе не объединяться с городским комитетом, а учредить свой, согласно доклада управы», — значилось осенью 1915 г. в одном из решений Муромского уездного земского собрания, которое в своих «центробежных» устремлениях на этом не остановилось, полагая на местах расселения беженцев «весьма желательным организовать из местных деятелей, изъявивших желание содействовать устройству беженцев, местные попечительства...»⁸

Однако, очевидно и то, что в своей деятельности всевозможные самодеятельные организации, задействованные в деле помощи беженцам, зависели от государства, тем самым демонстрируя, что и в годы Первой мировой войны общественная инициатива в России развивалась в традиционном для нее русле:

«Сфера общественного призрения и благотворительности представляла собой арену соперничества между государством, пытавшимся контролировать (сначала очень жестко, но потом более гибко) развитие системы помощи бедным, не имея сбалансированного для данных

⁶ Ясли-приюты для беженцев // Зауральский край. 1915. 17 сент.

⁷ См.: Шаховская Н. Некоторые итоги организации помощи беженцам // Известия Всероссийского союза городов. 1916. №. 29–30. С. 316.

⁸ Журналы Муромского уездного земского собрания 1915 года. Муром, 1916. С. 14, 27.

нужд бюджета, — и общественной инициативой, пожелавшей внести свою лепту, но все время сдерживаемой законодательными и административными барьерами»⁹.

В полной мере это отразили в своей деятельности лидировавшие в деле организации помощи беженцам структуры, среди которых на фоне других выделялись: Комитет ее императорского величества Великой княжны Татьяны Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных бедствий (14 сентября 1914 — февраль 1917 гг.); Всероссийские Земский и Городской союзы помощи больным и раненым воинам (1914–1918 гг.); национальные организации помощи беженцам, причем как вновь созданные, так и уже существовавшие.

Деятельность этих организаций, строясь на различных основаниях и сообразуясь с массой объективных и субъективных обстоятельств, имела свои пределы. Так, локализация и интенсивность работы национальных организаций напрямую зависела от представительства и консолидации тех или иных национальных меньшинств в районах водворения беженцев. «Случайна и очень неровна в разных местах» также была и деятельность Татьянинского комитета, отделения которого оказывались то чуть ли не единственным органом, обслуживавшим все без исключения нужды беженцев, то одной из многообразных структур, несших ответственность лишь за определенные виды помощи беженцам, то не более чем распределительным центром, посредничавшим между местными беженскими структурами и финансирующим их центром¹⁰. Сфера влияния Всероссийского земского и Всероссийского городского союзов, с которыми сверяли свои планы земско-городские учреждения, лимитировалась отсутствием земско-городских традиций на Кавказе и в Сибири, что, в свою очередь, серьезно усугубляло проблему неравномерности распределения той помощи, которая могла быть предоставлена и предоставлялась на местах.

Между тем, несмотря на ту или иную территориальную специфику организации беженского дела, иерархия ведущих беженских учреждений была фактически идентичной: она формировалась в прямом соответствии с принципами устройства российских органов власти, главным среди которых был принцип вертикальности. Централистско-административный подход стал, к примеру, основой деятельности

⁹ Ульянова Г.Н. Указ. соч. С. 200.

¹⁰ См.: Совещание по вопросам помощи беженцам 8 августа 1915 г. // Беженцы и выселенцы. Отдельные оттиски из № 17 Известий Всероссийского союза городов. М., 1915. С. 25.

Татьянинского комитета, сеть отделений которого конфигурировалась сообразно с административно-территориальным делением империи (см. табл. 2). В равной степени эта особенность была свойственна созданию беженских отделов Земского и Городского союзов, последовательно представленных на национальном (общероссийском), губернском (региональном), уездном (местном) и волостном (локальном) уровнях. Деятельность каждого нижестоящего звена Земского и Городского союзов начиналась с указания звена вышестоящего, которое «просило незамедлительно организовать» комитет помощи беженцам на том уровне, о котором шла речь в конкретном случае. Так, уральские источники сообщают, что 9 августа 1915 г. Пермский губернский комитет Земского союза уведомил Соликамскую уездную земскую управу о присылке в губернию 100 тыс. беженцев и попросил общественность Чермозского завода «незамедлительно организовать под председательством представителя Управления заводом местный районный комитет помощи беженцам ... при участии местных духовенства, административных должностных лиц, служащих земства, учительского персонала»¹¹. Неудивительно поэтому, что такого рода комитеты, казалось бы, общественные по своей природе, на поверку являли собой не более чем особый стол в местной управе.

Внешнее сходство в устройстве государственных и негосударственных структур, занимавшихся беженским делом, вероятно, помогало властям контролировать последние. Кроме того, «ведомственное устройство» беженских организаций облегчало задачу распределения между ними средств казны, на которые они все главным образом и существовали. И то, что в списках получателей выделяемых властями сумм государственные, полугосударственные и негосударственные институты стояли рядом, было привычным делом. В одном из документов эпохи, в частности, отмечалось, что к 7 декабря 1915 г. через Особое совещание по устройству беженцев, призванное координировать беженское дело в империи, было ассигновано: в распоряжение С.И. Зубчанинова и возглавлявшейся им «Северопомощи» — 30 943,8 тыс. рублей, кн. Н.П. Урусова («Югобеженец») — 12 000,0 тыс. рублей, Всероссийского земского союза — 11 697,0 тыс. рублей, Всероссийского союза городов — 5 867,8 тыс. рублей, наместника на Кавказе — 4 122,5 тыс. рублей, польских организаций — 7 100,0 тыс. рублей, латышских обществ — 2 369,82 тыс. рублей, еврейского комитета — 1 800,0 тыс. рублей,

¹¹ Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 280. Оп. 1. Д. 2693. Л. 6.

Таблица 2

Отделения Комитета ее императорского высочества
великой княжны Татьяны Николаевны к 1 декабря 1916 г.*

Губернии и Области	Губернские и областные	Город- ские	Уездные	Сельские и волостные	Прочие	Всего
1	2	3	4	5	6	7
Архангельская	1		8			9
Астраханская	1					1
Бессарабская	1	3	8			12
Виленская	1		3			4
Витебская	1		11			12
Владимирская	1		7	1		9
Вологодская	1					1
Волынская	1		10		1	12
Воронежская	1		12	222		235
Вятская	1		11	4		16
Гродненская	1					1
Донского Войска	1	2	1	31		35
Екатеринославская	1	1	8	103	1	114
Забайкальская	1					1
Закаспийская	1		1			2
Казанская	1		12	1		14
Калужская	1	1	11	72		85
Киевская	1	1	1		1	4
Ковенская	1		7			8
Костромская	1		12	3		16
Кубанская	1					1
Курляндская	1					1
Курская	1			1		2
Лифляндская	1					1
Минская	1	2	9	64		76
Могилевская	1		11	18		30
Московская	1	1	13			15
Нижегородская	1		7	2		10
Новгородская	1	2	10		1	14
Оренбургская	1	2	7	63		73
Орловская	1					1
Пензенская	1		7			8

Окончание таблицы 2

1	2	3	4	5	6	7
Пермская	1	1	10			12
Петроградская	1	1	8			10
Подольская	1		12			13
Полтавская	1		6			7
Псковская	1		8			9
Рязанская	1		12			13
Самаркандская	1					1
Самарская	1	1	6	104		112
Саратовская	1	1	7	4		13
Сахалинская	1					1
Симбирская	1		8	52		61
Смоленская	1		1			2
Ставропольская	1		1			2
Сырдарьинская	1		1			2
Таврическая	1	1	8	11		21
Тамбовская	1		12			13
Тверская	1	3	12	1		17
Томская	1	3		5		9
Тульская	1		3			4
Уральская	1					1
Уфимская	1		6			7
Ферганская	1					1
Харьковская	1		7			8
Херсонская	1	2	6			9
Холмская	1					1
Черниговская	1		15			16
Эстляндская	1	1	2			4
Ярославская	1	1	10			12
ИТОГО	60	30	348	762	4	1 204

* Источник: ГАРФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 224. Л. 108 об.–109.

литовского комитета — 1 660,0 тыс. рублей, а всего с учетом главноначальствующих различных губерний — 96 788,7 тыс. рублей¹². По сути, в этом и аналогичных этому документах государство напрямую указывало на свое отношение к различным заведениям и объединениям, занятым беженцами.

¹² См.: Особое совещание о беженцах // Земское дело. 1916. № 4. С. 201–202.

Источники свидетельствуют, что на первых порах, в условиях, когда «ни одно ведомство не сочло своею прямою обязанностью» взять на себя заботу о беженцах, различные общественные инициативы могли бесконфликтно сосуществовать. Больше того, нередко ради общего дела различные общественные силы могли заключать альянсы и выступать сообща, что позволило современникам заговорить о «либеральной эре» в истории беженского дела¹³.

«В деле организации планомерной помощи многочисленным беженцам, прибывающим в г. Одессу, объединились польский, литовский, Татьянинский и еврейский комитеты... В г. Минске 3 августа состоялось заседание городского комитета Великой Княжны Татьяны Николаевны с участием уполномоченного Союза Городов по вопросу о помощи беженцам, осевшим в Минске...»,

— констатировалось в августе 1915 г. в «Известиях Главного комитета Всероссийского земского союза»¹⁴. При этом полезны друг другу оказывались не только общественные организации. Кооперация госструктур и самостоятельных ассоциаций в деле помощи беженцам могла быть не менее плодотворной. Подчеркивая это, 31 июля 1915 г. главноуполномоченный Северо-Западного фронта по устройству беженцев С.И. Зубчанинов, обращаясь к главе Всероссийского земского союза кн. Г.Е. Львову, отмечал:

«Первый день совместной работы был счастлив присутствовать при награждении почетною боевою наградой уполномоченного [Земского — *Авт.*] Союза Вырубова, плодотворная деятельность которого и всего Союза засвидетельствована военными властями. Сегодня еду в Брест на совещание совместно с представителями союза городов и земств. Рассчитываю в будущем на дружную совместную работу по оказанию помощи беженцам»¹⁵.

Отвечая на любезность, Львов, в свою очередь, считал важным отметить:

«Земский союз в меру имеющихся в его распоряжении средств оказывает беженцам возможную помощь. Надеюсь, что объединенными и согласованными действиями всех общественных организаций будет осуществлена планомерная, всесторонняя помощь населению, вынужденному покидать занятые неприятелем местности»¹⁶.

¹³ См.: Борисов А. Внутренние дела и вопросы // Русские записки. 1915. № 12. С. 256.

¹⁴ Помощь беженцам // Известия Главного комитета Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам. 1915. № 21. С. 75.

¹⁵ Хроника // Там же. С. 78–79.

¹⁶ Там же. С. 79.

Вместе с тем в процессе тесного сотрудничества многообразных филантропических структур постепенно зрел и в конце концов явственно обозначился конфликт их интересов, прежде всего выражавшийся в амбициях, связанных с получением приоритетных прав на приобретение денежных средств со стороны государства. Уже в 1915 г. все необходимые черты реальной проблемы обрело некоторое недопонимание между Татьянинским комитетом и Всероссийским Земским союзом, вылившееся в жесткую дискуссию вокруг вопроса о регистрации беженцев (см. гл. II). Полугосударственный статус первой из названных структур при активном вмешательстве Министерства внутренних дел (в лице Особого совещания по устройству беженцев) позволил разрешить спор в пользу Татьянинского комитета, надолго оставив неприятный осадок у земских деятелей. В этой связи в своих документах Всероссийский Земский союз не преминул отметить следующее:

«Прекращение деятельности по регистрации беженцев не является таким простым делом, как это представляет себе министр вн[утренних] дел. В [Беженский — *Авт.*] отдел [Земского союза — *Авт.*] уже начал поступать материал и по общей переписи беженцев, производимой на местах. Если [Земский и Городской — *Авт.*] союзы откажутся или будут вынуждены отказаться от его собирания и разработки этого чрезвычайно ценного материала, то в этом случае потерпят несомненный ущерб общегосударственные задачи и интересы, связанные с устройством беженцев на местах... Существование центрального справочного бюро при союзах широко известно беженцам, и, какие бы административные препоны ни были поставлены деятельности бюро, оно будет еще долгое время получать всевозможные запросы и письма. Распоряжение министра вн[утренних] дел, основанное на соображениях, высказанных Особым совещанием, грозит нанести серьезный ущерб делу, которое было налажено с большим трудом; главным страдающим лицом явятся беженцы русской национальности, ибо беженцы других народностей и в деле розыска получают гораздо большую помощь от национальных организаций»¹⁷.

Последнее из высказанных соображений в середине 1915 г. — начале 1916 г. стало общим местом в околобеженских кругах, что едва не столкнуло между собой различные беженские организации и прежде всего национальные комитеты помощи жертвам войны. Огласка, которую получили сведения, связанные с правительственной поддержкой беженского дела, только подогрела ситуацию:

¹⁷ Союзы о беженцах // Земское дело. 1916. № 1. С. 42–43.

«Редакцией “Голоса России” получена составленная Особым совещанием по устройству беженцев денежная ведомость о расходах, произведенных на нужды беженцев в течение последних нескольких месяцев. Общая сумма расходов достигает ста миллионов рублей, причем польским национальным организациям выдано: Обществу вспомоществования бедным полякам — 6498625 руб., Польскому комитету в Москве — 2404800 руб., Центральному обывательскому комитету губерний Царства Польского — 8231479 руб. и т.д., Латышскому центральному комитету — 3930000 руб.; Литовскому комитету — 750000 руб., Еврейскому комитету — 700000 руб. Русским же национальным организациям: Западно-Русскому обществу всего только 402000 руб., а Варшавскому русскому благотворительному комитету еще меньше — 43000 руб. Остальная сумма ассигнована в распоряжение разных губернаторов и частных лиц, но как она распределялась, не указано... При наличии таких огромных сумм, казалось бы, можно быть вполне спокойным, что все нужды беженцев удовлетворяются с избытком, а между тем “избыток” замечается в польских, латышских и, быть может, других организациях, в русских же этого избытка не только нет, но чувствует[ся] во всем везде огромная нужда...»¹⁸

По прошествии полугода положение не изменилось, о чем продолжала «информировать» центральная печать:

«Московские газеты приводят цифры ассигнований национальным комитетам в Москве: еврейскому комитету — 39 тыс. рублей (берем круглые цифры), литовскому — 75 тыс., латышскому — 183 тыс., польскому комитету — 439 тыс., еще польскому обывательскому комитету 29 тыс. по г. Москве и 63 тыс. для уездов, и, наконец, обществу попечения о русских беженцах — 12 тыс. Эта сумма ассигнований на три месяца. Размер кредита на русских беженцев так ограничен сравнительно со сметами других национальных комитетов и так малозначителен сам по себе, что, разумеется, допускает помощь лишь в самых скромных размерах ... Крайне жаль, что, урезывая статьи расхода по смете помощи русским беженцам, беспощадно урезали кредит на духовные нужды православных беженцев. Комитет испрашивал на этот предмет 1200 рублей, но совещание сократило его до 125 руб. (менее 42 руб. в месяц). Кстати сказать, для польских беженцев существует в Москве даже театр и другие развлечения. Русские беженцы о театрах, конечно, не мечтают, да и не желают их. Духовные потребности здесь разумелись другие: например, помощь

¹⁸ [Без названия] // Голос России. 1916. 10 апр. (№ 6). С. 14.

на христианское погребение умерших детей или взрослых и другие религиозные нужды»¹⁹.

Разрядить ситуацию удалось лишь отчасти и только благодаря вмешательству министра внутренних дел, который поспешил озвучить позицию правительства со страниц газеты «Тамбовский край»:

«По имеющимся в Министерстве внутренних дел сведениям, расселенные во многих губерниях беженцы русской национальности находятся в крайне тяжелом и даже критическом положении по отсутствию надлежащей заботы о них со стороны как местных административных властей, так и общественных и иноверных национальных организаций, из коих последние, получая от правительства значительные суммы, поставили себе целью оказание помощи исключительно своим единоверцам. Такое несоответствующее положение беженцев русской национальности побуждает меня обратиться к вашему превосходительству [тамбовскому губернатору — *Авт.*] с покорнейшей просьбой принять меры к тому, чтобы русские беженцы не были поставлены в худшее материальное положение, чем беженцы других национальностей»²⁰.

Впрочем, некоторая напряженность в отношениях национально ориентированных беженских организаций была ничем в сравнении с тем конфликтом, который разразился вокруг Особого совещания по устройству беженцев и земско-городскими союзами. Конфликт этот иституировался в течение всего 1915 г. и в начале 1916 г., демонстрируя неготовность российского государства к диалогу с обществом, которая рутинно воспроизводилась из одного периода развития российской благотворительности в другой.

Первые признаки противостояния властей и земско-городской общественности обозначились уже летом 1915 г., в самый разгар так называемого беженского кризиса. В то время как Всероссийские Земский и Городской союзы начали активно помогать беженцам, поскольку во фронтовой, прифронтовой и тыловой полосах помогать им системно было практически некому, российское правительство пребывало в раздумьях, не особенно спеша предпринимать в связи с этим какие-то меры. Не дожидаясь «отмашки» со стороны властей, летом 1915 г. Главные комитеты Земского и Городского союзов признали необходимым объединить свою деятельность по оказанию

¹⁹ Положение русских беженцев // Вестник Всероссийского общества попечения о беженцах. 1916. № 30–31. С. 15.

²⁰ [Без названия] // Там же. С. 15.

помощи беженцам, организовав единый Отдел помощи беженцам (Беженский отдел), в состав которого были делегированы по три уполномоченных от каждой организации.

По прошествии месяца после выхода «Положения об обеспечении нужд беженцев» от 15 августа 1915 г. Всероссийский земский союз и вовсе возбудил ходатайство о сообщении ему всех постановлений и руководящих указаний по вопросам, касающимся устройства беженцев и предложил властям передать Союзу все полномочия по руководству беженским делом в империи. Однако официальный Петроград молчал. Нежелание властей видеть в Беженском отделе Земского и Городского союзов объединяющий центр всего беженского дела было поддержано другими общественными структурами, высказавшимися в этой связи более чем однозначно. Так, против его передачи в руки местных самоуправлений единогласно проголосовали национальные организации, энергично отстаивавшие «объ единение и централизацию в своих организациях вообще и целесообразность представления в Особое совещание общей всероссийской сметы на каждую национальную организацию в частности. Члены Государственной Думы, являющиеся по существу представителями тех же национальных организаций, по отношению к земствам, городам и объединениям их Союзам, заняли ту же позицию»²¹. В этих условиях Главный комитет Земского союза сложил с себя принятые было обязательства по объединению помощи местных самоуправлений беженцам, оставив за собой лишь обязанность помощи беженцам на фронтах и руководствуясь при этом «непосредственными предложениями со стороны военных властей и фронтовых главноуполномоченных»²². Но местные земства, не участвовавшие во всех этих «разборках», вместо непосредственного обращения за отпуском средств к Особому совещанию по устройству беженцев продолжали обращаться в Земский союз, окончательно запутывая ситуацию.

Власти сочли это за благо и распорядились так: «Управляющим министерством внутренних дел разослана губернаторам циркулярная телеграмма об организации в губернских и уездных городах комитетов о беженцах при содействии земских и городских самоуправлений и широком использовании лиц, могущих оказать пользу делу. Теперь же, согласно полученным Министерством внутренних дел представ-

²¹ Щепкин М.М. Беженцы и организация помощи им в связи с работами Особого Совещания. М., 1916. С. 32.

²² Борисов А. Указ. соч. С. 258.

лениям, испрошен соответствующий кредит, и на днях будут высланы авансы по губерниям»²³. Задача помощи беженцам, таким образом, была к концу 1915 г. «поставлена так, чтобы решение ее находилось в руках правительства»²⁴.

«Либеральная эра» в истории беженского вопроса в России на этом закончилась, едва успев начаться. Деньги из казны при этом действительно пошли в регионы, но доля средств, выделенных общественным благотворителям, все более и более явно уступала суммам, адресованным тем или иным административным органам, включая губернаторов. Далее, в 1916 г., эта тенденция только усилилась, и разрыв в объемах финансирования государственных и негосударственных беженских структур неуклонно рос. Так, за апрель–сентябрь 1916 г. властные инстанции получили в свое распоряжение более 47 млн рублей на устройство беженцев, тогда как самодеятельные/общественные организации — порядка 16 млн рублей, или почти в 3 раза меньше (см. табл. 3, 4).

«Союзы за свой страх и риск еще в августе [1915 г. — *Авт.*] приступили к организации помощи беженцам, однако только в сентябре им была отпущена сравнительно небольшая сумма... Несогласованность действий главноуполномоченных с деятельностью союзов и неустановление правильного контакта между действиями главноуполномоченных и органов самоуправления составляют чрезвычайно существенный пробел. Земский и Городской Союзы не имеют доступа к основному — к вопросу о направлении потоков беженцев; затем самый учет последних стоит вне сферы компетенции союзов, и, таким образом, вся работа как союзов, так и отдельных земств и городов, получает естественно характер случайно вспомогательной операции. Если сюда еще присоединится недостаток ассигнований, то названные общественные организации и совсем окажутся не в состоянии сделать то, что они должны делать в данном отношении»,

— безрадостно характеризовал сложившуюся к концу 1915 г. ситуацию один из земских печатных органов²⁵. На местах же в это время творилось нечто невообразимое:

«Одни [благотворительные организации — *Авт.*] выдавали пайки всем, другие лишь трудоспособным; одни — всем поровну, другие

²³ [Без названия] // Известия Главного комитета Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам. 1915. № 21. С. 81.

²⁴ Борисов А. Указ соч. С. 256.

²⁵ Дело помощи беженцам // Земское дело. 1915. № 19. С. 1048.

Таблица 3

Кредиты, выделенные на содержание беженцев до создания
Особого совещания по устройству беженцев (до сентября 1915 г.)*

Получатель кредита	Сумма, руб.	Получатель кредита	Сумма, руб.
Особоуполномоченно- му Западного фронта С.И. Зубчанинову	5 000 000	Всероссийскому земско- му союзу	1 400 000
Особоуполномочен- ному Южного фронта Н.П. Урусову	3 000 000	Всероссийскому союзу городов	1 100 000
		Польским организациям	1 100 000
Наместнику Кавказа	80 000	Русскому народному Со- вету Прикарпатской Руси	300 000
Губернаторам и градоначальникам	1 355 000	Отдельным городам и отдельным лицам	435 000
Всего по линии государ- ственных учреждений и ведомств	10 155 000	Всего по линии обще- ственных организаций и частных лиц	4 335 000

* Источник: Щепкин М.М. Беженцы и организация помощи им в связи с работами Осо-
бого Совещания. М., 1916. С. 32.

пропорционально убавляли пайки многосемейным. Одни принимали к учету казенный паек, получаемый семьями запасных, другие такого учета не делали. Одни евреям помогали, другие отсылали их за помощью в еврейские организации. Одни одежду давали, испрашивая на таковую средства и у Особого совещания, и у “Северопомощи”, и у Татьянинского комитета, другие считали оказание помощи одеждой и обувью делом исключительно Татьянинского комитета. Пользование бесплатной столовой, устроенной национальной организаци-
ей, испрашивающей кредиты у Особого совещания, и одновременно пайком от местного городского самоуправления не оказывалось особо редким исключением... Наряду с этим находились и такие беженцы, которые оставались без всякой помощи»²⁶.

Приметой времени стал не просто банальный беспорядок в бежен-
ском деле, но и бесконечные споры вокруг вопроса о том, кого и как должен «призывать» на самом деле:

«Беженцев частенько “не принимают” или “принимают” неохотно. Оно и понятно. В центре много начальников. На местах, в лучшем случае, разрозненные организации. Каждая из них действует сама

²⁶ Щепкин М.М. Указ. соч. С. 36–37.

Таблица 4

Кредиты, выделенные Особым совещанием по устройству беженцев
на содержание беженцев в апреле–сентябре 1916 г.*

Получатель кредита	Сумма, руб.	Получатель кредита	Сумма, руб.
1	2	3	4
Акмолинский губернатор	423 015	Симбирский губернатор	704 281
Амурский губернатор	63 400	Семипалатинский губернатор	2 631
Архангельский губернатор	15 000	Таврический губернатор	150 000
Астраханский губернатор	991 481	Тамбовский губернатор	2 569 490
Владимирский губернатор	230 000	Тверской губернатор	373 916
Воронежский губернатор	570 000	Тобольский губернатор	370 545
Вологодский губернатор	25 501,8	Томский губернатор	430 350
Вятский губернатор	17 634	Тульский губернатор	303 852
Витебский губернатор	250	Тургайский губернатор	35 490
Наказной атаман Войска Донского	1 113 855	Туркестанский генерал-губернатор	625 832
Екатеринославский губернатор	500 000	Уральский губернатор	91 068
Енисейский губернатор	142 364	Уфимский губернатор	1 199 685
Иркутский губернатор	164 640	Харьковский губернатор	1 857 910
Казанский губернатор	804 340	Херсонский губернатор	50 600
Наместник Е.И.В. на Кавказе	4 712 807	Эстляндский губернатор	710
Калужский губернатор	900 000	Черниговский губернатор	90 000
Костромской губернатор	470 805	Ярославский губернатор	613 872
Курский губернатор	731 731	Губернаторам на выдачу содержания ксендзам и пасторам	35 960
Курляндский губернатор	2 000	Департамент Госказначей- ства за перевозку беженцев	2 000 000
Лифляндский губернатор	50 000	Главноуполномоченный кн. Урусов	4 500 000
Могилевский губернатор	525	Главноуполномоченный Зубчанинов	8 594 200
Московский губернатор	595 748	Главноуполномоченные внутри Империи	82 365,37
Московский градоначальник	995 000	Всероссийский земский союз	2 150 000

Окончание таблицы 4

1	2	3	4
Нижегородский губернатор	776 668	Петроградский комитет Всероссийского союза городов	200 000
Новгородский губернатор	306 050	Всероссийское общество попечения о беженцах	520 000
Одесский губернатор	78 340	Центральный Обывательский Комитет	3 725 000
Оренбургский губернатор	1 086 189	Латышский Центральный Комитет	3 210 000
Орловский губернатор	873 485	Литовский Центральный Комитет	1 290 000
Пензенский губернатор	1 000 000	Совет съездов польских организаций	850 000
Пермский губернатор	349 177	Еврейский Центральный Комитет	2 050 000
Петроградский губернатор	19 000	Общество вспомоществования бедным семействам поляков	2 175 000
Петроградский градоначальник	1 500	Латышское общество «Родина»	2 800
Псковский губернатор	915	Западно-Русское общество	50 000
Рязанский губернатор	682 730	Русский Народный Совет Прикарпатской Руси	115 760
Ростовский градоначальник	156 305	Петроградский комитет Общества вспомоществования бедным армянам	105 000
Самарский губернатор	3 000 310	Холмское православное братство	20 000
Саратовский губернатор	1 612 566	Лечебный отдел Татьянинского комитета	15,44

* Источник: Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1322. Оп. 1. Д. 157. Л. 42–54.

по себе. С.П. Руднев, уполномоченный объединенного [Беженского — *Авт.*] отдела Земского и Городского союзов, так описывает, например, свои впечатления от того, что он увидел в Самаре.

— Я виделся с представителями наших союзов. Согласия у них нет. Люди они хорошие. Но делят беженцев на “ваших” и “наших”. А именно если они зарегистрированы в Самаре осевшими, то их обслуживает городской комитет; если не зарегистрированы, то, значит, это — земские. Земские же люди говорят:

— Всех осевших в Самаре взялся кормить Татьянинский комитет, — пусть он и ведается с ними. А вот когда в уезд привезут, тогда и мы будем знать, кто и как [должен их — *Авт.*] обслуживать»²⁷.

Очевидно, что такого рода ситуации на местах можно было предотвратить, если бы помощь беженцам изначально выстраивалась не как паллиативная и ситуативная, а как системная. В таком случае и горизонтальные, и вертикальные связи между занятыми беженцами структурами обеспечивали бы и безусловно более рациональное использование любых ресурсов. Именно об этом говорилось на совещании по устройству беженцев в Тамбове весной 1916 г., причем говорилось уже не впервые:

«Исполнительная Комиссия не раз уже высказывала свое мнение, что средства на продовольственную и квартирную помощь, а также и на одежду следовало бы испрашивать по одной губернской смете и в общем порядке распределять получаемые из Министерства средства всем беженским организациям через уездные земские и городские комитеты. Только при этом условии можно было бы достигнуть необходимого однообразия и действительно исключилась бы возможность двойных выдач»²⁸.

Действительно, в 1916 г. стало окончательно ясно, что свойственное беженскому делу «разнообразие приемов, не оправдываемое ни справедливостью, ни требованиями формального характера»²⁹ часто превращает это дело в сизифов труд. Не желая признать тот факт, что государство просто «проморгало» беженскую проблему, и, стремясь задним числом хоть как-то упорядочить бурную деятельность ответственных, правительство не нашло ничего лучшего, кроме как попробовать ограничить уже и без того самоограничившуюся активность земств и городов. Считая с созданием губернских комитетов помощи беженцам излишней аналогичную деятельность Земского и Городского союзов, Н.В. Плеве, товарищ министра внутренних дел, поставил вопрос о том, насколько оправданно отпускать им средства и не лучше ли выдавать деньги напрямую земским и городским учреждениям? Наряду с этим союзам были предъявлены требования подробного

²⁷ Борисов А. Указ. соч. С. 261. См. также: «Наши» и «ваши» // Беженец. 1915. 18 окт. С. 2.

²⁸ Журнал заседания Тамбовского Губернского Совещания по устройству беженцев 16–17 апреля 1916 года. Тамбов, 1916. С. 7.

²⁹ Журнал Совещания по устройству беженцев в Нижегородской губернии 8 февраля 1916 года. Нижний Новгород, 1916. С. 1–2.

составления смет расходов и незамедлительного предоставления финансовой отчетности. Вдобавок ко всему в декабре 1915 г. со ссылкой на «повышенное настроение низших слоев московского общества» Земскому союзу было отказано в проведении съезда его представителей в Москве, хотя в самом обществе прекрасно понимали, что власти не устраивает прежде всего повестка дня съезда, главным пунктом которой была организация помощи беженцам. Все это вызвало вполне ожидаемую реакцию со стороны земской общественности, которая констатировала, что «окончательно игнорировать Союзы пока еще не решаются, но к этому, по-видимому, идет дело»³⁰.

Между тем на местах, во внутренних районах империи все более и более очевидным делался тот факт, что ни Татьянинский комитет, ни созданные по линии МВД губернские комитеты помощи беженцам, ни национальные общества, ни даже их консолидированные усилия не могут обеспечить решения беженской проблемы.

«На общегубернском съезде председателей отделений комитета Великой Княжны Татьяны Николаевны, председателей губернской [и] уездных земских управ и представителей всех учрежденных благотворительных организаций по призрению беженцев вынесено решение, что благотворительные организации могут принять на себя лишь заботы по размещению, довольству, приисканию занятий беженцев, но не смогут справиться с трудным специальным вопросом по организации медицинской помощи, а тем более в виду появившихся среди беженцев эпидемических заболеваний, требующих срочного всестороннего развития дела борьбы эпидемиями. Местное земство и городские самоуправления, считая вопрос охранения народного здоровья своей ближайшей непосредственной задачей, изъявили полную готовность принять в этом деле самое живое участие, если будут отпущены на этот предмет специальные ассигнования, так как местных средств для такого экстренного выходящего из норм случая совершенно нет. Ввиду этого прошу содействия Вашего сиятельства и принятия Всероссийским Земским Союзом дела медицинской помощи беженцам в уездах губернии, которых по первому распределению назначено в Самарскую губернию сто тысяч, не считая уже двадцати тысяч водворенных до сего распределения»,

— просил, в частности, самарский губернатор С.Д. Евреинов, обращаясь к главе Земского союза кн. Г.Е. Львову³¹. В таких условиях

³⁰ Помощь беженцам // Земское дело. 1915. № 22. С. 1237.

³¹ Щепкин М.М. Указ. соч. С. 15.

власти были вынуждены признать очевидно значимую роль земских организаций в деле помощи беженцам и поддерживать их деятельность внутри империи финансово. Это, однако, не снимало двух главных вопросов — вопроса о скоординированности действий всех беженских учреждений и вопроса о принципах и объемах их финансовой поддержки. Проект нового плана по устройству беженцев, рассмотренный в кредитной комиссии Особого совещания 4 января 1916 г., не снял ни одного из этих вопросов, обнаружив при этом очевидные проявления бюрократизации беженского дела:

«Главное руководство делом, а также распоряжение кредитами принадлежит министру внутренних дел. Непосредственный надзор за устройством беженцев в пределах губернии принадлежит губернаторам и градоначальникам. Для объединения и планомерного направления деятельности всех местных учреждений губернаторам и градоначальникам предоставляется право образовывать соединенные совещания из представителей администрации, земского и городского самоуправления, а также национальных и иных организаций, работающих в данной местности. В уездах такие соединенные совещания образуются под председательством уездных предводителей дворянства. Ассигнованные на потребности беженцев кредиты передаются министерством внутренних дел губернаторам и градоначальникам»³².

Стоит ли удивляться, что настоящий документ, фактически лишая общественных благотворителей какой-либо самостоятельности, вызвал единодушно резкую критику общественности. Кн. Г.Е. Львов выразил общее мнение по этому поводу следующими словами:

«Земский союз уже пережил две ломки. Сейчас пытаются устроить третью ломку. Это делает честь последовательности, систематичности направления министерства внутренних дел. Н.В. Плеве ссылается на желание Особого совещания объединить деятельность всех организаций, помогающих беженцам. Конечно, мы, как представители общественных организаций, можем высказаться против объединения, но мы понимаем объединение общественных организаций лишь вокруг крупной общественной же единицы. Министерство понимает дело иначе. По его мнению, общественные организации между собой не должны объединяться. Их дело в пределах каждой губернии должно заключаться в подчинении губернатору. Зато губернаторы объединяются в Особом совещании, а само Особое совещание превращается в орган объединения губернаторов. Тут два совершенно

³² Новый план помощи беженцам // Земское дело. 1916. № 2. С. 93.

противоположных принципа: принцип объединения общественного и принцип объединения административного. Мы высказывали пожелание общественного объединения, а вместо этого нам подсовывают объединение административное. Никакие редакционные поправки не могут исправить проекта, ибо разногласие здесь не в деталях, а принципиальное»³³.

Противостояние властных структур и общественности продолжалось, не только не ослабевая, а наоборот, усиливаясь, и в дальнейшем. При этом чем более ощутимым был прессинг со стороны властей, тем более критичней общественные силы оценивали роль правительства в беженском деле. На съезде уполномоченных Земского союза, прошедшем 12–14 марта 1916 г. в Москве, лидер земского движения кн. Г.Е. Львов, в частности, заявил: «Нас разобзили насильственно, не считаясь с задачами, которые возложены на нас родиной, не считаясь с моральным положением действенных сил страны. Слава Богу, что на спасение родины общественные силы от насильственного разобщения не ослабевают»³⁴. В то же время со страниц земских изданий в адрес государственных ведомств направлялись и более категоричные заявления:

«Особое совещание за истекшее время не только не улучшило положения, но даже внесло в него расстройство, повлекшее нецелесообразное расходование государственных средств. Не могут внести порядка и утвержденные 2 марта [1916 г. — *Авт.*] руководящие положения³⁵, в некоторых частях противоречащие закону 30 августа 1915 г. и грозящие на местах распадом уже создавшихся организаций. В виду этого работа получила крайне беспорядочное направление...»³⁶

При этом всевозможные чины, считавшие, что «общественность, организованность, солидарность, есть не что иное, как сплочение революционных сил»³⁷, наметившийся в беженском деле «поворот направо» только поддерживали. Весьма критически об инициативах общественности отзывались, к примеру, губернаторы, собравшиеся в Петрограде на весеннем совещании 1916 г. под председательством товарища министра внутренних дел кн. В.М. Волконского:

³³ Новый план помощи беженцам // Земское дело. 1916. № 2. С. 94.

³⁴ Съезд уполномоченных Земского Союза 12–14 марта // Земское дело. 1916. № 7. С. 364.

³⁵ См.: Руководящие положения по устройству беженцев. Пг., 1916.

³⁶ Помощь беженцам // Земское дело. 1916. № 7. С. 367.

³⁷ Цит. из газеты «Русское знамя» от 18 ноября 1915 г. Приводится по: Борисов А. Указ соч. С. 255–256.

«Одним из главных зол является хозяйничание в этом деле нескольких и весьма многочисленных организаций, до общеземского союза включительно, пытавшегося в некоторых губерниях (Владимирская, Тульская) захватить беженцев в свои руки... Национальные организации имеют некоторое стремление к обособленности, но ярче всего это проглядывает в польских комитетах. В заботах последних о беженцах католического вероисповедания сепаратизм является краеугольным камнем, и губернаторам с большим трудом удается сглаживать создаваемые поляками острые положения... Латышские организации менее заняты обособленностью и более склонны к подчинению во имя общего блага. Из политиканствующих организаций выдается “Родина”...»³⁸

Вряд ли стоит удивляться тому, что среди «пожеланий», высказанных участниками данного совещания, значилась желательность «разработки вопроса о восстановлении нарушенной ныне обстоятельствами войны черты оседлости евреев»³⁹. Ответ общественности на откровенно реакционный поворот в беженском деле не заставил себя ждать. Когда тот же товарищ министра внутренних дел кн. В.М. Волконский попросил кн. Г.Е. Львова как можно быстрее командировать на фронт три врачебно-санитарных отряда, которым предлагалось вывезти беженцев во внутренние губернии, глава Земского союза ответил, что возглавляемая им организация всякую деятельность, связанную с нуждами беженцев, прекратила. Почему?

«Потому, что от правительства не получено ответа на сделанный еще в сентябре запрос, будут ли правительством даны средства, а также нет ответа на запрос относительно порядка деятельности Союза по оказанию помощи беженцам. Далее кн. Львов указал, что Союз не может сразу организовать отряды, и спрашивал, будет ли Союзу дано право и в дальнейшем приходить на помощь беженцам, получит ли он, помимо данного случая, средства, и в каком порядке вообще правительство предполагает предоставить Союзу участие в оказании помощи беженцам...»⁴⁰

Конфликт грозил стать грандиозным, но выступление в качестве арбитра Государственной Думы позволило его смягчить. Урезонены при этом были обе стороны, оставшиеся каждая при своем. Союзы,

³⁸ Совещание губернаторов в 1916 г. // Красный архив. Исторический журнал. 1929. № 2 (33). С. 158–159.

³⁹ Там же. С. 160.

⁴⁰ Беженцы // Земское дело. 1916. № 9. С. 465.

Земский и Городской, стали регулярно получать более чем значительные ассигнования на поддержку беженского дела, размер которых к осени 1916 г. приблизился к цифре в полмиллиарда рублей⁴¹. В то же время при Министерстве внутренних дел был образован Центральный ссудный комитет, после чего все прочие структуры, ранее ведавшие выдачей ссуд беженцам, были ликвидированы⁴². Но все это так и не примирило общественников с государством, тем более что очень скоро, 10 августа 1916 г., Министерство внутренних дел и Министерство финансов выступили с предложением о сокращении выдачи пайков беженцам с таким расчетом, чтобы пособия оказывались не более чем 50 % зарегистрированных беженцев. И даже если признать достигнутое под давлением общественности увеличение предложенного правительством процента с 50 % до 55 % компромиссным решением, оно благотворителей и общественников, скорее, разочаровало, нежели вдохновило⁴³.

В условиях, когда ресурсы оскудели, а общество устало от войны, разочарование в беженском деле было вообще по-своему закономерным. Причем признаки этого разочарования появились довольно рано, уже в апреле 1916 г.:

«В среде работников беженского дела чувствуется растерянность и нарастает стремление к изменению организаций, но в самых разных формах, которое оно принимает, заметно иногда крайнее оскудение общественного творчества. Из многих мест идут сведения, что число этих работников тает. В Саратовском городском комитете ряд заседаний посвящается обсуждению наступившего в нем кризиса. В Вольске представитель Татьянинского комитета письменно предлагает городской управе принять беженцев в ведение города... Во Владимире губернский комитет, объединявший деятельность уездных, ликвидировал свою деятельность...»⁴⁴

И это было только начало. 31 августа 1916 г., ссылаясь на отсутствие средств и невозможность исполнения спущенных сверху распоряжений, о невозможности своей дальнейшей работы заявило отделение Городского союза в Омске. В то же время свои учреждения закрыла местная секция польского комитета в Иркутске. Та же участь

⁴¹ См.: Министр внутренних дел о Земском и Городском Союзах // Земское дело. 1916. № 11–12. С. 561.

⁴² См.: [Без названия] // Жизнь беженцев. 1916. № 1. С. 13, 16.

⁴³ См.: Опасная экономия // Там же. С. 10.

⁴⁴ Шаховская Н. Указ. соч. С. 324–325.

вскоре постигла и Екатеринбургский комитет Всероссийского союза городов. 18 сентября в Самаре «вследствие прекращения правительством соответствующего ассигнования» была «ликвидирована» врачебная помощь беженцам⁴⁵. В Томске же и вовсе громко негодовали:

«Губернским совещанием смета Городского комитета на июль—сентябрь сокращена почти по всем параграфам; сокращения сделаны согласно распоряжения Особого совещания о беженцах из Петрограда. Сокращения коснулись главным образом продовольственного и квартирного пайков. Эти пайки уменьшены на 25 %. В круглых цифрах городской комитет получит на три месяца вместо предполагавшихся 52000 только 36000 рублей. Ассигнование на медицинскую помощь беженцам убавлено с 6324 руб. до 610 рублей. Ассигнование на одежду беженцам оставлено в сумме 5 руб. на человека в месяц и то лишь для 30 % всех призываемых беженцев»⁴⁶.

Еженедельный журнал «Жизнь беженцев» был вынужден с сожалением констатировать в сентябре 1916 г., что «слово «беженец», мелькающее время от времени на страницах газет, стало скучным, привычным. Беженцы оказались сданными в архив именно тогда, когда многосложная русская жизнь занялась перевариваем этого элемента, внезапно и неотвратимо вошедшего в нее»⁴⁷. В ноябре того же года на страницах того же издания таинственный аноним, подводя черту под историей отношений государства и занятой беженцами общественности, акцентировал внимание на том, что в ней и в ее усилиях власти прежде всего увидели не своего партнера, а

«организацию оппозиционно настроенных общественных элементов страны. И в противовес общественным организациям был создан особый бюрократический механизм помощи беженцам, переданный в ведение Министерства внутренних дел, но т.к. открыто упразднить то, что было создано обществом все же было неудобно, то с ними повели борьбу скрытую. Первоначально к общественным организациям в этой борьбе был применен метод борьбы “на истощение” — задерживалась выдача средств, необходимых для оказания помощи беженцам, требовалась скорая отчетность... Однако этот метод “борьбы” не дал должных результатов — организации продолжали существовать, перебиваясь с грехом пополам от ассигновки до ассигновки, напрягая

⁴⁵ См.: Петроград, 25-го Сентября 1916 г. // Жизнь беженцев. 1916. № 4. С. 3—4; Хроника. Самара // Там же. № 6. С. 14; Хроника. Екатеринбург // Там же. № 7. С. 14.

⁴⁶ В провинции // Жизнь беженцев. 1916. № 3. С. 12

⁴⁷ Путиами скорби // Жизнь беженцев. 1916. № 1. С. 5.

все усилия к выполнению предъявляемых к ним требований. Тогда решили испробовать другой способ борьбы — создать свои «образцовые» учреждения для помощи беженцам, взять их под свою опеку и упразднить злонамеренные общественные учреждения. Но и этот способ провалился... Испробовав два метода борьбы с ненавистной общественностью, решили испробовать третий метод — сокращать до невозможного минимума сметы различных организаций и издавать абсолютно невыполнимые циркуляры. Эта третья форма давления на общественность дала ожидаемые результаты. Многие общественные организации, видя, что урезывание смет идет дальше действительной потребности, и что такое урезывание несет с собою неисчислимый ряд бед для беженской массы и не желая брать на себя ответственность за действия тех, кои, имея власть, не умеют ею пользоваться, решили совершенно прекратить свою деятельность. Другие же общественные организации продолжают работать, изыскивая разными путями дополнительные средства, нужные для дела...»⁴⁸

По стране даже поползли слухи, что в 1917 г. государство вообще намерено отказаться от помощи беженцам, что отражало общую атмосферу растущего недоверия между властью и обществом, — атмосферу, в которой явно улавливалось если не отсутствие консенсуса между ними, то, как минимум, крайне низкий уровень их союзоспособности. Ее оборотной стороной стала в итоге радикализация различных общественных сил, в свою очередь, приведшая одну из ключевых фигур российской общественности — кн. Г.Е. Львова — на пост главы Временного правительства в феврале 1917 г.

Возможно, кто-то возразит, что вышеописанные трения вокруг беженского вопроса были не более чем борьбой за власть и влияние, которая касалась прежде всего столичных элит. Однако данные процессу организации беженского дела на местах оценки свидетельствуют, что это было бы слишком большим допущением.

«Беженскую кампанию Иркутский Комитет должен был начать почти безо всякой подготовки, без каких-либо директив и строго выработанных норм, при полной неопределенности и неясности ее финансовой стороны... Тогда-то завязался тот узел, который мы не смогли развязать до сего момента и который, по-видимому, приходится сейчас разрубать.

30 августа был утвержден закон о беженцах, а вскоре после того открыло свои действия Особое совещание. Однако это обстоятельство

⁴⁸ Медлить престоупно // Жизнь беженцев. 1916. № 10. С. 8–9.

нисколько не устранило того хаоса в беженском деле, который воцарился там с самого начала. Никаких определенных норм, никаких точных указаний мы не получали от Особого совещания в течение, по крайней мере, полугода. Долгое время оставалось неясным, кто же должен финансировать работающие на местах организации? ... Только благодаря счастливой случайности наличия в нашей кассе значительных сумм на совершенно иные цели мы могли временно воспользоваться ими и выйти из чрезвычайно критического положения, когда тысячи голодных людей могли очутиться совершенно без хлеба под открытым небом при 25-градусных морозах.

В дальнейшем, с окончательным устранением Союзов от руководящей роли в распределении средств (из-за чего в Особом Совещании шла долгая и упорная борьба) и с передачей этого дела на местах в руки администрации, способы получения денег выяснились более определенно, хотя и здесь бывали заминки, но уже не такого трагического характера, как в первые месяцы беженской кампании. Испорченное, однако, в самом начале дело так-таки и не могло стать на надлежащие рельсы...»,

— констатировал в конце 1916 г. председатель Иркутского комитета Союза городов П.И. Федоров, тем самым подтверждая, что и в центре, и на периферии помощь беженцам, сама ее организация была далека от оптимальной⁴⁹. Все это оборачивалось прежде всего усугублением старых и новыми страданиями беженцев, особенно шокируя иностранных наблюдателей (см. приложение 7). Было явственно видно, что при огромном числе всевозможных беженских учреждений, ведомств и служб беженцы нередко оказывались в положении, которое известная русская поговорка характеризует как «у семи нянек дитя без глазу». К началу же 1917 г., когда рядовой обыватель уже столкнулся со всевозможными дефицитами, внимание к беженцам тоже стало дефицитом.

«Из Пошехонского уезда сообщают, что с наступлением осени положение беженцев становится критическим. Нет хлеба, обуви, одежды. Заработки сократились, казенный паек не выдается уже 6-й месяц. Местные же волостные комитеты бессильны оказать им какую-либо существенную помощь за неимением средств.

Особенно тяжело положение детей, питающихся исключительно черным хлебом и картофелем без капли молока. Но и хлеб приходится собирать по деревням как милостыню.

⁴⁹ Доклад председателя Иркутского комитета Союза городов П.И. Федорова общему собранию комитета 21 ноября 1916 г. // Известия Всероссийского союза городов. 1917. № 40. С. 208–213.

ГЛАВА III

В некоторых волостях, — например Меленковской и Катринской, — беженцы, не находя заработков, из страха погибнуть от холода и голода целыми семьями бегут в город, главным образом в Петроград»,

— свидетельствовал источник конца 1916 г. о беженских лишениях, которые вскоре перестали быть только беженскими⁵⁰. Все это, на наш взгляд, едва ли позволяет аттестовать сложившуюся в России «своеобразную государственно-общественную организацию беженского дела»⁵¹ как эффективно работавшую систему. Думается, сама постановка вопроса о создании такой системы не совсем корректна в свете того факта, что Российская империя в годы войны не смогла защитить от ее тягот даже своих относительно благополучных подданных⁵², не говоря уже о беженцах.

Вне всякого сомнения, исключительно отрицательной оценки российский опыт организации беженского дела не заслуживает.

«Русское беженство мобилизовало еще раз свои силы и еще раз доказало, что в минуту тяжких испытаний оно всегда сумеет собрать распыленные силы и создать необходимые условия для облегчения сурового положения нашего отечества, в которое оно часто попадает благодаря неумелому руководству вершителей политических судеб России. На местах были созданы всевозможные губернские, уездные, городские, дамские комитеты. Быстро собрались кадры бесплатных работников. Работа закипела»,

— замечали современники, хоть и несколько преувеличивая, но, по сути, вполне справедливо⁵³. Беженство и в самом деле не просто породило целый ряд самостоятельных инициатив, причем как формализованных, так и неформальных. Оно также привело к формированию круга специалистов, для которых помощь жертвам войны стала профессией. Профессионализация в этом случае сопровождалась еще и специализацией и, в частности, оформлением «номенклатуры»

⁵⁰ Беженцы в Пошехонском уезде // Жизнь беженцев. 1916. № 8. С. 13.

⁵¹ Туманова А.С. Организационно-правовое обеспечение беженцев в годы Первой мировой войны // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер.: Юридические науки. 2013. № 1 (11). С. 57. См. также.: Поткина И.В. Регулирование социальной сферы в России в годы Первой мировой войны // Экономическая история. 2017. № 1. С. 40.

⁵² См. об этом, напр.: Особое Областное совещание по призрению беженцев // Жизнь беженцев. 1916. № 8. С. 14.

⁵³ Медлить преступно. С. 8.

различных категорий беженцев, нуждавшихся в том или ином виде помощи. К числу более или менее очевидных признаков, по которым ранжировалась эта помощь, следует отнести такие признаки, как этнокультурный, гендерный и эйджинговый.

Наиболее выпукло обозначившейся среди прочих общественных инициатив стала помощь беженцам со стороны национальных организаций (см. приложение 3). Содержательно она, впрочем, мало чем отличалась от помощи беженцам как таковой. Особенной среди форм помощи соплеменникам, пожалуй, оказалась только практика, «изобретенная» еврейскими обществами и известная в литературе как самообложение. Эта тема, как и тема работы национальных беженских комитетов вообще, вряд ли нуждается в подробном освещении, будучи неплохо изученной⁵⁴. Мы здесь отметим лишь то, что, возникнув уже в 1914 г. и превратившись в основной источник средств оказания помощи беженцам по итогам съезда еврейских организаций в Петрограде 20–23 августа 1915 г., еврейское самообложение оказалось востребовано и другими национальными общинами.

«В первых числах сентября состоялось первое после летнего перерыва общее собрание делегатов Центрального латышского комитета. Совещание заслушало доклады с мест... Сводка сообщений с мест, сделанная секретарем комитета, бароном Шиллингом, выдвинула на очередь в совещании вопрос об изыскании средств для продолжения необходимого дела помощи литовским беженцам. Ораторами указывалось, что единственный выход из тупика, в каком оказываются литовские организации, — это самообложение всех литовцев. Особенно подчеркивалась необходимость осуществить этот давно уже выдвигавшийся проект на деле среди многочисленной литовской колонии в Америке. По приблизительным расчетам помощь литовцев-эмигрантов могла бы выразиться в сумме около 2 миллионов долларов ежегодно. Однако не вся эта сумма могла бы быть использована на дело помощи беженцам-литовцам в России. По крайней мере, половина этих средств назначается на помощь бедствующему литовскому населению в оккупированной Литве. В виду этого настоятельной необходимостью является введение самообложения среди литовцев в России...»,

— сообщала пресса в сентябре 1916 г.⁵⁵ «В связи с сокращением кредитов, ассигнуемых на помощь беженцам Особым совещанием при

⁵⁴ См. об этом прежде всего: Златина М.А. Проблема еврейского беженства в России в период Первой мировой войны: дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2010.

⁵⁵ Из Центрального Литовского комитета // Жизнь беженцев. 1916. № 3. С. 9.

Министерстве внутренних дел, а также слухами о том, что с 1917 г. правительственная помощь беженцам будет вовсе упразднена» вслед за литовскими общественниками к идее введения самообложения пришел в конце концов и Польский комитет, решивший установить поголовное самообложение поляков в России в размере 30 копеек с каждого ежемесячно⁵⁶.

Самообложение, бесспорно, стало тем самым фактором, который в наибольшей степени способствовал консолидации национальных общин и росту самосознания их членов. Убедительнее всего это доказал П. Гетрелл, пришедший в итоге к следующему наблюдению:

«Посредством своего поощрения не-беженцев внести свой вклад в помощь беженцам, чувство национальной общины развивалось среди обеих групп. Когда центральное правительство снизило финансирование, они начинали честолюбивые культурные программы с целью сбора средств и распространения послания национальной борьбы. Они поддерживали культуру храбрости и жертвенности, которая сыграла важную роль в некоторых национальных движениях»⁵⁷.

В соответствии с этой логикой самообложение, как и в целом национально ориентированная помощь беженцам, будь то евреи, поляки, армяне, латыши, литовцы и др., привели к тому, что они сформировали «единое национальное целое», отменяемость которого стала большой проблемой:

«Коллективная деятельность помогала преодолеть разрыв между образованной национальной элитой, представителями национальной интеллигенции из числа беженцев и “простым” беженцем. Невозможно было и далее поддерживать традиционное четкое различие между представителями образованной интеллигенции и “темным” народом, поскольку они в равной степени подвергались дегуманизирующим и обессиливающим последствиям беженства. Все они могли проникаться чувством испытания и несчастья, а также уничтожения “национальных” активов. Представители национальных меньшинств, которые не являлись беженцами, объединялись, связывались вместе общим “налогом”, возложенным на всю общину. В силу разрушения других связей, обусловленного войной, беженство создало ситуацию, в которой национальность могла приобрести особое значение, становясь даже более важной, чем другие виды солидарности. Беженство

⁵⁶ См.: К вопросу о самообложении // Жизнь беженцев. 1916. № 8. С. 13.

⁵⁷ Gatrell P. A Whole Empire Walking: Refugees in Russia during World War I. Bloomington; Indianapolis, 1999. P. 162.

даровало приличие и респектабельность риторике о национальном сознании, а также придавало импульс действиям, которые формулировались на национальном языке. Беженцы были мобилизованы ради крестового похода в поддержку национального возрождения и, в конце концов, создания государственности»⁵⁸.

С этим не смог ничего поделать ни обновленный после Февральской революции 1917 г. политический режим, ни радикалы-большевики. Последние, создавая в составе Народного комиссариата по делам национальностей комиссариаты и отделы по делам отдельных национальностей — армянский, еврейский, латышский, литовский, польский и др., — по сути, имплицитно зафиксировали результаты деятельности национальных беженских организаций⁵⁹. И, осознав всю их опасность для идеи «интернационального пролетарского братства», немедленно приступили к их ликвидации...⁶⁰

Нам же кажется вполне логичным предположить, что самообложение, ставшее общей практикой после секвестирования государственных расходов на беженское дело, знаменовало собой не просто сплочение тех или иных этнонациональных групп. Оно, вероятно, олицетворяло российский вариант общеевропейских тенденций ремобилизации тех социальных сил, которые постепенно выкристаллизовывались в условиях затянувшейся войны и закладывали основы для обновленной послевоенной Европы⁶¹.

Несмотря на очевидную этнизацию беженства, вряд ли стоит забывать о той роли, которую играл в его истории религиозный фактор⁶². Практически обойденный вниманием в литературе⁶³, он продолжал оставаться интегрирующим для различных групп беженцев, безусловно влияя на конфигурацию беженских организаций. Ярким

⁵⁸ Ibid. P. 170.

⁵⁹ См.: ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 81. Л. 6.

⁶⁰ См., напр., о ликвидации еврейских организаций: ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 550. Л. 33–34 (см. приложение 3).

⁶¹ См. подробнее: State, Society and Mobilization in Europe during the First World War / ed. J. Horne. Cambridge, 1997.

⁶² См. об этом, напр., только в журнале «Жизнь беженцев»: Епископ среди беженцев // Жизнь беженцев. 1916. № 1. С. 15; Удовлетворение религиозных нужд латышей-беженцев // Там же. С. 14; Содержание католического и лютеранского духовенства // Там же. С. 11; Помощь пострадавшим от войны мусульманам // Там же; и мн. др.

⁶³ См. одну из редких публикаций на эту тему: Павлова О.С. Роль уфимского епархиального духовенства в организации помощи беженцам в 1915–1917 гг. // Великая Российская революция 1917 г.: методология, источники историография: сб. материалов Всероссийской научно-практ. конференции. Стерлитамак, 2017. С. 195–198.

примером объединения, в основе которого лежал этноконфессиональный принцип, стал Центральный комитет помощи беженцам и пострадавшим от войны, созданный 20 ноября 1914 г. католиком всех армян Геворком V и ставший известным как комитет «Братская помощь»:

«Комитет этот имеет филиальные отделения: в Игдыре, Эривани, Александрополе, Карсе, Нахичевани, Новом Баязете (и в Каракилисе); за 10 месяцев существования Братская помощь истратила на беженцев свыше 900 000 руб. одними деньгами, не считая пожертвований одеждой, медикаментами и специально присланными медицинскими отрядами. Братская помощь черпает свои средства из добровольных пожертвований армянского народа из всех частей света, а также пожертвований гор. Петрограда, Москвы, Харькова и др. Братская помощь раздает регулярно муку, деньги, одежду; имеет питательные пункты в Игдыре, Эчмиадзине, Александрополе; содержит больницы, отряды медицинской помощи, приюты для сирот беженцев, школы и мастерские, словом, Братская помощь является самой крупной общественной организацией, ведающей нуждами беженцев с первого дня появления их у нас»⁶⁴.

Не будет преувеличением сказать, что участие служителей культуры в различных беженских организациях стало практически общим местом. Для комитетов и обществ, имевших дело с православными беженцами, это и вовсе стало правилом. Так, работой 1-го Московского Отдела Всероссийского общества попечения о русских беженцах руководил сам митрополит Московский и Коломенский Макарий. В Нижнем Новгороде местный отдел общества возглавлял викарий Нижегородской епархии, епископ Макарий (Гневушев), в Курске — второй викарий Курской епархии епископ Рыльский Феофан, в Уфе — епископ Уфимский и Мензелинский Андрей. Протоиерей о. Василий (Сокольский), ректор местной духовной семинарии вошел в руководящий состав губернского отдела Всероссийского общества попечения о беженцах в Чернигове⁶⁵. Это было частью той политики,

⁶⁴ Краткие сведения о положении беженцев на Кавказе и оказанной им Союзом Городов помощи за время с 20-го сентября по 1-е ноября 1915 года. Вып. 2. Тифлис, 1915. С. 16.

⁶⁵ См.: Кустов Н.И. Краткие очерки о деятельности национальных и благотворительных организаций, оказывающих помощь беженцам в гор. Москве. М., 1917. С. 71; Протокол заседания Совета Всероссийского Общества попечения о беженцах, 2-го марта 1916 года // Вестник Всероссийского общества попечения о беженцах. 1916. 6 марта. С. 7; Беженство в Черниговской губернии // Там же. С. 9; Отчет Курского отдела Всероссийского Общества попечения о беженцах с 10 ноября 1915 г. по 1 февраля 1916 г. // Там же. 17 апр. С. 4; и др.

которую Русская православная церковь проводила сознательно, создав, между тем, свою, альтернативную систему помощи беженцам.

Ее формирование началось с принятия мер к «духовному утешению и назиданию» беженцев, находившихся в пути, в также с разрешения использовать для их временного приюта епархиальные дома, монастырские гостиницы, церковные школы и духовно-учебные заведения. Далее, определением № 6449 от 11 августа 1915 г. Синод распорядился «ныне же учредить особые епархиальные комитеты по устройству быта беженцев»⁶⁶. Однако с выходом 30 августа 1915 г. Положения об обеспечении нужд беженцев Синодом было признано «соответственным» передать все заботы о них организациям, имеющим общественный характер, к каковым в епархиях относились:

«а) в кафедральных городах православные церковные (епархиальные) братства, действующие в силу Высочайше утвержденных 8 мая 1864 г. основных Правил [об учреждении православных братств — *Авт.*],

б) в городах и селах —

аа) братства как самостоятельные учреждения или как отделения епархиальных братств,

бб) приходские попечительства, действующие на основании Высочайше утвержденного 2 августа 1864 г. Положения [о приходских попечительствах при православных церквах — *Авт.*], и

вв) приходские попечительные советы, утвержденные Святейшим Синодом 20 июля 1914 г. и действующие на самых широких началах в отношении своей внутренне организации»⁶⁷.

Сообразуясь с этим, Синод постановил:

«1) Порученное епархиальным комитетам о беженцах дело возложить на существующие в кафедральных городах епархиальные церковные братства, усилив состав братств лицами из состава действующих ныне епархиальных комитетов по избранию общего собрания братства,

2) предоставить усмотрению епархиальных преосвященных дело помощи беженцам по приходам в уездных городах и селах возложить на приходские попечительные советы, или братства, или церковно-приходские попечительства — как окажется более удобным, с подчинением этих учреждений в их новой деятельности епархиальным братствам,

⁶⁶ Определение Св. Синода от 11 августа 1915 года за [№] 6449 о мерах к объединению деятельности учреждений духовного ведомства по устройству быта беженцев // Томские епархиальные ведомости. 1915. № 17. С. 529.

⁶⁷ Распоряжение Святейшего Синода о наилучшей организации помощи беженцам // Томские епархиальные ведомости. 1915. № 21. С. 681.

3) не упраздняя совсем действующих ныне епархиальных комитетов о беженцах, ближайшею задачей сих комитетов поставить оказание помощи преимущественно беженцам-клирикам»⁶⁸.

Именно так в беженской истории появились и проявились Братство Воскресения Христова в г. Москве, Холмское Православное Свято-Богородицкое братство, Гродненское Софийское православное братство, братство Святого Михаила, князя Черниговского, Знаменско-Богородичное миссионерско-просветительное братство, Киевское Свято-Владимирское епархиальное братство, Донское епархиальное Аксайско-Богородичное братство, Братство во имя Царицы Небесной, Свято-Димитриевское братство, и т.д., и т.п., а также многочисленные приходские комитеты и попечительства⁶⁹. Но и ими перечень структур, занятых беженцами, не исчерпывался. По инициативе епископа Томского и Алтайского Анатолия, к примеру, в ряде городов Сибири и Алтая к помощи жертвам войны в целом и беженцам в частности были привлечены женщины духовного звания, объединенные в специально созданные для этого кружки⁷⁰.

При этом помощь беженцам со стороны РПЦ сразу предполагала два направления. В рамках первого из них особая поддержка оказывалась беженцам из числа лиц духовного звания. В соответствии с циркулярными синодальными указами, принятыми в августе и сентябре 1915 г., а также уже упомянутым выше определением № 6449, помощь эта выражалась в размещении беженцев-монахов в монастырях принимающих епархий, приглашении беженцев-клириков на вакантные епархиальные должности, беженцев-учителей — в церковные

⁶⁸ Распоряжение Святейшего Синода о наилучшей организации помощи беженцам // Томские епархиальные ведомости. 1915. № 21. С. 681–682.

⁶⁹ См.: Годовщина деятельности Комитета по обеспечению беженцев при Донском Аксайско-Богородичном Братстве // Донской православный вестник. 1917. № 2; Дети страдалцы // Псковские епархиальные ведомости. 1916. № 4. С. 43–44; Кустов Н.И. Краткие очерки о деятельности национальных и благотворительных организаций, оказывающих помощь беженцам в гор. Москве. М., 1917. С. 77–81; Отчет церковно-приходского комитета при храме Св. Троицы, что Грязях, в Москве. М., 1916; и др.

⁷⁰ См. об этом, напр.: Кружок дам духовного звания в г. Томске // Прибавление в Иркутским епархиальным ведомостям. 1917. 15 февр. С. 156–158; Отчет о сборе пожертвований, устроенном 1 октября 1915 г. в пользу беженцев соединенным Комитетом Епархиальным о беженцах и Комитетом дам духовного звания при содействии церковных попечительств г. Томска // Томские епархиальные ведомости. 1915. № 23. С. 765–767; и др. См. также: Катионов О.Н., Зноско Ю.А. Кружки дам духовного звания в Томской губернии в годы Первой мировой войны // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2016. № 1. Т. 6. С. 26–30; Тишкина А.Н. Деятельность кружков дам духовного звания в годы Первой мировой войны (на примере Томской губернии) // Известия Алтайского государственного университета. 2018. № 2 (100). С. 82–86.

школы, а беженцев-учащихся — в училища и семинарии. Кроме того, «духовенство многих епархий для помощи своим собратьям-беженцам и их семьям установило особые сборы путем самообложения»⁷¹.

Вторую часть беженских забот РПЦ составила помощь беженцам-мирянам, то есть беженцам в целом. На первый взгляд, она мало чем отличалась от деятельности любых других беженских организаций⁷². Между тем, именно учреждения РПЦ, владея огромным числом зданий и помещений, приютили в их стенах тысячи беженцев. В Харьковской епархии для этой цели были использованы площади 5 обителей, 3 церквей и духовной семинарии. В Глинской Рождество-Богородичной пустыни Курской епархии временный приют и стол получили за 1915 г. порядка 60 тыс. беженцев и примерно столько же — в Одесском подворье Афонского Пантелеймонова монастыря. В Новгородской епархии для размещения беженцев были уступлены помещения 23 школ, 19 церковно-приходских и 20 причтовых домов. Здание Богословской церковно-приходской школы превратилось в общежитие на 150 беженцев, а Богословской же женской школы — в мастерскую для изготовления одежды для беженцев. В Саратовской епархии Балашовский монастырь передал местному земству странноприимный дом для устройства беженской больницы, а также помещения при монастырской мельнице, которые удалось приспособить под жилые. В Оренбургской епархии для помещения беженцев использовались два монастырских дома и 4 школы, а в Илецком женском и Мещеряковском мужском монастырях размещены беженские приюты⁷³. Не отставали от других епархий и столичные епархии:

«В двух московских женских монастырях (Страстном и Вознесенском) открыты убежища для беженек, преимущественно из учащихся. В Крестовоздвиженском женском монастыре и в зданиях двух московских церковных школ учреждены приюты для детей беженцев. В двух монастырях (Никола-Перервинском и Троице-Одигитриев-

⁷¹ Обзор деятельности ведомства православного вероисповедания за 1915 год. Пг., 1917. С. 6, 24, 25. См. также: От Донского Епархиального Комитета по устройству быта беженцев духовного звания // Донские епархиальные ведомости. 1916. 7 дек. С. 721.

⁷² См. для примера: Беженцы по селам Алатырского уезда // Симбирские епархиальные ведомости. 1916. № 19. С. 500–503; № 21. С. 557–561; Никольский И., прот. Итоги забот Симбирского Епархиального Управления о беженцах с 10 ноября 1915 г. // Там же. 1915. № 23. С. 918–919; 1916. № 6. С. 143–148; № 7–8. С. 184–189.

⁷³ Обзор деятельности ведомства православного вероисповедания за 1915 год. Пг., 1917. С. 25–30.

ГЛАВА III

ском) отведены достаточные помещения для приютов, содержаемых светскими организациями»⁷⁴.

Как один из главных организаторов начального образования в империи, РПЦ, конечно же, просто не могла не сыграть исключительной роли в обучении детей-беженцев, что особенно выделяло ее на фоне прочих беженских «благодетелей».

«Всюду, где только появлялись беженцы-дети, для них радушно открывались двери церковной школы, хотя бы и с некоторыми неудобствами от того для детей местных жителей. В различных местностях были устроены особые школы для беженцев или “беженские”... Например, в Уфимской епархии устроены беженские церковно-приходские школы в числе 21 на 1010 чел. ... В Екатеринославской епархии в церковных школах обучалось в 1915–16 уч. году 1627 детей-беженцев, из которых 800 училищ в местных школах с детьми коренного населения, а 827 разместились в устроенных для беженцев, в количестве 24 школ по епархии... В минской епархии были устроены особые церковные школы для детей-беженцев, в том числе 25 школ-общежитий, училось детей-беженцев 2379, из которых 1445 мальчиков и 934 девочки...»,

— писал современник, указуя лишь на небольшую часть приходских школ, принявших детей-беженцев в своих стенах⁷⁵. Если прибавить ко всему сказанному ту деятельность, в рамках которой в интересах православных беженцев были упрощены процедуры брака и развода, крещения и метрикации, причастия и отпевания⁷⁶, то сложно не согласиться с тем, что война действительно создала «богатую ниву для пастырской работы»⁷⁷. Совершенно очевидно и то, что помощь беженцам со стороны православного духовенства стала той самой помощью русским беженцам, о дефиците которой кричали самые разные издания (см. выше). Просто тогда как иноверческие западные окраины империи ориентировались на более современные самоопределяющие признаки (национальный язык, этническая территория и т.п.), а не только на вероисповедание, для российских властей

⁷⁴ Обзор деятельности ведомства православного вероисповедания за 1915 год. Пг., 1917. С. 26.

⁷⁵ Ванчаков А.М. Церковные школы при законах о всеобщем обучении. Пг., 1917. С. 52–54.

⁷⁶ См. об этом, напр.: Порядок совершения браков беженцев. Определение Святейшего Синода от 13–16 января 1916 г. за № 138 об облегчении совершения браков беженцев // Жизнь беженцев. 1916. № 3. С. 13.

⁷⁷ Религиозная жизнь на войне // Донской православный вестник. 1915. № 7. С. 578.

и преимущественно православного российского общества основу основ самоидентификационного стержня продолжала играть вера. Неудивительно поэтому, что, воспринимая всех беженцев именно с таких позиций, с этой самой колокольни имперские чиновники с опаской взирали на этнизацию беженства и в то же время с пониманием — на религиозные нужды неправославных беженцев. Показательно в связи с этим одно из «сношений» московского губернатора с губернской земской управой, в котором, в частности, подчеркивалось: «Все расходы по содержанию духовных лиц, как православных, так и иноверных, будут возмещаться из средств центрального комитета по оказанию помощи беженцам»⁷⁸. Это объявление было результатом работы созданной при Особом совещании по устройству беженцев комиссии по удовлетворению их духовных нужд, — комиссии, которая, что особенно примечательно, поднимала вопросы духовной помощи всем беженцам, независимо от их религиозных предпочтений, а иногда и не совсем беженцам:

«По сведениям представителя литовской национальной организации барона С.А. Шиллинга, полученным от специальных уполномоченных этой организации, положение выселенных из Восточной Пруссии литовцев-лютеран представляется в высокой степени тяжким. Расселенные по большей части по одиночке, по распоряжению местной власти, в селах на расстоянии до 25 верст до города или железной дороги, среди чуждых им обычаев и культуры, получая от редких заработков вознаграждение около 5 коп. в день, а иногда и гораздо менее (полтора месяца доения коров утром и вечером приносит 10 коп.), не получающие присылаемой им помощи с родины при запрещении всякой переписки с родными и между собою, литовские выселенцы почти нигде не представляют единой семьи, которая рассыплена по разным местам, чем, между прочим, вызывается усиленная среди них и особенно среди детей смертность, доходящая до 20 % в месяц. Местные власти не установили определенного взгляда на этих литовцев, считая их то военнопленными, то военнообязанными. Положение военнопленных более сносно, так как они все-таки получают некоторое содержание (по 5 коп. в день); военнообязанные, коих, напр., в Барнауле считается 1300 человек и в том числе 700 женщин с детьми, совершенно беспомощны, находятся в исключительной власти урядников и подвергаются произвольным вычетам из следующего им пайка, при чем представители американского

⁷⁸ Религиозные нужды беженцев // Жизнь беженцев. 1916. № 1. С. 16. См. также: Сохранение католического и лютеранского духовенства.

Красного Креста в Западной Сибири не только не допускаются к оказанию помощи литовцам, но даже были случаи их арестования. Вследствие этих условий их пребывания никакое удовлетворение их нужд немыслимо и неосуществимо... Имея в виду, что литовцы из Восточной Пруссии, хотя и не подходят под понятие о беженцах, изображенное в законе 30 августа [1915 г. — *Авт.*], но не могут не вызывать внимания к своему тяжелому положению, Комиссия признала возможным представить на благоусмотрение Особого совещания соответствующее заявлениям барона С.А. Шиллинга пожелание»⁷⁹.

Как представляется, именно документы такого плана напрямую способствовали нивелированию статусов различных категорий вынужденных мигрантов, но не только. Этот источник, как и масса других источников, связанных с ролью конфессионального фактора в истории беженства, как минимум, позволяет предположить, что обернувшееся соседством самых разных людей и групп людей беженство хоть и не стерло их религиозных отличий, но безусловно поспособствовало более толерантному восприятию иноверия и инокультурности.

Другое специальное направление помощи беженцам конституировалось само собою, исходя из общих характеристик «беженской массы». «Масса» эта была в основном женской, что и превратило женщину-беженку в одного из главных адресатов всяческих филантропических инициатив. При этом едва ли не все они были связаны идеей борьбы против морального падения женщин-беженок, породившей вокруг целую кампанию.

В начале 1916 г. на театральных подмостках Российской империи не без успеха шла постановка «Беженцы: Дети разоренного края»⁸⁰. Не отличавшаяся особыми художественными достоинствами, она брала прежде всего своей злободневностью. Сюжет настоящей «драмы на современную тему» был построен вокруг истории семейства неких Рудзевичей, уроженцев Лифляндской губернии, бежавших от войны, как и тысячи им подобных жителей западных губерний России. При этом, как и тысячи им подобных беженцев, герои произведения оказались вдали друг от друга. Дочери Рудзевича, Аля и Янина, оставшись один на один с жестокой действительностью, тут же угодили в притон некой Амалии Карловны Штрекен, после чего первая

⁷⁹ См. об этом: РГИА. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 23. Л. 14 об — 15.

⁸⁰ Объявления о спектакле см.: Алтайское дело. 1916. 23 февр. С. 1; Пермские ведомости. 1916. 14 апр. С. 1; и др.

из девушек «от сильного потрясения тихо помешалась». Непоправимого, однако, не случилось: отец и возлюбленные вовремя пришли на помощь «бедным одиноким девушкам».

«Кончились для них испытания среди чужих — забрезжила заря спасения. С верою они стали ждать момента, когда победоносная русская рать, отогнав врагов, вернет им их родной кров... Победа придет — поменьше бы было среди нас гнусных людей, пользующихся для своих выгод великой бедой, — побольше бы единения всех, сплывающихся в труде и борьбе ради святой войны за освобождение родины и Европы от гнева тевтонов. Победа придет!..»

— торжественно заканчивалась эта история⁸¹.

Помимо характерного для своего времени германофобского пафоса — даже фамилия *madam*, хозяйки публичного дома, была немецкой, — ретроспективное произведение демонстрировало крайнюю озабоченность российской общественности проблемой превращения незащитных беженков в «живой товар».

«Жалея беженков, не раз
Вздыхали вы... И, вспоминая
Красу покинутого края,
Провозглашали много фраз
О том, что «беженка — несчастна»,
Что «участь беженки — опасна»,
Что «спета песенка твоя,
Бедняжка-беженка моя»!..»

— восклицал автор стихотворения «Тост беженки» некий Михаил П., свидетельствуя о той же самой озабоченности (см. приложение 6)⁸². Вслед за центральными изданиями уберечь женщин-беженков от падения пытались и региональные издания:

«За последние дни организации, работающие по приему беженцев, обратили внимание на то, что некоторые темные личности стараются использовать чужое горе. На этой почве особенно стали работать продавцы живого товара. Они заманивают неопытных прибывших молодых девушек под предлогом хорошего заработка в различные притоны разврата. Центральное бюро выпустило воззвание на русском, польском, латышском, литовском языках следующего содержания: “Молодые девушки-беженцы, остерегайтесь заманивая вас

⁸¹ Беженцы (Дети разоренного края) / Драма на современную тему в 5-и частях; драматический сюжет Г.И. Либкен; постановка С.Я. Веселовского. СПб., 1915. С. 17, 20.

⁸² Тост беженки // Жизнь и суд. 1915. №49. С. 8.

в притоны. Ищите представителей русских, литовских, еврейских общественных организаций, которые снабжены полномочиями по приему беженцев”⁸³.

Действительно, в условиях, когда всеми покинутые и лишенные средств к существованию девушки и женщины наводнили внутренние районы страны, веские причины волноваться об их судьбе действительно появились. Выбор, который предоставлялся неимущим беженкам, не отличался множественностью своих вариантов, среди которых оказались и такие, как панель и суицид. Газеты того времени гораздо чаще сообщали о самоубийствах именно беженок, а не беженцев. «24 ноября в 12 часу дня повесилась беженка Улиания Свица 18 лет. Свица прибыла из Киевской губернии. Труп помещен в анатомический театр», — обыденно и сухо сообщали, к примеру, «Пермские ведомости» 26 ноября 1915 г.⁸⁴ Годом позже о ставших привычными попытках суицида среди беженок в Киеве писал корреспондент журнала «Жизнь беженцев»:

«За вчерашний день в городе зарегистрировано два случая покушения на самоубийство среди беженцев. Первый случай имел место в д. № 12 по Фроловской ул., где с целью лишить себя жизни выпила большую дозу сулемы молодая девушка-беженка Н. Крисницкая. Отравившаяся в тяжелом состоянии отвезена в карете скорой помощи в Александровскую больницу. Второй случай имел место на Тарасовской ул. в д. 14, покушалась на самоубийство беженка Анна Ивасечко, 26 лет. Покушавшейся оказано пособие скорой помощью, после чего она оставлена в своей квартире в удовлетворительном состоянии. Как в первом, так и во втором случае причиной покушения являются тяжелые условия жизни»⁸⁵.

Однако, выбирая между жизнью и смертью, принять решение в пользу последней смелости хватало далеко всем, в результате чего несчастные беженки одна за другой пополняли ряды «жертв порока».

«Озлобленная, выбитая из колеи трудовой наладившейся жизни, совершенно материально необеспеченная беженка, по прибытии в Пермь тщетно ищет себе трудового места и в тисках страшной нужды бьется, бьется до тех пор, пока не оставляют ее силы, и голод не заставляет ее кинуться в страшную пропасть, именуемую всем знакомым словом “проституция”»,

⁸³ Предостережение против продавцов живого товара // Зауральский край. 1915. 19 авг.

⁸⁴ Самоубийство беженки // Пермские ведомости. 1915. 26 нояб. С. 3.

⁸⁵ Хроника. Киев // Жизнь беженцев. 1916. № 10. С. 15.

— характеризовала уральская пресса типичную для беженек ситуацию морального падения, для пущей убедительности приводя рассказ уроженки с. Рыкачева Ковенской губернии, О-вой:

«Муж мой работал зимой в городе, занимался извозом, а весной оба мы крестьянствовали. Детей у нас нет. Ныне перед уборкой хлеба пришлось бежать, потому, слышно, немец должен скоро быть. Не знаю, с умыслом ли, а может быть в самом деле, а Степан, муж мой то есть, на одной станции большой вышел и в вагон больше не возвратился. Ну, поплакала я, потужила, что бросил, да ведь слезами горю не поможешь. Денег у меня не было ни одного грошика, всю дорогу милостыней жила. Приехала сюда, тоже добрые люди помогли; стала место искать. В одно место пришла, оказалась неподходяща: по-господски готовить не умею, служить в прислугах никогда не приходилось, ну и пришлось мне место оставить. Таким манером я четыре места переменила: всё неподходяща оказывалась. Денег, конечно, нет, жить надо, с голоду умирать не хочется. Ну и решилась я “туда” идти...»⁸⁶

От просто озабоченности к реальным мерам борьбы с попытками вовлечения беженек в проституцию приступили в первую очередь в Петрограде. Осуществление этой миссии взяли на себя Римско-католическое общество охранения женщин и Российское общество защиты женщин. Первая из названных организаций учредила в столице два убежища на 125 девушек, нуждавшихся «в охранении». В свою очередь Российское общество защиты женщин открыло специально для молодых беженек убежище принцессы Ольденбургской, рассчитанное на 15 человек, и устроило для них же 50 мест в уже существовавших приютах. Помимо того, заметив, что «наиболее опасным моментом в смысле вовлечения в проституцию является прибытие неопытной девушки в чужой город», Российское общество защиты женщин совместно с национальными беженскими организациями практиковало «патрулирование» вокзалов, на которые прибывали беженки⁸⁷. Аналогичная практика, между тем, существовала и на периферии. Так, в Перми с августа — сентября 1915 г. на вокзале также регулярно дежурили: З.И. Хлусевич — по понедельникам, Д.М. Осовская — по вторникам, Н.А. Деви — по средам, К.И. Артемова — по четвергам, М.М. Ткач — по пятницам и Ф.И. Шипулинская — по субботам⁸⁸.

⁸⁶ Среди беженцев // Пермские ведомости. 1915. 10 дек. С. 3.

⁸⁷ См.: ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 771. Л. 1 об.

⁸⁸ См.: Дежурство дам // Пермские ведомости. 1915. 19 сент.

Осенью 1915 г., когда беженская проблема стала особенно острой, сопровождаясь в том числе и ростом проституции⁸⁹, об этом заговорили и на государственном уровне. Как результат, Комиссия о духовных нуждах беженцев разработала даже весьма пространный документ, который предписывал:

«... 1) Дело ограждения беженок от впадения в проституцию должно быть возложено на Общества защиты женщин и охранения женщин в лице Всероссийского общества [защиты женщин — *Авт.*] и Петроградского римско-католического общества одновременно с комитетом национальных организаций для помощи беженцам, причем желательно открытие отделений сих обществ в возможно большем числе городов средней и восточной России; 2) наиболее успешным средством к достижению целей борьбы с вовлечением в проституцию является учреждение проводников и проводниц преимущественно в поездах железных дорог с поручением им регистрации беженцев в пути и обращения особого внимания на деятельность подозрительных лиц по вербовке молодых женщин и девушек...; 3) для развития деятельности различных организаций по борьбе с вовлечением в проституцию им по мере и в пределах надобности должна быть оказываема материальная поддержка из сумм, находящихся в распоряжении Особого совещания [по устройству беженцев — *Авт.*] и Главноуполномоченных фронта, а также тыла, если в распоряжение последних будет ассигнована особая сумма; 4) для помощи сим организациям на местах их деятельности желательно обращение Особого совещания через министра внутренних дел к начальникам губерний о зависящем с их стороны содействии к принимаемым организациями мерам; 5) для действительного ограждения женщин и девушек от опасности, представляемой сводничеством, необходимо применение карательных за сводничество постановлений, содержащихся в статьях 524–527 Угол[овного] Улож[ения], для чего желательно обращение к министру юстиции о незамедлительном проведении в законодательном порядке этой меры; 6) в тех же целях представляется желательным выработка министерством юстиции законопроекта о признании безнравственными и, следовательно, недействительными имущественных сделок, направленных к поставлению в безвыходное положение женщин, вовлекаемых в проституцию, с предоставлением Обществу защиты женщин и национальным организациям прав, аналогичных с правами Общества защиты детей от жестокого обращения; 7) в виду необходимости охранения семейного

⁸⁹ См. об этом: Особое совещание по устройству беженцев. Заседание 26-го ноября // Беженец. 1915. № 7–8. С. 5, 6.

начала среди беженцев, в значительной степени парализующего соблазны со стороны вовлекающих в проституцию, представляется целесообразным передать вопрос о сем в комиссию по общим вопросам, как относящийся к упорядочению движения и расселения беженцев...»⁹⁰

Однако все эти пожелания были именно пожеланиями, не мешая проблеме прогрессировать. В апреле 1916 г., признав, что «беженство оказало подавляющее и разлагающее влияние на многих», на все более и более распространявшуюся проституцию, а с нею и на венерические заболевания свое внимание вынуждены были обратить участники Внеочередного Пироговского Съезда врачей и представителей врачебно-санитарных организаций земств и городов. При этом они признали, что «женщины улицы» — проблема не только женская. Л.М. Горовиц-Власова, одна из первых русских женщин-микробиологов, в этой связи подчеркивала:

«...Самые драконовские меры по отношению к проституткам (вплоть до потопления их сотнями при Генрихе III, изгнания из целого ряда городов во Франции, Австрии, Шотландии и пр.) и самые суровые меры регламентации никогда не приводили к цели... Статистика показывает, что там, где восторжествовала доктрина абolicционизма⁹¹, роста венерических заболеваний отнюдь не наблюдалось. Борьба с венерическими заболеваниями должна вестись в совершенно другой плоскости — путем воспитательного воздействия и уничтожения несообразностей двойной половой этики. Несомненно, пропаганда взглядов, что общение с проститутками дело зазорное, и что половая распущенность мужчины заслуживает такого же осуждения, как и распущенность женщины — такая пропаганда понизила бы заболеваемость венерическими болезнями гораздо более, чем самые усердные облавы на проституток»⁹².

Проблема состояла в том, что делить ответственность за проституцию с вовлеченными в нее беженками российские мужчины явно не торопились, а потому, как справедливо подметил П. Гетрелл, на этот счет «гораздо легче было давать всякие рекомендации, чем воплотить их в жизнь»⁹³. Как результат, проституция среди беженок

⁹⁰ ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 771. Л. 3–4.

⁹¹ Здесь имеется в виду «разновидность» абolicционизма, связанная с борьбой за отмену регламентации проституции и ее легализацию.

⁹² Труды Внеочередного Пироговского Съезда врачей и представителей врачебно-санитарных организаций земств и городов по врачебно-санитарным вопросам в связи с условиями настоящего времени. М., 1917. С. 33, 49, 50.

⁹³ Gatrell P. Op. cit. P. 122.

продолжала процветать. При этом чем ближе был фронт, тем большее распространение она получала:

«Среди латышек-беженек очень много завелось проституток, ужасное распутство: во-первых, тяжелое положение заставляет, во-вторых, это выгодно, много дает денег, потому что масса солдат, и все почти, как собаки, лезут на падаль, и народ очень развратный, не считаясь, что он имеет семью: жену и малых детей, не будем уже говорить про холостых, они то уже не знают границ, ... в Крейцбурге, так там в затылок друг дружку пережидают»⁹⁴.

Один из участников Петроградского съезда врачей и представителей врачебно-санитарных организаций земств в 1916 г. даже предложил «удалить всех женщин, занимающихся явной или неявной проституцией, на 25 верст от линии окопов во избежание соблазна»⁹⁵. Но и это не стало спасительной вакциной, свидетельства чего содержали в себе самые неожиданные источники, вплоть до воспоминаний немецкого военнопленного Э. Двингера, автора широко известной специалистам книги «Армия за колючей проволокой»:

«На вокзалах теперь мы нередко встречаем длинные составы беженцев ... Они уже многие месяцы с детями и скarbом ютятся в вагонах... Есть тут одна из беженек, славная штучка — молоденькая, хорошенькая, здоровая... С наступлением сумерек раздается пронзительный сигнал к отправке. В последний момент Брюнн с дальней стороны втягивает в вагон простоватую девицу. Часовой делает вид, будто спит. Девушка, зябко подрагивая, оборачивается во все стороны... Брюнн резко хватает ее за обе руки, тянет на нижние нары... Когда на рассвете я поворачиваюсь, вижу белеющую плоть девушки. На ее теле почти ничего нет. И на коленях перед ней уже не Брюнн. Это уже четвертый, шестой или восьмой...»⁹⁶

Очевидно, что всякие благие намерения по ограждению беженек от вовлечения в проституцию продвинуть далее тактики малых дел так и не удалось. При этом общественность все более и более склонялась к мысли о том, что самым действенным средством борьбы с вы-

⁹⁴ «Когда только кончится это мученье, эта война...»: дневник Александра Дмитриевича Серебров, рядового // Первая мировая война в зеркале эго-источников: практики описания / науч. ред. Н.В. Суржикова. М., 2019. С. 258.

⁹⁵ Труды Внеочередного Пироговского Съезда врачей и представителей врачебно-санитарных организаций земств и городов по врачебно-санитарным вопросам в связи с условиями настоящего времени. С. 49.

⁹⁶ Двингер Э. Армия за колючей проволокой. Дневник немецкого военнопленного в России 1915–1918 гг. М., 2004. С. 101–103.

шеназванным злом являлось прежде всего трудоустройство беженков. Отражая эту тенденцию, «Вестник Всероссийского общества попечения о беженцах» в феврале 1916 г. информировал:

«14 февраля состоялось открытие убежища для беженков (Забайкальский, 5), устроенного на средства Татианского комитета лигой равноправия женщин. На открытии присутствовали: председатель комитета А.Б. Нейдгарт, попечитель убежища князь Г.Ю. Тарханов, председательница лиги равноправия женщин П.Н. Шишкина-Явейн и много членов. Цель устройства убежища — дать трудовую помощь беженкам. С этой целью лига устраивает столовую, где будут обучаться беженки кулинарному искусству и прислуживать, получая себе доход. При убежище организуются: мастерская для шитья белья, в которой уже работает до 20 беженков, переписка на машинках, кооперативные курсы и т.д. Общежитие рассчитано на 70 человек. Татианский комитет ассигновал на это дело 15000 р., из которых истрачено 8000 р.»⁹⁷

Почин петроградских общественников получил развитие на периферии, о чем в мае 1916 г. сообщал все тот же «Вестник Всероссийского общества попечения о беженцах»:

«Среди жителей Глиняны Львовской губернии немало кустарей-ткачей, изделия которых отличаются изяществом и прочностью... В настоящее время в Екатеринославе находится группа уроженков этого местечка. Это беженки-галичанки. Молодые девушки в возрасте 16–17 лет в совершенстве постигли ткацкое искусство. Русский беженский комитет, приютивший беженков в одном из своих общежитий, предполагает устроить в Екатеринославе особую ткацкую мастерскую. К работе, кроме 10 находящихся здесь галичанок из Галиции, предположено привлечь их подруг, поселившихся теперь в разных пунктах Павлоградского уезда»⁹⁸.

Примерно в то же время дамскую мастерскую для изготовления одежды, белья и чулок открыл Донской областной отдел Всероссийского общества попечения о беженцах, разместив ее в специально нанятом для этого помещении⁹⁹. В Сибири, в Новониколаевске также появилась швейная мастерская для беженков, где, правда, «занималось» только «12 женщин и 2 мужчин. Заработок сдельно от 1 рублей

⁹⁷ Открытие убежища // Вестник Всероссийского общества попечения о беженцах. 1916. № 8–9. С. 11.

⁹⁸ Беженки-ткачихи // Вестник Всероссийского общества попечения о беженцах. 1916. № 19. С. 12.

⁹⁹ См.: О деятельности Донского областного отдела Всероссийского общества попечения о беженцах // Вестник Всероссийского общества попечения о беженцах. 1916. № 26. С. 4.

50 коп. до 3 рублей в день. Число желающих поступить в мастерскую ограничивается количеством заказов и отчасти недостаточным помещением под мастерскую»¹⁰⁰.

Однако, источники свидетельствуют, что ткацкие мастерские, ателье, прачечные и т.п. редко оказывались рентабельными. Так, в г. Осе Пермской губернии, согласно докладу Л.К. Скрутиковой, заведовавшей прачечной и мастерской женской одежды, заработная плата персонала была мизерной. Беженкам было трудно существовать на этот заработок без пособия от местного комитета по призрению беженцев, в связи с чем мастерскую и прачечную проще оказалось закрыть, чем содержать¹⁰¹. Та же участь постигла беженские мастерские Татьянинского комитета в Киеве. Пока они работали на беженцев же, сводить концы с концами удавалось, но затем «2-месячный опыт показал, что частные заказы как непостоянные, не могут обеспечить полной производительности трех больших мастерских», после чего «Центральный комитет не встретил препятствий к прекращению работ в киевских мастерских»¹⁰².

При этом трудоустройство беженек было сопряжено с еще одной немаловажной проблемой — проблемой приемлемости тех видов трудовой занятости, которые могло предложить общество. Для многих интеллигентных беженек она обернулась депрофессионализацией и шедшей с ней рука об руку нисходящей социальной мобильностью. Именно эту безрадостную перспективу зафиксировало издание «Зауральский край», поместив на своих страницах следующее поэтическое произведение:

«О, сколько сердобольных дам
Пришло помочь несчастным сестрам
И как ничтожно — стыд и срам!
Число мужчин в кругу их пестром.
Вот, не угодно ль посмотреть
На эту барыньку с болонкой;
Она «желала бы иметь
Интеллигентную эстонку».
— Прислужой? Нет, а впрочем, да,
Смотреть за ванной и домом...
Но непременно, господа,

¹⁰⁰ В швейной мастерской // Алтайское дело. 1916. 14 февр.

¹⁰¹ См.: ГАПК. Ф. 571. Оп. 1. Д. 1. Л. 59.

¹⁰² Мастерские Киевского отделения Татьянинского комитета // Правительственный вестник. 1916. 28 июня.

Чтоб с гимназическим дипломом.
 — А плата? Плата? (дама тут
 От изумленья бледной стала):
 — Но я ведь ей даю приют,
 Ужели этого вам мало?!
 — О, нет, сударыня... Под стать
 Почтенной барыньке — торговка:
 — Нельзя ли, сударь, подыскать
 Сиротку... Выдуманно ловко!
 Сиротку в дом к себе возьмут,
 Согреют ласкою живою,
 Дадут и пищу и приют,
 А там, глядишь, и нарекут
 Своей прислугой даровою
 На веки-вечные... Ну, люд...»¹⁰³

Вместе с тем, нельзя не признать, что у проблемы трудоустройства беженков была своя обратная сторона. В условиях утраты мужского плеча женщины-беженки вынуждены были брать на себя несвойственные им заботы по содержанию семьи и ведению хозяйства, благодаря чему беженство сформировало целый ряд требований на специфические женские обязанности, многие из которых не имели прецедентов в имперской России. В связи с этим трудно не согласиться с П.П. Щербининым, подметившим, что отнюдь не большевистская революция 1917 г., а именно Первая мировая война катализировала процессы женской эмансипации¹⁰⁴. Она формировала ту самую трудящуюся женщину, которая с чьей-то помощью или без таковой научилась зарабатывать как «человек»¹⁰⁵. Какую часть беженков составляли такие беженки, оценить, однако, невозможно. В то же время источники как прямо, так и косвенно свидетельствуют, что сексуальная объективация беженков прочно закрепились в общественном сознании россиян, причем не только в городе, но и в деревне. Неудивительно поэтому, что русский крестьянский писатель Семен Подъячев в одном из своих рассказов 1916 г. зафиксировал как данность именно такое восприятие беженков:

«... — Об чем вы здесь толкуете? — усаживаясь и свертывая курить, спросил пришедший. — Все, небось, об одном, про войну?.. Беженцев,

¹⁰³ У беженцев // Зауральский край. 1915. 22 авг.

¹⁰⁴ См.: Щербинин П.П. Как жилось российской солдатке в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.) // Женщина в российском обществе. 2004. № 1–2. С. 57–71.

¹⁰⁵ См.: Кудринский Ф. (Богдан Степанец) Людские волны: Беженцы. Пг., 1918. С. 100.

ишь, много, гонют, — продолжал он, закутив, — по деревням, ишь, их будут распределять. Я тоже на свой пай взял бы штук пяток баб... хы, хы, хы! Ловко бы, голова, ей-богу! Валялся бы с ними зиму-то зимскую, полеживал на печке...»¹⁰⁶

Еще одним направлением помощи беженцам, явно выделявшимся среди прочих, стала помощь детям-беженцам. Обособление детей как специфической категории получателей помощи диктовалось общей логикой войны, которая «наряду с другими событиями рубежа 1910–1920-х годов ... сформировала целое поколение «милитаризованных» детей, для которых военная действительность стала явлением каждодневным обыденным, привычным...»¹⁰⁷. При этом первые попытки решения «детского вопроса» уже в начале 1915 г. обнаружили, что оценить его сложность и масштаб еще только предстояло.

«Санитарный вопрос становится в сию минуту в особенности существенным по отношению к здоровью детей. По этому поводу Центральный общегородской комитет приступил к эвакуации детей возраста от 6–12 лет, принадлежащих к семьям беженцев, пребывающих десятками тысяч в городе Варшаве, направляя их под надлежащим надзором попечительниц в особые приюты, открываемые на правом берегу р. Вислы, в восточных уездах Варшавской губернии, в Люблинской и Ломжинской губерниях и даже в Волынской и Гродненской губерниях и других соседних. Приюты эти будут помещаться в пустых школьных зданиях или частновладельческих помещичьих имениях. Первый приют откроется в скором времени в санатории Рудка (ст. Мрозы Привисленской железной дороги) для 300 детей, причем устройство и обзаведение приюта исчислено на 600 рублей; другой на 200 детей в здании женских сельскохозяйственных курсов в местечке Воля Гржибовская (ст. Рембертов той же дороги). Техническую сторону эвакуации детей из Варшавы взяло на себя Общество летних колоний. Оно само распоряжается очень соответственными нашей цели зданиями в своих колониях: 1. Вильгельмовка (ст. Пасеки Привисленской железной дороги), 2. Софиевка (ст. Говорово той же дороги), 3. Михалувка (ст. Малкин Северо-Западной железной дороги), и 4. Юрасин (ст. Рембертов Привисленской железной дороги). К сожалению, эти здания заняты войска. Было бы желательно освободить их от войск и после дезинфекции устроить в них детские приюты. Кроме того, что дети в названных

¹⁰⁶ Подьячев С. За грибами, за ягодами // Полное собрание сочинений. Т. VI. М.; Л., 1930. С. 296–297.

¹⁰⁷ Сальникова А.А. «Великая», «святая», «далекая»... Первая мировая война в восприятии детей-современников // Россия и современный мир. 2009. № 2(69). С. 135.

приютах получают здоровую пищу и будут пребывать там в хороших гигиенических условиях, следовало бы позаботиться о практических занятиях для них и соответствующей их возрасту первоначальной науке, ограничиваясь хотя бы только наукой Закона Божия, чтения и писания и беседами по естествознанию»,

— планировали в январе 1915 г. члены Временного Центрального обывательского комитета Варшавского генерал-губернаторства, не подозревая о том, что их благие намерения будут опрокинуты войной буквально завтра же¹⁰⁸.

Действительно, с развитием военных действий детей-беженцев становилось все больше, а их судьбы — все драматичней. «Дети, птенцы бесчисленных, огнем и мечом разоренных гнезд, дети — бездомные, бесприютные скитальцы... Сколько их гибнет, истощенных голодом, холодом и лишениями?..» — сокрушался современник, немало не преувеличивая¹⁰⁹, что многократно засвидетельствовали сами маленькие беженцы.

«Мы с мамой сидели дома и ели картошку с подсолнечным маслом, знаете, что из подсолнухов. Как пришли русские... Все спрятались в погреба, потому что боялись. А потом нас повыгоняли солдаты, село горело, страшно грохотали пушки. У нас не было телеги, мама несла на руках Гринька, а Василек все плакал, что болят ноги. Ой, Боже, как нам было плохо: не было чего есть, а спали в ямах, холодно было... Так мы шли 2 месяца, много было народу. Жили и в поле, и в палатках, и в лесу. Когда ехали поездом, то Василек заболел и всем в вагоне сказали сойти. Маму повели с ним в больницу, а нас с Гриньком в другое место. Потом сказали, что умер Василек, а за ним и мама умерла. Снова ехал я в поезде и нес на руках Гринька. Его отдали в ясли, меня — в приют»,

— рассказывал о своих мытарствах 9-летний Фома Федюк из Галиции¹¹⁰. Очевидно, что этому мальчику просто повезло, поскольку его вполне могла постигнуть участь матери и брата. Печальную судьбу последнего, как свидетельствуют источники, разделили многие дети-беженцы, которые под воздействием дорожных тягот и лишений очень часто заболевали и умирали без всякой надежды на помощь:

«Во время большого движения беженцев не было дня, чтобы не хоронили по несколько человек детей. Печальные данные приводит

¹⁰⁸ ГАРФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 224. Л. 45 и 45 об.

¹⁰⁹ Дети беженцев // Беженец. 1915. № 2. С. 3.

¹¹⁰ Молодая поросль // Известия Всероссийского союза городов. 1916. № 27–28. С. 293.

ГЛАВА III

доктор Яцевский, производивший по поручению Остерского уездного Комитета Земского союза осмотр беженцев по Черниговскому шоссе: по его наблюдениям в ста повозках, осмотренных им, оказалось больных дизентерией — 60, скарлатиной — 40 и корью — 14...»¹¹¹

По прибытии детей-беженцев во внутренние районы ситуация менялась далеко не сразу. Екатеринославский уездный комитет Всероссийского Земского союза в связи с этим в 1915 г. даже констатировал, что именно дети явились «искупительной жертвой беженства», ведь смертность среди них была в 4 раза выше, чем среди взрослых беженцев:

«Просматривая цифры относительно детской смертности по отдельным попечительствам, мы находим, что в некоторых из них эта смертность достигала совершенно исключительной высоты. Так, по Никольскому попечительству вымерла почти одна треть всех детей (30 %), по Солонянскому — более 1/10 части (12 %), почти столько же по Краснопольскому попечительству (9,5 %), по Екатериновскому и Каменскому попечительствам — 8,3 % и т.д. Такую колоссальную смертность детей нельзя иначе назвать, как “мором детей”... Из общего числа 648 умерших на долю детей приходится 469 смертных случаев, то есть 73,3 %, или почти три четверти общей смертности»¹¹².

Был ли это частный случай, сказать сложно. Очевидно, однако, что дело было не столько в отсутствии должной помощи маленьким беженцам на местах, сколько в условиях их эвакуации, которые напрямую способствовали подрыву здоровья детей. Помимо того, эти условия создали еще одну проблему, оценивая остроту которой Комиссия об удовлетворении духовных нужд беженцев констатировала, в частности, следующее:

«Полная несогласованность действий военных и гражданских властей по эвакуации и направлению в определенные места беженцев и резкие беспорядки на железных дорогах, отмеченные еще главнымуполномоченным фронта Зубчаниновым, в особенности выразились в огромном количестве детей, потерявших родителей или невольно оставленных ими в местах стоянки поездов в значительном расстоянии от станций, откуда поезда отходили без всякого предупреждения.

¹¹¹ Труды Областного совещания по оказанию помощи беженцам, состоявшегося в г. Киев при Комитете Юго-Западного фронта Всероссийского Земского Союза, 15–17 октября 1915 г. Киев, 1915. С. 57.

¹¹² Отчет об организации помощи беженцам по Екатеринославскому уезду в 1915 году. Екатеринослав, 1917. С. 37.

Достаточно сказать, что 19 сентября в Москву привезено 300 детей, потерявших в дороге родителей, а 20-го таковых же 150, что составляло вместе с прибывшими ранее 891 человека, а по сведениям бюро Латышской национальной организации в Риге, Валке и Вендене за первые 7 недель движения беженцев было сделано 2504 заявления о пропавших детях, по отношению к коим после долгих розысков обнаружены родители лишь в 1070 случаях»¹¹³.

Земский и Городской союзы подсчитали, что детей-беженцев, потерявших своих родителей, уже к середине октября 1915 г. насчитывалось порядка 50 тыс. человек¹¹⁴. На фронтах и в прифронтовой полосе усилий государства, направленных на помощь «маленьким сим», как показала практика, было явно недостаточно, а где-то такой помощи и вовсе не было. Здесь себя проявили прежде всего общественники в лице Земского и Городского союзов, силами которых были организованы летучие отряды, занимавшиеся сбором детей вдоль линии фронта и отправкой «детских поездов» в тыл. Делясь опытом такой работы, Л.М. Фрид и А.А. Голубятников, агенты-проводники беженцев на Юго-Западном фронте, сообщали:

«...Общее число детей 210, из них 96 мальчиков и 114 девочек... Собраны эти дети были в деревнях возле Барановичей, вдоль полотна железной дороги и в непосредственной близости к позициям... Вид этих детей, пробывших столько времени без приюта и питания был поистине ужасен: грязные, оборванные, голодные и по большей части больные. Первым делом пришлось, конечно, накормить, умыть и хоть сколько-нибудь приодеть. В этом отношении проводникам и детям помог Гомельский питательный пункт ВЗС. Одежды, к сожалению, у проводников на всех детей не хватило, так как проводниками было привезено из Киева только 70 комплектов детского белья... По части обуви детям-беженцам в данном случае пришли на помощь представительницы Гомельского отдела Союза Городов, которые раздали детям до семидесяти пар туфель и ботинок. Больных холерой среди детей оказалось четверо, и они были сданы врачу. Продезинфицировав вагон и приготовив необходимый инвентарь и продовольствие для детей в дороге, агенты-проводники начали хлопоты перед станционной администрацией и вот тут в отношении детских поездов беженцев повторяется обычное железнодорожное явление. Только благодаря вмешательству [? — *Авт.*] уполномоченного для детей беженцев

¹¹³ РГИА. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 23. Л. 16 об.

¹¹⁴ См.: Дети беженцев. С. 4.

было предоставлено 6 товарных вагонов, оборудованных на этот раз железными печами...»¹¹⁵

Однако на этом испытания маленьких беженцев не закончились. По прибытии Брянск выяснилось, что станционное начальство отправить детей в Москву не может или не хочет. Только личная настойчивость и смекалка агентов-проводников позволили прицепить детские вагоны к воинскому поезду, шедшему на восток. Накормить же детей на станции Сухиничи, как планировали агенты-проводники, не удалось: как раз в момент подачи обеда в вагоны поезд тронулся. Только на станции Нары впервые за всю дорогу дети получили горячую еду. Кое-как добравшись до Москвы 17 сентября, они еще день ждали, когда же их наконец хоть где-нибудь примут¹¹⁶.

В то время как по пути следования эшелонов с детьми-беженцами устраивались столовые, эвакуационные приюты, ясли-приемники, детские и родильные дома и пр., — а устраивались они по линиям Шклов—Орша, Гомель—Лунинец и в районе Минска¹¹⁷, — в тылу разгорелась бурная дискуссия о том, какие виды помощи наиболее приемлемы в отношении детей-беженцев. Всероссийское попечительство об охране материнства, в частности, предложило отдавать детей-беженцев (при помощи земств) под патронаж крестьянских семей. Но эта идея понравилась не всем. Категорически против патронажа выступил Татьянинский комитет. Руководство комитета считало, что патронаж не дает возможности надзирать за воспитанием детей в чужих семьях и к тому же затрудняет их поиски родителями. Кроме того, в Татьянинском комитете справедливо полагали, что «насиловственная раздача детей является унижением их человеческого достоинства». Как результат в январе 1916 г. до сведения уполномоченных Московского губернского отделения Татьянинского комитета было доведено, «чтобы сироты — дети беженцев не отдавались на воспитание частным лицам, а помещались в приюты»¹¹⁸.

«Организация помощи детям в тылу в виду громадного количества детей, а также в виду многообразных местных условий едва ли

¹¹⁵ Труды Областного совещания по оказанию помощи беженцам, состоявшегося в г. Киев при Комитете Юго-Западного фронта Всероссийского Земского Союза, 15–17 октября 1915 г. С. 29–30.

¹¹⁶ См.: Там же. С. 31–33.

¹¹⁷ См.: Подотдел помощи детям беженцев // Известия Главного комитета Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам. 1915. № 27. С. 86.

¹¹⁸ См.: Бахурин Ю. «Одиноким с родины»: [дети-беженцы Первой мировой в Московской губернии] // Родина. 2013. № 8. С. 139–141.

может быть однотипной», — отмечал в своих документах Всероссийский Земский союз, при этом уточняя: «При организации патронажа приходится обратить особое внимание на то, чтобы дети попали в семью одной с ними национальности и одних хозяйственных и бытовых условий, желательно также, чтобы патронируемые дети жили в тех же деревнях, где живут и их односельчане»¹¹⁹. Одновременно с сим во второй половине 1915 г. подотдел помощи детям беженцев, созданный в рамках объединенного Беженского отдела Всероссийского земского союза и Всероссийского союза городов, формализовал уже сложившуюся практику этой самой помощи. Центральный распределительный пункт для детей-беженцев в Москве должен был принимать детей от летучих врачебно-питательных отрядов, действовавших на фронте и в прифронтовых районах. Уже из Москвы из так называемых распределителей дети направлялись во временные (приюты упрощенного типа) или постоянные приюты столицы и ее окрестностей. Из временных приютов дети-беженцы, в свою очередь, передавались в приюты земских и городских комитетов, национальных и других общественных организаций, действовавших на периферии. К 1 декабря 1915 г. таковых приютов только при Всероссийском земском союзе (без учета Москвы) насчитывалось 60. Они, находившиеся по всей стране, могли принять одновременно 4 360 мальчиков и девочек (см. табл. 5)¹²⁰. И несмотря на то, что к 1917 г. в документах назывались различные формы призрения детей-беженцев, как то: «ясли-очаги для детей не свыше 7 лет, но не порвавших связь с родителями», «приюты-очаги для детей не старше 7 лет, порвавших связь с родителями», «приюты для детей школьного возраста свыше 5 лет по типу начальных училищ», «начальные школы для приходящих детей свыше 5 лет», «учебные мастерские с общежитиями для детей школьного возраста», «общежития, типа среднеучебного заведения, находящиеся отдельно от учебного заведения», «интернаты, типа среднеучебных заведений, находящихся при них же», — среди них безусловно доминировали учреждения приютского типа¹²¹.

Открытие приютов шло непросто, напоминая об уже известных разногласиях между многочисленными беженскими организациями

¹¹⁹ Труды Областного совещания по оказанию помощи беженцам, состоявшегося в г. Киев при Комитете Юго-Западного фронта Всероссийского Земского Союза, 15–17 октября 1915 г. С. 60.

¹²⁰ См.: Подотдел помощи детям беженцев // Известия Главного комитета Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам. 1915. № 29. С. 127.

¹²¹ См.: ГАРФ. Ф. 6787. Оп. 1. Д. 88. Л. 21–22 об.

Таблица 5

Список приютов для детей-беженцев, открытых
Всероссийским союзом городов и Всероссийским земским союзом
в городах России, на 1 февраля 1916 г.*

Город	Количество детей	Сумма месячного содержания, рублей
1	2	3
Арск	100	1 500
Астрахань	100	1 500
Белев	25	375
Венев	30	450
Гомель	150	2 910
Верхотурье	75	1 125
Гороховец	15	225
Екатеринбург	14	225
Елец	100	1 500
Зарайск	25	375
Зарайск (Бахр. община)	66	990
Звенигород	15	225
Калуга	30	450
Кашин	40	600
Киев	200	3 000
Козлов	35	525
Макарьев	30	450
Мариуполь	50	750
Могилев	470	7 050
Нахичевань	100	1 500
Новогеоргиевск	20	300
Одесса	100	1 500
Оренбург	200	3 000
Орел	37	555
Переславль-Залесский	25	375
Ровно	40	960
Романово-Борисоглебск	20	300
Ростов-на-Дону	65	975
Руза	65	975
Рязск	100	1 500
Саратов	50	750
Смоленск	105	1 400

Окончание таблицы 5

1	2	3
Тула	45	675
Таруса	20	375
Уфа	100	1 500
Феодосия	20	372
Харьков	300	1 430
Херсон	50	750
Царицын	50	750
Шуя	5	75
Щигры	40	600
Юрьев Польский	15	225
Ярославль	295	4 425
ИТОГО	3 437	49 492

* Источник: Призрение детей // Известия Всероссийского союза городов. 1915. № 25–26. С. 105.

и ведомствами. Так, Центральный комитет Городского союза 23 сентября 1915 г. ассигновал Екатеринбургскому городскому комитету 58,8 тыс. рублей на устройство помещения для 414 переселенцев, яслей для 100 детей-беженцев и заразного барака. Несмотря на то, что приют для детей-беженцев был подготовлен, принимать их городская управа отказалась, ссылаясь на отсутствие средств на его содержание. За помощью пришлось обратиться к губернатору, который выделил на эти цели 20 тыс. руб., но при этом запретил передавать их комитету Городского союза в Екатеринбурге¹²². Приют все равно открылся, но для этого последний вынужден были действовать обходными путями, объединяя все возможные силы и собирая деньги «с миру по нитке»:

«Отдел вошел в соглашение с Отделом Комитета попечительства об охране материнства и младенчества, который ассигновал на организацию яслей-приюта на 125 человек 2700 рублей и на содержание 1250 рублей ежемесячно. Так как по смете содержание требовало 1750 рублей, то 200 рублей было ассигновано Екатеринбургским уездным обществом помощи семьям запасных и 300 рублей — Отделом по устройству беженцев. Приют открыт 15 декабря 1915 г.»¹²³

¹²² См.: Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 62. Оп. 1. Д. 576. Л. 1, 16.

¹²³ См.: Отчет о возникновении и деятельности Отдела по устройству беженцев Екатеринбургского городского комитета Всероссийского союза городов. Екатеринбург, 1916. С. 25.

Так или иначе, но именно институты приютского типа открыли свои двери в самых разных уголках страны. По географии приютов для детей-беженцев при этом можно было изучать не только географию империи, но и постичь многообразие тех общественных объединений, которые сплотила задача помощи детям-беженцам. Так, на Кавказе в Эчмиадзине на попечении армянского комитета и общества «Братская помощь» находилось два детских приюта, только в одном из которых находилось порядка 3,5 тыс. детей¹²⁴.

В конце октября 1915 г. в Глазковском предместье Иркутска при помощи местного отделения Союза городов был открыт детский очаг (дневной приют), содержавшийся на частные пожертвования и впоследствии преобразованный в два таких очага¹²⁵.

К лету 1916 г. Комитет Юго-Западного фронта Союза городов только под Киевом содержал 6 детских приютов, в чем ему активно помогали Общество народных детских садов и дамское Общество Юга России. Тут же для маленьких беженцев Земским союзом были открыты ясли-очаги для христианских детей и для еврейских детей¹²⁶.

В то же время маленьких постояльцев приняли приюты в Быхове, Искорости и Житомире (Волынская губерния), в селах Столовом, Каргашино и Берестянки Тамбовской губернии. В Орле детский приют был организован при местном женском монастыре, в Майкопе — при городском комитете помощи беженцам. В Волчанске Харьковской губернии объединенным комитетом Земского союза и Союза городов были открыты два приюта, каждый вместимостью на 50 человек¹²⁷.

Минским еврейским комитетом был открыт сиротский дом для круглых сирот-беженцев¹²⁸. Обществом по оказанию помощи беженцам-полякам в Минске, а также Минском, Бобруйском и Слуцком уездах было организовано до 20 приютов для детей-беженцев. Кроме того, в Бобруйске местным комитетом помощи беженцам был принят

¹²⁴ См.: Положение беженцев в Александропольском районе (Доклад уполномоченного Бакинского комитета помощи беженцам без различия национальности А.Г. Ионисяна, сделанный им на заседании Комитета 3 октября 1915 г.). Баку, 1915. С. 14–16.

¹²⁵ См.: Федоров П.И. Из пятимесячных итогов помощи беженцам в Иркутске // Известия Всероссийского союза городов. 1916. № 31–32. С. 272.

¹²⁶ См.: Доклад детского подотдела Комитета Юго-Западного фронта Всероссийского Союза Городов // Известия Всероссийского союза городов. 1916. № 38. С. 157; Помощь детям на Юго-Западном фронте (Доклад о поездке в Киев и на Юго-Западный фронт с 11-го июля по 5-е августа) // Там же. С. 171.

¹²⁷ См.: Подотдел помощи детям беженцев // Известия Главного комитета Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам. 1916. № 39. С. 131; Подотдел помощи детям беженцев // Там же. № 43–44. С. 126.

¹²⁸ См.: Помощь беженцам // Правительственный вестник. 1916. 12 марта.

в свое ведение созданный еще до войны очаг для беднейших детей городского населения¹²⁹.

Южнорусская областная земская переселенческая организация открыла под своей эгидой два приюта на 150 человек и приют-ясли еще на 200 человек¹³⁰.

Заботами детского отдела Тульского общества охранения народного здоровья был создан приют для русских детей-беженцев, сирот и потерявших родителей¹³¹.

В Медыни Калужской губернии Обывательский комитет Царства Польского приютил беженцев поляков в возрасте до 12 лет¹³². В самой Калуге для заведения приюта местный Татьянинский комитет специально приобрел здание усадьбы князя Урусова, тут же приступив к оборудованию помещений. Кроме Калуги, приюты Татьянинского комитета заработали в таких городах губернии, как Боровск, Козельск, Малоярославец, Таруса и Перемышль, а также селах Уланове Медынского уезда, Щелканове Мещовского уезда и Брыни Жиздринского уезда¹³³.

Пятнадцать временных убежищ и приютов, «по расчету на 750 детей-беженцев обоего пола до 12-летнего возраста» открыла в Бобруйске и окрестностях Исполнительная комиссия Центрального обывательского комитета, осуществляя свои задачи по опеке над беженцами из Царства Польского¹³⁴.

В Пензе Татьянинский комитет оборудовал 4 приюта для бедных детей, а также приют-ясли, в то время как в Городнищенском уезде заработало 5 приютов для детей-беженцев. «В Костроме городским женским комитетом о беженцах открыты для нужд беженцев общежитие и начальное училище, устроены дешевые столовые и организовано бесплатное снабжение молоком детей беженцев»¹³⁵.

В Нижнем Новгороде только польский комитет открыл сразу 3 приюта для детей беженцев, преимущественно сирот и потерявших родителей¹³⁶. В то же время в с. Жолнино Нижегородской губернии

¹²⁹ См.: Помощь беженцам // Правительственный вестник. 1916. 28 янв.

¹³⁰ См.: Деятельность Южнорусской областной земской переселенческой организации в связи с войной // Правительственный вестник. 1916. 16 янв.

¹³¹ См.: Помощь беженцам // Правительственный вестник. 1916. 16 янв.

¹³² См.: Приют для детей беженцев // Правительственный вестник. 1916. 5 апр.

¹³³ См.: Деятельность Калужского губернского отделения комитета Великой Княжны Татьяны Николаевны // Правительственный вестник. 1916. 31 янв.; Приют для беженцев // Там же. 23 апр.

¹³⁴ См.: Помощь беженцам // Правительственный вестник. 1916. 7 февр.

¹³⁵ Помощь беженцам // Правительственный вестник. 1916. 12 февр.

¹³⁶ См.: Помощь беженцам // Правительственный вестник. 1916. 17 февр.

возникла целая детская «колония», где нашли свое пристанище 450 детей в возрасте от 1,5 до 17 лет. Она объединяла два приюта для девочек (приют, прибывший из Ковны и так называемый Двинский Крепостной приют) и Луцкий приют для мальчиков, а также 4 «сборных» приюта, созданных непосредственно на месте¹³⁷.

В Тверской губернии трудами городских и уездных комитетов по оказанию помощи беженцам было устроено 10 приютов и трое яслей, где призревалось до 200 малолетних беженцев¹³⁸.

Могилевским отделом Польского общества по оказанию помощи жертвам войны были оборудованы 3 приюта «для 150 покинутых детей-беженцев» и одно общежитие для 20 учеников¹³⁹.

В Новониколаевске в школьном здании на Михайловской улице Татьянинским комитетом был открыт прием малолетних детей беженцев в приют-ясли, где при желании родителей дети могли оставаться на более продолжительное время, что давало возможность взрослым членам семьи «без помехи отдаться обыденным работам»¹⁴⁰.

В Буинском уезде Симбирской губернии сразу двое приютов-яслей организовало Всероссийское общество попечения о беженцах¹⁴¹.

Петроградское общество «Семейный очаг» организовало целую сеть мини-приютов, в каждом из которых на попечении оказалось порядка 10 маленьких беженцев в возрасте от 3 до 10 лет¹⁴².

Уральский отдел Союза борьбы с детской смертностью также не остался в стороне, открыв ясли-приют для беженских детей в Екатеринбурге¹⁴³.

В Пскове в 1916 г. под крылом Татьянинского комитета работали приют для беспризорных детей и приют-ясли¹⁴⁴, в то время как на

¹³⁷ См.: Краткий отчет жизни детских приютов. Жолнинский Подотдел Комитета по оказанию помощи жертвам войны 1915–1917 гг. Нижний Новгород, 1917. С. 2–3; Очерк деятельности Нижегородского отделения Комитета Е.И.В. Великой Княжны Татьяны Николаевны по оказанию временной помощи пострадавшим от военных действий. Со дня основания по 1-е января 1916 г. Нижний Новгород, 1916. С. 33.

¹³⁸ См.: Помощь беженцам в Тверской губернии // Правительственный вестник. 1916. 26 февр.

¹³⁹ См.: На помощь беженцам // Правительственный вестник. 1916. 3 апр.

¹⁴⁰ Объявление // Алтайское дело. 1916. 25 мая.

¹⁴¹ См.: Приют-ясли в с. Рунге // Вестник Всероссийского общества попечения о беженцах. 1916. № 30–31. С. 10.

¹⁴² См.: «Семейный очаг» // Вестник Всероссийского общества попечения о беженцах. 1916. № 16–17. С. 12.

¹⁴³ См.: Ясли для беженцев // Зауральский край. 1915. 27 авг.

¹⁴⁴ См.: Деятельность Псковского отделения Татьянинского комитета // Правительственный вестник. 1916. 21 июля.

остальной территории губернии было развернуто еще 14 приютских учреждений...¹⁴⁵

Хронику создания приютов можно было бы продолжить и далее, но вряд ли это что-то добавит к общей картине. Между тем, надо сказать, что центральное место в решении проблемы маленьких беженцев оставалось за Москвой, ставшей своеобразной перевалочной базой на их пути. Даже когда поток беженцев несколько ослабел, беспризорные дети продолжали стекаться именно сюда. К 21 апреля 1916 г. в городе насчитывалось 4 661 детей-беженцев. Всего же с начала войны в специальном подотделе Беженского отдела Земского союза и Союза городов к маю 1916 г. их было зарегистрировано 10 536 человек. Из них через иногородние распределители (Нара, Смоленск, Брянск, Козлова и др.) прошли 965 чел., Работный дом в Сокольниках — 3 060 чел., временные распределители и постоянные приюты Москвы — 1 968 чел. (в том числе распределители для грудных детей — 127 чел.), московские национальные организации и общество «Помощь жертвам войны» — 170 чел., иногородние приюты — 3 033 чел.¹⁴⁶

Показательно, что все эти учреждения и прежде всего учреждения приютские принимали как детей, оставшихся без попечения взрослых, так и всех остальных. Эта практика стала общей, благодаря горькому опыту:

«...Родителей, желавших отдать в приют своих детей и спасти их этим от голодной смерти, оказалось очень много... Тем временем случилось следующее. Один из сотрудников [приюта “Братской помощи” в Эчмиадзине — *Авт.*] — поэт Ов. Туманян — во дворе приюта узнал труп той матери, которая накануне умоляла принять ребенка и которой в этом было отказано. Этот случай произвел потрясающее впечатление на поэта, и ему удалось убедить в приюте, что следует принимать наряду с детьми осиротевшими и детей голодающих родителей»¹⁴⁷.

Отдельной заботой стала помощь малолетним детям (до 2-х лет) и их матерям. На решении этой задачи сфокусировалось, в частности, Всероссийское попечительство об охране материнства и младенчества. Из 11 отделов и 32 комитетов, входивших в состав Попечительства

¹⁴⁵ См.: Васильев М.В. Беженцы Первой мировой войны и Псковская губерния // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. 2014. № 40. С. 175.

¹⁴⁶ См.: Подотдел помощи детям беженцев // Известия Главного комитета Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам. 1916. № 37–38. С. 168.

¹⁴⁷ Положение беженцев в Александропольском районе. С. 15–16.

на 1 января 1917 г., помощь беженцам оказывали 5 отделов и 12 комитетов. Беженцы при этом призывались в 2 женских консультациях, 3 убежищах для беременных и родильниц, в 2 приютах для матерей с грудными детьми, в 3 приютах яслях, 4 приютах постоянного пребывания, 5 питательных пунктах и 3 столовых. Это, конечно, была капля в море, но капля важная, потому что в рамках такой помощи формировалось восприятие грудных детей и их матерей как специфической категории беженцев, требующей специфических же форм поддержки. Поиск таких форм привел к созданию молочно-питательных пунктов, где для самых маленьких беженцев заготавливались молоко и смеси. Предпринятые в этом направлении усилия, позволившие в октябре — декабре 1916 г. раздать беженцам почти 5 тыс. так называемых рожков, показали, что молочно-питательные учреждения типа Молочно-заготовительной станции на Каменном острове в Петрограде — это и есть та перспектива, в которой заинтересованы не только беженцы и их дети, но и все население¹⁴⁸.

Особого внимания, кроме всего прочего, требовала организация специальных учреждений для «дефективных» детей. Таких заведений, равно как и молочно-питательных пунктов, было чрезвычайно мало, но появление самой мысли об их создании было этапным, знаковым для российской благотворительности. Летом 1916 г. одно из таких учреждений открылось в Петрограде, во временном помещении детского сада Ф.А. Рау, одного из первых в стране сурдопедагогов и логопедов. 1 сентября 1916 г. из шумной столицы приют для нервнобольных детей переехал в усадьбу Горки близ ст. Кунцево Александровской железной дороги, приняв в своих стенах 40 детей-инвалидов¹⁴⁹.

Чрезвычайно острым оказался вопрос о глухонемых детях-беженцах, которых известное Арнольдо-Третьяковское училище для таких детей, возглавлявшееся уже упомянутым Ф.А. Рау и действовавшее в г. Воскресенске, просто не вмещало. При помощи Союза городов аналогичный приют решено было открыть в так называемой Боевской колонии, в 4 верстах от Воскресенска и 60 верстах от Москвы. Кроме того, глухонемые дети размещались в специализированных училищах-приютах Ведомства учреждений императрицы Марии,

¹⁴⁸ См.: Краткий отчет о деятельности Всероссийского попечительства об охране материнства и младенчества за 1916 год. Пг., 1917. С. 72, 81, 82, 95, 97, 98.

¹⁴⁹ См.: Положение ненормальных детей-беженцев и специальный приют для них Всероссийских Городского и Земского Союзов // Известия Всероссийского союза городов. 1916. № 39. С. 178.

общественных и частных заведений и лиц, раскиданных по всей России, главным образом по крупным городам¹⁵⁰.

Вообще врачебная помощь детям-беженцам требовала к себе особого внимания, что привело к созданию специализированных лечебных учреждений, ориентированных на оказании помощи именно этой категории беженцев. Так, в Тамбове на рубеже 1915–1916 гг. отделением Татьянинского комитета был устроен приют-лечебница на 80 маленьких беженцев. При приютах Южнорусской областной земской переселенческой организации в то же время была открыта детская больница на 20 коек и изолятор еще на 10 коек. Весной 1916 г. Обществом британских женщин при содействии городского самоуправления и Британского комитета помощи беженцам Галиции и Польши была обустроена Английская больница для детей-беженцев в Казани. В Петрограде 28 июня 1916 г. была открыта больница для 250 детей-беженцев, устроенная петроградским обществом памяти Н.И. Пирогова и Татьянинским комитетом¹⁵¹. Кроме того, Всероссийским земским союзом и Всероссийским союзом городов были приняты меры по санаторно-курортному лечению детей-беженцев, для чего в Крыму было создано три специализированных приюта для детей, страдающих легочным и костным туберкулезом, а также детей, нуждавшихся в климатическом лечении¹⁵².

В качестве автономной задачи в рамках решения «детского вопроса» сразу обозначилась задача их обучения. Надо признать, что это, пожалуй, была единственная проблема, в поисках решения которой власти и общественность практически забыли о своих расправах. Государство практически сразу согласилось ввести льготный режим для приема беженских детей в учебные заведения, распространив его даже на евреев¹⁵³. Один из примеров тому — циркуляр министра

¹⁵⁰ См.: Подотдел помощи детям беженцев // Известия Главного комитета Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам. 1916. № 30–31. С. 170; Подотдел помощи детям беженцев // Там же. № 37–38. С. 169; Подотдел помощи детям беженцев // Там же. № 39. С. 132–133.

¹⁵¹ См.: Английская больница для детей-беженцев // Правительственный вестник. 1916. 28 мая; Деятельность Южнорусской областной земской переселенческой организации в связи с войной // Правительственный вестник. 1916. 16 янв.; Открытие больницы для детей-беженцев // Вестник Всероссийского общества попечения о беженцах. 1916. № 24–25. С. 11; Помощь беженцам // Правительственный вестник. 1916. 16 янв.

¹⁵² См.: Подотдел помощи детям беженцев // Известия Главного комитета Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам. 1916. № 39. С. 131. См. об этом также: Бахурин Ю. Указ. соч.

¹⁵³ См. об этом: РГИА. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 32. Л. 9; Порядок освобождения от платы за учение детей беженцев. Циркуляр Министерства народного просвещения попечителям

народного просвещения попечителям учебных округов № 41529 от 10 сентября 1915 г., который гласил:

«В заботах об обеспечении положения учащихся-беженцев Министерство издало целый ряд распоряжений, разрешающих повсеместно беспрепятственный прием их в учебные заведения.

В настоящее время, как показал опыт, бывают случаи, не предусмотренные еще распоряжениями Министерства, когда, во-первых, многие родители-беженцы, обращаясь с прошениями о приеме их детей в учебное заведение, лишены возможности представить при этом какие-либо документы, подтверждающие, что дети их действительно обучаются в том или другом классе или кому из них и по каким предметам назначены испытания осенью, и, во-вторых, начальники казенных и частных полноправных учебных заведений затрудняются в приеме без экзамена в соответствующие классы беженцев из частных учебных заведений.

Вследствие чего Министерство признает необходимым в дополнение ранее изданных распоряжений преподать начальствам учебных заведений следующие указания:

1) Учебное начальство должно относиться с полным доверием к показаниям родителей-беженцев и беспрепятственно принимать их детей в соответствующие классы без документов, предупреждая при этом, что в случае несоответствия их письменных показаний, которые будут проверены учебным заведением, истекающие из сего последствия должен понести учащийся.

Проверка представленных родителями сведений возлагается на учебные заведения, принимающие прошения от беженцев.

2) Прием учащихся-беженцев частных учебных заведений как полноправных, так и с правами для учащихся должен производиться беспрепятственно как в училища с правами для учащихся, так и в полноправные (казенные и частные) в подлежащие классы без экзаменов с предоставлением им тех же прав, какими пользуются остальные учащиеся данного учебного заведения»¹⁵⁴.

В то же время общественники всех мастей усердно трудились, организовывая учебный процесс на базе приютских организаций, пристраивая беженцев-учащихся в уже имевшиеся учебные заведения

учебных округов (13-го октября 1915 г., № 47487) // Беженец. 1915. № 3. С. 8. См. также: Школьные занятия с детьми беженцев // Зауральский край. 1915. 13 авг.; Льгота детям беженцев // Земская неделя (Казань). 1916. № 8. С. 8; Прием в училище детей беженцев // Жизнь беженцев. 1916. № 10. С. 14; и др.

¹⁵⁴ Государственный архив Тюменской области (ГАТО). Ф. И-70. Оп. 1. Д. 2. Л. 8.

или же и вовсе открывая новые учебные заведения для маленьких странников. Так, только в двух гимназиях петроградского учебного округа — гимназии № 12 и гимназии Императора Петра Великого — образование, оплачивавшееся Татьянинским комитетом, получали до 1 600 беженских детей¹⁵⁵. Под покровительством Татьянинского же комитета в Киеве работало три средних учебных заведения и 5 начальных школ для детей-беженцев, где обучалось 1 355 мальчиков и девочек¹⁵⁶. 15 сентября 1915 г. в Новочеркасске учеников приняла смешанная школа для детей-беженцев, размещенная в здании женской гимназии А.Д. Дувакиной¹⁵⁷. Осенью 1915 — зимой 1916 гг. в Иркутске было открыто 11 специальных школ, которые посещали 954 ребенка-беженца¹⁵⁸. В 1915/1916 учебном году благодаря латышскому комитету в Ревеле образование получало 344 беженца и еще 140 — в Немме, и это не считая начальной школы и трех специальных училищ, открытых комитетом¹⁵⁹. В Харькове отделом по устройству беженцев при местном комитете Городского союза с одобрения Харьковского окружного педагогического съезда был организован приют-школа, рассчитанная на обучение по программе начальной школы 80 детей¹⁶⁰. В сентябре 1916 г. состоялось решение об открытии на Кавказе школ для 14 тыс. беженских детей, которое поддержали Татьянинский комитет и армянские беженские организации¹⁶¹...

Многоступенчатость действовавшей в стране системы образования, а также постоянные изменения актуальной ситуации не позволяют адекватно оценить вовлеченность детей-беженцев в образовательный процесс. Есть, однако, сведения, согласно которым к 30 сентября 1915 г. в начальные училища было принято 31 585 детей-беженцев, в высшие начальные училища — 4 714; вторых смен для детей-беженцев при начальных училищах открылось 148, а при

¹⁵⁵ Забота о детях беженцев // Вестник Всероссийского общества попечения о беженцах. 1916. № 28–29. С. 12. См. также: Гимназия для беженок // Жизнь беженцев. 1916. № 2. С. 11.

¹⁵⁶ Деятельность Киевского отдела Татьянинского комитета // Правительственный вестник. 1916. 24 янв.

¹⁵⁷ См.: Отчет о деятельности Новочеркасского общества помощи населению местностей России, пострадавших от войны (с 15 августа 1915 г. по 1 января 1916 г.). Новочеркасск, 1916. С. 44–45.

¹⁵⁸ См.: Федоров П.И. Указ. соч. С. 271–272.

¹⁵⁹ В Ревеле. В латышском комитете по оказанию помощи беженцам // Жизнь беженцев. 1916. № 2. С. 14.

¹⁶⁰ Приют-школа для детей беженцев // Правительственный вестник. 1916. 7, 9 июня.

¹⁶¹ Школы для 14000 беженских детей // Жизнь беженцев. 1916. №. 4. С. 14; Тифлис (От собственного корреспондента) // Там же. № 10. С. 13.

высших начальных училищах — 13; вновь создано самостоятельных училищ — начальных 95 и высших 16. Число нуждавшихся в училищах детей-беженцев при этом оценивалось в 12 999 человек. Для них планировалось открыть 6 высших и 96 низших начальных училищ, а также 14 вторых смен. «Число беженцев-учащихся значительно увеличивается, — отмечалось в одном из источников того времени, — в июне в Москве их было 226 человек, в июле 549, в августе 1304 и в сентябре 2125»¹⁶².

Особую активность в деле обучения детей-беженцев проявили национальные организации, тем более что 31 июля, 17 и 27 августа 1915 г. министр народного просвещения гр. П.Н. Игнатьев разъяснил, «что занятия для детей беженцев-инородцев следует по возможности организовать по национальностям и по программам местных народных школ с обучением природному языку и закону веры и с приглашением или вызовом для этого соответствующих учителей и учительниц»¹⁶³. По имеющимся данным, к 1 марта 1916 г. только еврейскими организациями было открыто 80 школ и 320 школ — польскими. При всем при том Всероссийский земский союз полагал, что к середине 1916 г. «специальных беженских школ, — кроме национальных, — открыто очень мало», тогда как с мест и вовсе сообщали, что «дело обучения детей беженцев стоит пока неудовлетворительно и дети обучаются лишь случайно»¹⁶⁴. Такая ситуация, однако, отражала не специфику российского беженства, а, скорее, застарелые проблемы России и в данном случае — проблему едва ли не тотальной безграмотности населения. И, несмотря на то что охватить образованием удалось лишь небольшой процент детей-беженцев (см., напр., табл. 6), сама по себе эта практика имплицитно способствовала развитию образования как такового, тем более что беженцы из западных губерний России, традиционно более «грамотных», ревностно относились к этому вопросу. Именно поэтому, очевидно, в целом ряде случаев именно беженцы сами выступали инициаторами организации школ для своих детей. Так, к примеру, произошло в уездном городе Шадринске Пермской губернии, где выселенцы из числа немцев-колонистов, имея в виду опыт других беженцев, обратились к местному беженскому комитету со следующей просьбой:

¹⁶² См.: РГИА. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 32. Л. 9 об.

¹⁶³ Там же. Л. 9.

¹⁶⁴ Подотдел помощи детям беженцев // Известия Главного комитета Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам. 1916. № 39. С. 131.

Таблица 6

Обучение детей-беженцев в Екатеринославском уезде
Екатеринославской губернии в 1915 г.

Попечительства о беженцах	Общее число детей школьного возраста	В том числе обучается в школах	Доля обучав- шихся к общему числу, %
1	2	3	4
Августиновское	96	45	46,8
Алексеевское	72	9	12,5
Александропольское	61	2	3,2
Анастасьевское	191	21	11,0
Борисовское	67	10	14,9
Беленьское	92	12	13,0
Волосское	113	11	9,7
Вышетарасовское	83	69	83,1
Городиценское	56	10	17,8
Диевское	450	18	4,0
Екатериновское	28	4	14,3
Каменское	520	122	23,4
Карнауховское	26	1	3,8
Карнауховско-Хуторское	27	3	11,1
Криничеватовское	53	11	20,7
Краснопольское	57	7	12,2
Красногригорьевское	121	25	20,6
Лоцманско-Каменское	168	70	41,6
Лошкаревское	2	1	50,0
Михайловское	80	32	40,0
Надеждинское	301	151	50,1
Ново-Кайдакское	1 307	344	26,3
Никольское	41	7	17,0
Никопольское городское	192	87	45,3
Никопольское волостное	145	33	22,7
Николайпольское	22	12	54,5
Новопокровское	37	3	8,1
Новопавловское	63	1	1,6
Покровское	76	16	21,0
Романковское	430	134	31,1
Солонянское	122	17	13,5
Сурско-Литовское	37	3	8,1
Сурско-Михайловское	46	5	10,8

1	2	3	4
Томаковское	304	75	24,6
Хортицкое	164	45	27,4
Чумаковское	104	19	18,2
Широчанское	—	—	—
Шолоховское	137	9	6,5
Итого	5 891	1 444	24,5

* Источник: Отчет об организации помощи беженцам по Екатеринославскому уезду в 1915 году. Екатеринослав, 1917. С. 66–67.

«Беженцы-колонисты, собравшись в здании Реального училища в количестве 150 человек, обсуждали вопрос об открытии в г. Шадринске начальной школы для детей колонистов, в которой последние обучались бы по программе русских народных школ с добавлением немецкого языка и лютеранского закона Божия.

Так как до сего времени немцы-колонисты не имели своей отдельной школы, вследствие чего дети немцев-колонисты в большинстве вынуждены были сидеть без дела дома, что продолжается вот уже третий год, и что для родителей является весьма нежелательным, а для умственного развития и воспитания детей вредным, беженцы-колонисты постановили: открыть в г. Шадринске начальную школу для детей колонистов и пригласить учителем в означенную школу бывшего учителя Цихастовского начального училища Люблинской учебной дирекции Домбрысь Эдуарда Ивановича...

Заявляя о вышеизложенном, беженцы-колонисты просят Шадринский комитет помощи беженцам исходатайствовать на содержание школы денежное пособие, сколько возможно... Всех желающих учиться детей будет не менее 60-ти. Кроме того, просим Комитет озаботиться подысканием помещения для школы и приобретением учебных пособий по русскому языку, арифметике и другим предметам начальной школы, а также и других учебных принадлежностей, как например школьной меловой доски, бумаги, тетрадей и т.д. 1917 Июля 30 дня»¹⁶⁵.

Помимо попыток дать детям-беженцам общее образование, заслуживает внимания и та деятельность, которую с некоторой долей условности можно назвать попытками их профобучения и даже трудоустройства. Вопрос об этом ставился на повестку дня всеми общественниками, считавшими, что дети должны быть приучены как минимум к самообслуживанию. Но не только. Уже в 1915 г. в Майкопе

¹⁶⁵ Государственный архив в г. Шадринске (ГАШ). Ф. 492. Оп. 1. Д. 3138. Л. 22–22 об.

была организована детская трудовая колония, объединившая в себе сапожную, столярную и швейные мастерские на 25 детей-беженцев¹⁶⁶. Летом 1916 г. детской секцией Екатеринбургского городского комитета Всероссийского союза городов была устроена трудовая колония для 43 детей-беженцев, которые «мыли, стирали, стряпали, в свободное от хозяйственных работ время плели корзины, занимались шитьем, вязанием, рисованием, делали цветы и, кроме того, содержали огород, где были посажены картофель, капуста, свекла, репа, лук, горох и бобы»¹⁶⁷. В Петрограде была открыта башмачная мастерская для девочек-беженок от 14 лет, в то время как в Калязине 30 мальчиков из беженского приюта обучались в местном низшем механическом училище. В Курске дети беженцев посещали две мастерские-школы — сапожную и столярную. Учебно-показательная мастерская для обучения детей беженцев различным ремеслам появилась также в Харькове. В Иркутске же в детских очагах получили развитие изготовление игрушек из папье-маше, плетение корзин, резьба по дереву, огородничество¹⁶⁸.

В районе Киева, где наблюдалось весьма внушительное скопление детей-беженцев, в конце концов было решено устроить «самый современный тип детского дома или городка, где бы дело призрения детей ... поставлено было на правильных научно-педагогических и воспитательных началах»¹⁶⁹. «Городок», располагавшийся в 6 помещениях в дачном поселке Пуще-Водице, воплотил в себе сразу все идеи, выработанные беженскими организациями на почве призрения детей-беженцев, а именно: 1. категоризацию детей по возрастному признаку; 2. сохранение национальных групп среди детей-беженцев; 3. обучение детей грамоте; 4. приучение детей к самообслуживанию и труду. Классы, спальни, больница, хлебопекарня, прачечная, баня, мастерские (столярная, сапожная, переплетная, карточная, коврово-ткацкая, «изящных украинских работ», как то вышивка, мережки

¹⁶⁶ См.: Подотдел помощи детям беженцев // Известия Главного комитета Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам. 1915. № 45–46. С. 131.

¹⁶⁷ См.: Отчет о возникновении и деятельности Отдела по устройству беженцев Екатеринбургского городского комитета Всероссийского союза городов. С. 27.

¹⁶⁸ См.: Деятельность Курского отдела Татьянинского комитета // Правительственный вестник. 1916. 28 янв.; Федоров П.И. Указ. соч. С. 273; Подотдел помощи детям беженцев // Известия Главного комитета Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам. 1915. № 28. С. 86; Освящение убежища-мастерской // Вестник Всероссийского общества попечения о беженцах. 1916. № 10. С. 11; Приют-школа для детей беженцев // Правительственный вестник. 1916. 7 июня; и др.

¹⁶⁹ Помощь детям беженцев // Правительственный вестник. 1916. 13 окт.

и пр.) — все это в большей или меньшей степени воплощало идею обустроенного мира, самодостаточного с инфраструктурной точки зрения, а с нею — и с любой другой¹⁷⁰. Не будет преувеличением сказать, что такого рода воспитательные опыты были еще и опытами ресоциализации детей-беженцев, а также своеобразной прививкой коллективистских начал общежития, — начал, которые очень скоро станут одной из основ социального переустройства всего российского общества.

Несмотря на массу усилий, направленных на поддержку детей-беженцев, идеализировать этот опыт вряд ли стоит, поскольку победить неустроенность, нищету, безнадзорность и беспризорность маленьких беженцев окончательно и бесповоротно воюющее российское общество так и не смогло. Это признавали многие общественники, один из которых, В. Пресняков, председатель Псковского губернского отделения Всероссийского комитета для оказания помощи пострадавшим от военных действий — именно так после Февральской революции 1917 г. назывался бывший Татьянинский комитет, — осенью 1917 г. обрисовал, пожалуй, общую ситуацию с детьми-беженцами:

«С самого начала движения беженцев в Псковскую губернию Отделение Комитета обратило свое особое внимание на призрение беженских детей, как сирот, так и полусирот. С этой целью Отделением комитета по мере надобности открывались специальные приюты для сирот мальчиков и девочек, а также для приходящих детей и для матерей с детьми. В настоящее время у отделения Комитета в г. Пскове имеется семь отдельных приютов с общим количеством детей в 308 человек. Все приюты для детей имеют характер постоянных учреждений с рациональной постановкой в них воспитательного и учебного дела. В эти приюты дети принимаются в возрасте от одного года до четырнадцати лет, причем дети в возрасте свыше двенадцати лет посещают мастерские Отделения Комитета и обучаются там разного рода ремеслам (столярному, сапожному, шитью). Кроме названных выше приютов в Пскове Отделением Комитета организована целая сеть приютов в уездах Псковской губернии в городах — Порхов, Остров, Великих-Луках, Сольцах, и Новоржевске. Эти приюты находятся в непосредственном ведении Уездных Отделов Отделения Комитета и организованы на тех же началах. Закljučая краткий обзор

¹⁷⁰ См.: Серополко С.О. Совещание по вопросам помощи детям на фронте // Известия Главного комитета Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам. 1915. № 50. С. 64–65; Доклад детского подотдела Комитета Юго-Западного фронта Всероссийского Союза Городов. С. 157–161.

деятельности Псковского Губернского Отделения Всероссийского Комитета помощи пострадавшим от военных бедствий (бывш. Татъининского) в отношении призрения беженских детей, я не могу не указать на тот пробел, который наблюдался в настоящее время почти повсюду в деле призрения хронически больных и беспризорных и нравственно испорченных детей. Беспрецедентная текущая война со всеми ее ужасами беженства не могла не отразиться на впечатлительной детской психике. Во всех прифронтовых губерниях и местностях наблюдается весьма значительное количество детей, впавших в идиотизм, и целые партии беспризорных мальчишек в возрасте от 12 до 16 лет. Специально оборудованные приюты для детей, страдающих идиотизмом и эпилепсией имеются в очень немногих местах и рассчитаны на весьма ограниченное количество детей. Поэтому помещение таких детей в соответствующий приют всегда бывает сопряжено с известными затруднениями и Отделению Комитета лишь после длительных переговоров удалось помещать таких детей в Петрограде в приют Братства во имя Царицы Небесной (Большая Белозерская, д. № 1). Еще более остро стоит вопрос, также я думаю повсеместно, в отношении призрения беспризорных мальчиков в возрасте от 12 до 16 лет. Весьма значительное количество таких мальчиков периодически появляется в прифронтовых местностях с фронта и из окопов, куда они обычно попадают вместе с отправляющимися эшелонами войск и откуда они в большинстве случаев возвращаются искалеченными физически и нравственно. Помещать таких мальчиков в обыкновенные приюты для детей совершенно не представляется возможным во избежание порчи остальных детей. Для перевоспитания и исправления таких беспризорных мальчиков требуются специальные приюты и колонии с весьма строгим в них режимом и с обучением призываемых в них разного рода ремеслам»¹⁷¹.

Еще за полтора года до того, в марте 1916 г., совещанием по вопросам призрения детей в связи с войной «приютское дело» также было охарактеризовано как далеко не беспроблемное. Более того, участники совещания вернулись к идее патроната детей-беженцев, столь категорично отвергнутой общественниками в начале войны. В резолюции совещания в этой связи отмечалось:

«При устройстве приютов следует воздержаться от устройства казарменных приютов. Существующие приюты казарменного типа желательно преобразовать... Предпочтительный типом приютов следует признать малые приюты с приближением к семейному режиму

¹⁷¹ См.: ГАРФ. Ф. 6787. Оп. 1. Д. 88. Л. 3–4.

и с условием посещения детьми общих школ общеобразовательных и профессиональных, а также детских садов и очагов... Желательно сделать опыт устройства призревания детей в искусственных семьях из небольшого количества детей с приемными матерями... В качестве одной из возможных форм призревания детей следует признать помещение детей в приемные семьи (семейный патронат). При помещении ребенка в семью должны быть принимаемы во внимание национальные особенности, религия и социальное положение ребенка... Для призревания детей — жертв войны, остающихся в семье, необходимо самое широкое развитие детских дневных приютов-очагов...»¹⁷²

Однако как бы современники не оценивали помощь детям-беженцам, ретроспективно следует признать, что она была уникальна. Призревание детей-беженцев в годы Первой мировой войны как децентрализованное, а потому не унифицированное, не дистиллированное, еще не сведенное к набору стандартных атрибутов и практик, как это будет в советское время, было, возможно, истинным воплощением человеколюбия. Но чтобы говорить об этом с полной уверенностью, необходимо более детально обследовать «детский вопрос» в рамках беженской темы, поскольку он имел свою динамику и специфику и явно не сводим к констатации отдельных фактов помощи детям-беженцам.

Говоря же в целом о российском беженстве 1914–1922 гг. и его роли в истории отечественной благотворительности, необходимо отметить, что роль это была совсем не простая. Опыт организации беженского дела оказался безусловно опытом противоречивым. При том принципиальное, если не сказать историческое, значение призревания жертв Первой мировой войны в целом и беженцев в особенности заключалось в том, что это были не просто усилия богатых меценатов или дам из высшего света. Помощь нуждающимся перестала быть занятием элит, став опытом массовым и, видимо, поэтому таким неоднозначным. «Необычность момента парализует волю. Мы собственно учимся на беженцах приемам общественной работы... делаем первые шаги... И как всякий первый опыт, он тяжело отзывается на том, на ком производится», — писал в связи с этим современник¹⁷³. Ему вторил другой источник, который подчеркивал, что «тип беженца, его психология, его отношение к переживаемому, являлись загадкой для тех, кто шел к нему с помощью... Поэтому от работников в деле помощи

¹⁷² ГАРФ. Ф. 6787. Оп. 1. Д. 88. Л. 14.

¹⁷³ Кудринский Ф. (Богдан Степанец) Указ. соч. С. 119.

требовалась не только энергия, но и в неменьшей степени инициатива, наблюдательность и приспособляемость»¹⁷⁴. Это, вне всяких сомнений, была уже не благотворительность, это было нечто большее. Российский опыт решения беженского вопроса как вопроса гуманитарного весьма был показателен как пример мобилизации если не всех, то многих ресурсов, имевшихся у общества и не доступных для государства. Другой вопрос, насколько удачной была сложившаяся модель управления этими ресурсами и сложилась ли она вообще? Здесь заметим, что, на наш взгляд, к созданию системы помощи беженцам гораздо ближе оказались земско-городские и национальные беженские организации, нежели государство. И если бы не дефицит финансов и не далекая от оптимальной схема их распределения, приведшие в итоге к сворачиванию многих общественных инициатив в деле помощи беженцам, то его контуры были бы безусловно более четкими.

Другой немаловажной характеристикой беженского дела стала, на наш взгляд, иерархизация получателей помощи, ее превращение в действительно адресную и процессуально специфическую. Тем самым Первая мировая война создала все необходимые предпосылки для окончательного формирования особого типа работников, артикулированных впоследствии как работники социальной сферы. Именно они, эксплуатируя старые и изобретая новые рычаги общественного вспомоществования, превратили беженство в важный инструмент сбора информации о населении, ее последующей обработки и формирования на этой основе обновленного реестра социальных ролей или, как минимум, масок.

¹⁷⁴ Отчет о деятельности Новочеркасского общества помощи населению местностей России, пострадавших от войны (с 15 августа 1915 г. по 1 января 1916 г.). С. 51.

ГЛАВА IV

МЕЖДУ ПОМОЩЬЮ И ПРИНУЖДЕНИЕМ: БЕЖЕНЦЫ НА РЫНКЕ ТРУДА

Изучение истории российского беженства 1914–1922 гг. вряд ли может считаться состоявшимся без обращения к такому аспекту ретроспективной тематики, как теория и практика трудоустройства беженцев. Важность этой проблемы напрямую обусловлена тем фактом, что с мобилизацией только за вторую половину 1914 г. 5 млн россиян беженцы автоматически превратились в одну из главных надежд на удовлетворение дефицита любых форм труда как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. Однако в декабре 1915 г. при рассмотрении очередного запроса МВД о выделении средств на финансирование помощи беженцам Совет министров обратил внимание на то, что беженцы «в общем весьма неохотно отзываются на делаемые им предложения принять на себя тот или иной оплачиваемый труд». Найдя такое явление «совершенно недопустимым» в условиях недостатка рабочих рук, правительство выразило «пожелание», чтобы трудоспособные беженцы активно привлекались к «платному участию в казенных и общественных работах, преимущественно на военные нужды». Особо было отмечено, что отказавшиеся от предложенной работы «без достаточных к тому оснований» должны лишаться «материальной поддержки со стороны казны»¹.

Такой подход к проблеме труда беженцев резко отличался от ее понимания еще несколько месяцев назад. Выступая на первом заседании Особого совещания по устройству беженцев 10 сентября 1915 г., председатель Татьянинского комитета А.Б. Нейдгардт указывал, что «требовать от людей, вырванных из нормальных условий, работы — невозможно» и что «в области привлечения беженцев к труду насильственные меры недопустимы; здесь нужна постепенность»². Это был ответ главноуполномоченному Юго-Западного фронта кн. Н.П. Урусову,

¹ ГАШ. Ф. 473. Оп. 1. Д. 1978. Л. 204.

² Особое совещание по устройству беженцев. 1 заседание // Беженец. 1915. № 1. С. 5–6.

предложившему в качестве способа «побуждения беженцев к работам» снятие с казенного содержания. Месяц с небольшим спустя на десятом заседании Особого совещания 20 октября 1915 г. главноуполномоченный Северо-Западного фронта С.И. Зубчанинов вновь предложил лишать пайков тех беженцев, которые отказываются от предложенной работы «по цене не ниже нормальной в данной местности». И хотя Зубчанинова поддержал представитель министерства финансов, представители национальных организаций выступили против. В итоге Особое совещание «нашло преждевременным» выносить окончательное решение по этому поводу³.

К началу 1916 г. время на «постепенность» вышло. После декабрьского «пожелания» Совета министров циркуляром от 12 февраля 1916 г. МВД официально объявило «надлежащее использование» труда беженцев «весьма серьезной» целью, к достижению которой «систематически и неустанно должны быть направлены все местные усилия». Это диктовалось не только интересами «производительности нашего Отечества», но и благом самого беженского населения, которое «ни в коем случае не должно быть оставляемо в праздности», а также необходимостью снижения нагрузки на государственное казначейство. Было также подтверждено, что «всякий трудоспособный беженец, уклонившийся от приемлемых для него и соответствующих его познаниям и навыкам условий предложенного ему труда, обязательно снимается с казенного (продовольственного и квартирного) пайка»⁴. Почти дословно это положение вскоре воспроизвела 19-я статья «Руководящих положений по устройству беженцев», утвержденных 2 марта 1916 г.⁵ Путь от идеи трудовой помощи беженцам до идеи обязательности их труда, фактически ставшего (полу)принудительным, оказался довольно коротким.

Естественно, что первые попытки использовать труд беженцев предпринимались задолго до того, как этот вопрос получил статус общегосударственной проблемы. Отчеты агентов-проводников, командированных Отделом по устройству беженцев Земского и Городского союзов для сопровождения беженских поездов,

³ См.: Особое совещание по устройству беженцев. 10 заседание. 20 октября // Беженец. 1915. № 4. С. 2.

⁴ ГАИШ. Ф. 492. Оп. 1. Д. 3140. Л. 58–58 об.

⁵ См.: Руководящие положения по устройству беженцев. Пг., 1916. С. 11. Проект «Руководящих положений» содержал еще более жесткие формулировки, встретившие критику со стороны Земского и Городского союзов. См. подробнее: Щепкин М.М. Беженцы и организация помощи им в связи с работами Особого Совещания. М., 1916. С. 72–94.

засвидетельствовали, что случаи трудоустройства беженцев имели место уже в дороге, когда представители крупных фирм обращались к проводникам с просьбами о посредничестве в найме рабочих из числа беженцев-пассажиров. Рассчитывая получить дешевые рабочие руки, другие обходились без всякого посредничества. В Смоленске в связи с этим даже обсуждался вопрос о запрете свободного доступа к прибывающим на станцию поездам с беженцами, поскольку выяснилось, что «некоторые лица, проникая на перрон, стремятся использовать момент в целях понижения цен на рабочие руки»⁶. Тем не менее, известно, что в конце июля 1915 г. из Смоленска на железнодорожные работы Северной дороги был отправлен полный состав поезда с беженцами⁷. Проводник беженских поездов Юго-Западного фронта «целым рядом фактов» также подтверждал, что «несомненно, беженцы желают трудиться и трудятся»⁸. Установить формы, которые принимали эти непосредственные встречи спроса на труд и предложения труда, невозможно. Нельзя также даже приблизительно определить, какое количество беженцев оказалось трудоустроено в результате. В качестве примера приведем данные по упоминавшейся станции Смоленск, крупному транзитному пункту движения беженцев, при следовании через который в период с июня по октябрь 1915 г. было нанято на работы около 1,8 тыс. беженцев (см. табл. 1).

В то же время администрации внутренних губерний страны, получив сведения о прибытии беженцев и разрабатывая планы по их приему и размещению, сразу попытались учесть потребности своих территорий. Так, Кадниковское уездное земство Вологодской губернии отмечало, что «для расселения в уезде желательны ремесленники, так как ремесла в уезде развиты слабо». Астраханская губернская земская управа рассчитывала «землеробов направлять в земледельческие северные уезды, беженцев из приморских губерний и вообще тех, у кого можно предположить способность работать на рыбных промыслах — в Астраханский и Красноярский уезды, а мастеровых

⁶ Шаховская Н. Трудовая помощь беженцам // Известия Всероссийского союза городов. 1916. № 27–28. С. 269.

⁷ См.: Отчет о деятельности Смоленского Губернского Комитета Всероссийского Земского Союза по оказанию помощи беженцам, следовавшим через станцию Смоленск (транзитным) за время 17 июня — 1 ноября 1915 г. Смоленск, 1915. С. 31.

⁸ Труды областного совещания по оказанию помощи беженцам, состоявшегося в г. Киев при Комитете Юго-Западного фронта Всероссийского Земского Союза 15–17 октября 1915 г. Киев, 1915. С. 26.

Таблица 1

Число беженцев, трудоустроенных при следовании
через станцию Смоленск, июнь — октябрь 1915 г., чел. *

Месяц	Сельхоз. рабочие			Фабричные рабочие			Мастеровые			Земляные работы			Прислуга			Прочие	Итого
	М.	Ж.	Всего	М.	Ж.	Всего	М.	Ж.	Всего	М.	Ж.	Всего	М.	Ж.	Всего		
Июнь	48	43	91	56	11	67	27	6	33	43	—	43	—	7	7	4	245
Август	95	69	164	619	125	744	96	—	96	36	16	52	9	7	16	7	1 079
Сентябрь	27	6	33	70	6	76	34	11	45	—	—	—	18	29	47	4	175
Октябрь	63	11	74	118	—	118	40	30	70	—	—	—	—	14	14	—	276
Итого	233	129	362	863	142	1 005	197	47	244	79	16	95	27	57	84	15	1 805

* Источник: Отчет о деятельности Смоленского Губернского Комитета Всероссийского Земского Союза по оказанию помощи беженцам, следовавшим через станцию Смоленск (транзитным) за время 17 июня — 1 ноября 1915 г. Смоленск, 1915. С. 31.

расселять по городам соответственно имеющимся на них требованиям»⁹. Пермская губерния выражала готовность предоставить беженцам работу на металлургических заводах, Архангельск — в местном порту и т.д.¹⁰ Главный комитет Союза городов на очередном совещании 8 августа 1915 г. и вовсе пришел к выводу, что эвакуация беженцев должна напрямую коррелировать с перспективами их трудоустройства. Согласно принятому решению, «трудоспособный элемент» должен был направляться на фабрики и заводы, а беженцы из крестьян — расселяться в сельской местности. Нетрудоспособное население было предложено эвакуировать преимущественно в восточные

⁹ Шаховская Н. Указ. соч. С. 269.

¹⁰ См.: Петроградское областное совещание по оказанию помощи беженцам // Известия Всероссийского союза городов. 1915. № 17. С. 42–43.

губернии, в том числе сибирские, как «наиболее пригодные для несения функций призрения беженцев» и, в частности, создания здесь «патронажей для беженцев»¹¹.

Однако стихийность и хаотичность беженского движения привели к тому, что большинство этих и им подобных планов так и остались планами. В Пермской губернии выяснилось, что «удовлетворить спрос (чернорабочих на заводы) не представляется возможным за недостатком беженцев». В Пензе к осени 1915 г., наоборот, выяснилось, что беженцы здесь не востребованы: «спрос на рабочие руки ничтожный и предложение труда его значительно превысило». В Буинском уезде Симбирской губернии беженцы также оказались не заняты никакой работой в виду ее отсутствия, как и в Курмышском уезде, где заработков для беженцев не имелось. В Царевококшайском уезде Казанской губернии спрос на рабочие руки беженцев просто не мог быть значительным, так как преобладающее значение в уезде имели лесные заработки, «к которым беженцы непригодны». По этой же причине «работы из беженцев никто не получил» и в Макарьевском уезде Костромской губернии. В Тифлисе было отмечено, что «спрос на труд беженцев крайне слабый» и предложение его намного превышало. Красноярский уездный комитет Астраханской губернии характеризовал положение «беженцев-земледельцев в центре рыбных промыслов как прямо-таки трагичное»¹².

Быстро выяснилось, что прибывшим во внутренние губернии беженцам найти работу мешали особенности местного хозяйства. Так, выступая на Харьковском областном съезде Всероссийского союза городов в ноябре 1915 г., представитель Центрального Еврейского комитета помощи жертвам войны И.М. Бергер докладывал, что среди еврейских беженцев имелось «много специалистов по различным ремесленным, кустарным и фабричным производствам, получившим широкое распространение на западной окраине», констатируя вместе с тем «полное отсутствие их во внутренних губерниях»: «на протяжении 5–6 губерний нет ни одной фабрики или мастерской галстуков, подтяжек, пуговиц, зонтиков, перчаток, кошельков и целого ряда других несложных производств»¹³.

¹¹ См.: Совещание по вопросам помощи беженцам. 8 августа 1915 года // Известия Всероссийского союза городов. 1915. № 17. С. 27.

¹² Шаховская Н. Указ. соч. С. 270–271.

¹³ Труды Харьковского областного съезда Всероссийского союза городов по вопросу об устройстве и эвакуации беженцев (Харьков, 29, 30 ноября, 1 декабря 1915 г.). Харьков, 1916. С. 87.

«Достаточно вспомнить о “блуждающих поездах”, чтобы понять, как жизнь далека от планов. Северная Россия ждала жителей Полесья, виртуозов по лесным работам. Но беженцы из Полесья частенько попадают как раз в более южные губернии, где им трудно приспособиться. А беженцы из южных губерний попадают на лесистый север. Тут не план, не система, но — случай»,

— резюмировал другой современник¹⁴. Таким же во многом случайным образом происходило распределение беженцев между городом и селом, делая перспективы их трудоустройства еще более неопределенными. В результате оказывалось, что

«люди, нужные для деревни, остаются в городах. А привычные к городской жизни, попадают в деревню. Им трудно жить в деревенских избах. Их угнетают деревенские условия. Для деревни они, в сущности, обуза, лишний рот и притом рот, привычный к сладкому, — деревенская пища им не вкусна. Работы, к которой они привычны, в деревне не достанешь»¹⁵.

Именно так дела обстояли, в частности, в Иркутске, где большая часть беженцев, будучи выходцами из аграрных Гродненской, Волынской и Холмской губерний, попали в «необычные для них условия городской обстановки» и не имели «каких-либо навыков для городской работы»¹⁶. Острота данной проблемы была столь велика, что проведенное Земским и Городским союзами в январе 1916 г. расширенное совещание по вопросам трудовой помощи беженцам назвало «главнейшим препятствием» для их трудоустройства крайнюю «неравномерность расселения их среди коренного населения» и указало, что «постепенное перерасселение беженцев является совершенно необходимым»¹⁷.

Еще одним фактором, мешавшим широкому применению беженского труда, являлась специфичная половозрастная структура беженского населения. Отличавшаяся «постепенным и почти полным, благодаря целому ряду призывов в войска, лишением ее наиболее

¹⁴ Борисов А. Внутренние дела и вопросы // Русские записки. 1915. № 12. С. 265.

¹⁵ Там же. С. 266.

¹⁶ Доклад председателя Иркутского комитета Союза городов П.И. Федорова общему собранию Комитета 21 ноября 1916 г. // Известия Всероссийского союза городов. 1917. № 40. С. 212.

¹⁷ Совещания с представителями общественных и национальных организаций помощи беженцам в Москве о трудовой помощи и о прекращении и прекращении пособий беженцам, получающим заработок, 4-го и 21-го января 1916 г. // Известия Всероссийского союза городов. 1916. № 27–28. С. 286.

трудоспособного мужского населения»¹⁸, она была представлена в большинстве своем женщинами и детьми, а доля лиц работоспособного возраста среди беженцев не превышала 45 % (см. главу II).

Неравномерное, порой совершенно случайное распределение вынужденных мигрантов по внутренним регионам страны, не учитывавшее хозяйственных потребностей конкретных территорий, а также деформированная половозрастная структура беженского населения — таковы были исходные условия появления беженцев на российском рынке труда, предопределившие тот факт, что имевшийся спрос на рабочие руки не мог встретиться с предложением беженского труда.

Одним из средств решения этой проблемы стала организация трудового посредничества, выразившаяся в появлении и массовом распространении так называемых трудовых комиссий и бюро труда. С августа 1915 г. они стали создаваться практически при всех учреждениях, имевших то или иное отношение к беженцам. По словам главы Всероссийского бюро труда Отдела по устройству беженцев Земского и Городского союзов Л.Н. Юровского, за это дело взялись «земства, города, Красный крест, фронтовая организация Земского или Городского Союза, их губернские, уездные или городские комитеты, кооперативы, попечительства о народной трезвости, Татьянинские комитеты, уполномоченные Министерства торговли и промышленности, национальные организации, благотворительные общества, дамские комитеты и пр., и пр.». Помимо «разнообразия учреждений» он также отмечал и «разнообразие лиц»: «Здесь и общественные деятели, и врачи, и педагоги, и статистики, и чиновники, и рабочие там, где это оказывается возможным»¹⁹. Упомянутое Всероссийское бюро труда при Отделе по устройству беженцев Земского и Городского союзов было создано 16 сентября 1915 г., имея своей целью «объединение и согласование деятельности отдельных организаций бюро труда на местах путем собирания сведений о рынках труда и сообщения этих сведений в места скопления предложений труда»²⁰.

¹⁸ Докладная записка, принятая Иркутским губернским по призрению беженцев совещанием на заседании 24 ноября 1916 г. при рассмотрении сметы на январь, февраль и март 1917 г. // Известия Всероссийского союза городов. 1917. № 40. С. 218.

¹⁹ Юровский Л. Всероссийское бюро труда // Известия Всероссийского союза городов. 1915. № 20. С. 74.

²⁰ Об учреждении при Отделе по устройству беженцев Всероссийского бюро труда // Известия Главного комитета Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам. 1915. № 24. С. 8.

Для разворачивания широкой сети местных бюро труда в регионы были направлены специальные инструкторы. В их задачу входила «организация местных бюро труда по более или менее однообразному плану» и установление «деловых отношений» местных бюро с Всероссийским бюро труда²¹. К концу октября 1915 г. инструкторы посетили Тверь, Орел, Калугу, Харьков, Брянск, Киев, Владимир, Арзамас, Муром, Нижний Новгород, Алатырь, Ардатов, Саратов, Аткарск, Новоузенск, Ртищево, Тамбов, Кирсанов, Смоленск, Астрахань. Как результат «деловых сношения» Всероссийским бюро были установлены с 80 местными бюро труда, разбросанными почти по всей Европейской России и руководствовавшимися в своей деятельности «Примерной инструкцией местным бюро труда по приисканию занятий беженцам»²².

С целью упорядочения организации и деятельности местных бюро труда Всероссийское бюро в конце декабря 1915 г. высказалось также за «возможно полную централизацию трудового посредничества на местах, приближающуюся к типу единой биржи труда». Для достижения такой централизации было признано «безусловно необходимым»: «1) полное слияние бюро труда, работающих в одном городе на одну и ту же клиентуру, как по спросу, так и предложению труда; 2) объединение местных бюро труда ... для чего учреждается специальное бюро, причем отдельные бюро являются отделением центрального»²³.

К весне 1916 г. Всероссийское бюро труда взаимодействовало уже со 153 местными бюро, функционировавшими при следующих учреждениях (не считая бюро труда национальных организаций помощи беженцам):

Всероссийский земский союз	28
Земства	23
Всероссийский союз городов	15
Городские самоуправления	30
Городские бюро	7

²¹ См.: Из деятельности Отдела по устройству беженцев Земского и Городского союзов // Известия Главного комитета Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам. 1915. № 24. С. 93.

²² См. подробнее: Из деятельности Отдела по устройству беженцев Земского и Городского союзов // Известия Главного комитета Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам. 1915. № 26. С. 67–83.

²³ Из деятельности Отдела по устройству беженцев Земского и Городского союзов // Известия Главного комитета Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам. 1916. № 30–31. С. 172.

Объединенные комитеты Земского и Городского союзов	16
Общественные комитеты	20
Правительственные бюро	6
Татьянинский комитет	6
Прочие	2

Продолжала активную деятельность и коллегия инструкторов: из 135 городов, где к весне 1916 г. были созданы трудовые бюро, инструкторы посетили 64, приняв активное участие в их организационном оформлении и становлении. «Очень часто, — отмечал при этом один из докладчиков на очередном съезде Городского союза, — назревшая и всеми осознаваемая необходимость создания бюро не осуществлялась только потому, что не оказывалось лица, знакомого с техникой этого дела и могущего поставить его на правильные рельсы. В этих случаях появление инструктора сильно способствовало возникновению нового учреждения»²⁴.

Представление о масштабах деятельности бюро труда позволяют получить сведения, представленные в табл. 3. Хотя эти данные фрагментарны, поскольку касаются лишь 38 городов и охватывают небольшой период ноября 1915 — января 1916 гг., они наглядно отражают постепенный рост посреднических операций, реализованных бюро. Ведущая роль при этом принадлежала бюро труда крупных центров, в особенности Москвы и Петрограда. Очевидно также, что за указанные три месяца работу получили 73 % обратившихся в бюро, удовлетворив тем самым 59 % зарегистрированного спроса. Распределение же спроса и предложения по профессиональному признаку показывает, что наибольший спрос фиксировался на неквалифицированный труд чернорабочих (36 %), на втором месте находился спрос на прислугу (20,5 %), затем с большим отрывом шли группы «обработка металла» (7,6 %) и «строительное дело» (6,3 %) (см. табл. 2). С точки зрения удовлетворения поступивших в бюро требований от нанимателей перечень профессий выглядел несколько иначе. Свыше 80 % спроса было закрыто по группам «торговые и конторские служащие» (таковых было трудоустроено даже больше, чем требовалось), «производство одежды», «личное услужение», «химическое производство».

²⁴ Деятельность Всероссийского бюро труда (Доклад, представленный IV Съезду представителей городов) // Известия Всероссийского союза городов. 1916. № 29–30. С. 287–288.

Следует также отметить, что Бюро труда заняло резко отрицательную позицию по вопросу о принуждении беженцев к работе под угрозой лишения пайка, справедливо полагая, что это нарушает «элементарный принцип посредничества — его нейтральность». «Бюро труда, — говорилось в докладе о его деятельности на IV Съезде представителей городов, — не может входить в рассмотрение причин, побуждающих рабочего (будь он беженец или не-беженец) не идти на работу. Оно имеет дело с уже зарегистрированным спросом и предложением труда и совершает свои операции только на основании добровольных к нему обращений»²⁵.

Как это ни парадоксально, но расширение сферы деятельности Всероссийского бюро труда при Объединенном отделе по устройству беженцев Земского и Городского союзов привело в итоге к его закрытию 16 июля 1916 г. Начавшее оказывать посреднические услуги всем нуждавшимся в работе, а не только вынужденным мигрантам, бюро автоматически потеряло право на финансовую поддержку за счет средств, выделявшихся правительством для помощи беженцам²⁶. По некоторым данным, за время своего существования с сентября 1915 г. по июль 1916 г. оно, тем не менее, сумело трудоустроить 130 тыс. рабочих-беженцев, открыв в разных городах страны 270 местных бюро труда²⁷. Каждое из них, таким образом, смогло трудоустроить порядка 500 беженцев, что может показаться весьма скромным результатом. Но здесь, очевидно, был важен сам опыт такой работы, нежели ее количественные показатели.

В полной мере это относится к бюро труда, учрежденным еще и Татьянинским комитетом. Они возникли, как свидетельствуют источники, в 55 региональных отделениях комитета. Самое заметное количество бюро действовало при этом в Самарской (6), Екатеринославской (4) и Псковской (4) губерниях. Всего с момента начала деятельности до 1917 г. бюро труда Татьянинского комитета регистрировали 73,3 тыс. предложений труда и 50,1 тыс. беженцев, обратившихся за предоставлением работы, из которых 36,6 тыс. чел. (или 73 %) были трудоустроены. Наибольшее число требований на труд было зарегистрировано в Витебской губернии (26,1 тыс.),

²⁵ Деятельность Всероссийского бюро труда (Доклад, представленный IV Съезду представителей городов). С. 285.

²⁶ См.: Циркуляры отдела по устройству беженцев // Известия Главного комитета Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам. 1916. № 45–46. С. 17–18.

²⁷ См.: Закрытие бюро труда Всероссийских Земского и Городского Союзов // Известия Комитета ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны. 1916. № 5. С. 21.

Таблица 2

Сведения о динамике спроса и предложения на местных бюро труда
в разрезе основных групп производств
(за ноябрь — декабрь 1915 г. и январь 1916 г.)

Группа производств	Количество зарегистрированных рабочих		Количество мест по требованиям наймаемых		Количество рабочих, отправленных на работу		Количество отправленных на работу к числу мест по требованию наймаемых, %
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	
I	2	3	4	5	6	7	8
Обработка металла	3 272	6,5	4 480	7,6	2 394	7,1	53,4
Обработка дерева	1 603	3,2	2 555	4,3	1 100	3,3	43,1
Обработка кожи	588	1,2	607	1,0	374	1,1	61,6
Обработка волоконистых веществ	105	0,2	107	0,2	32	0,1	29,9
Обработка минеральных веществ	21	0,0	49	0,08	2	0,01	4,1
Обработка пищевых и вкусовых веществ	460	0,9	459	0,8	249	0,7	54,2
Производство одежды	2 850	5,6	2 177	3,7	1 882	5,6	86,4
Бумажное полиграфическое производство	157	0,3	621	1,1	108	0,3	17,4
Химическое производство	21	0,04	32	0,05	26	0,08	81,3
Горное дело	6	0,01	56	0,1	14	0,04	25,0

Окончание таблицы 2

1	2	3	4	5	6	7	8
Строительное дело	2 097	4,1	3 698	6,3	1 625	4,8	43,9
Разнорабочие	517	1,0	518	0,9	326	1,0	62,9
Транспортное дело	404	0,8	1 920	3,3	1 035	3,1	53,9
Сельское хозяйство	4 641	9,2	3 166	5,4	1 521	4,5	48,0
Чернорабочие	10 274	20,3	21 054	35,8	7 525	22,4	35,7
Личное услужение	11 878	23,5	12 036	20,5	10 320	30,7	85,7
Интеллигентные профессии	2 250	4,5	656	1,1	451	1,3	68,8
Торговые и конторские служащие	5 068	10,0	1 392	2,4	1 667	5,0	119,8
Разные	4 336	8,6	3 185	5,4	3 014	9,0	94,6
	50 548 ¹	100	58 768 ¹	100	33 665 ¹	100	57,3

* Источник: Деятельность Всероссийского бюро труда (Доклад, представленный IV Съезду представителей городов), // Известия Всероссийского союза городов. 1916. № 29–30. С. 292.

¹ Итоговые показатели в табл. 2 и табл. 3 не совпадают в источнике.

Таблица 3

Сведения о деятельности местных бюро труда (за ноябрь — декабрь 1915 г. и январь 1916 г.)

	Месяцы	Число учреждений, представивших сведения	Мелкие бюро труда	Число учреждений, представивших сведения	Средние бюро труда	Число учреждений, представивших сведения	Крупные бюро труда ¹	Петротрасская биржа труда	Московские бюро и биржа труда	Число учреждений, представивших сведения	Всего
Число рабочих, записавшихся в бюро труда	Ноябрь	16	1 705	6	1 885	4	5 596	—	17 199	27	26 385
	Декабрь	16	3 911	6	1 724	3	4 239	7 458	10 613	27	27 945
	Январь	24	2 127	8	2 866	4	9 753	12 024	18 095	38	44 865
Число мест по требованиям, поступившим в бюро труда	всего		7 743		6 475		19 588	19 482	45 907		99 195
	Ноябрь	16	3 604	6	2 426	4	10 955	—	21 457	27	38 442
	Декабрь	16	2 167	6	1 894	3	6 071	7 725	17 001	27	34 858
Число рабочих, отправленных на работу	Январь	24	3 783	8	3 781	4	13 061	9 816	18 879	38	49 320
	всего		9 554		8 101		30 087	17 541	57 337		122 620
	Ноябрь	16	893	6	1 416	4	2 325	—	14 401	27	19 035
на работу	Декабрь	16	843	6	1 131	3	3 104	6 824	10 743	27	22 645
	Январь	24	1 247	8	1 829	4	5 659	9 357	12 943	38	31 035
	всего		2 983		4 376		11 088	16 181	38 087		72 715

* Источник: Там же. С. 291.

¹ Крупные бюро труда: Киевская биржа труда, Ростовское-на-Дону, Минское западного фронта, Саратовская биржа труда, Александровское Екатеринославской губернии. Средние бюро труда: Казанское, Нижегородское, Орловское, Пензенское, Уфимское, Ярославское, Гомельское Могилевской губернии, Павлоградское Екатеринославской губернии. Мелкие бюро труда: все прочие.

далее шли Псковская (8,6 тыс.), Нижегородская (6,4 тыс.) и Новгородская (9,8 тыс.) губернии, наименьший спрос показало Ярославское бюро — всего 9 предложений. Наибольшее же число беженцев, обратившихся в бюро в поисках работы, приходилось на Нижегородскую губернию — 8,4 тыс. чел., из них 4,7 тыс. чел. (или 56 %) работу получили; на втором месте по предложению беженского труда находилась Саратовская губерния, где из 7,1 тыс. искавших работу беженцев были трудоустроены 5,6 тыс. чел. (или 79 %) ²⁸.

Особое место в деятельности различных бюро труда занимали наборы или содействие наборам крупных партий рабочих. Так, в частности, за период с осени 1915 до весны 1916 гг. через Всероссийское бюро труда прошло 15 крупных заказов, преимущественно на чернорабочих и плотников. Часть этих заказов исходила от военного ведомства, которому было поставлено более 2 тыс. рабочих для окопных и дорожных работ на фронте ²⁹. Значительную активность в этом направлении проявляли бюро труда национальных комитетов помощи беженцам, координировавшие набор и отправку рабочих практически во все регионы страны, где на них появлялся соответствующий спрос. Например, бюро труда Прибалтийского Латышского комитета по оказанию помощи беженцам за второе полугодие 1915 г. трудоустроило около 29 тыс. латышских беженцев в Прибалтийских губерниях (Лифляндской и Витебской) ³⁰, отправив при этом более 18 тыс. чел. на разные работы в Петроградскую, Псковскую, Новгородскую губернии, Сибирь и другие территории (см. табл. 4).

Помимо трудового посредничества, реализовывавшегося через многочисленные бюро и биржи труда, не менее широкое распространение получила такая форма трудовой помощи беженцам, как организация специальных ремесленных артелей и мастерских для беженцев. Только на средства Татьянинского комитета полностью содержались 115 и частично субсидировались 44 таких учреждений трудовой помощи. Их распределение по регионам страны выглядело следующим образом: 40,2 % — в Центральном районе, по 16,4 % — в Прифронтовом и Южном, по 9,4 % — в Северном и Среднеазиатском,

²⁸ См.: Трудовая помощь Комитета беженцам // Известия Всероссийского комитета помощи пострадавшим от войны. 1917. № 25. С. 3.

²⁹ См.: Деятельность Всероссийского бюро труда (Доклад, представленный IV Съезду представителей городов). С. 293–294; Очерк деятельности Всероссийского союза городов. 1914–1915 г. М., 1916. С. 138–139.

³⁰ См.: Краткий обзор деятельности Прибалтийского Латышского комитета по оказанию помощи беженцам. С 8-го июля 1915 г. по 8-е января 1916 г. Рига, 1916. С. 54.

Таблица 4

Численность латышских беженцев, отправленных на работы
во внутренние регионы России бюро труда Прибалтийского
Латышского комитета по оказанию помощи беженцам
за второе полугодие 1915 г., чел.*

Регион \ Месяц	Июль и август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Всего
Петроградская губерния	1 789	1 201	365	215	202	3 772
Московская губерния	631	43	—	24	—	698
Костромская губерния	—	205	116	—	—	321
Саратовская губерния	366	243	—	—	—	609
Псковская губерния	1 156	775	681	84	300	2 996
Минская губерния	638	862	40	—	—	1 540
Новгородская губерния	1 030	450	300	250	—	2 030
Тульская губерния	360	—	—	—	—	360
Оренбургская губерния	653	—	—	—	—	653
Калужская губерния	220	50	—	—	—	270
Пермская губерния	535	—	—	—	—	535
Сибирь	215	322	334	44	158	1 073
Средняя Азия	53	62	45	—	—	160
Прочие местности	2 297	986	183	48	402	3 916
ИТОГО	9 943	5 199	2 064	665	1 062	18 933

*Источник: Краткий обзор деятельности Прибалтийского Латышского комитета по оказанию помощи беженцам. С 8-го июля 1915 г. по 8-е января 1916 г. Рига, 1916. С. 55.

6,3 % — в Восточном и 1,9 % — в Сибири. Большая часть таких объединений концентрировалась в городах — 93,1 % или 148 из 159, на сельскую местность приходилось всего 6,9 % или 11 из 159 подобных учреждений. В Европейской России первые три места по количеству беженских мастерских принадлежали Екатеринославской губернии (24), Московской (14) и Новгородской (10) губерниям, в остальных регионах их число колебалось от 1 до 8 (на всю Сибирь, к примеру, приходилось лишь 3 таких учреждения, действовавших в Томской губернии). По своей специализации беженские мастерские распределялись таким образом:

швейные	—	45,3 %
сапожные	—	19,5 %
портняжные	—	10,7 %
столярные	—	3,8 %
слесарные	—	1,2 %
прочие	—	19,5 %.

По состоянию на осень 1917 г. в них работало порядка 5,6 тыс. беженцев. 68,5 % из них были заняты в швейных мастерских, 12,1 % — в сапожных, 4,4 % — в портняжных, 0,5 % — в столярных, 0,2 % — в слесарных и 14,3 % — в прочих³¹.

Особую активность в деле организации беженских мастерских проявили национальные комитеты, в которых «сила сцепления» и «привычка к взаимопомощи» были сильнее³². К 1917 г. Татьянинским комитетом было зарегистрировано 96 мастерских, созданных национальными организациями помощи беженцам. Большинство этих заведений находилось в Европейской России, лидером по их числу являлась Ярославская (12) и Петроградская (11) губернии, 9 мастерских работали в Екатеринославской губернии, по 7 — в Костромской и Минской, в остальных — от 1 до 5. К осени 1917 г. в этих 96 мастерских работало 689 чел.³³

При этом национальные комитеты, в особенности еврейские, не ограничивались лишь созданием общественных мастерских, полагая, что «в дело трудовой помощи не следует вносить элемента благотворительности». Их подход к трудоустройству беженцев характеризовался ориентацией на развитие и поддержку частной инициативы, и в конечном итоге на создание условий для того, чтобы «беженец перестал быть беженцем, чтобы он получил возможность индивидуального существования, чтобы он получил возможность такого развития индивидуальных ремесел или мастреств, чтобы он мог сам зарабатывать и получать не пайки, а плату за труд»³⁴.

Главным способом возвращения беженцев к «условиям здоровой трудовой жизни» и «завоевания» ими «нормальных условий

³¹ См.: Трудовая помощь Комитета беженцам. С. 3.

³² См.: Шаховская Н. Указ. соч. С. 275.

³³ См.: Трудовая помощь Комитета беженцам. С. 4. Описание работы национальных мастерских см., напр. в: Краткий обзор деятельности Прибалтийского Латышского комитета по оказанию помощи беженцам. С 8-го июля 1915 г. по 8-е января 1916 г. С. 59–73.

³⁴ Труды Харьковского областного съезда Всероссийского союза городов по вопросу об устройстве и эвакуации беженцев (Харьков, 29, 30 ноября, 1 декабря 1915 г.). С. 85, 103.

экономического развития» являлась кредитно-ссудная помощь. Именно благодаря ей многие мастерские со временем прекращали свое существование, поскольку работавшие в них беженцы «устраивались самостоятельно», как это произошло, например, с белошвейной мастерской в Орле, открытой местным еврейским комитетом помощи жертвам войны и получившей ссудную помощь для приобретения швейных машин³⁵. Всего за три месяца деятельности, с августа по октябрь 1915 г., Орловская кредитная касса выдала 43 ссуды еврейским беженцам на общую сумму 7 641,12 рубля. Средний размер ссуды на ремесло составлял 104 рубля, на промысел — 186 рублей, на торговлю — 250 рублей. Из ссуд на промыслы 5 было выдано на приобретение лошадей и полков для занятия извозным промыслом, 2 — на открытие столовых, 8 — на заведение пекарен и 1 — на «устройство» завода фруктовых вод. Из 12 ссуд на ремесла 5 были выданы сапожникам, 3 — жестянщикам, 3 — модисткам и 1 — бондарю³⁶. Подводя промежуточные итоги работы Московской губернской кредитной кассы за второе полугодие 1915 г., Московское еврейское общество помощи жертвам войны отмечало: «Заемщики постепенно снимаются с пайка и переходят к существованию самостоятельному; имеются даже случаи перехода клиентов кассы в плательщики Общества помощи»³⁷.

Эта активность, однако, вызывала некоторые опасения со стороны властей. Созванное министром внутренних дел в мае 1916 г. совещание губернаторов центральной России, обсуждая вопрос о беженцах, констатировало, что «евреи повсеместно ведут себя отлично и не обременяют собой ни население, ни администрацию». За этим, однако, губернаторы усмотрели определенную цель — «осесть в местах временного поселения». Именно по этой причине, как считали участники совещания, «еврейские организации снабжают отдельных лиц очень крупными пособиями на открытие мастерских ремесленника-ми, на домообзаводство и т.п.»³⁸

Подход национальных организаций к делу трудовой помощи беженцам позволил современникам заключать, что эти организации

³⁵ См.: Отчет Орловского еврейского комитета помощи жертвам войны за время с 1-го октября 1915 г. по 1-ое октября 1916 г. Орел, 1917. С. 28.

³⁶ См.: Там же. С. 37–38.

³⁷ Отчет о деятельности Московского еврейского общества помощи жертвам войны на 1 мая 1916 г. М., 1916. С. 9.

³⁸ Совещание губернаторов в 1916 г. // Красный архив. Исторический журнал. 1929. № 2 (33). С. 159.

«создание работы (мастерские, производительные ссуды, кредит) выдвигают на первый план, несправедливо умаляя значение посреднической трудовой помощи». Правда, другие наблюдатели отвечали на это, что если такое «умаление» кое-где и имело место, то в основе его лежало «сознание, что развитие профессионального труда невозможно без предварительных затрат времени, усилий и денег»³⁹. Именно отсюда брала начало и другая трудоустроительная инициатива национальных комитетов — подготовка новых кадров работников через профессиональное обучение. Так, весной 1916 г. по инициативе Еврейского колонизационного общества и Петроградского комитета помощи жертвам войны производилась организация специальных краткосрочных курсов для взрослых по обработке металлов (Одесса, Кременчуг, Чернигов), также готовились к открытию краткосрочные электротехнические курсы (Харьков) и курсы электромеханического дела (Екатеринослав). Сходные шаги предпринимали и некоторые земские и городские комитеты: в Астрахани, например, были открыты курсы санитаров-дезинфекторов⁴⁰.

Все названные выше усилия по «приспособлению» беженцев к труду имели, вне сомнения, весьма ограниченный успех. В поисках объяснений этого факта уже в начале 1916 г. Всероссийское бюро труда специально провело анкетирование местных учреждений помощи беженцам. Им было получено 87 ответов от различных бюро труда и комитетов помощи беженцам, что позволило не просто выявить несколько групп обстоятельств, сформировавших то или иное отношение беженцев к труду, но определить общие особенности их положения на рынке труда.

Первое, на что обратили внимание многие современники сразу после появления беженцев в тыловых районах, было их «моральное потрясение» от всего пережитого, а также их физическая усталость и апатия как результат этого «потрясения». Выступая на Харьковском областном съезде Всероссийского союза городов в конце ноября 1915 г., член Харьковской губернской исполнительной комиссии С.Н. Игумнов подчеркивал:

«Господа, нельзя подходить к беженцам с той меркой, которую мы применяем к нормальному человеку. К беженцу нужно относиться совершенно также, как мы относимся к раненому, только там перед нами калека физический, тут же нравственный. Никто не будет говорить,

³⁹ Шаховская Н. Указ. соч. С. 278.

⁴⁰ См.: Там же. С. 278–279.

что по отношению к раненым неуместно признание, точно также и с беженцами. К ним нужно относиться как к больным душевно. Все надежды их потеряны, у них нет настоящего, будущее покрыто мраком. Нужно иметь в виду следующее: когда человек работает, он всегда работает с определенной целью, должен быть стимул работы, должна быть возможность трудиться, не жалея здоровья и силы, но опять-таки для чего-нибудь, для приумножения ли имущества, для скопидомства и т.д. У беженцев же теперь, когда все у них расстроено, ... какой у них может быть стимул работы? ... Может быть, им приходится начинать новую жизнь, а новую жизнь сразу, когда все разбито и уничтожено, не начнешь. Нужно отлежаться, переболеть, а тогда уже работать и, если в настоящее время беженец даже и отказывается от работы, то его нельзя упрекать, это нормальное явление и было бы странно, если бы этого не было»⁴¹.

Этот эмоциональный посыл был в целом поддержан другими участниками съезда, в результате чего член Нахичеванского комитета Городского союза Э.С. Мурза-Баронов резюмировал:

«Эти люди [беженцы — *Авт.*] потрясены и надломлены. Если представители науки, доктора скажут, что можно заставлять измученного человека работать и это не повлечет за собой другой болезни, тогда можно будет устраивать рабочие дома, изобретать какие-нибудь занятия для них; говорить же, что это испорченные люди, которые не видят своей пользы, нельзя»⁴².

То, что среди беженцев имелся «значительный контингент» лиц с «потрясенной психикой», подтверждали и представители медицинского сообщества.

«Последнее время много говорят о том, что беженцы упорно уклоняются от работы. Я заинтересовался этим вопросом и предпринял обследование. На основании добытых фактов, могу с уверенностью сказать, что эти упреки в лени и тунеядстве, направленные против беженцев, лишены основания. В данном случае мы имеем дело с нервным истощением. Люди, совершенно здоровые физически, оказываются безусловно нетрудоспособными, вследствие недавно пережитых ими ужасных моральных потрясений. Я, например, говорил при обследовании с молодой девушкой-беженкой, вполне здоровой, которая вообще никогда не болела. Во время разговора на улице, неподалеку, возник шум. Девушка вздрогнула, изменилась в лице и едва не упала

⁴¹ Труды Харьковского областного съезда Всероссийского союза городов по вопросу об устройстве и эвакуации беженцев (Харьков, 29, 30 ноября, 1 декабря 1915 г.). С. 106.

⁴² Там же. С. 123.

в обморок. Оправившись, она объяснила причину. Оказывается, ей вместе с некоторыми односельчанами пришлось покинуть родную деревню в тот момент, когда неподалеку уже происходил бой. Бежали лесом, находящимся в сфере артиллерийского огня. Поминутно то там, то здесь среди вершин деревьев рвались снаряды. С тех пор при малейшем шуме у девушки встает в памяти жуткая картина бегства. Таких нервно-истощенных среди беженцев много»,

— свидетельствовал, в частности, один из губернских врачебных инспекторов⁴³. При этом сами беженцы становились проводниками настроений фронта периода неудач, принося с собой «нежелательные ноты» в до того спокойное и размеренное течение жизни тыла. Так, в одном из уездных городов Орловской губернии нескольким домохозяйкам-мещанкам квартировавшие у них беженцы заявили:

«— Пани, так не есть честно. Вы взяли деньги за квартиру вперед, а тут у вас уже роют окопы.

— Какие? Где?

— Пани сама должна знать. Мы же видим...

Домохозяйки растеряны. Не знают, что и ответить. Невольно думают: может и правда. Быстро пошли звоны по городу. Из города молва перенесла их в деревни. В конце концов местному губернатору пришлось печатными объявлениями успокаивать жителей и уверять, что никаких окопов нет и не предполагается. Их и действительно не было. А было вот что: по городскому лугу рабочие рыли канаву к подгорной слободе для прокладки кабеля (в городе устраивается электрическое освещение). Вероятно, именно эти тыловые работы перепугали расстроенных беженцев. А от них тревога перешла и на постоянных жителей»⁴⁴.

В прессе появлялись сообщения не просто о случаях «нервного расстройства», но даже массового психоза беженцев. Один такой случай произошел в Одессе, в городском изоляционном пункте для беженцев, где, по словам его заведующего, однажды кто-то ради глупой шутки, на вопрос одной из беженек, долго ли будут их держать тут и куда отправят, ответил «прямо в Сибирь». Этого было достаточно, чтобы «вся толпа страшно взволновалась, поверив, что их не только повезут в Сибирь, но и от себя прибавили “в ссылку”». Заведующему с трудом удалось успокоить беженцев, многие из них «сами стали

⁴³ Справедливо ли? // Беженец. 1915. 25 окт. С. 2.

⁴⁴ Борисов А. Указ. соч. С. 269.

смеяться», однако следующей ночью «несколько человек выломали окно и бежали, бросив все свои вещи»⁴⁵.

Не случайно в почти половине анкет, поступивших во Всероссийское бюро труда, указывалось на «моральное потрясение» как одну из основных причин отказа беженцев от работ⁴⁶. Вольское бюро для приискания работы беженцам (Саратовская губерния) при этом, в частности, отмечало:

«Будучи выбиты из колеи вследствие неожиданного и в большинстве случаев принудительного массового выселения с родных мест, растеряв нередко по пути детей или ближайших членов семьи, претерпев во время следования до настоящего места жительства различные лишения и нужду, беженцы не сразу могут прийти в нормальное состояние... Мысль о расстройстве прежнего, обычного образа жизни, о брошенном нажитом трудами имуществе, о лишении достатка, несомненно влияет тяжело на душевное состояние беженцев. Старик, степенные хозяева, отцы семейств, придя в Бюро нередко плачут, вспоминая о своих хозяйствах и бегстве с родины»⁴⁷.

Член бюро труда при Котелевском подкомитете помощи беженцам (Харьковская губерния), в свою очередь, констатировал, что «моральное потрясение ... надолго парализует работоохотность беженца и во всяком случае не позволяет ему сразу думать о найме и прочих необходимостях, когда еще так сурово вспоминается пережитое»⁴⁸.

Харьковское городское бюро труда также солидаризировалось с общим мнением, подчеркнув при этом следующее:

«Нельзя называть тунеядством то состояние, в котором очутились беженцы, пережив разорение родных мест, разорение плодов долголетнего труда, пережив разлуку, болезни, даже смерть родных и близких сердцу людей. Неудивительно, что после этого значительная часть беженцев свои отказы мотивирует болезнями. Они действительно больны: больны физически, больны нравственно и душевно»⁴⁹.

⁴⁵ Очерк деятельности Одесского отделения Комитета Ее Императорского Высочества Великой Княжны Татьяны Николаевны // Югобеженец. 1916. 4 февр. С. 2.

⁴⁶ См.: Уланов В. Причины отказа от работы трудоспособных беженцев (По данным анкеты Всероссийского бюро труда) // Известия Всероссийского союза городов. 1916. № 27–28. С. 252.

⁴⁷ Анкетный материал о причинах отказа трудоспособных беженцев от работы // Известия Всероссийского союза городов. 1916. № 24. С. 75.

⁴⁸ Там же. С. 85.

⁴⁹ Там же. С. 81.

Второй распространенной причиной отказа беженцев от работы являлся «семейный вопрос», а именно «волнения, сопряженные с розыском затерявшихся членов семьи, боязнь расстаться с наличною семьей во время отъезда на работы, неопределенное положение семьи на местах вселения и, особенно, заботы о детях и больных»⁵⁰. Это обстоятельство в качестве одной из причин отказа от работы со стороны трудоспособных беженцев было названо почти в 87 % анкет.

«Главною причиною отказа беженцев от работы служит потеря беженцем своей семьи в пути. Это обстоятельство в большинстве случаев так влияет на работника, что, по его словам, руки отваливаются и работа на ум не идет. Трудовой комиссии известны случаи, когда работник вполне здоровый, в возрасте 30–35 лет, удивляется, что ему предлагают работу, когда он еще ищет свою семью»,

— говорилось, к примеру, в анкете трудовой комиссии и биржи труда Тамбовского общественного комитета⁵¹. В то же время Белевский уездный комитет помощи беженцам (Тульская губерния), подсчитал, что

«82 % работодателей не соглашаются взять рабочих с семьей, остальные принимают не более 1–2 детей. Отделяться же от семьи соглашаются лишь немногие беженцы. Ведь около 40 % семей растеряло своих близких. В среднем каждая из этих семей не досчитывается 3 из своих членов. Естественно, что они боятся разделяться даже и на короткое время. Многие беженцы не желают идти на работу, так как чувствуют себя временными гостями в данной местности. Они с нервным напряжением ждут известий от своих близких, каждый день спрашивают о результатах поисков и мечтают только о том, чтобы поскорее уехать и соединиться с ними»⁵².

От согласия на работу беженцев удерживали не только семейные, но и «задружные» связи, особенно если работа предполагала отъезд в другую местность. «Наблюдается нежелание расстаться не только с семьей, но даже со своими односельчанами, даже со своею волостью»; «наблюдается стремление отправляться на работы всей своей деревней, целым обществом, чтобы не затеряться в чужих краях, не быть всеми забытыми», — объяснялось в анкетах⁵³.

Особенное нежелание покидать пункты своего вселения проявляли беженцы, оказавшиеся в районах, находившихся в непосредственной

⁵⁰ Уланов В. Указ. соч. С. 253.

⁵¹ Анкетный материал о причинах отказа трудоспособных беженцев от работы. С. 78.

⁵² Там же. С. 74.

⁵³ Уланов В. Указ. соч. С. 254.

близости к их родным местам. Витебское центральное бюро труда замечало по этому поводу, что «при спросах труда в отъезд предложения такового со стороны беженцев иногда не бывает по причинам политического характера, ибо витебский район есть ближайший к месту постоянного жительства беженцев, и беженцы в надежде на скорую победу над врагом не желают далеко уезжать от родимых мест»⁵⁴.

Третьим обстоятельством, характеризовавшим положение беженцев на российском рынке труда, являлось несоответствие предлагаемой работы профессиональным умениям и навыкам беженцев. Об этом свидетельствовала практически половина полученных Всероссийским бюро труда анкет и в которых, в частности, отмечалось:

«Вредно действует на желание работать то, что часто беженцу предлагают другой род работы, к которому он не привык, например, текстильному рабочему — работу при канализации и т.п., или, например, земледельцу — работу на руднике ... литейщик, не получив работу по своей специальности, поступил чернорабочим по разборке каменного дома ... помещик-дворянин поступил сторожем в аптеку...»⁵⁵

Ситуация усугублялась еще и проблемой регистрации беженских специальностей, которая решалась в основном формально. Так, бюро труда Костромского городского комитета помощи беженцам признавало, что

«профессия работника-беженца зачастую регистрируется малосведущими в различного рода работах и даже, несмотря на их искреннее желание, не могущими отметить правильно профессиональные особенности рабочего. Например, специальность в карточке “кожевник”, но кожевник кожевнику рознь: один по яловой коже, другой — по шагреневой, слесарь слесарю тоже рознь: один по двигателям, другой — по трубам, третий — по приводам и инструментам и т.д.»⁵⁶

Особенно остро проблема несоответствия имевшихся предложений труда профессиональному опыту беженцев стояла тогда, когда жители сельских местностей оказывались в городе, а горожане, наоборот, в деревне. Показательными в этом смысле явились итоги состоявшейся в апреле 1916 г. переписи беженцев в Риге. Согласно ее итогам, большую их часть (83,2 %) составили выходцы из сельской местности, а 71 % всех мужчин, указавших сведения о роде своих занятий, были «земледельцами». Только 3,5 % беженцев оказались

⁵⁴ Уланов В. Указ. соч. С. 264–255.

⁵⁵ Там же. С. 256.

⁵⁶ Анкетный материал о причинах отказа трудоспособных беженцев от работы. С. 77.

знакомы с каким-либо ремеслом и лишь 0,8 % ранее работали на промышленных предприятиях⁵⁷. Прибалтийский Латышский комитет по оказанию помощи беженцам в связи с этим отмечал:

«Большая часть земледельцев, которые всю жизнь провели за сохой, мало подготовлены к другой работе. В Прибалтийском крае специализация в земледелии пустила глубокие корни, и прибалтийские земледельцы только в очень редких случаях знают еще какое-нибудь ремесло, что наблюдается в некоторых местностях внутренней России»⁵⁸.

В результате по специальности в Риге работала лишь весьма незначительная часть беженцев (см. табл. 5), при том что более 98 % «земледельцев» вынужденно сменили сферу своей деятельности. На одно из первых мест среди имевшихся в Риге занятий вышли разнообразные «казенные работы», которые выполняли представители самых разных профессий. На них было занято:

бывших земледельцев	—	27,3 %
бывших промышленных рабочих	—	19,5 %
бывших транспортных рабочих	—	42,7 %
бывших слуг	—	19,1 %
бывших работников торговли	—	8,4 %
бывших работников интеллигентных профессий	—	1,8 % ⁵⁹ .

Довольно близко к предыдущей группе обстоятельств находилась такой фактор, как неустроенность беженцев на новом месте жительства или же и вовсе банальная нужда. «Главная и, можно сказать, единственная причина, — говорилось в анкете одного из губернских бюро труда, — почему беженцы отказываются от работы — это неимение одежды и обуви. С этой причиной бюро сталкивается ежедневно в массе случаев»⁶⁰. На это обстоятельство также указывал председатель одного из городских попечительств о беженцах Харьковской губернии, участвуя в обсуждении вопроса о трудовой помощи беженцам на областном съезде Городского союза поздней осенью 1915 г.:

«Господа, да ведь обуви нет! Если бы вы пришли к нам в бюро в день приема, то услышали бы, что жалоба, которая чаще всего

⁵⁷ См.: Результаты переписи беженцев в г. Риге от апреля 1916. Рига, 1916. С. 19.

⁵⁸ Там же. С. 20.

⁵⁹ См.: Там же.

⁶⁰ Уланов В. Указ. соч. С. 258. См. также: Анкетный материал о причинах отказа трудоспособных беженцев от работы. С. 76.

Таблица 5

Распределение беженского населения Риги по группам занятий,
по данным переписи беженцев в апреле 1916 г., чел.*

Группы занятий	Младше 17 лет				От 17 до 55 лет			
	До бегства		В Риге		До бегства		В Риге	
	Муж.	Жен.	О.п.	Муж.	Жен.	О.п.	Муж.	Жен.
Земледелие, скотоводство, рыболовство	487	317	804	28	22	50	3 504	4 301
Обработывающая промышленность	62	67	129	65	81	146	944	969
Торговля	13	2	15	14	7	21	422	305
Транспорт	2	—	2	—	—	—	163	1
Интеллигентные профессии	7	3	10	16	13	29	128	145
Прислуга	6	61	67	2	36	38	91	1 603
Случайная работа	71	36	107	75	33	108	879	1 172
Казенные работы	—	—	—	474	156	630	—	—
Занятие в собственном хозяйстве	5	56	61	37	104	141	28	3 961
Учащиеся	2 183	2 092	4 275	1 765	1 775	3 540	119	228
Прочие виды труда	9	4	13	167	170	337	162	194
Неизвестные занятия	708	712	1 420	1 064	1 138	2 202	314	1 422
Больные и калеки	—	—	—	80	88	168	—	—
Без занятий	5 428	5 686	11 114	5 194	5 413	10 607	106	375
Всего	8 981	9 036	18 017	8 981	9 036	18 017	6 860	14 676
							26	4 009
							19	61
							278	338
							663	3 061
							919	1 379
							675	2 858
							6 860	14 676
								21 536
								4 035
								80
								616
								3 724
								2 298
								3 533
								21 536

Окончание таблицы 5

Группы занятий	Старше 55 лет				Неизвестного возраста						Всего							
	До бегства		В Риге		До бегства			В Риге			До бегства			В Риге				
	Муж.	Жен.	О.п.	Муж.	Жен.	О.п.	Муж.	Жен.	О.п.	Муж.	Жен.	О.п.	Муж.	Жен.	О.п.			
Земледелие, скотоводство, рыболовство	2 450	1 200	3 650	47	12	59	3	2	5	—	—	—	6 444	5 820	12 264	174	98	272
	403	52	455	79	11	90	—	—	—	2	8	10	1 409	1 088	2 497	472	665	1 137
Обработывающая промышленность	224	73	297	54	7	61	—	—	—	—	—	—	659	380	1 039	274	98	372
Торговля	75	4	79	4	—	4	—	—	—	—	—	—	240	5	245	21	—	21
Транспорт	40	3	43	26	3	29	—	—	—	—	—	—	175	151	326	201	155	356
Интеллигентные профессии	52	263	315	22	63	85	—	—	—	—	1	1	149	1 927	2 076	60	697	757
Прислуга	584	416	1 000	305	68	373	—	—	—	1	—	1	1 534	1 624	3 158	1 003	525	1 528
Случайная работа	—	—	—	722	26	748	—	—	—	4	3	7	—	—	—	4 015	1 282	5 297
Казенные работы	46	1 611	1 657	34	1 155	1 189	—	—	—	—	1	1	79	5 628	5 707	97	5 269	5 366
Занятие в собственном хозяйстве	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2 302	2 320	4 622	1 784	1 836	3 620
Учащиеся	87	51	138	100	33	133	—	—	—	—	—	—	258	249	507	545	541	1 086
Прочие виды труда	147	641	788	498	871	1 369	31	46	77	4	7	11	1 200	2 821	4 021	2 229	5 077	7 306
Неизвестные занятия	—	—	—	1 723	2 070	3 793	—	—	—	23	27	50	—	—	—	2 745	3 564	6 309
Больные и калеки	314	1 102	1 416	808	1 097	1 905	—	—	—	—	1	1	5 848	7 163	13 011	6 677	9 369	16 046
Без занятий	4 422	5 416	9 838	4 422	5 416	9 838	34	48	82	34	48	82	20 297	29 176	49 473	20 297	29 176	49 473
Всего																		

*Источник: Результаты переписи беженцев в г. Риге от апреля 1916. Рига, 1916. С. 44-45.

раздается — нет обуви. Беженцы поднимают и показывают нам громадные ноги, обернутые тряпками, чаще всего на деревянных подошвах. Все попытки достать сапоги для рабочих кончаются позорной неудачей. Приходят женщины и говорят, что муж или отец не работает из-за того, что обуви нет»⁶¹.

Еще одной причиной отказа беженцев от работы ожидаемо стали этнокультурные различия между ними и населением принимающих регионов. Так, в Рязани еврейские беженцы напрочь отказались наниматься на работу к «христианам», потому что не хотели работать по субботам, а при работе «на хозяйских харчах» — «есть тrefное». Более того, если «работодателем был еврей, а рабочим на очереди числился русский, то еврейский предприниматель охотно брал рабочего русского, трудом которого в мирное время он обычно пользовался». Если же, наоборот, в качестве работодателя выступал русский, а в качестве рабочего — еврей, то по причинам «психологического характера и из-за непривычки населения пользоваться еврейским трудом» рабочий-еврей терял свою очередь в бюро труда⁶².

Разница в «степени культурности» при трудоустройстве беженцев также оказалась чревата различными недоразумениями. К примеру, в Нижнем Новгороде беженка-латышка сильно удивилась, узнав, что ей как прислуге не будет предоставлена отдельная комната и придется жить в кухне. При этом в первый же день хозяйка изумилась, поскольку «ее обычно грязная кухня совершенно преобразилась. Везде чистота, все на своем месте». Однако, когда вечером ей потребовалось зачем-то зайти на кухню, она услышала от своей прислуги: «Мадам, я вас прошу не входить ко мне в комнату без спроса». Там же произошел другой характерный случай: работавшему на починке мебели столяру из латышских беженцев «по русскому обычаю» попытались дать «на чай». Латыш долго не понимал, почему ему дают «лишнее» и категорически отказался, «уразумев в чем дело»⁶³.

Наконец, типичной характеристикой положения беженцев на рынке труда стали настойчивые попытки их «эксплуатации» со стороны многих работодателей. Так, едва добравшись до Ярославля и еще пребывая в вагонах, беженцы при попытке найти работу «встретили довольно резкую разницу как в размерах платы, так и в отношениях нанимателя

⁶¹ Труды Харьковского областного съезда Всероссийского союза городов по вопросу об устройстве и эвакуации беженцев (Харьков, 29, 30 ноября, 1 декабря 1915 г.). С. 121.

⁶² См.: Евреи на работе // Жизнь беженцев. 1916. № 4. С. 15.

⁶³ См.: Прислуга не по хозяевам // Пермская земская неделя. 1915. 13 дек. С. 10.

к рабочему», что послужило причиной «уклонения работоспособных от принятия невыгодных условий труда»⁶⁴. Бюро труда Харьковского комитета по оказанию помощи беженцам-латышам, осенью 1915 г. также отмечало, что «предприниматели усиленно стремились использовать труд беженцев, предлагая им минимальную плату». Были случаи, когда предлагавшаяся сумма занижалась на 25–40 %, причем предприниматели при этом ни стеснялись «прикрываться маской благотворительности»⁶⁵. Корреспондент «Орловской жизни» даже поставил последним на вид, что «у них почему-то сложилось представление, что беженец это что-то вроде китайского кули... Когда выясняется, что он беженец, ему предлагают только половину оплаты»⁶⁶.

«Повсюду наблюдается стремление работодателей эксплуатировать в самых широких размерах труд беженцев: прислуге предлагают 4–7 руб. в месяц со стиркой и проч., многие женщины служат совершенно даром, лишь за угол в кухне и скудное содержание, вынужденные к этому голодом; рабочим предлагается по большей части плата в два, три и более раза меньше, чем таковая у них на родине, например — сельскохозяйственный рабочий в Сувалкской и Ковенской губернии получал 1 руб. и более в день при готовом столе, а здесь ему предлагают 40–75 коп. на своих харчах»,

— сообщалось в одной из анкет, присланных во Всероссийское бюро труда⁶⁷. С аналогичной практикой столкнулась и одна из беженских организаций Одессы, пришедшая к следующему заключению:

«Почти все работодатели считают даже за благодеяние, предоставляя работу с платою на 20–30, а иногда и 50 % меньше, нежели работникам из местного населения, причем при установлении заработной платы работодатели нисколько не считаются с тем, что работники из беженцев иногда лучше подготовлены к данной специальности, чем исполнявшие эту работу их предшественники из местного населения. Такое явление особенно угнетающе действует на беженцев, из коих даже самые малоразвитые понимают эксплуатацию, так как цены на все предметы увеличились вдвое-втрое, а получаемая ими заработная

⁶⁴ Анкетный материал о причинах отказа трудоспособных беженцев от работы. С. 79.

⁶⁵ См.: Труды Харьковского областного съезда Всероссийского союза городов по вопросу об устройстве и эвакуации беженцев (Харьков, 29, 30 ноября, 1 декабря 1915 г.). С. 93.

⁶⁶ Цит. по: Алферова И.В. Беженцы Первой мировой войны: проблемы аккомодации (на материалах Орловской губернии) // Вестник Брянского государственного университета. 2018. № 3. С. 12.

⁶⁷ Уланов В. Указ. соч. С. 263.

плата значительно меньше даже той, которая существовала на этот труд до войны»⁶⁸.

Эти и подобные им ситуации приводили, среди прочего, к конфликтам между беженцами и работниками из числа местного населения. Так, по данным Екатеринославского отделения общества ремесленного и земледельческого труда, сознательное занижение работодателями уровня заработной платы беженцев в сравнении с местными рабочими заставляло последних «смотреть на беженцев как на конкурентов, на понижателей цены». Беженцам, занимавшимся перевозкой дров служащим управления Рязанско-Уральской железной дороги, и получавшим за свою работу по 1 руб. в день вместо обычной оплаты в 2 руб., местные рабочие прямо заявили, что «если бы не вы (беженцы), мы получили бы по 3 руб. — 3 руб. 50 коп. в день. Вы приехали отнимать у нас заработок»⁶⁹. Всероссийское бюро труда в конечном итоге было вынуждено признать, что в ситуациях, когда предприниматели использовали более дешевый труд беженцев, трудовые комитеты и биржи невольно «поставляли часто штрейкбрехеров, внося таким образом смуту и недовольство в рабочую среду»⁷⁰.

Кроме того, беженцы оказались не совсем готовы к тому, что в регионах вселения расценки за труд часто оказывались ниже, чем на их родине. Петроградская городская и областная биржа труда констатировала «большой процент отвергших, особенно из среды квалифицированных рабочих Прибалтийского края, предложенные им работы по причине невысокой оплаты труда, низких расценок, нередко на половину меньших, издавна установившихся на их родине»⁷¹. Сходные факты имели место в Пскове и Витебске, куда большинство беженцев также прибыло из Прибалтики, где они привыкли к более высокой заработной плате⁷².

Очевидно, таким образом, что между надеждами на беженский труд как на компенсацию убыли рабочих рук во всех сферах хозяй-

⁶⁸ Уланов В. Указ. соч. С. 263–264.

⁶⁹ Об условиях помощи трудоспособным беженцам и о сокращении пособий получившим заработок (Доклад С.Б. Веселовского совету отдела по устройству беженцев и заключение совета по этому вопросу) // Известия Главного комитета Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам. 1916. № 33. С. 91–92. См. также: Беженцы в Ярославле // Вестник Всероссийского общества попечения о беженцах. 1916. № 36–37. С. 10.

⁷⁰ Деятельность Всероссийского бюро труда (Доклад, представленный IV Съезду представителей городов). С. 282.

⁷¹ Уланов В. Указ. соч. С. 263.

⁷² См.: Полянский Н.Н. Обследование положения беженцев и выселенцев в Витебской и Псковской губерниях // Известия Всероссийского союза городов. 1915. № 17. С. 72–73.

ства, с одной стороны, и готовностью и способностью беженцев работать, с другой стороны, стояло множество всевозможных обстоятельств. Их длинный список не просто ограничивал возможности использования беженского труда, но и сформировал специфическое отношение к беженцам как со стороны промышленников, так и со стороны аграриев.

Уже к началу 1916 г. стало ясно, что те иллюзии, которые фабриканты и заводчики питали в отношении трудоустройства беженцев, так и останутся иллюзиями. Выяснилось, что «отдельные районы промышленной России, даже при наличии огромного (в количественном отношении) запаса беженского труда ... чаще всего оставались без потребных рабочих рук». В июле 1915 г., к примеру, Екатеринославское бюро труда зафиксировало 22 тыс. вакансий промышленных предприятий, но из 30 тыс. беженцев работу при этом смогла получить лишь 1 тыс. чел., имевших опыт работы в промышленности⁷³. Стоит ли удивляться, что, выступая на втором съезде представителей военно-промышленных комитетов в конце февраля 1916 г., один из докладчиков с сожалением заметил, что беженцы

«...оказались для промышленности совершенно потерянным материалом. Не было никакой возможности из этой миллионной массы выуживать тех лиц, которых можно было бы поставить работать в промышленности. Почему так? Что же, шли люди, не желающие работать, или люди, которые не могут работать? Нет, ни то, ни другое. Это есть следствие нашей неорганизованности. Все шло стихийно, никто не знал, ни того, куда направляться, ни где имеется работа. Полный хаос, величайшее народное бедствие. Но во время этого бедствия мы не сумели выбрать тех немногих лиц, которые могли бы оказаться полезными для промышленности»⁷⁴.

На местах же отрезвление произошло еще раньше. Так, в августе и сентябре 1915 г. контора Добрянского железодельного завода графа С.А. Строганова, отправив в бюро труда при Пермской губернской земской управе заявку на несколько сотен беженцев, всерьез надеялась, что их удастся «приспособить» и для вспомогательных,

⁷³ Ворт В.М. Промышленный труд и беженцы // Промышленность и торговля. Т. XVII. Январь–июнь 1916. 27 февраля. С. 246.

⁷⁴ Труды Второго Съезда представителей военно-промышленных комитетов 26–29-го февраля 1916 года. Вып. 2. Пг., 1916. С. 284–285.

и для черновых, и для ремесленных работ⁷⁵. Однако в начале ноября на заводе получили отказ, в котором сообщалось:

«По собранным в Перми в обоих земских управах справках, нельзя основывать серьезных расчетов на труды беженцев, так как в Пермскую губернию являются почти исключительно малоспособные к труду лица в сопровождении многолюдных семейств, разместить коих в деревнях было бы крайне затруднительно, и совсем невозможно в куренях, затем доставка провианта ... обошлась бы также очень дорого. Вдобавок беженцы требуют очень высоких плат за работу...»⁷⁶

Вместо беженцев в Добрянку в итоге отправили 315 военнопленных, после чего завод был вынужден снять свою заявку на беженцев. В Добрянке, правда, на беженцев еще продолжали надеяться, тем более что Пермь периодически предлагала беженцев-специалистов: в январе 1916 г. среди таковых были свободны 9 слесарей и 3 машиниста. Переписка по этому вопросу закончилась в марте 1916 г., когда заводская контора вроде бы и пожелала получить 200 работников, но тут же сообщила, что помещений для них у завода нет⁷⁷.

В то же время в Екатеринбурге трудовая секция местного комитета Союза городов получила более 20 тыс. требований на труд беженцев, которых с особым нетерпением ждали прежде всего местные промышленники. Каково же было их разочарование, когда по прибытии первой партии беженцев в ней оказалось только 87 чел. трудоспособных, хотя и эта цифра оказалась завышенной: сюда попали и лица в возрасте 60 лет, и дети, не достигшие 14-летнего возраста⁷⁸.

Специальные навыки, точнее, их отсутствие у беженцев также способствовали разочарованию в их труде в среде заводчиков и фабрикантов. Этот факт с предельной ясностью обозначил В.М. Ворт, восклицая, «как мало значения для нужд отечественной промышленности имеют профессиональные группы беженцев и как ничтожен в их среде процент рабочих, годных для промышленности». Действительно, по состоянию на начало 1916 г., согласно данным профильного отдела Земского и Городского союзов, за вычетом из общего количества «трудовых беженских масс» чернорабочих (82,3 %), представителей интеллигентного труда (0,9 %) и прочих профес-

⁷⁵ ГАПК. Ф. 186. Оп. 1. Д. 3247. Л. 3, 19.

⁷⁶ Там же. Л. 25 об.

⁷⁷ См.: Там же. Л. 27, 31, 33 об.

⁷⁸ См.: Отчет о возникновении и деятельности Отдела по устройству беженцев Екатеринбургского городского комитета Всероссийского союза городов. Екатеринбург, 1916. С. 35.

сий (3,5 %), а также «земледельцев, оседающих на свободных землях общекрестьянского труда» (8,2 %), — то есть за вычетом 95 % беженцев на долю квалифицированных рабочих приходилось только около 5 %. В эти 5 %, в свою очередь, входили строительные рабочие (2,6 %), «металлисты» (1,1 %), представители одежного и сапожного производств (1,2 %) ⁷⁹. Практически идентичное соотношение профессий в конце октября — начале ноября 1915 г. демонстрировали сведения МВД, касавшиеся 57,2 тыс. беженцев-мужчин:

чернорабочие	—	75,6 %
земледельцы	—	13,0 %
строительные рабочие	—	3,1 %
лица интеллигентных профессий	—	2,3 %
сапожники	—	1,0 %
металлисты	—	1,0 %
представители одежного производства	—	0,8 %
прочие профессии	—	3,2 % ⁸⁰ .

Отсюда следовал закономерный вывод о том, что «такая масса сама по себе, в общем, представляется слишком рыхлою и мало пригодною для промышленного труда» ⁸¹ и что «при такой малочисленности специалистов и при отсутствии в беженской массе работоспособных возрастов даже организованное размещение ее между предприятиями вряд ли могло бы привести к существенным результатам в деле пополнения рабочих кадров промышленных предприятий» ⁸². Попытки же открытия профессиональных школ, учебных мастерских, особых ремесленных и промышленных патронатов для подростков-беженцев были слишком немногочисленны, чтобы исправить ситуацию.

Вместе с тем, потери, нанесенные промышленности людскими мобилизациями, были слишком велики ⁸³, чтобы про беженцев благополучно забыли. К началу 1916 г. трудовой рынок истощился до такой степени, что в течение этого года пополнение кадров предприятий

⁷⁹ См.: Ворт В.М. Указ. соч. С. 249.

⁸⁰ См.: Центральный военно-промышленный комитет. Отчеты отделов по 1 ноября 1915 г. Пг., 1915. С. 249.

⁸¹ Там же. С. 249–250.

⁸² Ворт В.М. Указ. соч. С. 249.

⁸³ См. подробнее: Эдельштейн В. К учету потребности в рабочих // Промышленность и торговля. 1915. 5 сент. С. 11–14; Центральный военно-промышленный комитет. Отчеты отделов по 1 ноября 1915 г. С. 240–248; Полупанов Д. Война и кадры промышленных рабочих // Промышленность и торговля. Т. XVII. Январь–июнь 1916. 7 мая. С. 512–516.

Таблица 6

Сведения о численности и составе рабочих предприятий угольной промышленности Донецкого бассейна в 1916 г., чел., %*

Месяц	Общее число рабочих	В том числе							
		Военнопленные		Женщины		Подростки		Беженцы	
		Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Январь	213 531	23 498	11,0	6 050	2,8	8 556	4,0	2 040	1,0
Май	229 065	34 747	15,2	11 362	5,0	17 228	7,5	2 398	1,0
Октябрь	252 723	55 051	21,8	12 671	5,0	18 113	7,2	2 629	1,0

* Источник: Материалы к учету рабочего состава и рабочего рынка / Центральный военно-промышленный комитет, Отдел по обеспечению промышленных предприятий рабочим составом. Вып. 2. Пг., 1917. С. 18.

угольный промышленности Донецкого бассейна велось почти исключительно за счет «рыхлых трудовых элементов» — военнопленных, женщин, подростков и, конечно же, беженцев (см. табл. 6). Численность таких рабочих к октябрю 1916 г. выросла в абсолютном выражении на 120 % (с 40,1 до 88,5 тыс. чел.), что увеличило ее долю в общем числе рабочих с 19 до 35 %. Рост этот, однако, происходил преимущественно за счет военнопленных, тогда как беженцы составляли в общей массе труда не более 1 %. Замещение профессиональных рабочих неквалифицированными работниками имело при этом неизбежным результатом падение производительности труда, ставшее «одним из самых характерных фактов» для каменноугольной промышленности Донецкого бассейна в годы войны. Средняя месячная производительность на одного рабочего к концу 1916 г. уменьшилась здесь почти на 25 %⁸⁴.

Аналогичные тенденции были характерны для металлургической промышленности Юга России, основным источником пополнения рабочих кадров которой вынужденно являлись те же самые группы населения (см. табл. 7). В течение 1916 г. они увеличили свою численность на 78 % (с 33,9 до 60,4 тыс. чел.), составив в итоге почти половину всех рабочих (48 %). Как и в случае с угольными шахтами, основой этого роста являлись военнопленные, на которых приходилось 64 % абсолютного прироста общей численности всех рабочих. Хотя

⁸⁴ См.: Материалы к учету рабочего состава и рабочего рынка / Центральный военно-промышленный комитет, Отдел по обеспечению промышленных предприятий рабочим составом. Вып. 2. Пг., 1917. С. 20. См. также: Мерцалов Г. Добыча, потребление и распределение каменноугольного топлива за время войны // Промышленность и торговля. 1917. 7 янв. С. 18.

Таблица 7

Сведения о численности и составе рабочих предприятий
металлургической промышленности Юга России в 1916 г., чел., %*

Месяц	Общее число рабочих	В том числе					
		Военнопленные		Женщины и подростки		Беженцы	
		Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Январь	97 832	16 170	16,5	15 001	15,3	2 753	2,8
Февраль	99 791	15 695	15,7	14 695	14,7	2 864	2,9
Март	101 011	13 067	12,9	18 195	18,0	3 071	3,0
Апрель	96 306	14 466	15,0	18 404	19,1	3 156	3,3
Май	99 166	Нет свед.	—	Нет свед.	—	Нет свед.	—
Июнь	105 417	16 127	15,3	18 921	17,9	3 165	3,0
Июль	106 206	21 552	20,3	18 679	17,6	4 054	3,8
Август	109 717	23 454	21,4	20 288	18,5	4 161	3,8
Сентябрь	115 639	29 006	25,1	22 203	19,2	4 318	3,7
Октябрь	118 143	29 317	24,8	23 226	19,7	3 065	2,6
Ноябрь	123 831	33 060	26,7	21 610	17,5	3 975	3,2
Декабрь	126 517	34 428	27,2	22 781	18,0	3 153	2,5

* Источник: Материалы к учету рабочего состава и рабочего рынка / Центральный военно-промышленный комитет, Отдел по обеспечению промышленных предприятий рабочим составом. Вып. 2. Пг., 1917. С. 120.

доля беженцев на металлургических заводах была заметно большей, в отдельные месяцы доходя до 4 %, в общей структуре рабочей силы они также составляли меньшинство — в среднем около 3,4 тыс. чел. Сходными были и результаты этих кадровых изменений относительно производительности труда: «Несмотря на наблюдающееся увеличение числа рабочих, качественный их состав оставляет по-прежнему желать многого, вследствие чего продуктивность работ далеко не пропорциональна числу работающих»⁸⁵.

В целом, таким образом, беженцы не сыграли сколько-нибудь заметной роли в приспособлении российской промышленности к условиям военного времени. Больше того, они, не оправдав возлагавшихся на них «розовых надежд»⁸⁶, опрокинули все расчеты промышленников, «строившиеся на организованное использование этого, как

⁸⁵ Бухштаб В. Железный рынок // Промышленность и торговля. Т. XVII. Январь–июнь 1916. 7 мая. С. 521.

⁸⁶ Брон Т.М. К вопросу об организации трудовой помощи беженцам // Врачебно-санитарная хроника Уфимской губернии. 1916. № 1–2. С. 5.

казалось вначале, крупного источника рабочей силы»⁸⁷. Вместе с тем, в регионах, хозяйственный уклад которых определяла промышленность, беженцы оказались заняты именно там. Так, в середине июня 1916 г., в разгар кампании по привлечению беженцев к работам на селе, Красноуфимская земская управа Пермской губернии сообщала, что в уезде практически все они состоят на работах по постройке Казань-Екатеринбургской железной дороги и на заводах, и только два человека из них отправились в деревню. О занятости беженцев преимущественно на железной дороге и заводах докладывала Пермскому губернскому земству и Верхотурская уездная управа⁸⁸, что, как и в случае с Красноуфимском, отражало прежде всего специфику местного хозяйства.

При этом, поскольку Россия оставалась преимущественно аграрной страной, отношение к беженцам как к источнику рабочих рук со всей очевидностью проявилось именно в сельском хозяйстве, а попытки властей привлечь беженцев к сельскохозяйственным работам составили отдельную страницу истории российского беженства. Иначе, очевидно, и не могло быть, учитывая тот факт, что к лету 1917 г. из сельских местностей 75 губерний и областей империи в армию было мобилизовано 12,9 млн чел. По 50 губерниям и областям число мобилизованных составило 22,6% мужчин вообще и 47,4% трудоспособного мужского населения⁸⁹. Согласно подсчетам В.П. Милотина, если в первом полугодии 1915 г. только 9 губерний Европейской России не испытывали потребности в сельскохозяйственных рабочих, то в 1916 г. с недостатком рабочих рук в деревне столкнулись абсолютно все регионы⁹⁰.

Предупреждая такое развитие событий, при Особом совещании по устройству беженцев еще в январе 1916 г. образовалась специальная комиссия, занимавшаяся вопросом применения беженского труда в ближайшем сельскохозяйственном году. Она единогласно отметила «необходимость и желательность безусловного привлечения беженцев к предстоящим полевым работам», подчеркнув необходимость «дать энергичный толчок» в связи с этим местным самоуправлениям

⁸⁷ Центральный военно-промышленный комитет. Отчеты отделов по 1 ноября 1915 г. С. 193.

⁸⁸ См.: Беженцы на сельскохозяйственных работах // Пермские ведомости. 1916. 14 июня.

⁸⁹ См.: Анфимов А.М. Российская деревня в годы первой мировой войны. (1914 — февраль 1917). М., 1962. С. 188–189.

⁹⁰ См.: Милотин В.П. Сельскохозяйственные рабочие и война. Пг., 1917. С. 114.

и национальным организациям. При их помощи Комиссия планировала «завлечь» в деревню порядка 700–800 тыс. беженцев⁹¹.

Планы Комиссии были одобрены Особым совещанием и послужили основой для изданных МВД циркуляров, которые были разосланы в регионы в течение февраля — марта 1916 г. Они предписывали выявить на местах потребность в рабочих силах для «обсеменения полей», произвести учет «трудоспособного беженского элемента», привлечь любые силы к формированию сельскохозяйственных артелей из беженцев и т.д., и т.п.⁹² Большие надежды на то, что для большинства беженцев «земледелие составляет исконный промысел», возлагало и Министерство земледелия. В циркуляре от 4 февраля 1916 г. оно выразило надежду на то, что «при широкой организации посредничества, обращение беженцев к привычному и выгодно оплачиваемому сельскохозяйственному труду может быть весьма значительным»⁹³.

В еще большей степени намерение властей «завлечь» беженцев в деревню отразилось в изданных 2 марта 1916 г. «Руководящих положениях по устройству беженцев». Этот документ предусматривал беспрепятственное передвижение беженцев на сельскохозяйственные работы (ст. 13), сохраняя право получения продовольственной и квартирной помощи за принятыми на них и одновременно лишая его беженцев, уклонившихся от работ (ст. 19)⁹⁴. Последний пункт был дополнительно разъяснен циркуляром МВД, который подтвердил необходимость «безусловного снятия с пайков всех уклонявшихся от сельскохозяйственных работ беженцев» с 1 апреля 1916 г.⁹⁵ При этом на их обеспечение теплой одеждой и обувью, нужда в которых являлась серьезным препятствием «для предстоящего выхода на работы», правительство в течение января — марта 1916 г. израсходовало около 11 млн руб.⁹⁶

По сведениям, предоставленным губернаторами, к 1 апреля 1916 г. в 17 губерниях Европейской России на сельскохозяйственных

⁹¹ См.: РГИА. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 34. Л. 1–1 об.

⁹² См.: О восполнении убыли рабочих рук в сельском хозяйстве // Известия Министерства земледелия. 1916. № 12. С. 267; Привлечение беженцев к сельскохозяйственному труду // Там же. 1916. № 18. С. 402–403.

⁹³ См.: РГИА. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 31. Л. 20.

⁹⁴ См.: Руководящие положения по устройству беженцев. С. 9, 11.

⁹⁵ См.: РГИА. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 34. Л. 2 об.–3; Труд беженцев // Вестник Всероссийского общества попечения о беженцах. 1916. № 19. С. 10.

⁹⁶ См.: РГИА. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 34. Л. 4.

Таблица 8

Участие беженцев в сельскохозяйственных работах,
по состоянию на 1 апреля 1916 г., чел.*

Губерния (область)	Количество беженцев	
	привлеченных к сельскохозяйственным работам	отказавшихся от сельскохозяйственных работ и лишенных пайка
Астраханская	1 003	451
Бессарабская	565	—
Волынская	22 530	8
Воронежская	406	95
Донская область	1 202	—
Екатеринославская	2 349	353
Курская	4 290	194
Могилевская	680	—
Орловская	719	—
Подольская	2 428	436
Псковская	244	—
Смоленская	766	975
Таврическая	1 139	1 139
Тульская	293	—
Уфимская	156	—
Харьковская	458	—
Херсонская	13 478	800
Всего	52 706	4 451

* Источник: Привлечение беженцев к сельскохозяйственному труду // Известия Министерства земледелия. 1916. № 18. С. 403.

работах было занято 52,7 тыс. беженцев. Случаи уклонения от работ были зафиксированы в 9 губерниях, в результате чего с пайков были сняты 4,4 тыс. чел., или 8,3 % от общего числа работавших (см. табл. 8). Здесь важно отметить, что лишение пайков, узаконенное на общегосударственном уровне весной 1916 г., как средство воздействия на беженцев в той или иной степени использовалось на местах и до того. Так, летом — осенью 1915 г. Псковское отделение Татьянинского комитета, занимаясь трудоустройством сельскохозяйственных рабочих-беженцев из Прибалтийских губерний, столкнулось с тем, что они «не всегда охотно» соглашались на работу, поскольку считали предлагаемую за нее оплату в 1,2–1,5 рубля в день недостаточной. В ответ на это отделение объявило, что

«беженцы, способные к труду и не пожелавшие принять предложенную им за такую плату работу, лишаются предоставленного им помещения и выдачи бесплатных обедов»⁹⁷. Собрание по устройству беженцев Калужской губернии 12 декабря 1915 г., следуя опыту Пскова, также приняло решение лишать пайка беженцев с семьями в случае их отказа от работы⁹⁸.

Циркулярные указания МВД и «Руководящие положения...» сделали такую практику общим правилом. С установлением же «твердых цен» на беженский труд, при том что МВД считало это «безусловно нежелательным»⁹⁹, градус принудительности труда беженцев повысился еще более. Связано это было с тем, что эти твердые расценки сплошь и рядом были значительно ниже среднего уровня заработной платы в той или иной местности¹⁰⁰. В Тамбовской губернии Лебедянский уездный комитет, к примеру, установил следующие почасовые нормы оплаты труда беженцев: женщинам — 0,3 рубля, мужчинам — 0,6 рубля. После вмешательства губернатора комитет увеличил расценки до 0,4 и 0,8 рубля соответственно. Но и они были ниже той заработной платы, которая установилась в уезде для сельскохозяйственных рабочих в 1915 г. — 0,96 и 1,78 рубля соответственно, когда труд вообще стоил много дешевле¹⁰¹. Анализируя ситуацию с заработками сельскохозяйственных рабочих в 1916 г., В.П. Милютин заключил, что в ситуации с зарплатой беженцев «как об общеизвестном факте мы можем сказать, что она ... значительно ниже, чем заработная плата вольнонаемных рабочих»¹⁰².

Навести хотя бы маломальский порядок в использовании труда беженцев на сельскохозяйственных работах попыталось собрание представителей различных общественных организаций, прошедшее весной 1916 г. в Минске. Оно, посвященное грядущему полевому

⁹⁷ Полянский Н.Н. Указ. соч. С. 72.

⁹⁸ См.: Из печати // Вестник Всероссийского общества попечения о беженцах. 1916. № 8–9. С. 13. См. также: К сельскохозяйственной кампании в Самарской губернии и Оренбургском уезде. Доклад инструктора Всероссийского бюро труда О.А. Квиткина // Известия Главного комитета Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам. 1916. № 40. С. 121–122.

⁹⁹ См.: РГИА. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 34. Л. 3 об.

¹⁰⁰ См.: Труд беженцев // Вестник Всероссийского общества попечения о беженцах. 1916. № 19. С. 10.

¹⁰¹ См.: Огановский Н.П. Положение труда в сельском хозяйстве в 1916 г. // Известия Главного комитета Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам. 1916. № 52–53. С. 69–70.

¹⁰² Милютин В.П. Указ. соч. С. 124.

сезону, высказалось за прекращение найма беженцев в этот период на окопные и лесные работы, а также предложило ограничить рабочий день беженцев 10 часами. Согласно резолюции совещания, наниматели должны были предоставлять им «помещение, солому на постель, дрова, кухарку и продовольствие» (2 пуд. муки, 25 фунт. крупы, 6 фунт. сала, 4 фунт. соли, 1½ пуд. картофеля в месяц и ежедневно кварту молока). Месячная заработная плата на весь период сельскохозяйственных работ устанавливалась в размере 13 рублей для мужчин и 9 рублей для женщин, оплата труда подростков осуществлялась по соглашению. Поденная плата с 1 апреля по 1 июля должна была составлять для мужчин — 75 копеек, женщинам — 50 копеек, с 1 июля по 1 сентября — 1 рубль и 65 копеек, с 1 сентября по 1 ноября — 70 и 40 копеек соответственно¹⁰³. Однако того, что эти цифры станут ориентирами для сельских хозяев, никто беженцам гарантировать не мог.

Очевидно, таким образом, что условия использования беженцев на работах в деревне слабо соответствовали заявлениям министров о «выгодно оплачиваемом сельскохозяйственном труде». Но принуждением к труду, причем к труду, скудно оплачиваемому, дискриминирующие меры в отношении беженцев не исчерпывались. Они также нашли свое продолжение в выселении беженцев из городов. Так, весной 1916 г. вологодский губернатор предложил управам и организациям губернии в недельный срок «выселить из городов в сельские местности всех беженцев, пригодных, хотя бы сколько-нибудь, к сельскохозяйственному труду, широко используя их к сельскохозяйственным работам...»¹⁰⁴ Этот пример оказался заразительным, будучи тут же повторен в Тульской и Пермской губерниях, а затем в Ростове-на-Дону, Нахичевани, Саратове, Житомире, Ярославле, Пензе, Минске и других городах¹⁰⁵. Размышляя о необходимости «разгрузки» Иркутска, представитель местного комитета Союза городов, следуя их опыту, призывал «ставить этот вопрос ребром и решать его только в одном направлении: все, что возмож-

¹⁰³ Беженцы на сел.-хоз. работах // Вестник Всероссийского общества попечения о беженцах. 1916. № 16–17. С. 15.

¹⁰⁴ Принудительный труд беженцев на сельскохозяйственных работах // Известия Всероссийского союза городов. 1916. № 31–32. С. 275.

¹⁰⁵ См.: ГАШ. Ф. 492. Оп. 1. Д. 3140. Л. 64; Выселение беженцев из городов в уезды на жительство и на сельскохозяйственные работы по всей Империи // Известия Всероссийского союза городов. 1916. № 34. С. 298; Огановский Н.П. Положение труда в сельском хозяйстве в 1916 г. С. 70.

но, должно быть выселено в деревни»¹⁰⁶. Источники свидетельствуют, что заколебался в этой ситуации, пожалуй, только Томск. В июне 1916 г. газета «Сибирская жизнь» сообщала оттуда, что

«на почве выселения беженцев в уезд на сельскохозяйственные работы в городе между беженцами и учреждениями, ведающими ими, происходят недоразумения, — порою печальные. С одной стороны, имеется распоряжение администрации о неукоснительном выселении беженцев на полевые работы, с другой, — почти все беженцы, по тем или другим соображениям, не находят для себя возможным переселение в деревни. В виду предписания лишать беженцев пайков, Городской комитет выносил соответствующие постановления, но в жизнь они обычно не проводились, так как нельзя было оставить нуждающихся без хлеба. Так, в настоящее время Городской комитет выдает пайки целому ряду беженцев, давно намеченных к отправке в деревни. В случае, если администрация не примет подобные расходы, городу придется, быть может, уплатить их из своих средств. Ни к каким насильственным мерам выселения беженцев Городской комитет, по своим постановлениям, не прибегал, докладывая Губернскому комитету, что брать на себя ответственность за подобные меры, он, Комитет, не находит возможным»¹⁰⁷.

Насколько долго Томскому городскому комитету по устройству беженцев удалось оставаться при своем мнении, остается неизвестным. Ясно, однако, что нежелание беженцев покидать города имело под собой серьезные основания, которые в июне 1916 г. в красках описала газета «Сибирь»:

«...Жизнь беженцев, выезжавших в первую очередь в сельские местности, далеко не везде благополучна. Возлагавшиеся надежды на заработки в деревнях не оправдались. Заработная плата оказалась низкой, а спрос на рабочие руки невелик, что объясняется уменьшением площади посевов, а также тем, что в крестьянском хозяйстве ушедших мужчин заменила женщина. Кроме того, продовольствие беженцев встречает затруднения, так как в селах не имеется некоторых необходимых продуктов, как например, картофеля и т.п. Медицинская помощь отсутствует. Беженцы, привыкшие во всех нуждах обращаться за помощью к общественным организациям в лице Иркутского Комитета Союза Городов, оказались в селах в этом отношении в самом

¹⁰⁶ Федоров П.И. Из пятимесячных итогов помощи беженцам в Иркутске // Известия Всероссийского союза городов. 1916. № 31–32. С. 263–264.

¹⁰⁷ Цит. по: Выселение беженцев из городов в уезды на жительство и на сельскохозяйственные работы по всей Империи. С. 299–300.

беспомощном положении. Местные попечительства зачастую не берутся разрешать самых обиходных вопросов жизни беженцев. Единственная инстанция для разрешения всех таких вопросов имеется в лице крест[ьянского] начальника и подрайонных. Но к этим лицам беженцы должны обращаться либо письменно, либо лично, а не через третьих лиц, что, разумеется, сплошь и рядом для них недоступно. Толкование правил 2 марта слишком буквально, и поэтому нередко применение их не только нарушает интересы беженцев, но и ставит их в тяжелое положение. Благодаря всему указанному, переселение в деревню пугает беженцев и представляется их воображению чем-то вроде ссылки. Как непосредственный результат этой боязни явилось то, что эвакуация беженцев ... почти совсем прекратилась... При таких условиях, как мы слышали, Иркутский Комитет Союза Городов не находит более возможным настаивать на переезде беженцев в сельские местности»¹⁰⁸.

Вышеописанные манипуляции, призванные максимизировать массу беженского труда в деревне, сопровождались еще и громкой кампанией по созданию сельскохозяйственных артелей из беженцев. Призывая оказывать таким объединениям «особливую посредническую помощь»¹⁰⁹, власти, очевидно, полагались на то, что развитие артельных основ беженского трудоустройства будет способствовать более эффективному распоряжению рабочими руками в деревне. Надежду на это зародили первые опыты использования беженских артелей фронтовыми уполномоченными по устройству беженцев, а точнее — беженских дружин, созданных в марте 1916 г. при участии земского деятеля Н.М. Кислякова в районе деятельности «Северопомощи».

Целью беженских дружин «Северопомощи» являлась обработка полей и заготовка кормов на сельскохозяйственных площадях, находившихся в ближайшем тылу. Каждая дружина, работавшая в определенном районе под обязательным руководством агронома, снабжалась необходимыми орудиями труда и действовала в определенном районе. В состав дружины, разбивавшейся на 5 отрядов, входило 50 чел., которым предоставляли 100 лошадей, 50 конных плугов, 50 телег и 25 пружинных борон. В случае сенокоса состав дружины менялся, к ней добавляли 50 женщин и 50 учащихся, преимущественно сельскохозяйственных учебных заведений. Каждая дружина при этом снабжалась 25 косилками и 50 конными граблями.

¹⁰⁸ Цит. по: Выселение беженцев из городов в уезды на жительство и на сельскохозяйственные работы по всей Империи. С. 298–299.

¹⁰⁹ См.: РГИА. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 31. Л. 2.

Во второй половине марта — апреле 1916 г. к работе приступило 25 рабочих дружин «Северопомощи». Наибольшее количество дружин, 12, было занято сельскохозяйственным трудом в Витебской губернии. Кроме того, дружины обрабатывали поля и заготавливали сено в Могилевской (4 дружины), Минской (3), в Ковенской (2) и Виленской губерниях (4). В Витебской губернии дружины обработали 76 имений общей площадью 1,6 тыс. десятин, в Могилевской — 17 имений (991 десятина), в Минской — 8 (400 десятин), в Ковенской — 12 (403 десятины), в Виленской — 15 (350 десятин). Всего, согласно данным Министерства земледелия, к 15 июня 1916 г. дружинами было обработано 128 имений общей площадью 3,8 тыс. десятин¹¹⁰. К осени площадь обработанных дружинами участков земли превысила 5,4 тыс. десятин. В составе дружин работало 926 взрослых беженцев и 208 подростков, и, по отзывам «местных людей», беженские дружины «исполнили труд свой добросовестно и безукоризненно»¹¹¹. Приступая к их повторной организации в полевой сезон 1917 г., уполномоченные «Северопомощи» также отмечали «огромную пользу беженских сельскохозяйственных дружин в борьбе с недосевом летом прошлого года»¹¹².

Инициативу по созданию артелей в полном соответствии с указаниями МВД подхватили национальные организации, земские и городские управы, а также прочие учреждения и лица, имевшие отношение к делу помощи беженцам. Уполномоченный Центрального обывательского комитета губерний Царства Польского в Рязанской губернии, в частности, предложил организовать рабочие партии из беженцев-поляков в 150 и более человек с семьями, из которых не менее 30 чел. обязательно должны были быть работоспособными (кроме детей и семейных женщин, привлекавшихся к поленным работы в исключительных случаях). Предполагалось, что партию будет возглавлять особый проводник, который одновременно может служить приказчиком у владельца хозяйства, в котором будет работать партия. Обязательными условиями работы партии при этом назывались: 1) наличие в имении жилых помещений для всех рабочих; 2) наличие помещения для устройства школы или приюта для детей — «зал в 60–80 квадр. аршин и малая жилая комната для наставницы» (расходы по содержанию приюта покрывались за счет

¹¹⁰ См.: Сельскохозяйственные дружины. «Северопомощь» // Жизнь беженцев. 1916. 16 окт. С. 7.

¹¹¹ Слова и цифры // Жизнь беженцев. 1916. 10 сент. С. 6.

¹¹² Борьба с недосевом // Вестник Всероссийского общества попечения о беженцах. 1917. № 49–50. С. 11.

Комитета); 3) предоставление работоспособным рабочим месячного жалования с прибавкой натурой зерна и других продуктов. Более того, при необходимости Комитет выразил готовность всецело принять на себя управление теми или иными имениями на время продолжения войны¹¹³. Остается, правда, открытым вопрос, было востребовано такое предложение или нет. Зато известно, что беженские артели, сформированные другой национальной организацией, Центральным комитетом литовского общества по оказанию помощи пострадавшим от войны, использовались на сельскохозяйственных работах в Киевской и Пермской губерниях¹¹⁴.

Представители духовенства также включились в создание беженских артелей. Так, дьяконом П. Измайловым для полевых работ в Шадринском уезде Пермской губернии в августе 1916 г. была сформирована дружина из 50 беженцев, работавшая на следующих условиях:

- «1. На всех сельских работах содержание должно быть от хозяина.
2. Доставка дружины на места работ также лежит на обязанности хозяина.
3. За уборку одной десятины хлеба без вывозки дружина получает местными нормальными ценами.
4. Другие сельские работы, как например, молотьба, уборка картофеля, возка хлеба и т.п. производятся дружиной по цене, установленной по обоюдному согласию с хозяином»¹¹⁵.

В Симбирской губернии местное духовенство не просто поучаствовало в создании беженских дружин, но и решило снабдить их «серпами, косами, жатвеницами, топорами, пилами и даже, если позволят средства, — живым инвентарем — лошадьми с телегами и необходимой сбруей», после чего «благодарные беженцы, получившие бесплатно необходимые им орудия полевых работ, заявили священнику, что они охотно из своего заработка возвратят стоимость этих орудий»¹¹⁶.

¹¹³ См.: Труд беженцев // Известия Главного комитета Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам. 1916. № 37–38. С. 267–268.

¹¹⁴ См.: Рабочие дружины из беженцев // Вестник Всероссийского общества попечения о беженцах. 1916. № 16–17. С. 14; Трудовые дружины из беженцев-литовцев // Пермская земская неделя. 1916. 15 мая.

¹¹⁵ ГАШ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 3132. Л. 84.

¹¹⁶ Беженцы по селам Алатырского уезда (Из путевых впечатлений прошлого лета по При-сурью) // Симбирские епархиальные ведомости. 1916. № 21. С. 561; Беженцы по селам Алатырского уезда (Из путевых впечатлений прошлого лета по При-сурью) // Там же. 1917. № 7. С. 147.

По сообщениям региональной и местной прессы, вербовка беженских дружин отмечалась повсеместно: в Иркутске, Нижнем Новгороде, Ростове-на-Дону, Смоленске, Одессе, Саратове, Екатеринославе, Тамбове и т.д.¹¹⁷ Кампания приобрела такой размах, что в некоторых местностях приняла тотальный характер: в июне 1916 г. из Псковской губернии, к примеру, поступило предложение о прекращении всех школьных занятий для детей-беженцев и создании из их числа специальных сельскохозяйственных дружин для оказания содействия населению в уборке урожая¹¹⁸.

Между тем, использование беженцев в аграрном секторе экономики могло осуществляться не только на условиях найма. Его альтернативой стало размещение беженцев на землях, реквизируемых у немцев-колонистов, а также на свободных землях за Уралом. Первая часть этой альтернативы была реализована, к примеру, на территории Волынской губернии. МВД предоставило здесь беженцам почти все свободные сельскохозяйственные площади в размере 90 тыс. десятин, 60 тыс. из которых составляли пахотные земли. Выделение таких земель осуществлялось, однако, на возмездной основе. Беженцы обязывались отдать государству 1/3 урожая, полученного с пахотных земель, и 1/2 урожая трав. Кроме того, беженцы должны были вернуть из полученного урожая еще и семена, которые им были ранее предоставлены. Сельскохозяйственный инвентарь беженцам был выдан через главноуполномоченного Юго-Западного фронта. «Югобеженцем» же был предоставлен рабочий скот, за которой беженцы обязывались заплатить по 5 % от стоимости каждого животного. За уборку урожая озимых, оставленного на полях немцами-колонистами, беженцы получали его пятую часть¹¹⁹. В результате к началу июня 1916 г. посевная кампания здесь была вполне успешно завершена: из 60 тыс. десятин пахотной земли «необсеменной» осталась лишь «самая незначительная часть», около 2 тыс. десятин, которые и ранее обычно не засеивались¹²⁰. Современники при этом напрямую указывали, что если бы не беженцы и не «своевременная

¹¹⁷ См.: Огановский Н.П. Положение труда в сельском хозяйстве в 1916 г. С. 70–71.

¹¹⁸ См.: Васильев М.В. Беженцы Первой мировой войны и Псковская губерния // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. 2014. № 40. С. 174.

¹¹⁹ См.: Устройство беженцев в Волыни // Вестник Всероссийского общества попечения о беженцах. 1916. № 24–25. С. 14.

¹²⁰ См.: Обсеменение секвестрованных земель в Волынской губернии // Югобеженец. 1916. 4 июня. С. 1.

Таблица 9

Сведения о привлечении беженцев к сельскохозяйственным работам в уездах Тобольской губернии, по состоянию на 1 июня 1916 г., чел.*

Уезд	Состояло на 1 апреля			Поступило в апреле			Поступило в мае			Уклонилось от работ			Состояло на 1 июня		
	Мужчин	Женщин	Подростков	Мужчин	Женщин	Подростков	Мужчин	Женщин	Подростков	Мужчин	Женщин	Подростков	Мужчин	Женщин	Подростков
Туринский	—	—	—	16	13	6	16	12	6	—	—	—	32	25	12
Тюкалинский	—	—	—	190	60	45	113	176	60	49	52	28	254	184	77
Ишимский	24	14	8	12	6	8	139	224	99	49	68	18	126	176	97
Ялуторовский	—	—	—	121	160	—	—	—	—	42	109	—	79	51	—
Тюменский	—	—	—	58	29	34	42	59	22	7	28	4	93	60	52
Курганский	—	—	—	275	135	130	660	171	131	27	27	8	908	279	253
Тарский	—	—	—	—	—	—	129	181	59	—	—	—	129	181	59
Тобольский	—	—	—	—	—	—	7	8	—	—	—	—	7	8	—
Всего	24	14	8	672	403	223	1 106	831	377	174	284	58	1 628	964	550

* Источник: Государственный архив в г. Тобольске (ГАТ). Ф. 335. Оп. 1. Д. 1750. Л. 58.

и правильная» организация их труда, то «вся огромная и плодородная площадь Волины осталась бы неиспользованной»¹²¹.

В сибирских губерниях, где земские органы управления были созданы лишь в 1917 г., контроль за привлечением беженцев к сельскохозяйственным работам осуществляли съезды крестьянских начальников. Согласно собранным ими сведениям, только в Тобольской губернии к 1 июня 1916 г. в деревне было занято 3,1 тыс. беженцев, а 516 чел. подлежали снятию с пайка как уклонившиеся от работ (см. табл. 9). При этом сама практика «приспособления» беженцев к сельскохозяйственным работам здесь отличалась от других регионов. Отличие состояло в том, что на территории Сибири беженцы при желании могли получить земельные участки от Переселенческого управления, которое, имея разветвленную инфраструктуру в восточных регионах страны, активно участвовало в деле помощи беженцам. Больше того, согласно разъяснению Министерства финансов, «беженцы, водворяемые на переселенческих участках, как ушедшие с родины вследствие нашествия неприятеля, иногда даже и по распоряжению военных властей» приравнивались к переселенцам и имели право на все льготы,

¹²¹ Слова и цифры. С. 6.

которые были установлены правилами переселения, кроме льготы по воинской повинности¹²². Как и всем переселенцам, беженцам полагалась прежде всего ссудная помощь, которая оказывалась переселенцам в зависимости от трудности освоения того или иного района¹²³. Так, беженцы, решившие поселиться на участках Забайкальского переселенческого района, могли рассчитывать на домообзаводственную ссуду в размере от 250 (в степных местах) до 400 рублей (в таежных и лесостепных местах). Ссуда выдавалась двумя равными частями: первая часть при поселении на участке, вторая — после обзаведения домом и начала организации собственного хозяйства¹²⁴.

Источники, однако, засвидетельствовали, что правом на получение земли за Уралом воспользовались очень немногие беженцы¹²⁵. Из примерно 170 тыс. человек, прошедших в 1915 г. через Челябинский переселенческий пункт, только 113 семьям в составе 653 чел. были выданы ходаческие свидетельства для получения земли в Сибири (см. табл. 10). При этом, что примечательно, речь шла преимущественно об уроженцах тех губерний, откуда переселение происходило и до войны. Среди уроженцев губерний, население которых ранее не участвовало в переселенческом движении, правом получить участок в Сибири воспользовалась лишь одна семья из Петроковской губернии Царства Польского. Объяснялось это тем, что беженцы, не претендуя на новые участки, устраивались у своих родственников, переселившихся за Урал в мирное время¹²⁶. Тем самым беженцы фактически заявляли о своем нежелании закрепляться на отдаленных территориях, надеясь на скорое возвращение домой.

Очевидно, по этой же причине поддержки со стороны беженцев не встретила и попытка занять их огородничеством. В первой половине февраля 1916 г. с такой инициативой выступила хозяйственная комиссия Томского городского комитета помощи беженцам, исходя из перспективы «разделения между желающими семействами отдельных участков, приблизительно в полдесятины, и снабжения их семенами и орудиями для огородничества, оставляя за исключением

¹²² См.: ГАТО. Ф. И-8. Оп. 1. Д. 13. Л. 13.

¹²³ См.: Переселение и землеустройство за Уралом в 1915 г. (отчет о работах Переселенческого управления в 1915 г.). Пг., 1916. С. 36.

¹²⁴ См.: Переселенческие участки для беженцев в Забайкальской области // Вестник Всероссийского общества попечения о беженцах. 1916. № 11. С. 12.

¹²⁵ См.: Старков П.С. Переселение в Сибирь за время империалистической войны и революции (1914–1925 гг.) // К вопросу о колонизации Сибири: Сб. статей под ред. В. Лаврова. Новосибирск, 1926. С. 32

¹²⁶ См.: ГАТ. Ф. 580. Оп. 1. Д. 1026. Л. 24 об., 26.

Таблица 10

Сведения о количестве ходаческих свидетельств,
выданных на Челябинском переселенческом пункте
для переселения в Сибирь, 1915 г.*

Губернии выбытия беженцев	Количество ходаческих свидетельств	Состав семей		
		Мужчин	Женщин	Всего
Гродненская	42	128	143	271
Курляндская	18	39	32	71
Холмская	15	49	39	88
Виленская	13	50	51	101
Минская	7	19	20	39
Ковенская	6	13	13	26
Волынская	4	13	14	27
Витебская	4	8	9	17
Лифляндская	2	5	3	8
Петроковская	1	1	1	2
Бессарабская	1	1	2	3
Всего	113	326	327	653

* Источник: Переселение и землеустройство за Уралом в 1915 г. (отчет о работах Переселенческого управления в 1915 г.). Пг., 1916. С. 14.

расходов по предприятию всю прибыль за самими семьями»¹²⁷. Комитет уже начал было поиски подходящей земли для огородов¹²⁸, когда выяснилось, что большинство опрошенных безработных беженцев, проживавших в городе, в ожидании возвращения на родину предпочитали работу по найму¹²⁹. Конец обсуждению этого вопроса был положен утверждением «Руководящих положений» и последовавшим вслед за этим в середине марта 1916 г. постановлением губернского комитета, который требовал не только «привлечь для пополнения рабочих сил в предстоящую сельскохозяйственную кампанию всех осевших в деревнях работоспособных беженцев», но и «выселить в села всех способных к полевым работам беженцев, осевших в городах губернии»¹³⁰.

Следует подчеркнуть, что в целом ряде местностей беженцев не просто выдавали за пределы городов. Им также запретили выезд за

¹²⁷ Огороды для беженцев // Алтайское дело. 1916. 13 февр.

¹²⁸ См.: Земля для огородничества // Алтайское дело. 1916. 24 февр.

¹²⁹ См.: К устройству огородов // Алтайское дело. 1916. 27 февр.

¹³⁰ По Сибири. Томск // Алтайское дело. 1916. 16 марта.

пределы губерний и отказали в выдаче паспортов и проездных свидетельств (Саратов, Кинешма, Тула, Полтава и др.)¹³¹.

Помимо экономического и административного давления, в ход также были пущены механизмы публичного осуждения беженцев, не пожелавших выйти в поле и тем самым якобы злоупотребивших оказанным им в тылу гостеприимством. Но риторика такого плана появилась в публичном пространстве России не сразу, будучи предвосхищена обсуждением в печати тех благ, которые «высококультурные» выходцы из западных губерний принесли или могли принести в села принимающих регионов. Автор одной из характерных публикаций на эту тему, описывая жизнь крестьян Холмской губернии в рязанских уездах, в частности, писал:

«В примитивную рязанскую деревню влился новый быт.

Роскошь, — характеризовал его батюшка. Но, конечно, это совсем не роскошь.

Беженцы требуют машин. Пока хотя бы простейших. Нужна соломорезка.

— Что мне топором рубить солому для коней, як они тутечка роблят? — раздраженно говорит холмич. — Так сам целый день попусту провозишься, а с соломорезкой и хлопчик в два часа управится.

Но соломорезки не достать в Скопинском уезде ни за какие деньги...

— Мы сохой пахать не умеем, — заявляют они. — Нам треба дати плуга. Тогда мы им покажем, як с землей управляться!

Эти бодрые хозяйственные речи удивительным образом действуют на местных крестьян.

— Н-да, энто настоящие мужики! — покручивал головой местный дед... — С энтими не пропадешь! Они уму-разуму научат!

Рязанский быт решительно и без сопротивления отступает перед нахлынувшими новыми формами хозяйства.

Заметьте: не беженцы приспособляются к местным формам, а рязанский быт отступает перед новой культурой».

Резюмируя, автор выражал надежду, что «быть может, все к лучшему в этом сомнительного качестве мире. Быть может, от близкого соприкосновения под пушечный грохот двух “культур”: рязанской и холмской, родится, наконец, та настоящая культура, при которой в Скопинском уезде появятся не только соломорезки и плуги, но пар и электричество, школы и театры...»¹³²

¹³¹ См.: Труд беженцев // Вестник Всероссийского общества попечения о беженцах. 1916. № 19. С. 10.

¹³² Homo longus Две культуры // Беженец. 1915. 6 декабря. С. 6–7.

На то, что беженство может принести «нашему народу и свою долю пользы», указывал другой современник, приводя наблюдения «сельского хозяина», который, встретив на Северном фронте беженца-латыша Лепу, предложил ему приют в своем доме в селе Богатырь Мариупольского уезда Екатеринославской губернии. Лепа, «рядовой хлебороб-крестьянин» из Курляндии, принял приглашение и вместе с женой, дочерью, негодным к военной службе сыном и «жалкими остатками сбережения» приехал в село, где буквально с первого дня как он сам, так и члены его семьи начали удивлять своего хозяина и его соседей:

«Моих односельчан поразило их невиданное трудолюбие. Запущенный сад был вскоре приведен в неузнаваемый вид. Местные плуги и бороны были усовершенствованы северным гостем. Несколько лиц испробовали на практике усовершенствования Лепы и, оставшись довольными, последовали охотно его примеру. Из растущей бесполезно лозы были сплетены корзиночные изделия. Беженцы привезли с собою сепаратор; очень многие сельчане приходили любоваться этой “диковиной”. Женщины плели чулки, перчатки и проч[ее] и притом оказались превосходными ткачихами и мастерицами по рукоделию. Семей Лепа была доставлена с собой шерсть курляндских овец, которая вызвала восторг у моих односельчан, — “это не шерсть, а шелк” — писали мне и просили приобрести овец с такой шерстью, не считаясь с ценой»¹³³.

Знакомство с передовыми приемами агротехники происходило и на Урале. Беженцы с Люблинщины, оказавшиеся в далеком северном селе Искор Чердынского уезда Пермской губернии, обнаружили, что местные жители при выращивании картофеля не окучивали его, а потому получали низкий урожай. И именно от беженцев «впервые искорские граждане увидели, как нужно окучивать картошку»¹³⁴.

Факт того, что беженское движение несло с собой «нечто новое» для тылового российского «захолустья», зафиксировали также «Симбирские епархиальные ведомости»:

«Прибывшие беженцы, как они ни бедны, указали местному населению, что в порядке и строе его жизни много не достает, что можно

¹³³ Мы и латыши // Вестник Всероссийского общества попечения о беженцах. 1916. № 30–31. С. 11–12.

¹³⁴ Чагин Г.Н. Беженцы Первой мировой войны в Чердынском крае: история переселения, обустройство на новом месте, дальнейшие судьбы // Вестник Пермского университета. История. 2010. № 1 (13). С. 57.

бы много лучше жить, что можно бы много продуктивнее работать. Вот эти самые полуголодные беженцы говорят крестьянам, что они — беженцы — не могут так работать как работают здесь. Можно работать и легче, и производительнее. Говорят, что у местных крестьян не достаёт многого. Во многих селах полное отсутствие даже необходимых, как например, кузница, учреждений общественного пользования. А это ясно говорит об отсутствии всякой общественной сельской крестьянской организации»¹³⁵.

Как предполагал анонимный автор «Вестника Всероссийского общества попечения о беженцах», временное сожительство «разноплеменных народов», до того не знавших друг друга, позволило им не только познакомиться, но и «замечать присущие каждому достоинства и недостатки, оценить все это, и при дальнейшей жизни, воспользовавшись добрыми культурными приобретениями своих сограждан, проводить благотельные позаимствования в свою жизнь»¹³⁶. Однако по словам П. Гетрелла, подобные оптимистичные надежды на «экономические и культурные улучшения» оказались во многом преждевременными и нереалистичными¹³⁷. Таковыми их сделало, очевидно, то, что сама цель отправки беженцев в деревню не располагала к названным выше улучшениям, сводясь к сиюминутному решению сиюминутных же проблем. Когда же выяснилось, что беженцы никаких проблем не решили, рассказы об их «ленивом поведении» буквально наводнили российские СМИ.

При этом обвинения беженцев в лености не просто часто встречались в отзывах современников. Они, как правило, тут же перерастали в выводы о необходимости принуждения беженцев к труду и тем самым оправдывали тактику правительства. Так, весной 1916 г. один из участников губернского земского совещания в Казани, землевладелец Н.В. Кубашев, констатировал:

«У меня в экономии работало 7 чел. беженцев, получающие каждый при готовом содержании по 10 руб. в месяц. Как только они узнали, что им паяк будут выдавать, независимо от того будут они работать

¹³⁵ Беженцы по селам Алатырского уезда (Из путевых впечатлений прошлого лета по При-сурью). Село Студенец, Алатырского уезда // Симбирские епархиальные ведомости. 1916. № 22. С. 572–573.

¹³⁶ К возвращению беженцев // Вестник Всероссийского общества попечения о беженцах. 1916. № 26–27. С. 8.

¹³⁷ См.: Gatrell P. A Whole Empire Walking: Refugees in Russia during World War I. Bloomington; Indianapolis, 1999. P. 133.

или нет, они сейчас же бросили работу. Поэтому следует принять меры к побуждению беженцев стать на работы»¹³⁸.

Близкую точку зрения высказывал другой участник совещания Д.В. Пенинский:

«Я окружен беженцами-белоруссами. По личным наблюдениям и по отзывам лиц, хорошо знающих белорусов, я пришел к убеждению, что они страшные лодыри и, обеспеченные продовольственным пайком от казны, едва ли станут добровольно работать. Заставить их работать может только такая мера, как лишение пайка нежелающих ехать на работы»¹³⁹.

Противоречиво отзывались о беженцах и многие крестьяне. Так, житель села Бессоновка Пензенской губернии удивлялся, что из «осевших» здесь 1,8 тыс. беженцев никто «не идет на полевые работы», и призывал лиц, ведавших устройством беженцев, «обратить внимание на это печальное явление»¹⁴⁰. Совершивший летом 1916 г. поездку по селам Алатырского уезда Симбирской губернии священнослужитель со слов местных жителей также зафиксировал, что многие из почти 400 беженцев, «осевших» в селе Чеберчино, оказались «в высшей степени неблагодарными»:

«Пришла весна. Началась весенние полевые работы. Почувствовался на местах крестьянами недостаток в рабочих руках. Население обратилось к беженцам. Но последние отнеслись к этому общему горю с возмутительным безучастием. Одни, оказавшиеся более или менее материально-состоятельными, совершенно отказались стать на какие бы то ни было работы. Они мотивировали свой отказ тем, что у местных поселян способы и орудия обработки слишком примитивны и они работать в таких условиях не могут. Многие же отказывались от работы [отому] ч[то] предпочитали нищенствовать. С этой целью они для большего успеха отправлялись в соседние села и деревни и с великими словами “Христа ради” злоупотребляли добротой и отзывчивостью на горе людское нашего великодушного великоросса. И только немногие работали. Но и эти при расчетах часто заводили и делали скандалы на почве недовольства договоренной платой»¹⁴¹.

¹³⁸ О труде беженцев на сельскохозяйственных работах // Земская неделя. Бесплатное приложение к журн. «Земская неделя». Издание Казанского губернского земства. 1916. № 13 (31 марта). С. 6.

¹³⁹ Там же.

¹⁴⁰ Крестьянин. О беженцах. Село Бессоновка Пензенской губернии // Вестник Пензенского земства. 1916. № 18–19 (17 мая). С. 254.

¹⁴¹ Беженцы по селам Алатырского уезда (Из путевых впечатлений прошлого лета по Присурью) // Симбирские епархиальные ведомости. 1917. № 5. С. 90–91.

В отличие от Поволжья, в Сибири все было не так однозначно. Так, например, Ялуторовский съезд крестьянских начальников отозвался о беженцах исключительно положительно:

«В период главных сельскохозяйственных работ этого года: посева, покоса и уборки хлебов, а ныне молотбы беженцы работали много и вполне удовлетворительно. Из некоторых селений, как напр[имер], дер. Таловки Архангельской вол[ости], дер. Криволухкой Томиловской вол[ости], села Бигелинского, села Юргинского и др. имеются об них весьма похвальные отзывы и местное население вообще за это время было весьма признательно беженцам, оказавшимся под руками. Вместо значительно холодности, а пожалуй, и некоторой враждебности, возникшей в начале весны, теперь проявляются более теплые чувства»¹⁴².

Из других уездов Тобольской губернии, Тарского, Тюменского и Ишимского, в основном также сообщали, что «беженцы принимали участие в работах охотно»¹⁴³. В то же время Оконешниковский «комитет о беженцах» Тюкалинского уезда, докладывая об опыте трудоустройства беженцев на своей территории, в частности, отмечал:

«В начале водворения беженцев отношения их к местному населению было таково, что по их, беженцев, мнению, население обязано давать пришельцам все необходимое без всякого за то вознаграждения, хотя бы в виде участия беженцев в работах их квартиродателей. Точно также с открытием весенних полевых работ беженцы упорно не хотели становиться на сел[ьско]-хозяйств[енные] работы, считая себя почему-то непригодными для сей цели, но когда им даны были соответствующие разъяснения и принуждения, что в случае отказа от работ они могут [быть] лишены пайка, то все работоспособные беженцы, за исключением одного ... приняли участие в работах»¹⁴⁴.

Калачинский же беженский комитет Тюкалинского уезда и вовсе сетовал на то, что

«беженцы к местному населению отнеслись безразлично, а от участия в с[ельско]х[озяйственном] труде систематически уклонялись. ... Местное население сперва отнеслось к беженцам участливо, приютило их, оказывало помощь, по мере сил предоставляли им работы; когда же убедились в лености беженцев, их неработоспособности

¹⁴² ГАТ. Ф. 335. Оп. 1. Д. 1620. Л. 378 об.

¹⁴³ Там же. Л. 93 об., 115–115 об., 386.

¹⁴⁴ Там же. Д. 1750. Л. 2 об.–2а.

и недобросовестности труда, то стало их сторониться. “Нам и за полцены бегунцов не надо” — так говорят старшины¹⁴⁵.

Примерно ту же картину можно было наблюдать в районе деятельности Омского комитета Тюкалинского же уезда, где «взаимные отношения беженцев и населения холодны: беженцы смотрят на крестьян как на эксплуататоров их труда, а крестьяне на беженцев — как на ленивых и плохих работников»¹⁴⁶. В Тобольском уезде отношение беженцев к участию в сельскохозяйственных работах квалифицировалось как «преимущественно индифферентное», а в Курганском — как «неохотное», «ибо большинство беженцев лентяи и весьма трудно идут на работы»¹⁴⁷.

При этом даже там, где беженцы демонстрировали готовность трудиться, крестьян ждало другое разочарование — разочарование в производительности труда беженцев. По данным уже упомянутого Оконешниковского комитета, население «весьма охотно принимало беженцев на работы, хотя впоследствии продуктивностью этой работы мало были довольны». Жители Тюменского уезда оценивали «и притом вполне правильно, работу беженцев менее продуктивной по сравнению с трудом старожилов»¹⁴⁸. Ялуторовский и Ишимский съезды крестьянских начальников сожалели, что «беженцы оказались для здешней работы несколько слабыми сравнительно с более крепким туземным населением и кроме того, незнакомыми с работами машин»¹⁴⁹. Та же ситуация наблюдалась и в Европейской России. Так, описывая широкое использование женского труда в ходе полевого сезона 1916 г., В. Белянин из Городищенского уезда Пензенской губернии констатировал: «Наши девушки работают очень хорошо и куда лучше пленных австрийцев, да беженцев. Один крестьянин заметил: “Наша любая девка троих беженцев или австрийцев за пояс заткнет в работе”»¹⁵⁰.

Очевидно, что «встреча двух культур», о которой еще недавно восторженно писали некоторые современники, не спешила себя оправдывать. «Западная культура» совсем не помогала своим носителям адаптироваться к новым условиям жизни. Об этом, к примеру, наглядно свидетельствовал случай Шадринского уезда Пермской губернии, откуда в июне 1916 г. сообщалось:

¹⁴⁵ ГАТ. Ф. 335. Оп. 1. Д. 1750. Л. 2.

¹⁴⁶ Там же.

¹⁴⁷ Там же. Л. 88, 105.

¹⁴⁸ Там же. Л. 2а., 115 об.

¹⁴⁹ Там же. Д. 1620. Л. 378 об., 386.

¹⁵⁰ Крест[ьянин] В. Белянин. Работы на полях. Из Городищ[енского] уезда // Вестник Пензенского земства. 1916. № 25–26 (13 июля). С. 321.

«Беженцы, расселенные по 14 волостям уезда, по общему отзыву из волостей не пользуются благожелательным расположением местного населения, охотно принимающего на работу военнопленных или нанимая за дорогую плату местных рабочих, но избегая беженцев. Это является вследствие того, что беженцы из западных губерний не приспособлены к местным проблемам и условиям труда...»¹⁵¹

Что конкретно имелось в виду под этой «неприспособленностью», поспешил объяснить председатель Осиновского волостного попечительства по призрению беженцев священник Василий Миртов:

«В общем, как можно наблюдать, местные жители при сельскохозяйственных работах к труду беженцев прибегают только в крайних случаях ... и думается — это вполне естественно. Как известно, беженцы, находящиеся в ведении Осиновского Попечительства, все уроженцы Гродненской губернии, климатические и вообще жизненные условия которой существенно разнятся от условий нашей местности. Привыкнув на своей родине выполнять все сельско-хозяйственные работы постепенно, без особенного напряжения и затраты своих физических сил, в нашей местности, где сезонные полевые работы (пахота, уборка хлебов и молотба) производятся ускоренным темпом, беженцы, даже и при всем своем желании работать, не могут конкурировать с местными рабочими, как в отношении интенсивности своих сил, так и в отношении продуктивности своей работы. Видя это — местные жители и стремятся обходиться без помощи беженского труда, а это, в свою очередь, неблагоприятно отражается на материальной стороне беженцев, действуя удручающе на их психику и усиливая горечь ихнего положения»¹⁵².

Картина трудового использования беженцев в деревне, таким образом, была далека от пасторальной, как и картина трудового использования беженцев вообще. В середине же 1916 г., когда государство по причине «крайне затруднительного» состояния казначейства приступило к постепенному сокращению расходов на беженцев, она получила дополнительный импульс к тому, чтобы меняться в худшую сторону. Прежде всего этому поспособствовал циркуляр МВД и Особого совещания от 24 июня 1916 г., предписывавший снимать с продовольственного пайка 10 % от общего числа беженцев, призреваемых в сельских местностях, и 15 % — в городских поселениях¹⁵³.

¹⁵¹ ГАШ. Ф. 492. Оп. 1. Д. 3132. Л. 63 об.

¹⁵² Там же. Д. 3143. Л. 223 об.–224.

¹⁵³ См. подробнее: Циркуляр Министерства внутренних дел Главноуполномоченным, Губернаторам и Градоначальникам // Вестник Всероссийского общества попечения о беженцах. 1916. № 34–35. С. 2–3.

Далее, на заседании 1 августа 1916 г. Особое совещание утвердило новую редакцию 19-й статьи «Руководящих положений», лишив права на продовольственную и квартирную помощь беженцев, находившихся на сельскохозяйственных работах (распоряжением МВД они были сняты с пайков с 1 октября)¹⁵⁴. Кроме того, на заседании 7 сентября специальная Комиссия Особого совещания приняла решение, что «при составлении смет, начиная с четвертой четверти текущего года, во внимание при определении количества беженцев, состоящих на продовольственном и квартирном пайке, принимается лишь 50 % общего числа беженцев»¹⁵⁵. Губернаторы были предварительно извещены об этом сокращении кредитов телеграммой от 10 августа, а Особое совещание окончательно поддержало данную меру на заседании 15 сентября 1916 г.¹⁵⁶

Эти решения, безусловно, ухудшили и без того не самое легкое положение беженцев. Общественные организации, занимавшие беженцами, встретили новацию властей «единодушным протестом», указуя на то, что она противоречила содержанию закона от 30 августа 1915 г. «Об обеспечении нужд беженцев», который признавал право на помощь за каждым нуждающимся беженцем¹⁵⁷. Кроме того, ограничительные меры, принятые правительством относительно призрения беженцев, поставили общественность практически в тупик, вынуждая каким-то образом выбирать, кто из нуждающихся нуждается больше, а кто меньше. Так, по подсчетам Иркутского комитета Всероссийского союза городов, среди беженцев, находившихся на его попечении, доля нетрудоспособных лиц — то есть «абсолютно нуждающихся в государственной помощи и без нее обреченных на нищенство и голодание» — доходила до 66 %. «Кого же из этих 66 %, — вопрошал комитет, — можно было бы лишиться пайка, чтобы во исполнение циркуляра 10 августа довести число их до 50 % прежнего числа?»¹⁵⁸

¹⁵⁴ См.: РГИА. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 34. Л. 5; Доклад отдела по устройству беженцев Особому совещанию по устройству беженцев // Вестник Всероссийского общества попечения о беженцах. 1916. № 40–41. С. 3–4.

¹⁵⁵ Доклад отдела по устройству беженцев Особому совещанию по устройству беженцев. С. 4.

¹⁵⁶ См.: О сокращении беженского пайка в Сибири (Докладная записка общественных организаций Иркутскому губернскому совещанию) // Известия Всероссийского союза городов. 1916. № 36. С. 286.

¹⁵⁷ См.: Там же. С. 287; Серополко С.О. Беженский вопрос в связи с деятельностью Особого совещания по устройству беженцев // Известия Главного комитета Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам. 1917. № 54–55. С. 109–110.

¹⁵⁸ О сокращении беженского пайка в Сибири (Докладная записка общественных организаций Иркутскому губернскому совещанию). С. 288.

При «самом добросовестном желании» число снятых с пайка комитет считал возможным довести до «немногим выше 20 %», а идти дальше «значило бы совершать вопиющую несправедливость»¹⁵⁹.

Но всех больше новые правила призрения беженцев ударили по тем из них, кто находился в деревне. Можно сказать, что эти беженцы оказались просто обмануты правительством:

«Им было обещано, что по окончании сельскохозяйственных работ, паяк за ними будет сохранен. Обещание это было дано после того, как на губернском совещании о беженцах руководящие положения 2 марта были единогласно истолкованы в том смысле, что все беженцы, ставшие на сельскохозяйственные работы, сохраняют право на паяк и по окончании этих работ. Как же общественные организации могут нарушить то моральное обязательство, которое они давали беженцам, выселявшимся в деревни. Кроме того, общественные организации и по существу считают эту меру несправедливой. Беженцы, ставшие на сельскохозяйственные работы, в громадном большинстве ни на какую другую работу неспособны; в деревне же работ в октябре никаких не будет, и, следовательно, все они будут выброшены на улицу и обречены на голодное существование»¹⁶⁰.

В результате смета на 4 квартал 1916 г. в Иркутске была составлена исходя из действительного числа нуждающихся в помощи беженцев при сокращении итоговой суммы только на 15 %¹⁶¹. Губернское совещание одобрило смету, решив настаивать перед Особым совещанием на сохранении прежних объемов финансирования, а также обратиться за поддержкой к Иркутскому генерал-губернатору¹⁶².

Была ли удовлетворена эта и аналогичные ей просьбы, доподлинно неизвестно. Но зато известно, что, подводя в начале 1917 г. итоги привлечения беженцев к сельскохозяйственному труду в 1916 г., МВД сочло их в целом «весьма удовлетворительными». По сведениям из 57 губерний и областей страны по состоянию на 1 сентября — 1 октября 1916 г. всего на сельскохозяйственные работы поступило

¹⁵⁹ Доклад председателя Иркутского комитета Союза городов П.И. Федорова общему собранию Комитета 21 ноября 1916 г. // Известия Всероссийского союза городов. 1917. № 40. С. 212.

¹⁶⁰ О сокращении беженского пайка в Сибири (Докладная записка общественных организаций Иркутскому губернскому совещанию). С. 289.

¹⁶¹ См.: Там же. С. 290.

¹⁶² См.: Докладная записка, принятая Иркутским губернским по призрению беженцев совещанием на заседании 24 ноября 1916 г. при рассмотрении сметы на январь, февраль и март 1917 г. С. 220.

Таблица 11

Участие беженцев в сельскохозяйственных работах,
июль 1916 г., тыс. чел.*

Районы	Количество беженцев	
	привлеченных к сельскохозяйст- венным работам	отказавшихся от сельскохозяйственных работ и лишенных пайка
Юго-западный	33,7	1,1
Малороссия	11,1	0,5
Земледельческо-центральный	52,2	3,9
Средне-волжский	30,0	7,8
Новороссия	47,1	2,2
Нижневолжский	13,5	3,1
Всего по черноземной полосе	187,6	18,6
Прибалтийский	0,9	0,2
Белорусский	19,8	0,1
Приозерный	1,3	0,5
Московско-промышленный	8,3	2,5
Северный	0,1	0,2
Северо-восточный	8,7	0,4
Всего по нечерноземной полосе	39,1	3,9
ИТОГО по Европейской России	226,7	22,5

* Источник: Огановский Н.П. Положение труда в сельском хозяйстве в 1916 г. // Известия Главного комитета Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам. 1916. № 52–53. С. 68.

354 253 беженца¹⁶³. При этом погубернское распределение беженцев, принимавших участие в сельскохозяйственных работах, по словам Н.П. Огановского, было «чрезвычайно пестро». Как свидетельствуют данные табл. 11, к июлю 1916 г. большинство беженцев (82,8 %) работало в сельском хозяйстве черноземной полосы Европейской России, тогда как для нечерноземной полосы они оказались важны лишь в прифронтовом белорусском районе. При этом от работ уклонилось порядка 10 % от общего числа работавших.

Но даже если бы эти 10 % вышли на работы, кардинальных изменений общей картины это бы не вызвало. Картина эта характеризовалась тем, что для рынка сельскохозяйственного труда беженцы имели достаточно скромное значение. Н.П. Огановский,

¹⁶³ См.: РГИА. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 34. Л. 4 об.

Таблица 12

Участие беженцев в сельскохозяйственных работах
в 10 губерниях Европейской России, по данным Всероссийской
сельскохозяйственной переписи 1916 г., тыс. чел., %*

Тип хозяйства- наимателя	Общее количество сельскохозяйственных рабочих (своих и наемных)			В том числе количество беженцев			Доля беженцев в общем количестве сельскохозяй- ственных рабочих, %		
	Муж.	Жен.	Всего	Муж.	Жен.	Всего	Муж.	Жен.	Всего
Крестьянские хозяйства	3 183,3	5 038,8	8 222,1	32,8	37,6	70,4	1,0	0,7	0,9
Частно- владельческие хозяйства	96,9	72,2	169,1	6,4	6,0	12,4	6,6	8,3	7,3
Всего	3 280,2	5 111,0	8 391,2	39,2	43,6	82,8	1,2	0,9	1,0

* Источник: Огановский Н.П. Положение сельского хозяйства в 1916 году // Известия Главного комитета Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам. 1916. № 51. С. 60–61.

обрабатывавший материалы Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. по 10 губерниям Европейской России (Симбирской, Вологодской, Вятской, Самарской, Новгородской, Калужской, Минской, Псковской, Уфимской и Пензенской), доказал, что беженцы составляли здесь только 1 % всех сельскохозяйственных рабочих (см. табл. 12). Значение беженцев как источника рабочей силы для разных категорий хозяйств было при этом различным. В крестьянском хозяйстве, которое согласно результатам переписи к середине 1916 г. потеряло в результате мобилизаций от 1/3 до 1/2 от общего числа работников-мужчин¹⁶⁴, беженцы компенсировали менее одного процента убыли рабочих. В то же время доля беженцев в структуре рабочей силы частновладельческих хозяйств указанных 10 губерний составила 7,3 %. Данная выборка в целом корректно отражала роль беженцев в частном хозяйстве. Их удельный вес в среднем по всем губерниям Европейской России составлял 6,8 %, варьируясь в разных районах от 1,5 до 17,4 % от всех наемных работников в помещичьих имениях. В наибольшей степени труд беженцев использовался на территории белорусских губерний, в Юго-Западном крае, а также в Центрально-Черноземном районе, Поволжье и Прибалтике (см. табл. 13).

¹⁶⁴ См. подробнее: Огановский Н.П. Положение сельского хозяйства в 1916 году // Известия Главного комитета Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам. 1916. № 51. С. 58–59.

Таблица 13

Доля беженцев в наемной рабочей силе
частновладельческих хозяйств Европейской России, по данным
Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г., %*

Район	%
Центрально-земледельческий	6,7
Нижеволжский	6,9
Средне-волжский	6,7
Малороссийский	1,5
Новороссийский	4,4
Юго-Западный	7,2
Белорусский	17,4
Приуральский	3,3
Приозерный	6,5
Северный	6,8
Прибалтийский	7,0
В среднем	6,8

* Источник: Хрящева А. Крестьянское хозяйство в войне и революции // Вестник статистики. 1920. № 9–12. С. 28.

Таблица 14

Численность и состав наемной рабочей силы
у частных владельцев в 1916 г.*

Группы хозяйств по посеву (десятин)	Число хозяйств	Всего наемных рабочих и служащих (тыс. чел.)	В том числе (тыс. чел.)		% к числу наемных рабочих и служащих	
			Военно-пленных	Беженцев	Военно-пленных	Беженцев
Без посева	7 970	59,1	6,2	3,5	17,3	5,9
до 10	16 463	60,8	4,7	4,3	12,3	7,1
10–50	28 275	173,9	23,7	15,1	18,7	8,7
50–100	14 065	167,4	29,0	14,9	17,4	8,9
100–150	10 286	313,4	55,8	26,0	17,8	8,3
250–500	4 411	263,7	60,2	15,4	30,8	5,9
500–1000	2 020	210,0	55,9	11,6	33,2	5,5
1000–5000	682	197,1	55,1	7,6	36,5	3,9
свыше 5000	11	11,3	3,0	0,3	27,4	2,9
Итого	84 183	1 456,7	293,6	98,7	20,2	6,8

* Источник: Анфимов А.М. Российская деревня в годы первой мировой войны. (1914 — февраль 1917). М., 1962. С. 98.

Необходимо отметить, что использование беженцев и военнопленных в частновладельческом хозяйстве напрямую зависело от его размеров, и чем крупнее было имение, тем большую долю в структуре наемного труда составляли эти категории работников. Одной из первых на это обстоятельство обратила внимание А.И. Хрящева¹⁶⁵, а вслед за ней — А.М. Анфимов, который подтвердил, что преимущество в использовании принудительного труда принадлежало крупным посевищикам и его доля возрастала с увеличением размеров хозяйств¹⁶⁶. Вместе с тем он установил, что эта закономерность обеспечивалась главным образом за счет военнопленных, численность которых намного превышала число рабочих-беженцев. Процент же беженцев, наоборот, снижался от мелких к крупным группам частных хозяйств, достигая своего максимума — 8,9 % — в группе хозяйств с посевом 50–100 десятин (см. табл. 14).

В следующем, 1917 г., масштабы применения беженского труда в аграрном секторе не только не увеличились, но и значительно сократились. По данным Г.И. Шигалина, всего на сельскохозяйственных работах в ретроспективный период было занято 250 тыс. беженцев¹⁶⁷. Результаты новой Всероссийской сельскохозяйственной переписи свидетельствовали, что доля беженцев, работавших в крестьянском хозяйстве, упала в среднем до 0,2 % от числа всех работников. В частновладельческом хозяйстве удельный вес работников-беженцев уменьшился до 2,9 % (см. табл. 15). И это несмотря на то, что Временное правительство продолжало проводить политику широкого привлечения беженцев к труду на селе, утвердив в марте 1917 г. в преддверии нового полевых сезона специальные «Правила о мерах привлечения беженцев к сельскохозяйственным работам». Заведование этим делом возлагалось теперь на особые уездные комитеты, образуемые под председательством уездного комиссара из представителей земских, городских, национальных и прочих местных общественных организаций. Комитетам вменялось в обязанности оказание посреднических услуг между беженцами и потенциальными потребителями их труда, формирование беженских артелей и их обеспечение необходимым сельскохозяйственным инвентарем, предоставление беженцам ссудной и безвозвратной финансовой помощи, содействие в аренде ими пустующих частных и казенных

¹⁶⁵ См.: Хрящева А. Крестьянское хозяйство в войне и революции // Вестник статистики. 1920. № 9–12. С. 28.

¹⁶⁶ См.: Анфимов А.М. Указ. соч. С. 98.

¹⁶⁷ См.: Шигалин Г.И. Военная экономика в Первую мировую войну (1914–1918 гг.). М., 1956. С. 194.

Таблица 15

Доля беженцев в рабочей силе крестьянских и частновладельческих хозяйств Европейской России, по данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г., %*

Район (губернии)	Доля беженцев в рабочей силе кре- стьянских хозяйств	Доля беженцев в рабочей силе частновладельче- ских хозяйств
Среднечерноземный (Тамбовская, Пензенская, Тульская, Рязанская)	0,1	2,3
Малороссийский (Черниговская, Киевская)	0,1	1,0
Промышленный (Московская, Ярославская)	—	2,2
Восточный степной (Саратовская, Уфимская)	0,4	6,0
В среднем	0,2	2,9

* Источник: Хрящева А. Крестьянское хозяйство в войне и революции // Вестник статистики. 1920. № 9–12. С. 27.

земель, а также осуществление контроля за установлением справедливых условий вознаграждения беженского труда и оказание беженцам первичной медицинской, санитарной и юридической помощи. Комитеты, кроме того, должны были вести точную регистрацию и учет всех беженцев, занятых на сельскохозяйственных работах (см. приложение 4).

Так или иначе, но применение труда беженцев в масштабах страны компенсировало лишь незначительную часть рабочей силы, выбывшей из производства в связи с обстоятельствами военного времени. При этом однозначно оценить взаимоотношения беженцев с российским рынком труда довольно сложно. Появление осенью 1915 г. во внутренних районах страны многомиллионной волны беженцев сформировало несколько моделей их трудоустройства и трудоустройства, развивавшихся в континууме от свободного трудового посредничества до фактически прямого принуждения. В результате те беженцы, которые были способны, готовы или вынуждены работать, нашли применение своему труду. Вместе с тем, необходимо иметь в виду, что

«некоторые “здоровые” беженцы сознательно воздерживались от вступления на рынок труда, поскольку не имели ни малейшего желания становиться частью местного хозяйства. Это означало бы вовлечение в существующие сети экономической деятельности и тем

самым закладывало бы основу для их инкорпорации в “чужое” хозяйство. Эти мужчины и женщины хотели вернуться “домой”, а не пускать глубокие корни на своей новой родине»¹⁶⁸.

По мысли П. Гетрелла, это «самоотречение» могло означать «временную утрату достоинства и потерю незначительной материальной безопасности, даруемых работой». Но эта «депривация» считалась имеющей смысл, поскольку объективировала намерение подавляющей части беженцев вернуться на родину. Труд вдали от родины и в самом деле был для них лишь эпизодом, что объективно препятствовало делу его рационализации. Вместе с тем, проблема была не только в беженцах. Проблема была прежде всего в традиционном характере российского сельского хозяйства в частности и структуры занятости/разделения труда в российском обществе в целом. Беженцы просто физически не могли компенсировать убыли рабочих рук в любой отрасли хозяйства, как бы рационально их не распределили между этими отраслями. Поэтому неспособность российского правительства к тотальной мобилизации и даже милитаризации беженского труда, частично компенсировавшуюся усилиями общественных организаций, в свою очередь, вряд ли стоит рассматривать как лишний пример краха «бюрократической фантазии полного контроля над обществом» (К. Розенберг). Своеобразные формы организации труда беженцев, по сути, не эквивалентные ни свободному, ни принудительному труду, показали, насколько в годы Первой мировой войны в России — и не только в России — выросла и социальная, и политическая значимость труда как такового¹⁶⁹. При этом то, что всевозможные опыты вербовки беженцев на работы напрямую способствовали превращению трудового вопроса из экономического в политический, вполне укладывалось в общую логику развития российского общества, — общества, в котором немудреные слова апостола Павла «Кто не работает, тот не ест» совсем скоро будут трактоваться как «первое, основное, коренное начало социализма»¹⁷⁰.

¹⁶⁸ Gatrell P. Op. cit. P. 139–140.

¹⁶⁹ См. об этом, напр.: Christian Westerhoff, Zwangsarbeit im Ersten Weltkrieg. Deutsche Arbeitskräftepolitik im besetzten Polen und Litauen 1914–1918. Paderborn, 2012; Thiel J. Menschenbassin Belgien. Anwerbung, Deportation und Zwangsarbeit im Ersten Weltkrieg. Essen, 2007; и др.

¹⁷⁰ См.: Ленин В.И. О голоде (письмо к питерским рабочим) // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 36. М., 1967. С. 357.

ГЛАВА V

БЕЖЕНЦЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ В МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ 1917–1922 гг.¹

«Маргинальная позиция, занимаемая беженцами, сделала их незаметными гостями на празднике русской революции. Классовая принадлежность все более стала преобладать над политическими привязанностями и социальным поведением, оставляя беженцев в еще большей неопределенности. Беженцы не имели какого-либо определенного корпоративного представительства. Они поэтому не играли главной роли в бурных событиях 1917 г. В определенном смысле революция прошла мимо них: ни Февральская, ни Октябрьская революция непосредственным образом не задела беженцев»,

— отметил П. Гетрелл, характеризуя развитие беженского вопроса в переломный для России 1917 г.² Однако это было и так, и не так одновременно. Революции 1917 г. в России потому и назвали революциями, что они кардинально повлияли на всё и вся, включая в том числе и положение беженцев. Достаточно сказать, что военные усилия правительства А.Ф. Керенского, главы Временного правительства, вызвали к жизни новую крупную волну беженцев.

«Тотчас же по прибытии в г. Псков, в 20 числа минувшего августа, после оставления нашими войсками г. Риги новых партий беженцев из Лифляндской губернии в Пскове была образована Особая комиссия... Заботами Комиссии немедленно были организованы в г. Пскове питательные и врачебно-санитарные пункты, в которых беженцы получали необходимую помощь. Затем в виду запрещения расселять в Псковской губернии как прифронтовой новых беженцев и по представлении г[осподином] начальником военных сообщений потребного числа вагонов, беженцы были эвакуированы из г. Пскова далее вглубь государства и в г. Пскове остались такие беженцы, кото-

¹ Частично опубликовано в: Суржикова Н.В. Военный плен в российской провинции (1914–1922 гг.). М., 2014. С. 275–327.

² Gatrell P. A Whole Empire Walking. Refugees in Russia during World War I. Bloomington; Indianapolis, 1999. P. 171.

рые по болезни или преклонному возрасту не в состоянии были про-
должать путь»,

— поспешил отпрапортовать в столицу псковский губернский комиссар в сентябре 1917 г.³ При этом новый исход беженцев был сопряжен как с уже известными, так и с новыми трудностями, порожденными новой военно-политической конъюнктурой:

«На питательном пункте Всероссийского Союза Городов в Режице кормится слишком 1000 человек, но это далеко не все бежавшие — многие из них, не выходя из вагонов, следуют дальше, даже не желая объявить себя беженцами из опасения быть направленными по маршруту, намеченному Особым совещанием, т.е. Западную Сибирь... Эвакуация беженцев идет туго, ибо большинство из них с недоверием относятся к обещаниям, что в Западной Сибири они найдут опеку и продовольствие, кроме того играет большую роль и отсутствие вагонов. Не малый тормоз создало распоряжение военных властей о недопущении беженцев в Режицу, к сожалению, изданное тогда, когда часть их успела уже проникнуть — теперь часть семьи находится в Режице, а часть принудительно направляется по другому пути; естественно, что отдельные члены семьи поджидают отставших не желая ехать дальше. Между тем беженцы, узнав, что плановой эвакуации не будет и предвидя, что некоторых из них боевая обстановка заставит уйти, создали собственный план эвакуации при чем сборным пунктом назначили Режицу... Часть беженцев остается в лесах вблизи фронта — эти беженцы желают проскользнуть на территорию, занятую неприятелем...»⁴

Временное правительство, между тем, сосредоточилось на главной проблеме, связанной с беженским вопросом, — проблеме его цены. И если ранее она была камнем преткновения в отношениях государства и общественности, то теперь, за ограниченностью ресурсов, стала краеугольной в спорах различных ведомств, комиссий и совещаний. Одно из таких совещаний — совещание согласительной комиссии при Министерстве внутренних дел по вопросу об ассигновании средств на удовлетворение нужд беженцев — в сентябре 1917 г. фактически пришло к выводу, что масштабы беженской проблемы преувеличены и на ее решении вполне возможно сэкономить (см. приложение 4).

Примерно в то же время, 1–10 сентября 1917 г., в Петрограде состоялся учредительный съезд Всероссийского союза беженцев.

³ ГАРФ. Ф. 6787. Оп. 1. Д. 88. Л. 5.

⁴ Там же. Л. 6–7.

Делегаты съезда говорили, прежде всего о том, что не только «новые», но и «старые» беженцы повсеместно страдают от всевозможных «обид и нужд», что сама помощь беженцам превратилась в их «бесстыдную и бессовестную эксплуатацию» и грабеж. И, несмотря на то что товарищ министра внутренних дел В.М. Богутский, выступая на съезде, многократно подчеркивал факт огромной государственной помощи беженцам, делегаты требовали от правительства еще большего: не только более высоких и регулярно выдающихся пособий, но и трехлетнего освобождения от налогов с момента возвращения домой. Когда же Богутский озвучил идею о направлении основных беженских потоков в такие малонаселенные районы страны, как, например, Алтай, делегаты и вовсе высмеяли его. Съезд, пройдя под лозунгом «уйдите и не мешайте нам организоваться», по сути, обозначил тот факт, что беженцы готовы решать свою судьбу сами⁵.

Однако у большевиков, пришедших на смену Временному правительству, на сей счет было свое мнение. Большевики, как свидетельствуют источники, быстро и внятно обозначили свое намерение установить и осуществлять тотальный государственный контроль за перемещениями населения и всем, что связано с этими перемещениями. Чего только стоила январская телеграмма 1918 г., подписанная лично В.И. Лениным:

«Немедленно принять решительные или революционные меры к тому, чтобы ни один пленный и беженец не направлялись в Петроград и голодающую Северную область. Предупреждаем, что здесь военнопленные и беженцы хлеба не получают и обречены на голодную смерть. Направлять их только в губернии, обеспеченные хлебом. Расправляйтесь беспощадно с провокаторами, стремящимися наводнить голодающие губернии лишними ртами и рассчитывающими костлявой рукой голода задавить революцию...»⁶

Н.П. Окунев засвидетельствовал в своем дневнике, что в Москве беженцы в начале 1918 г. рассматривались не иначе, как лишние рты, и потому подлежали выселению из города:

«Для годовщины установления в России свободы-свобод, сегодня напечатано обязательное постановление президиума СРСКД г. Москвы и Московской области, чтобы мы, паршивые буржуи “не выполняющие какую-либо общественно необходимую работу, не связанные с Москвой необходимой связью, все, чья работа без ущерба для

⁵ См.: Работа 1-го Делегатского Съезда Беженцев // Беженская правда. 1917. 29 окт.

⁶ ГАРФ. Ф. Р-130. Оп. 2. Д. 650. Л. 230.

народного хозяйства может быть перенесена в другое место, служащие закрытых или эвакуированных учреждений, чины демобилизуемой армии, учащиеся и учащие прекративших занятия учебных заведений, а прежде всего беженцы из других городов и люди без определенных занятий должны оставить Москву немедленно” и никак не позднее 1-го апреля. Короче говоря, убирайтесь куда знаете, а мы вам с 1-го апреля не дадим продовольственных карточек и ваши квартиры реквизируем»⁷.

Документы, однако, свидетельствуют, что причин для такого рода решений у нового правительства было достаточно. По крайней мере, беженцы действительно драматизировали и без того драматичное положение столиц, что подтверждало, в частности, Бюро беженцев Эстляндского края, обращаясь в марте 1918 г. в Наркомат внутренних дел с письмом следующего содержания:

«В виду оккупации Эстляндии немцами и благодаря жестоким расправам завоевателей над населением замечается сильный приплыв беженцев в Петроград и его окрестности, которые терпят острую нужду. Принимая все это во внимание, Исполнительные комитеты совдепов Эстляндского края постановили: создать в городе Петроград Бюро беженцев Эстляндского края, цель которого: 1) регистрация беженцев, 2) распределение по местностям, 3) снабжение продовольствием. Бюро обращается с просьбою к комиссару по внутренним делам указать губернии, куда следует эвакуировать беженцев Эстляндского края, так как дальнейшее пребывание в Петрограде невозможно как по продовольственному кризису, так и за неимением заработка»⁸.

Распорядившись об отправке беженцев из Эстляндии в Вятскую, Пермскую, Казанскую, Уфимскую, Оренбургскую, Саратовскую, Симбирскую, Самарскую, Пензенскую, Тамбовскую, Томскую, Енисейскую, Иркутскую губернии и Акмолинскую область, созданный в рамках Народного комиссариата внутренних дел Беженский отдел только подтвердил, что отдавать беженское дело в руки самих беженцев никто не собирается. Это подтвердил и факт создания в апреле 1918 г. Центральной коллегии по делам пленных и беженцев (Центропленбежа), возглавляемой И. Уншлихтом и напрямую подчинявшейся Совнаркому.

В течение лета 1918 г. Центропленбеж принял почти тысячу делегатов, представлявших 540 тыс. беженцев, что позволило уточнить

⁷ Окунев Н.П. Дневник москвича, 1917–1924: в 2-х кн. Кн. 1. М., 1997. С. 159.

⁸ ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 81. Л. 3–3 об.

и дополнить сведения, касавшиеся численности мигрантов в различных районах, их регистрации и последующих перемещений, наличия продовольственных и иных ресурсов, а также отношения местных жителей к беженскому населению. Но свои основные усилия И.С. Уншлихт и его команда потратили прежде всего на разработку планов по реэвакуации беженцев, перспектива которой обозначилась еще с подписанием Брест-Литовского соглашения в марте 1918 г. Советская Россия была разделена Центропленбежем на шесть территориальных зон, в первую из которых входили губернии, наиболее остро страдавшие от недостатка продовольствия и требовавшие скорейшего освобождения от беженцев. Следующим приоритетом являлась разгрузка от беженцев фронтовой зоны, определенной как район Пскова, Новгорода, Витебска, Смоленска и Могилева. Это облегчило бы перемещение беженцев с востока страны в западные пограничные районы. Направлявшимся в Прибалтику было предписано пересекать границу в Себеже, Полоцке или Пскове, украинские беженцы должны были двигаться через Брянск или Курск, а поляки и белорусы — через Оршу (см. табл. 1)⁹. В то же время были намечены специальные эвакуационные пункты, за каждым из которых закреплялся определенный район ведения с далеко не очевидными принципами районирования, как то:

<u>пункт:</u>	<u>район ведения пункта:</u>
— Петроградский —	Петроградская губерния без уездов Новолодожского и Гдовского, Олонецкая и Новгородская губернии;
— Вологодский —	Вологодская и Архангельская губернии, уезды Чухломский, Солигаличевский, Галичский, Макарьевский, Ветлужский, Буйский и Кологривенский Костромской губернии;
— Вятский —	Вятская губерния;
— Пермский —	Пермская губерния;
— Московский —	Московская губерния, уезды Каширский, Веневский, Епифаньевский Тульской губернии;

⁹ См.: ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 7. Д. 37. Л. 89, 89 об.

— Костромской —	Костромской, Варнавинский, Кинешемский, Нерехтинский и Юрьеvecкий Костромской губернии;
— Владимирский —	Владимирская губерния;
— Ярославский —	Ярославская губерния;
— Нижегородский —	Нижегородская губерния;
— Рязанский —	Рязанская губерния, уезды Спасский, Шатский, Елатомский, Моршанский и Темниковский Тамбовской губернии;
— Симбирский —	Симбирская губерния;
— Казанский —	Казанская губерния;
— Тверской —	Тверская губерния;
— Смоленский —	Смоленская губерния;
— Калужский —	Калужская губерния;
— Пензенский —	Пензенская губерния;
— Уфимский —	Уфимская губерния;
— Самарский —	Самарская губерния без уездов Николаевского и Новоузенского, Кузнецкий уезд Саратовской губернии, Оренбургская губерния;
— Орловский —	Орловская губерния;
— Тульский —	Тульская губерния без уездов Каширского, Веневского, Епифаньевского;
— Тамбовский —	Тамбовская губерния без уездов Спасского, Шатского, Елатомского, Моршанского и Темниковского;
— Саратовский —	Саратовская губерния без Кузнецкого уезда, Николаевский и Новоузенский Самарской губернии, Уральская область;
— Курский —	Курская губерния;
— Воронежский —	Воронежская губерния;
— Астраханский —	Астраханская губерния.

Промежуточные (вспомогательные) эвакупункты, не имевшие приписанных к ним районов рассеивания и обладавшие лишь распределительными койками, были открыты в Вязьме, Брянске, Бологом, Ржеве, Екатеринбурге, Челябинске, Омске и Новониколаевске. С началом эвакуации въезд беженцев в губернии эвакуируемой зоны

Таблица 1

Зонирование территории Советской России
в соответствии с планом Центропланбежа
по эвакуации беженцев, июль 1918 г.*

№ п.п.	Территория	Число беженцев, чел.
1	2	3
Зона 1		
1	Эстляндская	10 000
2	Псковская	35 348
3	Новгородская	23 544
4	Витебская	72 523
5	Смоленская	52 498
6	Могилевская	50 000
7	Черниговская	30 000
Всего		Примерно 300 000
Зона 2		
1	Петроградская	150 000
2	Тверская	38 053
3	Московская	150 000
4	Калужская	79 347
5	Тульская	52 880
6	Орловская	62 766
7	Курская	81 701
Всего		Примерно 600 000
Зона 3		
1	Вологодская	5 544
2	Олонецкая	1 000
3	Ярославская	42 267
4	Костромская	14 165
5	Вятская	4 084
6	Пермская	34 942
7	Архангельская	3 000
Всего		Примерно 100 000
Зона 4		
1	Рязанская	80 000
2	Владимирская	20 000
3	Нижегородская	50 000
4	Пензенская	65 000

Окончание таблицы 1

1	2	3
5	Воронежская	50 000
6	Тамбовская	140 000
Всего		Примерно 400 000
Зона 5		
1	Казанской	75 000
2	Уфимской	80 000
3	Симбирской	50 000
4	Саратовской	100 000
5	Самарской	140 000
Всего		Примерно 500 000
Зона 6		
1	Сибирь	100 000
2	Средняя Азия	100 000
3	Астраханская	30 000
4	Оренбургская	60 000
5	Кавказ	Нет данных
Всего		Примерно 300 000
Итого по стране		Примерно 2 200 000

* Источник: ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 7. Д. 37. Л. 89, 89 об.

воспрещался, а в приказе Центропленбежа № 62 от 11 июля 1918 г. еще и подчеркивалось, что

«эвакуация военнопленных, гражданских пленных и беженцев происходит исключительно по нарядам Центральной коллегии о пленных и беженцах... Незаконное вмешательство в дело эвакуации каких-либо агентов других ведомств повлечет за собой придание виновных суду Революционного трибунала как умышленно наносящих вред Российской Федеративной Советской Республике»¹⁰.

Однако сам стиль работы Центропленбежа как-то сразу вызвал у современников сомнения в ее состоятельности. По мнению иностранных наблюдателей, Пленбеж, являвший собой не более чем «союз личных друзей правительства»¹¹, уже с первых дней своего создания буквально погряз в бумажной работе. «Все отделы, а по Административно-му — каждая его часть в отдельности, ежедневно к 16.30. часам

¹⁰ ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 1. Д. 3. Л. 87, 87 об.; Оп. 2. Д. 58. Л. 131, 136.

¹¹ Енсен Б. Гуманитарная помощь и политика: миссия Датского Красного Креста в Советской России. 1918–1919 // Первая мировая война. Пролог XX века. М., 1998. С. 519.

предоставляют в Управление делами Центральной коллегии бюллетени, содержащие сводку результатов работы истекшего дня и перечень дел, подлежащих срочному разрешению в коллегии в течение следующего дня...», — гласил приказ Центропланбежа за № 2 от 2 мая 1918 г., тут же как бы в оправдание указуя на то, что «конечный объект» работы коллегии должны составлять «не бумаги, а миллионы живых и частью полуживых людей»¹². В структуре Центропланбежа наиболее многочисленным был справочно-статистический отдел, что не менее красноречиво говорило об ориентированности его деятельности прежде всего на бумажную работу. Названное подразделение объединяло 302 человека, тогда как отдел снабжения и продовольствия — только 112, а эвакуационный, врачебно-санитарный и беженский отделы и вовсе 34, 20 и 15 человек соответственно¹³. Погрязнув в бюрократической волоките, Центропланбеж, помимо того, стремительно обрастал еще и всевозможными совещаниями и комиссиями, как то: особое финансовое совещание, постоянное совещание при Отделе по обмену пленных, «постоянное совещание советских организаций, ведущих практическое дело обслуживания врачебно-санитарной помощью военнопленных и беженцев», «комиссия по изъятию у пленных и беженцев вещей, запрещенных к вывозу из России» и т.д., и т.п.¹⁴

При этом по причине неустойчивого положения советской власти на местах сфера влияния Центропланбежа первоначально была совсем не велика, и ничто так не пугало чиновников созданного 23 апреля 1918 г. ведомства, как запросы и требования, приходившие с далекой периферии. «Советское правительство принимает ответственность за содержание, прокормление и благополучный возврат на родину лишь тех пленных, кои стоят на учете подлежащих властей...», — телеграфировал Центропланбеж на места 19 мая 1918 г. своим приказом за № 11, тем самым снимая с себя заботу о контингентах, которые находились — причем очень часто по независящим от них причинам — за пределами «постоянных определенных пунктов размещения»¹⁵. Региональные эвакуационные службы фактически были оставлены один на один с целым комплексом трудно разрешимых проблем. Так, в то время как в столице «изобретали»

¹² ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.

¹³ См.: Там же. Л. 256–275, 288.

¹⁴ См.: Там же. Л. 10, 11, 31; Д. 3. Л. 9.

¹⁵ Там же. Д. 2. Л. 50.

всяческие реестры эвакуационных зон и пунктов, из Тамбова сразу на четыре адреса — в Совет народных комиссаров, Народному Комиссару внутренних дел, в Центральную коллегию о пленных и беженцах, в тамбовскую губернскую коллегию о пленных и беженцах, а также Тамбовскому губернскому комиссару внутренних дел — был адресован настоящий крик отчаяния:

«В настоящее время по городам и селениям Тамбовской губернии вкраплено свыше 125000 беженцев всех национальностей, изъятых в полном смысле этого слова из обихода живых существ, не говоря уже о человеческом достоинстве. За полным отсутствием заработков и материальной помощи эти голодные, доведенные до отчаяния люди все время проводят в бесчисленных странствованиях по всем уголкам обширной губернии и многочисленным Комитетам, Советам и Коллегиям, тщетно добываясь облегчения своей горькой участи... Повсеместно не только со стороны коренного населения, но и со стороны властей беженцы считаются гражданами последнего сорта, на которых не следует обращать никакого внимания. Что на самом деле так — наглядно показывают следующие цифровые данные по Тамбовской губернии, а именно — по смете на первую четверть сего года, испрашиваемой в сумме 4000000 рублей отпущено было уже по истечении сметного периода — 1600000 рублей, то есть 40 % ее; по смете на вторую четверть того же года, утвержденной местным Совдепом на сумму 7000000 рублей, ассигновано в конце июня сего года — 600000 рублей, а выдано лишь 300000 рублей (то есть неполные 5 % всей сметы)... Наблюдается полнейший развал всех беженских организаций, существующих лишь на бумаге и не приносящих никакой пользы страданиям беженцев. С другой стороны, на почве этого молчаливого приговора беженской массы к медленной голодной смерти пышно выросли ядовитые грибы человеконенавистничества и жажды уничтожения всякого существа, наполняющего свой желудок питательным веществом... Крестьяне уже стали изыскивать более утонченные средства выселения “этой дряни”. Так, в Елатомском уезде крестьяне насильно посадили всех беженцев на подводы и под конвоем привезли на ближайшую железнодорожную станцию с предварением, дабы они не смели показываться им больше на глаза под угрозой расстрела из пулеметов, которыми теперь так богата деревня. Брошенные на произвол судьбы беженцы беспомощно сидели на вокзале, пока часть из них не вымерла, а остальные были подобраны каким-то проезжающим сострадательным пассажиром. В одном из селений Тамбовского уезда беженка — мать пятерых детей тщетно

просила хлеба у добрых людей в течение двух дней и наконец с отчаяния бросилась в реку. Тогда “добрые люди” спасли ее и благосклонно разрешили умереть уже через несколько дней естественной смертью от голода... Эти адские мучения обездоленных изгнанников в не малой мере увеличиваются еще затяжкой до бесконечности разрешения выезда на родину. Хотя делается это под предлогом предоставления беженцам возможности наилучшего переезда и существуют на сей счет весьма внушительные циркуляры, однако в связи с отсутствием материальных средств, беженцы принимают подобного рода опеку с глубоким презрением и ненавистью, заявляя, что лучше умереть в пути и с надеждой возвращения на родину, нежели на местах, хуже всякого скота. Результат такого мировоззрения — анархическое передвижение по железным дорогам, громадные скопления беженской массы на узловых станциях, тиф, холера и, наконец, единственная утешительница беженца... костлявая смерть...»¹⁶

Показательно при этом, что ухудшившееся в 1918 г. положение беженцев было не только следствием специфики известного общесторического момента. 27 июля 1918 г., Совнарком, полагая, что система помощи беженцам, действовавшая в 1914–1917 гг., развила в беженцах «склонность к бездельничанью», издал декрет, по которому не только были уничтожены все национальные беженские комитеты, но и провозглашался принцип «не трудящийся — не ест». Именно этот декрет нанес «беженским массам» значительный ущерб, поскольку с ликвидацией «старых» беженских комитетов в ведении органов социального обеспечения, Комиссариата труда или Комиссариата здравоохранения не были еще организованы другие органы, которым бы поручались заботы о беженцах¹⁷. Снятые с пайка еще в марте 1918 г. и переданные теперь в ведение местных советов, беженцы тем самым лишились всякой поддержки со стороны государства.

Результат не заставил себя ждать. «Денег не имеем второй месяц, кругом должны, в кредите отказано, свирепствует эпидемия испанки, беженцы ночуют в вагонах, пункт закрываем», — телеграфировали из Невеля осенью 1918 г.¹⁸ «Появился сыпной тиф, беженцы ночуют под открытым небом, денег на ремонт бараков и питание нет, закрываю пункт, ждите скандала», — корреспондировали из Козлова¹⁹. «Больные, персонал госпиталя накануне голода. Продуктов, дров

¹⁶ ГАРФ. Ф. Р-130. Оп. 2. Д. 145. Л. 12–13.

¹⁷ См.: ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 5. Д. 219. Л. 54.

¹⁸ ГАРФ. Ф. Р-130. Оп. 2. Д. 144. Л. 133.

¹⁹ Там же. Л. 130.

за отсутствием денег нет. Жалованье не уплачено еще за вторую половину сентября... Общая сознательность предотвращает эксцессы. Положение катастрофическое», — сообщали в Центропленбеж из Вязьмы²⁰. В октябре 1918 г. безрадостные вести пришли и из Казани:

«...Беженцы повсеместно в области находятся, как и всюду, в самом плачевном положении. В настоящее время, в силу местных условий вследствие того, что на территории области происходит бой с белогвардейцами, беженцы военными властями перебрасываются из одного места в другое. Так, распоряжением Штаба 5-й армии сделаны предписания в некоторые уездные Советы Казанской губернии о принятии мер к внеочередной эвакуации беженцев. Это делается помимо и без ведома Центральной коллегии»²¹.

Ждать милости Центропленбежа не хотели не только местные власти, но и сами беженцы, массово снимавшиеся с мест и следовавшие на запад. Это стихийное движение, впрочем, наблюдалось и ранее, в 1916 и 1917 гг., но теперь, в 1918 г., оно стало настолько массовым, что уже в мае 1918 г. потребовало, в частности, разослать на места телеграмму такого содержания: «...Ввиду начавшегося движения переселенцев, беженцев, военнопленных, скопляющихся по линиям железных дорог, примите настоятельные меры по освобождению всех переселенческих и продовольственных пунктов, занятых в настоящее время для различных надобностей не по прямому назначению»²². В условиях, когда только 20 % беженцев «ассимилировались» и выразили желание остаться на территории России, остальные 80 % настолько устали ждать стабилизации общеполитического и любого другого положения, что готовы были вернуться на родину в любой момент. В качестве причин своего возвращения, беженцы, что примечательно, чаще всего называли мотивы личного свойства, тем самым фиксируя факт своей усталости от «большой политики», загнавшей их на чужбину. Она, как свидетельствуют источники, утратила свой сдерживающий потенциал, уступив таким категориям, как родная земля и семья.

«Желаю возвратиться немедленно на родину для обработки полей околица [нрзб.] волости Новомеская Ковенской губернии Поневежского уезда, где ожидают меня находящиеся там в беспомощном положении жена Агата и две дочери, Вероника и Констанция Пляткусы.

²⁰ ГАРФ. Ф. Р-130. Оп. 2. Д. 144. Л. 133.

²¹ ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 7. Д. 37. Л. 18, 18 об.

²² ГАШ. Ф. Р-589. Оп. 1. Д. 8. Л. 10.

Покорнейше прошу прислать мне официальное разрешение на право выезда моего в указанную выше оккупированную местность с пояснением, сколько разрешается брать с собой багажа и продуктов», — писал в Центропленбеж 17 июля 1918 г. беженец Владислав Пляктус, проживавший в Перми, на Петропавловской улице, в доме 161, квартире 9 (см. приложение 5)²³.

По сделанным уже в 1919 г. подсчетам Центропленбежа, «в первый период 1918 г.», когда неорганизованная реэвакуация не знала альтернативы, Россию смогли покинуть порядка 200 тыс. беженцев.

«Беженцам такой способ разрешения, вероятно, понравился, хотя и сопровождался и для них, и для нас колоссальнейшими трудностями. Помните, как в прошлом году благодаря стихийному движению в Орше и Смоленске скопились десятки тысяч беженцев, и какими они платили жертвами своих жизней и своего здоровья, достаточно вспомнить, что на одном хуторе Михайловском умерло почти 10 % живущих там беженцев»,

— отмечал один из чиновников Центропленбежа, характеризуя стихийное возвращение беженцев на родину весной — летом 1918 г.²⁴

Так или иначе, но, помимо стихийной эвакуации беженцев, в конце концов рано или поздно должна была начаться и организованная. Это случилось в середине 1918 г., когда учреждения Центропленбежа на местах были, наконец, организованы и начали работать, прежде всего озадачившись регистрацией своих контингентов (см. табл. 2). По официальным данным, усилиями советских эвакуационных служб с июля по декабрь 1918 г. было реэвакуировано порядка 242 тыс. беженцев²⁵. Эта цифра, очевидно, могла бы быть куда более внушительной, если бы не постоянные приостановки реэвакуационного процесса, вызванные тем, что принимавшие беженцев территории в ретроспективный период являлись для Советской России и Германии ареной активного вооруженного противостояния.

«Делегатами от беженцев Гродненской губернии, задержанных в бараках на ст. Хутор Михайловский, Павлом Юрчиком и Тимофеем Шариндой сообщено Отделу беженцев Центральной коллегии о крайне тяжелом положении вышеупомянутых беженцев. По словам делегатов, беженцы эти сдвинуты с мест своего временного проживания в Симбирской губернии 1 августа 1918 г. по распоряжению местных властей

²³ ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 7. Д. 15. Л. 148.

²⁴ Там же. Оп. 5. Д. 219. Л. 51.

²⁵ См.: ГАРФ. Ф. Р-130. Оп. 3. Д. 1003. Л. 2; Ф. Р-3333. Оп. 7. Д. 72. Л. 18–19 об.

и в количестве 5 000 человек доставлены на ст. Хутор Михайловский, находившийся в то время в руках немцев. Из них партия в 3 500 была отправлена немцами через Украину на родину, а остальные 1 500 человек задержаны в Хуторе Михайловском. Ввиду наступления советских войск их не успели отправить, советскими же властями они были размещены в бараках, где проживают до настоящего времени. В настоящее время положение их очень тяжелое, так как завод, которому принадлежат бараки, выселяет их оттуда, продовольствие получают очень неаккуратно и далеко не по установленной норме...»,

— живописал один из документов эпохи перипетии беженского возвращения домой «во всей его красе»²⁶.

Беженцы, находившиеся в пределах фронтовой и прифронтовой полосы, явно мешали и Германии, и России. Как результат 24 сентября 1918 г. Центропленбеж и Германское генеральное консульство в Москве в очередной раз договорились об организованной отправке беженцев на родину в соответствии со следующей схемой: через ст. Орша — 12 поездов в неделю, через ст. Себеж — 3,5 поезда, через ст. Полоцк — 3,5 поезда, через ст. Торошино — 7 поездов. По названному соглашению Россия выразила готовность довозить беженцев в своих железнодорожных составах до ст. Барановичи, Молодечно, Полоцка, Двинска и Риги. Однако уже 4 октября 1918 г. немцы прекратили прием беженцев через Оршу. 9 октября по этому поводу собралась смешанная российско-германская комиссия, тогда как беженцы все прибывали и прибывали²⁷.

После того, как несколько эшелонов с беженцами в октябре 1918 г. все-таки ушли на запад, реэвакуация снова претерпела несколько приостановок²⁸. Подводя итоги 1918 г., Центропленбеж констатировал:

«Мы в своей эвакуации беженцев находимся в прямой зависимости от общего положения транспорта в республике. Есть поезда — есть эвакуация, нет поездов — эвакуация не происходит... В период 1918 года главную роль первые месяцы играло немецкое командование. Поездов было сколько угодно. Кто хотел, тот мог выехать, эшелоны могли выезжать десятками в день, но была преграда из немецких властей, из Москвы эшелонов было 31 тысяча [человек? — *Авт.*], провинциальных эшелонов 43 тысячи в августе месяце. В октябре московских эшелонов было 44 тысячи, провинциальных 28 тысяч,

²⁶ ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 7. Д. 371. Л. 38.

²⁷ См.: Там же. Л. 11, 14.

²⁸ См.: Там же. Оп. 1. Д. 3. Л. 196.

Таблица 2

Направления и объемы реэвакуации беженцев по состоянию
на 1 сентября 1918 г.*

Губернии, области	Всего беженцев, человек	Подлежит отправке на:					
		Польшу, человек	Литву, человек	Латвию, человек	Эстонию, человек	Армению, человек	Белоруссию, человек
1	2	3	4	5	6	7	8
Европейская Россия¹							
Архангельская	3 033	1 878	166	753	3		283
Астраханская	36 388	27 208	466	652	4	33	8 025
Владимирская	23 677	14 394	454	318	51		8 550
Вологодская	5 544	3 913	196	633	21		772
Воронежская	54 463	34 835	3 335	802	10		15 485
Вятская	4 084	2 613	283	160	4		1 026
Обл. В. Донского	99 051	64 945	2 504	2 910	1	360	28 348
Казанская	75 520	43 401	179	767			31 174
Костромская	14 165	8 457	1 007	1 802	126		2 773
Калужская	79 347	44 561	2 439	2 533	6		29 809
Курская	81 701	47 394	308	565	4		33 485
Московская	153 728	102 019	8 955	19 497	136	45	23 077
Нижегородская	51 283	31 022	2 472	4 928	144	15	12 702
Новгородская	23 544	9 986	1 056	8 236	71		4 196
Олонецкая	272	123	4	81			70
Оренбургская	84 599	52 807	1 505	805	1		29 479
Орловская	62 766	47 426	1 868	944	1	3	12 525
Пензенская	66 652	42 495	1 163	699	3		22 293
Пермская	34 942	22 939	1 170	2 035	13		8 757
Псковская	35 348	18 321	2 320	11 241	149		3 315
Рязанская	76 529	44 107	1 270	613	5		30 535
Самарская	133 737	84 047	1 803	1 753	36		46 128
Петроградская	154 735	94 602	10 660	30 592	925	17	17 941
Саратовская	163 034	102 432	2 977	2 890	6	4	54 735
Симбирская	46 947	26 814	1 485	1 365	12		16 271
Смоленская	52 498	39 183	1 607	2 255			9 455
Таврическая	42 832	29 295	420	356		10	12 751
Тамбовская	146 802	82 633	1 849	1 108	9		61 101

Окончание таблицы 2

1	2	3	4	5	6	7	8
Тверская	38 053	23 969	1 148	5 522	38	4	7 377
Тульская	52 880	33 650	2 055	2 299			14 881
Уфимская	82 353	45 488	275	2 353	1		34 237
Ярославская	42 269	23 297	2 686	5 837	29		7 422
Всего	2 022 766	1 251 264	60 185	117 304	1 809	491	591 713
Сибирь							
Амурская	1 501	746	19		28		737
Енисейская	10 209	5 350	1 088	408	547	6	3 890
Забайкальская	2 003	1 295	586	41	62		606
Иркутская	9 340	5 265	1 223	141	99	1	3 557
Приморская	2 671	1 438	461	105	239		890
Тобольская	19 950	11 200	1 918	2 129	2 168		4 455
Томская	32 620	19 730	6 062	617	834	5	11 435
Всего	78 194	45 022	11 396	3 441	3 977	12	25 560
Кавказ							
Бакинская	2 150	303				1 876	
Батумская	3 517	83				3 434	
Елисаветпольская	6 246					6 246	
Карская	27 420	7				27 413	
Сухумский округ	312					312	
Ставропольская	8 037	3 605	41			348	
Терская	5 509	2 937	94	78		347	
Тифлисская	15 696	679				15 071	
Эриванская	93 965					93 965	
Кубанская	16 057	8 742	54	371		946	
Всего	178 909	16 356	189	449		149 904²	

* Источник: ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 4. Д. 13. Л. 48–49.

¹ Из числа губерний Европейской России были вычеркнуты 1) все губернии, вновь оккупированные немцами с 643 045 беженцами и 2) вся Украина с 781 189 беженцами.

² Общее количество беженцев, подлежавших репатриации — 2 199 869 чел., в их числе 42 % детей и 36 % женщин.

теплушечных вагонов 19 тысяч, в ноябре произошел резкий перелом. Поезда были, но германцы категорически закрыли доступ... В ноябре месяце эшелонов отправлено провинциальных 1600, московских 4000, а теплушечных 4100. В декабре эвакуация падает, имеется [эвакуированных — *Авт.*] всего около 1200 человек»²⁹.

²⁹ ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 5. Д. 219. Л. 50.

Списывая издержки реэвакуации на немецкую сторону, Центропленбеж подчеркивал, что Германия смотрела на весь этот процесс как на новую колонизацию оккупированных мест, а не как на естественный процесс возвращения людей на родину. Поначалу пропускали через границу состоятельных беженцев, которые были нужны Германии в хозяйственном отношении (купцов, фабрикантов, промышленников, обеспеченных крестьян) и «безопасную в политическом отношении привилегированную интеллигенцию». Обязательными условиями пропуска беженцев в оккупированные области являлось наличие трехмесячного запаса продовольствия и не менее одной тысячи рублей у каждого беженца³⁰.

В январе 1919 г. на родину организованно выехало 12 600 (по другим данным — 13 000) человек, в феврале — 11 900 (13 077), в марте — 7 610, в апреле — 500³¹. Таким образом, весной 1919 г. по причине разрухи на транспорте и военных действий на фронтах Гражданской войны планомерная реэвакуация беженцев медленно, но верно затухала. В пределах Советской России при этом оставалось, по данным Центропленбежа, 806 165 беженцев, из которых 317 158 подлежали отправке на территорию Белоруссии, 229 374 — Украины, 152 103 — Прибалтики и 107 530 — Польши³². Из них к августу 1919 г. на родину удалось отправить всего около 165 тыс. человек и еще 283 666 человек — к декабрю³³.

В связи со снижением темпов реэвакуации беженцев «на первый план выступает задача по оказанию помощи беженской бедноте (почти 90 % всего количества)... Центральная коллегия о пленных и беженцах для осуществления пленбежами задач по оказанию помощи беженцам до момента реэвакуации ... ходатайствует об открытии по параграфу особо последнему действующей сметы Центропленбежа дополнительного кредита в 30 000 000 рублей», — писало руководство Отдела беженцев в Совнарком весной 1919 г., полагая, что единственным «мероприятием», способным удержать беженцев на местах и предотвратить их стихийное самовольное передвижение, является оказание им самой широкой помощи³⁴. Однако, пока Центропленбеж

³⁰ См.: Засыпкин М.А. Организационно-правовые основы деятельности НКВД РСФСР по решению проблемы беженцев: 1918–1923 гг.: дисс. ... канд. юр. наук. М., 2008. Л. 48.

³¹ См.: ГАРФ. Ф. Р-130. Оп. 3. Д. 1003. Л. 2–2 об.

³² См.: Там же.

³³ Щеров И.П. Центропленбеж в России: история создания и деятельности в 1918–1922 гг. Смоленск, 2000. С. 31.

³⁴ ГАРФ. Ф. Р-130. Оп. 3. Д. 1003. Л. 2–2 об.

просил на эти цели дополнительные ассигнования у Совнаркома, беженцы решили иначе, предприняв настоящий массовый «исход» в направлении западных границ. Так, к 23 марта только в Вязьме самовольным порядком объявилось около 2–2,5 тыс. беженцев, в Смоленске — 3 тыс., в Лунинце — 2 тыс., в Минске — 2,5 тыс. «И это в момент наивысшего напряжения боев на Западном фронте, и при отсутствии продовольствия и средств для эвакуации беженцев появилась самовольная волна в 18000 [человек — *Авт.*], и вот такое стихийное движение беженцев обещает в ближайшее время принять еще большие размеры», — нервно заметил один из администраторов Центропленбежа на апрельском 1919 г. съезде представителей губернских пленбежей, тут же обреченно добавив: «...Самовольное движение беженцев является жизненным коррективом... В то время как местная коллегия эвакуировала какую-нибудь несчастную тысячку человек, в это время самовольно через Минск прошло около 35 тысяч человек...»³⁵

Среди веских оснований, заставлявших беженцев торопиться домой, причем в обход официальной реэвакуации, свою роль сыграла опасность быть мобилизованными в ряды Красной армии. Изучив этот вопрос М.А. Засыпкин, обнаружил, что приказом Реввоенсовета Республики от 5 апреля 1919 г. от мобилизации освобождались только:

«а) польские уроженцы, подавшие заявление о выходе из русского гражданства до 24 апреля; б) финские подданные; в) беженцы, происходящие из местностей, входящих в состав Советских республик, образовавшихся на территории бывшего Российского государства при условии, если они были зарегистрированы специально на предмет отправки на родину... Все здоровые беженцы от 18 до 40-летнего возраста, признанные годными к военной службе, задерживались на территории Республики до особого распоряжения. По официальным данным командования фронтов на 15 июня 1920 г. было мобилизовано беженцев Литвы, Латвии, Белоруссии, Украины 2648 человек. Но эти данные нельзя считать полными в виду того, что беженцы, подвергающиеся мобилизации, часто не были официально признаны беженцами и призывались наравне с гражданами России»³⁶.

В то время как беженцы продолжали стихийно перемещаться на запад, обозначилась еще одна проблема, к решению которой ни сами

³⁵ ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 5. Д. 219. Л. 51, 53.

³⁶ Засыпкин М.А. Указ. соч. Л. 85.

беглецы, ни Центропленбеж оказались совершенно не готовыми. По причине разрушений «эвакуированные беженцы и высадившиеся на родину через два-три дня приехали обратно и расположились в бараках (в приемниках, которые были организованы в Молодечно, Вильне, Барановичах... в Минском районе) и выселить их оттуда оказалось немислимым»³⁷. Помочь реэвакуированным беженцам в восстановлении их хозяйств должен был, по мысли Центропленбежа, Комитет государственных сооружений. Однако там явно считали иначе и, хотя и разработали «некоторые планы, достаточно правильные, но дальше плана дело не пошло». На заседания междуведомственного совещания, призванного выработать стратегию и тактику решения беженской проблемы, представитель Комитета госсооружений так и не явился. Стоит ли удивляться, что зимой 1919 г. «разрушение мест их прежнего жительства в освобожденных от оккупации районов» стало одной из основных причин задержки реэвакуации беженцев³⁸.

В этих условиях Центропленбеж обратился за содействием в Совет обороны, апеллируя — ни много, ни мало — к перспективам мировой революции и той роли, которую в ней могли сыграть беженцы:

«Оставшиеся ныне в пределах Российской Советской Федеративной Республики беженцы представляют собой в подавляющем большинстве беднейшую часть всей беженской массы, сдвинутой с мест в начале империалистической войны, за отсутствием средств и заработков, терпят крайнюю нужду в самых насущных потребностях, оборваны, босы, живут в антисанитарных условиях и вымирают не только от эпидемических заболеваний, но и от голода, не встречая достаточно помощи со стороны местных государственных органов... Со стороны местного населения, на которое беженцы легли тяжким бременем, они встречают естественно лишь самое враждебное отношение, так как население, не понимая причин задержки эвакуации беженцев, видит в них лишь попрошайек и дармоедов, не желающих вернуться на родные места... С установлением первых теплых дней беженцы тронутся в путь, наводнят собой все шоссе, поезда, железнодорожные станции, нанося этим неисчислимый вред и без того расстроеному транспорту... Все эти обстоятельства указывают на настоятельную необходимость в настоящее время коренным образом

³⁷ ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 5. Д. 219. Л. 60.

³⁸ См.: Там же. Л. 60, 62.

пересмотреть практиковавшуюся доселе беженскую политику. Беженцы до сих пор пропускались на родину или постольку, поскольку места их жительства освобождались войсками от оккупации и белогвардейцев, либо постольку поскольку это допускалось нашим противником... Необходимо для пропуска беженцев, особенно таких, которые абсолютно безвредны для советской власти (старики, женщины, дети), открыть фронт и организовать самую спешную, непрерывную реэвакуацию... Возвратившиеся на родину беженцы, способствуя росту революционного движения в Польше и западных губерниях, вместе с тем создадут целый кадр устроившегося на местах, настроенного в пользу Советской России бедного крестьянства, в котором советская власть при постоянном изменении демаркационной линии, росте Красной Армии и ее передвижении на Запад встретит необходимую на местах опору могущую значительно облегчить осуществление многих задач. Ввиду всего вышесказанного Центральный коллегия о пленных и беженцах настоящим просит Совет Рабоче-Крестьянской Обороны установить пропускные пункты на Западной фронте для проезда беженцев через демаркационную линию в следующих местах: 1. по линии ж.д. Двинск — Поневеж — Радзивиличи, 2. по линии ж.д. Барановичи — Слоним, 3. по линии ж.д. Лунинец — Минск — Пинск, 3. по линии Киев — Сарны — Ковель»³⁹.

Все эти доводы, однако, искомого результата так и не дали, и санкционированная властями отправка беженцев в бывшие западные губернии Российской империи весной 1919 г. затормозилась⁴⁰. Тогда Центропленбеж переориентировался на решение проблемы армянских беженцев, которых только в районе Астрахани насчитывалось порядка 22 тыс. человек. При этом по договоренности с Англией решено было отправить беженцев на Баку по Каспийскому морю, дабы не везти их сушей через всю страну⁴¹.

За замедлением реэвакуационного процесса еще одной задачей Центропленбежа стала защита беженцев от притеснений со стороны местного населения, которые наблюдались практически повсеместно.

«Отделом беженцев Центральной коллегии получено заявление от делегата Абрамчука Василия, что беженцы Гломаздинской волости находятся в худшем положении в сравнении с местным населением. Предлагается Вам немедленно проверить вышеуказанное заявление и следить за выполнением декрета Совнаркома от 27 июля 1918 г. об

³⁹ ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 7. Д. 17. Л. 9–11.

⁴⁰ См.: Там же. Д. 1. Л. 67, 73.

⁴¹ См.: Там же. Оп. 5. Д. 219. Л. 65.

уравниении в правах беженцев с остальными гражданами Российской Республики»,

— требовал Центропленбеж, обращаясь в марте 1919 г. в Дмитровскую уездную коллегия о пленных и беженцах (Курская губерния)⁴². В распоряжении, преподанном Ново-Оскольской уездной коллегии о пленных и беженцах той же — что показательно — Курской губернии, говорилось примерно то же самое:

«По заявлению делегатов Леонития Райчука, Павла Рудяги и Платона Боедун беженцы, проживающие в Ново-Оскольском уезде, не получают топлива и предметов общего потребления (мануфактура, спички, керосин и пр.) в одинаковой мере с прочим населением. Поэтому Отдел беженцев Центральной коллегии предлагает Вам принять все меры перед местными органами снабжения к выдаче беженцам названных вещей в одинаковой мере с прочим населением. Означенная выдача д[олжна] производиться на основании Декрета 27 июля об уравниении беженцев с прочим населением»⁴³.

Такого рода забота беженцам едва ли помогала, в связи с чем беженцы продолжали просить не о материальной поддержке и защите от притеснений, а прежде всего об отправке домой, изобретая все более и более разнообразные доводы и разбавляя их в том числе и новой, революционной, социально-политической риторикой. В начале 1919 г. белорус Грубер, взывая к властям, к примеру, писал:

«Второй год рабочий народ чувствует себя свободными гражданами только не весь когда наконец освободятся изгнанники царскими палачами псами беженцы лишившиеся всего своего приобретенного веками и теперь четвертый в каторге неужели она бессрочная все утешают выездом а его и нет теперь золотое время весна можно лопатой срыть саженой 40 посеять картофеля и еще что и будет свет не ехать же нам в июне траву жрать. Кроме того в так[ое] трудное время по продовольствию сколько фунтов хлеба останется в Москве, а весь народ уедет, будет кормить себя и излишек даст голодному соседу. Народ ждет выезда как больной здоровья. Если Рос[сийская] Соц[иалистическая] Сов[етская] Респ[ублика] не может вывезти бесплатно, то всякий уедет за последний грош, счастливы некоторые, что уехали, и пишут, [что там] 20 руб. пуд муки, а в Москве — 1200, кто может платить, там 1 пуд картофеля 1 р 50 коп. и тут — 250 руб. Наши братья

⁴² ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 7. Д. 1. Л. 37.

⁴³ Там же. То же самое — «особое» отношение к беженцам — было зафиксировано в Саратове (см.: ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 7. Д. 72. Л. 1).

и отцы оплакивают нашу жизнь, разрешите нам, мы 1200 верст пойдем пешком Вы, советы комиссаров и председатель освободитель трудящихся классов, пламя всемирной революции, путь к освобождению пролетариев, неужели нас не освободите из бессрочной каторги. Товарищ комиссар, чужая рубашка не греет, чужая сторона мачеха, своя хатка родная матка»⁴⁴.

Но ссылка на «пламя всемирной революции» или что-то подобное мало помогали делу. Резолюции на этих и многих других аналогичных беженских прошениях сводились к одной и той же фразе: «Отправить нельзя». Как результат, Советскую Россию захлестнула новая волна беженского движения, направленная на Запад, а Центропленбеж — поток однотипных телеграмм с мест, в которых указывалось: «...На почве задержки реэвакуации начались явления, о коих Губпленбеж своевременно предупреждал: часть беженцев самовольно двинулась пешком, загружая ближайшие станции, требуя отправки. Все пути задержания, разъяснения беженцам невозможности реэвакуации исчерпаны. Предстоят весьма неприятные осложнения...»⁴⁵ Беженцев не останавливали никакие угрозы, и принятый 28 января 1919 г. декрет, признававший беженцами лишь тех, кто не смел выбиваться из послушной терпеливой массы⁴⁶, изменить эту ситуацию не мог.

Центропленбеж, отмечая в своих документах, что «беженцы — это те, которые в настоящее время являются злобой дня всех Пленбежей», едва успевал открывать на путях следования мигрантов ночлежные дома, врачебно-питательные и обсервационные пункты. За 1919 г. в среднем по стране ежемесячно функционировало 96 врачебно-питательных пунктов, рассчитанных на 233 046 человек ежедневной пропускной способности. Пик их деятельности пришелся на июнь — июль 1919 г., когда в Советской России одновременно работало 120 пунктов с пропускной способностью в 410 510 человек. По данным Врачебно-санитарного отдела Центропленбежа, через ночлежные дома при указанных врачебно-питательных пунктах за 1919 г. прошло 925 101 человек. В то же время была создана сеть из 20 «пропускников» с расчетом на 80 200 человек. И тогда как врачебно-питательные пункты и ночлежные дома призваны были обеспечить «возможно полное обслуживание беженцев ... со стороны жилищной, медико-санитарной и продовольственной», то обсервациям отводилась

⁴⁴ ГАРФ. Ф. Р-130. Ф. 3. Д. 22. Л. 12.

⁴⁵ ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 7. Д. 37. Л. 49.

⁴⁶ См.: Там же. Л. 50–61, 78, 79 и др.

роль заслонов, «обеззараживающих крупные города, в преддверии которых они организуются...»⁴⁷ При этом, однако, Центропленбеж, силами которого в 1919 г. в различных направлениях было перевезено 166 260 беженцев, выдано 6 801 718 обедов, 2 297 220 ужинов и 2 811 394 порций чая, а также произведен амбулаторный прием 171 352 человек, едва ли мог похвастать большими успехами. Ведомство вынуждено было констатировать, что те беженцы, которые могли своими силами собраться и уехать на родину, сделали это уже к середине 1919 г., обойдясь при этом без услуг советских эвакуационных служб⁴⁸. И если кто-то и помог беженцам в осуществлении их многолетней мечты о возвращении на родину, так это были... немцы, позволявшие бесприютным скитальцам переходить линию фронта за умеренную плату. Отсутствие соответствующих бумаг при этом легко компенсировалось за счет развитого «черного» рынка дорожных документов. Те же беженцы, которые не могли заплатить за пересечение демаркационной линии, нередко прибегали к помощи тайных немецких агентов, рыскавших в прифронтовой зоне в поисках дешевой рабочей силы для ферм Пруссии. Выраженный Центропленбежем официальный протест против этих действий, «познакомивших Россию с обычаями и нравами негритянских невольничьих плантаций», беженцев не останавливал⁴⁹. При этом, есть основания полагать, что в Центропленбеже, глядя на все это, на самом деле, скорее, радовались, нежели расстраивались, избавляясь от части беженцев усилиями самих беженцев.

Так или иначе, но покинуть Россию к середине 1919 г. удалось лишь части беженцев. Значительное их количество оказалось лишено возможности уехать просто потому, что находилось на территориях, подвластных антибольшевистским правительствам. При этом, что характерно, многие такие беженцы снова стали беженцами.

«Из Ревдинского завода прибыли в г. Екатеринбург два представителя от проживавших в заводе 120 латышских семейств, для исходатайствования перед местными военными и гражданскими властями дальнейшего проживания. Как известно, латышские семейства появились у нас после сдачи немцам г. Риги, гонимые материальной нуждой... Администрация завода охотно приняла специалистов-латышей

⁴⁷ ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 5. Д. 219. Л. 25, 74, 76 и др.

⁴⁸ См.: Там же. Л. 48–49.

⁴⁹ См.: Gatrell P. Op. cit. P. 190.

с их громадной практикой в заводском деле, и лишь последние события военного времени посеяли рознь между местным населением и латышами, результатом чего и было требование граждан Ревдинского завода, чтобы латыши оставили завод»,

— сообщала о таких дважды беженцах газета «Зауральский край» в августе 1918 г.⁵⁰ В начале 1919 г. за таких же дважды обездоленных просило губернское самоуправление Перми, обращаясь к начальнику Пермской железной дороги:

«Проживавшие до последнего времени в пределах Осинского уезда беженцы, кои вынуждены были оставить родные насиженные места еще во время войны с австро-германцами, ныне вновь испытывают тяжелую долю бесприютных людей, так как оказались эвакуированными из Рождественской волости, Осинского уезда, находящейся в полосе военных действий. В виду того, что эвакуированные в количестве около 60 человек не могут найти себе пристанища в Перми, благодаря чрезмерной перенаселенности города, губернская земская управа убедительно просит Вас предоставить им один или два вагона (смотря по потребности) 4-го класса и передвинуть их в менее населенные места до Челябинска или, в крайнем случае, до Екатеринбург»⁵¹.

Помощи со стороны железнодорожной администрации беженцы, однако, так и не дождались. Более того, она не просто в ней отказала, но и в категоричной форме потребовала избавить себя от всяких забот, связанных с судьбами изгнанников:

«В настоящее время на ст. Пермь II находятся в вагонах и помещении вокзала семьи беженцев. Прошу земскую управу принять экстренные меры к выселению беженцев из вокзала и вагонов в город. Среди беженцев есть больные, может быть, заразные, они загрязняют станцию, а также пути. Кроме всего этого, они обращаются за помощью со своими нуждами к железнодорожной администрации, которая не может исполнять ихние требования. Прошу в недельный срок исполнить мое требование, иначе будет возбуждено ходатайство перед вышестоящими организациями города...»⁵²

Положение беженцев Первой мировой войны осложнялось тем, что события 1918 — начала 1920-х гг. поставили на повестку дня вопрос о «новых» беженцах — беженцах Гражданской войны. Так,

⁵⁰ Выселение латышей // Зауральский край. 1918. 21 авг.

⁵¹ ГАПК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 319. Л. 19–19 об.

⁵² Там же. Л. 20–20 об.

Екатеринбург в августе — октябре 1918 г. принял 250 таких беженцев из окрестных деревень Балтыма, Мостовой и Пышмы, 204 беженца из Нижнего Тагила, 200 беженцев из Верх-Нейвинского завода и Рудянки, а также несколько партий беженцев из Казани и Перми⁵³. Но это было только начало. В конце октября 1918 г. на Урал, в Зауралье и Сибирь хлынул поток беженцев из Поволжья, размеры которого были оценены властями в 100 тыс. человек.

«Беженская волна в несколько десятков тысяч человек движется из Челябинска на Тюмень; дальнейшее направление: Омск железной дорогой и Тобольск, Семипалатинск водой; предполагается ежедневно в Тюмень направлять 2 поезда по 1000 человек в каждом. Из Омска направлены в Тюмень 10 пароходов. В Тобольске и Семипалатинске предполагается разместить по 6 000 человек...»,

— приводила газета «Свободное слово» правительственную телеграмму, отправленную на имя городского головы Тюмени 16 октября 1918 г.⁵⁴ Для приема беженцев Гражданской войны из Поволжских губерний были организованы питательные пункты в Боготоле, Ачинске, Красноярске, Каинске и Иркутске. В то же время в Новониколаевске были открыты центральные справочное бюро и распределительный пункт⁵⁵. Беженцы, прибывшие из Казанской, Самарской, Саратовской и Симбирской губерний, были столь многочисленны, что в Тюмени даже организовали Общество взаимопомощи и объединения беженцев Приволжья, которые, очевидно, рассчитывали на особое место в ряду прочих беженцев⁵⁶.

Но особым это место так и не стало, поскольку беженское движение на востоке России росло и ширилось день ото дня, и несмотря на то, что 2 августа 1918 г. Временное Сибирское правительство утвердило аванс в 64 млн руб. на содержание беженцев в августе — сентябре 1918 г., «возможности оказать беженцам поддержку в размере, соответствующем их нужде» власти просто не могли⁵⁷.

⁵³ См.: Беженцы // Зауральский край. 1918. 30 авг.; Беженцы // Там же. 10 сент.; Прибытие беженцев-пермяков // Там же. 19 окт.; и др.

⁵⁴ Беженская волна // Свободное слово. 1918. 16 окт.

⁵⁵ См.: О беженцах // Зауральский край. 1918. 27 окт.

⁵⁶ См.: Собрание беженцев Приволжья // Свободное слово. 1918. 13 окт.; В комиссии о беженцах из Приволжских губерний // Там же. 17 окт.; Беженцы // Там же. 22 окт.; От комитета общества беженцев Поволжья // Там же. 28 дек.

⁵⁷ См.: Катцина Т.А., Мезит Л.Э. Меры социальной помощи населению Енисейской губернии антибольшевистскими правительствами (июнь 1918 — декабрь 1919 г.) // Известия Уральского федерального ун-та. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2018. Т. 20. № 4 (181). С. 83.

В конечном итоге беженцы Гражданской войны, претендуя на внимание к себе, — на транспорт, помещения, продовольствие, медицинскую и другую помощь, — не просто составили, сами того не желая, серьезную конкуренцию «старым» беженцам Первой мировой. Они в этой конкуренции безусловно были впереди.

«Окружной комитет почтово-телеграфных служащих в Омске обратился к министру труда и полковнику Ерофееву с просьбой об отводе помещения беженцам — служащим почтово-телеграфного ведомства Казанского округа. Последние в числе 200 человек живут в почтовой конторе. Среди них уже было 2 случая заболевания тифом со смертельным исходом. Комитет просит для размещения беженцев реквизиовать имеющиеся в Омске бильярдные и увеселительные места»,

— фиксировал «Вестник Всероссийского временного правительства» одно из проявлений такой конкуренции⁵⁸. Ее резко обострило не только прибытие все новых и новых партий беженцев, но и введение в действие циркуляра Министерства внутренних дел Временного Сибирского правительства № 893 от 8 августа 1918 г. Сохранив право на пищевое довольствие, квартирное пособие, снабжение бельем, одеждой и мылом только за нетрудоспособными беженскими семьями и круглыми сиротами до 14 лет, этот документ фактически изменил сам подход к категоризации беженцев. Очень скоро выяснилось, что «означенные выше правила не всегда отвечают требованиям действительности и во многих случаях семьи беженцев, действительно испытывающие нужду и заслуживающие помощи, лишаются таковой только лишь потому, что по своему семейному составу несколько не подходят под условия, изложенные в изданных министерством правилах». Пункт 2-й правил, к примеру, говорил, что правом получения помощи на детей могли пользоваться лишь те семьи, которые находились на иждивении одного работника или работницы, если число детей в семье, и при том нетрудоспособных, составляло не менее трех.

«Как раз на основании этого пункта не имеет права на пособие семейство беженки Заквий, состоящее из самой Амалии Заквий 31 года и двух её детей — Эмилия 1 года и Наталия 8 лет. Рассуждая по справедливости, естественно прийти к заключению, что Заквий, имеющей двоих малолетних детей, едва ли возможно отлучаться на какие-либо поденные работы, заняться же каким-либо делом на дому она не может, так как не знает никакого ремесла и таким образом, если не

⁵⁸ Беженцы // Вестник Всероссийского временного правительства. 1918. 7 нояб.

прийти этому семейству на помощь, то положение его будет безвыходным. Точно также к неутешительным выводам мы придем и в том случае, если рассмотрим положение прочих семей беженцев, например, Шульц, Вих, Казимирук и др.»,

— била тревогу Кунгурская уездная земская управа, требуя от властей удовлетворять ходатайства беженцев о помощи, исходя из действительной потребности в ней, а не основываясь на каких бы то ни было формальных признаках⁵⁹.

Очевидно, что Комуч, который просто переложил все заботы о беженцах на местные самоуправления, и Временное Сибирское правительство, пытавшееся минимизировать свои расходы на вынужденных мигрантов, были более озабочены иными, прежде всего военно-политическими проблемами, нежели вопросами гуманитарного свойства. В таких условиях главной надеждой беженцев действительно стали местные самоуправления, а также общественные организации. Так, именно местные власти содержали питательные пункты в помещении бывшего лазарета Шведского Красного Креста и в доме Королькова в Екатеринбурге⁶⁰, устраивали женские беженские приюты в Омске⁶¹, поддерживали колонию детей-беженцев, располагавшуюся в Тюмени в доме Игнатовой⁶². Вместе с тем за отсутствием ресурсов многие местные самоуправления вынуждены были сворачивать свою деятельность по поддержке беженцев, о чем, к примеру, в начале октября 1918 г. заявила городская управа Екатеринбурга, перенаправив всех нуждавшихся в городское попечительство о бедных. В конце месяца от беженцев, «отнимающих много времени», отказался также местный комитет Союза городов⁶³. Польские, латышские и другие национальные комитеты помощи беженцам, закрытые большевиками и вновь разрешенные с их изгнанием, также обнаружили свою несостоятельность, поскольку возможности этих организаций без серьезной поддержки правительства оказались жёстко лимитированы их скромными бюджетами⁶⁴.

⁵⁹ ГАПК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 319. Л. 44.

⁶⁰ См.: Питательный пункт для беженцев // Зауральский край. 1918. 13 авг.; В Бирже труда // Там же. 14 авг.; К сведению беженцев // Там же. 28 авг.

⁶¹ См.: Беженцы // Вестник Всероссийского временного правительства. 1918. 7 нояб.

⁶² См.: Воззвание к населению гор. Тюмени и уезда // Свободное слово. 1918. 3 нояб.

⁶³ См.: Ликвидация беженского дела // Зауральский край. 1918. 8 окт.; О беженцах // Там же. 27 окт. См. также: Ликвидация комитета попечения о беженцах // Вестник Всероссийского временного правительства. 1918. 7 нояб.

⁶⁴ См.: Помощь польским беженцам // Зауральский край. 1918. 10 сент.; Собрание латышей // Там же. 12 сент.; Среди латышей // Там же. 19 сент.; и др.

Исходя из этого, как минимум, заслуживает быть отмеченной та помощь, которую беженцы получали от миссии Американского Красного Креста и Христианского союза молодых людей (УМСА). И ранее принимавшие участие в судьбах российского беженства, эти и другие иностранные организации теперь в целом ряде случаев оставались единственной надеждой не только беженцев, но и озабоченных беженской проблемой местных управленческих служб.

«Областная земская управа вошла в тесный контакт с американским Красным Крестом, цель которого — материальная помощь беженцам. Совместная работа направляется в сторону целесообразной затраты сил на действительные нужды беженцев. Предполагается строгое деление последних на способных и неспособных к труду. Для первых будет открыт ряд мастерских, приноровленных к поднятию производительности области. Второй категории будут выдаваться определенные вспомоществования»,

— корреспондировали из Хабаровска в декабре 1918 г.⁶⁵ Особенную и при том неоднозначную роль американские организации приняли, как известно, в истории петроградских и московских детей-беженцев, еще в 1917 — первой половине 1918 г. переправленных на восток страны, но так и не нашедших здесь надежного пристанища.

«Согласно телеграммы управляющего Министерством внутренних дел от 8 июля за № 44522 с Уфимского фронта спешно будут перевезены в Тобольск до 400 петроградских детей, содержащихся на счет Американского Красного Креста. По постановлению особой жилищной комиссии, состоявшемуся 8 сего июля, решено имеемых прибыть детей разместить в зданиях гостиницы, богадельни и скита Ивановского монастыря»,

— сообщал источник лишь об одном эпизоде скитаний этих детей⁶⁶, ставших заложниками военно-политического противостояния «красных» и «белых» и, по сути, олицетворением бесконечных беженских злоключений⁶⁷.

⁶⁵ Помощь беженцам // Свободное слово. 1918. 11 дек.

⁶⁶ ГАТ. Ф. И-197. Оп. 1. Д. 161. Л. 2, 8. См. также: «Христианский Союз молодежи» // Зауральский край. 1918. 16 окт.

⁶⁷ См. об этом: Липовецкий В. Ковчег детей, или невероятная одиссея. СПб., 2005; Молкина О.И. Над нами Красный Крест. М., 2006; Ляшенко М. Из Питера в Питер. М., 1981; Miller F. The wild children of the Urals. New York, 1965; Swan J. The lost children: Russian odyssey. Carlisle, Pennsylvania, 1989; и др. См. также: Рышков В.М. Социальная политика антибольшевистских правительств на востоке России (июнь 1918 — октябрь 1922 г.): дисс. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2021. Л. 486–489.

Действительно, положение беженцев на востоке России в годы Гражданской войны практически всегда оставалось, если можно так выразиться, стабильно нестабильным. Причем не только по причине напряженной ситуации на фронте или продовольственном, жилищном и любом другом рынке. Риски для беженцев были детерминированы еще и тем фактом, что именно они чаще всего страдали от подозрений в шпионаже в пользу противника. «Около кинематографа “Колизей” районным наблюдателем 2 части задержан беженец из Ковенской губернии Мендель Портной, производящий снимки фотографическим аппаратом без всякого на то разрешения милиции», — фиксировала газета «Зауральский край» частное проявление общего недоверия к беженцам⁶⁸.

Еще одну опасность для беженцев представляли попытки их мобилизации в интересах продолжения войны, от которой они так отчаянно пытались укрыться. В первую очередь это касалось земских служащих, врачей, учителей и других представителей интеллигентных профессий, что, впрочем, не только не выбивалось из общей политики антибольшевистских режимов по регулированию рынка труда, но, наоборот, ей в полной мере соответствовало. По данным В.М. Рынкова,

«впервые вопрос о возможности принудительной мобилизации на гражданскую службу лиц с высшим образованием был поднят на заседании Совета министров Временного сибирского правительства еще 2 сентября 1918 г. 6 мая 1919 г. Российское правительство приняло постановление о трудовой повинности. Оно позволяло по мере необходимости призывать на гражданскую службу лиц “интеллигентских профессий” в возрасте от 21 до 55 лет. Закон предполагалось применять локально, призывая то медиков, то юристов, то ветеринаров»⁶⁹.

На этом фоне «приглашение» «всех эвакуированных и бежавших из Европейской России служащих земских учреждений зарегистрироваться» в Земском отделе МВД (Омск, ул. Александровская, 19) не выглядело чем-то из ряда вон выходящим⁷⁰. Впрочем, прагматичное отношение к беженцам было для них далеко не самым худшим вариантом. Так их признавали хоть в чем-то полезными на фоне общего

⁶⁸ Задержание // Зауральский край. 1918. 17 окт.

⁶⁹ Рынков В.М. Расчеты и просчеты государственного регулирования рынка труда на Востоке России в годы Гражданской войны // Гуманитарные науки в Сибири. 2007. № 2. С. 43.

⁷⁰ См.: К сведению земских служащих-беженцев // Вестник Всероссийского временного правительства. 1918. 7 нояб.

негативного отношения к мигрантам, которое прекрасно отразила одна из публикаций газеты «Свободное слово» в конце октября 1918 г.:

«За время продолжающейся пятый год войны при трех (так в тексте — *Авт.*) революциях Россия пережила и испытала многое, получила много хороших уроков, но не успела научиться почти ничему.

Ярким примером всего этого служат теперешние беженцы, которые не сумели достаточно организовать и прийти на помощь правительственным войскам, чтобы противостоять на родных местах красноармейцам и немцам.

Страдая вследствие распыленности своих сил сами, они в то же самое время заставляют страдать других, уплотняя квартиры, стесняя коренных жителей и удорожая предметы продовольствия.

Чтобы нам, горожанам безболезненное перенести эту новую беженскую волну, где жилищный и продовольственный вопрос и без того обострился, необходимо направить эту волну по деревням. Там и съестных припасов много, и квартиры найдутся...

Нельзя же устраивать одних, внося расстройство в жизнь других!»⁷¹

Стоит ли удивляться, что именно на беженцев, по крайней мере на уровне обывательском, была возложена вина за распространение на востоке России эпидемии тифа. Она здесь стала реальностью уже в 1918 г., о чем, в частности, свидетельствовали материалы работы городской думы г. Тюмени от 22 октября, в которых отмечалось:

«...Дума одобрила все мероприятия по борьбе с тифозной эпидемией, выработанные Пироговским обществом врачей и скрепленные городской управой. Заболевания преимущественно среди беженцев-староверов, избегающих врачебной помощи по религиозным верованиям, но есть больные и среди остальных горожан. Для заведования делом борьбы с тифом приглашен врач Русских. Весь состав медицинский в отношении жалования будет приравнен к эпидемическому»⁷².

Через месяц неблагоприятная в эпидемическом отношении ситуация только ухудшилась, что заставило власти закрыть для въезда беженцам некоторые города. Так, начальник штаба Главнокомандующего армиями Западного фронта, генерал-лейтенант М.К. Дитерихс в этой связи издал специальное распоряжение, которое предписывало:

«Ввиду переполнения города Челябинска беженцами и войсковыми частями фронта и крайней скученности расквартирования, обусловившей развитие тифозных заболеваний, и в целях освобожде-

⁷¹ Плясунов Н. Беженцы // Свободное слово. 1918. 22 окт.

⁷² В городской думе // Свободное слово. 1918. 24 окт.

ния помещений для прибывающих на фронт войсковых частей, управлений и учреждений, вводятся нижеследующие правила: 1) Въезд в город Челябинск разрешается только лицам, имеющим казенную или общественную надобность не иначе как по специальным пропускам, выдаваемым военными начальствующими лицами, на срок не свыше семи дней. 2) Коменданты станций как на запад, так и на восток от Челябинска, а равно и комендант станции Челябинск, организуют при содействии милиции осмотр документов всех следующих в город Челябинск пассажиров, причем лица, установленных пропусков не имеющие, к въезду в город не допускаются, а возвращаются в места, откуда выехали, или направляются по маршрутам, установленным для эвакуации беженцев. 3) На разъездах и станциях, прилегающих к Челябинску, устанавливается охрана для предупреждения высадки там пассажиров и дальнейшего проникновения их в город. Виновные в самовольном въезде в город Челябинск, помимо немедленной высылки из пределов города этапным порядком, подвергаются штрафу до трех тысяч рублей с заменой при несостоятельности заключением в тюрьму на срок не свыше трех месяцев...»⁷³

Омское правительство А.В. Колчака, придя к власти в ноябре 1918 г., в первую очередь также попыталось навести порядок в перемещениях военных и гражданских лиц (и перемещениях беженцев в том числе), действуя при этом в привычных военно-административных рамках:

«Вся территория, находившаяся под контролем Омского правительства, была поделена на восемь районов, или “полномочий”... 1-е Златоустовское полномочие, с центром в Златоусте, располагалось по линии станция Сулея — станция Уфа. 2-е передовое полномочие — по линии станция Сулея — станция Аксаково (после взятия белыми Уфы — станции Сулея — Аксаково — Уфа — Раевка); на него легла основная работа по приему раненых и больных. 3-е передовое полномочие располагалось по линии станций Сулея — Мясогутово — Тастуба — Бирск; в этот район направлялся главный поток бывших военнопленных из Германии, Австрии, Болгарии и Турции. Кроме них были созданы также районное полномочие при Уральском корпусе генерала Голицына и четыре тыловых полномочия: Челябинское, Курганское, Петропавловское, Куломзинское. Функции последнего из них должны были осуществляться вдоль берега Иртыша по железнодорожной магистрали Омск — Новониколаевск. В этом

⁷³ [Без названия] // Свободное слово. 1918. 17 нояб.

районе концентрировались потоки беженцев с Поволжья, Приуралья и Сибири»⁷⁴.

Между тем, едва справляясь с беженским движением, военная администрация в какой-то степени сама ему способствовала, тиражируя беженские же рассказы об «ужасах», творящихся в Советской России:

«Пробравшиеся из Перми рассказывают, что назначенный было комендантом Перми Окулов, человек жестокий и расстрелявший сотни граждан, смещен за недостаточную работу по подавлению контрреволюции и нераспорядительность. В Перми произведен учет союзов организаций и подготавливается организация Совдепа, большинство которого будут [составлять — *Авт.*] присланные из Петрограда и Москвы коммунисты. Город опустел и замер, полное отсутствие интеллигенции. Подвоза [продуктов и фуража — *Авт.*] из деревни нет, хотя и существует пока свободная торговля. Цены страшно поднялись... В Камышлове и Шадринске пустуют целые кварталы. В обоих городах поставлены коменданты и назначены революционные комитеты, оставшееся имущество беженцев описывается. В Красной армии коммунистов почти не осталось. А те, которые там еще остались, занимают нестроевые должности. До передовых позиций доходит только третья часть отправленных солдат...»,

— писала, к примеру, газета «Сибирский казак», апеллируя к беженцам как безусловно достоверному источнику информации⁷⁵. Не прошло и недели, как издание, снова манипулируя беженцами, известило своих читателей:

«Беженцы из Совдепии сообщают, что крестьяне Владимирской губернии прошлой зимой и весной за отсутствием всяких продуктов питались овсом и редькой... Все продовольственные продукты были отобраны волостными совдепами... Большая часть полей и огородов осталась незасеянной... Настроение населения противокommунистическое, в совдепах зеленая молодежь, старики уклоняются от выборов...»⁷⁶

Но это все характеризовало прежде всего ситуацию с «новыми» беженцами. И если бы не «Временное положение о призрении беженцев», принятое Омским правительством 4 июня 1919. г.⁷⁷, то могло

⁷⁴ Минаев В.В. Демографические факторы обострения экономического кризиса в годы гражданской войны (на примере Сибири и Дальнего Востока) // Гражданская война в России (1917–1922 гг.). М., 2002. С. 214.

⁷⁵ В большевистском раю // Сибирский казак. 1919. 10 сент.

⁷⁶ Как живут крестьяне в Совдепии // Сибирский казак. 1919. 14 сент. См. также: Жизнь в Перми // Там же.

⁷⁷ См.: ГАТ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 317. Л. 6–7.

показаться, что на фоне людских потоков, вызванных Гражданской войной, о мигрантах времен Первой мировой войны практически забыли. И это было почти так, несмотря на то что названный документ гарантировал «старым» беженцам все действовавшие ранее виды казенных пособий. Проблема состояла в том, что круг их получателей был ограничен, исчерпываясь неимущими детьми до 14 лет, больными, утратившими трудоспособность более чем на 50 %, мужчинами и женщинами старше 55 и 50 лет соответственно, матерями перед родами или в послеродовом периоде при наличии у них детей до пяти лет. По данным Т.А. Катциной и Л.Э. Мезит, применение этой нормы в Красноярске привело к тому, что из 5 586 человек, находившихся к 1 июля 1919 г. на попечении Красноярского городского комитета по делам беженцев, государственную поддержку получило только 711 из них или менее 13 %⁷⁸. Очевидно обращение к прежнему опыту материальной поддержки беженцев было, скорее, формальным, нежели реальным. То же самое можно сказать и о попытках рационального расселения беженцев, в основе которых лежали принципы, использованные еще в годы Первой мировой войны. Компактно расположить беженцев на территории Сибири антибольшевистским правительствам так и не удалось, равно как и освободить от мигрантов города и железнодорожные узлы⁷⁹. Население в таких условиях продолжало относиться к беженцам враждебно, тогда как беженцы «империалистической войны» продолжали мечтать об отъезде на родину и в связи с этим с надеждой смотрели на запад, на Советскую Россию...⁸⁰

По данным Центроплембежа, Советская Россия также столкнулась с проблемой беженцев Гражданской войны: на подвластной большевистскому правительству территории уже к середине 1919 г.

⁷⁸ См.: Катцина Т.А., Мезит Л.Э. Указ. соч. С. 85.

⁷⁹ См. об этом, напр.: Жизнь пригородных станций // Сибирский казак. 1919. 12 сент.

⁸⁰ О беженцах на востоке России в 1917–1922 гг. см. подробнее: Багаутдинов Р.О. Мусульмане-беженцы в Сибири и на Дальнем Востоке в годы Гражданской войны // Вестник Башкирского университета. 2013. Т. 18. № 1. С. 262–263; Звягин С.П. Беженцы в сибирских городах (1918–1919 гг.) // Хозяйственное и культурное освоение Урала и Сибири в XIX–XX вв. Томск, 2008. С. 112–116; Пай С.С. Решение проблемы беженства, беспризорности и безнадзорности детей в Приморской области в 1917–1922 годах // Гражданская война и интервенция на российском Дальнем Востоке: уроки истории: материалы Второй международной науч. конф. Владивосток, 2012. С. 149–154; Позняк Т.З. Беженцы во Владивостоке от Первой мировой до Гражданской войны: проблемы выживания и общественного признания // Известия Лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14. № 2. С. 193–205; Сизов С.Г. Беженцы в Белом Омске (1918–1919 гг.) // Гражданская война в регионах России: социально-экономические, военно-политические и гуманитарные аспекты: сб. статей. Ижевск, 2018. С. 330–342; и др.

их насчитывалось порядка 300 тыс. человек⁸¹. Впоследствии к ним добавились мигранты, сдвинутые со своих мест советско-польской войной, которая к тому же надолго отсрочила официальную отправку оставшихся в Советской России беженцев на родину. Но и это было еще не все, учитывая, что совсем скоро на Россию обрушился еще и очередной голод⁸², породивший тысячи так называемых голодобеженцев⁸³. Более 235 тыс. таких голодобеженцев прошло только через Новониколаевскую губернию, явно не способствуя отправке на родину беженцев Первой мировой войны⁸⁴.

Перемещения всех этих людей носили в основном самостоятельный характер, породив специальный термин «самотек», многократно появлявшийся не только в документах Центропленбежа и сменившего его в феврале 1920 г. Центроэвакуа, но и других учреждений и ведомств⁸⁵. Это косвенно засвидетельствовало тот факт, что неуправляемые перемещения населения стали общей проблемой, и как с ней справиться советские эвакуационные службы просто не знали. Беженцы же в это время рыскали по стране в поисках лучшей доли или обреченно ожидали милости от властей, повсеместно голодая и жалея о том, что не снялись со своих мест раньше.

«Объявите нам, на каком основании находятся беженцы в настоящее текущее время? Обращаемся мы к вам потому, что, несмотря на декреты, изданные советской властью для облегчения страдальческой жизни беженцев, жизнь наша не облегчается. Одним из декретов с[оветской] в[ласти] беженцы были поставлены в праве голоса с гражданами России. Мы же этого права не имеем с местным населением, где

⁸¹ ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 5. Д. 219. Л. 47.

⁸² См. об этом: Ингулов С. Голод в цифрах. М., 1922; Итоги борьбы с голодом в 1921–1922 гг.: сб. статей и отчетов. М., 1922; Переселение как средство от голода // Спутник агитатора. 1921. № 2–3. С. 43–48; и др. См. также: Боже В., Непеин И. Жатва смерти: голод в Челябинской губернии в 1921–1922 гг. Челябинск, 1994; Каракулов Д.В. Голод 1921–1922 гг. на Урале: дисс. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2000; Поляков В.А. Голод в Поволжье, 1919–1925 гг.: происхождение, особенности, последствия. Волгоград, 2007; и мн. др.

⁸³ См. об этом, напр.: Розовык О.Д. Меры государственных органов власти и общественных организаций УССР по оказанию помощи беженцам из голодающих губерний Поволжья в 1920–1924 годах // Вестник ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право. 2014. № 1. С. 6–13.

⁸⁴ См.: Второй Новониколаевский губернский Съезд Советов Рабочих, Крестьянских и Красноармейских депутатов, 21–25 сентября 1922 года. Новониколаевск, 1922. С. 15.

⁸⁵ См., напр.: Доклад Вологодского Городского Совета Рабочих и Красноармейских депутатов и его исполнительных органов о своей деятельности за время с 1-го ноября 1921 года по 1-е ноября 1922 г. Вологда, 1922. С. 13; Доклады Карельского Областного Исполнительного Комитета Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов к 3-му Всекарельскому Съезду Советов. Петрозаводск, 1922. С. 46.

временно проживаем. Не имеем мы потому что в местных совдепах правят не сочувствующие нашей жизни. В кооперативе-потребилровке засели крупные торговцы, которые теснят нас, не давая нам продукты [первой] необходимости наравне с местным населением, хотя мы и внесли членский взнос. Центральное правление всероссийского союза беженцев отпустило на нужды беженцев 35000 рублей. Мы же не получаем ни одной копейки ни подушно, ни помесечно, начиная с июля месяца 1918 года. По постановлениям из телеграмм за № 386 31 января и за № 587 28 февраля 1918 года из Петрограда организовывали и регистрировали к эвакуации на родину, но по разным причинам войны нас не вывезли. За остановкою эвакуации нам обещали денежное пособие, но никогда не выдавали до сего времени посылаемым нашим уполномоченным и не присылали по обещанию по почте. В декрете о мобилизации для Красной Армии войск мы были освобождены, но несознательные местные люди добились того, чтобы мобилизовали и беженцев... Есть и извлечение — телеграмма № 926, не позволяющая самовольный выезд беженцев, вообще [она] правильна, но мы за исполнение ее и за ожидание правильной эвакуации каемся, потому что кто, не поверив, поехал на лошади, чуть не заехал уже на родину и пишет, что заехал благополучно и хлеба вдосталь по России. И так с наступлением весны 1920 года все беженцы станут [собирасть] последние пожитки и начнут отправляться на родину. Этим они еще больше внесут разруху в свою страдальческую жизнь. В предупреждение этого надо оказать посильную помощь, чтобы утвердить веру в благопожелании [советской] в[ласти] в их страдальческой жизни. Но не так мы ждем таковой помощи, как ждем долгожданной эвакуации на пепелище нашей любимой родины Белоруссии...»,

— роптали и в то же время надеялись беженцы, «застрававшие» где-то под Оренбургом⁸⁶. Обнаруживая явный дефицит информации о перспективах реэвакуационного процесса в провинции, процитированный документ тем самым еще и засвидетельствовал слабость всей той системы, которая должна была поддерживать беженцев. Особенно это ощущалось в регионах, вновь перешедших под контроль советского правительства, где беженцы и прочие контингенты Центропленбежа/Центроэвакуа были просто брошены на произвол судьбы, выживая кто как мог. Об этом, в частности, свидетельствовал пример недавно освобожденного от «белочехов» Екатеринбурга и его окрестностей.

⁸⁶ ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 146. Л. 159–160 об.

«По полученным сведениям, в здании фабрики и дома Коробейникова, занятого военнопленными австрийцами и беженцами, происходит уничтожение зимних рам и досок, заготовленных для ремонта, на предмет отопления помещений. На основании вышеизложенного прошу срочных мер к устранению такого недопустимого факта, в противном случае вышеозначенные здания будут отведены под постой войск»,

— грозил 27 сентября 1919 г. комендант города, обращаясь в местный губпленбеж⁸⁷. Спустя несколько дней, в октябре 1919 г., санитарный врач местного екатеринбургского уездно-городского отдела здравоохранения зафиксировал еще один пример приспособляемости людей, загнанных на чужбину одной войной и задержанных там другой:

«При посещении мною ... дома Харитонов, в котором живут пленные солдаты и беженцы, оказалось, что они занимают верх и низ одного крыла дома и флигель... Все помещения, занимаемые этими лицами, в высшей степени мрачны, малы, так что количества воздуха не хватает на всех живущих. Для сна хотя и устроены нары, но их совершенно не хватает. Многие спят прямо на полу, а некоторые устроились так, что повалили шкафы на пол. Спят на них. Грязь всюду страшная, сор на полу не убран и в углах заметна масса мусора. Некоторые беженцы занимаются тут же сапожным мастерством и плетением корзин, благодаря чему количество сора увеличивается еще больше, портится воздух. У беженцев этих много детей всех возрастов, которые бегают и сорят на пол. Несмотря на сильную грязь в помещении, беженцы заготавливают тут же себе капусту на зиму, режут и рубят ее. Помимо всего этого бегают собаки. Воздуху совершенно не хватает для живущих, и благодаря антигигиеничному содержанию комнат нет ничего мудреного, если вспыхнет эпидемия сыпного тифа среди жильцов...»⁸⁸

В условиях неумолимо наступивших уже ранней осенью 1919 г. холодов ко всем прочим проблемам ожидаемо добавилась еще и топливная⁸⁹, а когда весной 1920 г. она утратила свою актуальность, возникла следующая — продовольственная. Обращаясь по этому поводу в губернский продовольственный комитет, начальник Екатеринбургского пленбежа А. Седов просил отпустить его ведомству хоть что-то:

«Ввиду отсутствия картофеля, капусты и каких-то бы ни было продуктов для варки пищи, что ставит в скверные условия проживающие на нашем иждивении контингенты..., не говоря уже о массовом

⁸⁷ ГАСО. Ф. Р-1646. Оп. 1. Д. 3. Л. 179.

⁸⁸ Там же. Л. 131.

⁸⁹ См. об этом: Там же. Л. 117.

ежедневном проезде рабочих и военнопленных, настоящим просим о выдаче хотя бы каких-нибудь суррогатов для приварки довольствия»⁹⁰.

В соседних с Екатеринбургом уездах ситуация была не менее печальной. «Снабжение беженцев и военнопленных продовольствием ... крайне неудовлетворительно, приблизительно с начала ноября месяца прошлого года замечается недостаток в следующих продуктах: сахаре, муке, обуви и обмундировании», — корреспондировал в начале 1920 г. начальник Верхотурского уездного управления по делам пленных и беженцев Калганов⁹¹. Из Камышлова и Ирбита, где находились лагеря губпленбежа № 2 и № 3, а также из Красноуфимска подтверждали: с питанием плохо, его, равно как и жильё, люди «добывают» сами⁹².

Скудные возможности властей в деле помощи беженцам не менее наглядно демонстрировал пример Шадринского уезда, наиболее людного по населенности мигрантами. К началу 1920 г. здесь было зарегистрировано 718 военно-задержанных иностранцев, 330 вражеских военнослужащих, 2 618 беженцев и 2 847 русских военнопленных.

«Доводится до сведения всех проживающих в г. Шадринске беженцев империалистической и гражданской войны и иностранных военнопленных, состоящих на работах, что выдача продовольственного пайка нуждающимся будет производиться два раза в неделю: по понедельникам и четвергам, для чего и требуется представить удостоверение об имущественном положении от квартального уполномоченного заверенное участковой милицией и удостоверение о заработной плате от того учреждения, предприятия, лица или же организации, при которой последний находится. Старики от 60 лет и нетрудоспособные по удостоверениям врачей получают пособие от уездного отдела социального обеспечения наравне с остальными гражданами»,

— вот то немного, что власти могли предложить людям в конце 1919 г.⁹³ Дополняя картину Ф. Соколов, глава Шадринского уездного констатировал: «Квартирный вопрос обстоит довольно остро. Замечается враждебное отношение со стороны населения к военнопленным, военнообязанным и беженцам. Были случаи выдворения с квартиры»⁹⁴.

⁹⁰ ГАСО. Ф. Р-1646. Оп. 1. Д. 2. Л. 14.

⁹¹ См.: ГАСО. Ф. Р-1646. Оп. 1. Д. 3. Л. 91–96.

⁹² См.: Там же.

⁹³ ГАРФ. Ф. Р-306. Оп. 1. Д. 3. Д. 417.

⁹⁴ ГАСО. Ф. Р-1646. Оп. 1. Д. 3. Л. 91–96.

В соседней с Екатеринбургом Перми, где работал специальный лагерь для беженцев, пленных и прочих перемещенных лиц, наблюдалась схожая картина. Другой она просто не могла быть уже потому, что финансовое совещание при Центропленбеже вместо представленной Пермским губпленбежем в 1920 г. сметы в размере 72 773 664,3 рубля утвердило смету в сумме 14 781 931 рубль, — то есть сумме, почти в пять раз меньшей требуемой⁹⁵. Было ли это как-то связано с финансовым скандалом, закончившимся в начале 1920 г. судом военного трибунала над начальником губернской эвакуационной службы Ф. Грузитом и его помощником А. Бушем, неизвестно⁹⁶. Факт же при этом оставался фактом: в условиях дефицита ресурсов страдали прежде всего люди, помочь которым на местах не могли даже самые преданные своему делу сотрудники.

«Медицинская сторона дела теперь значительно обострилась. Количество сыпнотифозных увеличивается с каждым днем (на 1 ноября в лазарете сыпнотифозных было 30 человек, на 20 ноября их уже стало 70 человек). Стал заболеть медицинский персонал, и в настоящее время больны сыпным тифом два врача и значительная часть санитаров... Ощущается острая нужда в дезинфекционных средствах... Нет также многих необходимых медикаментов... В связи с ростом эпидемии ощущается необходимость в расширении лазарета. Последнее возможно только при деятельной поддержке Центра медикаментами, бельем и предметами ухода. По вопросу о развертывании в Пермской и Екатеринбургской губерниях намеченных по заданиям Центра 2750 коек состоялось совещание при местном Губздравотделе в присутствии представителя из Центра (секции помощи военнопленным Наркомздрава) доктора Ковнера. На этом совещании был всесторонне освещен вопрос о развертывании коек для пленных... Для выяснения того же вопроса я ездил в Екатеринбург, но там этот вопрос не мог быть достаточно полно рассмотрен ввиду отсутствия ответственного руководителя медико-санитарного отдела, и потому решение вопроса было отложено до приезда из Москвы доктора Фрейфельда...»,

— писал 4 декабря 1919 г. в Центральную коллегию о пленных и беженцах начальник медико-санитарного отдела Пермского губпленбежа Б. Бурдов, констатируя как данность свое полное бессилие перед лицом суровой реальности⁹⁷.

⁹⁵ См.: ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 2а. Д. 16. Л. 11.

⁹⁶ См.: ГАПК. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 372. Л. 8–9 об.

⁹⁷ ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 5. Д. 180. Л. 142–142 об. Об эпидемии тифа на Урале см.: Чашин А.В. Воспроизводство городского населения Среднего Урала в 1914–1923 гг. //

Кстати сказать, названный выше Л.В. Фрейфельд, отправленный в Екатеринбург в качестве заведующего врачебно-санитарным отделом губпленбежа, до Урала так и не доехал, равно как и командированный на его место несколько позже Я.И. Гибианский⁹⁸. Квалифицированной помощи из Центра, что показательно, Екатеринбургскому губпленбежу пришлось дожидаться практически до начала 1920 г. Однако прибывшая наконец-то из Москвы А. Шевченко, оценив ситуацию на месте, лишь развела руками:

«По приезде моем 28 декабря [1919 г.] я вступила в обязанности заведующего врачебно-санитарным отделом, хотя дела мне никто не передал. Дела находились в страшном хаосе, и мне страшно обрадовались как человеку, на которого можно свалить тяжкое бремя. ... Было созвано межведомственное совещание, на котором выяснилось, что у пленбежа ничего почти нет, ни врачебного пункта, при котором должен быть изолятор, ни медицинского персонала для обслуживания изолятора, кроме двух наших фельдшеров [С.В.] Синегубова и [М.И.] Каменских...»⁹⁹

Питательный пункт местного пленбежа хоть и состоял при нем, но меньше всего походил сам на себя:

«Питательный пункт пленбежа находится при лагере военнопленных и беженцев ... в городе на расстоянии одной версты от вокзала. Лагерь представляет собой флигель громадного старого дома, совсем не устроен даже под хорошие казармы. В нём может помещаться до 200 человек, здание ужасно, что-то вроде подвала, жить как следует можно только в верхнем этаже, ни умывальников, ни столовой, ни уборной нет, окна побиты, и в этом помещении живут скученно люди. Каждый день из этого лагеря 2–3 человека отправляют в сыпнотифозный барак. Несмотря на периодическую чистку, ничего в санитарном отношении невозможно сделать. Как уже сказано, столовой нет, есть только кухня, которая помещается в подвале другого здания во дворе (даже не в подвале, а в сарае), где нет даже дневного света. Там устроена длинная плита, в которую вмазаны 4 котла для варки пищи, в углу устроен куб [для кипятка]. Все это может обслужить до 1000 человек за раз. Стены этой кухни всегда покрыты почти на четверть льдом, пол земляной... Большинство пленных и беженцев стараются кормиться сами по себе еще как-нибудь»¹⁰⁰.

Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых учёных: Сб. материалов II Всерос. молодёжной науч. конф. Новосибирск, 2012. С. 182–190.

⁹⁸ См.: ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 1. Д. 1. Л. 431.

⁹⁹ Там же. Оп. 5. Д. 180. Л. 116.

¹⁰⁰ Там же. Л. 116 об.–117.

Более благоприятное впечатление на вновь назначенную заведующую врачебно-санитарным отделом Екатеринбургского губпленбежа произвел так называемый инвалидный дом, где, однако, не было ни одного медика. Возможно, именно в этой связи инвалидный дом впоследствии как бы сам собой трансформировался в общежитие беженцев. Самым же ценным, чем, по наблюдению А. Шевченко, располагал Екатеринбургский пленбеж, был лазарет, открытый еще 14 августа 1919 г. и рассчитанный на 120 коечных больных. Однако заслуги местных эвакуационных органов в его создании не было: «Этот лазарет достался нам в наследство от Датского Красного Креста... Лазарет вполне оборудован, закваска немецкая, так как во главе стоит пленный врач и персонал его тоже немецкий, состоит из одного фельдшера и трех санитаров»¹⁰¹.

При этом с наступлением уральских морозов единственный островок относительного благополучия — лазарет Екатеринбургского губпленбежа — оказался в 1920 г. под угрозой закрытия, и найти для него новое помещение не было никакой возможности.

«Каждый день со дня своего приезда я ходила к председателю Чрезвычайной комиссии по сыпному тифу, [чтобы] просить его отвести помещение, он пишет, [что] отводит, а жилищная комиссия, то городская, то военная не дают, так как город заполнен войсками и учреждениями. Хотели закрыть театры и клубы, восстал политический отдел армии. Вообще, по моему мнению, здесь больше занимаются политикой, чем эпидемией, а мы всё без помещения... Пленбеж никто не принимает во внимание, говорят, что он находится в агонии, и в будущем с ним не приходится считаться»,

— сетовала уже упомянутая выше А. Шевченко¹⁰². В условиях, когда ленинское «Или вши победят социализм, или социализм победит вшей!» звучало с каждым днем все актуальней и актуальней, стало совершенно очевидно, что губпленбеж не справляется со своими первоочередными задачами даже частично. Посему совсем не удивительно, что собравшееся в Екатеринбурге 2 января 1920 г. междуведомственное совещание постановило передать всю медико-санитарную часть по обслуживанию беженцев (и военнопленных) в ведение 5-го Восточного районного управления Наркомата здравоохранения, в источниках также именуемого 5-м Восточным отрядом Наркомата здравоохранения¹⁰³.

¹⁰¹ ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 5. Д. 180. Л. 117 об.—118.

¹⁰² Там же. Л. 118—118 об.

¹⁰³ ГАСО. Ф. Р-1646. Оп. 1. Д. 1. Л. 91—92, 96; ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 5. Д. 180. Л. 112, 113; и др.

Как выяснилось, Пермский губпленбеж/губэвак среди прочих местных учреждений, организаций и структур также не пользовался никаким авторитетом.

«В ведении хозяйства отдела находится швейная мастерская, которой с 15 марта по 1 апреля удалось сшить: кальсон 10, наволочек из реventука 24, наволочек из бязи 26, полотенец 606, больничных халатов 10, переделано простынь старых 106 и наволочек 75 штук. Минимальная производительность этой работы объясняется отсутствием швейных иглол и керосина, необходимого для смазки машин. Работа сапожной мастерской тормозится ввиду болезни старшего сапожника-закройщика и необходимого материала. Всего сделано: починено 4 пар ботинок, сшито 12 пар сапог и 19 пар больничных туфель. печниками выбелено помещение в концентрационном лагере..., кузнецом и плотниками были произведены работы в лагере. Починены были телеги, замки, колеса, сделаны гробы и т.п. Производительность обоза, несмотря на плохое питание лошадей, большая. Одних только нечистот из лагеря за время с 1 февраля по 15 апреля было вывезено 3000 возов. Такая производительность работы обуславливается тем, что лошадям давалась мука, полученная из Гупродкома, мешки которого промокли... С употреблением этой муки и за неполучением фуража работа обоза может быть доведена до минимума и даже приостановлена...»,

— рапортовал о скромных успехах своего «ведомства» начальник Пермского губернского управления по эвакуации населения весной 1920 г.¹⁰⁴ Практически никак не сказываясь на жизни беженцев и до того, в апреле — мае 1920 г. деятельность Пермского пленбежа/эвака и вовсе была поставлена под удар. Бесцеремонно «вытряхнув» питательный пункт в Кунгуре и лагерь военнопленных в Перми из занимаемых ими помещений, местные военные власти, однако, ничего из ряда вон выходившего не совершили, а лишь повторили сценарий развития событий, уже опробованный в других регионах страны¹⁰⁵.

Стоит ли удивляться, что объективно слабые местные миграционные службы, считали главным своим делом скорейшее избавление от своих многохлопотных подопечных, которых надо было кормить, одевать, лечить и т.д. и т.п. Как только летом 1920 г. были подписаны соответствующие договоренности между правительствами

¹⁰⁴ ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 1. Д. 10. Л. 84.

¹⁰⁵ См. об этом: ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 514. Л. 45–45 об.; Ф. Р-130. Оп. 2. Д. 144. Ч. 1. Л. 2, 2 об.

Советской России, Эстонии, Латвии и Литвы и отправка беженцев на родину превратилась в близкую перспективу, местные эваки тут же бросились ее реализовывать, вызвав при этом вполне праведный гнев Центра, откуда предупреждали:

«В исполнение циркулярного распоряжения НКВД от 1 июня сего года № 9258/218 Губернский Отдел Управления доводит до сведения Вашего, что все массовые людские перевозки (кроме военных) по железным дорогам производятся исключительно по нарядам и разрешениям Эвака, никакие другие органы не имеют права принимать на себя осуществление этих прав, между тем некоторые ЧК и Отделы Управлений Исполкомов самочинно, вопреки отданных распоряжений, помимо Центроэвака, продолжают направлять в район западного фронта вагоны с беженцами и военнопленными, а также выдавать отдельным представителям беженцев удостоверения на проезд в Москву...»¹⁰⁶

Беспокойство Центра было вполне законным, поскольку объемы реэвакуации изначально четко регламентировались. Так, по соглашению с Польшей договаривающиеся стороны обязывались доставлять к пунктам передачи по 4 тыс. человек в неделю, причем из них не менее 1,5 тыс. должны были составлять военнопленные. По договорам с Литвой и Латвией Россия доставляла к их границам не менее чем по 2 тыс. беженцев в неделю, а по соглашению с Эстонией — 1 тыс. человек в неделю¹⁰⁷. Но реальность была такова, что главным сдерживающим фактором реэвакуации поляков, латышей, литовцев и эстонцев оказались не означенные выше «лимиты», а плохо организованная работа транспорта. «Губэваком обещана отправка беженцев Латвии и Литвы на 18 сентября. 300 зарегистрированных человек распродали имущество. Деревенские сидят на станции и мерзнут. Положение безвыходное. Просим принять срочные меры к отправке беженцев», — телеграфировали осенью 1920 г. из уральского города Кунгура в Москву, в Совет народных комиссаров, что стало явлением обычным, если не сказать статистическим¹⁰⁸. Как результат число отправленных на родину во второй половине 1920 г. беженцев внушительным не стало, составив ко 2 декабря 186 328 человек¹⁰⁹.

В 1921 г. ситуация с отправкой беженцев на родину, казалось бы, стабилизировалась. Так, за август 1921 г. только через Вязьму

¹⁰⁶ ГАСО. Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 197. Л. 29.

¹⁰⁷ См.: Засыпкин А.М. Указ. соч. С. 145–146.

¹⁰⁸ ГАРФ. Ф. Р-130. Оп. 2. Д. 512. Л. 97.

¹⁰⁹ См.: ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 4. Д. 85. Л. 104.

проследовало 39 эшелонов пленных и беженцев, в сентябре — 32 эшелона, в октябре — 43 эшелона, в ноябре — 25 эшелонов¹¹⁰. Однако голод и сопутствовавшие ему эпидемии, ставшие особенно ощутимыми к концу года, превратили реэвакуацию беженцев в настоящую трагедию. На Александровской железной дороге, по которой следовали мигранты, в конце 1921 — начале 1922 гг. ежедневно убиралось от 30 до 50 трупов в среднем. По подсчетам И.П. Щерова, в конце 1921–1922 гг. смертность среди беженцев составляла 10–20 % от всего количества мигрантов, что вполне согласовывалось с общей статистикой и динамикой жертв голода 1921–1922 гг.¹¹¹

Так или иначе, но 1921 г. так и не стал годом окончательного возвращения беженцев на родину. Корень проблемы при этом следовало искать прежде всего в чрезвычайной распыленности беженцев по всей территории страны. Есть сведения, что осенью 1921 г. своей отправки на родину только в Вышневолоцком уезде Тверской губернии все еще ждал 191 беженец, в Александровском уезде Владимирской губернии — 208 чел., в Зарайском уезде Рязанской губернии — 389 чел., в Малмыжском уезде Вятской губернии — 1203 чел., на Алтае — 982 чел.¹¹² Группа беженцев, затерянных на севере Урала, 23 сентября 1921 г. писала начальнику Екатеринбургского губернского управления по эвакуации населения:

«Мы, нижеподписавшиеся поляки беженцы и военнопленные Импералистической войны, обращаемся к Вам с просьбой о содействии и возможном ускорении нашей отправки на родину. Из газет мы узнали, что в сентябре месяце отходит из Екатеринбурга эшелон в Польшу, но никакой регистрации по этому поводу в Надеждинском уезде пока

¹¹⁰ См.: Щеров И.П. Указ. соч. С. 45–46.

¹¹¹ См.: Там же. С. 46–47.

¹¹² См.: Отчет Александровского уездного экономического совещания за период с 1-го июля по 1-е октября 1921 г. Владимир, 1922. С. 19; Отчет Алтайского губернского экономического совещания на 1-е января 1922 года. Барнаул, 1922. С. 76; Отчет Вышневолоцкого уездного Экономического совещания Совету Труда и Оборона (июль — сентябрь 1921 года). Вышний Волочек, 1922. С. 52; Краткий отчет Зарайского экономического совещания о деятельности уездных органов на 1 октября 1921 г. Зарайск, 1921. С. 34; Отчет Малмыжского, Вятской губернии, уездного экономического совещания за апрель — сентябрь 1921 г. Малмыж, 1921. С. 41. См. также: Отчет Гороховецкого уездного экономического совещания за период с 1-го июля по 1-е октября 1921 года. Владимир, 1922. С. 29; Отчет Егорьевского Уездного Экономического совещания о деятельности советских органов за период с 1-го января по 1-е октября 1921 г. Егорьевск, 1921. С. 38; Отчет Касимовского Уэкономсовещания на 1-е октября 1921 года. Касимов, 1921. С. 51; Отчет уездного экономического совещания Михайловского уезда Рязанской губернии на 1-е октября 1921 г. Михайлов, 1922. С. 84; и др.

не производилось... Беспокоить вас решились после разговора с Надеждинским уполномоченным Губэвака, который оказался очень малокомпетентным в интересующем нас вопросе отправки на родину»¹¹³.

Многokrатно учинявшиеся властями регистрации беженцев нужного эффекта не давали, и беженцы снова и снова «всплывали» там, где их отправку на родину уже считали решенной проблемой. Особенно неблагоприятную ситуацию в этой связи демонстрировали Урал и Сибирь, где находилось до половины всех подлежащих отправке на родину беженцев. Ярким тому примером служил, в частности, Тобольский уезд, где по состоянию на конец 1921 — начало 1922 г. все еще находилось 243 беженца¹¹⁴. Всего же, по данным эвакуационного отдела Центроэвака с 1 января по 1 декабря 1921 г. через пограничные пункты Себеж, Остров, Ямбург было перевезено 211 022 человек, включая: 69 918 «мирных» латвийских беженцев, к которым добавилось 11 110 латышей, демобилизовавшихся из Красной Армии, 67 834 литовских беженцев плюс 1 147 демобилизованных литовцев, а также 30 524 эстонских беженцев. Резэвакуация поляков осуществлялась через станцию Негорелое, через которую после подписания 18 марта 1921 г. Рижского договора по 1 декабря 1921 г. из России в Польшу было перевезено 301 509 человек, в том числе 279 462 (по другим данным — 275 тыс.) беженцев, 21 568 демобилизовавшихся поляков-красноармейцев и 479 поляков-заложников советско-польской войны¹¹⁵.

Планируя свою работу на следующий, 1922 гг. Центроэвак, в конце 1921 г., частности, констатировал:

«Задачи Центроэвака по репатриации...

§ 1. Центр тяжести репатриационной работы падает на Польшу. Общее количество польских репатриантов, подлежащих вывозу из России (без Украины) составляет около 600.000 чел., из них:

1. Гражданских пленных около 800 чел. (300 в Москве, 250 — в Сибири, 150 — в Петрограде и остальные в провинции);
2. Военнопленных около 2.500 чел. (2.000 — в Сибири, а остальные в Европейской России);
3. Беженцев свыше 550.000 чел. (300.000 — в Сибири, остальные в Европейской России, причем регистрация последних не приведена в окончательную ясность);
4. Эмигрантов около 1.000 — в Сибири, в Европейской России регистрация их еще не проведена;

¹¹³ ГАСО. Ф. Р-1646. Оп. 1. Д. 27. Л. 64.

¹¹⁴ См.: ГАТ. Ф. И-391. Оп. 1. Д. 240. Л. 35–53.

¹¹⁵ См.: Засыпкин А.М. Указ. соч. С. 146.

5. Оптантов около 100.000 чел. Цифра это приблизительнольна и взята на основании процентных отношений по другим национальностям, ибо оптация поляков еще находится в периоде производства. Можно считать, что 4-я и 5-я категории составят 100.000 вместе.

Итого по России мы должны вывезти 653.300 польских репатриантов.

Справка: за время с 1 апреля по 1-е декабря 1921 года, т.е. с начала польской репатриации вывезено общим числом 275.000 чел.

§ 2. Латвийских репатриантов подлежит вывозу:

1. беженцев около 25.000 чел. (20.000 — в Сибири, остальные в Европейской России)

2. оптантов — около 10.000 чел.

Итого латвийских репатриантов 35.000 чел. С начала 1921 года по 1 декабря того же года в Латвию вывезено общим число 130.000 чел.

§ 3. Литовских репатриантов подлежит вывозу:

1. беженцев около 45.000 чел. (15.000 — в Сибири, остальные в Европейской России)

2. оптантов — около 10.000 чел.

Итого литовских репатриантов около 55.000 человек. С начала 1921 года по 1 декабря того же года вывезено в Литву около 50.000 чел.

§ 4. Эстонских репатриантов подлежит вывозу: около 15.000 чел. (преимущественно оптанты).

С 1-го января по 1-е декабря с.г. в Эстонию вывезено около 10.000 чел.

§ 5. Австро-пленных и германцев в России (преимущественно в Сибири) остается около 20.000 чел., из них немцев около 2.000 чел.

С 1-го января по 1-е декабря с.г. в Германию и Австро-Венгрию вывезено 18.000 чел.

§ 6. Всех остальных категорий репатриантов как то турок, граждан Антанты и проч. Европейских и Американских государств около 18.000 чел.

С 1-го января по 1-е декабря с.г. вывезено до 3.000 чел.

§ 7. Итого к вывозу из России (без Украины) имеется:

Поляков 650.300 чел.

Латышей 35.000 чел.

Литовцев 55.000 чел.

Эстонцев 15.000 чел.

Австро-немцев 20.000 (поедут не все)

Прочих категорий 18.000 чел.

Всего 796.300 чел. ...»¹¹⁶

¹¹⁶ ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 7. Д. 7. 1–2.

Этот источник, как и многие другие, свидетельствовал, что к началу 1922 г. беженцы продолжали оставаться главной заботой Центрözака. Но речь при этом шла, очевидно, лишь о зарегистрированных беженцах, с отправкой которых на родину планировалось покончить к ноябрю 1922 г. Но справиться с этой задачей власти не смогли (см. табл. 3), причем во многом благодаря тому, что на местах с середины 1921 г. активно начала сворачиваться система советских эвакуационных служб. Результат не замедлил себя ждать, что, в частности, отразил документ о состоянии беженского дела в Тобольске, откуда в начале 1922 г. корреспондировали:

«Тобольский отдел управления доносит, что 26 минувшего февраля начальником Губözака были переданы в Тобольский отдел управления все делопроизводство ликвидированного Тобözака, а также один из его сотрудников, который в настоящее время уже уволен, так как он являлся лишним человеком и пайка ему не хватает. Ведение дел Özака возложено на одного из сотрудников Административного подотдела. При этом необходимо указать, что в делах Тобözака нет никаких основных руководящих указаний по эвакуационному делу, и если весной будет происходить отправка пленных и беженцев на родину, то Тобольский отдел управления встретит затруднение в точном проведении таковой в жизнь. Уже в настоящее время встречаются некоторые вопросы, порядок разрешения которых не виден из дел Тобözака ... : 1) Как поступать с лицами, которые не являлись на регистрацию в срок по неуважительным причинам: снимать ли их с учета или вновь регистрировать...; 2) Должны ли состоять на учете лица, которые прибыли в Россию до войны или во время войны, но не как беженцы, а по личным делам... 3) Какие вообще категории иностранцев должны состоять на учете и какие нет; 4) В какие сроки должны являться иностранцы на регистрацию: регулярно или с особого каждый раз распоряжения губернии; 5) Как должны регистрироваться жены иностранцев, которые женились уже в России, должны ли получать отдельные регистрационные карточки или вносятся в карточку мужа и как их числят: русскими ли поданными или по подданству мужа; 6) Имеют ли иностранцы право свободного движения в пределах уезда и за его пределами, с уведомления отдела управления или без такового»¹¹⁷.

Вероятно, именно постепенная ликвидация местных органов Центрözака не позволила в полной мере выявить и учесть всех беженцев

¹¹⁷ ГАТ. Ф. И-392. Оп. 1. Д. 94а. Л. 21, 21 об, 22.

летом — осенью 1922 г., когда проводилась их очередная и притом едва ли не последняя регистрация. В соответствии с приказом от 8 июля 1922 г. № 884 она в пределах Европейской России должна была закончиться к 20 августа, а в Сибири — к 10 сентября¹¹⁸. Кроме того, многие беженцы не очень понимали, как они смогут пройти регистрацию, не имея на руках никаких документов. «Убедительно просим дать в конечном результате ясное понятие о том, признаются или не признаются беженцы Польши и других государств и военнопленные Австро-Венгрии, Германии и пр. иностранцами, ни один почти из них не имеет документов, но факт тот, что все они состоят на учете и ни в коем случае не признают себя русскими подданными», — вопрошал в этой связи Нижне-Тагильский исполком обращаясь в отдел управления губернией в Екатеринбурге в июле 1922 г.¹¹⁹ Ответа на этот резонный вопрос там, однако, не нашли. Он появился только осенью, после того как 21 октября 1922 г. приказом Центроэвака был установлен окончательный двухнедельный срок регистрации беженцев, которые по законным причинам (в случае болезни, смерти или рождении кого-либо из членов семьи беженца, демобилизации, получения с родины документов, устанавливающих факт их беженства и др.) не успели зарегистрироваться в местных эвакоорганах для выезда на родину. Именно тогда проблема лиц, которых не могли зарегистрировать из-за отсутствия у них необходимых документов, доказывающих факт их «беженства», обрела национальный характер, преодолев узкие локальные рамки. В связи с этим Центроэваком были даны указания начальникам губэваков и особоуполномоченным о составлении списков на данные группы беженцев с указанием сведений о фамилии, имени, отчестве беженцев, их возрасте, национальности, вероисповедании, профессии, месте жительства и роде занятий на родине до эвакуации, и данные лиц, которые могли подтвердить эту информацию. Такие списки составляли на беженцев каждой национальности. Их направляли в административный отдел Центроэвака для проверки по учетам статистического отдела и получения доказательств «беженства» через соответствующие иностранные представительства¹²⁰.

Впрочем, даже учтенные беженцы зачастую оказывались не у дел, не попав по неведомым никому причинам в эшелонные списки.

¹¹⁸ См.: ГАСО. Ф. Р-1646. Оп. 1. Д. 33. Л. 54, 60, 63.

¹¹⁹ ГАСО. Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 358. Л. 446.

¹²⁰ См.: Засыпкин А.М. Указ. соч. Л. 138–139.

Таблица 3

Сведения о количестве лиц, подлежавших отправке на родину,
на 1 ноября 1922 г.*

Территории	Осталось, чел.	Территории	Осталось, чел.
Владимирская	323	Тверская	347
Воронежская	215	Уфимская	211
Екатеринбургская	205	Челябинская	6 000
Калужская	3 000	Ярославская	251
Курская	3 000	Киргизская республика	350
Московская	12 197	Западная Область	3 000
Петроградская	700	Кавказ	3 000
Псковская	46	Украина	20 000
Тамбовская	1 919	Сибирь	40 000

* Источник: ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 440. Л. 84.

«15 ноября с[его] г[ода] я лично справлялся в Ек[атерин]б[ург-ском] Губ[ернском] Эваке, когда пойдет эшелон с латвийскими беженцами в Москву и зачислен ли я в очередной эшелон. Мне было сообщено, что эшелон пойдет приблизительно через 2 недели, считая от 15 ноября, и что отношение о том, что я зачислен в очередной эшелон, послано из Губэвака в Ирбитский Уисполком. Но в Ирбитском Уисполкоме до сих пор ничего не получено, кроме приказа НарКомВнуДел по Центрэваку за № 137/930 от 21/X-[19]22 г. при № 9054/а от II/XI-[19]22 г. Адм[инистративному] отд[елу] Губисполкома о регистрации всех беженцев Латвии в 2-недельный срок. Опасаясь быть оставленным, я зарегистрировался при Уисполкоме»,

— безрадостно сообщал беженец Петр Мендиан 28 ноября 1922 г.¹²¹ Очевидно, он, равно как и другие беженцы Первой мировой войны, был вынужден подождать своей отправки на родину еще какое-то время. При этом источники фиксируют, что таковые отправки периодически имели место¹²², несмотря на то что 11 января 1923 г. Центроэвак был ликвидирован.

Думается, что формальное закрытие темы беженцев Первой мировой войны через «упразднение» специализированных структур, занимавшихся судьбой жертв войны, только отсрочило реальное исчерпание проблемы. Она напоминала о себе вплоть до середины 1920-х гг.

¹²¹ ГАСО. Ф. Р-1646. Оп. 1. Д. 42. Л. 49 (см. документ 27 приложения 5).

¹²² См. об этом, напр.: Пермская губерния. Администрирование. Экономика. Культурная работа. Отчет Губисполкома за 1922–23 хозяйственный год. Пермь, 1923. С. 9.

посредством новых переписей и регистраций, а также редких, но все-таки имевших место «рецидивов» реэвакуационного движения. При этом покинуть Страну Советов удалось явно не всем беженцам, поскольку некоторым из них за отсутствием документов, необходимых для подтверждения подданства, в возвращении на родину было все-таки отказано. По мысли П. Гетрелла, эти оставшиеся на самом деле в чем-то даже выигрывали на фоне обычных россиян, — россиян, многие из которых либо теперь, либо в будущем также вынуждены были испытать перемещение, уже пережитое беженцами. В связи с этим опыт беженства Первой мировой войны вполне позволительно рассматривать как предтечу унификации беженства, если трактовать его несколько шире, нежели просто оставление родных очагов¹²³.

¹²³ См.: Gatrell P. *Op. cit.* P. 196.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

БЕЖЕНЦЫ В КОНТЕКСТЕ «ЛЕПКИ» НАСЕЛЕНИЯ И СОЦИАЛЬНОГО ПЕРЕУСТРОЙСТВА РОССИИ

Так чем же все-таки стало беженство 1914–1922 гг. для российского общества и государства? Отвечая на этот вопрос в самом общем виде, можно было бы сказать, что оно стало тем фактором, который напрямую способствовал драматизации исторического настоящего и будущего как отдельно взятых регионов, так и страны в целом. Но это, не требуя никаких дополнительных акцентуаций, рутинно вытекало из характера самой Первой мировой войны, о значении которой для судеб человечества Э. Хобсбаум спустя годы напишет:

«...огромное сооружение цивилизации девятнадцатого века рухнуло, когда в пламени мировой войны сгорели подпиравшие его опоры. Не осознав этого, нельзя понять и сути двадцатого века. На нем лежит отпечаток войны. Он жил и мыслил понятиями мировой войны даже тогда, когда орудия молчали и рядом не рвались бомбы»¹.

При этом очевидно, что Первая мировая война, будучи первой действительно тотальной войной, отодвинула на второй план систему социальных таксономий, актуальную для мирного времени. Она разделила все население Российской империи на две группы: тех, кто на фронте, с одной стороны, и тех, кто в тылу — с другой. Между ними, между миром и войной, однако, безусловно был своеобразный коридор, который конструировался главным образом именно за счет беженцев, что и придало беженству статус масштабного социального проекта, который, в свою очередь, реализовывался самыми разными акторами. Беженство поэтому — это не просто и не только про беженцев. Беженство — это пространство общей судьбы беженцев и не-беженцев. Без последних, являвшихся принимающим сообществом для первых, сообществом включенных относительно сообщества исключенных, история российского беженства была бы лишь историей

¹ Хобсбаум Э. Эпоха крайностей. Короткий XX век. 1914–1991. М., 2004. С. 32.

численности и состава, перемещений и локализаций беженцев, тогда как главное в ней не это. Как и в истории вообще, главное в ней — взаимодействие индивидов и/или групп индивидов, которое порождает двусторонний формирующий эффект, в случае с беженством влекущий за собой видоизменение и группы исключенных, и группы включенных².

Социальная «безместность» беженцев, стремительно потерявших практически все, что у них было, казалось бы, не позволяет конкретизировать их положение в российском обществе. Но это не отменяет вопроса о том, где оказались беженцы относительно остального социального мира, на его обочине или же на его дне? Предполагала ли эксклюзия беженцев их маргинализацию? Анализ источников показывает, что разговор об этом имеет смысл уже потому, как стремительно понятие «беженцы» вошло в актуальный социальный словарь. «Теперь, когда мы водворены на новых местах, нас называют беженцами», — писал в начале 1916 г. выселенный с Волыни Трофим Копончук³. Язык социальной эксклюзии быстро привился применительно к беженцам, что отразило создание особых, предназначенных исключительно для них институций: Особого совещания по устройству беженцев, особого беженского законодательства, особого беженского пайка, особых беженских столовых, особых беженских больниц, особых беженских бань, особых беженских школ, особых беженских яслей, особых беженских мастерских, особых беженских газет...⁴ Очевидно, что государство и общество предложили беженцам столько всего особого, что не ощущать себя отторгнутыми, отверженными беженцы просто не могли. Даже учитывая, что беженцы объективно были другими (язык, вера и пр.), их исключительность подверглась чрезмерной акцентуации, что стало причиной осознанной стигматизации беженства.

Можно возразить, что сами масштабы беженской проблемы требовали особого к ней отношения. Источники фиксируют, что

² См. теорию вопроса в: Баньковская С.П. Чужаки и границы: к понятию социальной маргинальности // Отечественные зап. 2002. № 6. С. 457–467.

³ Копончук Т. Из недавнего прошлого // Вестник Пензенского земства. 1916. 2 февр.

⁴ Бани для беженцев // Пермские ведомости. 1916. 4 июня; Газета для беженцев // Там же. 5 марта; Гимназия для беженцев // Жизнь беженцев. 1916. № 2. С. 11; Огороды для беженцев // Алтайское дело. 1916. 13 февр.; Освящение убежища-мастерской // Вестник Всероссийского общества попечения о беженцах. 1916. № 10. С. 11; Особое совещание о беженцах // Земское дело. 1916. № 4. С. 201–202; Приют-школа для детей беженцев // Правительственный вестник. 1916. 7 июня; Ясли для беженцев // Зауральский край. 1915. 27 авг.; и мн. др.

демонстрировать это отношение с большим азартом принялись самые разные организации и учреждения, как уже существовавшие, так и вновь создаваемые. Действительно, в одном только Рыбинске, уездном городе Ярославской губернии, беженские организации были представлены городским комитетом по оказанию помощи беженцам при городской управе, уездным комитетом Всероссийского земского союза, отделом Польского общества помощи жертвам войны, Римско-католическим благотворительным обществом, Комитетом помощи беженцам-евреям, Латышским комитетом вспомоществования беженцам, отделом Литовского общества по оказанию помощи пострадавшим от войны, уездным отделом Ярославского епархиального комитета по устройству быта беженцев, комиссией о беженцах местного дамского кружка. В Казани, губернском городе, беженских организаций было еще больше: отдел помощи беженцам губернского комитета Всероссийского земского союза, городской комитет по оказанию помощи беженцам, губернское отделение Комитета вел. кн. Татьяны Николаевны, Окружное управление Центрального общывательского комитета губерний Царства Польского, отдел Польского общества помощи жертвам войны, Римско-католическое благотворительное общество, еврейский комитет, латышский комитет по оказанию помощи беженцам, мусульманский комитет, студенческий комитет, педагогический комитет при учебном округе, местный комитет Красного Креста при Управлении учебного округа, кружок судебного ведомства, кружок прихожан Покровской церкви, местный врачебный комитет... (см. приложение 2). Распыление ресурсов, явно имевшее место в такой ситуации, как качественно, так и количественно минимизировало эффективность реальной помощи беженцам. По факту оказывалось, что бесконечные беженские комитеты боролись за то, чтобы хоть как-то приобщиться, поучаствовать в беженском деле, часто будучи способными оказать лишь чисто символическую помощь. Тем самым беженская проблема не только не решалась, она консервировалась.

Даже правительство, отпуская на организацию помощи беженцам колоссальные деньги, не особо интересовалось ее эффективностью. Оно было озабочено в первую очередь тем, чтобы, манипулируя финансовыми раздачами, приручить «зарвавшуюся» общественность или, как минимум, добиться ее лояльности. Не вызывает сомнений, что проиграли при этом прежде всего беженцы. Их помещение в воображаемое гетто было необходимым условием противостояния

властей и самостоятельных организаций, а потому границы территории отверженных тщательно охранялись обеими сторонами конфликта. В этой связи не будет преувеличением сказать, что исключительность беженцев не была их имманентным свойством. Это была конфигурация, размывание которой не входило ни в чьи интересы, а проводившаяся в отношении беженцев политика лишь внешне выглядела политикой социальной инклюзии.

Больше того, эволюция беженских образов, отраженных в первую очередь в периодической печати, засвидетельствовала, как фасад инклюзивной риторики постепенно ветшал, пока вовсе не обрушился. Действительно, изначально современник представлял себе беженца в виде старика/старухи, ребенка или девушки/женщины, которым нужна помощь и защита. Однако не прошло и года с начала беженского кризиса, как беженец перестал представать перед обывателем в качестве жертвы, требующей сочувствия и участия. Теперь он воспринимался как социальная угроза, даже зло, которым нужно противостоять. Виктимизация пожилых беженцев при этом быстро уступила свое место брезгливо-опасливому отношению к старикам, которые рассматривались не только как физически неполноценные люди, но и как люди социально ущербные. Образ ребенка-беженца также подвергся семантической миграции: маленький беженец стал олицетворением не только своей социальной некомпетентности, но и социальной некомпетентности своих родителей, и, кроме того, все более и более ассоциировался с миром криминала, что в немалой степени поспособствовало восприятию всех беженцев как «опасного класса». Не менее печальным превращением оказалось превращение, которое случилось с образом беженки, который даже изначально увязывался с таким социальным злом, как проституция.

Очевидно, таким образом, что язык эксклюзии, использовавшийся при описании беженцев, постепенно отступил перед языком маргинализации. «От беженцев отрешиваются как от зловредной болезни», — безрадостно заключало одно из изданий⁵, подтверждая, что беженцы как люди, «потерявшие себя»⁶, вполне сознательно выталкивались за рамки обустроенного социального мира, получив право лишь на его необустроенное малопривлекательное дно. Но маргинализацией беженцев дело не закончилось. Их не просто загнали

⁵ Итоги года // Жизнь беженцев. 1916. № 4. С. 8.

⁶ См.: Славенсон В. Беженское (по поводу писем беженцев) // Вестник Европы. 1916. № 7. С. 293.

на социальные «задворки», их также превратили в «козлов отпущения», ответственных за все обывательские несчастья:

«...Беженец поверил, кое как устроился... Но в этот самый момент оказалось, что трехмиллионному населению Петрограда не хватает как раз того полфунта мяса, за которым он простоял в очереди четыре часа. Решив, что эти полфунта использованы никем иным как переполнившим город беженцем, трехмиллионный Петроград с негодованием воззрился на беженца... Вопрос о недостатке продуктов и предметов потребления первой необходимости был решен; виноватый найден: он оказался беженец...»⁷

Стоит ли удивляться, что в довершение всех социальных злоключений беженцев, им была приписана некая объективная неполноценность.

«Тут выступают причины, так сказать, природные, климатические и атмосферические, а также исторические. Благоприятные природные условия — мягкий климат, отсутствие засух и сильных морозов, всегда удовлетворительные урожаи, — не приучили население к борьбе с природой, не закалили его, и при малейшей неудаче оно теряется. Вот почему надвинувшаяся неожиданно катастрофа, военная буря застала население неподготовленным к борьбе»,

— отмечало одно из изданий в 1916 г., фиксируя типично имперское отношение к населению национальных окраин, оказавшемуся теперь еще и беженским населением⁸.

Вместе с тем, многочисленные источники засвидетельствовали, что обживать нелюбезно отведенные им принимающим сообществом социальные «задворки» беженцы не спешили. Тот прием, которого беженцев удостоило тыловое население российской провинции, получил вполне адекватный, можно даже сказать, симметричный ответ:

«Для рядового сельского обывателя, а большинство беженцев расселено у нас по селам, для рядового мужика, беженец был несчастным всего 2–3 дня, может быть неделю или месяц. Ореол мученичества, окружающий беженца и в настоящий момент, ему [мужику — *Авт.*] не виден. Теперь для него беженец — дармоед, лишняя обуза, с которым приходится нянчиться, возиться, уступать может быть часть своей квартиры, который потребляет хлеб и прочие запасы и косвенно влияет на дороговизну. Беженец в свою очередь не может

⁷ Козлы отпущения // Жизнь беженцев. 1916. № 1. С. 9.

⁸ Доклад о беженцах // Вестник Всероссийского общества попечения о беженцах. 1916. № 15. С. 12.

простить государству нанесенную ему обиду. Агенты власти его насильно сняли с мест, лишили его всего, загнали в чужую сторону. Он винит власть, государство, казну и недовольство свое проецирует как-то вне, в пространство. И не по странной природе человеческого ума, виноват не немец, не превратности судьбы, виноваты вы, я, виноваты все мы, спокойно сидящие в глубоком тылу»⁹.

Кроме того, ответом беженцев на оказанный тыловым обществом прием стало их парадоксальное, на первый взгляд, замыкание в своей «беженскости», ее сознательное рафинирование и охранение. П. Гетрелл усмотрел в самоизоляции, авто-экслюзии беженцев желание сохранить свою этнокультурную «самость». Но, думается, что в этой трактовке российского беженства присутствует чрезмерно модернизированный взгляд на Россию начала XX в. Для россиянина того времени была характерна локальная, в лучшем случае региональная идентичность, в рамках которой индивид апеллировал прежде всего к месту своего рождения и жительства. Беженцы изначально ощущали себя не поляками, латышами, литовцами, евреями и пр., — в первую очередь они позиционировали себя беженцами Варшавской, Виленской, Гродненской, Люблинской, Минской и пр. губерний.

«...Климатические условия жизни в Крыму беженцам не нравятся: нет настоящей зимы со снегом, а только вместо зимы, весны, осени гниль какая-то под ногами. Почва глинистая превращается от дождя в клей и тогда ног нельзя за собой тянуть. Летом — солнце жжет, как в аду. Нет лугов с цветами, по утрам не бывает росы. Нет лесов, ни кукушек ни аистов и даже простой вороны не видать. Наконец, мало бывает дождей с громом и молнией... Вот тебе и Крым. Так что в общем все беженцы ждут скорейшего возвращения на дорогую родину. Да, на чужбине на беженцев смотрят с презрением, как на лишних, ненужных людей... Но никто не знает, что творится на душе у всякого из этих несчастных: день и ночь мучит тоска по родине, где всякий родился, вырос и сжился не только с людьми и привык смотреть на все свое родное, но и деревья, камни, холмы, дороги настолько, что, вспомнивши их, всякий раз хочется заплакать и сердце ноет и бьется: хочется домой, домой и домой на свое родное отцовское пепелище...»,

— фиксировало одно из изданий типично беженские переживания¹⁰. Родина, «дедовы сдворины», «отцовское пепелище» означали при

⁹ Брон Т.М. К вопросу об организации трудовой помощи беженцам // Врачебно-санитарная хроника Уфимской губернии. 1916. № 1–2. С. 8.

¹⁰ Пашук В.И. Из Холмщины в Крым: Рассказ беженца-псаломщика // Известия Всероссийского комитета помощи пострадавшим от войны. 1917. № 23. С. 23.

этом не просто место, имеющее строгую географическую привязку. Имплицитно здесь также присутствовала тоска о добеженской жизни, мечта о прошлом, в котором у каждого было своя определенная ниша, свое место в системе социальных координат, а с ним — и право на самостоятельный выбор и действие, хотя бы и в рамках предзаданной социальной иерархии. Написать про Крым иначе, написать, что там хорошо — солнечно, тепло и сухо, — означало предать свое добеженское прошлое и само это право. «Беженскость» поэтому вполне сознательно отстаивалась самими беженцами, будучи средством, позволявшим оберегать добеженское прошлое как основание их субъектности.

Примечательно, что даже после 1917 года, когда социальная топонимика в России претерпела серьезные изменения, часть беженцев продолжала подчеркивать свою «беженскость». «Мы, беженцы Гродненской губернии империалистической войны, временно проживающие в Екатеринбургской губ[ернии] Шадринского уезда Осиновской вол[ости]...», — начинали свое обращение к В.И. Ленину Илья Дейкин или Александр Каскевич в 1920 г.¹¹ Беженцы при этом главным образом демонстрировали равнодушие к социально-политическим катаклизмам, находя опору своим мечтам о прошлом в вещах, казавшихся им вечными, непреходящими: «...С наступлением посевного сезона желательно бы засеять поля, каковые у нас засеваются в скором времени... Нам необходимо быть на родине ко времени посева...»¹² Опираясь на прошлое, на его опыт, беженцы тем самым отвергали саму возможность неопределённости их социального будущего. Для беженцев оно было вполне очевидным, ясным и вовсе не пугающим, и это легитимировало их нынешний социальный статус, который воспринимался ими не иначе как временный.

Вместе с тем под влиянием исторического момента какая-то часть беженцев была готова и к «суррогатному» будущему, в котором соединились бы их мечта о старой родине и планы строительства новой советской родины:

«Много уважаемый товарищ[,] я как уроженец Холмской губернии Томашовского уезда, Буду Вас просить о нас[,] несчастных Беженцах, Может Вы нас выкупите из Этой Беды, этой несчастной нашей гибели... Неоставте нашей прозбы[,] Дайте нам возможность пробраться На свою нам дорогую родину, пушчай наши рабочие[,] оставшиеся

¹¹ ГАРФ. Ф. Р-130. Оп. 2. Д. 512. Л. 7.

¹² ГАСО. Ф. Р-1646. Оп. 1. Д. 27. Л. 188–189 об.

под игом капитала[,] Узнают, Что Делается в Советской России, Да, Далбы нам Господь Добраться до наших Затемненных Товарищей[,] Мы бы им указали, Что Делается на Свете и помоглибы им взятся за дело и вношой стороне. Пушчай Бы Знала Буржуазия[,] что Значит Рабочий Люд, Достаточно им Там из деваться над Нашим Товарищем, Достаточно им Барствовать и набивать Карманы. И Еще Раз прошу от имени Всех Беженцев Неоставть Нашой прозбы...»¹³

Но даже в этом случае, демонстрируя свою конъюнктурную адаптивность, беженцы оставались сами собой, и их наличие как особой номинации в социальном словаре начала 1920-х гг. являлось данностью.

Можно возразить, что заявления беженцев об их праве на прошлое были проявлением традиционной для российского общества социальной иммобильности, но это было бы слишком просто. Отстаивая свою «самость», свою «беженскость», беженцы прежде всего отстаивали перспективу своей социальной реабилитации, которая предполагала вовсе не беженский паёк или помещение в спецприют. Она предполагала, как минимум, их темпоральную субъектность, выражавшуюся в возможности планировать свое будущее, а как максимум — их обратную миграцию из мира отверженных в актуальный мир приверженных. Проблема, однако, состояла в том, что мир приверженных очень круто изменился за прошедшее с начала Первой мировой войны время. И беженцы имели к этому прямое отношение.

Очевидно, что процесс воздействия беженства на социальное будущее России начался с вызова, который беженцы бросили привычным отношениям населения и территории. Действительно, для подданных государства, накануне войны уступавшего по абсолютному числу всех внутренних и внешних мигрантов (10,2 млн человек) только Великобритании, но явно проигрывавшего многим странам Европы в подвижности населения на душу этого самого населения¹⁴, беженцы с их стремительными перемещениями были не просто неудобством. Дискредитируя идею принадлежности места человеку и человека месту, беженство напрямую способствовало превращению всевозможных движений и передвижений в универсальный феномен, а самих мигрантов — в фактор, ведущий к стиранию сначала

¹³ ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 135. Л. 23.

¹⁴ См.: Кабузан В. Движение населения в Российской империи // Отечественные зап. 2004. № 4 (18). С. 82–93.

географических, а затем и социальных границ¹⁵. Вторгаясь в сферу последних, беженцы тут же обнаруживали их шаткость и уязвимость, что метафорически точно выразил один из наблюдательных современников:

«Мерно, четко, крепко, звонко
Ударяет сталь о сталь,
И в нахмуренных потемках
Встала серая печаль.
Бледный свет в углу вагона,
Давит, душит темнота, —
И огонь то умирает, то внезапно оживает...
Поезд мерно выбивает
«Гра-та, та-та, та-та-та...»
Кто я? Что я? Где я? Я ли
В мире стонов и речей,
В плаче рельс и лязге стали
Мчусь в безмолвии ночей?...»¹⁶

Беженцы с их маргинализацией и где-то даже авто-маргинализацией поспособствовали динамизации социальных статусов и декомпозиции социальных порядков, в первую очередь поставив под сомнение вековые гендерные стереотипы. Метаморфоза, приключившаяся с ними, выражаясь в феминизации мужчин и в маскулинизации женщин, не отменила традиционный гендерный контракт. Но он, основанный на идее главенствующей роли мужчины в семье и обществе, был серьезно подточен благодаря беженству¹⁷.

Еще одним катаклизмом, связанным с беженством, стало разрушение всяких иллюзий, связанных с социопрофессиональными основами общественного устройства, а также имущественным неравенством. Беженство не просто нивелировало такие различия, оно привело к деструктуризации общества, уравнивая, в частности, вчерашних работодателей и наемных работников:

«Тяжело мне, мучительно больно... Здесь я нищий, или батрак, обязанный трудиться и жить так, как другие скажут, а не так, как я привык, или как бы я сам хотел... Я часто кичился перед бедняками у себя дома

¹⁵ См. теорию вопроса в: Гусев А. Маргинализация и космополитизм: взгляды современных теоретиков на социальные последствия интенсификации пространственных перемещений // Социологическое обозрение. 2009. Т. 8. № 2. С. 72–79.

¹⁶ Константинов Ю. В вагоне // Зауральский край. 1915. 30 сент.

¹⁷ См.: Gatrell P. A Whole Empire Walking: Refugees in Russia during World War I. Bloomington; Indianapolis, 1999. P. 117–118.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

и домом своим, и хозяйством, и сытостью, и своими преимуществами перед другими. Вот теперь моему соседу-бедняку живет здесь так же, как и мне: мы с ним сравнялись...»¹⁸

При этом факт того, что социопрофессиональный капитал беженцев оказался маловостребованным, как и в случае с военнопленными, благоприятствовал увеличению общей массы труда на рынке (в том числе за счет женского и детского труда), но явно не способствовал росту его производительности. Этот опыт оказался весьма соблазнительным, найдя, как известно, свое самое широчайшее применение в экономике Советской России и Советском Союзе.

Принято также считать, что беженство обнаружило тенденцию социализации и политизации этничности, приведя некоторые группы беженцев к чувству национальной солидарности. В меньшей степени изученными остаются те последствия, которое оно оказало на религиозный ландшафт. Вместе с тем, очевидно, что беженство способствовало его динамизации и мозаичности, а вместе с ними, вероятно, и обновлению актуального порога веротерпимости.

В заключение важно подчеркнуть, что, несмотря на всю трагичность беженских судеб, до сих пор не осознанную до конца, маргинализированное и стигматизированное российское беженство 1914–1922 гг. обнаружило не только свою травматичность и разрушительность, но и созидательность. Оно показало, насколько, вопреки социальному обычаю и социальной памяти, подвижны любые социальные связи и перегородки. Более того, беженцы, внося сумятицу в регистры социальных различий, вообще поставили под сомнение саму идею их очевидности, а с нею — и идею устойчивых социальных образований как таковых, фундируя идею конвенциональности и конструируемости тех или иных социальных статусов. Очевидно поэтому, что после беженства путь к современным модуляциям социальной жизни, основанным на этих идеях, был открыт.

¹⁸ Ткач В. Мысли беженца // Вестник Всероссийского общества попечения о беженцах. 1916. № 40–41. С. 16.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

СТАТИСТИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РОССИЙСКОГО БЕЖЕНСТВА, 1915–1917 гг.

Таблица 1

Динамика численности зарегистрированных беженцев в Российской империи, по данным
Отдела по устройству беженцев Всероссийского земского и городского союзов, 1915–1916 гг., чел.*

Губерния (область)	01.10.1915	01.11.1915	01.12.1915	01.01.1916	01.02.1916	01.04.1916	01.05.1916	01.06.1916	01.07.1916
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Архангельская	Нет свед.	Нет свед.	1 069	1 450	1 450	2 109	2 109	1 822	1 822
Астраханская	16 050	19 026	20 000	20 000	20 680	34 807	34 807	35 551	35 551
Бессарабская	Нет свед.	3 071	3 390	3 365	3 743	3 711	3 894	3 709	9 861
Владимирская	5 330	21 713	21 593	22 068	23 520	23 840	24 244	24 361	24 508
Витебская	Нет свед.	90 000	90 000	52 938	44 789	44 789	44 789	44 789	44 789
Виленская	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.
Вологодская	4 600	4 083	2 988	2 988	2 988	5 210	6 410	6 410	5 282
Волынская	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	87 770	91 044	91 044	91 044
Воронежская	18 000	18 000	44 813	44 813	44 813	48 328	43 446	43 446	43 446
Донская обл.	Нет свед.	60 900	63 488	74 492	74 492	81 378	81 378	81 378	83 963
Екатеринославская	175 000	220 000	244 987	244 687	244 687	242 406	242 406	242 406	242 406
Казанская	50 000	62 000	58 000	58 000	56 042	56 909	57 566	57 444	58 886
Калужская	56 469	60 878	63 429	64 738	66 570	66 962	64 553	64 203	64 276
Киевская	Нет свед.	Нет свед.	15 000	15 000	15 000	20 764	20 764	20 764	20 764
Костромская	10 000	10 700	9 276	9 638	10 774	11 400	12 620	13 149	13 493
Курская	44 647	44 647	44 647	79 189	79 196	77 983	77 983	77 983	80 178
Лифляндская	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	121 274	121 274	121 274	121 274
Минская	Нет свед.	Нет свед.	97 459	97 459	97 459	122 332	147 501	114 792	114 792
Могилевская	Нет свед.	31 298	42 524	53 937	64 165	63 796	70 459	84 152	84 152

Приложение 1

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Московская	Нет свед.	61 214	63 938	65 300	65 109	86 166	86 166	86 166	86 166
Нижегородская	35 000	60 000	59 000	58 157	58 157	47 157	47 157	49 931	45 763
Новгородская	12 500	14 801	16 608	17 806	19 030	20 018	19 246	19 246	21 580
Олонейская	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	259	259	259	259
Орловская	Нет свед.	33 752	37 000	38 949	38 949	44 659	44 659	44 659	44 659
Пензенская	38 414	69 000	61 451	62 903	62 690	63 689	63 252	63 252	62 811
Петроградская	39 292	39 292	49 000	75 500	75 000	73 248	73 248	73 248	73 248
Подольская	Нет свед.	1 001	1 001	1 001	5 712	5 678	5 678	5 678	5 678
Полтавская	Нет свед.	24 000	29 140	23 000	30 000	32 205	32 205	32 764	32 596
Псковская	Нет свед.	Нет свед.	9 952 ¹	9 952 ²	9 952 ³	15 905	15 905	24 035	25 000
Рязанская	Нет свед.	84 584	71 735	73 000	73 000	69 490	69 490	69 490	69 490
Самарская	Нет свед.	175 508	149 274	152 110	153 865	160 684	162 344	166 423	166 423
Саратовская	Нет свед.	101 920	103 000	103 000	103 000	110 904	104 049	113 430	120 647
Симбирская	14 744	32 087	35 934	35 934	39 868	40 262	40 263	40 630	40 811
Смоленская	30 557	36 769	42 286	43 046	45 949	45 753	44 301	43 155	43 345
Таврическая	25 000	39 574	40 000	40 000	36 344	37 143	37 277	38 826	39 713
Тамбовская	60 200	149 330	124 259	126 007	127 251	127 251	127 251	127 251	124 656
Тверская	18 480	18 480	33 469	33 463	33 463	27 550	27 550	29 566	29 767
Тульская	17 000	36 977	33 499	33 512	35 512	41 821	44 297	44 976	44 976
Харьковская	80 000	91 138	75 033	74 647	117 606	123 541	121 732	114 172	124 597
Херсонская	Нет свед.	16 000	22 500	23 824	23 849	23 714	23 714	23 714	24 629
Черниговская	Нет свед.	28 648	35 346	35 432	30 833	31 724	31 724	31 724	31 724
Эсляндская	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	9 948	9 948	14 085	14 099
Ярославская	15 000	31 800	32 487	34 476	34 476	33 919	33 881	33 887	33 807
Всего Европейская Россия	766 283	1 792 191	1 948 575	2 005 781	2 069 983	2 388 456	2 412 843	2 419 244	2 446 931

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Вятская	1 763	2 689	2 804	2 034	3 090	3 297	3 336	3 469	3 881
Пермская	10 078	18 500	22 815	24 923	25 262	26 391	26 549	26 589	26 750
Оренбургская	35 387	51 758	60 781	59 573	20 023	77 912	81 046	83 198	83 028
Уфимская	28 000	65 000	65 133	71 332	70 876	68 576	70 171	70 171	71 136
Всего Урал	75 228	137 947	151 533	157 862	119 251	176 176	181 102	183 427	184 795
Амурская	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	1 691	1 691	1 691	1 189
Енисейская	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	11 981	11 981	11 981	11 981
Забайкальская	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	2 374	2 374	2 374	2 374
Иркутская	Нет свед.	Нет свед.	7 000	8 700	8 700	8 829	8 829	8 829	8 829
Приморская	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	1 004	1 004	1 004	1 004
Тобольская	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	15 828	16 773	16 773	16 773
Томская	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	34 799	34 799	34 799	34 799
Всего Сибирь	Нет свед.	Нет свед.	7 000	8 700	8 700	76 506	77 451	77 451	76 949
Акмолинская	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	28 551	31 580	31 500	30 095
Закаспийская	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	12 479	12 479	12 479	12 479
Самаркандская	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	7 577	7 577	7 577	7 577
Семипалатинская	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	536	536	536	536
Сыр-Дарьинская	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	20 474	19 723	19 723	19 723
Турагайская	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	15 979	15 979	15 979	14 098
Уральская	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	6 491	6 590	6 649	6 588
Ферганская	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	15 500	15 500	2 422	2 422
Всего Средняя Азия	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	107 587	109 964	96 865	93 518

Окончание таблицы 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Кубанская	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	11 995	11 995	14 322	14 322
Ставропольская	6 000	6 000	6 196	6 468	6 765	6 899	6 962	6 962	6 962
Терская	Нет свед.	2 317	2 257	2 474	2 474	2 474	2 474	2 474	2 474
Всего Кавказ	6 000	8 317	8 453	8 942	9 239	21 368	21 431	23 758	23 758
Итого	847 511⁴	1 938 455	2 115 561⁵	2 181 285⁶	2 207 173⁷	2 770 093⁸	2 802 791⁹	2 800 745	2 825 951

*Источник: Ведомость о числе беженцев, осевших во внутренних губерниях Европейской России к началу октября 1915 г. // Известия Главного комитета Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам. 1915. № 25. С. 40; Ведомость о числе беженцев, осевших во внутренних губерниях Европейской России к началу ноября 1915 года // Там же. 1915. № 28. С. 76; Ведомость о числе беженцев, осевших во внутренних губерниях Европейской России к началу декабря 1915 года // Там же. 1916. № 30–31. С. 158; Ведомость о числе беженцев, осевших во внутренних губерниях Европейской России к началу января 1916 года // Там же. 1916. № 33. С. 101; Ведомость о числе беженцев, осевших во внутренних губерниях Европейской России к началу февраля 1916 года // Там же. 1916. № 37–38. С. 151; Ведомость о числе беженцев, осевших по губерниям и областям Европейской России, Средней Азии и Северного Кавказа к 1 мая 1916 года // Там же. 1916. № 40. С. 114–115; Ведомость о числе беженцев, осевших по губерниям и областям Европейской России, Сибири, Средней Азии и Северного Кавказа к 1 июня 1916 года // Там же. 1916. № 41–42. С. 121–122; Ведомость о числе беженцев, осевших по губерниям и областям Европейской России, Средней Азии и Северного Кавказа к 1 июля 1916 года // Там же. 1916. № 45–46. С. 127–128.

^{1, 2, 3} Данные только по г. Псков. ⁴ В документе — 1 090 611 чел. ⁵ В документе — 2 098 255 чел. ⁶ В документе — 2 180 485 чел. ⁷ В документе — 2 236 973 чел. ⁸ В документе — 2 768 395 чел. ⁹ В документе — 2 802 711 чел.

Таблица 2

Распределение беженцев по регионам Российской империи, по данным Татянинского комитета на 1 февраля 1917 г., чел.*

Губернии (регионы) выбытия Губернии (области) прибытия	Варшавская	Калишская	Келецкая	Ломжинская	Лобнинская	Плоцкая	Петровская	Радомская	Сувальская	Холмская	Итого Царство Польское
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Архангельская	17	7	9	1	3	1	—	—	10	19	67
Астраханская	139	17	6	75	280	40	17	665	116	4344	5699
Бессарабская	17	—	13	7	7	—	2	5	4	47	102
Виленская	70	2	—	35	72	2	11	5	71	18	286
Витебская	1038	30	70	270	302	40	215	127	1077	69	3238
Владимирская	305	46	9	219	115	8	61	99	167	325	1354
Вологодская	373	16	32	236	126	12	73	39	120	186	1213
Вольнская	256	37	109	39	374	42	51	69	244	3020	4241
Воронежская	710	32	60	523	307	57	69	203	1930	4559	8450
Донского Войска	1074	87	113	919	694	195	260	312	595	7285	11534
Екатеринославская	4401	256	209	2605	2304	316	710	3120	2683	18379	34983
Казанская	118	6	6	441	1037	29	17	39	278	15598	17569
Калужская	739	45	25	1254	405	384	79	137	535	1095	4698
Киевская	3276	245	406	5717	4894	657	762	1380	636	4026	21999
Костромская	238	30	24	130	237	18	26	33	278	782	1796
Курляндская	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1
Курская	681	64	73	525	375	75	108	180	255	773	3109
Лифляндская	148	8	17	55	19	4	42	3	100	1	397
Минская	6473	291	247	20307	5245	2375	687	3911	5364	8011	52911
Могилевская	2807	244	152	12231	7373	1151	419	1581	4431	7796	38185

Продолжение таблицы 2

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Московская	24 795	1 110	793	6 302	5 101	1 082	3 536	2 854	5 296	5 111	55 980
Нижегородская	642	33	23	965	482	56	221	246	1 054	1 860	5 582
Новгородская	562	34	79	432	322	56	151	117	412	263	2 428
Олонечная	9	—	8	—	3	4	1	—	1	14	40
Орловская	1 310	100	70	1 607	723	193	196	340	1 032	6 584	12 155
Пензенская	428	18	17	1 279	608	112	55	155	1 096	9 062	12 830
Петроградская	6 112	415	346	2 232	730	248	815	484	3 181	960	15 523
Подольская	281	24	12	37	96	31	64	35	81	97	758
Полтавская	3 314	107	193	626	1 334	308	338	361	662	2 161	9 404
Псковская	1 168	25	55	655	314	37	364	98	748	76	3 540
Рязанская	239	33	13	1 593	871	90	44	136	2 034	20 774	25 827
Самарская	3 277	37	280	2 580	1 116	1 861	190	316	1 791	17 165	28 613
Саратовская	1 349	77	55	2 813	831	1 037	249	1 062	4 942	15 479	27 894
Симбирская	233	2	16	346	284	27	10	47	407	9 276	10 648
Смоленская	2 840	144	122	3 621	1 464	478	369	721	1 383	3 946	15 088
Таврическая	352	31	13	145	163	30	52	123	324	1 393	2 626
Тамбовская	921	222	87	3 906	1 109	242	268	377	1 538	17 429	26 099
Тверская	763	69	39	455	312	250	129	128	381	376	2 902
Тульская	1 032	110	98	1 333	1 002	177	166	321	1 110	12 176	17 525
Харьковская	8 989	249	308	2 065	3 351	669	516	2 488	1 255	7 630	27 520
Херсонская	1 367	134	126	286	879	104	337	436	929	4 320	8 918
Черниговская	1 421	100	165	3 099	2 569	254	191	506	328	1 907	10 540
Эстляндская	178	10	—	146	4	3	20	7	50	28	446
Ярославская	821	10	4	1 102	119	80	22	51	1 191	451	3 851
Итого Европейская Россия	85 283	4 557	4 502	83 214	47 956	12 835	11 913	23 317	50 121	214 871	538 569
Вятская	31	13	—	51	21	9	7	24	108	69	333
Оренбургская	286	22	17	539	462	75	40	230	1 098	16 594	19 363
Пермская	469	15	2	221	224	83	101	233	144	2 244	3 736

Продолжение таблицы 2

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Уфимская	122	19	15	344	1 503	32	17	183	300	19 222	21 757
Итого Урал	908	69	34	1 155	2 210	199	165	670	1 650	38 129	45 189
Бакинская	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1
Баумская	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Елизаветпольская	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Карская	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Кубанская	121	9	10	92	165	8	34	42	59	1 289	1 829
Сухумский окр.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Ставропольская	45	3	—	44	83	22	4	30	13	1 779	2 023
Терская	58	4	6	20	17	4	14	9	32	223	387
Тифлисская	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Эриванская	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого Кавказ и Закавказье	224	16	16	156	265	34	52	81	104	3 292	4 240
Амурская	1	—	—	—	—	—	—	—	—	726	727
Енисейская	58	1	1	17	52	4	17	20	16	225	411
Забайкальская	33	16	5	9	84	3	24	3	25	85	287
Иркутская	28	11	2	27	12	14	11	52	30	676	863
Приморская	5	—	—	5	6	—	—	—	—	86	102
Тобольская	31	—	2	40	105	15	—	—	74	2 170	2 437
Томская	148	15	20	548	184	41	54	46	264	2 580	3 900
Итого Сибирь	304	43	30	646	443	77	106	121	409	6 548	8 727
Акмоллинская	48	—	—	37	33	12	69	19	58	3 025	3 301
Семипалатинская	2	—	—	1	—	3	—	—	—	43	49
Турагайская	148	9	9	4	159	—	49	59	—	5 270	5 707
Уральская	5	—	—	12	4	—	7	13	18	258	317
Итого Средняя Азия	203	9	9	54	196	15	125	91	76	8 596	9 374
ИТОГО	86 922	4 694	4 591	85 225	51 070	13 160	12 361	24 280	52 360	271 436	606 099

Продолжение таблицы 2

Губернии (области) прироста	Губернии (регионы) выбытия		Витебская	Гродненская	Ковенская	Минская	Могилевская	Итого Северо-Западный край	Волынская	Подольская	Киевская	Итого Юго-Западный край	Бессарабская
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Архангельская		36	115	86	72	45	5	359	22	7	—	29	6
Астраханская		541	35	2175	1007	286	22	4066	19722	44	137	19903	8
Бессарабская		7	—	121	6	2	—	136	131	—	—	131	5
Виленская		9789	31	135	747	1721	—	12423	5	—	—	5	—
Витебская		3406	5275	1540	14400	222	13	24856	103	2	2	107	7
Владимирская		1358	518	11631	840	4316	45	18708	419	75	1	495	—
Вологодская		428	1048	416	590	378	25	2885	212	3	20	235	—
Волынская		54	748	504	105	965	—	2376	58853	25	—	58878	2
Воронежская		1695	199	13756	2508	1471	47	19676	11619	748	80	12447	19
Донского Войска		3297	556	23735	3269	7431	29	38317	12421	161	182	12764	111
Екатеринославская		5189	1432	20699	17442	6857	108	51727	112836	341	2298	115475	153
Казанская		1693	457	44280	681	1456	38	48605	2007	—	26	2033	5
Калужская		734	176	47385	740	1299	30	50364	1030	26	18	1074	—
Киевская		746	117	2837	993	965	32	5690	18308	522	89	18919	158
Костромская		1558	841	1313	2537	397	77	6723	217	—	10	227	—
Курляндская		22	40	1	650	—	—	713	—	—	—	—	—
Курская		1479	546	3074	827	1609	63	7598	60701	391	70	61162	3
Лифляндская		290	360	68	7294	34	19	8065	34	9	7	50	—
Минская		15720	58	24913	4359	25548	7	70605	1824	22	9	1855	—
Могилевская		7002	1186	21491	8127	8920	50	46776	1279	4	21	1304	8
Московская		10746	4845	28186	12939	6404	242	63362	2132	102	146	2380	14

Продолжение таблицы 2

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Нижегородская	4 479	2 907	13 524	8 945	3 147	73	33 075	1 101	832	70	2 003	58
Новгородская	2 165	1 240	3 954	2 475	541	25	10 400	257	16	10	283	—
Олонечская	12	72	63	23	11	1	182	6	—	—	6	—
Орловская	3 013	2 027	12 277	4 253	4 795	58	26 423	1 778	33	22	1 833	—
Пензенская	2 909	425	23 324	7 326	5 438	15	39 437	6 090	97	5	6 192	6
Петроградская	18 529	6 852	8 809	15 945	3 199	80	53 414	943	60	6	1 009	—
Подольская	15	2	203	18	9	—	247	622	189	—	811	182
Полтавская	2 369	355	2 050	3 255	2 598	30	10 657	4 864	377	320	5 561	41
Псковская	2 081	1 992	1 227	3 237	126	16	8 679	83	—	—	83	2
Рязанская	1 370	164	29 689	1 168	2 133	20	34 544	3 357	—	90	3 447	—
Самарская	4 409	452	61 242	4 442	6 097	56	76 698	21 747	67	408	22 222	—
Саратовская	5 459	1 296	42 200	7 635	5 739	69	62 398	41 827	180	579	42 586	19
Сибирская	770	526	19 050	1 044	1 399	8	22 797	4 749	104	10	4 863	—
моленская	2 273	1 577	8 988	2 893	3 353	3	19 087	561	5	3	569	—
Таврическая	693	103	4 388	4 741	927	9	10 861	18 200	13	14	18 227	5
Тамбовская	8 747	618	78 223	7 068	10 986	59	105 701	8 347	65	37	8 449	19
Тверская	3 245	2 296	6 075	2 365	2 923	53	16 957	305	3	13	321	6
Тульская	3 976	1 160	9 045	3 387	2 648	90	20 306	2 987	51	42	3 080	—
Харьковская	6 635	1 981	25 512	7 201	5 433	71	46 833	28 685	626	1 532	30 843	242
Херсонская	2 311	402	6 380	2 357	2 397	28	13 875	15 279	1 092	61	16 432	1 081
Черниговская	3 742	134	5 544	1 874	5 089	88	16 471	2 902	76	151	3 129	—
Эгеляндская	393	138	292	595	66	—	1 484	24	—	—	24	—
Ярославская	2 245	2 976	6 415	5 666	2 036	54	19 392	492	77	5	574	—
Итого Европейская Россия	147 630	48 278	616 820	178 046	141 416	1 758	1 133 948	469 081	6 445	6 494	482 020	2 160
Вятская	730	252	1 070	353	164	9	2 578	194	6	—	200	—
Оренбургская	3 815	251	32 916	2 537	3 470	7	42 996	15 733	54	237	16 024	83
Пермская	1 950	1 183	7 216	4 178	3 335	71	17 933	3 197	172	398	3 767	8
Уфимская	2 409	379	39 481	1 543	5 495	38	49 345	5 775	9	168	5 952	—

Продолжение таблицы 2

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Итого Урал	8 904	2 065	80 683	8 611	12 464	125	112 852	24 899	241	803	25 943	91
Бакинская	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Батумская	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Елизаветпольская	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Карская	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Кубанская	365	17	4 565	222	329	11	5 509	3 985	17	2	4 004	—
Сухумский окр.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Ставропольская	34	207	1 674	191	179	0	2 285	2 199	5	1	2 205	10
Терская	62	7	640	158	90	1	958	1 837	15	1	1 853	8
Тифлисская	—	—	1	—	—	—	1	1	—	—	1	—
Эриванская	—	—	4	—	—	—	4	—	—	—	—	—
Итого Кавказ и Закавказье	461	231	6 884	571	598	12	8 757	8 022	37	4	8 063	18
Амурская	24	2	602	16	26	0	670	59	—	—	59	4
Енисейская	1 429	103	5 538	243	935	16	8 264	513	—	45	558	3
Забайкальская	119	16	1 003	59	85	5	1 287	73	1	—	74	—
Иркутская	830	149	4 618	153	492	12	6 254	1 142	8	19	1 169	3
Приморская	42	2	245	—	27	3	319	343	—	—	343	—
Тобольская	780	103	9 725	231	1 586	—	12 425	2 456	—	52	2 508	—
Томская	3 052	557	11 970	2 273	2 132	32	20 016	3 908	19	111	4 038	—
Итого Сибирь	6 276	932	33 701	2 975	5 283	68	49 235	8 494	28	227	8 749	10
Акмолинская	809	55	10 152	184	1 475	—	12 675	7 201	5	216	7 422	—
Семипалатинская	59	4	178	30	6	—	277	217	—	—	217	—
Турагайская	28	2	513	20	82	1	646	3 665	48	—	3 713	36
Уральская	184	27	1 749	41	129	—	2 130	1 526	6	11	1 543	—
Итого Средняя Азия	1 080	88	12 592	275	1 692	1	15 728	12 609	59	227	12 895	36
ИТОГО	164 351	51 594	750 680	190 478	161 453	1 964	1 320 520	523 105	6 810	7 755	537 670	2 315

Продолжение таблицы 2

Губернии (регионы) выбытия Губернии (области) прибытия	Курляндская	Лифляндская	Эстляндская	Итого Прибалтийские губернии	Кавказ	Турция	Галиция	Персия	Сербия и Черногория	Прочие	Неизвестно	Всего
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Архангельская	517	378	—	895	—	—	2	—	—	27	1	1 386
Астраханская	448	82	1	531	33	5	4 412	57	3	48	270	35 035
Бессарабская	8	3	—	11	—	4	4	—	—	2	—	395
Виленская	64	279	—	343	—	—	—	—	—	—	25	13 082
Витебская	18 816	6 982	—	25 798	9	—	3	—	—	3	204	54 225
Владимирская	311	583	—	894	—	—	4	—	—	29	125	21 609
Вологодская	739	358	13	1 110	—	—	17	—	—	—	75	5 535
Волынская	3	8	—	11	12	—	47 298	—	—	133	4	112 955
Воронежская	736	462	—	1 198	39	—	340	74	—	30	148	42 421
Донского Войска	1 680	3 157	48	4 885	287	137	7 000	124	6	331	192	75 688
Екатеринославская	3 904	5 028	1	8 933	32	194	8 596	38	—	77	981	221 189
Казанская	717	166	—	883	—	—	266	—	—	6	167	69 534
Калужская	667	213	1	881	—	—	6	—	—	32	168	57 223
Киевская	284	791	3	1 078	13	2	3 749	4	1	22	303	51 938
Костромская	1 285	1 294	18	2 597	—	—	1	—	—	75	89	11 508
Курляндская	1 890	101	—	1 991	—	—	—	—	—	—	1	2 706
Курская	488	208	5	701	14	—	1251	61	—	35	715	74 649

Продолжение таблицы 2

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Лифляндская	104 378	34 015	—	138 393	1	—	—	—	—	3	135	147 044
Минская	426	193	—	619	3	14	28	—	—	34	427	126 496
Могилевская	3 456	1 641	7	5 104	4	10	8	—	—	18	222	91 639
Московская	12 531	15 554	36	28 121	22	2	256	18	—	524	1 653	152 332
Нижегородская	3 497	6 396	11	9 904	3	1	142	9	—	94	90	50 961
Новгородская	6 428	3 438	32	9 898	33	—	13	—	—	97	118	23 270
Олонейская	37	10	—	47	—	—	2	—	—	1	—	278
Орловская	1 322	1 435	—	2 757	3	1	227	3	61	54	246	43 763
Пензенская	1 663	189	3	1 855	1	—	2 682	—	—	1	376	63 380
Петроградская	18 691	26 337	50	45 078	—	24	60	—	—	40	1 098	116 246
Подольская	22	9	—	31	—	—	3 424	—	2	2	63	5520
Полтавская	645	556	—	1 201	26	—	482	—	—	71	2 141	29 584
Псковская	9 344	5 394	3	14 741	4	—	10	—	—	4	64	27 127
Рязанская	509	154	—	663	—	—	256	—	—	86	117	64 940
Самарская	822	1 302	5	2 129	—	—	317	—	—	27	374	130 380
Саратовская	2 634	925	—	3 559	11	—	3 730	—	—	246	311	140 754
Симбирская	665	226	—	891	—	—	30	—	—	6	179	39 414
Смоленская	1 695	2 479	3	4 177	11	—	17	—	—	11	137	39 097
Таврическая	798	420	—	1 218	12	—	532	55	—	17	121	33 674
Тамбовская	1 286	527	—	1 813	22	30	552	100	—	82	179	143 046
Тверская	4 485	3 674	16	8 175	2	—	13	—	—	79	120	28 575
Тульская	2 402	941	—	3 343	—	—	158	43	36	69	123	44 683
Харьковская	3 288	11 747	2	15 037	101	279	2 337	10	—	144	897	124 243

Продолжение таблицы 2

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Херсонская	692	281	3	976	34	—	1 952	56	30	48	525	43 927
Черниговская	603	164	6	773	—	—	136	—	—	8	221	31 278
Эстляндская	5 622	4 842	3	10 467	—	—	—	—	—	—	25	12 446
Ярославская	6 535	1 977	6	8 518	—	—	5	—	—	83	132	32 555
Итого												
Европейская	227 033	144 919	276	372 228	732	703	90 318	652	139	2 699	13 562	2 637 730
Россия												
Вятская	301	167	—	468	—	—	4	—	—	11	202	3 796
Оренбургская	753	158	—	911	—	—	358	—	—	44	64	79 843
Пермская	1324	1393	—	2 717	—	—	677	—	—	85	91	29 014
Уфимская	1769	738	—	2 507	—	—	88	—	—	6	475	80 130
Итого Урал	4 147	2 456	—	6 603	—	—	1 127	—	—	146	832	192 783
Бакинская	0	—	—	—	—	1 871	—	5	—	—	—	1 877
Батумская	0	—	—	—	3 294	—	—	140	—	—	—	3 434
Елизаветпольская	0	—	—	—	67	6 173	—	4	—	—	2	6 246
Карская	0	—	—	—	10 887	16 459	—	11	—	—	56	27 413
Кубанская	241	251	—	492	487	124	305	135	—	2	86	12 973
Сухумский окр.	0	0	—	0	195	117	—	—	—	—	—	312
Ставропольская	78	15	—	93	339	—	181	2	—	—	26	7 164
Терекская	53	46	—	99	10	58	453	0	—	15	21	3 862
Тифлисская	0	0	—	0	2 116	11 068	—	1 786	—	—	45	15 017
Эриванская	0	0	—	0	2 716	90 384	—	718	—	—	138	93 960
Итого Кавказ и Закавказье	372	312	—	684	20 111	126 254	939	2 801	—	17	374	172 258

Окончание таблицы 2

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Амурская	20	4	—	24	—	—	—	—	—	6	—	1490
Енисейская	353	193	3	549	—	—	—	—	—	19	11	9815
Забайкальская	42	29	—	71	—	—	—	—	—	5	6	1730
Иркутская	85	31	—	116	—	—	18	—	—	1	15	8439
Приморская	—	—	—	0	—	—	24	—	—	0	9	797
Тобольская	488	123	1	612	—	—	31	—	—	2	39	18054
Томская	1 052	253	—	1 305	—	—	15	—	—	18	—	29 292
Итого Сибирь	2 040	633	4	2 677	—	—	88	—	—	51	80	69 617
Акмолинская	116	70	—	186	—	—	52	—	—	—	24	23 660
Семипалатинская	29	—	—	29	—	—	—	—	—	—	6	578
Турагайская	—	—	—	—	—	—	8	—	—	—	36	10 146
Уральская	28	—	—	28	—	—	2 570	—	—	4	8	6 600
Итого Средняя Азия	173	70	—	243	—	—	2 630	—	—	4	74	40 984
ИТОГО	233 765	148 390	280	382 435	20 843	126 957	95 102	3 453	139	2 917	14 922	3 113 372

* Источник: Известия Татянинского комитета. 1917. № 19. 15 апреля. С. 8—9.

Таблица 3

Количество беженских хозяйств по данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г.*

Губернии и области	Категории хозяйств	Число всех хозяйств	В том числе хозяйств:					Из них хозяйств:	
			Приписных			Посторонних	Беженцев	Гражданских	
			Наличных	Отсутствующих					
1	2	3	4	5	6	7	8		
Архангельская	Хозяйств крестьянского типа	68 882	67 321	790	771	2	8		
	Частновладельческие хозяйства	50	—	—	—	—	—		
	Прочие хозяйства не крестьянского типа	568	—	—	—	—	—		
	Итого по губернии	69 500	67 321	790	771	2	8		
Астраханская ¹	Хозяйств крестьянского типа	104 977	77 554	2 392	25 031	1 726	323		
	Частновладельческие хозяйства	119	—	—	—	—	—		
	Прочие хозяйства не крестьянского типа	1	—	—	—	—	—		
	Итого по губернии	105 097	77 554	2 392	25 031	1 726	323		
Владимирская	Хозяйств крестьянского типа	279 665	243 546	24 758	11 361	912	—		
	Частновладельческие хозяйства	1 173	—	—	—	—	—		
	Прочие хозяйства не крестьянского типа	972	—	—	—	—	—		
	Итого по губернии	281 810	243 546	24 758	11 361	912	—		
Вологодская ²	Хозяйств крестьянского типа	294 725	278 675	9 137	6 913	26	1 003		
	Частновладельческие хозяйства	237	—	—	—	—	—		

Продолжение таблицы 3

1	2	3	4	5	6	7	8
Вологодская ²	Прочие хозяйства не крестьянского типа	—	—	—	—	—	—
	Итого по губернии	294 962	278 675	9 137	6 913	26	1 003
	Хозяйств крестьянского типа	225 677	199 481	3 017	22 579	5 191	200
Вольнская ³	Частновладельческие хозяйства	—	—	—	—	—	—
	Прочие хозяйства не крестьянского типа	—	—	—	—	—	—
	Итого по губернии	225 077	199 481	3 017	22 579	5 191	200
Воронежская ⁴	Хозяйств крестьянского типа	506 221	453 649	31 493	21 079	3 068	59
	Частновладельческие хозяйства	—	—	—	—	—	—
	Прочие хозяйства не крестьянского типа	—	—	—	—	—	—
	Итого по губернии	506 221	453 649	31 493	21 079	3 068	59
Вятская ⁵	Хозяйств крестьянского типа	540 807	519 605	8 270	12 932	241	1 781
	Частновладельческие хозяйства	329	—	—	—	—	—
	Прочие хозяйства не крестьянского типа	9 364	—	—	—	—	—
	Итого по губернии	550 500	519 605	8 270	12 932	241	1 781
	Хозяйств крестьянского типа	483 137	435 268	26 222	21 647	7 932	385
Казанская	Частновладельческие хозяйства	1 476	—	—	—	—	—
	Прочие хозяйства не крестьянского типа	1 167	—	—	—	—	—
	Итого по губернии	485 780	435 268	26 222	21 647	7 932	385
Калужская ⁶	Хозяйств крестьянского типа	214 720	185 282	19 164	10 274	3 914	—
	Частновладельческие хозяйства	1 901	—	—	—	—	—
	Прочие хозяйства не крестьянского типа	934	—	—	—	—	—
	Итого по губернии	217 555	185 282	19 164	10 274	3 914	—

Продолжение таблицы 3

1	2	3	4	5	6	7	8
Киевская	Хозяйств крестьянского типа	587 678	545 589	—	42 089	931	50
	Частновладельческие хозяйства	2 026	—	—	—	—	—
	Прочие хозяйства не крестьянского типа	11 166	—	—	—	—	—
	Итого по губернии	600 870	545 589	—	42 089	931	50
Костромская	Хозяйств крестьянского типа	304 752	271 413	15 434	17 905	520	267
	Частновладельческие хозяйства	950	—	—	—	—	—
	Прочие хозяйства не крестьянского типа	—	—	—	—	—	—
	Итого по губернии	305 702	271 413	15 434	17 905	520	267
Курская ⁷	Хозяйств крестьянского типа	421 326	359 767	36 148	25 411	5 446	52
	Частновладельческие хозяйства	2 366	—	—	—	—	—
	Прочие хозяйства не крестьянского типа	2 921	—	—	—	—	—
	Итого по губернии	426 613	359 767	36 148	25 411	5 446	52
Лифляндская ⁸	Хозяйств крестьянского типа	—	—	—	—	—	—
	Частновладельческие хозяйства	—	—	—	—	—	—
	Прочие хозяйства не крестьянского типа	—	—	—	—	—	—
	Итого по губернии	38 930	—	—	—	—	—
Могилевская	Хозяйств крестьянского типа	255 441	240 055	2 481	12 905	3 442	5
	Частновладельческие хозяйства	2 788	—	—	—	—	—
	Прочие хозяйства не крестьянского типа	837	—	—	—	—	—
	Итого по губернии	259 066	240 055	2 481	12 905	3 442	5
Московская	Хозяйств крестьянского типа	291 315	216 059	39 244	36 012	1 337	4
	Частновладельческие хозяйства	2 519	—	—	—	—	—
	Прочие хозяйства не крестьянского типа	103	—	—	—	—	—
	Итого по губернии	293 937	216 059	39 244	36 012	1 337	4

Продолжение таблицы 3

1	2	3	4	5	6	7	8
Нижегородская	Хозяйств крестьянского типа	320 981	293 486	17 311	10 184	2 303	17
	Частновладельческие хозяйства	1 042	—	—	—	—	—
	Прочие хозяйства не крестьянского типа	2 069	—	—	—	—	—
	Итого по губернии	324 092	293 486	17 311	10 184	2 303	17
Новгородская	Хозяйств крестьянского типа	272 995	256 450	11 734	4 812	344	7
	Частновладельческие хозяйства	2 700	—	—	—	—	—
	Прочие хозяйства не крестьянского типа	2 594	—	—	—	—	—
	Итого по губернии	278 289	256 450	11 784	4 812	344	7
Олонецкая	Хозяйств крестьянского типа	72 608	67 686	2 489	2 483	7	76
	Частновладельческие хозяйства	394	—	—	—	—	—
	Прочие хозяйства не крестьянского типа	762	—	—	—	—	—
	Итого по губернии	73 764	67 686	2 489	2 483	7	76
Оренбургская ⁹	Хозяйств крестьянского типа	243 313	208 896	12 801	21 616	6 996	3 789
	Частновладельческие хозяйства	263	—	—	—	—	—
	Прочие хозяйства не крестьянского типа	—	—	—	—	—	—
	Итого по губернии	243 576	208 896	12 801	21 616	6 996	3 789
Орловская	Хозяйств крестьянского типа	355 301	315 054	28 398	11 849	2 339	73
	Частновладельческие хозяйства	3 878	—	—	—	—	—
	Прочие хозяйства не крестьянского типа	2 974	—	—	—	—	—
	Итого по губернии	362 153	315 054	28 398	11 849	2 339	73
Пензенская ¹⁰	Хозяйств крестьянского типа	310 707	271 972	27 252	11 483	—	—
	Частновладельческие хозяйства	1 147	—	—	—	—	—
	Прочие хозяйства не крестьянского типа	1 293	—	—	—	—	—
	Итого по губернии	313 147	271 972	27 252	11 483	—	—

Продолжение таблицы 3

1	2	3	4	5	6	7	8
Пермская ¹¹	Хозяйств крестьянского типа	385 292	329 232	13 033	43 027	801	792
	Частновладельческие хозяйства	—	—	—	—	—	—
	Прочие хозяйства не крестьянского типа	—	—	—	—	—	—
	Итого по губернии	385 292	329 232	13 033	43 027	801	792
Петроградская	Хозяйств крестьянского типа	153 043	129 818	10 408	12 817	275	5
	Частновладельческие хозяйства	1 661	—	—	—	—	—
	Прочие хозяйства не крестьянского типа	440	—	—	—	—	—
	Итого по губернии	155 144	129 818	10 408	12 817	275	5
Полтавская	Хозяйств крестьянского типа	462 668	—	—	—	—	—
	Частновладельческие хозяйства	4 592	—	—	—	—	—
	Прочие хозяйства не крестьянского типа	3 527	—	—	—	1 287	—
	Итого по губернии	470 787	—	—	—	1 287	—
Рязанская	Хозяйств крестьянского типа	360 189	315 709	25 012	19 468	5 336	6
	Частновладельческие хозяйства	1 679	—	—	—	—	—
	Прочие хозяйства не крестьянского типа	1 121	—	—	—	—	—
	Итого по губернии	362 989	315 709	25 012	19 468	5 336	6
Самарская ¹²	Хозяйств крестьянского типа	534 914	465 374	8 753	60 787	21 263	564
	Частновладельческие хозяйства	2 609	—	—	—	—	—
	Прочие хозяйства не крестьянского типа	272	—	—	—	—	—
	Итого по губернии	537 795	465 374	8 753	60 787	21 263	564

Продолжение таблицы 3

1	2	3	4	5	6	7	8
Саратовская ¹³	Хозяйств крестьянского типа	465 299	405 389	23 688	36 222	16 302	468
	Частновладельческие хозяйства	2 450	—	—	—	—	—
	Прочие хозяйства не крестьянского типа	153	—	—	—	—	—
	Итого по губернии	467 902	405 389	23 688	36 222	16 302	468
Симбирская ¹⁴	Хозяйств крестьянского типа	331 760	288 913	27 332	15 515	5 449	26
	Частновладельческие хозяйства	832	—	—	—	—	—
	Прочие хозяйства не крестьянского типа	546	—	—	—	—	—
	Итого по губернии	333 138	288 913	27 332	15 515	5 449	26
Смоленская ¹⁵	Хозяйств крестьянского типа	291 225	243 712	30 667	16 846	1 317	2
	Частновладельческие хозяйства	—	—	—	—	—	—
	Прочие хозяйства не крестьянского типа	—	—	—	—	—	—
	Итого по губернии	291 225	243 712	30 667	16 846	1 317	2
Тамбовская	Хозяйств крестьянского типа	571 601	485 310	44 063	42 228	16 525	10
	Частновладельческие хозяйства	5 380	—	—	—	—	—
	Прочие хозяйства не крестьянского типа	2 273	—	—	—	—	—
	Итого по губернии	579 254	485 310	44 063	42 228	16 525	10
Тверская ¹⁶	Хозяйств крестьянского типа	368 130	315 923	42 612	9 595	905	9
	Частновладельческие хозяйства	2 120	—	—	—	—	—
	Прочие хозяйства не крестьянского типа	3 102	—	—	—	—	—
	Итого по губернии	373 352	315 923	42 612	9 595	905	9

Продолжение таблицы 3

1	2	3	4	5	6	7	8
Тульская ¹⁷	Хозяйств крестьянского типа	282 041	230 752	41 352	9 937	2 742	—
	Частновладельческие хозяйства	3 755	—	—	—	—	—
	Прочие хозяйства не крестьянского типа	3 575	—	—	—	—	—
	Итого по губернии	289 371	230 752	41 352	9 937	2 742	—
Уфимская	Хозяйств крестьянского типа	537 502	480 093	20 937	36 472	8 310	1 987
	Частновладельческие хозяйства	852	—	—	—	—	—
	Прочие хозяйства не крестьянского типа	133	—	—	—	—	—
	Итого по губернии	538 487	480 093	20 937	36 472	8 310	1 987
Харьковская	Хозяйств крестьянского типа	461 644	412 656	10 161	33 827	12 094	142
	Частновладельческие хозяйства	2 182	—	—	—	—	—
	Прочие хозяйства не крестьянского типа	1 291	—	—	—	—	—
	Итого по губернии	465 117	412 656	10 161	38 827	12 094	142
Черниговская	Хозяйств крестьянского типа	378 583	357 589	2 431	18 563	1 841	—
	Частновладельческие хозяйства	1 809	—	—	—	—	—
	Прочие хозяйства не крестьянского типа	2 893	—	—	—	—	—
	Итого по губернии	383 285	357 589	2 431	18 563	1 841	—
Ярославская ¹⁸	Хозяйств крестьянского типа	231 549	195 927	25 069	10 553	738	4
	Частновладельческие хозяйства	2 039	—	—	—	—	—
	Прочие хозяйства не крестьянского типа	3 980	—	—	—	—	—
	Итого по губернии	237 568	195 927	25 069	10 553	738	4

Продолжение таблицы 3

1	2	3	4	5	6	7	8
Витебская	Хозяйств крестьянского типа	127 733	116 307	9 488	1 938	220	2
	Частновладельческие хозяйства	13 620	—	—	—	—	—
	Прочие хозяйства не крестьянского типа	7 431	—	—	—	—	—
	Итого по губернии	148 784	116 307	9 488	1 938	220	2
Донская	Хозяйств крестьянского типа	431 741	—	—	—	—	—
	Частновладельческие хозяйства	2 032	—	—	—	—	—
	Прочие хозяйства не крестьянского типа	—	—	—	—	—	—
	Итого по губернии	433 773	—	—	—	—	—
Екатеринославская	Хозяйств крестьянского типа	450 447	427 196	—	23 251	22 941	310
	Частновладельческие хозяйства	5 831	—	—	—	—	—
	Прочие хозяйства не крестьянского типа	—	—	—	—	—	—
	Итого по губернии	456 278	427 196	—	23 251	22 941	310
Итого по 38 губерниям и областям (без Лифляндской) Европейской России	Хозяйств крестьянского типа	12 979 990	10 706 708	653 491	725 382	163 736	12 426
	Частновладельческие хозяйства	78 801	—	—	—	—	—
	Прочие хозяйства не крестьянского типа	68 462	—	—	—	1 287	—
	Итого по 38 губерниям Европейской России	13 127 253	10 706 708	653 591	725 382	165 023	12 426
Итого по 39 губерниям и областям Европейской России (с Лифляндской губернией)	Хозяйств крестьянского типа	—	—	—	—	—	—
	Частновладельческие хозяйства	—	—	—	—	—	—
	Прочие хозяйства не крестьянского типа	—	—	—	—	—	—
	Итого по 39 губерниям Европейской России	13 166 183	10 706 708	653 591²⁰	725 382	165 023	12 426

Продолжение таблицы 3

1	2	3	4	5	6	7	8
Губернии и области Азиатской части России (Сибирь)							
Алтайская	Хозяйств крестьянского типа	393 321	345 419	7 061	40 841	195	—
	Частновладельческие хозяйства	—	—	—	—	—	—
	Прочие хозяйства не крестьянского типа	—	—	—	—	—	—
	Итого по губернии	393 321	345 419	7 061	40 841	195	—
Амурская	Хозяйств крестьянского типа	29 075	26 558	408	2 109	—	—
	Частновладельческие хозяйства	250	—	—	—	—	—
	Хозяйства казаков	7 204	6 226	51	927	—	—
	Итого по губернии	36 529	32 784	459	3 036	—	—
Енисейская	Хозяйств крестьянского типа	159 273	148 690	600	9 983	613	430
	Итого по губернии	159 273	148 690	600	9 983	613	430
	Хозяйств крестьянского типа	48 159	45 330	1 496	1 333	17	—
	Прочие хозяйства не крестьянского типа	473	—	—	—	—	—
Забайкальская	Хозяйства казаков	44 803	40 910	2 393	1 500	—	—
	Хозяйства инородцев	39 509	36 971	2 086	452	—	—
	Итого по губернии	132 944	123 211	5 975	3 285	17	—
	Хозяйств крестьянского типа	78 716	69 805	1 813	7 098	99	251
Иркутская	Прочие хозяйства не крестьянского типа	187	—	—	—	—	—
	Хозяйства казаков	2 314	2 205	109	—	—	—
	Хозяйства инородцев	22 472	21 862	610	—	—	—
	Итого по губернии	103 689	93 872	2 532	7 098	99	251

Продолжение таблицы 3

1	2	3	4	5	6	7	8
Приморская	Хозяйств крестьянского типа	59 559	45 033	—	14 526	2 517	—
	Итого по губернии	59 559	45 033	—	14 526	2 517	—
Тобольская	Хозяйства крестьянского типа	316 848	300 759	6 973	9 116	855	56
	Хозяйства инородцев	12 139	11 752	177	210	—	—
	Итого по губернии	328 987	312 511	7 150	9 326	855	56
Томская	Хозяйств крестьянского типа	288 149	262 844	4 444	20 861	1 082	46
	Итого по губернии	288 149	262 844	4 444	20 861	1 082	46
Якутская	Хозяйств крестьянского типа	53 340	51 850	1 490	—	—	—
	Итого по губернии	53 340	51 850	1 490	—	—	—
Итого по 9 губерниям и областям Азиатской части России (Сибирь)	Хозяйств крестьянского типа	1 426 440	1 296 288	24 285	105 867	5 378	783
	Частновладельческие хозяйства	250	—	—	—	—	—
	Прочие хозяйства не крестьянского типа	660	—	—	—	—	—
	Хозяйства казаков	54 321	49 341	2 553	2 427	—	—
	Хозяйства инородцев	74 120	70 585	2 873	662	—	—
	Итого по Сибири	1 555 791	1 416 214	29 711	108 956	5 378	783
	Среднеазиатские области России (Степной край)						
Акмолинская	Хозяйств крестьянского типа	115 131	101 649	3 917	9 565	1 735	94
	Частновладельческие хозяйства	2 500	—	—	—	—	—
	Прочие хозяйства не крестьянского типа	512	—	—	—	—	—
	Хозяйства казаков	19 947	17 050	947	1 950	177	7

Окончание таблицы 3

1	2	3	4	5	6	7	8
Акмолинская	Хозяйства киргизов	97 488	96 378	806	304	—	—
	Итого по области	235 578	215 077	5 670	11 819	1 912	101
Семипалатинская	Хозяйств крестьянского типа	36 454	35 272	1 182	—	—	—
	Хозяйства киргизов	122 630	113 403	7 079	2 148	—	—
	Итого по области	159 084	148 675	8 261	2 148	—	—
Семиреченская	Хозяйств крестьянского типа	33 029	25 503	1 389	6 137	2	—
	Прочие хозяйства не крестьянского типа	424	—	—	—	—	—
	Хозяйства казаков	10 352	6 414	796	3 142	—	—
	Хозяйства киргизов	160 338	150 388	6 832	3 118	—	—
	Хозяйства инородцев	12 457	9 827	2 058	572	—	—
Уральская ¹⁹	Итого по области	216 600	192 132	11 075	12 969	2	—
	Хозяйства казаков	38 923	28 491	107	10 325	212	42
	Итого по области	38 923	28 491	107	10 325	212	42
Итого по 4 областям Среднеазиатским областям России (Степной край)	Хозяйств крестьянского типа	184 614	162 424	6 488	15 702	1 737	94
	Частновладельческие хозяйства	2 500	—	—	—	—	—
	Прочие хозяйства не крестьянского типа	936	—	—	—	—	—
	Хозяйства казаков	69 222	51 955	1 850	15 417	389	49
	Хозяйства киргизов	380 456	360 169	14 717	5 570	—	—
	Хозяйства инородцев	12 457	9 827	2 058	572	—	—
Всего	Итого по Степному краю	650 185	584 375	25 113	37 261	2 126	143
		15 372 159	12 707 297	708 415	871 599	172 527	13 352

*Источник: Потугерские итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года по 52 губерниям и областям. Труды Центрального статистического управления. Т. V. Вып. 1. М., 1921. С. III–V, 2, 10, 18, 26, 34, 42, 64, 76, 90, 91, 93.

¹ В Астраханской губернии, где не имелось полного списка населенных мест, были значительные пропуски в описании хозяйств. По отчетам густатбюро, кроме случаев частичных пропусков, не были описаны совершенно в 1916 г. 426 селений с 46 000 дворами, а в 1917 г. 681 селение с 51 475 дворами. Сведения о пропущенных селениях лишь приблизительны и получены из сопоставления списков населенных мест по переписям 1916 и 1917 годов, так как до этих переписей в крае не было никаких переписей и исследований. Пропуски относятся главным образом к территории Калмыцкой и Киргизской степи.

² В Вологодской губернии не описаны 553 двора.

³ В Волынской губернии остались вне переписи уезды: Владимир-Волынский, Дубенский, Ковельский, Кременецкий и Луцкий.

⁴ По Воронежской губернии отсутствуют сведения о частновладельческих хозяйствах и прочих хозяйствах не крестьянского типа.

⁵ В Вятской губернии остались не описанными 9 волостей Сарапульского уезда — Аргазская, Галаповская, Гольянская, Июльская, Козловская, Перевозинская, Пургинская, Светлянская и Юринская — с общим числом 11 900 хозяйств.

⁶ В Калужской губернии не описаны 717 дворов.

⁷ В Курской губернии не описаны 4 013 дворов.

⁸ В Лифляндской губернии переписаны только 3 уезда: Веронский, Феллинский и Перновский. Остальные — Валкский, Венденский, Вольмарский, Рижский, Эзельский и Юрьевский — не были переписаны вследствие войны.

⁹ Данные по Оренбургской губернии опубликованы без казачьей территории, сведения по которой отсутствовали.

¹⁰ В Пензенской губернии осталось не описанными 1 163 двора.

¹¹ По Пермской губернии остались не описанными о частновладельческих хозяйствах и хозяйствах не крестьянского типа. Отсутствуют данные по 4 уездам: Екатеринбургскому, Ирбитскому, Камышловскому и Оханскому.

¹² В Самарской губернии остались вне переписи следующие волости и селения: Бугурусланский уезд, 6 волостей: Старо-Соснинская — 1 629 дворов; Пилотинская — 1 384 двора, Пригородная — 1 617 дворов, Мартыновская — 1 055 дворов, Завьяловская — 948 дворов и Знаменская — 1 163 двора. В Бузулукском уезде — в Любимовской волости, деревни Саинка — 185 дворов и Амерханово — 158 дворов. В Никольском уезде Кузьяевской волости деревни Габдулино — 98 дворов, Максютово — 113 дворов, Уразово — 67 дворов, Акирово — 48 дворов, Кочумбетово — 61 двор, Байгундино — 72 двора и Ишимбаево — 71 двор. В Бугульминском уезде в 10 селениях Дамской волости — 552 двора. Всего по Самарской губернии не обследовано 9 221 двор.

¹³ В Саратовской губернии пропущены и не описаны 318 дворов.

¹⁴ В Симбирской губернии остались не описанными: 5 селений Симбирского уезда в волостях Полкуровской и Покровской — 391 хозяйство; в Алатырском уезде поселок Кученевский — 24 хозяйства; 2 селения Ардамазовского уезда в волостях Бузаевской и Неклюдовской — 493 хозяйства; в Буинском уезде Муратовской волости в деревне Подлесные Чурадчики — 120 хозяйств; в Корунском уезде в 12 волостях в 31 селении не описано 2 847 дворов; в Курмышском уезде Атаевской волости — 20 хозяйств; в Сентилеевском уезде

в Сентилевской волости — 149 хозяйств; в Сызранском уезде в Усинской волости — 323 двора. Всего не описано в Симбирской губернии 4 367 хозяйств.

¹⁵ В Смоленской губернии пропущены и не описаны 1 590 хозяйств. По Смоленской губернии отсутствуют сведения о частновладельческих хозяйствах и прочих хозяйствах не крестьянского типа.

¹⁶ В Тверской губернии пропущено и не описано 1 841 хозяйство.

¹⁷ В Тульской губернии пропущены и не описаны 910 хозяйств.

¹⁸ В Ярославской губернии Ярославского уезда Бурмакинской волости — не описана деревня Губино — 21 двор; Курбской волости 2 деревни — 29 дворов. В Сереновской волости 3 селения — 199 дворов; Спас-Ярыжницкой волости 2 села — 79 дворов и Ставотинской волости 2 селения — 1 288 хозяйств. В Любимском уезде — Ескинской волости не описано село Лисино — 24 двора. В Рыбинском уезде в волостях Арефинской, Георгиевской, Глебовской, Ивановской, Нижней Никульской, Николо-Задубровской, Николо-Кормской, Никольской, Панфиловской, Спасской и Сретенской не описано 34 селения с 467 дворами. Всего осталось не описано в Ярославской губернии 2 107 хозяйств.

¹⁹ В Уральской области сведения относятся лишь к казачьей территории. На территории гражданского населения переписи не было.

²⁰ Данные получены в результате пересчета, в документе 653 491.

Приложение 2

ПЕРЕЧЕНЬ ОРГАНИЗАЦИЙ ПОМОЩИ БЕЖЕНЦАМ ПО СОСТОЯНИЮ НА 1 МАЯ 1916 г. (ЕВРОПЕЙСКАЯ РОССИЯ)*

Архангельская губерния	
1	2
г. Архангельск	<ul style="list-style-type: none"> — Губернский комитет по устройству беженцам — Латышский комитет по оказанию помощи беженцам — Отдел Польского общества помощи жертвам войны — Комитет помощи беженцам-евреям — Ополномоченный Центрального обывательского комитета губерний Царства Польского — Уполномоченный Центрального комитета Литовского общества по оказанию помощи пострадавшим от войны
Астраханская губерния	
г. Астрахань	<ul style="list-style-type: none"> — Центральный губернский земский комитет помощи беженцам при Губернской управе — Губернский комитет помощи беженцам — Городской комитет по призрению беженцев Всероссийских земского и городского союзов — Уездный комитет помощи беженцам — Отдел Польского общества помощи жертвам войны — Римско-католическое благотворительное общество — Еврейский комитет помощи жертвам войны — Епархиальный комитет помощи беженцам — Отдел Всероссийского общества попечения о беженцах — Народный детский сад
г. Енотаевск	— Уездный земский комитет помощи беженцам
г. Красный Яр	— Уездный земский комитет помощи беженцам
г. Черный Яр	— Уездный земский комитет помощи беженцам
г. Царев	— Уездный земский комитет помощи беженцам
Витебская губерния	
г. Витебск	<ul style="list-style-type: none"> — Губернский объединенный комитет для оказания помощи беженцам Всероссийских земского и городского союзов — Губернское отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Управление уполномоченного по устройству беженцев Северного фронта — Управление уполномоченного по устройству беженцев Северо-западного фронта

1	2
Витебск	<ul style="list-style-type: none"> — Управление уполномоченного по устройству беженцев Северо-западного фронта по отделу устройства ремесленного труда беженцев — Комитет по оказанию помощи беженцам Всероссийского земского союза — Городское попечительство по оказанию помощи беженцам — Отделение Центрального обывательского комитета губерний Царства Польского — Отделение Петроградского Польского общества помощи жертвам войны — Витебский польский комитет по оказанию помощи пострадавшим от войны — Еврейское общество помощи жертвам войны — Общество охраны здоровья еврейского населения — Латышское благотворительное общество — Отделение Латышского общества вспомоществования беженцам «Родина» — Русский комитет помощи беженцам — Отделение Российского общества Красного креста — Отделение комитета великой княжны Елизаветы Федоровны — Летучий отряд Литовского общества по оказанию помощи пострадавшим от войны
Витебский уезд, мест. Яновичи	<ul style="list-style-type: none"> — Комитет Еврейского общества
Витебский уезд, ст. Балтин (Риго-Орловская железная дорога)	<ul style="list-style-type: none"> — Общество вспомоществования латышей-латгалцев — Агент Латышского общества «Родина»
Витебский уезд, г. Сураж	<ul style="list-style-type: none"> — Отдел Еврейского общества помощи жертвам войны
г. Велиж	<ul style="list-style-type: none"> — Уездная комиссия Витебского отделения Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Земская организация по выдаче пособий беженцам — Польский комитет — Еврейский комитет — Доверенный Литовского общества по оказанию помощи пострадавшим от войны
г. Городок	<ul style="list-style-type: none"> — Уездная комиссия отделения Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Отделение Еврейского общества помощи жертвам войны

Приложение 2

1	2
г. Двинск	<ul style="list-style-type: none"> — Уездная комиссия Витебского отделения Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Отдел Польского общества помощи жертвам войны — Отдел Общества вспомоществования латышей-латгальцев — Уполномоченный Центрального Латышского комитета — Отдел Латышского общества «Родина» — Еврейский комитет помощи жертвам войны — Отдел Литовского общества по оказанию помощи пострадавшим от войны — Объединенный комитет под председательством уполномоченного Петроградского областного комитета
Двинский уезд, мест. Креславль	— Отдел Латышского общества «Родина»
г. Дрисса	<ul style="list-style-type: none"> — Уездная комиссия Витебского отделения Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Комитет Еврейского общества — Агент Латышского общества «Родина»
г. Лепель	<ul style="list-style-type: none"> — Уездная комиссия Витебского отделения Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Отдел Польского общества помощи жертвам войны — Комитет Еврейского общества — Уездный земский комитет помощи беженцам
Лепельский уезд, мест. Бешенковичи	— Отдел Еврейского общества помощи жертвам войны
Лепельский уезд, с. Вороницы	— Отдел Польского общества помощи жертвам войны
Лепельский уезд, мест. Улла	— Отдел Польского общества помощи жертвам войны
Лепельский уезд, мест. Чашники	— Комитет Еврейского общества помощи жертвам войны
г. Люцин	<ul style="list-style-type: none"> — Уездная комиссия Витебского отделения Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Общество вспомоществования латышей-латгальцев — Отдел Латышского общества «Родина» — Уполномоченный Центрального Латышского комитета — Еврейское общество помощи беженцам — Доверенный Литовского общества по оказанию помощи пострадавшим от войны

1	2
Люцинский уезд, г. Боловск	— Отдел вспомоществования латышей-латгальцев
Люцинский уезд, с. Мариенгаузен	— Отдел Латышского общества «Родина»
Люцинский уезд, [с.] Домопольско	— Отдел Латышского общества «Родина»
Люцинский уезд, с. Корсовка	— Уполномоченный Центрального Латышского комитета — Отдел Латышского общества «Родина»
Люцинский уезд, с. Посинь	— Доверенный Литовского общества по оказанию помощи пострадавшим от войны
г. Невель	— Уездная комиссия Витебского отделения Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Отдел Еврейского общества помощи жертвам войны — Агент Латышского общества «Родина»
г. Полоцк	— Уездная комиссия Витебского отделения Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Комитет Всероссийского союза городов — Отдел Польского общества помощи жертвам войны — Уполномоченный Центрального Латышского комитета — Отдел Латышского общества «Родина» — Отдел Литовского общества по оказанию помощи пострадавшим от войны — Еврейское общество помощи жертвам войны — Отделение Российского общества Красного креста — Отдел Общества помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям
Полоцкий уезд, мест. Шумилино	— Комитет Еврейского общества
г. Режица	— Уездная комиссия Витебского отделения Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Комитет Всероссийского союза городов — Объединенный комитет Режицкого земства, Землеустройства, Латышского частного сельскохозяйственного общества, Экономического товарищества российских сельских хозяев и кооперативов — Стружано-Стернянское латышское общество — Отдел Общества вспомоществования латышей-латгальцев — Отдел Латышского общества «Родина»

Приложение 2

1	2
г. Режица	— Доверенный Литовского общества по оказанию помощи пострадавшим от войны — Особоуполномоченный по устройству беженцев
г. Себеж	— Уездная комиссия Витебского отделения Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Комитет Еврейского общества помощи жертвам войны — Отдел Латышского общества «Родина» — Доверенный Литовского общества по оказанию помощи пострадавшим от войны
с. Элеонорвилль и Яглонь	— Отделы вспомоществования латышей-латгальцев
Городокский уезд, Александрополь	— Агент Латышского общества «Родина»
Двинский уезд, мест. Прели, мест. Крейцбург	— Агенты Латышского общества «Родина»
Люцинский уезд, с. Липно, д. Роговка, с. Старая Слобода (Истра), им. Стружаны	— Агенты Латышского общества «Родина»
с. Зальмуйж, Розеновская Пустошка, Борха, Людвинов, Кокорев	— Агенты Латышского общества «Родина»
Режицкий уезд, с. Галяны, м. Велионы	— Агенты Латышского общества «Родина»
Владимирская губерния	
г. Владимир	— Владимирский губернский комитет Всероссийского земского союза, отдел по устройству беженцев — Губернское отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Городской комитет по оказанию помощи беженцам, при нем Дамский кружок — Уездный земский комитет помощи беженцам — Епархиальный комитет помощи беженцам

1	2
г. Владимир	<ul style="list-style-type: none"> — Отдел Польского общества помощи жертвам войны — Еврейский комитет помощи жертвам войны — Уполномоченный Центрального Латышского комитета — Доверенный Литовского общества по оказанию помощи пострадавшим от войны — Уполномоченный Всероссийского общества попечения о беженцах
Владимирский уезд	— Приходские попечительства
г. Александров	<ul style="list-style-type: none"> — Уездный земский комитет по оказанию помощи беженцам при уездной управе — Городской комитет по оказанию помощи беженцам
г. Вязники	— Вязниковская комиссия по оказанию помощи беженцам
г. Гороховец	<ul style="list-style-type: none"> — Земско-городской комитет помощи беженцам — Доверенный Литовского общества по оказанию помощи пострадавшим от войны
г. Ковров	<ul style="list-style-type: none"> — Уездный земский комитет по устройству беженцев — Городской комитет — Отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны
Ковровский уезд	— Участковые и волостные попечительства
г. Меленки	— Земско-городской комитет
г. Муром	<ul style="list-style-type: none"> — Уездный земский комитет помощи беженцам — Комитет о беженцах при Муромском городском общественном управлении — Отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны
г. Переславль	<ul style="list-style-type: none"> — Земско-городской комитет — Отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны
г. Покров	— Земско-городской комитет помощи беженцам
Покровский уезд, г. Киржач	— Дамский комитет при отделении Российского общества Красного креста
г. Суздаль	— Уездный земско-городской комитет помощи беженцам
г. Шуя	<ul style="list-style-type: none"> — Уездный земский комитет помощи беженцам — Городской комитет — Уездное отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Комиссия по оказанию помощи беженцам, входит в отделение Татьянинского комитета

Приложение 2

1	2
г. Шуя	— Отдел Польского общества помощи жертвам войны — Отдел Еврейского комитета
Шуйский уезд, г. Иваново-Вознесенск	— Городской комитет помощи беженцам — Отдел Польского общества помощи жертвам войны — Уполномоченный Центрального Латышского комитета — Доверенный Литовского общества по оказанию помощи пострадавшим от войны
г. Юрьев-Польской	— Уездный земский комитет — Городской комитет всероссийского союза городов
Вологодская губерния	
г. Вологда	— Губернское совещание о беженцах — Губернский комитет Всероссийского земского союза, бюро по устройству беженцев — Губернский комитет Всероссийского союза городов — Отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Окружное управление Центрального обывательского комитета губерний Царства Польского — Уездный комитет Всероссийского земского союза — Отдел Польского общества помощи жертвам войны — Римско-католическое благотворительное общество — Еврейский комитет помощи жертвам войны — Латышский комитет по оказанию помощи беженцам — Отдел Всероссийского общества попечения о беженцах — Доверенный Литовского общества по оказанию помощи пострадавшим от войны
г. Великий Устюг	— Подотдел Вологодского губернского комитета Всероссийского земского союза — Викариальный комитет о беженцах
г. Грязовец	— Городской комитет о беженцах — Уездный комитет о беженцах
г. Кадников	— Уездный комитет Всероссийского земского союза — Отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны
г. Никольск	— Уездный особый комитет попечительства о беженцах
Никольский уезд	— 4 районных комитета попечения о беженцах
г. Тотьма	— Уездная земская управа
г. Усть-Сысольск	— Комитет при Уездной земской управе

1	2
Воронежская губерния	
г. Воронеж	<ul style="list-style-type: none"> — Губернский комитет по призрению беженцев Всероссийского земского союза — Губернское отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Комитет Всероссийского союза городов, комиссия помощи беженцам — Отдел призрения беженцев при Воронежской городской управе — Уездный санитарно-попечительный совет — Отдел Польского общества помощи жертвам войны — Римско-католическое благотворительное общество — Еврейский комитет помощи жертвам войны — Латышский комитет — Отдел Литовского общества по оказанию помощи пострадавшим от войны — Армянский комитет — Отдел Всероссийского общества попечения о беженцах
Воронежский уезд	— 11 участковых санитарных попечительств в составе Уездного санитарно-попечительного совета
г. Бирючи	— Уездная земская управа
Бирюченский уезд	— 23 комитета уездной управы
г. Бобров	<ul style="list-style-type: none"> — Уездный земский комитет по оказанию помощи беженцам — Городской комитет Всероссийского союза городов — Уездное отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны
г. Богучар	<ul style="list-style-type: none"> — Уездный комитет по оказанию временной помощи пострадавшим от военных действий — Отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Дамский комитет
г. Валуйки	<ul style="list-style-type: none"> — Уездный исполнительный комитет по оказанию помощи беженцам — Уездное отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны
Валуйский уезд	— Участковые комитеты
Валуйский уезд, сл. Никитовка	— Отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны
г. Землянк	— Уездный комитет попечения о беженцах
г. Коротояк	— Уездный комитет Всероссийского земского союза

Приложение 2

1	2
г. Новохоперск	— Уездный комитет по устройству беженцев
г. Острогожск	— Уездный комитет по оказанию помощи беженцам
г. Павловск	— Уездный земский комитет по устройству беженцев — Городской комитет по устройству беженцев — Еврейский комитет
Вятская губерния	
г. Вятка	— Губернская земская управа, отдел по устройству беженцев — Губернское отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Окружное управление Центрального обывательского комитета губерний Царства Польского — Вятский комитет Всероссийского союза городов — Городская комиссия о беженцах — Епархиальный комитет устройства беженцев — Уездное отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Отдел Польского общества помощи жертвам войны — Римско-католическое благотворительное общество — Отдел Литовского общества по оказанию помощи пострадавшим от войны — Еврейский комитет помощи жертвам войны — Епархиальный дамский кружок при Братстве Св. Николая — Дамский кружок по устройству быта беженцев при Братстве Спасителя
г. Глазов	— Уездный комитет Всероссийского земского союза — Городской комитет Всероссийского союза городов — Уездный комитет Российского общества Красного креста
Глазовский уезд, с. Уни	— Обывательский комитет по устройству беженцев
г. Елабуга	— Отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны
г. Котельнич	— Уездный комитет — Отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Духовный комитет по оказанию помощи беженцам духовного звания

1	2
г. Малмыж	— Уездная земская управа, отдел по устройству беженцев — Отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны
Малмыжский уезд	— Участковые комитеты
г. Нолинск	— Отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны
г. Орлов	— Уездный комитет о беженцах при Уездной земской управе — Отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Педагогическая комиссия по оказанию помощи беженцам
Орловский уезд	— Сельские попечительства
г. Сарапул	— Городской комитет по устройению беженцев — Отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны
г. Слободской	— Земско-городской комитет попечения о беженцах — Отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны
г. Уржум	— Отдел Всероссийского земского союза
Уржумский уезд	— Волостные комитеты
г. Яранск	— Уездная земская управа — Отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны
Яранский уезд, сл. Кукарка	— Отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны
г. Царевосанчурск	— Отделение Комитета вел.кн.Татьяны Николаевны
Донская область	
г. Новочеркасск	— Областной комитет помощи беженцам — Общество помощи населению местностей, пострадавших от войны — Донской областной отдел Всероссийского общества попечения о беженцах — Комитет Всероссийского земского союза — Городской комитет Всероссийского союза городов — Отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Окружной комитет о беженцах — Отдел Польского общества помощи жертвам войны — Латышское общество помощи беженцам — Совет Аксайско-Богородичного братства

Приложение 2

1	2
г. Азов	— Комитет Всероссийского земского союза — Городской комитет о беженцах
Донецкий округ, станция Каменская	— Отдел Польского общества помощи жертвам войны
1-й Донской округ, станицы Романовская	— Комиссия помощи беженцам
г. Нахичевань	— Городской комитет Всероссийского союза городов — Армянское церковное попечительство
г. Ростов-на-Дону	— Доно-кубанский областной комитет Всероссийского земского союза — Донское областное отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Городской комитет помощи беженцам Всероссийского союза городов — Общественный комитет помощи беженцам — Отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Окружной комитет о беженцах — Отдел Польского общества помощи жертвам войны — Римско-католическое благотворительное общество — Еврейский комитет помощи жертвам войны — Латышский комитет помощи беженцам — Отдел Литовского общества по оказанию помощи пострадавшим от войны
г. Таганрог	— Окружной комитет по устройству беженцев — Комитет Всероссийского земского союза по оказанию помощи беженцам — Отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Городской комитет помощи беженцам — Отдел Польского общества помощи жертвам войны — Римско-католическое благотворительное общество — Еврейский комитет
Таганрогский уезд, Макеевка	— Отдел Польского общества помощи жертвам войны
Таганрогский уезд, п. Криндачевка	— Отдел Польского общества помощи жертвам войны

1	2
Екатеринославская губерния	
г. Екатеринослав	<ul style="list-style-type: none"> — Областной Комитет Всероссийского союза городов — Губернский комитет Всероссийского земского союза, отдел помощи беженцам — Губернское отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Окружное управление Центрального обывательского комитета губерний Царства Польского — Городская управа, отдел призрения беженцев — Уездный комитет Всероссийского земского союза, отдел помощи беженцам — Уездное отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Отдел Польского общества помощи жертвам войны — Римско-католическое благотворительное общество — Комитет оказания помощи беженцам-евреям при Губернском комитете Всероссийского земского союза — Отделение Общества охранения здоровья еврейского населения — Латышский комитет по оказанию помощи беженцам — Отдел Литовского общества по оказанию помощи пострадавшим от войны — Отделение Центрального русского комитета помощи беженцам при Западно-Русском обществе, при нем Галицийский подотдел — Епархиальный комитет при братстве Св. Владимира
Екатеринославский уезд, с. Запорожье-Каменское	<ul style="list-style-type: none"> — Каменский объединенный совет — Каменское волостное попечительство о беженцах — Отдел Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Отдел Польского общества помощи жертвам войны — Дамский комитет — Православное благотворительное общество при Днепровском заводе — Римско-католическое благотворительное общество при Днепровском заводе
Екатеринославский уезд	— 40 волостных попечительств
г. Александровск	<ul style="list-style-type: none"> — Объединенный земско-городской комитет — Уездный комитет

Приложение 2

1	2
г. Александровск	<ul style="list-style-type: none"> — Уездное отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Отделение Центрального обывательского комитета губерний Царства Польского — Отдел Польского общества помощи жертвам войны — Еврейский комитет помощи беженцам — Отдел Литовского общества по оказанию помощи пострадавшим от войны
Александровский уезд	— Сельские комитеты
г. Бахмут	<ul style="list-style-type: none"> — Уездный комитет — Отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Отдел Польского общества помощи жертвам войны — Комитет отделения Еврейского общества помощи жертвам войны
Бахмутовский уезд	<ul style="list-style-type: none"> — 46 сельских и 2 поселковых попечительств — 3 попечительства имени гр. Келлера
Бахмутовский уезд, Юзовка, Енакиев ст. Михайловска Григорьевка Железное пос. Дмитриевский пос. Яковлевский пос. Гришино	— Подотделы Комитета великой княжны Татьяны Николаевны
Бахмутовский уезд, пос. Дмитриевский пос. Гришино	— Представители Польского общества помощи жертвам войны
Бахмутовский уезд, с. Верхнее, Константиновка, Юзовка	— Отделы Польского общества помощи жертвам войны
Бахмутовский уезд, зав. Енакиев	— Общество пособия бедным евреям
г. Верхнеднепровск	<ul style="list-style-type: none"> — Отдел помощи беженцам при Уездном комитете Всероссийского земского союза — Уездное отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Городской комитет помощи беженцам

1	2
г. Верхнеднепровск	<ul style="list-style-type: none"> — Отделение Русского национального комитета с Галицийским подотделом — Инструктор Центрального обывательского комитета губерний Царства Польского — Представитель Еврейского комитета помощи жертвам войны
Верхнеднепровский уезд	<ul style="list-style-type: none"> — 34 волостных комитетов — 16 волостных подотделов отделения Татьянинского комитета
г. Мариуполь	<ul style="list-style-type: none"> — Уездный комитет Всероссийского земского союза — Отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Отделение Центрального обывательского комитета губерний Царства Польского — Комиссия по оказанию помощи евреям, пострадавшим от войны при Обществе пособия бедным евреям — Доверенный Центрального комитета Литовского общества по оказанию помощи пострадавшим от войны — Уполномоченный Центрального Латышского комитета — Отдел Всероссийского общества попечения о беженцах
Мариупольский уезд, с. Сартана	<ul style="list-style-type: none"> — Отдел Польского общества помощи жертвам войны — Римско-католическое благотворительное общество
г. Новомосковск	<ul style="list-style-type: none"> — Уездный комитет Всероссийского земского союза — Отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Отдел Всероссийского общества попечения о беженцах
Новомосковский уезд, с. Перещепино	<ul style="list-style-type: none"> — Объединенный комитет помощи беженцам
Новомосковский уезд, с. Новые Кайдаки	<ul style="list-style-type: none"> — Отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны
г. Павлоград	<ul style="list-style-type: none"> — Уездный комитет Всероссийского земского союза — Городской комитет при Городской управе — Уездное отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Отделение Центрального обывательского комитета губерний Царства Польского

Приложение 2

1	2
Павлоградский уезд	<ul style="list-style-type: none"> — 27 волостных комитетов — 3 поселковых комитета (Синельниково, Лозовая, Панютино) — Еврейский комитет при Лозовской еврейской общине
г. Луганск	<ul style="list-style-type: none"> — Уездный комитет Всероссийского земского союза — Отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Отдел Польского общества помощи жертвам войны — Римско-католическое благотворительное общество — Общество пособия бедным евреям — Отдел Екатеринославского Латышского комитета
Славяносербский уезд, г. Славяносербск	<ul style="list-style-type: none"> — Отдел Польского общества помощи жертвам войны
Славяносербский уезд, м. Ивановка	<ul style="list-style-type: none"> — Еврейское духовное правление
Казанская губерния	
г. Казань	<ul style="list-style-type: none"> — Губернский комитет Всероссийского земского союза, отдел помощи беженцам — Городской комитет по оказанию помощи беженцам — Губернское отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Окружное управление Центрального обывательского комитета губерний Царства Польского — Отдел Польского общества помощи жертвам войны — Римско-католическое благотворительное общество — Еврейский комитет — Латышский комитет по оказанию помощи беженцам — Мусульманский комитет — Студенческий комитет — Педагогический комитет при учебном округе — Местный комитет Красного креста при Управлении учебного округа — Кружок судебного ведомства — Кружок прихожан Покровской церкви — Врачебный комитет
г. Козьмодемьянск	<ul style="list-style-type: none"> — Уездный комитет Всероссийского земского союза — Уездное отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны
Козьмодемьянский уезд	<ul style="list-style-type: none"> — Ильинский комитет — Шатраксинский комитет

1	2
г. Лаишев	<ul style="list-style-type: none"> — Уездный комитет Всероссийского земского союза по оказанию помощи беженцам — Уездное отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны
г. Мамадыш	<ul style="list-style-type: none"> — Уездный комитет Всероссийского земского союза по оказанию помощи беженцам — Уездное отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны
Мамадышский уезд	— Кукморский подотдел Мамадышского уездного комитета
г. Свияжск	<ul style="list-style-type: none"> — Уездный комитет Всероссийского земского союза — Уездное отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны
г. Спасск	<ul style="list-style-type: none"> — Уездный комитет Всероссийского земского союза по оказанию помощи беженцам — Городской комитет Всероссийского союза городов по устройству беженцев — Уездное отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны
г. Тетюши	<ul style="list-style-type: none"> — Уездный комитет Всероссийского земского союза по оказанию помощи беженцам — Комитет при Городской управе по оказанию помощи беженцам — Уездное отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Дамский благотворительный комитет при Уездной земской управе
г. Царевококшайск	<ul style="list-style-type: none"> — Уездный комитет Всероссийского земского союза по оказанию помощи беженцам — Уездное отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны
г. Цивильск	— Уездный земский комитет помощи семьям запасных, отдел по устройству беженцев
Цивильский уезд	— Шихранский подотдел Цивильского уездного отделения Комитета великой княжны Татьяны Николаевны
г. Чебоксары	<ul style="list-style-type: none"> — Уездное отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Уполномоченный Польского комитета — Главное бюро при уездном комитете Всероссийского земского союза

Приложение 2

1	2
Чебоксарский уезд	<ul style="list-style-type: none"> — Марининско-Посадское районное бюро Всероссийского земского союза — Козловское районное бюро Всероссийского земского союза — Яндашевское районное попечительство — Чебоксарское районное попечительство
г. Чистополь	<ul style="list-style-type: none"> — Уездный комитет Всероссийского земского союза — Уездное отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Городская управа
г. Ядрин	<ul style="list-style-type: none"> — Уездный комитет Всероссийского земского союза по оказанию помощи беженцам — Уездное отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны
Калужская губерния	
г. Калуга	<ul style="list-style-type: none"> — Губернский комитет Всероссийского земского союза, отдел по устройству беженцев — Объединенный комитет Всероссийского земского и городского союзов по оказанию помощи беженцам (для осевших в городе и транзитных) — Губернское отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны, при нем Дамский комитет — Окружное управление Центрального обывательского комитета губерний Царства Польского — Уездное отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Отдел Польского общества помощи жертвам войны — Римско-католическое благотворительное общество — Латышский комитет по оказанию помощи беженцам — Латышское общество «Родина» — Отдел Литовского общества по оказанию помощи пострадавшим от войны — Еврейское общество помощи жертвам войны — Епархиальный комитет помощи беженцам духовного звания — Отдел Всероссийского общества попечения о беженцах
г. Боровск	<ul style="list-style-type: none"> — Уездное отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны

1	2
г. Жиздра	<ul style="list-style-type: none"> — Уездный комитет Всероссийского земского и городского союзов по оказанию помощи беженцам — Уездное отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Отдел Польского общества помощи жертвам войны
Жиздринский уезд	— 12 порайонных комитетов помощи беженцам
г. Козельск	<ul style="list-style-type: none"> — Уездный земский центральный комитет по устройству беженцев — Уездное отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Городское попечительство
Козельский уезд, г. Сухиничи	— Городское попечительство
Козельский уезд	— Волостные и сельские попечительства
г. Лихвин	— Отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны
г. Малоярославец	<ul style="list-style-type: none"> — Уездный земский комитет по оказанию помощи беженцам — Уездное отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Польский комитет по оказанию помощи беженцам
Малоярославский уезд	— 8 районных комитетов
г. Медынь	— Отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны
г. Мещовск	— Отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны
г. Мосальск	<ul style="list-style-type: none"> — Уездный земский комитет по оказанию помощи беженцам — Уездное отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны
Мосальский уезд	— Приходские комитеты
г. Перемышль	— Уездное отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны
г. Тарусса	<ul style="list-style-type: none"> — Комитет Всероссийского союза городов — Отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны
Киевская губерния	
г. Киев	— Отдел помощи пострадавшим от военных действий при Комитете Юго-западного фронта Всероссийского земского союза

Приложение 2

1	2
г. Киев	<ul style="list-style-type: none"> — Комитет Юго-западного фронта Всероссийского земского союза, отдел помощи беженцев — Губернский комитет Всероссийского земского союза, отдел помощи беженцам — Отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Районное отделение Центрального обывательского комитета губерний Царства Польского — Городской комитет Всероссийского союза городов — Польский комитет — Отдел Польского общества помощи жертвам войны — Римско-католическое благотворительное общество — Польский Львовский вспомогательный комитет — Комитет для оказания помощи еврейскому населению — Общество помощи населению юга России, пострадавшему от военных действий (украинское общество) — Латышское общество народного образования — Отдел Литовского общества по оказанию помощи пострадавшим от войны — Общество защиты женщин — Комитет помощи женщинам духовного звания — Отдел Всероссийского общества попечения о беженцах
г. Бердичев	<ul style="list-style-type: none"> — Организация главноуполномоченного по устройству беженцев Юго-Западного фронта кн. Н.П. Урусова («Юго-Беженец») — Общество оказания помощи евреям, пострадавшим от военных действий
Бердичевский уезд, мест. Дзюньков	— Отдел Центрального обывательского комитета губерний Царства Польского
Васильковский уезд, г. Белая Церковь	— Отдел Центрального обывательского комитета губерний Царства Польского
Васильковский уезд, г. Фастов	— Отдел Центрального обывательского комитета губерний Царства Польского
Васильковский уезд, с. Синяево	— Отдел Центрального обывательского комитета губерний Царства Польского
г. Звенигородка	— Отдел по устройству беженцев Всероссийского союза городов
Каневский уезд, г. Таганча	— Отдел Центрального обывательского комитета губерний Царства Польского

1	2
г. Скира	— Отдел Центрального обывательского комитета губерний Царства Польского
г. Тараща	— Отдел Центрального обывательского комитета губерний Царства Польского
Тарашанский уезд, м. Ставицы	— Отдел Центрального обывательского комитета губерний Царства Польского
г. Умань	— Уездный комитет Всероссийского земского союза по устройству беженцев — Комиссия помощи беженцам при Уманском особом комитете при Городской управе — Отдел Польского общества помощи жертвам войны — Общество для оказания помощи еврейскому населению, пострадавшему от войны
г. Черкассы	— Временная комиссия по призрению беженцев
Костромская губерния	
во всех уездах губернии	— Отделения Комитета великой княжны Татьяны Николаевны
г. Кострома	— Губернский объединенный комитет по устройству беженцев — Губернское отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Окружное управление Центрального обывательского комитета губерний Царства Польского — Городской комитет помощи беженцам, бюро регистрации и оказанию помощи беженцам при Городской управе — Уездный объединенный комитет по устройству беженцев — Отдел Польского общества помощи жертвам войны — Римско-католическое благотворительное общество — Еврейское общество по оказанию помощи жертвам войны — Латышский комитет по оказанию помощи беженцам — Отдел Литовского общества по оказанию помощи пострадавшим от войны
Костромской уезд	— Большесольский городской комитет помощи беженцам
г. Буй	— Городская управа — Комитет по устройству беженцев
г. Варнавин	— Уездный комитет по устройству беженцев
г. Ветлуга	— Уездный комитет по устройству беженцев

Приложение 2

1	2
г. Галич	— Уездный комитет по устройству беженцев
г. Кинешма	— Уездный объединенный комитет по устройству беженцев — Отдел Польского общества помощи жертвам войны — Хозяйственное правление синагоги — Отдел Литовского комитета по оказанию помощи пострадавшим от войны
г. Кологрив	— Уездный объединенный комитет по устройству беженцев
г. Лух	— Местный комитет помощи беженцам
г. Макарьев	— Уездный объединенный комитет по устройству беженцев
г. Нерехта	— Уездный комитет по устройству беженцев — Хозяйственное правление синагоги
г. Плес	— Комитет Всероссийского союза городов
г. Солигалич	— Уездный комитет по устройству беженцев
г. Чухлома	— Уездный комитет по устройству беженцев
г. Юрьевец	— Уездный объединенный комитет по устройству беженцев Всероссийских земского и городского союзов — Городской комитет по устройству беженцев Всероссийских земского и городского союзов
Юрьевецкий уезд, с. Родники	— Комитет помощи беженцам
Юрьевецкий уезд, с. Парское	— комитет о беженцах
Юрьевецкий уезд, с. Филосово	— Комитет по призрению беженцев
Курская губерния	
г. Курск	— Регистрационное бюро Губернской земской управы для беженцев*
г. Белгород	— Уездный земский комитет о беженцах при земской управе — Соединенный комитет о беженцах при городской управе — Временный еврейский комитет — Дамский комитет — Уполномоченный Курского отдела Польского общества помощи жертвам войны
г. Грайворон	— Уездный комитет о беженцах

1	2
г. Дмитриев	— Уездный комитет по оказанию помощи беженцам
г. Короча	— Уездный комитет по оказанию помощи беженцам — Городская управа — Отдел Всероссийского общества попечения о беженцах
г. Льгов	— Бюро беженцев
г. Новый Оскол	— Уездный комитет
г. Обоян	— Уездный комитет по оказанию помощи беженцам — Городская управа — Отдел Польского общества помощи жертвам войны
г. Путивль	— Уездный комитет по устройству беженцам с театра военных действий — Городская управа
г. Рыльск	— Уездный комитет по оказанию помощи беженцам — Комиссия о беженцах при Городской управе
г. Старый Оскол	— Уездный комитет — Бюро по призрению беженцев и приисканию работ
г. Суджа	— Уездный комитет о беженцах
Суджанский уезд	— Волостные попечительства о беженцах
г. Тим	— Уездный комитет — Отдел Всероссийского общества попечения о беженцах
г. Фатеж	— Уездный комитет при земской управе
г. Щигры	— Уездный комитет по оказанию помощи беженцам — Городская управа — Отдел Всероссийского общества попечения о беженцах
Лифляндская губерния	
г. Рига	— Прибалтийский Латышский комитет по оказанию помощи беженцам, главное бюро — Латышское общество вспомоществования — Организация Главноуполномоченного по устройству беженцев Северо-Западного фронта С.И. Зубчанинова «Северопомощь» — Городской комитет Всероссийского земского союза — Отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Еврейское общество — Комитет Литовского общества по оказанию помощи пострадавшим от войны — Литовское просветительское общество

Приложение 2

1	2
Рижский уезд, им. Зегевольд	— Бюро Прибалтийского комитета по оказанию помощи беженцам
Рижский уезд, м. Деверн	— Отдел Прибалтийского Латышского комитета по оказанию помощи беженцам
Рижский уезд	— 8 местных комитетов Прибалтийского Латышского комитета
г. Валк	— Латышский комитет по призрению беженцев — Отдел Литовского общества по оказанию помощи пострадавшим от войны — Отдел Польского общества помощи жертвам войны
Валкский уезд	— 26 местных комитетов Прибалтийского Латышского комитета
Валкский уезд, мыза Аагоф	— Латышское благотворительное общество
Валкский уезд, мыза Гоппенгоф	— Отдел Прибалтийского Латышского комитета по оказанию помощи беженцам
Валкский уезд, мыза Мариенбург	— Бюро Прибалтийского Латышского комитета по оказанию помощи беженцам
Валкский уезд, мыза Смильтен	— Бюро Прибалтийского Латышского комитета по оказанию помощи беженцам — Смильтенский Латышский комитет вспомоществования призванным на войну, отделение оказания помощи беженцам
Валкский уезд, мыза Стомерзее (пос. Стамериене)	— Бюро Прибалтийского Латышского комитета по оказанию помощи беженцам
Валкский уезд, ус[адьба] Стаки	— Бюро Прибалтийского Латышского комитета по оказанию помощи беженцам
г. Венден	— Бюро Прибалтийского Латышского комитета по оказанию помощи беженцам (при нем центральное для губернии Бюро труда, центральное справочное бюро, юридическое и контрольное бюро)
Венденский уезд	— 15 местных комитетов Прибалтийского Латышского комитета
Венденский уезд, мыза Кальценау	— Комитет по оказанию помощи беженцам латышам
Венденский уезд, мыза Роненбург	— Латышский комитет по оказанию помощи беженцам
Венденский уезд, имение Сесвеген	— Бюро Прибалтийского Латышского комитета по оказанию помощи беженцам

1	2
Венденский уезд, мыза Прекуль	— Отдел Прибалтийского Латышского комитета по оказанию помощи беженцам
Венденский уезд, мыза Ромкау	— Отдел Прибалтийского Латышского комитета по оказанию помощи беженцам
г. Верро	— Особый комитет помощи беженцам при Городской управе — Латышский комитет по оказанию помощи беженцам
г. Вольмар	— Отдел Прибалтийского Латышского комитета по оказанию помощи беженцам с отделением
Вольмарский уезд, мыза Аллендорф	— Отдел Прибалтийского Латышского комитета по оказанию помощи беженцам
Вольмарский уезд, мыза Лемзаль	— Отдел Прибалтийского Латышского комитета по оказанию помощи беженцам
Вольмарский уезд, мыза Руен	— Отдел Прибалтийского Латышского комитета по оказанию помощи беженцам
Вольмарский уезд, мыза Уббенорм	— Отдел Прибалтийского Латышского комитета по оказанию помощи беженцам
Вольмарский уезд	— 26 местных комитетов Прибалтийского Латышского комитета
Перновский уезд, с. Мойзекюль	— Отдел Прибалтийского Латышского комитета по оказанию помощи беженцам
г. Юрьев	— Доверенный Литовского общества по оказанию помощи пострадавшим от войны
Минская губерния	
г. Минск	— Комитет Западного фронта Всероссийского земского союза — Комитет Западного фронта Всероссийского союза городов — Организация Главноуполномоченного по устройству беженцев Северо-Западного фронта С.И. Зубчанинова «Северопомощь» — Губернский комитет Всероссийского земского союза — Совещание объединенных организаций помощи беженцам — Отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Еврейское общество помощи жертвам войны — Отделение Польского Центрального обывательского комитета — Минское польское общество

Приложение 2

1	2
г. Минск	<ul style="list-style-type: none"> — Отдел Русского общества помощи жертвам войны — Особоуполномоченный Литовского общества по оказанию помощи пострадавшим от войны — Белорусский комитет — Отдел Всероссийского общества попечения о беженцах
г. Бобруйск	<ul style="list-style-type: none"> — Комитет вспомоществования евреям, пострадавшим от военных действий — Отдел Литовского общества по оказанию помощи пострадавшим от войны
г. Борисов	<ul style="list-style-type: none"> — Комитет по оказанию помощи евреям, пострадавшим от военных действий
г. Игумен	<ul style="list-style-type: none"> — Отдел Общества вспомоществования евреям, пострадавшим от войны
г. Мозырь	<ul style="list-style-type: none"> — Отделение Западной исполнительной комиссии Центрального обывательского комитета губерний Царства Польского — Комитет вспомоществования бедным евреям, пострадавшим от войны
г. Лунинец	<ul style="list-style-type: none"> — Общество вспомоществования евреям, пострадавшим от войны
г. Речица	<ul style="list-style-type: none"> — Комитет о беженцах — Комитет Общества вспомоществования евреям, пострадавшим от войны
Могилевская губерния	
г. Могилев	<ul style="list-style-type: none"> — Губернский комитет Всероссийского земского союза — Организация Главноуполномоченного по устройству беженцев Северо-Западного фронта С.И. Зубчанинова — Губернское отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Районное управление Центрального обывательского комитета губерний Царства Польского — Уездный комитет Всероссийского союза городов — Уездный комитет Всероссийского земского союза — Виленский отдел Польского общества помощи жертвам войны — Виленско-Ковенский обывательский комитет — Римско-католическое благотворительное общество — Отдел Литовского общества по оказанию помощи пострадавшим от войны

1	2
г. Могилев	<ul style="list-style-type: none"> — Еврейский комитет помощи жертвам войны — Общественный комитет по оказанию помощи семьям призванных и беженцев
Могилевский уезд, м. Шклов	<ul style="list-style-type: none"> — Доверенный Литовского общества по оказанию помощи пострадавшим от войны
г. Быхов	<ul style="list-style-type: none"> — Уездный комитет Всероссийского земского союза — Организация Главноуполномоченного по устройству беженцев Северо-Западного фронта С.И. Зубчанинова — Уездное отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Отделение Центрального обывательского комитета губерний Царства Польского — Отдел Польского общества помощи жертвам войны
г. Гомель	<ul style="list-style-type: none"> — Отдел комитета Западного фронта Всероссийского земского союза — Уездный комитет Всероссийского земского союза, отдел по устройству беженцев — Отдел Организации уполномоченного по устройству беженцев Северо-Западного фронта С.И. Зубчанинова — Городской комитет Всероссийского союза городов — Уездное отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Отдел Центрального обывательского комитета губерний Царства Польского — Отдел Польского общества помощи жертвам войны — Римско-католическое благотворительное общество — Еврейский комитет — Доверенный Литовского общества по оказанию помощи пострадавшим от войны
г. Горки	<ul style="list-style-type: none"> — Комитет Всероссийского земского союза — Организация Главноуполномоченного по устройству беженцев Северо-Западного фронта С.И. Зубчанинова — Уездный отдел комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Отделение Центрального обывательского комитета губерний Царства Польского — Правление Общества пособия бедным евреям

Приложение 2

1	2
г. Горки	<ul style="list-style-type: none"> — Уездная комиссия [комитета] великой княжны Елизаветы Федоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну — Отдел Общества повсеместной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям
Горецкий уезд, м. Ляды	— Общество пособия бедным евреям
г. Климовичи	<ul style="list-style-type: none"> — Отдел Организации уполномоченного по устройству беженцев Северо-Западного фронта С.И. Зубчанинова — Уездный комитет Всероссийского земского союза — Уездный отдел комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Отделение Центрального обывательского комитета губерний Царства Польского — Правление Общества пособия бедным евреям
г. Мстиславль	<ul style="list-style-type: none"> — Уездный комитет Всероссийского земского союза — Отдел Организации уполномоченного по устройству беженцев Северо-Западного фронта С.И. Зубчанинова — Уездный отдел комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Отделение Центрального обывательского комитета губерний Царства Польского
г. Орша	<ul style="list-style-type: none"> — Уездный комитет Всероссийского земского союза — Отдел Организации уполномоченного по устройству беженцев Северо-Западного фронта С.И. Зубчанинова — Уездный отдел комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Отделение Центрального обывательского комитета губерний Царства Польского — Попечительство помощи жертвам войны при Правлении Оршанского Еврейского общества пособия бедным
Оршанский уезд, м. Бабиновичи	— Отдел Литовского общества по оказанию помощи пострадавшим от войны
г. Рогачев	<ul style="list-style-type: none"> — Уездный комитет Всероссийского земского союза — Организация Главноуполномоченного по устройству беженцев Северо-Западного фронта С.И. Зубчанинова

1	2
г. Рогачев	<ul style="list-style-type: none"> — Уездный отдел комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Отделение Центрального обывательского комитета губерний Царства Польского — Общество пособия неимущим евреям — Отделение Комитета великой княгини Марии Павловны
г. Сенно	<ul style="list-style-type: none"> — Уездный комитет Всероссийского земского союза — Уездный отдел комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Отдел Организации Главноуполномоченного по устройству беженцев Северо-Западного фронта С.И. Зубчанинова — Отделение Центрального обывательского комитета губерний Царства Польского — Отделение Польского общества помощи жертвам войны
Сенненский уезд, м. Бобры	<ul style="list-style-type: none"> — Отдел Литовского общества по оказанию помощи пострадавшим от войны
г. Чаусы	<ul style="list-style-type: none"> — Уездный комитет Всероссийского земского союза — Отдел Организации Главноуполномоченного по устройству беженцев Северо-Западного фронта С.И. Зубчанинова — Уездное отделение комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Отделение Центрального обывательского комитета губерний Царства Польского — Отдел Польского общества помощи жертвам войны — Литовское общество помощи жертвам войны — Общество пособия бедным евреям
Чаусский уезд, м. Черневское	<ul style="list-style-type: none"> — Еврейское благотворительное общество
г. Чериков	<ul style="list-style-type: none"> — Уездный земский комитет Всероссийского земского союза — Уездное отделение комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Комитет Общества попечения о лицах, пострадавших на территории войны — Отделение Литовского общества по оказанию помощи лицам, пострадавшим от войны — Отделение Центрального обывательского комитета губерний Царства Польского

Приложение 2

1	2
Чериковский уезд, м. Дубровка	— Правление Общества пособия бедным евреям
Московская губерния	
г. Москва	<ul style="list-style-type: none"> — Отдел по устройству беженцев Всероссийских земского и городского союзов — Совет съездов польских организаций — Управление особоуполномоченного Центрального обывательского комитета губерний Царства Польского — Еврейское общество помощи жертвам войны — Комитет Общества охранения здоровья еврейского населения — Общество распространения просвещения среди евреев — Еврейское общество распространения ремесленного и земледельческого труда среди евреев — Губернский комитет Всероссийского земского союза, комиссия по устройству беженцев — Губернское отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Московская городская управа, отдел помощи беженцев — Центральное бюро при Московской городской управе — Городской попечительный совет о увечных и раненых воинах — Столичное городское отделение великой княжны Татьяны Николаевны — Уездный комитет Всероссийского земского союза, комиссия помощи беженцев — Уездное отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Польский комитет по оказанию помощи жертвам войны, имеет 13 отделов — Римско-католическое благотворительное общество — Латышское общество по оказанию помощи беженцам — Московский отдел Латышского Латгальского общества — Литовское вспомогательное общество, комитет по оказанию помощи жертвам войны — Уполномоченный Литовского общества по оказанию помощи пострадавшим от войны

1	2
г. Москва	<ul style="list-style-type: none"> — Общество помощи населению южных губерний России, пострадавших от военных действий (украинский комитет) — Эстонский комитет — Комитет при Мусульманском благотворительном обществе — Гродненский губернский обывательский комитет, московское отделение — Британский комитет помощи во время войны, отдел помощи беженцам — Епархиальный комитет попечения о беженцах духовного звания — Старообрядческий комитет при Преображенском кладбище по устройству беженцев старообрядцев — Совет первой Московской общины старообрядцев Поморского брачного согласия — Совет второй Московской общины старообрядцев Поморского брачного согласия — Отдел Всероссийского общества попечения о беженцах — Общество помощи жертвам войны — Объединенный комитет общественных организаций помощи беспризорным детям беженцев и призванных — Сибирское общество помощи пострадавшим от войны, Московское отделение — Общество борьбы с детской смертностью — Общество «Охрана материнства» — «Дом грудного ребенка» — Лига равноправия женщин — Комитет «Быстрая помощь беженцам» — Организация жен врачей при Центральном бюро Московской городской управы — Московское общество жен врачей для оказания помощи лицам медицинского звания, пострадавшим от войны — Общество грамотности — 1-й Женский клуб — Общество сценических деятелей — Питательный пункт при лазарете Императорских театров — Никольская община сестер милосердия в память кн. С.С. Щербатовой и доктор Газа

Приложение 2

1	2
г. Москва	— Окружная комиссия для подачи педагогической помощи детям лиц, участвующих в настоящей войне, и лиц, непосредственно от нее пострадавших — 28 городских попечительств о бедных — 16 районных попечительств над общежитиями беженцев
Московский уезд	— 31 попечительство о бедных — 11 районных комитетов — Крестовское общество благоустройства
Московский уезд, с. Кунцево	— Знаменское благотворительное общество
г. Богородск	— Уездная земская управа — Городской комитет
Богородский уезд	— 5 местных комитетов — 5 подкомитетов при Щелковском комитете
г. Бронница	— Уездный комитет Всероссийского земского союза — городской комитет
Бронницкий уезд	— 10 попечительств
г. Волоколамск	— Уездный комитет Всероссийского земского союза, комиссия по оказанию помощи беженцам
г. Верея	— Уездный комитет Всероссийского земского союза
Верейский уезд	— Местный комитет — 10 попечительств
г. Дмитров	— Уездный комитет Всероссийского земского союза
Дмитровский уезд, Сергиев посад	— Комитет Всероссийского земского союза — Сергиево-посадский городской комитет
г. Звенигород	— Уездный комитет Всероссийского земского союза
Звенигородский уезд	— 6 попечительств
г. Клин	— Уездный комитет Всероссийского земского союза — городской комитет
Клинский уезд	— 3 попечительства
г. Коломна	— Уездный комитет Всероссийского земского союза
Коломенский уезд	— 3 попечительства
г. Можайск	— Уездный комитет Всероссийского земского союза
Можайский уезд	— 5 попечительств
г. Подольск	— Уездный комитет помощи беженцам Всероссийского земского союза

1	2
г. Руза	<ul style="list-style-type: none"> — Отдел по устройству беженцев при Рузской уездной земской управе — Уездное отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны
Рузский уезд	— 9 попечительств
г. Серпухов	<ul style="list-style-type: none"> — Уездный комитет Всероссийского земского союза — Городской комитет помощи беженцам
Нижегородская губерния	
г. Нижний Новгород	<ul style="list-style-type: none"> — Губернский земский комитет, земско-городская исполнительная комиссия по устройству беженцев — Губернское отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Окружное управление Центрального обывательского комитета губерний Царства Польского — Комиссия по устройству беженцев при Городской управе (Нижегородский городской комитет, объединяет городские попечительства помощи беженцам) — Нижегородский ярмарочный комитет — Уездный комитет помощи беженцам — Отдел Общества охранения здоровья еврейского населения — Римско-католическое благотворительное общество — Латышский комитет по оказанию помощи беженцам — Отделение Общества «Родина» — Отдел Литовского общества по оказанию помощи пострадавшим от войны
г. Ардатов	— Уездный комитет помощи беженцам
г. Арзамас	<ul style="list-style-type: none"> — Земско-городская исполнительная комиссия помощи беженцам — Городской комитет Всероссийского союза городов по обеспечению нужд беженцев — Уездный земский комитет — отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Еврейский комитет помощи беженцам — Инструктор Польского обывательского комитета губерний Царства Польского — Уполномоченный Нижегородского Римско-католического общества — Дамский комитет — Отделение Общества распространения образования

Приложение 2

1	2
Арзамасский уезд	— Волостные отделения Земского комитета
г. Балахна	— Комитет при Уездной земской управе — Отдел Всероссийского общества попечения о беженцах
Балахнинский уезд, с. Городец	— Комитет по оказанию помощи беженцам — Отдел Всероссийского общества попечения о беженцах
Балахнинский уезд, с. Катунки	— Комитет о беженцах
г. Васильсурск	— Уездная земская управа
Васильсурский уезд, с. Гордеевка	— Волостной комитет помощи беженцам — Отдел Всероссийского общества попечения о беженцах
г. Горбатов	— Комитет помощи беженцам при Уездной земской управе
Горбатоский уезд, Павловский посад	— Комитет помощи беженцам
г. Княгинин	— Уездный земский комитет по устройству беженцев при Уездной управе
Княгининский уезд, с. Большое Мурашкино	— Комитет по устройству беженцев
г. Лукоянов	— Уездная земская управа
г. Макарьев	— Уездная земская управа
Макарьевский уезд, с. Лысково	— Отдел Всероссийского общества попечения о беженцах
Макарьевский уезд, с. Бармино	— Отдел Всероссийского общества попечения о беженцах
Макарьевский уезд, с. Шавы	— Отдел Всероссийского общества попечения о беженцах
г. Семенов	— Комитет при Уездной земской управе — Городской комитет Всероссийского союза городов по призрению беженцев
г. Сергач	— Уездный земский комитет при Уездной управе — Уездное отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Уполномоченный Нижегородской еврейской организации

1	2
Новгородская губерния	
г. Новгород	<ul style="list-style-type: none"> — Центральное бюро Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Отдел Польского общества помощи жертвам войны — Римско-католическое благотворительное общество — Еврейский комитет помощи беженцам — Латышский комитет по оказанию помощи беженцам — Уполномоченный Центрального Латышского комитета — Литовский комитет помощи беженцам — Епархиальный комитет
Новгородский уезд, с. Коломовка	— Латышский комитет по оказанию помощи беженцам
Новгородский уезд, ст. Любань	— Филиальное отделение Новгородского бюро Комитета великой княжны Татьяны Николаевны
Новгородский уезд, ст. Марьино	— Уполномоченный Центрального Латышского комитета
Новгородский уезд, ст. Медведь	— Особоуполномоченный Новгородского центрального бюро Комитета великой княжны Татьяны Николаевны (земский начальник 7-го участка)
Новгородский уезд, ст. Чудово	<ul style="list-style-type: none"> — Особоуполномоченный Новгородского центрального бюро Комитета великой княжны Татьяны Николаевны (земский начальник 2-го участка) — Уполномоченный Центрального Латышского комитета
г. Боровичи	<ul style="list-style-type: none"> — Уездное бюро Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Городской комитет Всероссийского союза городов — Отделение Центрального обывательского комитета губерний Царства Польского — Латышский комитет помощи беженцам — Епархиальный комитет помощи беженцам
г. Белозерск	<ul style="list-style-type: none"> — Уездное бюро Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Епархиальный комитет помощи беженцам
г. Валдай	<ul style="list-style-type: none"> — Уездное бюро Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Уездная земская управа — Епархиальный комитет помощи беженцам

Приложение 2

1	2
Валдайский уезд, с. Бологое	— Уполномоченный Центрального Латышского комитета
г. Демянск	— Уездное бюро Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Епархиальный комитет помощи беженцам
г. Кириллов	— Уездное бюро Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Епархиальный комитет помощи беженцам
г. Крестцы	— Епархиальный комитет помощи беженцам
Крестецкий уезд, п. Малая Вишера	— Маловишерское бюро Комитета великой княжны Татьяны Николаевны (обслуживает Крестецкий уезд)
Крестецкий уезд, ст. Окуловка	— Местный комитет по оказанию помощи беженцам
г. Старая Русса	— Уездное бюро Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Отделение Центрального обывательского комитета губерний Царства Польского — уполномоченный Центрального Латышского комитета — Отдел Латышского общества «Родина» — Отделение Еврейского комитета помощи беженцам — Общество попечения о детях беженцев
г. Тихвин	— Уездное бюро Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Городской комитет помощи беженцам — Епархиальный комитет помощи беженцам
г. Устюжна	— Уездное бюро Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Епархиальный комитет помощи беженцам
г. Череповец	— Уездное бюро Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Уездный кооперативный комитет по призрению беженцев — Епархиальный комитет помощи беженцам
Оренбургская губерния	
г. Оренбург	— Губернский комитет Всероссийского земского союза по оказанию помощи беженцам — Губернское отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Окружное управление Центрального обывательского комитета губерний Царства Польского

1	2
г. Оренбург	<ul style="list-style-type: none"> — Губернское отделение Всероссийского общества попечения о беженцах — Общество для оказания помощи беженцам — Городской комитет помощи беженцам — Уездный комитет Всероссийского земского союза по оказанию помощи беженцам — Уездное отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Отдел Польского общества помощи жертвам войны — Римско-католическое благотворительное общество — Латышский комитет по оказанию помощи беженцам — Еврейский комитет — Мусульманский комитет — Старообрядческий комитет — Отдел Литовского общества по оказанию помощи пострадавшим от войны
Оренбургский уезд	— 41 участковый комитет о беженцах
г. Верхнеуральск	<ul style="list-style-type: none"> — Верхнеуральско-Троицкий уездный земский комитет помощи больными раненым войнам, комиссия помощи беженцам — Городская комиссия о беженцах — Отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны
Верхнеуральский уезд, Белорецкий завод	<ul style="list-style-type: none"> — Местный земский комитет — Отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны
Верхнеуральский уезд	— Местные комитеты по призрению беженцев
г. Орск	<ul style="list-style-type: none"> — Уездный комитет Всероссийского земского союза — Городской комитет Всероссийского союза городов — Уездное отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Отдел Польского общества помощи жертвам войны
Орский уезд	— Волостные и сельские комитеты
г. Троицк	<ul style="list-style-type: none"> — Земский комитет о беженцах — Городской комитет о беженцах — Уездное отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Отдел Польского общества помощи жертвам войны — Еврейские временный комитет по оказанию помощи беженцам
Троицкий уезд	— Земские сельские комитеты

Приложение 2

1	2
г. Челябинск	<ul style="list-style-type: none"> — Уездный комитет о нуждах беженцев при Уездной земской управе — Окружное управление Центрального обывательского комитета губерний Царства Польского — Городской комитет по призрению беженцев — Отдел Польского общества помощи жертвам войны — Еврейское общество помощи бедным — Латышский комитета — Доверенный Литовского общества по оказанию помощи пострадавшим от войны
Челябинский уезд	— Местные комитеты помощи беженцам
Орловская губерния	
г. Орел	<ul style="list-style-type: none"> — Орловский областной комитет Всероссийского союза городов — Губернский земский комитет попечения о беженцах — Городской комитет помощи беженцам — Отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Уездный земский комитет помощи беженцам — Отдел Польского общества помощи жертвам войны — Римско-католическое благотворительное общество — Еврейский комитет помощи жертвам войны — Латышский комитет вспомоществования беженцам — Уполномоченный Центрального Латышского комитета — Епархиальный комитет по призрению беженцев — Общество помощи беженцам — Отдел Всероссийского общества попечения о беженцах — Студенческий кружок по оказанию помощи беженцам — Содружество по призрению детей беженцев — Отдел Литовского общества по оказанию помощи пострадавшим от войны — Ковенское отделение Западно-Русского общества
г. Болхов	<ul style="list-style-type: none"> — Городской комитет помощи беженцам — Уездный земский комитет по призрению беженцев — Кружок для оказания помощи беженцам
Болховский уезд	— Волостные попечительства

1	2
г. Брянск	<ul style="list-style-type: none"> — Уездный земский комитет помощи беженцам — Городской комитет Всероссийского союза городов — Отдел Польского общества помощи жертвам войны — Римско-католическое благотворительное общество — Латышский комитет по оказанию помощи беженцам — Отдел Литовского общества по оказанию помощи пострадавшим от войны
Брянский уезд, Бежица	<ul style="list-style-type: none"> — Комитет помощи беженцам — Латышское общество по оказанию помощи беженцам
г. Елец	<ul style="list-style-type: none"> — Уездный земский комитет по обеспечению нужд беженцев — Городской комитет помощи беженцам — Отдел Польского общества помощи жертвам войны — Еврейское общество — Отделение Российского общества Красного креста — Комитет духовного ведомства
Елецкий уезд	— Попечительные советы и участковые уполномоченные
г. Дмитровск	<ul style="list-style-type: none"> — Уездный земский комитет помощи беженцам — Городской комитет помощи беженцам
г. Карачев	<ul style="list-style-type: none"> — Комитет Всероссийских земских и городских союзов, отдел по устройству беженцев — Уполномоченный Московского еврейского общества помощи жертвам войны
Карачевский уезд	— Волостные попечительства
г. Кромы	<ul style="list-style-type: none"> — Уездный комитет помощи беженцам — Городской комитет помощи беженцам
г. Ливны	— Уездный комитет помощи беженцам Всероссийского земского союза
г. Малоархангельск	— Уездный комитет по призрению беженцев
г. Мценск	<ul style="list-style-type: none"> — Уездный земский комитет попечения о беженцах при Уездной земской управе — Городское попечительство по призрению семей призванных и беженцев — Участковые попечительства
г. Севск	<ul style="list-style-type: none"> — Уездный комитет о беженцах — Городской комитет о беженцах
Севский уезд, ст. Комаричи	— Кружок помощи беженцам

Приложение 2

1	2
г. Трубчевск	— Уездный комитет помощи беженцам — Городской комитет помощи беженцам
Пензенская губерния	
г. Пенза	— Губернский комитет помощи беженцам — Губернское отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Окружное управление Центрального обывательского комитета губерний Царства Польского — Губернский Латышский комитет помощи пострадавшим от войны — Городской комитет Всероссийского союза городов — Уездный комитет помощи беженцам — Еврейский комитет помощи жертвам войны — Отдел Польского общества помощи жертвам войны
г. Пенза	— Римско-католическое благотворительное общество — Общественный комитет помощи беженцам — Епархиальный комитет по устройству быта беженцев — Комитет помощи русским беженцам — Дамский комитет помощи беженцам — Педагогический комитет — Доверенный Литовского общества по оказанию помощи пострадавшим от войны
г. Городище	— Уездный комитет помощи беженцам
г. Инсар	— Уездный комитет помощи беженцам
г. Керенск	— Уездный комитет помощи беженцам Всероссийского земского союза
г. Краснослободск	— Уездный комитет помощи беженцам — Городской комитет о беженцах
Краснослободский уезд, г. Троицк	— Городской комитет
г. Мокшаны	— Уездный комитет помощи беженцам
г. Нижний Ломов	— Уездный комитет помощи беженцам
г. Наровчатов	— Уездный комитет попечения о беженцах
г. Саранск	— Уездный комитет по призрению беженцам, общий по городу и уезду
г. Чембар	— Уездный комитет помощи беженцам — Городской комитет помощи беженцам

1	2
Пермская губерния	
г. Пермь	<ul style="list-style-type: none"> — Губернский комитет помощи беженцам при Губернской земской управе — Губернское отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Епархиальный попечительский совет о нуждах военного времени — Городской комитет помощи беженцам — Уездный земский комитет помощи беженцам — Отдел Польского общества помощи жертвам войны — Отдел помощи беженцам при комитете Общества пособия бедным евреям — Латышский комитет по оказанию помощи беженцам — Уполномоченный центрального комитета Литовского общества
г. Верхотурье	<ul style="list-style-type: none"> — Уездный комитет помощи беженцам Всероссийского земского союза при уездной земской управе — Городской комитет помощи беженцам при городской управе
г. Екатеринбург	<ul style="list-style-type: none"> — Отдел по устройству беженцев Екатеринбургского комитета Всероссийского союза городов — Отдел Польского общества помощи жертвам войны — Еврейский комитет — Отдел Латышского общества «Родина» — Отдел Литовского общества по оказанию помощи пострадавшим от войны
г. Ирбит	<ul style="list-style-type: none"> — Уездный комитет по оказанию помощи беженцам при уездной земской управе
г. Красноуфимск	<ul style="list-style-type: none"> — Уездный комитет по оказанию помощи пострадавшим от военных действий при уездной земской управе — Городская управа, бюро труда — Дамский комитет по оказанию помощи беженцам
г. Камышлов	<ul style="list-style-type: none"> — Соединенный Земско-городской комитет земского и городских союзов
Камышловский уезд	<ul style="list-style-type: none"> — 15 волостных комитетов
г. Кунгур	<ul style="list-style-type: none"> — Уездный комитет помощи беженцам при Уездной земской управе
Кунгурский уезд	<ul style="list-style-type: none"> — Волостные попечительства

Приложение 2

1	2
г. Оса	— Уездный комитет по оказанию помощи беженцам при Уездной земской управе
Осинский уезд	— 16 районных отделов, из которых функционирует один, за отсутствием беженцев в других волостях
г. Оханск	— Уездный земский комитет по оказанию помощи беженцам Всероссийского земского союза
Оханский уезд	— 19 волостных комитетов
г. Соликамск	— Уездный комитет по оказанию помощи беженцам при Уездной земской управе
Соликамский уезд	— 12 районных комитетов
г. Чердынь	— Уездный земский комитет по оказанию помощи беженцам при Уездной земской управе
г. Шадринск	— Комитет по оказанию помощи беженцам при Уездной земской управе
уездные города губернии	— Отделений комитета великой княжны Татьяны Николаевны не имеется, но есть представители комитета в лице председателей Уездных земских управ
Петроградская губерния	
г. Петроград	<ul style="list-style-type: none"> — Комитет для оказания временной помощи пострадавшим от военных действий состоящий под почетным председательством великой княжны Татьяны Николаевны — Управление Главноуполномоченного Центрального обывательского комитета губерний Царства Польского — Главный комитет вспомоществования бедным семействам поляков, участвующих на войне, и бедствующему польскому населению, пострадавшему от военных действий (сокращенно – Общество помощи жертвам войны) — Центральный комитет помощи жертвам войны евреям — Центральный комитет общества охранения здоровья еврейского населения — Центральный комитет общества распространения ремесленного и земледельческого труда среди евреев — Центральный комитет общества распространения просвещения среди евреев — Латышский центральный комитет по оказанию помощи беженцам

1	2
г. Петроград	<ul style="list-style-type: none"> — Центральный комитет Литовского общества по оказанию помощи пострадавшим от войны — Всероссийское общество попечения о беженцах — Галицко-Русское общество — Западно-Русское общество, комитет по оказанию помощи беженцам — Областной отдел помощи беженцам всероссийских земского и городского союзов — Комитет Сибирского общества помощи больным и раненым войнам и пострадавшим от военных действий — Временный Северо-балтийский комитет по призрению, попечению и оказанию помощи беженцам — Петроградский губернский комитет Всероссийского земского союза — Районное управление Центрального обывательского комитета Царства Польского — XII отдел Петроградского городского комитета Всероссийского союза городов по оказанию помощи беженцам, при нем городское бюро помощи беженцам и центральное справочное бюро городских попечительств — Городской комитет помощи русским беженцам — Городской отдел Общества помощи жертвам войны — Римско-католическое благотворительное общество — Польская школьная матица — Временный Виленско-Ковенский обывательский комитет (эвакуированный) — Городской отдел Общества помощи жертвам войны евреям — Русское общество помощи еврейскому населению, пострадавшему от военных действий — Латышское благотворительное общество. Комитет по оказанию помощи беженцам*
Петроградский уезд, с. Александровское	<ul style="list-style-type: none"> — Кружок трудовой помощи с.Александровского
Петроградский уезд, с. Малое Лигово	<ul style="list-style-type: none"> — Отдел Польского общества помощи жертвам войны — Отдел Литовского общества по оказанию помощи пострадавшим от войны
ст. Званка Северных железных дорог	<ul style="list-style-type: none"> — Отдел Польского общества помощи жертвам войны

Приложение 2

1	2
г. Луга	<ul style="list-style-type: none"> — Отдел Польского общества помощи жертвам войны — Латышский комитет по оказанию помощи беженцам — Уполномоченный Центрального Латышского комитета — Отдел Литовского общества по оказанию помощи пострадавшим от войны
Новоладожский уезд, дер. Карловка	— Уполномоченный Центрального Латышского комитета
Петергофский уезд, ст. Волосово	— Уполномоченный Центрального Латышского комитета
Петергофский уезд, г. Кронштадт	— Отдел Польского общества помощи жертвам войны
Царскосельский уезд, Гатчино	<ul style="list-style-type: none"> — Отделение Комитета вел.кн.Татьяны Николаевны — Отдел Польского общества помощи жертвам войны — Отдел Литовского общества по оказанию помощи пострадавшим от войны
Ямбургский уезд, г. Нарва	<ul style="list-style-type: none"> — Отдел Польского общества помощи жертвам войны — Уполномоченный Центрального Латышского комитета
г. Шлиссельбург	— Доверенный Литовского общества по оказанию помощи пострадавшим от войны
Полтавская губерния	
г. Полтава	<ul style="list-style-type: none"> — Губернский комитет по оказанию помощи беженцам — Бюро Южно-русской областной земской переселенческой организации — Отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Губернская комиссия еврейских комитетов помощи жертвам войны — Губернский духовный комитет о беженцах — Городской комитет помощи беженцам — Уездный комитет помощи беженцам — Отделение Центрального обывательского комитета губерний Царства Польского — Полтавский отдел Польского общества помощи жертвам войны — Римско-католическое благотворительное общество — Еврейский комитет вспомоществования беженцам — Уполномоченный Центрального Латышского комитета

1	2
г. Полтава	<ul style="list-style-type: none"> — Уполномоченный Центрального Литовского комитета по оказанию помощи пострадавшим от войны — Уездный духовный комитет о беженцах
г. Гадяч	<ul style="list-style-type: none"> — Уездный земский комитет по оказанию помощи беженцам при Уездной земской управе — Городской комитет помощи беженцам — Уездное отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Еврейский комитет — Уездный духовный комитет о беженцах
Гадячский уезд	— Местные комитеты
г. Зеньков	<ul style="list-style-type: none"> — Уездная земская управа — Еврейский комитет по призрению беженцев — Уездный духовный комитет о беженцах
г. Золотоноша	<ul style="list-style-type: none"> — Уездный земский комитет помощи беженцам — Уездный духовный комитет о беженцах — Еврейский комитет помощи жертвам войны — Представитель Польского комитета
г. Кобеляки	<ul style="list-style-type: none"> — Отделение по призрению беженцев при Уездной земской управе — Уездный духовный комитет о беженцах
г. Константиноград	<ul style="list-style-type: none"> — Уездный земский комитет помощи беженцам — Уездное отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Еврейский комитет помощи жертвам войны (общество пособия бедным евреям) — Отделение Полтавского духовного комитета о беженцах — Отделение Полтавского Епархиального Свято-Макарьевского братства
Константиноградский уезд	— Волостные попечительства в тех местах, где осели беженцы
г. Кременчуг	<ul style="list-style-type: none"> — Уездный земский комитет помощи беженцам — Еврейское попечительство по оказанию помощи пострадавшим от войны — Уездный духовный комитет о беженцах — Уполномоченный Центрального Латышского комитета
г. Лохвица	<ul style="list-style-type: none"> — Уездный земский комитет по оказанию помощи беженцам — Уездный духовный комитет о беженцах — Дамский комитет Красного креста помощи беженцам

Приложение 2

1	2
г. Лубны	— Лубенская уездная земская управа — Уездный духовный комитет о беженцах
г. Миргород	— Отдел по устройству беженцев Уездной земской управы — Уездный духовный комитет о беженцах
г. Переяславль	— Уездная земская управа — Еврейский благотворительный комитет для оказания помощи пострадавшим от войны — Уездный духовный комитет о беженцах
г. Пирятин	— Уездная земская управа — Еврейский комитет для оказания помощи евреям, пострадавшим от войны — Уездный духовный комитет о беженцах
г. Прилуки	— Уездный комитет помощи беженцам — Временный комитет помощи евреям, пострадавшим от войны — Уездный духовный комитет о беженцах
г. Ромны	— Уездный комитет по оказанию помощи беженцам при уездной земской управе — Отдел Польского общества помощи жертвам войны — Отделение Еврейского комитета вспомоществования беженцам (комитет по оказанию помощи евреям, высланным с театра военных действий) — Уездный духовный комитет о беженцах — Доверенный Литовского общества по оказанию помощи пострадавшим от войны
г. Хорол	— Уездный комитет помощи беженцам — Общество пособия бедным евреям — Уездный духовный комитет о беженцах
Псковская губерния	
г. Псков	— Губернское отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Городской комитет Всероссийского союза городов — Отдел Польского общества помощи жертвам войны — Римско-католическое благотворительное общество — Латышское общество — Отдел для оказания помощи беженцам латышам при Псковском собрании — Доверенный Литовского общества по оказанию помощи пострадавшим от войны — Еврейское общество по оказанию помощи жертвам войны

1	2
г. Великие Луки	<ul style="list-style-type: none"> — Уездное отделение Псковского отдела Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Городская управа — Отдел Польского общества помощи жертвам войны — Отделение Псковского Еврейского общества помощи жертвам войны — Уполномоченный Центрального Латышского комитета — Доверенный Литовского общества по оказанию помощи пострадавшим от войны
г. Новоржев	<ul style="list-style-type: none"> — Уездный отдел Псковского отделения Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Отделение Псковского Еврейского общества помощи жертвам войны
г. Порхов	<ul style="list-style-type: none"> — Уездный отдел Псковского отделения Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Отделение Псковского Еврейского общества помощи жертвам войны
Порховский уезд	<ul style="list-style-type: none"> — Уполномоченный Центрального Латышского комитета
г. Опочка	<ul style="list-style-type: none"> — Уездный отдел Псковского отделения Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Уездная земская управа — Отделение Псковского Еврейского общества помощи жертвам войны
г. Остров	<ul style="list-style-type: none"> — Уездный отдел Псковского отделения Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Городская управа — Латышский комитет по оказанию помощи беженцам — Отделение Псковского Еврейского общества помощи жертвам войны
г. Торопец	<ul style="list-style-type: none"> — Уездный отдел Псковского отделения Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Городская управа — Окружное управление Центрального обывательского комитета губерний Царства Польского — Отделение Псковского Еврейского общества помощи жертвам войны
г. Холм	<ul style="list-style-type: none"> — Уездный отдел Псковского отделения Комитета великой княжны Татьяны Николаевны

Приложение 2

1	2
Рязанская губерния	
г. Рязань	<ul style="list-style-type: none"> — Губернская земская управа, отдел о беженцах — Губернское отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Окружное управление Центрального обывательского комитета губерний Царства Польского — Отдел по устройству беженцев при Городской управе — Уездная земская управа — Отдел Польского общества помощи жертвам войны — Римско-католическое благотворительное общество — Уполномоченный Московского Еврейского общества помощи жертвам войны — Отдел Латышского комитета — Отдел Литовского общества по оказанию помощи пострадавшим от войны — Отдел Всероссийского общества попечения о беженцах — Общественный педагогический кружок — Общество взаимопомощи женщин
г. Данков	— Уездная земская управа
г. Зарайск	<ul style="list-style-type: none"> — Уездная земская управа — Городской комитет Всероссийского союза городов. — Отдел по устройству беженцев — Уездное отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны
Зарайский уезд	— Волостные и приходские комитеты
г. Егорьевск	<ul style="list-style-type: none"> — Комиссия по устройству беженцев при Городской управе — Дамский комитет
г. Касимов	<ul style="list-style-type: none"> — Уездный центральный комитет при Уездной земской управе — Городской комитет Всероссийского союза городов — Епархиальный комитет — Еврейский комитет — Дамский комитет.
Касимовский уезд, с. Тума	— Комитет помощи беженцам
г. Михайлов	<ul style="list-style-type: none"> — Уездная земская управа — Городской комитет Всероссийского союза городов — уездное отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны

1	2
г. Пронск	— Уездный комитет по призрению беженцев при Уездной земской управе — Городское попечительство
Пронский уезд	— Участковые, приходские и иные попечительства
г. Раненбург	— Уездный земский комитет Всероссийского земского союза — Кооперативный комитет — Железнодорожный комитет
Раненбургский уезд	— Церковно-приходские попечительства
г. Рязск	— Городская управа — Городской комитет Всероссийского союза городов помощи раненым — уездное отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны
г. Сапожок	— Комитет по оказанию помощи беженцам при Уездной Земской управе — 4 районных комитета (в ведении уездной управы)
г. Скопин	— Объединенная комиссия о беженцах — Отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны
г. Спасск	— Уездная земская управа
Самарская губерния	
г. Самара	— Областной комитет Всероссийского союза городов. Отдел беженцев — Губернский комитет Всероссийского земского союза — Губернское отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Районное управление Центрального обывательского комитета губерний Царства Польского — Городской комитет попечения о беженцах — Городское отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Уездный комитет Всероссийского земского союза по устройству беженцев — Польский комитет — Римско-католическое благотворительное общество — Еврейский комитет помощи жертвам войны — Латышско-Эстонский комитет по оказанию помощи беженцам — Отдел Литовского общества по оказанию помощи пострадавшим от войны — Отдел Всероссийского общества попечения о беженцах

Приложение 2

1	2
Самарский уезд	— Волостные попечительства
Новоузенский уезд г. Баронск	— Отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны
г. Бугульма	— Уездный комитет Всероссийского земского союза — Комитет Всероссийского союза городов. Отдел беженцев — Уездное отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны
г. Бугуруслан	— Уездный комитет по оказанию помощи беженцам — Уездное отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны
Бугурусланский уезд	— Волостные попечительства
г. Бузулук	— Уездный комитет Всероссийского земского союза для оказания временной помощи пострадавшим от военных действий — Уездное отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны
Бузулукский уезд	— Подотделы Уездного комитета
г. Николаевск	— Уездный комитет по оказанию помощи беженцам Всероссийского земского союза — Уездный комитет помощи беженцам Всероссийского союза городов — уездное отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны
Николаевский уезд, г. Балаково	— Городской комитет помощи беженцам Всероссийского союза городов — отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны
Новоузенский уезд, г. Екатериноград	— Отделение Николаевского уездного комитета — Отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны
г. Новоузенск	— Уездный комитет Всероссийского земского союза, отдел помощи беженцам — уездное отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны
Новоузенский уезд, Покровская слобода (г. Покровск)	— Отдел помощи беженцам районного Комитета (Покровский комитет о беженцах) — Дамский кружок

1	2
г. Ставрополь	<ul style="list-style-type: none"> — Уездный комитет Всероссийского земского союза по оказанию помощи беженцам — Городской комитет помощи беженцам — отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — комитет помощи беженцам
Ставропольский уезд	— Отделения Уездного комитета
Саратовская губерния	
г. Саратов	<ul style="list-style-type: none"> — Губернская земская управа — Губернское отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Окружное управление Центрального обывательского комитета губерний Царства Польского — Городской комитет помощи беженцам — Уездная земская управа — Польский комитет помощи жертвам войны — Еврейское общество помощи жертвам войны — Латышский комитет по оказанию помощи беженцам — Отдел Литовского общества по оказанию помощи пострадавшим от войны — Отдел Всероссийского общества попечения о беженцах — Отделение общества Красного креста — Отдел помощи беженцам при Саратовском епархиальном братстве Святого Креста — Отдел Русского комитета по оказанию помощи беженцам при Западно-Русском обществе — Уполномоченный временного Гродненского обывательского комитета помощи беженцам
Саратовский уезд	— Земские волостные попечительства
г. Аткарск	<ul style="list-style-type: none"> — Уездная земская управа, отдел беженцев — Уездное отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны
Аткарский уезд	— 11 подкомитетов Аткарского отделения Татьянинского комитета
г. Балашов	— Уездная земская управа
г. Вольск	<ul style="list-style-type: none"> — Уездное отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — дамский комитет

Приложение 2

1	2
г. Камышин	— Уездный комитет помощи раненым и семьям призванных всероссийского земского союза (уездная земская управа)
Камышинский уезд	— 45 волостных и сельских комитетов
г. Кузнецк	— Уездное отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны
г. Петровск	— Объединенный Земско-Городской комитет при Уездной управе
г. Сердобск	— Уездное отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны
Сердобский уезд с. Ртищево	— Отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны
г. Хвалыnsk	— Уездное отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны
г. Царицын	— Уездная земская управа — Городской комитет по оказанию помощи беженцам при городской управе — отдел Польского общества помощи жертвам войны — Еврейское общества помощи жертвам войны — Уполномоченный Центрального Латышского комитета — Отдел Литовского общества по оказанию помощи пострадавшим от войны — Церковный совет при Царицынской евангелическо-лютеранской церкви — Отдел Всероссийского общества попечения о беженцах
Царицынский уезд, пос. Дубровка	— Посадская управа
Симбирская губерния	
г. Симбирск	— Отдел беженцев Губернской земской управы — Отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Окружное управление Центрального обывательского комитета губерний Царства Польского — Губернский отдел Всероссийского общества попечения о беженцах — Городская исполнительная комиссия по устройству беженцев при Городской управе — Отдел беженцев Уездной земской управы — Отдел Польского общества помощи жертвам войны

1	2
г. Симбирск	<ul style="list-style-type: none"> — Римско-католическое благотворительное общество — Еврейский комитет — Латышский комитет по устройству беженцев — Симбирский временный комитет всероссийского попечительства об охране материнства и младенчества
г. Алатырь	<ul style="list-style-type: none"> — Уездная земская управа. Отдел беженцев — Городской комитет по оказанию помощи беженцам при городской управе — Отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Еврейский кружок помощи беженцам
г. Ардатов	<ul style="list-style-type: none"> — Отдел беженцев Уездной земской управы — Комитет служащих Ардатовского уездного земства по оказанию помощи беженцам — Комитет помощи пострадавшим от войны славянам и беженцам из Прикарпатской Руси
г. Буинск	<ul style="list-style-type: none"> — Отдел по устройству беженцев при Уездной земской управы — Городская управа — Отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны
Буинский уезд	— Волостные попечительства помощи беженцам
г. Карсунь	<ul style="list-style-type: none"> — Отдел беженцев Уездной земской управы — Городской комитет по призрению беженцев
г. Курмыш	— Отдел беженцев Уездной земской управы
г. Сengилей	— Отдел беженцев Уездной земской управы
г. Сызрань	<ul style="list-style-type: none"> — Отдел беженцев Уездной земской управы — Городской комитет помощи беженцам Всероссийского союза городов — Уездное отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны, имеет детский приют
Сызранский уезд	— Сельские попечительства
Смоленская губерния	
г. Смоленск	<ul style="list-style-type: none"> — Управление организации Главноуполномоченного по устройству беженцев Северо-Западного фронта С.И. Зубчанинова «Северопомощь» — Губернский соединенный комитет помощи беженцам Всероссийских земского и городского союзов — Губернское отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны

Приложение 2

1	2
г. Смоленск	<ul style="list-style-type: none"> — Окружное управление Центрального обывательского комитета губерний Царства Польского — Бюро по оказанию помощи беженцам при Городской управе — Римско-католическое благотворительное общество, секция помощи беженцам (деятельность секции распространяется на Рославль) — Еврейское общество помощи жертвам войны — Латышский комитет по оказанию помощи беженцам — Общество взаимопомощи литовцев — Отдел Всероссийского общества попечения о беженцах
г. Белый	<ul style="list-style-type: none"> — Уездный комитет помощи беженцам при Уездной земской управе — Городской комитет помощи беженцам — Временный уездный военно-кооперативный комитет — Дамский комитет
г. Вязьма	<ul style="list-style-type: none"> — Организация уполномоченного по устройству беженцев Северо-Западного фронта С.И. Зубчанинова — Комитет Всероссийского земского союза — Комитет Всероссийского союза городов по устройству беженцев — Отдел Польского общества помощи жертвам войны — Еврейский комитет — Дамский комитет Всероссийского земского союза, отдел по устройству беженцев
г. Гжатск	<ul style="list-style-type: none"> — Отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Комиссия помощи беженцам при Товариществе кооперативов по посредничеству
г. Дорогобуж	— Уездный комитет Всероссийского земского союза
г. Духовщина	— Уездный комитет Всероссийского земского союза
г. Ельня	— Уездный комитет помощи беженцам
г. Красный	<ul style="list-style-type: none"> — Уездный комитет Всероссийского земского союза — Уездный кооперативный комитет
г. Поречье	<ul style="list-style-type: none"> — Уездный кооперативный комитет — Комитет оказания помощи лицам и семьям, пострадавшим от войны

1	2
г. Рославль	<ul style="list-style-type: none"> — Уездная земская управа — Районное управление Центрального обывательского комитета губерний Царства Польского — Городская управа. Бюро труда и помощи беженцам — Уполномоченный Литовского общества по оказанию помощи пострадавшим от войны
г. Сычевка	<ul style="list-style-type: none"> — Уездный комитет Всероссийского земского союза — Городская управа
Ставропольская губерния	
г. Ставрополь	<ul style="list-style-type: none"> — Губернский комитет устройства беженцев Всероссийских земского и городского союзов — Отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Городской комитет устройства беженцев Всероссийских земского и городского союзов — Уездный комитет устройства беженцев Всероссийских земского и городского союзов — Отдел Польского общества помощи жертвам войны — Комитет помощи евреям, пострадавшим от войны — Армянский комитет помощи беженцам
Ставропольский уезд	— 20 сельских комитетов
с. Александровское	— Уездный комитет устройства беженцев
Александровский уезд	— 10 сельских комитетов
с. Медвежье	— Уездный комитет устройства беженцев
Медвеженский уезд	— 6 сельских комитетов
г. Святой Крест	— уездный комитет устройства беженцев при уездной земской управе
Святокрестовский уезд	— 10 сельских комитетов
Таврическая губерния	
г. Симферополь	<ul style="list-style-type: none"> — Губернский комитет Всероссийского земского союза, отдел по устройству беженцев — Губернское отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Губернский комитет Таврического Еврейского общества по оказанию помощи пострадавшим от войны — Симферопольский городской комитет всероссийского союза городов, при нем комиссии

Приложение 2

1	2
г. Симферополь	<ul style="list-style-type: none"> — Уездный комитет всероссийского земского союза, отдел по устройству беженцев — Уездное отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Отдел польского общества помощи жертвам войны — Симферопольский отдел Таврического Еврейского общества — Латышский комитет по оказанию помощи беженцам — Армянское благотворительное общество — Доверенное лицо Литовского общества по оказанию помощи пострадавшим от войны — Общество «Детская помощь»
Симферопольский уезд г. Бахчисарай (безуездный город)	— Отделение Таврического Еврейского общества
Симферопольский уезд г. Карасубазар (заштатный город)	<ul style="list-style-type: none"> — Комитет по призрению беженцев; — Отдел Таврического Еврейского общества
Симферопольский уезд	— Местные комитеты в селениях
г. Бердянск	<ul style="list-style-type: none"> — Уездный комитет Всероссийского земского союза — Особый комитет о беженцах при городской управе — Отдел Таврического Еврейского общества
Бердянский уезд	— В уезде волостные комитеты
Бердянский уезд, Большой Токмак, Ногайск, Черниговка, Орехов	— Отделы Таврического Еврейского общества
г. Алешки	<ul style="list-style-type: none"> — Уездный комитет всероссийского земского союза — Городское попечительство — Уездное отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Отдел Таврического Еврейского общества — В уезде сельские попечительства
Днепровский уезд, м. Маховка	— Отдел Таврического Еврейского общества
Днепровский уезд, с. Голая Пристань	— Общество пособия бедным евреям

1	2
г. Евпатория	<ul style="list-style-type: none"> — Уездный комитет Всероссийского земского союза — Отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Общественная касса военной помощи
г. Керчь, Керчь-Еникальское градоначальство	<ul style="list-style-type: none"> — Керчь-Еникальский комитет всероссийского союза городов — Еврейский комитет помощи жертвам войны
г. Мелитополь	<ul style="list-style-type: none"> — Уездный комитет всероссийского земского союза — Городской комитет помощи беженцам при Городской управе — Отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Отдел Польского общества помощи жертвам войны — Отдел Таврического Еврейского общества
Мелитопольский уезд г. Геническ	<ul style="list-style-type: none"> — Городская управа — Комитет по призрению беженцев в г. Геничевске — Дамский благотворительный кружок — Отдел Таврического Еврейского общества
Мелитопольский уезд с. Михайловка	<ul style="list-style-type: none"> — Общество пособия бедным евреям
г. Перекоп	<ul style="list-style-type: none"> — Уездный комитет всероссийского земского союза; — Уездное отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны
Перекопский уезд	— 12 местных комитетов
Перекопский уезд, Джанкой Армянск Курман-Кемельчи	— Отделы Таврического Еврейского общества
г. Севастополь, Севастопольское градоначальство	<ul style="list-style-type: none"> — Отдел Польского общества помощи жертвам войны; — Римско-католическое благотворительное общество — Агент Центального Латышского комитета — Комитет по оказанию помощи беж.евреям
г. Ялта	<ul style="list-style-type: none"> — Уездный комитет всероссийского земского союза; — Отделение Комитета вел.кн.Татьяны Николаевны; — Отдел Польского общества помощи жертвам войны; — Отдел Литовского общества по оказанию помощи пострадавшим от войны
Ялтинский уезд, г. Алушта	<ul style="list-style-type: none"> — Отделение Ялтинского комитета по оказанию помощи семьям призванных; — Еврейское благотворительное общество

Приложение 2

1	2
г. Феодосия	<ul style="list-style-type: none"> — Отдел по устройству беженцев при уездной управе — Городской комитет — Отделение комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Римско-католическое благотворительное общество — Еврейское общество пособия бедным
Феодосийский уезд, ст. Владиславовка	— Санитарное попечительство
Феодосийский уезд, г. Старый Крым	— Местный комитет о беженцах
Феодосийский уезд, г. Судак	— Покровское братство
Феодосийский уезд	— Сельские комитеты, организованные управой
Тамбовская губерния	
г. Тамбов	<ul style="list-style-type: none"> — Объединенный Губернский комитет по устройству беженцев, исполнительная комиссия — Губернское отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Епархиальный комитет по устройству беженцев — Городской комитет всероссийского союза городов — Общественный комитет — Уездный земский комитет — Римско-католическое благотворительное общество — Еврейский комитет помощи жертвам войны — Отдел Литовского общества по оказанию помощи пострадавшим от войны — Латышский комитет по оказанию помощи беженцам — Отделение Всероссийского общества попечения о беженцах — Отделение Центрального русского комитета помощи беженцам при Западно-Русском обществе
Тамбовский уезд	— 105 сельских комитетов
г. Борисоглебск	<ul style="list-style-type: none"> — Центральный Борисоглебский комитет — Уездный комитет по устройству беженцев всероссийского земского союза — Городской комитет по оказанию помощи беженцам, при нем комиссии — отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Еврейское благотворительное погребальное общество, исполнительный комитет по устройству беженцев — Польский комитет — Римско-католическое благотворительное общество

1	2
Борисоглебский уезд	— 33 волостных комитета
г. Кирсанов	— Уездный комитет помощи беженцам — Правление Кирсановской еврейской молельни
Кирсановский уезд	— 35 местных комитетов
г. Козлов	— Уездный комитет по устройству беженцев — Городской комитет помощи беженцам всероссийского союза городов — Уездное отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Еврейский комитет помощи жертвам войны — Отдел Всероссийского общества попечения о беженцах — Отдел Комитета помощи беженцам при Западно-Русском обществе — Уполномоченный Центрального Латышского комитета
Козловский уезд	— 79 волостных и сельских комитетов
г. Липецк	— Уездная земская управа, отдел по устройству беженцев — Еврейский комитет — Доверенный Литовского общества по оказанию помощи пострадавшим от войны
Липецкий уезд, ст. Грязи	— Комиссия помощи беженцам при Грязинском комитете
Липецкий уезд	— 45 сельских комитетов из духовенства и крестьян
г. Лебедянь	— Уездный комитет по призрению беженцев — Еврейский комитет
Лебедянский уезд	— 16 волостных комитетов
г. Моршанск	— Моршанский комитет по устройству беженцев — Отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Уполномоченный польского комитета — Еврейский комитет помощи беженцам — Моршанский дамский комитет
Моршанский уезд	— 6 филиальных отделений Комитета великой княжны Татьяны Николаевны
Моршанский уезд, с. Заметчино	— Дамский комитет

Приложение 2

1	2
г. Темников	<ul style="list-style-type: none"> — Уездный комитет по устройству беженцев при уездной управе — отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Дамский комитет — Общество потребителей — Кочемировский кружок трудовой помощи
Темниковский уезд	— Уполномоченные Уездного комитета
Темниковский уезд, г. Кадом	— Городской комитет по устройству беженцев
г. Усмань	— Еврейский комитет
Тверская губерния	
г. Тверь	<ul style="list-style-type: none"> — Распорядительная комиссия по устройству беженцев при губернском земстве — отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Окружное управление центрального обывательского комитета губерний Царства Польского — Городской комитет по оказанию помощи беженцам — Регистрационное бюро и бюро труда — Уездный земский комитет по оказанию помощи беженцам — Отдел польского общества помощи жертвам войны — Еврейский комитет — Комитет по оказанию помощи латышским беженцам — Комитет Латышского общества «Родина» — Отдел Литовского общества по оказанию помощи пострадавшим от войны — Общество сельского хозяйства — Отделение Западно-Русского комитета — Общественно-педагогический кружок — Дамский кружок — «Женское трудовое общежитие» (эвакуирован из Риги)
Тверской уезд	— Исполнительными органами уездного комитета служат волостные правления и временноуполномоченный
г. Бежецк	<ul style="list-style-type: none"> — Объединенный комитет по оказанию помощи беженцам — Городской комитет всероссийского союза городов

1	2
г. Весёгонск	— Уездный комитет по призрению беженцев
г. Вышний Волочек	— Уездный комитет — Отдел польского общества помощи жертвам войны
г. Калязин	— Уездный комитет по оказанию помощи беженцам — Городской комитет по оказанию помощи беженцам — Попечительный совет приюта для детей сирот беженцев
г. Кашин	— Объединенный Земско-городской комитет по оказанию помощи беженцам — Отдел польского общества помощи жертвам войны
г. Корчева	— Уездный комитет
г. Осташков	— Объединенный комитет по оказанию помощи беженцам — Польская организация — Уездный епархиальный комитет помощи беженцам духовного звания — Линейный железнодорожный комитет при ст. Осташков
г. Ржев	— Комитет по оказанию помощи беженцам в г. Ржеве, Объединенный Земско-городской — Отдел польского общества помощи жертвам войны — Латышский комитет по оказанию помощи беженцам — Отдел Литовского общества по оказанию помощи пострадавшим от войны
г. Торжок	— Новоторжский уездный комитет всероссийского земского союза — Уполномоченные Центрального латышского комитета
Тульская губерния	
г. Тула	— Губернский комитет помощи беженцам, при Губернской земской управе — Губернское отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Окружное управление центрального обывательского комитета губерний Царства Польского — Городской комитет по призрению беженцев, отдел комитета всероссийского союза городов — Отдел польского общества помощи жертвам войны — Римско-католическое благотворительное общество — Еврейский комитет помощи жертвам войны — Латышский комитет по оказанию помощи беженцам

Приложение 2

1	2
г. Тула	<ul style="list-style-type: none"> — Отдел Литовского общества по оказанию помощи пострадавшим от войны — Епархиальный комитет по устройству быта беженцев — Дамский комитет Красного креста — Дамский комитет при комитете всероссийского союза городов — Дамский комитет духовенства
г. Алексин	<ul style="list-style-type: none"> — Уездный комитет помощи беженцам при уездной управе — Уездное отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны
Алексинский уезд	— 4 порайонных комитета и волостные попечительства
г. Белев	<ul style="list-style-type: none"> — Белевский комитет по оказанию помощи беженцам, объединенный Всероссийского земского и городов союзов — Отдел Тульского польского комитета — Белевский железнодорожный комитет — Комитет Белевского духовенства
Белевский уезд	— В уезде 16 сельских попечительств
г. Богородицк	<ul style="list-style-type: none"> — Комитет о беженцах при уездной земской управе — Отдел польского общества помощи жертвам войны
г. Епифан	<ul style="list-style-type: none"> — Уездный комитет по оказанию помощи беженцам — Городское попечительство по устройству беженцев — Отдел польского общества помощи жертвам войны — Дамский комитет — Регистрационное бюро
Епифанский уезд	— 27 волостных попечительств
г. Ефремов	— Комитет по оказанию помощи беженцам
г. Кашира	— Доверенный Литовского общества по оказанию помощи пострадавшим от войны
Уфимская губерния	
во всех уездах	— Отделения комитета великой княжны Татьяны Николаевны
г. Уфа	<ul style="list-style-type: none"> — Губернский совет по делам о беженцах, при нем попечительство о беженцах — Губернское отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Уфимский комитет Всероссийского союза городов. Отдел по устройству беженцев

1	2
г. Уфа	<ul style="list-style-type: none"> — Уфимский городской совет по делам о беженцах — Городское отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Уфимский уездный совет по делам о беженцах — Уездное отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Еврейский временный комитет помощи жертвам войны — Делегат Центрального общепольского комитета губерний Царства Польского — Отдел Польского общества помощи жертвам войны — Римско-католическое благотворительное общество — Латышское общество взаимного вспомоществования — Епархиальный попечительный комитет о беженцах — Отдел Всероссийского общества попечения о беженцах — Делегат Львовского общества — Доверенный Литовского общества по оказанию помощи пострадавшим от войны
Уфимский уезд	— Порайонные комитеты, всего 18, в т.ч. латышский и немецкий
Уфимский уезд, ст. Иглино	— Балтийское Латышское общество пострадавшим от войны и переселенцам
Уфимский уезд, ст. Охлебино	— Балажинское Латышское общество помощи пострадавшим от войны и переселенцам
Уфимский уезд, ст. Тавтиманово	— Ауструмское Латышское общество помощи пострадавшим от войны и переселенцам
г. Белебей	<ul style="list-style-type: none"> — Уездный совет по делам о беженцах — Отдел Всероссийского общества попечения о беженцах — Уфимский отдел центрального русского комитета при Западно-Русском обществе
г. Бирск	<ul style="list-style-type: none"> — Совет о беженцах Уездного комитета всероссийского земского союза — Городской совет по делам о беженцах — Еврейская организация — Отдел Всероссийского общества попечения о беженцах
Бирский уезд	— Волостные и районные комитеты

Приложение 2

1	2
г. Златоуст	<ul style="list-style-type: none"> — Уездный совет по делам о беженцах — Городской совет по делам о беженцах (выделено исполнительное бюро) — Латышское попечительство по оказанию помощи беженцам
г. Мензелинск	<ul style="list-style-type: none"> — Уездный совет по делам о беженцах, при нем городское попечительство всероссийского земского союза — Уездное отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Отдел Всероссийского общества попечения о беженцах
Мензелинский уезд	— Районные комитеты о беженцах и 8 районных попечительств Всероссийского земского союза
Мензелинский уезд, г. Заинск	— Комитет по призрению беженцев
г. Стерлитамак	<ul style="list-style-type: none"> — Уездный совет по делам о беженцах — Городской совет по делам о беженцах
Стерлитамакский уезд, с. Архангельское	— Архангельско-Бакалдинское Латышское общество
Харьковская губерния	
г. Харьков	<ul style="list-style-type: none"> — Губернская земская управа. Отдел по устройству беженцев, при нем – Дамский комитет — Губернское отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Районное управление Центрального обывательского комитета губерний Царства Польского — Областной комитет Всероссийского союза городов, отдел по устройству беженцев — Бюро городских попечительств. Отдел помощи беженцам (в ведении отдела комитета Всероссийского союза городов) — Уездный комитет помощи беженцам — Отдел Польского общества помощи жертвам войны — Римско-католическое благотворительное общество — Еврейское общество помощи жертвам войны — Латышский комитет по оказанию помощи беженцам — Армянская организация помощи жертвам войны — Прикарпатский благотворительный комитет — Лютеранская организация — Мусульманский комитет

1	2
г. Харьков	<ul style="list-style-type: none"> — Отдел Литовского общества по оказанию помощи пострадавшим от войны — Чешский комитет — Отдел Всероссийского общества попечения о беженцах — Главный комитет Южных железных дорог вспомоществования жертвам войны — Комитет общества взаимопомощи трудящихся женщин — Комиссия при Обществе распространения в народе грамотности — общество защиты детей
Харьковский уезд	— 30 волостных попечительств
г. Ахтырка	<ul style="list-style-type: none"> — Отдел помощи беженцам уездного комитета Всероссийского Земского союза — Отдел помощи беженцам Городского комитета Всероссийского союза городов — Уездное отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Инструктор Центрального обывательского комитета губерний Царства Польского — Еврейский комитет помощи беженцам — Дамский комитет по сбору пожертвований в пользу больных и раненых воинов — Отдел Русского народного совета Прикарпатской Руси — уездное отделение Харьковского комитета Прикарпатской Руси
г. Богодухов	— Исполнительная комиссия Богодуховского уездного комитета (отдел помощи беженцам при уездной земской управе)
Богодуховский уезд	— 18 волостных попечительств
Богодуховский уезд, г. Краснокутск	— Городской комитет
г. Валки	<ul style="list-style-type: none"> — Уездный комитет по оказанию помощи беженцам при уездной земской управе — Городской комитет по оказанию помощи беженцам — Отдел Центрального обывательского комитета губерний Царства Польского
Валковский уезд	— 16 волостных попечительств

Приложение 2

1	2
г. Волчанск	<ul style="list-style-type: none"> — Уездный комитет помощи беженцам — уездное отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Польский комитет — Еврейский комитет — Волчанское попечительство Российского общества Красного креста
Волчанский уезд	— Волостные попечительства Российского общества Красного креста
г. Змиев	<ul style="list-style-type: none"> — Уездный комитет при уездной земской управе — Змиевский порайонный комитет — Польский комитет
Змиевский уезд, ст. Алексеевка	— Порайонный комитет
г. Чугуев	<ul style="list-style-type: none"> — Порайонный комитет — Городской комитет помощи беженцам Всероссийского союза городов (при городской управе)
г. Изюм	<ul style="list-style-type: none"> — Городской комитет — Еврейский комитет
Изюмский уезд, ст. Краматорская	— Отдел польского общества жертвам войны
Изюмский уезд, Святогорская пустынь	— Комитет о беженцах
г. Славянск	<ul style="list-style-type: none"> — Ново-Славянский комитет — Отдел польского общества помощи жертвам войны
Славянский уезд	— 30 волостных попечительств
г. Купянск	<ul style="list-style-type: none"> — Уездный комитет при уездной земской управе — Городской подкомитет
Купянский уезд	— 19 волостных попечительств
г. Лебедин	— Уездный комитет при уездной земской управе
Лебединский уезд	— 26 волостных попечительств
г. Старобельск	— Уездный комитет по устройству беженцев
Старобельский уезд	— 19 волостных попечительств
г. Сумы	<ul style="list-style-type: none"> — Уездная Земская управа. Стол о беженцах — Комитет при городской управе — Отдел польского общества помощи жертвам войны
Сумский уезд	— 13 волостных попечительств
г. Белополье	— Городское попечительство

1	2
Херсонская губерния	
г. Херсон	<ul style="list-style-type: none"> — Губернский комитет Всероссийского Земского союза — Губернское отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Городской комитет по призрению беженцев Всероссийского союза городов — Уездный комитет по призрению беженцев (уездная земская управа) — Польский комитет — Римско-католическое благотворительное общество — Еврейский комитет — Православное христианское братство
Херсонский уезд, м. Гданцевка	<ul style="list-style-type: none"> — Отдел Польского общества помощи жертвам войны — Римско-католическое благотворительное общество
Херсонский уезд, м. Кривой Рог	<ul style="list-style-type: none"> — Отдел Польского общества помощи жертвам войны — Польский комитет — Римско-католическое благотворительное общество
г. Александрия	<ul style="list-style-type: none"> — Уездный комитет по призрению беженцев (уездная земская управа) — Комиссия по оказанию помощи беженцам при Обществе пособия бедным евреям
г. Ананьев	<ul style="list-style-type: none"> — Уездный комитет по призрению беженцев (уездная земская управа) — Еврейский временный комитет по оказанию помощи пострадавшим от войны
Ананьевский уезд, м. Голта	<ul style="list-style-type: none"> — Отдел Польского общества помощи жертвам войны — Комитет при Обществе пособия бедным евреям
г. Елизаветград	<ul style="list-style-type: none"> — Уездный комитет по призрению беженцев (уездная земская управа)
г. Елизаветград	<ul style="list-style-type: none"> — Уездное отделение Епархиального комитета по устройству беженцев — Временный комитет по оказанию помощи евреям, пострадавшим от войны
Елизаветградский уезд с. Братское	<ul style="list-style-type: none"> — Правление Общества пособия бедным евреям — Польский комитет — Римско-католическое благотворительное общество — Еврейский комитет — Латышское общество вспомоществования — Отдел всероссийского общества попечения о беженцах

Приложение 2

1	2
г. Одесса	<ul style="list-style-type: none"> — Уездная Земская управа — Городской комитет Всероссийского союза городов — Отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Римско-католическое благотворительное общество — Латышский комитет вспомоществования беженцам-латышам — Русско-Галицийский комитет — Армянский комитет
г. Тирасполь	— Уездный комитет по призрению беженцев (уездная земская управа)
Черниговская губерния	
г. Чернигов	<ul style="list-style-type: none"> — Отдел помощи беженцам Губернского комитета Всероссийского Земского союза — Губернское отделение Комитета «Черниговская губерния» — Отделение Центрального обывательского комитета Царства Польского — Городской комитет Всероссийского союза городов. Х-ое попечительство о беженцах г. Чернигова — Отдел Польского общества помощи жертвам войны — Римско-католическое благотворительное общество — Общество для оказания помощи еврейскому населению, пострадавшему от войны — Отдел Всероссийского общества попечения о беженцах
г. Борзна	<ul style="list-style-type: none"> — Уездный комитет Всероссийского земского союза — правление Общества пособия бедным евреям
г. Глухов	— Отдел Польского общества помощи жертвам войны
г. Конотоп	— Отдел Польского общества помощи жертвам войны
Конотопский уезд, ст. Бахмач	— Отдел Южно-Русской областной Переселенческой организации
г. Кролевец	— Общество пособия бедным евреям
г. Мглин	<ul style="list-style-type: none"> — Уездный комитет Всероссийского земского союза, имеет детский приют — Общество пособия бедным евреям. Отделение помощи жертвам войны
Мглинский уезд, м. Почеп	— Общество пособия бедным евреям

1	2
г. Новгород-Северский	— Городской комитет Всероссийского союза городов — правление Общества пособия бедным евреям
г. Новозыбков	— Комитет о беженцах при уездном земском комитете Всероссийского земского союза — Отдел Польского общества помощи жертвам войны — Отделение Киевского общества помощи еврейскому населению, пострадавшему от военных действий
г. Нежин	— Уездный земский комитет — Отдел Польского общества помощи жертвам войны — Уездный благотворительный комитет
г. Стародуб	— Уездный комитет Всероссийского земского союза. Отдел помощи беженцам — Стародубское общество пособия бедным евреям
г. Сосница	— Городской комитет помощи беженцам
г. Сураж	— Уездный комитет Всероссийского земского союза — отделение Комитета «Черниговская губерния» — Суражское общество пособия бедным евреям
Суражский уезд, пос. Клинцы	— Комитет по приему беженцев в Суражский уезд — Городской Думский комитет Всероссийского союза городов — Клинцовское общество пособия бедным евреям
Эстляндская губерния	
г. Ревель	— Ревельский Латышский комитет по оказанию помощи беженцам — Отдел Польского общества помощи жертвам войны — Римско-католическое благотворительное общество — Отдел Литовского общества по оказанию помощи пострадавшим от войны
г. Гапсаль	— Уполномоченный центрального Латышского комитета
г. Усть-Нарова	— Эстонский комитет по оказанию помощи беженцам
Ярославская губерния	
г. Ярославль	— Отдел по устройству беженцев при губернской земской управе — Губернское отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Окружное управление Центрального обывательского комитета Царства Польского — Епархиальный комитет по устройству быта беженцев (губернский) — Городской комитет помощи беженцам

Приложение 2

1	2
г. Ярославль	<ul style="list-style-type: none"> — Городское отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Уездный земский комитет помощи беженцам — Отдел Польского общества помощи жертвам войны — Римско-католическое благотворительное общество — Еврейское общество помощи жертвам войны — Латышский комитет вспомоществования беженцам — Отдел Литовского общества по оказанию помощи пострадавшим от войны — Отделение Центрального комитета помощи беженцам при Западно-Русском обществе — Отдел Всероссийского общества попечения о беженцах
г. Данилов	<ul style="list-style-type: none"> — Уездная комиссия (комитет) помощи беженцам при уездной земской управе — Городской комитет по призрению беженцев Всероссийского союза городов — Отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Дамский кружок — Церковно-приходское попечительство
Даниловский уезд	— Всесословные волостные комитеты и попечительства при каждой волости
г. Любим	<ul style="list-style-type: none"> — Городской комитет помощи беженцам — Уездный комитет помощи беженцам
г. Молога	— Уездная комиссия (комитет) по устройству беженцев
Мологский уезд	— Волостные комитеты
г. Мышкин	<ul style="list-style-type: none"> — Уездный комитет помощи беженцам — Уездное отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны
г. Романов-Борисоглебск	<ul style="list-style-type: none"> — Уездный земский комитет помощи беженцам (называется также «Романово-Борисоглебская комиссия Всероссийского земского союза по оказанию помощи беженцам») — Городское попечительство о беженцах
Романово-Борисоглебский уезд	— Сельские попечительства

1	2
г. Ростов	<ul style="list-style-type: none"> — Уездный земско-городской комитет помощи беженцам — Уездное отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны — Римско-католическое благотворительное общество
Ростовский уезд	— 21 попечительство
г. Рыбинск	<ul style="list-style-type: none"> — Городской комитет по оказанию помощи беженцам при городской управе — Уездный комитет Всероссийского земского союза — Отдел Польского общества помощи жертвам войны — Римско-католическое благотворительное общество — Комитет помощи беженцам евреям — Латышский комитет вспомоществования беженцам — Отдел Литовского общества по оказанию помощи пострадавшим от войны — Уездный отдел Ярославского епархиального комитета по устройству быта беженцев — Дамский кружок. Комиссия о беженцах
г. Петровск	<ul style="list-style-type: none"> — Бюро по оказанию помощи беженцам при городской управе — Дамский комитет
г. Углич	<ul style="list-style-type: none"> — Соединенный комитет помощи беженцам — Уездное отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны

* Источник: Список организаций, ведающих дело помощи беженцам: на 1 мая 1916 г. / Всероссийские земский и городской союзы. Отдел по устройству беженцев. М., 1916.

НАЦИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ БЕЖЕНСТВА (НА ПРИМЕРЕ ЕВРЕЙСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ)

РЯЗАНСКАЯ ГУБЕРНИЯ

Документ 1. Письмо уполномоченного Московского еврейского общества помощи жертвам войны П.Я. Мазовецкого, 12 сентября 1915 г., г. Рязань^{1), 2), 3)}

В Московское еврейское общество
помощи жертвам войны в Москве¹

М[илостивые] Г[осудари],

Извиняюсь, что до сих пор не дал весточки о себе. На сей раз мне придется быть тоже кратким, ограничиваясь только простым изложением событий. Местная интеллигенция страдает в сильной степени провинциальным честолюбием и каждую минуту дамы бросают «демя геть» в лицо. Местные силы вообще незначительны. При их самолюбии и сплетнях их деятельность сводится в лучшем случае к [...].⁴⁾ Встретив меня, они, как бы спевшись, твердили в один голос, что квартир нет и не будет. К вечеру, однако, с помощью гимназистов удалось достать несколько небольших комнат. Сегодня имеется в виду одна квартира — на 100 человек за 100 руб. в месяц. В синагоге оставить невозможно. Наша Полянская квартира — это рай в сравнении с местной синагогой. Уже появились — холерина, ангина. При той скученности, в которой беженцы здесь живут, эти болезни становятся угрожающими. Отделить больных от здоровых нет никакой возможности, позже будет несколько квартир. Надеюсь, что завтра удастся известную часть разместить по квартирам.

¹ Московское еврейское общество помощи жертвам войны — одна из крупнейших благотворительных национальных организаций в России в годы Первой мировой войны. Создано в августе 1914 г. как Московское еврейское общество по оказанию помощи больным и раненым воинам и семьям лиц, призванных на войну, 24 ноября 1914 г. после утверждения нового устава сменило название. Оказывало следующие виды помощи: «1) Продовольствие (натурой или выдачей пособия определенного размера), продовольственного пайка); 2) Квартирную помощь (содержание беженцев в общежитиях или выдача пособия на наем квартир — квартирные или квартирный паек); 3) Снабжение платьем и обувью; 4) Религиозную помощь; 5) Индивидуальные пособия (выдачу пособий сверх установленных норм, по исключению, определенным лицам или категориям лиц); 6) Ссудную помощь; 7) Пособия проезжающим (расходы по эвакуации); 8) Юридическую помощь». На средства Общества, кроме того, финансировалась деятельность целого ряда прочих специализированных еврейских организаций — Общества для распространения просвещения между евреями (ОПЕ), Общества ремесленного и земледельческого труда среди евреев (ОРТ), Общества любителей еврейского языка (ЛЕЯ) и пр. См. подробнее: Отчет о деятельности Московского еврейского общества помощи жертвам войны на 1 мая 1916 г. Москва, 1916.

Вчера устроил общее собрание местных «деятелей». Было человек 35. Начали ссориться и обижаться. С трудом удалось наладить собрание на деловой путь. Были выбраны соответствующие комиссии. О их деятельности, конечно, преждевременно говорить. Обещали собрать побольше денег. Это, вероятно, удастся. Вчера отсюда один инженер телеграфировал инженеру дороги между Рязанью⁵⁾ и Москвой о принятии на работу земляные 50 чел. Тогда можно будет и их семей тоже пристроить в специально отведенных казной для сей цели бараках. Ответа еще нет. Вчера прошла партия беженцев в Саратов в количестве 400 человек. Здесь их накормили. Сегодня пребыла еще одна партия в 427 из Нежина, направленная в Нижний Новгород, среди которых было свыше 200 галичан. Сопровождал полицейский. Они должны были следовать через Москву, но в Брянске их направили на Курск, Воронеж, Рязань. По их словам, будто бы всех будут теперь так направлять.⁶⁾ Здесь их хотели водой отправить в Нижний. Для этого надо было бы их перевести на лошадях в другой конец города. Среди них много больных. Правда, их сопровождает целый отряд с фельдшерницей, но они были в отчаянии. На Москву их не хотели здесь пустить, ссылаясь на официальную бумагу М[инистра] п[утей] Сообщ[ения] о приостановке поездов беженцев по этой дороге. С трудом удалось выхлопотать направление их на Рудаевку.

Путь их таким образом увеличился на 7-8 дней. Мне также удалось получить через Земскую управу паек наличными в размере 20 копеек на человека. Хотели они, чтоб наши брали из их котла. Остался закрепить это и для следующих поездов, но пока не удалось. Полагаю, однако, что это удастся. Вчера умерла тут одна богатая дама, за погребение которой взяли 5000 руб., мы потребовали, чтобы нам дать из этих денег 3000 руб. Вероятно, дадут только 2000 руб., но с условием, чтобы это пошло на какой-нибудь фонд для беженцев. Но подробнее об этом в другой раз. Забыл упомянуть, что беженцы из Нежина остались без копейки и им придется проезжать местом, где нет комитетов. Пришлось дать им 100 руб. Заканчиваю письмо, ибо спешу. На днях постараюсь дать Вам более подробную картину всего происходящего тут. У меня еще квартиры нет. Пишите пока по следующему адресу

Рязань, Астраханская ул.
Г[осподи]ну С.Г. Шуру для меня
С совершеннейшим почтением,
П.Я. Мазовецкий

ГАРФ. Ф. Р-9538. Оп. 1. Д. 22. Л. 2–3. Машинопись. Копия.

¹⁾ Заголовок редактора.

²⁾ Датируется по документу.

³⁾ Место указывается по документу.

⁴⁾ Неразборчивая рукописная вставка поверх машинописного искусно.

⁵⁾ Рязанью вписано от руки поверх машинописного Раздельно.

⁶⁾ Здесь и далее текст в документе подчеркнут красным карандашом.

Документ 2. Письмо уполномоченного Московского еврейского общества помощи жертвам войны П.Я. Мазовецкого, 17 сентября 1915 г., г. Рязань^{1), 2), 3)}

В Московское еврейское общество помощи жертвам войны
Москва

М[илостивые] Г[осудари],

В моем предыдущем письме я только в общих чертах коснулся положения дел в Рязани. Настоящим я хочу пополнить тот пробел.

Количество и профес[сиональный] состав беженцев.

Всего из Новгорода Северска прибыло в Рязань 9-го сентября 112 семейств в количестве 433 человек. Из разных мест прибыло 13 человек. Кроме этого, в тюрьме содержатся около 70 человек галичан, о судьбе которых, между прочим, местной власти ничего пока не известно. Таким образом, на попечении рязанцев было 10/9 516 человек.

Главы семейств 433 чел. делятся по профессиям следующим образом:

Сапожники 7 чел., извозчики 4, швейки 4, кровельщики 3, мясники 4, чулочницы 2, столяр 1, садовники 4, приказчики 4, слесари 2, торговцы 34. Всего 112.

Все эти сведения полны, ибо касаются только глав семейств, между тем, в каждой семье имеются и профессионально обученные члены семьи. К сожалению, пока удалось только эти сведения получить. В самом ближайшем времени мы будем располагать более точными сведениями. Очень прошу прислать опросные листы трудового бюро, чтобы облегчить нашу задачу.

Постановка продовольствия

В первые дни беженцы получали из общего котла горячую пищу, которая варилась довольно примитивным способом: раскладывались на далеко небольшом дворике синагоги костры, вокруг которых устанавливались кирпичи в виде треугольника и на них ставились котлы. Чистка картофеля, соление мяса и пр. производились тут же. Так как дворик небольшой, то человеческие испражнения находились в совершенно недопустимом соседстве с так называемой кухней. Горячей воды совсем не было. И мне приходилось наблюдать слишком частое и большое употребление сырой воды. При том скоплении в синагоге, антисанитарных условиях и 2 случ[аях] холеры это явление ничего отрадного не обещало. Пища же сама оставляла желать многого. Так как специальной столовой нет, то пища раздавалась тут же на дворе.

О сутолоке, шуме и брани говорить не приходится. Но что достойно быть отмеченным, это то, что многие более интеллигентные и скромные остались без обеда. Утром и вечером та же картина. К моему приезду те немногочисленные дамы, которые варили и раздавали пищу, были до того утомлены по их словам, что отказывались продолжать в таком виде кормление. С другой стороны, беженцы сами умоляли, чтобы им давали паек наличными. Не имея кухни-столовой, пришлось остановиться на выдаче 20 коп на взрослого

и у кого имеется несколько детей на ребенка 15 коп. Так как синагогу удалось освободить чуть ли не наполовину от беженцев, размещенных по квартирам, то остальные сами себе варят и готовят. Семья, получающая 90–110 коп. в день имеет мясо и часто рыбу. Малосемейные и холостые присоединяются к другим семьям.

На очереди таким образом стоял вопрос об устройстве столовой и кухни. Что касается кипятку, то уже удалось устроить. Большой куб и кипяток имеется в распоряжении беженцев целый день. Возвращаясь к вопросу о столовой, должен сказать, что этот вопрос усложняется отсутствием людей местных для ведения такого дела. Придется, вероятно, в случае положительного решения вопроса об устройстве столовой, нанять кухарку и проч. Но возможно, что в виду разбросанности квартир беженцев не представится возможным устраивать столовые, о чем речь ниже. К этому надо добавить, что в тюрьму ежедневно отвозят пищу, но опять-таки негорячую.

Квартирный вопрос

Вопрос о квартирах здесь довольно сложный. Больших помещений совершенно нет, за исключением старых бань, с владельцем которых ведет переговоры городской голова. Он обещал, в случае благоприятного исхода переговоров, нам услужить по рязанским размерам большое помещение. Там, где есть водопровод и электрическое освещение, город нам это предоставить бесплатно. Но последние блага, вероятно, не для нас, ибо таких квартир не будет. Поневоле пришлось нанимать маленькие отдельные комнатки на окраинах города. Самые большие помещения вмещают 25–30 чел. Таких у нас всего несколько. Есть, однако, помещение, нами уже нанято[е] на 50 чел., которое будет готово только 25/9.

Как я уже Вам писал у нас всего было 2 случая острых желудочных заболеваний и 3 случая скарлатины. Необходимо было, во что бы то ни стало разрядить эту скученность детей и даже взрослых, ибо дезинфекции вещей и синагоги не было никакой возможности произвести, и потому вопрос о том, кому в первую очередь давать квартиры решался с точки зрения изолирования подозреваемых в заражении скарлатиной и их родителей. Должен добавить, что в городе уже циркулировали преувеличенные слухи, дошедшие до полицмейстера, который угрожал принять самые репрессивные меры. Однако, удалось почти весь нижний этаж разместить по квартирам и больше пока не было случаев заболевания (упомянутые заболевания были в нижнем этаже). Размещено пока всего около 180 человек, что составляет 40 семейств. Сегодня опять нанято несколько квартир. Мимоходом отмечу, что я на несколько дней задержал господина, который сопровождал этих беженцев до Рязани. Он мне помог в квартирных делах немало. Расходы по квартирам сравнительно невелики. В среднем по 1 [руб.] 25 коп. на человека в месяц уже с расходами по перевозке. Размещены они по группам 3, 6, 20 и 30 человек. Очень много временем и усилий отняли искания мелких квартир. Сегодня получены билеты для 35 чел. на разные города, в которых

Приложение 3

остались их состоятельные родственники, мужа, дети и т.п. Через несколько дней, надеюсь, что большую часть оставшихся также разместить по квартирам или же разместить по уездам, куда завтра выезжаю. Наши местные еврейские заправила усиленно поговаривают об устройстве барачков. Лес бы не обошелся дорого и, вероятно, город пришел бы на помощь. Напишите Ваше мнение об этом. Речь идет, конечно, о новых беженцах.

Приискание занятий

Как видите из графы профессионального состава беженцев, квалифицированных рабочих очень мало. О них не придется много заботиться. Часть уже имеет работу, а часть после еврейских праздников станет на работу. Гораздо труднее дело обстоит с торговцами. Придется перевести их в разряд чернорабочих. Я уже Вам писал, что инженер Милявский, который был проездом в Рязани, обещал выхлопотать разрешение на принятие евреев⁴⁾ для разгрузки вагонов с песком. Мы даже переписали человек 5 с семействами для этой работы, на которую, между прочим, почти все согласились. Для них имеются готовые бараки, и они могут поехать со своими семействами. К слову, господин Милявский очень симпатичный еврей. Вчера получил от него телеграмму, дорога посылает человека с готовыми билетами, чтобы забрать записавшихся. К сожалению, их до сих пор нет. Наше бюро труда также принимает меры к подысканию работы. Повторяю свою просьбу о присылке бланков Московского трудового бюро. Таким образом, думаю, что через неделю, 10 дней, можно будет направить еще партию в 200-300 человек сюда, в случае нужды, ибо уезды совершенно не использованы, хотя местные утверждают, что в уездах совсем нет евреев, или что очень мало и тянут всем нам знакомую песенку. Характеристике местных ев[рейских] деятелей посвящу отдельную главу, отмечу мимоходом, что они довольно туги во всех отношениях, затем они обладают в изобилии словесным пафосом и желанием быть величиной.

Финансовое положение

Вам ведь известно, что их ежемесячный сбор равнялся нескольким сот рублям. Их список плательщиков пестрел однозначными цифрами в 1, 2, 3 и т.д. на двух общих собраниях плательщиков пришлось усиленно говорить об увеличении платежей. Куда девается тогда их пафос. На последнем собрании как раз был один из Козлова, видный тамошний деятель. Он довольно удачно рассказал им, как козловцы отзывались и что они делали. К великому удивлению, после долгих дебатов собрание единогласно приняло решение о принудительном обложении. Была выбрана тайным голосованием комиссия из 11 лиц специально для сей цели. Трудно, конечно, теперь предсказывать, как пройдет обложение. Ясно только одно, что брешь пробита и что однозначные цифры уступили место двузначным. На днях состоялась эта комиссия для обложения, итог равняется 1070 руб. Надо полагать, что около 900 руб. удастся, однако, ежемесячно собирать. Некоторые из более состоятельных, узнав сумму обложения на их долю, подняли гвалт, но думаем, что в общем дело финансовой помощи продвинется вперед. Что касается города, то нам

удалось получить полный паек в 20 коп. как на живущих в Рязани, так и для проезжающих. Относительно 5 коп. на санитарию вышло недоразумение, как объяснил городской голова. В этом пайке отказали, но зато дают бесплатно лекарства. В городской комитет по оказанию помощи беженцам мы приглашены посредством своего представителя на равных правах с другими. Забыл упомянуть, что мы решили иметь свой столик в городском бюро труда и войти туда для совместной работы. Город дает помещение бесплатно и идет вообще навстречу. Так как я очень занят и спешу, то продолжение оставляю на другой раз. Пишите, что слышно с Московскими беженцами и, если возможно, то вообще пишите о делах наших.

С совершеннейшим почтением,
П.Я. Мазовецкий⁵⁾

ГАРФ. Ф. Р-9538. Оп. 1. Д. 22. Л. 4–7 об. Машинопись. Копия.

- 1) Заголовок редактора.
- 2) Датируется по документу.
- 3) Место указывается по документу.
- 4) Испр. по смыслу, в документе еуреев.
- 5) Ниже рукописная помета синим карандашом Рязань.

Документ 3. Письмо уполномоченного Московского еврейского общества помощи жертвам войны Егидеса, 7 октября 1915 г., г. Рязань^{1), 2), 3)}

В Московский комитет помощи
жертвам войны

Как только приехал в Рязань — сейчас же отправился в синагогу, где до этого дня находились евр[ейские] беженцы. Картина предстала перед моими глазами не совсем отрадная, но зато яркая по своей неприглядности, суетолоке, грязи, мраку и унынию. Несколько сот человек, только что подобранных и сваленных наскоро в одну кучу в мусорный сарай — вот какое впечатление производила синагога, это пристанище рязанских беженцев. К великой радости, тов. Меживельский мне сообщил, что квартиры уже наняты и часть из них уже приготовлена для перемещения туда беженцев. Сейчас же мы приступили к отправке партии беженцев на новые квартиры. Синагога была еще страшна главным образом тем, что была очагом заразы, где свирепствовали скарлатина, корь и желудочные заболевания. С задачей полного изолирования больных от здоровых очень трудно справиться, т.к. городская больница принимает только скарлатино-больных, а остальные, к нашему прискорбию, находятся в одних помещениях с остальными, и мы не уверены, не столкнемся ли опять с теми же вопросами на новых квартирах, не очутимся ли опять в том же отчаянном положении, в каком находились в синагоге. Борьба с эпидемией и квартирный вопрос поглощает в эти дни все наше внимание и требует от нас много времени и сил, так что мы и думать не можем сейчас

о более плодотворной работе. К этому не забывайте, что нам НИКТО⁴⁾ не приходит на помощь, т.к. с нами бояться встречаться как с сеятелями заразы. Вся работа взвалена исключительно на нас и нам приходится работать с раннего утра до поздней ночи. Черная работа нас всецело поглощает и нет физической возможности даже подумать о новых предприятиях. Надеюсь, что с водворением беженцев на новые квартиры и с устройством их в более благоприятных условиях санитарных, мы все-таки приступим к организации и выполнению тех функций, кот освежают и вдохновляют атмосферу работы. Пока что вся наша работа находится в хаотическом состоянии. Эта непланомерность и хаотичность дела [созда]ет то, что не МЫ руководим работой, а наоборот, мы как-то тянемся в хвосте работы. И тогда, конечно, отсутствует элемент т[вор]ческий, созидательный и не знаешь, наконец, когда же он наступит. Все то, что в других городах выполняют дамы, барышни и вообще добрые люди, мы сами тут должны делать. Самому бегать на базар, самому смотреть за каждым уголком, чтобы в нем было чисто, саму помнить, что в квартире нет ламп, самому думать о том, что в одной квартире печки дымят и люди задыхаются и самому бегать за печником и смотреть, чтобы он это хорошо сделал. Все это, бесспорно, благое дело и такие неотложные нужды встречаются на каждом шагу и требуют немедленного рассмотрения.

Мы все это таки и делаем. Но когда это делают местные обыватели, это и прекрасно, и хорошо, а когда мы по целым дням бегаем исключительно в таких заботах, то невольно возникает вопрос, когда может наступить перелом в этих наших действиях и переход к б[олее] плодотворному деянию. И становится как-то неуютно и тесно на душе 8/10⁵⁾. Товарищ Мазовецкий сегодня утром уехал в Егорьевск на несколько дней, а затем поедет в Москву, и он ближе познакомит с нашей работой. Я все еще мечусь в устройстве беженцев на новых квартирах. Я урвал несколько минут, чтоб закончить вчерашнее письмо и отослать его. Есть много, о чем говорить. Только лишь в работе чувствуется⁶⁾ сложность этой работы. Мы поставлены у самого сложного рычага двигателя еврейской жизни в данное время и от нашей теперешней работы, от того, как мы будем управлять рычагом и в какую сторону мы его будем таскать, зависит склад будущей жизни на новых местах. А как мы не подготовлены к этому и сколько от нас требуется. Сегодня вечером созывается заседание Трудовой комиссии, и я надеюсь, что в ближайшие дни начнет функционировать трудовое бюро, которого у нас не было. А отсутствие трудового бюро нам наделало массу бед. Весь трудовой элемент отхлынул от нас, а мы остались с беженцами, которых можно смело посадить в «мойшовъ зкейнимъ» с той только разницей, что между стариками и старухами вы встретите множество детей, для которых тоже пока к величайшему прискорбию ничего не сделано. Когда к нам приезжает партия из 20 человек, то те немногие, которые даже знают ремесло и легко могли бы найти применение своему труду, не находя того органа, который повел бы их на этот путь, который помог⁷⁾ бы им, уезжают на третий день

туда, где, им как стало известно, их товарищи устроились. Я убедился, что десять устроенных семей в одном месте привлекают к себе десять других и сами их устраивают. Мы ждем от Вас указаний и инструкций, как нам организовать трудовое бюро. Сегодня вечером мы выработали план конкретного существования трудового бюро, и я завтра же приступаю к работе. Пока мы его будем открывать ежедневно на 2 часа, и я буду заведовать этой работой. Я бы Вам еще писал, но во-первых, некогда, а во-вторых, надеюсь, что товарищ Мазовецкий у вас скоро будет. Деньги получили, писем от Вас не имеем.

С приветом, преданный Егидес.

Необходимо сейчас выслать официальное полномочие и квитанционные книжки в г. Касимов Рязанской губ[ернии] на имя д[окто]ра Гуго Григорьевича Закса.

ГАРФ. Ф. Р-9538. Оп. 1. Д. 22. Л. 9–11. Машинопись. Копия.

- 1) Заголовок редактора.
- 2) Датируется по документу.
- 3) Место указывается по документу.
- 4) Здесь и далее выделено в документе.
- 5) Так в документе.
- 6) Испр. по смыслу, в документе чувствуют.
- 7) Испр. по смыслу, в документе помогла.

ОРЛОВСКАЯ ГУБЕРНИЯ

Документ 1. Письмо уполномоченного Московского еврейского общества помощи жертвам войны Лонштейна, 7 сентября 1915 г., г. Орел^{1), 2), 3)}

В Московское Еврейское общество помощи жертвам войны
Москва

Милостивые Государи,

При сем прилагаю резолюции Совещания 1-го сентября, получение коих прошу подтвердить.⁴⁾

Вашу телеграмму о направлении в Орловскую губ[ернию] 1409 беженцев получил и соответствующее распоряжение по губернии сделано.

В виду того, что нами израсходовано на наем помещений в Орле и губернии 1200 рублей и, кроме того, требуются большие суммы на оборудование их, мы в настоящее время имеем значительный дефицит на прием беженцев и питание их, средств совершенно не имеем и поступления их в ближайшем будущем не предвидится.

Вследствие изложенного, покорнейше прошу по получении сего пере- вести нам сюда телеграфно 3000 руб., причем, если Татьянинский комитет¹

¹ Комитет ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны для оказания помощи пострадавшим от военных бедствий (Татьянинский Комитет) — крупнейшая российская благотворительная организация по оказанию помощи беженцам в годы

возьмет на себя содержание наших беженцев в ближайшем будущем лишь по прибытии беженцев можно будет предъявить к ним требование, выяснится то деньги Вам возвратим⁵⁾.

В ожидании почтенного ответа и перевода.

С совершенным почтением,

Уполномоченный Московского еврейского общества помощи жертвам войны М.Я. Лонштейн

ГАРФ. Ф. Р-9538. Оп. 1. Д. 23. Л. 2а. Машинопись. Копия.

1) Заголовок редактора.

2) Датируется по документу.

3) Место указывается по документу.

4) Данные документы в деле отсутствуют.

5) Так в документе.

Документ 2. Письмо уполномоченного Московского еврейского общества помощи жертвам войны Лонштейна, 30 сентября 1915 г., Орел^{1), 2), 3)}

Московскому Еврейскому обществу помощи жертвам войны
Москва

Милостивые Государи,

Сегодня мы телеграфировали Вам: «Беженцы проезжают ежедневно сотнями, назначенных Вами нет, квартиры могут отобрать, полагаем заселять проезжающими». Считаю нужным пояснить, что квартиры в разных концах города наняты, расходы каждый день несем, а назначенных Вами в Орловскую губ[ернию] беженцев нет. Между тем, проезжающие через Орел беженцы с малыми детьми мерзнут в товарных вагонах. Так как квартиры начали реквизируют (в Карачеве все нанятые и оборудованные квартиры реквизированы[]), то не дожидаясь Ваших дальнейших указаний, мы стали

Первой мировой войны. Создан в сентябре 1914 г. Председателем комитета стал член Государственного совета, Почетный опекун, действительный статский советник А.Б. Нейдгард. Членами комитета являлись известные в России государственные и общественные деятели. Комитет пользовался правительственной поддержкой и широкими государственными субсидиями. Целью Татьянинского комитета было «оказание временной помощи лицам, впадшим в нужду, вследствие бедствий, вызванных военными обстоятельствами в пределах их постоянного места жительства, так и на тех, кои остался в месте своего жительства, так и на тех, кои были вынуждены покинуть его по требованию подлежащих властей или по другим, связанным с войной причинам». Комитет ставил перед собой различные задачи, в том числе создание собственных учреждений для помещения нетрудоспособных, прием пожертвований и т.п. Имел сеть региональных отделений по всей стране. Ликвидирован в 1917 г. См. подробнее: Очерк деятельности Комитета по оказанию временной помощи пострадавшим от военных действий со дня его основания по 1 января 1916 года. Пг., 1915; Комитет Е.И.В. вел. кнж. Татьяны Николаевны по оказанию временной помощи пострадавшим от военных действий. 14 сент. 1914 — январь 1916 [Сб. документов]. Т. 1, 2. Пг., 1916–1917; и др.

заселять квартиры проезжающими беженцами. Вместе с тем имеем честь уведомить, что наш комитет легализован под названием «Временный Еврейский комитет по оказанию помощи жертвам войны в Орле»¹.

Примите уверение в совершенном к Вам почтении.

Уполномоченный Московского Евр[ейского] Общ[ества]

Лонштейн

ГАРФ. Ф. Р-9538. Оп. 1. Д. 23. Л. 5. Машинопись. Копия.

¹⁾ Заголовок редактора.

²⁾ Датируется по документу.

³⁾ Место указывается по документу.

Документ 3. Письмо Ливенского еврейского комитета в Московское еврейское общество помощи жертвам войны, 4 октября 1915 г., г. Ливны Орловской губернии^{1), 2), 3), 4)}

Московскому Еврейскому обществу помощи
жертвам войны

Милостивые Государи,

Подтверждая получение писем за №№ 346 и 397³⁾ имеем честь сообщить, что для нашего города для размещения в домах и торговых заведениях нужно десять кружек².

На запрос Ваш о положении расселенных в Ливнах беженцев, возраста и профессионального состава их, сообщаем, что из числа 79 беженцев имеется детей 41 человек, женщин 24 и мужчин 14.

Ремесленников имеется мало, всего 5–6 человек. Попытка наша устроить их по своим профессиям нам почти не удалась, так как они очень неохотно работают и требуют от работодателей неприемлемые условия, остальные мужчины — бывшие торговцы и никакой другой работы не знают. Есть два человека душевно больных. Что же касается женщин, то в большинстве они обременены малыми детьми и не могут их оставить [д]ля работы, а единичные одинокие женщины ремесел не знают, а поступить в прислуги или кухарки отказываются.

¹ Об истории создания и деятельности Орловского еврейского комитета см. подробнее: Отчет Орловского еврейского комитета помощи жертвам войны за время с 1-го октября 1915 г. по 1-ое октября 1916 г. Орел, 1917.

² Т.н. «кружечные сборы» являлись одним из самых распространенных видов сборов, использовавшийся многими благотворительными и общественными организациями помощи беженцам. Истоки таких сборов, по всей видимости, лежали в практике пожертвований в церквях и храмах денег прихожан в церковные кружки. Кружечный сбор был удобен тем, что позволял дарующему самостоятельно определяться с суммой пожертвования. С другой стороны, вскрытие кружки уполномоченным лицом после окончания сборов давало возможность избежать утечки средств, не прибегая к процедуре документирования, как это происходило, к примеру, при пожертвованиях по подписке. Тем самым, к кружечному сбору можно было привлекать самый широкий круг лиц, вплоть до детей.

Приложение 3

С совершенным почтением
Председатель.
Секретарь.

ГАРФ. Ф. Р-9538. Оп. 1. Д. 23. Л. 8. Машинопись. Копия.

¹⁾ Заголовок редактора.

²⁾ Датируется по документу.

³⁾ Место указывается по документу.

⁴⁾ На полях документа рукописная помета простым карандашом Орловск[ая] губ[ерния].

⁵⁾ В деле отсутствуют.

НИЖЕГОРОДСКАЯ ГУБЕРНИЯ

Документ 1. Письмо уполномоченного Московского еврейского общества помощи жертвам войны М.К. Роднянского, 26 августа 1915 г., г. Нижний Новгород^{1), 2), 3)}

Московскому Обществу помощи жертвам войны
МОСКВА⁴⁾

В Нижнем теперь уже 1000 человек беженцев. Размещены частью по квартирам (общежитиям), частью по лавкам. Все размещены на ярмарочной территории. Лавки не годны для зимы и пока еще не обсуждали этого вопроса. Что касается дальнейшего приема беженцев, то я думаю, что Нижний еще вместит, но квартир все же нет. Что касается прочих условий, то Нижний довольно хороший рынок для рабочих. Уже около 100 человек работают здесь на еврейских заводах, кот[орых] в Нижнем около 10. Что касается Нижегородской губ[ернии] то всего можно направлять беженцев в три города — Арзамас, Лукьянов, и Ардатов. В эти города можно направить — Арзамас — около 300 человек (там всего 30 еврейских семейств) там уже имеется 50 человек и около 450 они ожидают из Мелитополя (телеграмма об этом была получена на имя Город[ского] головы). Лукьянов — можно 100 чел. и Ардатов около 100 чел. В Лукьянове всего 2 еврейских семейства, а в Ардатове тоже около этого и там придется обслуживать пришлым силам. Что касается прочих городов Нижегородской губернии, кот[орых] около 7 еще, то они находятся на далеком расстоянии от ст[анций], по 150, 120 и 80 верст, кроме того имеют 4 семейства, то этого делать не следует, так как эти семьи очутятся хуже, чем в пустыне. Мелкое расселение пойдет после по инициативе самих беженцев, но эвакуировать туда Комитетами не следует. Что касается устройства на новых местах, то остро дают себя чувствовать следующие особенности: те места, откуда беженцы приехали имели более высокую промышленность чем эти города, куда они приехали, рабочая плата была там более высокая, между тем дороговизна жизни одинаковая. При таких условиях евреям рабочим приходится попадать в худшие условия. Кроме того, рабочие местные (это правило общее не только Н[ижнему] Новгороду, но всем русским городам), вышедшие из среды крестьянского на-

селения имеют дома немного земли, кот[орая] кое-что приносит рабочему. Из-за этого он уже получает невысокую плату и ему это кое-как хватает, принимая во внимание, что его жена живет в деревне и сам рабочий до простоты не требователен. Еврейские рабочие не имеют др. доходов, и они более культурны и более требовательны и поэтому их положение более тяжелое. Правда, местные евр[ейские] фабриканты были до изумления удивлены, когда обнаружилось, что еврейские рабочие (чернорабочие) развивают производительность в труде в 1 1/2 и 2 раза большую, чем местные рабочие, и они им пока охотно платят в 1 1/2 раза дороже. Так при поденной плате в 1 р[убль], они платят евреям 1 [руб.] 50 к[оп]. и считают это справедливым, даже местные рабочие, по словам фабрикантов, считают это справедливым. Здесь уже начало налаживаться бюро труда и комиссия по приисканию занятий, но пока еще регистрация не окончена. Необходимо иметь связь с Обществом ремесленного труда¹, так как Нижний может стать важным рынком труда. Я им обещал, что О[бщест]во ремесленного труда даст им деньги на платного секретаря для этого бюро и считаю необходимым, чтобы это скорее было сделано, т.к. отсутствие платного секретаря замедляет работу. Что касается школьного вопроса, то здесь его нетрудно будет решить, тут имеется довольно обставленная талмуд-тора², кроме того общегородские школы можно будет использовать. Более подробно об этом, когда закончится регистрация. Что касается медицинской помощи, то на этот вопрос с переездом во внутренние губ[ернии] нужно обратить должное внимание и учесть его. Дело в том, что медицинская помощь поставлена здесь Земством и городами более чем удовлетворительная. Например, в Нижнем обеспечен прием амбулаторный и лекарства в местных больницах (правда, нет специально амбулаторий для беженцев, но это же все равно, как больных их принимают). Мне кажется, что наша цель с первого дня должна была бы заключаться в том, чтобы приспособить беженцев (их психику) к пользованию общими больни-

¹ ОРТ — Общество ремесленного труда (полное первоначальное название — Общество ремесленного и земледельческого труда среди евреев в России) — филантропически-просветительская организация по распространению и поощрению среди евреев России квалифицированного профессионального и сельскохозяйственного труда; с 1921 г. — всемирная еврейская просветительская и благотворительная организация. Основано в 1880 г. в Санкт-Петербурге. До революции 1905 г. не смогло добиться полной легализации и действовало как Временный комитет, легальный статус получило в 1906 г. Общество помогало еврейским ремесленникам переселяться за пределы черты оседлости, давало ссуды на покупку оборудования для открытия мастерских, помогало еврейским сельскохозяйственным поселениям и профессиональным школам. В период Первой мировой войны ОРТ вместе с другими еврейскими организациями помогало еврейским беженцам, выселенным из пограничной полосы русской армией. Помощь состояла в организации курсов для взрослых и профессионального образования детей, беженцам также помогали найти работу. См. подробнее: ОРТ // Электронная еврейская энциклопедия. Режим доступа: <https://eleven.co.il/jews-of-russia/movements-parties/13095/>.

² Талмуд-тора — еврейское начальное религиозное учебное заведение.

цами. Правда, беженцы, м[ожет] б[ыть], и боятся нееврейских учреждений, но ведь не в их интересах развивать в них эту боязнь. Когда рядом с общими городскими амбулаториями мы открываем (хотя и карикатурные амбулатории) специально еврейскую, то беж[енцы] этому очень рады, охотнее идут сюда, но вместе с этим мы сами укореняем в них боязнь и недоверие к мест[ным] больницам. Правда, беженцы не знают местных порядков, но наша роль информировать их.

Все эти суждения я веду по поводу решения открыть амбулаторию еврейскую для местных беженцев. Как Вам известно из прежнего моего письма, Медицинская Комиссия решила открыть здесь амбулаторию. Конечно, не мне, защитнику Охранения Здоровья Евр[ейского] населения, высказываться против амбулатории, но принимая во внимание более широкую постановку вопроса, не мешало бы обсудить это. Интересно то, что местные старые врачи высказываются против амбулатории, утверждая, что это совершенно излишне из-за присутствия достаточного количества городских и ярморочных амбулаторий. Но на собрании было много неместных врачей (временно живущих здесь военных — молодых, кот[орые] местных условий не знают) и при их большинстве это решилось.

Об устройстве очага¹ Вам писала г-жа Черкасская.

Что касается средств, то дело обстоит следующим образом. Нижегородцы имеют свои 3500–4000 р[уб]. — обложение этого довольно полное, но даже если и имеются некоторые, кот[отрые] не совсем обложены, то пока Нижегородцы так заняты теперь беженцами, что им некогда заниматься другими, даже и финансовыми вопросами. Нужно отдать им справедливость, что они работают искренно и проявляют много инициативы и деятельности. На питание, квартиры у них уходит теперь около 2–30 р[уб]. в день и если будет больше беженцев, то расходы увеличатся. Других источников у них пока нет, только 1000 р[уб]. им дает Татьянинский К[омите]т. Но это очень мало, и они уже денег не имеют. Поэтому считаю нужным перевести в Нижний три тысячи рублей. Возможно, что скоро наладится дело общественных организаций, но пока может не быть денег в кассе. Кроме того, нужны будут деньги в Арзамас (но этого я еще не знаю). Что касается взаимоотношений с другими организациями, то дело обстоит так. В Нижнем работает пока Тат[ьянинский] Ком[итет] и беженцев здесь, кроме евреев, 12000 человек. Тех обслуживает Татьянинский Ком[итет] сам. Когда прибыли евреи, то Вице-Губернатор, он не председатель Тат[ьянинского] Ком[итета] (мест[ного]), он же теперь замещает Губернатора, кот[орый] заболел, призвал евреев и просил их организовать Комитет, чтобы помочь работать, так как по бытовым условиям они не знают не языка, ни обычаев. При этом подразумевалось, что средства даст Тат[ьянинский] Ком[итет]. В таком тоне ведутся разговоры и теперь, но

¹ Очаг (уст.) — наименование воспитательного учреждения для детей дошкольного возраста; детский очаг, детский сад, ясли.

пока что дали им 1000 р[уб]. Но я думаю, что скоро этот вопрос уладится. Когда я был у Губернатора (Вице), то он задал мне вопрос, откуда получают средства еврейские Комитеты. Я ему сказал, что Московский Комитет существует на пожертвования своих членов и деньги эти имеют специальное назначение — специально еврейские нужды. Он согласился с тем, что общие нужды — квартиры и питание должны быть за счет Государства, но как это выразится и когда это будет, он еще не знает. Я думаю, что вопрос о том, чтобы расходы общие производились за общий счет, является теперь самым важным, главным вопросом и его нужно стараться проводить, но не всегда его удастся легко проводить. Во всяком случае пока только благожелательные разговоры, а к чему они приведут покажет будущее.

ТЕПЕРЬ ПРОШУ СЛЕДУЮЩЕЕ:

- 1) Перевести в Нижний, или мне, или Комитету (хотя было бы лучше мне) ТРИ ТЫСЯЧИ РУБЛЕЙ.
- 2) Высказать свое принципиальное решение по поводу медицинской помощи, чтобы уполномоч[енный] О[бщест]ва Охр[аны] Здоровья¹ не принужден был как бы в порицание самого себя высказываться против амбулатории.
- 3) Пусть О[бщест]во Ремесленного Труда ассигнует и вышлет деньги на платного секретаря и бюро труда около 120 р[уб]. в месяц

¹ ОЗЕ — Общество здравоохранения евреев — организация, ставившая целью заботу о детях, здравоохранении и гигиене еврейского населения. Общество возникло по инициативе группы еврейских общественных деятелей в августе 1912 г. в Санкт-Петербурге как Общество охранения здоровья еврейского населения. Устав определял, что Общество здравоохранения евреев «имеет целью изучать санитарно-гигиенические условия среди евреев, распространять среди них правильные гигиенические сведения, способствовать научной постановке общественно-врачебного дела и вообще содействовать охранению здоровья еврейского населения». В годы Первой мировой войны ОЗЕ по сути превратилось в медико-санитарный отдел Еврейского комитета помощи жертвам войны и получало от него денежные средства (треть расходов Общества здравоохранения евреев покрывало правительство). Общество здравоохранения евреев формировались врачебно-питательные летучие отряды (из врачей, медицинских сестер и диетологов), которые организовывали поликлиники, передвижные больницы, дезинфекционные бани, кухни-столовые (большой частью для детей), а также пункты посемейного распределения продуктов, что позволило спасти от голода и эпидемий тысячи еврейских беженцев. В это же время Общество здравоохранения евреев создавало дома инвалидов войны, общежития для беженцев, а главное — расширяло сеть детских лагерей, открывало детские сады, ясли и так называемые детские площадки и т. п., где работа с детьми велась на родных для них языках. К августу 1917 г. в стране действовало 45 филиалов Общества в 102 городах (в 35 губерниях); в их ведении находились 90 амбулаторий, обслуживавших около 230 тыс. больных, 19 больниц (507 коек), четыре детские туберкулезные клиники, 19 пунктов питания и девять столовых для детей, 125 детских садов и яслей (12 тыс. детей), два санатория для больных туберкулезом (в Алуште — для взрослых, в Евпатории — для детей), 24 летних лагеря и 40 детских площадок для 15 тыс. детей и т.д. См. подробнее: ОЗЕ // Электронная еврейская энциклопедия. Режим доступа: <https://eleven.co.il/jews-of-russia/movements-parties/13052/>.

4) Пусть скорее приедет фребеличка¹ для очага.

В заключении хочу сказать, что пока за беженцами в Нижнем уход хороший. Квартиры (лавки) сравнительно сносные, питание, кухни и столовые (пайка пока нет), намечается к открытию платная столовая, чайная, прачечная.

Теперь, что касается эвакуации и емкости, то я просил бы Комитет не увлекаться этим и не стараться побольше людей направлять. Дело в том, что, когда вывозят, тогда думают. Ради Бога куда бы то ни было выехать, но этого нельзя делать. Летом возили в Полтаву, Екатер[инослава], Чернигов и радовались, если города соглашались принимать, теперь рады, что Тула принимала до 7000 чел. Между тем, теперь людей везут из Чернигова в Нижний и из др[угих] городов. Скоро Пенза начнет вывозить и т.п. В виду этого лучше комитетам направлений не давать, пусть сама администрация направляет, тогда лучше будет, по крайней мере со средствами, или, если уже Комитеты направляют, то пусть не спрашивают у мест[ных] комитетов, так как мест[ные] комитеты, после вопроса о емкости, начинают кричать, что Москва им присылает людей. До того, как Москва не спрашивала у Нижнего, может ли он принять 1000 чел. Нижний был в высшей степени благожелательно настроен, но как Москва спросила о емкости, то сейчас же они заговорили, что Москва им присылает людей.

Что касается того, чтобы дать Вам емкость Нижегород[ской] губ[ернии], то она для Нижнего 1000, а для губ[ернии] 500-700 чел., но ведь пока Вы получите это письмо, это количество будет переполнено такими поездками, которых Вы не знаете. Поэтому, по моему мнению, желаем упорядочить эвакуацию и давать места, из-за того, что не Вы одни даете направления Вы не только не внесете прядка, но еще более запутаете дело. Впрочем, Вам виднее.

С совершенным почтением, Родянский.

Адрес: Славянские Номера, Нижний Новгород.

ГАРФ. Ф. Р-9538. Оп. 1. Д. 24. Л. 2–6. Машинопись. Копия.

¹⁾ Заголовок редактора.

²⁾ Датируется по документу.

³⁾ Место указывается по документу.

⁴⁾ Здесь и далее текст выделен в документе.

Документ 2. Письмо уполномоченного Московского еврейского общества помощи жертвам войны М.К. Роднянского, не ранее 1 сентября 1915 г., г. Нижний Новгород^{1), 2), 3), 4)}

Обществу помощи жертвам войны
Обществу охранения здоровья

С Нижним случилось то, что обыкновенно бывало с каждым городом. Как только появлялись беженцы, то начинали кричать, что нельзя больше

¹ Фребеличка (дореволюц.) – воспитательница детей дошкольного возраста по методу немецкого педагога Фребеля.

принимать, но беженцы продолжали прибывать. Число прибывших в Нижний около 3500 человек, которые пока размещены следующим образом:

Нижний — 1200–1400 чел.

Арзамас — 700 чел.

Починки — 125 чел.

На вокзале пока 1500 человек, которых предполагалось отправить: Павлово, большое село, около 200, Горбатово — около 150, Богородское — около 200 и пока неизвестно куда еще около 1000 человек, прибывают вести, что еще идут. Между тем положение очень печальное, и в смысле квартир буквально нет выгоды⁵⁾ — люди живут в холодных неотапливаемых квартирах, т.е. в лавках и нет возможности иметь квартиры. Возможно, что город все-таки не хочет иметь большого количества беженцев у себя и поэтому эвакуирует⁶⁾ в уезд вместо того, чтобы искать средства для кварти[р]. Когда прибыла первая партия из Черниговской губ[ернии], то они имели проходные свидетельства, и Губернатор хотел их отправить в захолустье города без права свободного передвижения, т.е. сделать их административно высланными. Пришлось много хлопотать и нажимать всякие кнопки, чтобы отменить это распоряжение, и к счастью это удалось. Правда, возможно, из-за этого я попаду в немилость к Губернатору, но зато успех достигнут и в Нижнем все будут называться беженцами. Вообще здесь странная администрация и держится выжидательно, не зная, как быть с евреями. Циркуляр о черте¹ еще не переваривается и это непереваривание создает много шероховатостей.

Средств у местного комитета нет, тем более у комитетов маленьких городков. Тем более, что есть места, где совсем нет евреев. Необходимы и деньги и заремь, люди для работы.

Теперь идет приготовление к проведению нового закона о беженцах², но дело налаживается с трудом. Прошу позаботиться заблаговременно о том, чтобы текст закона получил распространение. Пришлите экземпляры закона, пока проекта, всем комитетам и несколько десятков людей.

К крайнему сожалению приходится констатировать, что евреи далеко не готовы к тому, чтобы уметь извлечь выгоду из этого закона, то что им следует, и об этом необходимо было бы позаботиться. Здесь, в Нижнем, я уже побывал у всех деятелей земства, и они еще не знают, во что это выльется.

¹ Имеется в виду циркуляр управляющего Министерством внутренних дел Н. Щерба-това от 19 августа 1915 г., который в силу чрезвычайных обстоятельств военного времени разрешил проживание евреев в городских поселениях вне черты оседлости, за исключением столиц и местностей, находящихся в ведении министров императорского двора и военного (то есть, дворцовых пригородов Санкт-Петербурга и всей прифронтовой полосы). Запрет на проживание евреев сохранялся в Москве, Петрограде, областях Донского, Кубанского и Терского казачьих войск, в сельской местности и на курортах, где отдыхала царская семья.

² Имеется в виду «Закон об обеспечении нужд беженцев» от 30 августа 1915 г., определивший основное содержание, формы и направления политики «государственного попечения» о беженцах.

Приложение 3

Что касается внутреннего устройства беженцев, то пока все внимание отвлекается поездами, которые пребывают беспрестанно. Покорнейше прошу поспешить выслать отряды, но главное внимание должно быть обращено на то, чтобы были толковые люди. Не столь важны специалисты, например, медицинский персонал, только люди питатели⁷⁾ и умеющие разбираться в суматохе создававшихся теперь отношений, тем более есть много мест, где нет совсем евреев. Деньги вероятно высланы, но думаю, что будет мало.

Спешу закончить с совершенным почтением,
Роднянский

ГАРФ. Ф. Р-9538. Оп. 1. Д. 24. Л. 7–8. Машинопись. Копия.

¹⁾ Заголовок редактора.

²⁾ Датируется по документу.

³⁾ Место указывается по документу.

⁴⁾ Датируется по рукописной помете на полях документа Получен. 1/9-1915 г.

⁵⁾ Так в документе.

⁶⁾ Испр. по смыслу, в документе эвакуацией.

⁷⁾ Так в документе.

Документ 3. Письмо уполномоченного Московского еврейского общества помощи жертвам войны М.К. Роднянского, 11 сентября 1915 г., г. Нижний Новгород^{1), 2), 3)}

ЕВОПО, Мозен¹

Последнее время положение в Нижнем стало настолько неопределенным, что нельзя никак поставить дело на правильную регулярную дорогу. Главное зло заключается именно в том, что не знаешь, что ожидать в будущем, т.е. завтра. Уже мобилизованы все общественные и государственные силы, и все же положение беженцев ухудшается. Ухудшается положение тех, которые еще все едут, и попутно, конечно, тех, кто уже приехал. Эти дни стояла такая суматоха в Нижнем, что нельзя было найти свободной минуты, чтобы написать не только письмо, но и телеграмму. Дело в том, что в течение 4–5 дней прибыло сюда около 2000 человек евреев, и главное — не однородная масса, которая подходит под одну категорию или один порядок и потому с ними легче оперировать, а столь различные элементы (Галиции евреи выселенцы, заложники, выселенцы Ковенской губ[ернии] и Полтавской, и наконец, простые беженцы), которые имеют каждый свои особые нужды, иногда совершенно противоположные.

Что касается правового положения всех этих групп, то Галицийских выселенцев местные власти, вероятно, по распоряжению свыше, отправили в Пензу (Из Пензы 3 недели тому назад таких выселенцев из Галиции отправили обратно в Галицию и потому эти новые гости явятся для Пензы полной

¹ Московское отделение Общества охранения здоровья еврейского населения.

неожиданностью). Что их ожидает там — пока неизвестно, возможно, что их отправят обратно, и возможно, что оставят там. Что касается заложников, то они все еще пока в Нижнем, где положение не выяснено, ждут распоряжения свыше. Относительно «наших евреев», то в этом отношении — можно даже сказать удалось достигнуть самого лучшего, т.е. все они подводятся под одну категорию беженцев. С приездом на ст[анцию] Нижний Новгород стража, сопровождающая выселенцев (все теперь из Черниговской губ[ернии]) получает отпуск, получают расписку в сдаче стольких-то евреев и уезжают обратно, а эти евреи становятся свободными людьми. Однако из этой свободы не вытекает еще возможность избрать себе свободно то место, где желательно было бы поместиться. Дело в том, что, по предварительному сообщению сверху, Нижегородской губ[ернии] предписано было принять в первую очередь до 100.000 беженцев. Помещений в городе нет не только для такого количества, но и для 20.000, то приходится эвакуировать в губернию и уезды. Нижегородская губ[ерния] имеет всего одну железнодорожную линию до Арзамаса и водяное сообщение по Волге и Оке. Волга и Ока скоро замерзнут, и кроме того, дороги портятся и непроезжими⁴⁾, а между тем приходится ехать лошадьми 40-150 верст от станции или пристани, то поэтому Губернский комитет решил интенсивно эвакуировать в уезды не только тех, кто пребывает теперь, но даже и тех, кто раньше осел. В виду этого по прибытии поезда с беженцами, он уже предназначен для дальнейшей эвакуации. Однако уезды хотя расписали между собой все количество (100), все же кричат, что они еще не готовы и просят направлять к ним беженцев регулярно. Между тем, в Нижний беженцы прибывают нерегулярно, таким образом создается положение затора или пробки, прибывает много, их нужно отправить, но отправить нельзя, их не могут принять пока. В виду этого здесь в Губернском комитете и решили направлять, т.е. в уезды, считаясь хотя с готовностью уезда к приему, но не исходя из его готовности принять данную партию беженцев, а вообще из общего числа предназначенного ему количества.

Такая эвакуация создает возможность приезда беженцев на место, но и там еще нельзя их будет принять и поэтому им придется ожидать на улице или на пристани под открытым небом при теперешнем холоде. Таким образом уже начали отправлять в уезды. Что касается места назначения, то создавалось довольно щекотливое положение. С одной стороны, здесь теперь все равны и поэтому выделять евреев в особую группу по месту расселения неудобно, но все нам было бы желательно если б их группами и только в крупных центрах и городах. Губернский комитет при расселении решил использовать не только города, но и все села, чтобы размещать по крестьянским избам. В данном вопросе полное равенство принесло бы помощи вред, но тут нам на помощь приходит запрещение селить евреев в селах и деревнях. Хотя власти местные и разрешили бы подобное, но это разрешение было бы дано только для того, чтобы иметь повод к выселениям. Поэтому приходится

Приложение 3

отстаивать закон и требовать, чтобы евреев селили только в городах и крупных селениях. Таким образом было расселено в уездах кроме Нижнего:

1) Арзамасе	—	около	600 человек	(уездный город)
2) Починках	—	"-	120 "	(зашт[атный] город)
3) Лукьянове	—	"-	150 "	(уездный город, сведения скудные о количестве этого города)
4) Василь-Сурске	—	"-	200 "	(уездный город)
5) Лысково	—	"-	150 "	(село большое Ма- кар[ьевского] уезда)
6) Балахне	—	"-	100 "	(уездный город)
7) Горбатове	—	"-	180 "	(уездный город)
8) Павлове	—	"-	300 "	(большое село Горб[атовского] уезда)
9) Богородске	—	"-	250 "	(село большое Горб[атовского] уезда)
10) Серегач	—	"-	200 "	(уездный город город)

Вообще в Нижнем беженцев уже более 20.000 человек, кроме губ[ернии] и уездов, но евреев из них 3200, что превышает уже норму, о которой некоторые мечтали здесь.

Все эти города и места, которые получили евреев по распределению из Нижнего. Не имею сведений о местах, куда евреи могли попасть из других мест (хотя таких мест кажется нет или очень мало). В самом Нижнем теперь около 3200 человек. В смысле расселения так даже получилось некоторая натянутость отношений между мной и местным комитетом (не всем, а некоторыми членами, с Надельманом, председателем), они хотели всего взять 400–500 человек, не больше. Но теперь у них уже в 7 раз больше и это количество приходилось прямо насильно втискивать в них. Что касается поселения в уездах, то хотя я нигде там не был (собираюсь поехать, как кончится эвакуационная горячка, если только она кончится), но получаю письма и телеграммы от посланных туда проводников и других местных лиц, то отношение населения не оставляет желать ничего лучшего. Имею сведения, что во многих местах уже начали выдавать казенный паек. Но отовсюду начинают поступать сведения об устройстве. Полагаю, что этим придется усиленно заняться, так как если этого не делать, то добрые отношения могут испортиться.

К сожалению, ни время, ни место не позволяют подробно описывать положение, но скажу, что самый больной вопрос — это квартиры. В Нижнем решили отеплять ярмарочные помещения. Потребуется на это 250.000 руб. Деньги уже есть, но нет рабочих и материалов, и из-за этого работы могут тянуться целую зиму. Это создает ужасное положение, люди живут,

буквально замораживаясь (если бы с подобными явлениями не было бы грешно шутить, то можно было сказать, что теперь в широком размере происходят опыты (они не производятся, а сами происходят) покойного профессора Бехметьева. Бехметьеву для его опытов по аблиозу не позволили дать даже осужденных на смертную казнь, а теперь такие опыты проделываются природой и людьми над сотнями тысяч людей).

Большой недостаток в теплом платье и обуви. Если не будет притока со стороны, то придется здесь покупать валенки или другое. В смысле платья и другого местный комитет работает слабовато, правда, он завален работой, но все же неорганизованность не позволяет ему заниматься этим. Хотя, правда, нужд столько теперь, что не знаешь, за что взяться раньше. Из-за тяжелого состояния квартирного вопроса решено детский очаг, который открывается в синагоге, приспособить к тому, чтобы дети там ночевали, так как уходить ночевать в холодные лавки довольно опасно.

Относительно трудовой помощи, то многие уже работают в Нижнем без участия организаций, но для того, чтобы поставить эту помощь на правильную ногу, я говорил с Салазкиным, председателем] Яр.⁵⁾ Ком[итета], он обещал широкое содействие. Через два дня мы должны сговориться более подробно. Что будет тогда, сообщу. Из полученных мной 6000 руб.: Павлово — 200, Арзамасу — 1000, Починкам — 200, Балахне — 100, Сурег — 100 руб., Сергачу — 200 руб., Лесково — 100 руб., Очагу — 100, Галиц — 150 и так всего у меня осталось еще 300 руб. Относительно права жительства пока хорошо. Разрешают везде жить, и беженцы как единицы пользуются свободой передвижения и т.д. тоже и другие.

Просил бы сообщить более подробно, об общем положении, чтобы, информируясь знать лучше общие условия.

С совершенным почтением. Роднянский.

Вчера приехал Шварцман сюда, и полагаю, что его приезд очень кстати, так как буквально нет людей, чтобы можно было хорошо работать.

Роднянский.

ГАРФ. Ф. Р-9538. Оп. 1. Д. 24. Л. 12–15. Машинопись. Копия.

¹⁾ Заголовок редактора.

²⁾ Датируется по документу.

³⁾ Место указывается по документу.

⁴⁾ Так в документе.

⁵⁾ Так в документе.

Документ 4. Письмо уполномоченного Московского еврейского общества помощи жертвам войны М.К. Роднянского, 24 сентября 1915 г., г. Нижний Новгород^{1), 2), 3)}

О[бщест]ву помощи жертвам войны

Положение дел в Нижнем таковое. Кроме тех 3900 человек, которые осели пока в Нижнем и которые находятся на попечении Нижегородского еврейского комитета (Нижегородский еврейский комитет получил [д]ля этих беженцев от Татьянинского комитета 400 руб. и от земства 6000 руб.), Нижний продолжает быть крупным эвакуационным центром, откуда беженцев развозят по всей губернии. Развозка эта одна из труднейших задач эвакуации. Развозят не в вагонах, где, как например в Москве, приходится только дать назначение, беженцы находятся в вагонах и пересадке не подлежат. Тут же приходится развозить пароходом в различные пункты. Развозят их мелкими партиями. Затем с парохода лошадьми в те конечные пункты, куда они уже предназначаются. Таким образом пришлось эвакуировать в уезд:

1) Арзамасу — 600 человек	Перенос 1775 человек
2) Починки — 375	6) Балахна — 107
3) Сергач — 275	7) Горбатово — 350
4) Василь-Сурск — 200	8) Павлово, село — 500
5) Лысков (село) — 325	9) Богородск, с. — 375
----- 1775 чел.	10) Ворсм (село) — 170
	----- Всего 3277 человек

Эвакуация происходит при самых тяжелых условиях, много больных, которых некуда поместить, много инвалидов, которых нельзя совсем вести пароходом и лошадьми, но все же приходится везти, т.к. негде их оставлять. Больницы переполнены и квартир и свободных помещений нет. При эвакуации в уезд, каждая партия снабжается проводником или даже двумя, т.к. нельзя отправлять без проводников людей, которые попадают впервые в место, где нет ни одного еврея, где не понимают друг друга, т.к. многие из беженцев не знают русского языка, не говорят и не понимают по-русски. Кроме того, чтобы провожать эти проводники нужны для того, чтобы связать беженцев с местными учреждениями, ведающими делом помощи, т.к. без этого они могут долгое время пребывать в пункте, будут нуждаться в помощи и ее не окажут. Для проводников и обслуживания на местах необходимы люди, которых нет в Нижнем, так как весь Нижний поглощен обслуживанием своих (3900 человек),⁴⁾ произошло фактическое разделение труда. Они обслуживают внутри города, а на мою долю достались уезды и эвакуация, поэтому приходится нанимать людей и в настоящее время имеются здесь 13 человек, работающих за плату, из них 4 человека присланы О[бщест]вом охранения¹, а 9 человек намербованных здесь из среды проводников беженцев.

¹ Имеется в виду Общество охранения здоровья еврейского населения.

Каждая эвакуация стоит денег (подробный отчет пришлю на первое октября с[его] г[ода]), и кроме проводников плату⁵⁾ необходимо снабжать их суммами для обслуживания беженцев. Конечно, те суммы, которыми наделяются проводники недостаточны, и поэтому очень часто приходится беженцам голодать. Дело в том, что отправка по пароходам и гужом на расстояние 100–130 верст производится в места, где по дороге нет питательных пунктов, да их и не может быть, т.к. отправляется туда партия в первый раз, иногда всего единственный раз, т.к. больше отправок не будет, и поэтому не может быть организации. Если же дают знать земству, то у них еще также не налажено, что хлеб успевает ровно на 30 часов позже. Эти крайне тяжелые условия эвакуации требуют особенного обслуживания на местах. Во многих местах встречают евреев не совсем дружелюбно и поэтому, когда бываешь на местах, то все это улаживается лучше. Были места, которые не хотели принимать, но после хлопот и переговоров удается уладить дело. Кроме того, иногда сами евреи не знают, как себя вести, и поэтому необходимо указывать им, чтобы они держали себя соответствующим образом среди местного населения. Бывали случаи (Горбатово), когда беженцы отправляются просто просить милостыню и это вызывает озлобление. Чтобы всего этого не было, необходимо постоянно их обслуживать на местах. До сих пор речь шла об обслуживании только при эвакуации, но теперь они оседают и необходимо обслуживать в другом отношении. (Хотя эвакуация еще не закончилась и, следовательно, помощь разделяется уже на две части — на помощь по эвакуации и на помощь осевшим). Осевшие, хотя и не везде, но уже получают паек от земства, в Починках живут 375 чел., а пайка еще не получают, но кроме пайки необходимо некоторое обзаведение (нет ни кроватей, ни сенников, ни посуды, ни столов, ни стульев) и поэтому нужно все места подробно обследовать. До сих пор я был занят в Нижем кроме эвакуации еще чуть ли не каждодневным участием в Губернском собрании, где вырабатывались нормы для губ[ернии]. До тех пор, пока не было общих норм, нечего было ехать в губернию, т.к. без этих норм ничего там нельзя будет сделать. Теперь я собираюсь в понедельник или во вторник уехать. Только прошу немедленно перевести мне по телеграфу 3000 руб. — из полученных мною 6000 руб. (отчет на эти деньги перешлю на 1-е) израсходовано на эвакуации, на предварительную выдачу пайков пока налаживаются земские комитеты 3000 руб., 2600 ушли на Галицийских евреев (на содержание здесь столовой для них, на плату за квартиры, на билеты до Пензы. Кроме того, проходили поезда мимо Н[ижнего] Новгорода транзитом, один прошел на Пермь и пришлось снабдить его проводниками и деньгами до Перми⁶⁾, местный комитет не участвует в помощи Галицийским), 400 руб. я отдал Обществу Охранения здоровья на открытие очага и теперь сижу без денег, не только не имею чем обслуживать беженцам, но и не имею чем платить за свою квартиру и обеды.

Приложение 3

Вчера был здесь г. Скутельский и, хотя у него были деньги, но он ссылался на отсутствие разрешения, и несмотря на мои усиленные просьбы, мне денег ни копейки не дал. Это меня очень удивляет. Я прошу Вас контролировать деятельности какими угодно средствами, но когда экстренно прошу денег, настоятельно прошу в этом не отказывать, так как работа не ждет и когда нет ни копейки даже на то, чтобы послать проводника, то меня удивляет, каким образом тогда отказывают в деньгах. Что касается более подробных отчетов, то прошу обратить внимание на то, что я с 5 часов утра до 3 часов ночи неустанно занят и не имею свободной минуты не только на то, чтобы писать письма, но и телеграммы некогда написать. Придется этим днями нанять квартиру и пригласить платного секретаря для ведения многочисленных и довольно сложных дел обслуживания уездов.

В ожидании денег остаюсь с совершенным к вам почтением,
Роднянский

ГАРФ. Ф. Р-9538. Оп. 1. Д. 24. Л. 17–19. Машинопись. Копия.

¹⁾ Заголовок редактора.

²⁾ Датируется по документу.

³⁾ Место указывается по документу.

⁴⁾ Подчеркнуто от руки красным карандашом.

⁵⁾ Так в документе.

⁶⁾ Испр. по смыслу, в документе Перьма.

Документ 5. Письмо уполномоченного Московского еврейского общества помощи жертвам войны М.К. Роднянского, 28 сентября 1915 г., г. Нижний Новгород^{1), 2), 3)}

От Мозен в ЕВОПО

За эти последние несколько дней обстоятельства изменились и количество беж[енцев] увеличилось еще на 1400 чел., из них осталось в Нижнем 700 чел., а 700 были отправлены в уезды. Таким образом теперь находится в Нижнем 3900 чел., Павлове — 526, Арзамас — 590 (600), Починках — 375, Богородске — 350, В[асиль]-Сурске — 200, Лыскове — 325, Балахна — 107, Горбатове — 200, Вормсе — 275, Серегаче — 275. Что касается Горбатова, то там было бы больше, но несколько⁴⁾ без представителя (там совсем евреев нет), то мест[ные] деятели взяли и эвакуировали часть в Вормсу. Они бы всех эвакуировали, но не успели. Все это делалось чинно, благородно, и ни к чему нельзя было придаться, но все-таки причина в том, что не особенно охотно хотят иметь евреев.

В связи с происходящей эвакуацией члены наших отрядов находятся сегодня в следующих местах: Черкасская — Н[ижний] Новгород, Раскина — Починки, Новогрудский — Вормса, Чайка — Серегач; кроме того, в число сотрудников приглашены за суточное вознаграждение М. Рабинович (была в Лыскове, теперь уехала), Лыб (был в Лыскове, теперь уехал туда второй

партией), Мац — был в Горбатове, теперь в Богородске, Иткин вместе с Ногорудским находится в Вормсе.

Я теперь еду в Павлово. Там теперь находится г. Шварцман, кот[орый] уже Вам сообщил о положении по отношению к очагу. Что касается медицинской помощи, то к крайнему сожалению приходится констатировать, что земства не столь эластичны в своей организации, чтобы удовлетворить в достаточной мере настоящую склонность к лечению. Может быть с этим вопросом придется подождать, пока я буду в Горбатовском земстве, от кот[орого] зависит медицинская помощь. Хотя врач и больница в Павлове имеются, но он обременен работой.

Вообще должен В[ам] сказать, что ни одно учреждение не приспособлено для обслуживания беженцев, даже при полном желании Государственного механизма помогать беженцам, оно бессильно, а между тем, не всегда это желание имеется. О[бщест]ва смотрят на беженцев как на несчастье, свалившееся на них и в Думе прокинают беженцев. Они, м[ожет] б[ыть], и правы, но от этого всего работа по обслуживанию беж[енцев] происходит в такой тяжелой обстановке и условиях, о кот[орых] Вы и не подозреваете. А что будет дальше... Можно ответить одним восклицанием — будет ужас... Зима, люди голые, дров мало, хлеба нет, нет привозу, все дорого, а больших заработков у беженцев не предвидится, благотворительность, даже государственная, очень мала.

ГАРФ. Ф. Р-9538. Оп. 1. Д. 24. Л. 20–20 об. Машинопись. Копия.

¹⁾ Заголовок редактора.

²⁾ Датируется по документу.

³⁾ Место указывается по документу.

⁴⁾ Так в документе.

Документ № 6. Из письма уполномоченного Московского еврейского общества помощи жертвам войны М.К. Роднянского, 6 октября 1915 г., г. Васильсурск Нижегородской губернии^{1), 2), 3)}

ЕВОВО

В Василь-сурске имеется всего 212 человек, 56 семейств.

[...] Остановливаясь довольно подробно на физиономии осевших здесь беженцев, имеем следующее.

[...] Имеется 2 вдовы, 6 человек без видов на будущее. У одной сын в Америке, другая живет с братом. Из 6 сапожников, часть сумеет работать, но ни у кого из них нет инструментов. Сапожники могли бы иметь работу, но дело в следующем: земство выдает здесь работу на армию, но выдает товар, который нужно приспособить, нужно быть посадчиком (сапожники называют это по-еврейски «Валкерь»), местные сапожники это делают, у евреев же к этому нет инструментов.⁴⁾ Чтобы поступить работать в мастерскую, то здесь их очень мало (1–2 с 3 учениками), и кроме того, везде имеется стремление

Приложение 3

эксплуатировать беженцев. Там, где обыкновенно платят 1 руб., беженцу дают 30–40 коп. Поэтому у сапожников желание и стремление самим работать, и как они найдут инструмент, то, вероятно, у них будет частная работа (ссуды или субсидии под инструмент будет давать Абрамович из оставленных ему 150 руб.). Из остальных ремесленников имеют шансы устроиться в собственной мастерской портной или два; у них пока ни у кого нет машин, а Зингер кроме того, что имеет теперь мало машин, на выплатку не дает, тем более беженцам. Имеет некоторые шансы устроиться пекарка и для пробы и опытов г. Абрамович выдает ей маленькую ссуду на покупку муки. Из остальных ремесленников пока преждевременно говорить о том, кто из них сумеет устроиться, только беда в том, что большинство из них инвалиды или близки к этому. Из молодых ремесленников, особенно девиц, то массовой работы здесь нет, единственно, что они могли бы сделать, поступить в мастерскую, то здесь платят девицам на всем готовом 1–2 [руб.] в месяц, редко 3, но на всем готовом эти поступать не могут, а плата слишком ничтожна. Остается им брать работу частную, но пока ни у кого нет машин, и кроме того, все они работали в мастерских и сами еще работать не могут. Все эти девицы и молодые парни ремесленники — кандидаты на отъезд отсюда, но только весною. Зимой, когда нет воды, они прикованы к своему месту. Также не могут себе найти занятия приказчики-приказчицы.

Теперь о торговцах. Все имеющиеся здесь торговцы — это мелкие торговцы и преимущественно торговавшие в деревнях, где они скупали сырые продукты. Чтобы здесь то же самое сделать, нужно иметь возможность ездить по деревням, и главное, знать язык, пока ни того, ни другого нет. Один из торговцев торговал дома старым платьем, здесь также делает опыты. Хотя он жалуется, что здесь трудно, однако признался, что пробовал он же кое-что здесь зарабатывать от этого. Он также жаловался на то, что главные базары здесь в крупных селах, а ехать туда пока боится. Он просил меня, нельзя ли хлопотать о разрешении. Я ему советовал пока воздерживаться от поездки в села, но после пробовать опыты проделывать, не оставаясь там ночевать. Вообще все торговцы жалуются на отсутствие средств, а без этого нельзя ничего делать. Между тем, здесь для торговли нужны средства. Путей сообщения зимою нет, поэтому нужно или делать большие запасы, или наладить доставку гужом. Этого пока не успеешь, тем более что языка не знают. В общем я вынес такое впечатление, что для того, чтобы привыкать людям к этому месту, нужны начинания, иногда очень небольшими средствами. Эти средства, если не найдутся у беженцев, то придется им давать некоторый кредит деньгами. Это вопрос ближайшего будущего. Пусть только еще немного (1–1,5 месяца) люди знакомиться с местом. Местами это продолжится до весны. Пока они получают паек. Многим в это не верится, боясь его потерять, когда приходишь к ним (я у всех был на дому), то к действительной нужде, которая фактически имеется, они стараются еще прибавить, боясь, что вот я их лишу пайка. Такие голоса иногда раздаются, но об этом в другой раз. Это вопрос ближайшего будущего. Теперь я еду в Лесково.

С совершенным почтением, Роднянский.

Квартирная емкость Василя не вся использована. Но все-таки в такую глушь теперь отправлять беженцев нельзя.

Здесь уже устроена синагога (примитивная) и Тору¹ взяли в Нижнем и имеется уже «тайнес» друг к другу о месте нахождения Торы.

ГАРФ. Ф. Р-9538. Оп. 1. Д. 24. Л. 25–31. Машинопись. Копия.

¹⁾ Заголовок редактора.

²⁾ Датируется по документу.

³⁾ Место указывается по документу.

⁴⁾ Испр. по смыслу, в документе инструментам.

ТАМБОВСКАЯ ГУБЕРНИЯ

Документ 1. Письмо представителя местной еврейской общины Д.Б. Кичеля в Еврейское общество помощи жертвам войны, 16 августа 1915 г., г. Усмань Тамбовской губернии^{1), 2), 3), 4)}

В ответ на В[аше] почт[овое] письмо от 11 с[его] м[есяца], честь имею уведомить, что вопрос об устройстве евреев-беженцев в гор. Усмани обстоит так.

После неоднократных отказов города в подыскании помещений и размещении имеющих прибыть беженцев, получается частое сведение, что таковые уже прибыли и в ожидании разгрузки находятся на вокзале. Дабы проверить правильность сего известия, я отправился на станцию, где я действительно застал 22 вагона беженцев, исключительно евреев, уроженцев Ковенск[ой] губ[ернии]. Вместе с сопровождающим их уполномоченным отправляюсь обратно в город просить администрацию о приеме и размещении по квартирам. К сожалению, встретил снова отказ, так как у города не было никаких сведений, откуда они прибыли и кем присланы, а до получения официального распоряжения они принять их отказались. Чтобы выяснить окончательно положение телеграфировал срочно Тамбовскому губернатору и еврейскому комитету в Тамбов, а к вечеру получил телеграфное распоряжение губернатора на имя городского головы беженцев немедленно принять и разместить. На другой день были приняты надлежащие к этому меры и в настоящее время все уже размещены по квартирам, по 5–6 человек в комнате. Продовольствие их сосредоточено в руках городской питательной комиссии, но ввиду того, что из общего котла с имеющими сюда прибыть беженцами других национальностей, евреи есть не станут, им предположено выдавать продукты натурой, причем мясо, конечно, кошерное. Пока им выдают сухую пищу, причем такие выдачи будут продолжаться несколько дней

¹ Тора (Пятикнижие) — первые пять книг Ветхого Завета: Бытие, Исход, Левит, Числа, Второзаконие. Древнейший памятник иудейской и христианской религии. Основная часть Торы была создана в IX–VII веках до н.э. Окончательная редакция и первая публикация Торы — в V веке до н.э. в Иерусалиме.

Приложение 3

до того времени, пока каждая семья обзаведется нужною посудой. Кроме питательной комиссии при городском комитете учреждены еще: регистрационная, квартирная и трудовая. В последнюю вхожу и я. Со вчерашнего дня начало функционировать при этой комиссии бюро труда и вчера же были устроены на места 8 евреев-чернорабочих на жалование 12–16 руб. в месяц на хозяйских харчах натурой. Имеется спрос на мастеровых и пр. и должно полагать в ближайшее время будут устроены, тем более, что многие из этих трудоспособных, которых зарегистрировано 104 ч[ел]. из общего числа прибывших (307) ремесленники.

Продовольственный паек (отпускаемые правительством 20 к[оп]. в день на чел.) слишком недостаточен на прокормление, тем более, что из этой суммы минимум 6 коп. тратится на квартиру, дрова и освещение. По приблизительному счету при условии дачи мясной пищи 4 раза в неделю содержание взрослого и ребенка обойдется в 16 коп. в день. Эти недостающие 2 коп. будут, по всей вероятности, покрыты⁵⁾ городом и добровольными пожертвованиями, частными, либо различными учреждениями.

В общем положение усманских поселенцев можно считать сравнительно благоприятным, если сравнить их положение с положением других. Работа для желающих работать здесь постоянно найдется и, судя по отношению лиц причастных к их устройению, отказа, возможно, в своих нуждах иметь не будет. Но выдвигаются другие вопросы, разрешение которых зависимо уже не от города, а от нас же самих. Необходимо было бы устроить хедер¹, нанять учителя, закупить учебники, необходимо открыть очаг для малолетних, иметь небольшой запасной фонд для выдачи ссуд в несколько рублей мелким ремесленникам на приобретение недостающих инструментов и мелким торговцам на устройство лотка на базаре, но денег, к сожалению, нет.⁶⁾ Я уже писал в своем предыдущем письме, что община наша очень маленькая, 13 семейств, а главное, бедная и рассчитывает удовлетворить указанные потребности местными средствами невозможно. Необходима Ваша поддержка, о чем прошу и в виду предполагаемого приезда сюда Вашего уполномоченного было бы желательно наделить его инструкциями по возбужденному мной ходатайству.

Кроме указанных мною комиссий, образовалось при комитете отдельное дамское попечительство, в состав которого, возможно, войдут и еврейки (пока лишь избрана моя жена). В задачу этого попечительства входит: общее наблюдение за бытом беженцев, выражающееся в посильной помощи, как материальной, так и моральной, наблюдение за санитарным состоянием, организация медицинской помощи, снабжение теплыми вещами, обувью и т.д., определение детей в школы и пр.

Кстати, вопрос о медицинской помощи находится у нас в очень плачевном состоянии. Необходима хотя бы фельдшерица. На днях я был в Тамбове

¹ Хедер — еврейская религиозная начальная школа.

и обратился по этому поводу к г[оспо]же Вольфман, но, к сожалению, получил отказ. Просимые Вами сведения на днях пришло.

С совершенным почтением,
Д.Б. Кичель.

ГАРФ. Ф. Р-9538. Оп. 1. Д. 21. Л. 5–6. Машинопись. Копия.

¹⁾ Заголовок редактора.

²⁾ Датируется по документу.

³⁾ Место указывается по документу.

⁴⁾ На полях документа рукописная помета простым карандашом Тамбовск[ая губерния].

⁵⁾ Испр. по смыслу, в документе покроены.

⁶⁾ Подчеркнуто от руки синим и красным карандашом.

Документ 2. Записка представителя местного еврейского комитета помощи беженцам И. Жигалина в Еврейское общество помощи жертвам войны, 22 августа 1915 г., г. Моршанск Тамбовской губернии^{1), 2), 3)}

28 июля прибыла первая партия. По некоторой случайности Комитет не был предупрежден о точном времени приезда и поэтому не мог выйти встречать. Полиция, встретившая беженцев на вокзале, была очень любезна и предупредительна. Немедленно пристав вызвал Комитет. Беженцы тотчас обрадовались, увидев в этих местах (краях) евреев и надежда «что среди евреев не пропадешь» начала переходить с уста в уста. Полиция самолично вызвала подводы. Это хотя ее обязанность, но сравнительно с другими местами, это любезность. Беженцы не забыли высказать свой эгоизм. Каждая семья, заняв подводу, считала ее своим достоянием и сбрасывала вещи другой семьи, для того, чтобы не пойти пешком, и садились на подводу, не совсем наполненную вещами; это же наблюдалось и с последующей партией. За неимением мест, т.е. квартир, их отправили временно в городские бараки. В бараках было довольно скверно, но зато их усиленно кормили и ухаживали за ними. При этом особо ярко выказал себя русская публика северного великорусского народа. Простые бабы носили бублики, хлеб, молоко, кашу для детей и деньги и при этом сочувствовали, искренне плакали о беженцах, сделавшихся жертвою германцев, сжигающих города и оставляющих тем жителей без куска хлеба на произвол судьбы. Такое отношение со стороны простой русской публики бывает исключительно в маленьких городах Великороссии, но не в Малороссии или в Польше. Мы тотчас же начали искать квартиры. Распространенное мнение, что в маленьких городках можно легко и дешево найти квартиры, не подтвердилось. Узнав, что квартира нужна для беженцев, большинство домовладельцев отказывалось. Причина та, что в квартиру приходится помещать 20–30–40 и даже 65 беженцев, это неудобно для хозяев, они боятся за целость квартиры. Полицмейстер предложил занимать квартиры при помощи полиции, но мы, чтобы не возбуждать

неудовольствия, отказались и предпочли мучиться с этим вопросом. Прошло не больше недели, и мы уже поместили беженцев на 19 квартирах, из них одну квартиру сняла семья беженцев на свой счет. Устроившись с квартирами, К[омите]т принялся за питательный вопрос. Решили выдать для беженцев заборные книжки, по кот[орым] им выдавали бы мясо, хлеб, чай и сахар. Для хлеба решили найти пекарню, владелец кот[орой] согласился бы им выдавать по этим книжкам хлеб по установленной порции (1 1/2 ф[унта]) на взрослого и 3/4 ф[унта] на ребенка от 3—10 лет. Пекарню нашли, но владелец ее в первый же день отказался выдавать у себя в пекарне хлеб 85 семействам, у него не было физической возможности удовлетворить всех в течение 2—3 часов утром. Тогда мы решили устроить еврейскую пекарню. Нашли беженца, который дома держал пекарню и имел с собою крупную сумму денег, и нашли ему помещение. Пекарню он вчера, 21/8, открыл, конечно, за свой счет, для себя, нашим же беженцам он будет выдавать хлеб по книжкам и считаться с г. Финкельштейном, на которого возложены казначейские обязанности вообще и ведение хлебного дела в частности. Кроме того, решили открыть бакалейную лавку. В начале местный комитет боялся сложности дела, но затем Ваш уполномоченный г. Рапорт взялся за этот вопрос с целью обязательно открыть лавку. Решили использовать беженца, но он оказался ненадежен и ему открыли лавку для него лично. Кроме этой лавки мы на днях открываем нашу общественную лавку. За устройство этой лавки взялся г. Гальперин — лицо очень компетентное в этом вопросе, и лавка выйдет образцовая. В лавке будет почти все то, что можно купить на базаре. Дело в том, что беженцы, не зная местных цен, вызывают на базаре повышение цен. Поэтому удобнее, чтобы все покупалось в общественной лавке, в противном случае могут быть скверные последствия для беженцев со стороны местного населения (случаи уже были). Для удобства беженцев, для гигиены их, им заказали 100 кроватей из дерева, кровати получились очень хорошие; они делаются самими же беж[енскими] столырами, мы им платим за работу 60 коп. с каждой кровати, лес наш. Кроме того, выдали им машины. Вообще беженцы евреи живут в Моршанске припеваючи, их даже слишком балуют сравнительно с беженцами других городов. Но со временем все урегулируется. Деньги выдает нам земство, уменьшая каждый раз сумму денег, в зависимости от того, сколько человек получили работу. Как только беженец получает работу, его сейчас же и его семь исключают из числа нуждающихся и лишают пайка. Теперь вопрос с этим пайком урегулирован. К[омите]т будет предоставлять регистрацию беженцев в земство, отмечая тех, кои в настоящее время имеют работу и, следовательно, те, кто ее лишился, будет снова получать пайк до тех пор, пока не получит снова работу. До сих пор получили работу, если считать семействами, 20 семейств, работа у некоторых непостоянная, но дело в том, что в Моршанске вообще можно хорошо устроиться беженцам, нужно лишь время и самое непродолжительное — недели 3—4. Работают все сапожники без исключения, они нарасхват. С портными

хуже, мало хороших портных. Работает несколько белошвеек. Но с чернорабочими пока скверно, на них есть масса предложений в уезде в имения, куда въезд им запрещен. Фабрикант Белоусов (табачная фабрика) предложил у себя на фабрике человек 50 и больше рабочих, уже несколько человек работает; у нас нет времени урегулировать этот вопрос, но через неделю после праздников они, очевидно, будут работать все на фабрике Белоусова. Между прочим, этот же Белоусов дал нашим беженцам бесплатную квартиру на 45 человек. Сапожникам и портным выдаются машины с поручительством К[омите]та, из магазина Зингера на выплатку. Точно также мы покупаем и другие инструменты на наши деньги, но с условием выплачивать Комитету еженедельно. Но все же работа сапожников и портных более или менее временная и мы стараемся находить для них более обеспеченные должности. В [с]вязи с этим возник вопрос об артели. История артели такова: одновременно с евреями беженцами русская публика, а именно 2 дамских комитета и администрация стали ожидать поляков и латышей. Вместе с тем дамские русские комитеты решили сделать для евреев все возможное. Они решили открыть бюро труда для беженцев без различия вероисповедания и дали в газете объявление, призывая публику нести пожертвования для беженцев и спрос труда. Прочтя это объявление, я решил с согласия Комитета обратиться в дамские комитеты с просьбой выяснить наше взаимоотношение. Явился туда и обратился к дежурной даме, она мне заявила, что они работают для всех национальностей и готовы с нами соединиться, я же ей предложил устроить только совместное бюро труда, которое находится в руках г. Кантора, предложение было принято, но г. Кантор был против совместного бюро и бюро осталось у Кантора. Тем не менее, я все же должен был явиться в дамский комитет, последствием этого посещения было то, то дамский К[омите]т в течение 2-х дней дал работу 2 беженцам. Кроме того, Дамский к[омите]т решил устроить сбор для беженцев и мы решили тоже помочь им и пошли собирать на противогазы. Кроме того, Дамский Ком[итет] накормил 45 ч[ел]. беж[енцев] и дал им одежду. Затем я уехал на несколько дней, когда же я приехал, то бюро оказалось на прежнем месте. Нужно специально посадить от нас человека для бюро труда в их К[омите]т, но у нас нет человека и нет времени. Обращаясь в Дамский К[омите]т, я обратился со следующим предложением: ввиду того, что я обращался в тот день, когда появилось сообщение об уничтожении черты оседлости на основании того, что евреи нужны для военно-промышленных комитетов; вот это я и предложил Дамскому к[омите]ту вместе с предложением устроить из евреев, как бы тыловых солдат, а именно военно-промышленных комитетов, шить сапоги солдатам через посредство евр[ейского] к[омите]та. Они встретили это предложение с восхищением, отметили его политическую важность и обещали содействие. Местный же евр[ейский] К[омите]т побоялся сложности дела и оставил вопрос об устройстве мастерской-артели без последствий. В тоже время оказалось, что само земство предлагает взять нам подряд на

сапоги для солдат. Таким образом, нам нужны посредники между земством и беженцами, которые покупали бы кожу и вели все дело. Такие у нас есть в Тамбове — очень солидный кожевник. Артель должна быть для всех сапожников Тамбовской губ[ернии]. Я уже написал в Тамбов г[оспо]же Вольфман, чтобы она выслала нам список сапожников и кожевников Там[бовской] губ[ернии]. Вопрос выясниться очень скоро. Он имеет очень важное политическое и экономическое значение. Так обстоит дело с бюро труда. Что же касается медицинской помощи, т[о] пока дело обстоит с этим очень туго. Взяли⁴⁾ фельдшерицу, но она отказалась, ее заело местное общество, за то, что, по их мнению, вознаграждение в сумме 90 р[уб]. слишком велико, и она отказалась работать, не могла больше работать в своем городе. Может быть, в другом город[е] Тамбовской губ[ернии], завтра выясню. Теперь помощь будет оказываться мест[ным] врачом; земство специально откроет амбулаторию для беж[енцев], но дело в том, что врач квартир беж[енцев] не обходит, беженцы же навряд ли будут исправно обращаться в русское учреждение, и потом из практики последних дней оказывается, что пока земский врач оказался у постели больного — зараза начала уже распространяться. Да наконец, нет времени и сил обходить квартиры нам лично, хотя бы 2 раза в неделю и больной лежит 5–7 дней, пока его не осмотрят и заберут в земскую больницу. У нас было 2 тифозных случая, 3 случая кори и воспаление крупозное легких, окончившееся смертью ребенка. В результате некому было сделать даже дезинфекцию. Что же касается школьного вопроса, то мы решили школу открыть в помещении синагоги с обучением русскому языку. У нас 85 детей школ возр[аста] от 6–13 лет.

Трудовое бюро

Трудовое бюро сосредоточено у г. Кантора. Желание устроить совместное бюро с мест[ными] русскими дамскими комитетами не сбылось за недостатком времени и человека, который мог бы сидеть в означенных комитетах. Работу получили 20 человек или семейств. Человек из семьи, зарабатывающий сам, считается зарабатывающим для всей семьи и лишается по мере возможности пайка, но теперь это урегулировали и потерявший работу снова получает паяк от земства. У нас нет почти времени и сил для устройства беженцев на работы и только с течением времени 3–4 недели или больше мы в состоянии будем вполне и очень удачно урегулировать этот вопрос. Фабрикант Белоусов предложил труд для 50 и больше беженцев. Подробнее узнаете из записок. Вопрос о трудовой артели сапожников должно быть разрешится в скором времени. Земство предложило подряд на солдатские сапоги. Нужно артель из сапожников всей губернии с помощью кожевников, которые бы закупали кожу для артели (Подробности в записке). Работу получили все сапожники, их работа нарасхват. Остальные ремесленники идут туго, пример портные или белошвейки, здесь тоже без артели не обойтись. Вообще же в Моршанске масса возможностей для ремесленников.

Медицинская помощь

Взятая фельдшерица отказалась работать в Моршанске по причинам, заслуживающим внимания. На днях д[олжна] б[ыла] отправиться в Тамбов (подробности в записках). Теперь мы без фельдшерицы и наши дела очень скверные. Есть теперь врач исключительно эпидемический от земства, но он не ходит по квартирам, и мы с трудом бываем один раз в неделю в квартире; пока предупредят о больном и пока вызовешь доктора, то зараза уже распространяется и в результате некому произвести даже дезинфекции. Уже было 2 случая тифа, 3 кори и случай круп[узное] восп[аление] легких, окончившийся смертью ребенка. На днях пришлось даже привести частного врача. Вообще без обхода фельдшерицы будет скверно, и для наблюдения за другими мелочами. Для гигиены дали сто деревянных кроватей.

Школьное дело

Вопрос об открытии школы осложнился, нужны формальности. У нас школа будет в синагоге. Имеется 85 детей от 6–13 лет, и один учитель не справится с еврейским и русским языком, есть еще один учитель, сейчас уехал в Тамбов, просить у губернатора поселиться в Моршанске, он сам из Риги, но приписан к Витебской губ[ернии] и поэтому, по мнению полицмейстера, не подлежит поселению в Тамбовской губ[ернии]. Если не разрешит сам губернатор — его прошение передаст Вам г. Натансон.

И. Жигалин

ГАРФ. Ф. Р-9538. Оп. 1. Д. 21. Л. 11–16. Машинопись. Копия.

¹⁾ Заголовок редактора.

²⁾ Датируется по рукописной помете 22/VIII 1915 г. на полях документа.

³⁾ Место указывается по документу.

⁴⁾ Испр. по смыслу, в документе вся.

ПЕРМСКАЯ ГУБЕРНИЯ

Документ 1. Из письма представителя местного еврейского комитета помощи беженцам в Еврейское общество помощи жертвам войны, 16 марта 1916 г., Пермская губерния^{1), 2), 3)}

Еврейскому комитету помощи жертвам войны

Милостивые государи!

В настоящем своем письме я делаю попытку охарактеризовать современное положение евреев-беженцев в гт. Перми и Кунгуре.

Пермь. Всего числится по нашим спискам беженцев, имеющих то или иное отношение к комитету, 642 чел. Из них 52 одиночки и 132 семьи. Живет в общежитиях около 220 человек, остальные размещаются по частным квартирам. Квартирные условия в Перми чрезвычайно неблагоприятные. Новых квартир нет или очень мало. Строения, в коих беженцы уже живут, очень мало удовлетворяют минимальным гигиеническим и санитарным требованиям.

Приложение 3

На частных квартирах живут обыкновенно по 2–4 семьи. Скученность большая, и с ней связаны и отсутствие чистоты, и большая заболеваемость. В Перми почти всю зиму не прекращался сыпной тиф. Правда он не имеет массового характера. Но даже отдельные заболевания чрезвычайно тормозят работу по устройству беженцев, т.к. вызывают необходимость изоляции всех входивших в соприкосновение с заболевшими.

На эту сторону жизни беженцев необходимо обратить особенное внимание, но, к сожалению, пока не будет благоустроенных жилищных условий, никакие иные меры делу не помогут.

Питание. Имеется общая кухня и столовая, в коей обедает примерно 200 чел., считая детей. Пища удовлетворительная, но помещение ужасное. Большинство ожидающих только получают в столовой пищу, но обедают у себя дома. Часть (незначительная) получает паек натурой. Большинство живущих на частных квартирах постепенно переведено и переводится на денежный паек.

Трудовое устройство. Всего в Перми около 220 работоспособных мужчин (около 80) и женщин. Большинство в той или иной форме работает и зарабатывает, но, понятно, устроившимися их считать нельзя. Если под устройством понимать прочную оседлость, связанную с местом, и постоянный, достаточный для жизни заработок, то таковых пока еще очень мало. Имеется, правда, около 30 человек, заработок коих более постоянен и колеблется между 35 и 95 рубл[ями], но и их вряд ли можно считать вполне уже обеспеченными, т.к. слишком короткое время пришлось наблюдать их. Для окончательных выводов время еще не наступило. Имеется 2 [...] ⁴⁾ мастерских, хозяева коих зарабатывают свыше 100 и имеют постоянную работу. Этих действительно можно считать ставшими на ноги. Из перечисленных мною 30 чел. устроившихся ремесленников можно [...] ⁵⁾ не опасаться, но ремесленников-то именно среди пермских беженцев очень мало. Здесь особенно рельефно сказывается низкий уровень еврейского ремесла. Большинство ремесленников принадлежит к «тандетникам» разных профессий. И, конечно, если мы желаем серьезно отнестись к вопросу об укреплении экономических наших позиций в новых местах, то нам очень и очень придется считаться с этим обстоятельством. При новой эвакуации, если таковая последует, должны быть приложены все усилия к тому, чтобы направить на Урал ремесленников в настоящем смысле слова. Иначе все наши усилия как в области кредитной помощи, так и в области разных форм трудовой помощи, окажутся в значительной мере бесплодными. Извиняюсь за «теоретические» отступления и перехожу к кредитной помощи. Эта помощь оказывается здесь нашим ссудо-сберегательным товариществом. До настоящего времени товарищество выдало ссуд беженцам на сумму около 3000 руб. Кроме того выдает мелкие беспроцентные ссуды Комитет. В отдельных случаях приходит на помощь и трудовая комиссия (ныне преобразовавшаяся в комитет[.])

выдачей орудий производства и мелкими ссудами на устройство мастерских и приобретение инструментов. Самым целесообразным являлось бы, понятно, кредитование через ссудо-сберегательное товарищество, но при наличии некоторых условий. По самому характеру своему товарищество не может не относиться крайне осторожно к требованиям беженцев, даже при гарантии с нашей стороны. Кроме того, % по ссудам зачастую очень велик (10–11 %). Сплошь и рядом приходится слышать, что при таком высоком % беженец не имеет возможности работать. Такого рода жалобы я слышал и в Перми, и в Кунгуре, и в Екатеринбурге. Мне пришлось даже столкнуться с таким явлением, что беженцы отказываются от кредита в товариществе, так как не видят возможности работать при таком высоком %. Кроме того, % берется вперед, так что и ссуда сокращается. Все эти обстоятельства легко меня приводят к мысли, что при всех достоинствах ссудо-сберегательного товарищества и несомненной их полезности для местного еврейского населения [...]

РГИА. Ф. 1564. Оп. 1. Д. 53. Л. 10–11. Машинопись. Копия.

¹⁾ Заголовок редактора.

²⁾ Датируется по документу.

³⁾ Место указывается по документу.

⁴⁾ Текст в документе нрзб.

⁵⁾ Текст в документе нрзб.

КОМИССАРИАТ ПО ЕВРЕЙСКИМ НАЦИОНАЛЬНЫМ ДЕЛАМ ПРИ НАРОДНОМ КОМИССАРИАТЕ ПО ДЕЛАМ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ

Документ 1. Декрет Совета Народных Комиссаров «Об учреждении Еврейского комиссариата», 19 января 1918 г., г. Москва.

Учреждается временный Комиссариат по еврейским национальным делам при Народном Комиссариате по делам национальностей.

Комиссаром по еврейским делам назначается Семен Маркович Диманштейн¹; товарищем комиссара Илья Григорьевич Добковский².

Председатель Совета Народных Комиссаров В. Ульянов (Ленин).

Народный Комиссар по делам национальностей И. Сталин.

Управляющий делами Правительства Вл. Бонч-Бруевич.

Секретарь Совета Народных Комиссаров Н. Горбунов.

Декреты Советской власти. Т. I. 25 октября 1917 г. — 16 марта 1918 г. М., 1957. С. 370–371.

¹ Диманштейн Семен (Шимон) Маркович (1886–1938) — советский еврейский коммунистический деятель. Сын сельского корабейника, учился в Любавичской иешиве, в возрасте 18 лет получил звание раввина. В 1904 г. в Вильне вступил в Российскую социал-демократическую партию, примкнул к большевикам и принял активное участие в их борьбе с Бундом. Работал в подпольных организациях Риги, Минска, несколько раз подвергался аресту. В 1908 г. был осужден на шесть лет каторги, отправлен в Сибирь, откуда бежал (1913) и эмигрировал в Париж. После Февральской революции 1917 г. вернулся в Россию, работал в Риге в военной организации и редактировал газету «Окопная правда». После Октябрьской революции входил в коллегии Наркомтруда. В январе 1918 г. был назначен главой Еврейского комиссариата при Народном комиссариате по делам национальностей. В октябре 1918 г. избран председателем центрального бюро Евсекции, приступил к ликвидации еврейских общин и организаций с заменой их на социалистические объединения. С 1924 г. работал в аппарате ЦК коммунистической партии, был заведующим его национальным сектором (до февраля 1930 г.); затем директором Института национальностей и редактором журнала «Революция и национальности». Принял участие в организации Еврейской автономной области в Биробиджане. В 1930 г. выступил в печати против сплошной коллективизации в национальных районах, за что был подвергнут критике партийных властей. Репрессирован. См.: Диманштейн Шим'он // Электронная еврейская энциклопедия. Режим доступа: <https://eleven.co.il/jews-of-russia/life-in-ussr/11433/>.

² Добковский Илья (Эля) Гиршевич (1882–1941?) — революционер, эсер-максималист. Из семьи священнослужителя. В 1901 г. в Вильно вступил в Бунд, арестован, после 8 месяцев заключения выслан в Дятлово (Гродненская губерния) к матери под надзор полиции. Эмигрировал, перешел в партию эсеров-максималистов. В 1908 г. за участие в экспроприациях в России для пополнения казны эсеров вновь арестован, Виленским военно-окружным судом приговорен к смертной казни, замененной на вечную каторгу. Освобожден в 1917 г. после Февральской революции. В 1918–1924 гг. — заместитель главы Еврейского комиссариата при Народном комиссариате по делам национальностей. В 1924 г. эмигрировал во Францию, в конце 1930-х гг. переехал в Польшу. В октябре 1940 г. арестован в Лиде (город в Гродненской области БССР) после присоединения Западной Белоруссии к СССР. Скорее всего, был расстрелян в Могилевской тюрьме перед занятием города немцами 26 июля 1941 г. См.: Генис В.Л. «Человек патологический»: Максималист Добковский и провокаторы. М., 2018.

Документ 2. Из отчета о деятельности Еврейского отдела Комиссариата по делам национальностей, 1918 г., г. Москва^{1), 2), 3)}

Подотдел агитации печати и издательства

[...] В связи с эвакуацией беженцев, под'отдел устраивает специальные митинги и собеседования с беженцами с целью агитации среди них коммунистических идей. Отпечатана специальная листовка «беженцам», которая разошлась в 20 000 экз. [...]

Политически-правовой подотдел пользуется наибольшей популярностью среди еврейского населения Петрограда. Для еврейских масс подотдел является «своим домом», куда они приходят со всеми своими нуждами. Особенно много внимания уделяется эвакуации беженцев. Ведется строгая регистрация, очередь и т.д.

От каждого отъезжающего в оккупированную область требуется заполнить регистрационный бланк, который выясняет материальное положение, политическое убеждение и для какой цели едет, после чего он получает удостоверение на право выезда на родину. Многим неимущим беженцам оказывается юридическая и при крайней необходимости также материальная помощь.

Подотделом взяты под контроль все беженские и благотворительные еврейские организации, которые обязаны ежемесячно предоставлять полную отчетность расходов сумм, а также отчет о своей деятельности, без чего ими не могут быть получены суммы со своих текущих счетов. [...]

ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 550. Л. 18–18 об. Машинопись. Подлинник.

¹⁾ Заголовок редактора.

²⁾ Датируется по смежным документам дела.

³⁾ Место указывается по документу.

Документ 3. Обращение Беженского отдела Комиссариата по еврейским национальным делам, 1918 г., г. Москва^{1), 2), 3), 4)}

В ...

Заметно тяжелым последствием войны являются те сотни тысяч беженцев, которые расселились по всей территории Советской Республики и которые желают возвратиться на свои старые насиженные места.

В этой большой подготовительной работе, которая теперь ведется по эвакуации беженцев, перепись их является необходимейшей составной частью. Тщательно проведенная перепись беженцев нам даст точные цифры желающих эвакуироваться и эти цифры нам помогут как в подготовительной стадии, так и в самом процессе эвакуации.

В силу вышеизложенного Комиссариат по еврейским национальным делам просит оказать всемерное содействие производящейся теперь переписи повсеместно беженцев евреев.

За завед[ующего] Беженским отделом [Подпись нрзб]

Приложение 3

Секретарь [Подпись нрзб]

Приложение: копия опросного листа⁵⁾

ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 550. Л. 20. Машинопись. Подлинник.

¹⁾ Заголовок редактора.

²⁾ Датируется по смежным документам дела.

³⁾ Место указывается по документу.

⁴⁾ На верхнем поле документа штамп РСФСР Народный комиссариат по национальным делам. Еврейский комиссариат. Дня 191 г. Пречистенка 16 телефон 2-18-48.

⁵⁾ В деле отсутствует.

Документ 4. Докладная записка Беженского отдела Комиссариата по еврейским национальным делам о создании Совета по беженскому делу, 1918 г., г. Москва^{1), 2), 3)}

В коллегию комиссариата по еврейским национальным делам

Беженский отдел предлагает в организующийся Совет по беженскому делу при Еврейском комиссариате включить представителей следующих организаций в следующем количестве: 1) от еврейской общины один представитель, 2) от Союза евреев-воинов 1 пред[ставитель], 3) от Совета беженцев — 1 пр[едставитель], 4) от Объединенного комитета — 2 пред[ставителя], 5) от ЕКОПО¹ — 1 пред[ставитель], 6) от ОЗЕ — 1 пред[ставитель].

Главнейшие вопросы, предстоящие разрешению Совета следующие: 1) о переписи беженцев евреев, 2) об организации врачебной помощи и кошерных котлов при питательных пунктах, 3) об информации, 4) об устройстве отделений по делу реэвакуации в местах наиболее сильного скопления беженцев.

Ввиду того, что дело реэвакуации сложное и частично входит в каждого из вышеуказанных предполагаемых представителей от еврейских организаций, Беженский отдел предлагает, что при совместной работе с опытными в беженском деле людьми, каковыми являются представители организаций, дело реэвакуации может быть всесторонне рассмотрено и выполнено.

Заведующий Беженским отделом

Секретарь

ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 550. Л. 24. Машинопись. Подлинник.

¹⁾ Заголовок редактора.

²⁾ Датируется по смежным документам дела.

³⁾ Место указывается по документу.

¹ ЕКОПО — Еврейский комитет помощи жертвам войны. Образован в августе 1914 г. для оказания помощи российским гражданам еврейского происхождения, пострадавшим от военных действий и вынужденных покинуть места постоянного проживания. В августе 1914—1916 гг. были образованы местные организации (комитеты и общества) ЕКОПО в ряде крупных городов России и Украины. Руководящим органом ЕКОПО являлся Совет, избираемый представителями всех еврейских обществ помощи. С 1917 г. ЕКОПО включил в свою деятельность вопросы помощи лицам, пострадавшим во время еврейских погромов. Позднее стал именоваться Еврейским обществом оказания помощи пострадавшим от войны и погромов (ЕВОПО). Последние сведения о деятельности ЕВОПО относятся к ноябрю 1930 г.

Документ 5. Инструкция Беженского отдела Комиссариата по еврейским национальным делам, 1918 г., г. Москва^{1), 2), 3)}

В виду того, что кардинальным⁴⁾ вопросом в Беженском отделе является эвакуация беженцев, то подлежит сделать следующее:

1) Узнать, производится ли перепись беженцев-евреев. Кем и как она производится.

2) Существует ли Совет беженцев и при нем еврейская секция. Если еврейская секция существует, то работоспособная ли она и в чем в данное время заключается ее работа.

3) Существует ли отделение Центральной коллегии по делам о пленных и беженцев и какие еврейские организации (если в данном городе нет филиала Еврейского комиссариата) входят в состав Коллегии.

4) Существует ли Совет по эвакуации беженцев, который был бы составлен из представителей еврейских правительственных и общественных организаций

5) Выяснить количество евреев-беженцев в данном районе, желающих эвакуироваться.

6) Возможно ли и нужно устройство в данном районе кошерных котлов при питательных пунктах.

7) Принимают ли имеющиеся беженские организации меры к задержанию беженцев на местах и какие меры.

А. Ульрих

ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 550. Л. 28. Машинопись. Подлинник.

¹⁾ Заголовок редактора.

²⁾ Датируется по смежным документам дела.

³⁾ Место указывается по документу.

⁴⁾ Испр. по смыслу, в документе координальным.

Документ 6. Протокол заседания коллегии коммунистической ячейки Комиссариата по еврейским национальным делам, 11 марта 1919 г., г. Москва^{1), 2), 3)}

Присутствуют: тов. Бокальчук, Липкин, Сегаль, Айнштейн, Бренер, Крашинский и Кругер.

Председательствует тов. Бокальчук

Секретарствует Айнштейн

Слушали:

1) О ликвидации деятельности Ц.К. еврейских общин, московской общины, сионистской организации и общественных учреждений как-то: ЕВОПО, ОРТ, ОПЕ¹, МОЗЕН и другие.

¹ ОПЕ — Общество для распространения просвещения между евреями — крупнейшая культурно-просветительная организация российских евреев. Создана в 1863 г. Целью

Приложение 3

Постановили:

До мобилизации достаточных сил ликвидировать немедленно общину московскую и сионистскую организацию; что касается общественных учреждений от ликвидации их пока воздержаться и поставить их под контроль политического комиссара.

Издать декрет о ликвидации вышеназванных учреждений и одновременно произвести ревизию их деятельности, опись кассы и имущества; опечатать с целью продолжения ревизии все их кассовые книги и другие документы.

Председатель

Секретарь

ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 550. Л. 33. Машинопись. Копия.

¹⁾ Заголовок редактора.

²⁾ Датируется по документу.

³⁾ Место указывается по документу.

общества было создание новой системы еврейского образования, сочетающей светские европейские знания с сохранением традиционного еврейского образования. Общество финансировало издание новых учебников для еврейских школ, научные исследования в области иудаики как базу для этих учебников и оплачивало покупку книг и подписку на периодические издания. В период Первой мировой войны занималось вопросами образования беженцев. Так, за первые 9 месяцев 1916 г. на содержание школ для беженцев израсходовало свыше 460 тыс. рублей. В начале 1917 г. число детей и подростков из семей беженцев, обучавшихся в школах и на дневных и вечерних курсах, достигло 25 тыс. человек (в 260 различных учебных заведениях). Кроме этого, в 40 городах общество субсидировало также хедеры, в которых обучалось свыше 2,5 тыс. детей. Деятельность общества ликвидирована в конце 1920-х гг. См. подробнее: Общество для распространения просвещения между евреями // Электронная еврейская энциклопедия. Режим доступа: <https://eleven.co.il/jews-of-russia/education-secular-culture/13032/>.

**БЕЖЕНЦЫ В ПОЛИТИКЕ
ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА, 1917 г.**

Документ 1. Представление Особого совещания по устройству беженцев об отпуске из Государственного Казначейства средств на оказание помощи беженцам в июле – сентябре 1917 г., 17 июня 1917 г. № 6620, г. Петроград^{1), 2), 3)}

Временному Правительству
По Совещанию Товарищей Министров

Особое Совещание по устройству беженцев при обсуждении вопросов, связанных с отпуском средств различным организациям и учреждениям попечения о беженцах, неоднократно высказывалось за необходимость своевременного ассигнования на места кредитов, потребных на удовлетворение нужд беженцев. Полагая, что таковые средства должны отпускаться по расчету на месяц вперед, Особое Совещание указало на желательность своевременного, в установленном порядке, испрашения соответствующих кредитов.

Вследствие сего и имея в виду, что до настоящего времени Министерством Внутренних Дел испрашены средства на оказание помощи беженцам лишь по 1 июля 1917 года, ведомство полагает необходимым ныне же испрашить необходимый кредит на удовлетворение нужд беженцев в предстоящем сметном периоде Июль-Сентябрь месяцы 1917 года.

Обращаясь к исключению размеров такового кредита, Министерство Внутренних Дел считает долгом отметить следующее:

Особое Совещание по устройству беженцев, стоя на страже интересов Государственного Казначейства и сознавая серьезное финансовое состояние государственной казны, в связи с обстоятельствами военного времени, всемерно стремилось к возможной бережливости при отпуске ассигнований на дело призрения беженцев.

В предыдущих представлениях б[ывшему] Совету Министров были подробно изложены как ближайшие основания, по коим отпускаются средства организациям и учреждениям попечения о беженцах, так равно и меры, принимаемые Особым Совещанием в целях сокращения расходов по настоящему предмету из средств Государственного Казначейства.

Представляя Временному правительству 24-го Марта сего года об ассигновании кредита в размере 52.000.000 рублей на удовлетворение нужд беженцев в течение II четверти 1917 года, Министерство Внутренних Дел вместе с тем сообщало, что произведенные Особым Совещанием сокращения в расходах по оказанию помощи беженцам должны почитаться не только предельными, но и вызывающими некоторые опасения за возможность испрашиваемыми средствами удовлетворить действительные нужды беднейшей части беженского населения.

Надлежит отметить, что еще в начале текущего года по целому ряду губерний Губернскими и Уездными Земскими Собраниями, Городскими Управлениями и Губернскими Совещениями по устройству беженцев были заявлены самые настойчивые ходатайства о безусловной необходимости увеличения ассигнований на беженские нужды, подтвержденные определенными доказательствами — тяжелого положения беженцев. С однородными заявлениями об угрожающем положении беженцев обратились в Особое Совещение по устройству беженцев также и все национальные организации, ведающие устройством беженцев, равно как и Всероссийский Союз Земств и Городов.

Все упомянутые учреждения и организации, указывая на возрастающую дороговизну продуктов первой необходимости, настаивали на безотлагательном повышении установленных Особым Совещением норм оказания различных видов помощи беженцам.

Таковые сообщения продолжали поступать в Особое Совещение до последнего времени.

Наконец 7 апреля сего года в г. Москве состоялся Съезд представителей всех организаций, оказывающих помощь беженцам.

Остановливаясь на вопросе о размере средств, отпускаемых на оказание помощи беженцам, названный Съезд, указав на полное несоответствие ассигнуемых Особым Совещением по указанному назначению кредитов действительной в том потребности, так же высказался за необходимость повышения выработанных Особым Совещением норм призрения беженцев.

В связи с изложенным и имея в виду, что принятые еще в Марте минувшего 1916 г. Особым Совещением нормы оказания различных видов помощи беженцам совершенно не отвечают существующим в настоящее время ценам на продукты первой необходимости, Особое Совещение признало соответственным пересмотреть таковые нормы.

Согласно установленным ранее Особым Совещением нормам, средства, потребные на призрение беженцев в различных учреждениях, отпускались из расчета для приютов по 15 р[уб]., для школ 2 р[уб]. 50 к[оп]. без завтраков и 3 р[уб]. с завтраками, для очагов по 1 р[уб]. 20 к[оп]. и для богаделен 13 р[уб]. в месяц на каждого призываемого беженца.

Засим, по принятым ранее Особым Совещением основаниям, исчисления сметных кредитов на удовлетворение нужд беженцев, необходимые на таковой предмет средства ассигновывались — на оказание продовольственной помощи беженцам из расчета по 6 р[уб]. и квартирной по 2 р[уб]. в городах и 1 р[уб]. 20 к[оп]. в сельских местностях — на 50 % общего числа зарегистрированных беженцев. Снабжение беженцев одеждой производилось за счет кредитов, отпускавшихся из расчета по 20 р[уб]. в год или по 5 р[уб]. в четверть, причем, по каждой отдельной смете средства по указанному назначению ассигновывались на число беженцев, не превышавшее 30% количества последних, поставленных на продовольственный паек.

Приведенные нормы подверглись подробному обсуждению в заседаниях Особого Совещания 29 марта и 6 мая сего года, причем Особое Совещание, на основании имевшихся в его распоряжении отзывов организаций, фактически призревающих беженцев и безспорных данных, свидетельствовавших о невозможности при существующих ценах придерживаться прежних оснований исчисления сметных расходов, признало неизбежным внести в указанные выше нормы следующие изменения:

	I категор[ия] Учрежд[ения], находя- щ[иеся] в Петрограде, Москве, Одессе, Киеве, некот[орых] курор- т[ах]. и районе театра военных действий	II категор[ия] Учреждения, находящиеся в Губернских и Уездных городах.
1) Интернаты, типа среднеучебных за- ведений, находящихся при них же:		
а) за содержание, в течение одного ме- сяца, одного лица, включая в это содер- жание, помещение, обучение, стол все учебные пособия, одежду, обувь, белье и медицинскую помощь	45 р[уб].	40 р[уб].
б) за тоже содержание в тех же ин- тернатах, но только без обучения	40 «	35 «
<i>Примечание:</i> Все перечисленные нормы относятся исключительно к учебному году, что же касается лет- них месяцев, то в течение этого срока нормы должны быть понижены и вы- даваемы по числу оставшихся на лето в интернатах. Кроме сего, должны быть учитываемы все виды получаемых интернатами поступлений.		
2) Общежития, типа среднеучебного заведения, находящиеся отдельно от учебного заведения:		
За содержание, в течение одного месяца, одного лица, включая в это содержание квартиру, стол, одежду, обувь, белье и медицинскую помощь за исключением обучения и учебных пособий	35 р[уб].	30 р[уб].

Приложение 4

3) *Убежища* (богадельни) для взрослых, случайно нуждающихся в временном пребывании в них.

За содержание в течение одного месяца, одного лица, включая в это содержание квартиру, обед, чай и медицинскую помощь, но без одежды, обуви и белья

25 «

20 «

Примечание. Если кто из призваемых в этих убежищах получает от правительства пайки, то последние должны приниматься к учету при определении ассигнования.

4) *Приюты.* Для детей школьного возраста свыше 5 лет по типу начальных училищ.

За содержанием, в течение одного месяца, одного лица включая в это содержание обучение, воспитательную часть, квартиру, учебные или вспомогательные пособия, одежду, обувь, белье и медицинскую помощь

30 «

22 «

5) *Учебные мастерские с общежитиями* для детей школьного возраста.

За содержание, в течение одного месяца, одного лица, включая в это содержание, обучение мастерству, плату мастерам и за материалы для работы, помещение, стол, одежду, обувь, белье и медицинскую помощь

30 «

25 «

Примечание. 1) Доходы, могущие поступить от работ упомянутых мастерских зачисляются в депозит вышеназванных мастерских на улучшение содержания детей; если же доходы будут покрывать расходы по полному содержанию названных мастерских, то Кредитная Комиссия может учитывать это обстоятельство, в отдельных случаях уменьшить ассигнование; посему необходимо требовать от упомянутых учебных мастерских отчетности не только о расходах, но и о доходах;

2) к упомянутым учебным мастерским не относятся специальные мастерские, как-то: золото-швейные, ювелирные и т.п., для коих могут быть установлены особые нормы.

6) *Начальные школы* для приходящих детей свыше 5 лет.

а) за обучение, учебные пособия и квартиру под училище, в течение одного месяца, за каждое лицо

3 р[уб].

3 р[уб].

б) тоже и горячие завтраки

9 «

8 «

Примечание. За счет этих сумм как те, так и другие дети не пользуются одеждою, бельем и медицинской помощью.

7) *Приюты-очаги* для детей не старше 7 лет, порвавших связь с родителями, за содержание одного ребенка в течение месяца, причем, в это содержание входят те же условия, что и для приютов .

30 «

22 «

8) *Ясли-очаги* для детей не свыше 7-ми лет, но не порвавших связь с родителями. За содержание одного ребенка в течение месяца, причем в это содержание входит дневное пребывание ребенка, его питание и медицинская помощь, но без одежды, обуви и белья.

10 р[уб].

8 р[уб].

Примечание. Эти нормы приняты при условии сохранения за призреваемыми пайков

Среди поименованных учреждений на практике могут встретиться учреждения, имеющие много общего с между одним и другим из перечисленных учреждений, но не вполне подходящие ни к одному из них, для определения правильной нормы. В таких отдельных случаях следует пользоваться средними нормами двух наиболее подходящих учреждений. Под словом «содержание» подразумевается «полное продовольствие».

Приложение 4

Согласно постановления Особого Совещания, приведенные нормы расходов по содержанию различных учреждений призрения беженцев подлежали применению, начиная со 2-й четверти сего 1917 года. П[р]инимая во внимание, что при испрошении представлением от 24 марта сего года Временного Правительства средств, потребных на удовлетворение нужд беженцев во второй четверти, Министерство Внутренних Дел имело ввиду прежние нормы, ведомство полагает необходимым ныне же ответить, что ассигнованными согласно таковому представлению в распоряжение Министра Внутренних Дел средствами не могут быть исчерпывающе покрыты все расходы по оказанию помощи беженцам во 2-й четверти.

Как то усматривается из прилагаемой при сем особой сравнительной ведомости расходов по отдельным видам помощи, в отношении которых были повышены Особым Совещанием нормы, действительный расход во 2-й четверти превысит предложения по сему предмету Министерства Внутренних дел, а следовательно, и произведенное Временным Правительством в заседании 25 марта сего года ассигнование на 2.139.012 руб.

В соответствии с сим действительный расход по удовлетворению нужд беженцев во 2-й четверти выразится в сумме 54.139.012 руб. (52.000.000 + 2.139.012).

О дополнительном отпуске недостающей, таким образом, суммы ведомство предполагает в ближайшее время войти с особым представлением.

Засим, в заседании 9 мая сего года Особое Совещание признало необходимым повысить также и установленные им ранее основания исчисления сметных расходов по оказанию продовольственной, квартирной и вещевой помощи беженцам. В исполнение этого последнего постановления Совещания, начиная с 3-й четверти, т.е. с 1 июля сего года, потребные на оказание продовольственной и квартирной помощи суммы подлежат исчислению не на 50, а на 65 % общего числа беженцев, причем размер продовольственного пайка, начиная с 3-ей четверти, повышается до 7 р[уб]. 50 к[оп]. и квартирного с 4-й четверти в городах: Петрограде, Москве, Киеве, Одессе, Харькове и Екатеринославе до 4 руб., в прочих городах до 3-х руб. и в сельских местностях до 2 р[уб]. в месяц на каждого беженца.

В отношении помощи одеждою и обувью Особое Совещание признало, прежде всего, соответственным, чтобы зимняя одежда была заготовлена заблаговременно, а потому высказалось за ассигнование необходимых для сего кредитов одновременно на все второе полугодие, повысив вместе с тем, процентную норму снабжаемых одеждою беженцев с 30 % до 50% числа призреваемых беженцев, а размер ассигнования с 20 р[уб]. до 30 р[уб]. в год на одного беженца.

Принятые, таким образом, Совещанием новые нормы исчисления сметных расходов потребуют в 3-ей четверти сего года увеличенного по сравнению с 2-ой четвертью отпуска кредитов на оказание продовольственной, квартирной и вещевой помощи беженцам.

Как усматривается из прилагаемой при сем особой ведомости расходов, произведенных во II четверти и предстоящих на III четверть с[его] г[ода], таковое превышение составит по оказанию продовольственной, квартирной помощи и по снабжению беженцев одеждою 26.333.796 р[уб]. в четверть года.

Имея ввиду, что кредит, потребный на удовлетворение нужд беженцев во 2-й четверти сего года, как то исчислено выше, определяется в размере 54.139.012 руб., следует признать, что таковой же кредит на предстоящую 3-ю четверть сего года должен быть определен в сумме 80.472.808 руб.

Этой послед[н]ей суммой не исчерпывается, однако, полностью все те расходы, которые предстоят Особому Совещанию в наступающем сметном периоде июль-сентябрь 1917 года.

На основании ст. 3 Закона 30 августа 1915 г. оказание временной помощи лицам, пострадавшим от военных бедствий, в том числе и беженцам, составляло задачу б[ывшего] Татьянинского Комитета. В силу сего, наряду с Особым Совещанием, весьма существенную помощь беженцам оказывал этот последний Комитет, получая на таковой предмет кредиты из средств Государственного Казначейства, минуя Особое Совещание, непосредственно от Совета Министров. Деятельность Татьянинского Комитета была главнейшим образом направлена к обслуживанию больных, требующих за собой ухода стариков и малолетних беженцев. В соответствии с этим Комитетом было оборудовано и содержалось значительное количество приютов, богаделен, убежищ и других учреждений призрения беженцев. Сверх того, из Татьянинского Комитета получали средства на содержание таковых же учреждений и некоторые национальные организации.

Как усматривается из имеющихся в распоряжении Особого Совещания данных, расходы Татьянинского Комитета достигали 31.355.000 руб. в полугодие или 5.000.000 руб. в месяц.

В заседании 15 апреля сего года Временным Правительством были одобрены предложения Особого Совещания по устройству беженцев по вопросу о дальнейшей деятельности б[ывшего] Татьянинского Комитета и о порядке отпуска средств названному комитету, потребных на призрение беженцев.

Как то было изложено в представлении о сему предмету Министерства Внутренних дел от 11 апреля за № 4092, Особое Совещание признало, что: 1) все учреждения попечения о беженцах, в том числе и Татьянинский Комитет, должны получать средства только из одного источника от Особого Совещания, 2) в связи с сим Татьянинский Комитет, продолжая и впредь, в ряду прочих организаций, обслуживать созданные им ранее учреждения призрения беженцев, прекращает субсидирование других организаций и последние получают необходимые средства только от Особого Совещания. Таковой порядок отпуска средств как самому Комитету, так равно и тем организациям, которые до сего времени получали кредиты от упомянутого Комитета, согласно предположению особого совещания подлежат приведению в исполнение, начиная с 3-ей четверти сего 1917 года.

Приложение 4

В исполнение приведенного постановления Особого Совещания сметные, по содержанию учреждений призрения беженцев, предположения национальных организаций, субсидировавшихся ранее Татьянинским Комитетом, подлежат внесению на общем основании на рассмотрение Особого Совещания по предварительном обсуждении их в подлежащих Городских и губернских совещаниях.

В связи с этим, несомненно, увеличивается как число учреждений призрения беженцев, так равно и количество последних, состоявших до сего времени на попечении организаций, подведомственных Особому Совещанию, а следовательно и размер средств, отпускавшихся до сего времени названным организациям.

По имеющимся в распоряжении Совещания сведениям Татьянинским Комитетом по принятым им нормам оказания различных видов помощи беженцам разассигновывалось национальным организациям на расходы по призрению детей в приютах и школах 2.265.000 руб. в месяц.

Имея в виду, что принятые Татьянинским Комитетом нормы для исчисления сметных расходов по содержанию последнее упомянутых учреждений призрения беженцев не только не превышают, а в некоторых случаях, даже ниже норм, установленных Особым Совещанием, и что потому одно изменение порядка кредитования национальных организаций не может уменьшить расходов последних по обслуживанию приютов и школ, Министерство Внутренних Дел полагает, что размер кредита, потребного на содержание тех же учреждений Особым Совещанием, не может быть ниже той суммы, которая по указанному назначению ранее расходовалась Татьянинским Комитетом.

В соответствии с сим, ведомство считает возможным определить предполагаемый в III четверть сего года расход по содержанию учреждений призрения беженцев, субсидировавшихся до настоящего времени Татьянинским Комитетом, в 6.000.000 рублей в четверть года, на какую сумму и надлежит увеличить исчисленный выше размер кредита, потребного на удовлетворение нужд беженцев в течение III четверти сего года.

Надлежит в прочем отметить, что принятое Особым Совещанием изменение в порядке отпуска средств Татьянинскому Комитету, имея своим последствием лишь изменение непосредственного распорядителя кредитов, очевидно, не может отразиться на размере производившихся до сего времени расходов Государственного Казначейства на оказание помощи беженцам, так как Особое Совещание по указанному назначению будет располагать средствами, отпускающимися ранее б[ывшему] Татьянинскому Комитету.

Особое совещание по устройству беженцев, при обсуждении в заседании 9 мая сего года вопроса о порядке отпуска средств на снабжение беженцев одеждою, признало необходимым, в целях заблаговременной заготовки зимней одежды, ассигновать причитающиеся по установленным на таковой предмет нормам кредиты одновременно за III и IV четверти сего года.

Из прилагаемой при сем особой ведомости расходов, произведенных во второй четверти и предстоящих на третью четверть года, видно, что расход Особого Совещания по удовлетворению потребностей беженцев в одежде и обуви, согласно принятых Совещанием оснований исчисления сметных расходов по оказанию помощи беженцам, определяется в сумме 8.238.865 руб. на четверть года, каковую сумму Министерство Внутренних дел и полагало бы, вместе с сим, испросить у Временного Правительства. Само собой разумеется, что при испрошении подлежащих кредитов на удовлетворение нужд беженцев на IV четверть сего года сметный расход Особого Совещания должен быть соответственно уменьшен.

Как то было изложено выше, согласно одобренного Временным Правительством заключения Особого Совещания, деятельность б[ывшего] Татьянинского Комитета сохраняется лишь в части, касающейся призрения беженцев в приютах, богадельнях и прочих учреждениях, обслуживаемых непосредственным распоряжением Комитета или его Отделений, подобно сметам других организаций, подлежат предварительному обсуждению в надлежащих Городских и Губернских Совещаниях, причем соответствующие средства Комитет получает от Особого Совещания.

В соответствии с сим те кредиты, которые ранее ассигновались по указанному назначению Татьянинскому Комитету, подлежат ныне перечислению в распоряжение Особого Совещания.

Выше было упомянуто, что расходы б[ывшего] Татьянинского Комитета, за первое полугодие сего года, выразились в сумме 31.355.000 руб., что составляет 5.225.000 руб. в месяц, или 15.675.000 руб. в четверть года.

По представленным Комитетом данным, расход последнего на содержание только обслуживаемых им и его Отделениями учреждений, согласно принятых Особым Совещанием норм, определяется в 370.343 руб. в месяц, или 9.121.029 руб. в четверть года. Следовательно, сокращение сметных расходов б[ывшего] Татьянинского, ныне Всероссийского Комитета пострадавшим от войны выразится в сумме около 6 ½ миллионов рублей в месяц.

Применительно к изложенному, Министерство Внутренних дел полагает определить расход по содержанию беженских учреждений б[ывшего] Татьянинского Комитета в размере 9.000.000 рублей в четверть года и испросить такую сумму у Временного Правительства.

Таким образом, общая сумма расходов, вызываемых оказанием помощи беженцам в период июль-сентябрь месяцы сего года, считая в том числе снабжение беженцев одеждой на все второе полугодие, должна быть определена в 103.712.673 р. (80.412.808+6.000+8.239.865+9.000.000=103.712.673 р.)

На основании всего изложенного, прошу Временное Правительство об отпуске в распоряжение Министерства Внутренних дел из средств Государственного Казначейства на удовлетворение нужд беженцев 104.000.000 рублей.

Подписал: За Министра Внутренних Дел

Приложение 4

Председательствующий в Особом Совещании В. Энгельгард

Скрепил: Управляющий делами

Особого Совещания Булгаков

РАСЧЕТ

Потребного ассигнования на беженцев⁴⁾

Губерния и области	Общее число беженцев (зарегистрированных)
Лифляндская	170543
Пермская	29830
Самарская	173004
Уфимская	68723
Эстляндская	7669
Кавказ	373553
Ростов-на-Дону Градоначал[ьство]	23856
Минская	145174
Могилевская	129586
Петроградская	72673
Приморская область	2100
Семипалатинская	316
Тобольская	15570
Томская	30005
Обл[асьт] Войска Донского	68395
Витебская	75887
Вятская	3652
Костромская	13178
Кронштадт	600
Новгородская	25503
Пензенская	61080
Псковская	28654
Смоленская	66749
Тамбовская	127398
Воронежская	49358
Курская	77955
Уральская область	6164
Московская губ[ерния]	41523
Одесское Градоначальство	20618
Московское Градоначальство	170784
Астраханская	38780
Екатеринославская	234700
Рязанская	70785

Губерния и области	Общее число беженцев (зарегистрированных)
Саратовская	143605
Симбирская	42450
Ярославская	42210
Турагайская область	14390
Бессарабская	672
Владимирская	25860
Киевская	59687
Вологодская	4902
Керчь-Еникал[е] Градонач[альство]	884
Подольская	9115
Таврическая	46624
Херсонская	21996
Ком[итет] Юго-Зап[адного] фронта Всерос- сийского] Земского Союза	100000
Харьковская	126915
Полтавская	48551
Черниговская	37910
Петроградская	28640
Тульская	43277
Орловская	83980
Калужская	61189
Акмолинская область	31936
Амурская	277
Виленская губ[ерния]	4905
Енисейская	12299
Забайкальская обл[асть]	1782
Иркутская	5962
Волынская	238553
Тверская	34747
Оренбургская	82960
Николаевское Градонач[альство]	3976
Казанская губ	62288
Итого:	3846877

ГАРФ. Ф. 6787. Оп. 1. Д. 88. Л. 20–28 об. Типографский экз.

¹⁾ Заголовок редактора.

²⁾ Датируется по документу.

³⁾ Место указывается по документу.

⁴⁾ Таблица приводится с сокращением столбцов, посвященных денежным расчетам.

Документ 2. Заключение Министерства финансов по представлению Особого совещания по устройству беженцев об отпуске из Государственного Казначейства средств на оказание помощи беженцам в июле – сентябре 1917 г., 3 августа 1917 г. № 8233, г. Петроград^{1), 2), 3)}

Г[осподину] Председательствующему в Совещании Товарищей Министров
Временного Правительства

Министерство внутренних дел представлением, за № 6620, ходатайствует перед Временным Правительством об отпуске 104.000.000 рублей на удовлетворение нужд беженцев в течение третьей четверти текущего года.

Согласно постановлению Совещания Товарищей министров от 12 минувшего июля считаю долгом сообщить нижеследующее заключение Министерства Финансов по сему делу.

Участие государства в материальной помощи беженскому населению было рассчитано, несомненно, на небольшое сравнительное время, пока беженец не остановится с новою для него обстановкою и не приищет себе занятий или других каких либо средств к жизни, поэтому затяжной характер оказываемой беженцам правительственной помощи едва ли оправдывается необходимостью ныне, когда время первой острой нужды пострадавших в поддержке уже прошло и большинство беженцев имели возможность так или иначе устроить свое существование в новых условиях. При существующем во время войны вообще, а ныне в особенности, спросе на труд и высокие цены на рабочие руки все способные к труду беженцы легко могли найти вполне достаточный для своего существования заработок и постепенно должны были освобождать государство от материальных о себе забот. При таких условиях, казалось бы, что расходы на обеспечение нужд беженцев должны постоянно идти к сокращению. На это обстоятельство неоднократно обращалось внимание Министерства Внутренних Дел бывшим советом Министров, который, признавая ненормальным затяжной характер помощи беженскому населению, в заседании 12 августа 1916 года, высказался за необходимость установления предельного срока оказания беженцам правительственной поддержки, возложив на Министра Внутренних Дел, как председателя Особого Совещания по устройству беженцев, разработку и внесение этого вопроса на обсуждение.

В каком положении находится этот вопрос, в Министерстве Финансов сведений не имеется. Засим, в заседании 16 декабря 1916 года, Бывшим Советом Министров вновь было указано на необходимость ограничения правительственной помощи беженцам, причем было п[о]ручено Государственному Контролеру образовать при Государственном Контроле

Межведомственное Совещание для обсуждения вопросов о целесообразности вообще дальнейшей за счет казны помощи беженцам, а равно об условиях, на которых означенная помощь может быть оказываема.

Расходы на обеспечение нужд беженцев (чрез Особое Совещание по устройству беженцев) в начале 1916 года составляли 25 милл[ионов] руб.

в месяц, к концу первой половины минувшего года они уменьшились до 20 милл[ионов] в месяц, в 3-ей четверти года они равнялись 17 милл[ионам] руб. в месяц, а на последнюю четверть года было отпущено по 15 милл[ионов] руб. в месяц. Такая же сумма была ассигнована и на 1-ю четверть 1917 года, причем из этой суммы подлежали еще выплате 3.470.000 руб. железным догам за перевозку беженцев и 2.971.753 руб. на пополнение расходов по Кавказскому наместничеству на обеспечение медико-санитарных нужд беженцев за прежнее время; следовательно, фактический расход на нужды беженцев в первой четверти 1917 года составил менее 39 милл[ионов] руб., а средний месячный расход в течение означенного полугодия понизился до 14 милл[ионов] руб. Таким образом, расходы на беженцев, действительно, стали постепенно уменьшаться.

В виду этого, а равно неоднократных указаний б[ывшего] Совета Министров на необходимость всемерной экономии средств государственного казначейства, испытывающего, в связи с войной, сокращения расходов на нужды беженцев, Министерство Финансов ожидало, что эти расходы будут понижаться и в дальнейшем. Поэтому для него совершенно неожиданным явилось распоряжение Временного Правительства об отпуске в самом конце первой трети 1917 года (постановление 21 марта) и на расходы именно этой трети — 28 милл[ионов] руб. Чем было вызвано такое крупное и экстренное ассигнование в Министерстве Финансов сведений не имеется.⁴⁾ На удовлетворение нужд беженцев в течение апреля-июня сего года постановлением Временного Правительства 25 марта сего года отпущено было 52 милл[иона] руб. Но в заседании 30 мая сего года, при обсуждении словесного заявления Товарища Министра Внутренних дел Д.М. Щепкина, Временным правительством было указано, что сметы по обеспечению нужд беженцев, подобные представленным прежде, впредь утверждаемы быть не могут и подлежат решительному сокращению.

Между тем, ныне Министерство Внутренних Дел, представлением за № 6620, испрашивает к отпуску на удовлетворение нужд беженцев в течение июля — сентября сего года 104 милл[иона] руб., т.е. вдвое более ассигнования на предшествующую треть или по расчету на каждый месяц свыше 34 милл[иона] руб. Таким образом, расход казны на беженцев не только не уменьшается сравнительно с последней четвертью 1916 года и первой 1917 года, когда он составлял около 15 милл[ионов] руб. в месяц, но наоборот увеличивается почти на 20 милл[ионов] руб. ежемесячно. Такое повышение расхода объясняется как видно из представления за № 6620, не только повышением — и нужно заметить весьма значительным — норм денежных отпусков, согласно постановлению Особого совещания по устройству беженцев, но и увеличением, также очень значительным числа беженцев, для которых денежные отпуски исчисляются, а именно: количество беженцев, пользующихся продовольственной и квартирной помощью, определяется ныне не в 50% общего числа всех беженцев, как это делалось ранее, а в 65%,

а число беженцев снабжаемых одеждой., определено в 50 % числа призреваемых беженцев, а не в 30% как прежде, причем никаких оснований для такого увеличения Министерство Внутренних дел не указывает.

Увеличение ассигнования на нужды беженцев в предстоящей трети объясняется, между прочим, также исключением расходов по учреждениям б[ывшего] Татьянинского Комитета, которые определены в 3 милл[ионов] руб. в месяц. Необходимо, однако заметить, что и эти последние расходы, выражавшиеся в 1917 году суммою в 3½ милл[иона] руб. в месяц, были признаны б[ывшим] Советом Министров подлежащими непременно сокращению. Как видно из утвержденного 21 сентября 1916 года, комитету предложено было принять меры к сокращению как числа субсидируемых им учреждений, так и размера отпускаемых этим учреждениям и расходующих самим комитетом сумм, с таким расчетом, который дал бы возможность подойти к предельному кредиту на первую половину 1917 года в сумме не выше 12 милл[ионов] руб., т.е. 2 милл[иона] руб. в месяц, и к дальнейшему понижению ассигнований на вторую половину 1917 года.

Резюмируя все изложенное, необходимо придти к заключению, что помощь государства беженцам должна иметь временный, а не затяжной характер, что большинство беженцев имели достаточное количество времени для приспособления к новым условиям жизни и приискания работы или средств к существованию, что трудоспособные беженцы, при современном положении вещей, не имеют права на материальную помощь государства и что расходы казны на призрение беженцев, не превышавшие в течение целого полугодия (конец 1916 г. и начало 1917 г.) 15 милл[ионов] руб. в месяц, подлежат не увеличению, а наоборот, сокращению, на что было указано Министерству Внутренних дел еще б[ывшим] Советом Министров.

Приняв, засим, во внимание, что до настоящего времени расходы казны на удостоверение нужд беженцев превысили уже 600 милл[ионов] руб., что финальное положение государства становится все более и более затруднительным и грозит серьезными для государственной жизни осложнениями и что Временным Правительством в заседании 30 мая с[его] г[ода] категорически указано на необходимость уменьшения расходов на нужды беженцев, Министерство Финансов считает себя обязанным высказаться за самое решительное сокращение испрашиваемого Министерством Внутренних Дел ассигнования, и полагает, что на предстоящие в течение июля — сентября расходы на призрение беженцев может быть ассигновано не более 45 милл[ионов] руб., считая в том числе и расходы на потребности, удовлетворявшиеся прежде б[ывшим] Татьянинским Комитетом, с тем, чтобы на следующую треть эти расходы были уменьшены до 10–12 милл[ионов] руб. в месяц, а в дальнейшем подверглись еще большему сокращению. Такое уменьшение испрашиваемого ассигнования, представляющееся необходимым по состоянию средств государственного казначейства, не может, по мнению Министерства Финансов, вызвать особых затруднений, так как Министерство

Внутренних дел в течение марта-июня месяца получило от Временного Правительства сверх тех норм, в которых выражались расходы последнего полугодия, 35 милл[ионов] руб и вместе с новым отпуском должно располагать достаточными средствами для удовлетворения неотложных нужд беженцев в ближайшей трети до разработки мер к дальнейшему, предугазанному Временным Правительством решительному сокращению означенных выше расходов.

К сему Министерство Финансов присовокупляет, что в счет испрашиваемой суммы Министерством Финансов отпущено уже Министерству Внутренних дел авансом тридцать миллионов рублей.

Подписал: За Министра Финансов
Товарищ Министра Вл. Кузьминский
Скрепил: Директор Г. Дементьев

ГАРФ. Ф. 6787. Оп. 1. Д. 88. Л. 31–32 об. Типографский экз.

¹⁾ Заголовок редактора.

²⁾ Датируется по документу.

³⁾ Место указывается по документу.

⁴⁾ Здесь и далее текст в документе подчеркнут простым карандашом.

Документ 3. Разъяснение Министерства внутренних дел в связи с заключением Министерства финансов по вопросу об ассигновании средств на оказание помощи беженцам в июле — сентябре 1917 г., 7 августа 1917 г. № 8543, г. Петроград^{1), 2), 3)}

Временному Правительству.

По Совещанию Товарищей Министров

В заседании 12 минувшего июля месяца Совещанием Товарищей Министров было заслушано представление Министерства Внутренних дел Временному Правительству об отпуске средств в размере 104.000.000 р[уб]., на удовлетворение нужд беженцев в течение Июля-сентября месяцев текущего года.

Не входя в ближайшее обсуждение вопроса о том, насколько испрашиваемая Министерством Внутренних Дел сумма отвечает действительной в том необходимости, Совещание признало соответственным, предварительно разрешения возбужденного Министерством Внутренних Дел ходатайства, иметь по сему предмету заключение Министра Финансов и Государственного Контролера.

В исполнение сего 3 августа с[его] г[ода] за № 8233 Министерство Финансов представило Председательствующему в Совещании Товарищей Министров свое заключение по упомянутому выше представлению Министерства Внутренних Дел.

Рассмотрев такое заключение, Министерство Внутренних Дел, с своей стороны, полагает необходимым отметить следующее:

В заседании 12 августа минувшего 1916 года быв[шим] Сов[етом] Министров, признавая своевременным установить предельный срок оказания правительственной помощи беженцам, возложил на Министра Внутренних Дел разработку и внесение такового вопроса на обсуждение Совета Министров.

Имея ввиду, что беженское движение было вызвано соображениями общегосударственного значения и что потому заботы по удовлетворению насущных потребностей нуждающимся в том беженцев должны лежать на обязанности Государства, Министр Внутренних Дел, полагая в то же время, что назначение предельного срока выполнения Государством своих обязанностей перед определенной частью населения, особо пострадавшей от военных действий, стоит в прямой зависимости от дальнейшего хода событий на театре военных действий, не признал возможным осуществление предложений Совета министров, почему и соответствующего представления Совету сделано не было.

Разработка того же вопроса была поручена засим Советом Министров Государственному Контролю в особо образованном с такой целью Междудомственным Совещании.

Предложения названного совещания, несомненно известные и Министерству Финансов, не внося существенных изменений в дело оказания помощи беженцам, не были заслушаны Советом Министров, в виду происшедшего государственного переворота.

В соответствии с сим и ныне Министерство Внутренних дел не видит оснований к прекращению дальнейшей помощи беженцам, которые, помимо их желания, так как высылка производилась распоряжением военных властей принудительно, и только в силу проживания их в мирное время в приграничных местностях, оказались оторванными от родных мест. Ведомство полагает необходимым заметить, как о том неоднократно доводилось в свое время до Сведения Совета Министров, что Особое Совещание по устройству беженцев, в состав которого входит также и представитель Министерства Финансов, оказывает помощь за счет ассигнований из Государственного Казначейства только той части беженского населения, которая, не имея своих средств к существованию, не может добыть их своим трудом по малолетству, старости или болезни.⁴⁾

В представлениях быв[шему] Совету Министров Министерство Внутренних Дел подробно представляло как в мерах, принимаемых в этом отношении Особым Совещанием, так равно и о результатах сих мероприятий.

В рассматриваемом заключении Министерства Финансов приводится справка тех ассигнований, которые делались б[ывшим] Советом Министров на удовлетворение нужд беженцев за истекшее время. Исходя из этого положения, что на 1 четверть 1917 г. в распоряжение Министерства Внутренних Дел было отпущено 45.000.000 руб., причем в счет той же суммы подлежали оплате расходы до 6 мил[лионов] руб. за прежнее время, Министерство Финансов приходит к заключению, расход за 1 четверть 1917 года выразился в сумме около 39 миллионов рублей.

С своей стороны Министерство Внутренних Дел полагает необходимым заметить, что таковое заключение Министерства Финансов не соответствует действительному положению дела.

В своих представлениях б[ывшему] Совету Министров Министерство Внутренних Дел неоднократно указывало на то обстоятельство, что испрашиваемые им кредиты на расходы по удовлетворению нужд беженцев являлись предельными и не могли подлежать уменьшению. Если тем не менее ассигнования б[ывшего] Совета Министров были менее тех сумм, которые испрашивались Министерством Внутренних Дел, как то имело место в отношении 1 четверти с.г., то таковые ассигнования не могут свидетельствовать о фактических расходах Особого Совещания по удовлетворению нужд беженцев, так как в действительности таковые расходы достигали 52 милл[ионов] руб. Последствием таковых сокращений со стороны б[ывшего] Совета Министров сметных предложений Министерства Внутренних дел и явилось ассигнование Временным Правительством в заседании 21 марта сего года 28 мил[лионов] руб., которые из кредита, отпущенного в распоряжение Министерства Внутренних Дел на 1 четверть, были разассигнованы различным учреждениям и организациям попечения о беженцах на покрытие расходов за прежнее время.

Останавливаясь на той части представления Министерства Внутренних дел Временному Правительству, в которой сообщается о принятых Особым Совещанием изменениях норм оказания помощи беженцам, Министерство Финансов указывает, между прочим, на то, что Министерство Внутренних Дел не приводит оснований увеличения числа беженцев (с 50 до 65 % общего числа их), на удовлетворение нужд которых испрашиваются кредиты.

В этом отношении Министерство Внутренних Дел считает долгом заметить следующее:

Особое Совещание по устройству беженцев, исходя из тех соображений, что одно только состояние данного лица в положении беженца не дает еще права на получение помощи за счет средств Государственного Казначейства и что таковое право принадлежит лишь беженцу действительно неимущему и нетрудоспособному, неоднократно делало соответствующие указания учреждениям и организациям попечения о беженцах, предложив последним в деле оказания помощи беженцам применять принцип индивидуализации.

Стремясь вместе с тем, к возможному ограждению Государственного Казначейства от излишних расходов, Особое Совещание признало соответственным установить предел средств, подлежавших отпуску каждой отдельной организации, и в целях определить то число беженцев, которое фактически могло бы пользоваться помощью.

По имевшимся в распоряжении Особого Совещания данным, сообщенным как Губернскими Совещаниями, так и равно различными общественными организациями, число беженцев, нуждающихся по своему семейному положению и возрасту в помощи, достигает 75% общего числа всех беженцев.

Приложение 4

Имея, однако, в виду возможность индивидуализации помощи, Особое Совещание полагало первоначально возможным установить как общее положение, что каждая отдельная организация имеет получать средства в размерах потребных на оказание помощи не более 50 % общего числа беженцев, зарегистрированных данной организацией.

Приведенное положение, устанавливая лишь основания исчисления сметных расходов, не определяло числа лиц, имеющих право на получение помощи, вследствие чего и принятое засим Особым Совещанием повышение указанного процента (с 50 на 65) не может рассматриваться, как расширение контингента беженцев, пользующихся правительственной помощью, а представляет собой лишь изменение единицы сметного исчисления расходов по удовлетворению нужд беженцев.

Что касается оснований, которые заставили Особое Совещание повысить установленные им ранее нормы исчисления расходов, то таковые изложены в представлении Министерства Внутренних Дел и заключаются в засвидетельственной всеми учреждениями попечения о беженцах недостаточности отпускаемых ранее средств.

Наконец Министерство Финансов, высказываясь за сокращение испрашиваемого Министерством Внутренних Дел на 3 четверть сего года кредита до 45.000.000 руб., полагает возможным покрыть за счет того же ассигнования и расходы на потребности, удовлетворявшиеся ранее бывшим Татьянинским Комитетом. Таковое Заключение Министерства Финансов, находясь в полном несоответствии с действительными расходами, произведенными в первой четверти, достигшими как то изложено выше, 52.000.000 руб. фактически будет иметь своим последствием сокращение расходов Особого Совещания еще на 5.000.000 руб. в месяц, т.е. на ту сумму, которая ранее ассигновывалась и действительно расходовалась бывшим Татьянинским Комитетом. Между тем, с преобразованием последнего и приурочением деятельности его, на ряду с прочими организациями, к ведомству Министерства Внутренних дел в лице Особого совещания, расходы последнего должны соответственно увеличиваться, а не сокращаться.

Об изложенных соображениях Министерство Внутренних дел считает долгом представить на усмотрение Совещания Товарищей Министров Временного Правительства в дополнение к представлению своему за № 6620.

Подписал: За Министра Внутренних Дел
Товарищ Министра В. Богульский

Скрепил: Управляющий делами Особого Совещания Булгаков

ГАРФ. Ф. 6787. Оп. 1. Д. 88. Л. 30, 30 об., 33, 33 об. Типографский экз.

¹⁾ Заголовок редактора.

²⁾ Датируется по документу.

³⁾ Место указывается по документу.

⁴⁾ Текст в документе подчеркнут простым карандашом.

Документ 4. Протокол заседания согласительной комиссии при Министерстве внутренних дел по вопросу об ассигновании средств на удовлетворение нужд беженцев, не ранее 23 сентября 1917 г., Петроград^{1), 2), 3)}

Временное правительство, рассмотрев в заседании 14 сего сентября месяца представление Министерства внутренних дел по вопросу об ассигновании из средств государственного казначейства кредита в размере 104.000.000 руб. на удовлетворение нужд беженцев в течение июля–сентября месяцев 1917 г., постановило передать настоящее дело для дополнительного ближайшего его соображения и согласования в особую имеющую быть для сего образованную при Министерстве внутренних дел Комиссию из представителей: Министерства внутренних дел, Министерства Финансов и Государственного контроля.

Образованная в исполнении сего Согласительная комиссия под председательством Товарища Министра внутренних дел В.М. Богущого и в составе члена Совета Министра финансов И.К. Христофорова, ревизора Департамента государственного казначейства П.И. Рудченко и помощника генерал-контролера департамента гражданской отчетности С.И. Неклюдова имела суждение по настоящему делу 18 сего сентября месяца.

На заседании присутствовали Управляющий делами особого совещания Б.А. Булгаков и представитель Объединенного совета съездов польских организаций С.Ю. Корсак.

По обмену мнениями Согласительная комиссия пришла к следующему заключению.

Согласно постановления Временного правительства от 14 сентября сего года обсуждению Комиссии подлежит представление Министерства внутренних дел по вопросу об ассигновании кредита на оказание помощи беженцам в течение III четверти сего года. Имея в виду, что сметный период, на который испрашивался Министерством Внутренних Дел кредит, в настоящее время уже заканчивается, Комиссия, прежде всего признала, что размер ассигнования средств на таковой период не должен превышать действительного, по указанному назначению, расхода Особого совещания. По сообщенным испрашивался Министерством Внутренних Дел данным, согласно указаний, преподанных Особому Совещанию Совещанием Товарищей Министров Временного правительства, Особое Совещание в расходах по удовлетворению нужд беженцев в III четверти придерживалось ранее установленных им норм оказания отдельных видов помощи.

Ввиду сего, фактический расход на удовлетворение нужд беженцев в III четверти года, применительно к таковому же расходу за минувшую вторую четверть сего года, исчисляется Министерством Внутренних Дел в 69.000.000 руб. Эта последняя сумма во II четверти складывается из 54.000.000 руб. расхода Особого Совещания и 15.000.000 руб. расхода б[ыв-

шего] Татианского, ныне Всероссийского, комитета помощи жертвам войны, который, начиная с III четверти, получает средства от Особого Совещания.

В соответствии с изложенным и считаясь с тем, что расходы в указанном размере фактически уже произведены, Согласительная комиссия, не входя в рассмотрение вопроса о том, насколько таковой расход соответствует действительной в том необходимости, высказалась за ассигнование в распоряжение Министерством Внутренних Дел на удовлетворение нужд беженцев в течение III четверти сего года 69.000.000 руб.

Засим Согласительная комиссия перешла к обсуждению по существу той части представления Министерством Внутренних Дел, которая имеет своим предметом предположения Особого Совещания об изменении оснований исчисления расходов по оказанию помощи беженцам и вызываемое таковым изменением норм увеличение расходов по указанному назначению Государственного казначейства по сравнению с предшествующим временем. Согласительная комиссия полагала необходимым разрешение сего вопроса в тех видах, что как Особое Совещание, так равно и подведомственные ему органы попечения о беженцах должны теперь же иметь точные указания о том, какими средствами они могут располагать при осуществлении мероприятий по оказанию помощи беженцам в предстоящей IV четверти сего года.

В этом отношении соглашения между представителями отдельных ведомств, входящими в состав Согласительной комиссии, не последовало.

Представитель Министерством Внутренних Дел Товарищ Министра Внутренних дел В.М. Богуцкий, указывая на то, что им, как Председательствующим в Особом Совещании, принимаются все меры к возможному сокращению расходов Государственного казначейства на оказание помощи беженцам, тем не менее, в виду особо бедственного положения последних, поддерживает заключение Особого Совещания о необходимости повышения некоторых оснований исчисления расходов по удовлетворению нужд беженцев. Применяемые ныне нормы, установленные в минувшем 1916 году, совершенно не соответствуют существующей в настоящее время дороговизне на все предметы первой необходимости и потому должны подлежать изменению.

На несоответствие установленных Особым Совещанием норм требованиям жизни указывают все общественные организации попечения о беженцах и в последнее время, по имеющимся в Министерством Внутренних Дел данным, на почве недостаточности отпускаемых средств на местах начинается брожение среди беженцев, грозящее перейти в открытое волнение; закрываются приюты и богадельни, которых сироты и безродные старики и старухи находили себе убежище. Товарищ Министра Внутренних Дел В.М. Богуцкий, исходя из тех соображений, что беженство было вызвано событиями, имеющими общегосударственное значение, полагает, что государство не может оставаться посторонним свидетелем страданий и постепенной гибели той части населения, которая случайно, лишь благодаря проживанию

в приграничном районе, должна была принять на себя всю тяжесть отступления наших армий. Имеющиеся в Министерстве Внутренних Дел данные свидетельствуют о том, что до 75 % общего числа беженцев составляют — не имеющие родных дети, больные старики и старухи и, наконец, матери, обремененные многочисленными семьями. Весь этот контингент беженцев, не имея возможности добывать своим трудом средства к существованию, имеет несомненное право на помощь со стороны Государства. Особое Совещание по устройству беженцев в интересах сбережения средств Государственного казначейства определяет число таковых неработоспособных беженцев лишь в 65 % общего числа беженцев и что число их является тем пределом, ниже которого идти нельзя.

Что же касается размера самих норм (продовольствие 7 р[уб]. 50 к[оп]., квартира 2–4 р[уб]. в месяц, одежда 15 р[уб]. в полугодие и проч[ее]), то существующие в настоящее время цены на предметы первой необходимости делают излишним приводить доказательства скромности таковых норм.

По изложенным соображениям Товарищ Министра Внутренних Дел полагает со своей стороны необходимым, начиная с IV четверти сего года, отпускать средства на удовлетворение нужд беженцев по нормам, установленным Особым Совещанием в заседании 9 мая сего года и в размере, исчисленном в представлении Министерства Внутренних Дел.

Представитель Министерства финансов член совета Министра финансов И.К. Христофоров, указывая на отсутствие точной регистрации беженцев, полагает, что общее число беженцев, показываемое в сметах отдельных организаций, представляется значительно преувеличенным, а потому он полагает, что если при правильном учете беженцев установленный Особым Совещанием процент (65) и будет соответствовать действительному составу беженской массы, то, при отсутствии такового учета и имеющейся тенденции к постоянному увеличению числа беженцев, применяемое ныне основание для исчисления расходов по оказанию помощи беженцам (50%) представляется совершенно достаточным. Что касается норм отдельных видов помощи, то имея в виду, что Особым Совещанием установлены не нормы действительной предельной выдачи беженцу, а лишь единицы сметного исчисления, представитель Министерства финансов полагал, что выработанные Особым Совещанием в минувшем году нормы не должны подлежать изменению.

В соответствии с сим расход по удовлетворению нужд беженцев в IV четверти 1917 г. должен выразиться, применительно к ассигнованию по тому же назначению в IV четверти минувшего года, в 45.000.000 руб.⁴⁾ К этой сумме надлежит добавить: 1) расход, вызываемый приурочением к Министерству Внутренних Дел деятельности б[ывшего] Татианинского комитета в том размере, в каковом этот расход определится в текущей III четверти сего года, и 2) 2.139.012 руб. в четверть года, представляющий собой излишний против IV четверти минувшего года расход по содержанию учреждений призрения беженцев.⁵⁾

Представитель Министерства финансов ревизор департамента Государственного казначейства П.И. Рудченко, указывая на крайне напряженное состояние средств Государственного казначейства и на состоявшееся еще в минувшем году постановление б[ывшего] Совета Министров о своевременности установления предельного срока оказания помощи беженцам за счет Государственного казначейства, высказался за необходимость сокращения расходов Особого Совещания по устройству беженцев. В этих видах представитель Министерства финансов, поддерживая данное последним заключение по настоящему делу Совещанию Товарищей Министров Временного правительства, полагал бы определить расход на удовлетворение нужд беженцев в течение IV четверти сего года в 36.000.000 руб.

Представитель Государственного контроля, помощник генерал-контролера С.И. Неклюдов присоединился к мнению члена Совета Министра финансов И.К. Христофорова.

Подписал: Председатель В. Богущкий

Скрепили: Неклюдов, П. Рудченко

№ 8751

ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 1321. Л. 2 об.—4. Типографский экз.

¹⁾ Заголовок редактора.

²⁾ Датируется по дате сопроводительного письма, адресованного Управляющему делами Временного Правительства.

³⁾ Место указывается по документу.

⁴⁾ Подчеркнуто от руки.

⁵⁾ На полях, напротив данного абзаца рукописная помета Надо указать, что можно действовать[?] лишь в пределах ассигнований.

Документ № 5. Правила о мерах привлечения беженцев к сельскохозяйственным работам, одобрены 29 марта 1917 г. Особым совещанием по устройству беженцев

1. Заведывание делом привлечения беженцев к сельскохозяйственным работам возлагается на особые уездные комитеты, образуемые под председательством уездного комиссара из представителей местных земских и городских учреждений, национальных организаций, ведающих делом попечения о беженцах, волостных комитетов, местных кооперативов и других местных общественных организаций.

Ближайшее определение состава этих комитетов и представительства отдельных учреждений и организаций предоставляется председателю комитета, по соглашению с уездной земской управой. От председателя зависит привлекать в состав комитета, на правах членов, отдельных лиц обоего пола, участие коих в работе комитета признается полезным.

2. Уездный комитет избирает из своей среды одно лицо в качестве своего неперменного члена, на которого возлагается заведывание делами комитета

и наблюдение за действительным исполнением всех принимаемых для привлечения беженцев к сельскохозяйственным работам мер.

3. Уездному комитету предоставляется привлекать для участия в проводимых им мероприятиях на местах волостные и сельские управления, волостные попечительства по призрению беженцев и по призрению семей призванных нижних воинских чинов, представителей общественных и национальных организаций, по соглашению с ними последними, а также особо приглашенных для сего лиц, служащих в земских и городских самоуправлениях, равно частных лиц обоего пола.

4. На уездные комитеты возлагается: а) организация посредничества между владельцами земли, единоличными и групповыми, в том числе сельскими обществами, частями селений, земельными товариществами и т.п., с одной стороны, и беженским населением — с другой, в целях предоставления землевладельцам, путем вербовки, отдельных рабочих из числа беженцев, одиночных или с их семьями; б) образование из беженцев и их семей рабочих артелей в целях последовательного направления их на места спроса рабочей силы; в) обеспечение нанимающихся, как в случаях вербовки (п. а) отдельных беженцев, так и при организации артелей (п. б), необходимым помещением и содействие в установлении справедливых условий вознаграждения беженского труда, в том числе обеспечение рабочих со стороны нанимателей продовольствием и т.п.; г) предоставление нанимателям, располагающим необходимым сельскохозяйственным инвентарем, семенами и проч. орудиями и средствами сельскохозяйственного промысла, как отдельных рабочих, так и групп их для обработки земли из доли будущего урожая, либо на иных, кроме денежной платы, договорных условиях; д) предоставление группам беженцев, с их семьями, возможности арендовать остающиеся ныне без обработки части крупных земельных площадей частных и казенных, при условии снабжения таких групп беженцев-арендаторов необходимым живым инвентарем, семенами и проч., а также выдачи им, в пределах необходимости, ссуд и безвозвратных пособий, а равно содействие к предоставлению в пользование их земледельческих орудий из прокатных пунктов земских и Министерства земледелия; е) точная регистрация и учет всех ставших на сельскохозяйственные работы беженцев; ж) заботы по обеспечению первоначальной медицинской, санитарной и юридической помощью ставших на сельскохозяйственные работы беженцев; з) помощь в обратном возвращении тем из беженцев, ставших на сельскохозяйственные работы, коим, по окончании работ, это окажется необходимым (напр[имер], по отсутствию в тех местах заработков, в виду необходимости возвратиться к семьям и т.п.).

5. Осуществляя мероприятия, указанные в ст. 4, уездный комитет согласует таковые с деятельностью других учреждений, ведающих в уезде делом распределения контингента иных (не беженских) рабочих сил.

6. Средства на осуществление всех изложенных мероприятий, равно на организационные расходы подлежащих учреждений отпускаются Особым

Приложение 4

совещанием по устройству беженцев по соответствующим представлениям уездных комитетов из кредита на оказание помощи беженцам.

7. В случаях, не терпящих отлагательства, необходимые на первое время кредиты отпускаются и до поступления смет в виде авансов.

8. Льготная перевозка на счет казны по тарифу № 117—1915 г. беженцев допускается с 1 апреля по 1 октября лишь из городов в сельские местности, или из одной сельской местности в смежную; в прифронтовых губерниях допускается, по требованиям военных властей о доставке сельскохозяйственных рабочих, льготная перевозка их только из соседних губерний.

9. Общее наблюдение и согласование деятельности местных учреждений и организаций в деле привлечения беженцев на сельскохозяйственные работы, а равно осведомление Министерства внутренних дел о ходе всего дела возлагается на лиц, уполномоченных Особым совещанием по устройству беженцев.

Правила о мерах привлечения беженцев к сельскохозяйственным работам //
Известия Министерства земледелия. 1917. № 13. С. 246.

Приложение 5

ГОЛОСА БЕЖЕНЦЕВ, 1915–1922 гг.

Документ 1. Прощение беженцев Гродненской губернии на имя губернатора Тобольской губернии, 20 октября 1915 г., дер. Ольгино Малиновской волости Тобольского уезда Тобольской губернии¹⁾, 2), 3), 4), 1

Его превосходительству г[осподи]ну губернатору
Тобольской губернии беженцев-крестьян Гродненской губернии
Бельского уезда Дубяженской волости деревни Снежки 1. Ефима
Яковлева Козлова, 2. Петра Яковлева Козлока, 3. Ильи Петрова
Кондратюка, 4. деревни Погребово Петра Карпова Шимончука

Высокопокорнейшее прошение

Мы, просители, прибыли в Тобольскую губернию и уезд в Малиновскую волость в деревню Ольгино. первый 3 сентября с[его] г[ода]⁵⁾ 1915 года, следуя чрез станцию железной дороги Голышманову в числе 6 душ семейства, 4 мужского и 2 женского полов душ. Следующего возраста: Ефим Яковлев 60 лет, жена Анна 40 лет, дочь София 20 лет, сыновья Евсей 12 лет, Лука 8 лет и Александр 5 лет. Означенное семейство, переписанное у г[осподи]на станового пристава в Голышмановой Ишимского уезда. Последние 8 октября сего же 1915 г., следуя чрез город Тобольск, Петр Яковлев в числе 3 душ. Одна мужского и 2 женского полов следующего возраста Петр 58 лет, жена Елена 40 лет, дочь Прасковья 11 лет. 1го Ефима и 2го Петра Яковлевичей Козловых 1го Филипп и 2го Карп сыновья в действующей армии на войне. Илья Петров Кондратюк 47 лет, жена Акулина 46 лет, дочери Устинья 20 лет, Дарья 17 лет, сын Петр 10 лет и дочь надежда 7 лет. Петр Карпов Шимончук 23 лет, братья Иван 19 лет, Давид 10 лет, сестры Прасковья 8 лет и Екатерина 4 лет. Овдовевшая по пути следования по железной дороге мать Ксения 45 лет и мать ее и моя бабушка Мелания Яковлева Баранчук 67 лет. Итак, мы, последние три семейства, переписанные у г[осподи]на крестьянского начальника 2го участка Тобольского уезда.

Все мы, просители, живем в овине и квартируем в своих знакомых и отчасти родственников как переселенцев, поселившихся тут лет несколько тому назад, на их собственные средства. Но так как в настоящем районе год неурожайный посредством засухи, то им самим трудно прожить год до урожая нового хлеба, ибо все дорого.

А как мы люди не мастеровые, а лишь хлебопашцы, оставили все свое старое приобретение ни за что, кто успел одеться-обуться, наложить шапку, а кто-то и нет, без шапки и босиком рассеялись как овцы под огнем немцев, кто на лошадях, а большинство пешком бежали до города Минска. Тут оставили остатки своего имущества и по нашему ходатайству на счет казны поставили в настоящую местность, где и проживаем. Мы же с утесненной

¹⁾ См. документы № 3, 4.

местности, беззажиточные и крайне бедствующие на средства родственников своих, хотя до весны 1916 г. прожить не можем.

А по всему вышеизложенному честь имеем осмелиться и почтительнейше просить Ваше превосходительство отдать распоряжение Ваше на удовлетворение наших семейств от казны ссудой на продовольствие как беженцев, за время нашего проживания с 1го с 3го сентября, а последних с 8го октября сего 1915 года.

Что же может касаться нашего причисления, то вынуждены ждать весны для усмотрения местности удобной.

На что приписуемся, а по безграмотству прочих просителей по их личной о том просьбе, равно и сам за себя расписался Петр Козлов.

1915 год октября 20 дня.

ГАТ. Ф. И-344. Оп. 1. Д. 110. Л. 55–56. Рукопись. Подлинник.

¹⁾ Заголовок редактора.

²⁾ Датируется по документу.

³⁾ Место приводится по документу.

⁴⁾ На обороте документа надпись Вход № 8 26 ноября 191__ г. В Тобольский уездный комитет о беженцах на распоряжение 10 ноября 1915 г. № 49474 Непременный член [подпись нрзб.], а также рукописная резолюция Дать свед[ения] о семейн[ом] полож[ении] с указанием возр[аста] и трудоспос[обности], а также и о эконом[ическом].

⁵⁾ Так в документе.

Документ 2. Прошение беженца из Гродненской губернии Романа Венидиктова Степанюка на имя губернатора Тобольской губернии, 17 ноября 1915 г., дер. Соснова Бегишевской волости Тобольского уезда Тобольской губернии^{1), 2), 3), 4)}

Его превосходительству г[осподи]ну Тобольскому губернатору
Крестьянина Гродненской губернии Бельского уезда
Павловской волости дер. Соцы Романа Венидиктова Степанюка

Прошение

Война с Германией вынудила меня оставить родину и перекочевать в Сибирь с семейством в числе 10 человек, прибыв Тобольского уезда Бегишевской волости в дер. Соснову [...] ⁵⁾, я на время поселился у своего родственника, крестьянина из ссыльных Екима Германюка, человека по нос бедного и обремененного своим семейством. Прибыл я в дер. Соснову 27 сентября и по прибытии мною было подано прошение по принадлежности об оказании мне с семьей вспомоществования, но вот уже проходит два месяца, а я не вижу ни откуда никакой помощи и я с семьей голодны и холодны, должны страдать и мучиться за чужие грехи и умереть с голоду.

На родине я был полным хозяином, хотя не богатым, но достаточным, но всего лишился и в настоящее время должен питаться милостыней или умереть с голоду.

Такое критическое обстоятельство вынудило меня обратиться к Вашему Превосходительству с покорнейшей просьбою оказать мне с семейством должное вспомоществование для пропитания голодающей семьи, ибо жители, среди которых я в настоящее время поселился, не только ни в состоянии оказать мне какую-либо помощь, но уже сами во всем нуждаются и иногда сидят голодом. Какое последует распоряжение, прошу объявить мне чрез Бегишевское волостное правление¹.

Ноября 17 дня 1915 года.

Роман Степанюк

ГАТ. Ф. И-344. Оп. 1. Д. 110. Л. 111–111 об. Рукопись. Подлинник.

¹⁾ Заголовок редактора.

²⁾ Датируется по документу.

³⁾ Место приводится по документу.

⁴⁾ На первом листе имеются: 1) штамп Тобольского губернского управления по крестьянским делам с входящим номером 11927 и датой 27 ноября 1915 г., а также штамп канцелярии тобольского губернатора с датой 25 ноября 1915 г.; 2) рукописная резолюция карандашом в верхнем левом углу документа поверх текста 5 1/2 пайков, 1 руб. 10 коп. в день, на месяц 33 руб. Ниже синим карандашом помета К выд[аче], еще ниже: В Уезд[ный] ком[итет] о беж[енцах]. На обороте от руки написано: Настоящее прошение Тобольским губернским управлением препровождается в Тобольский уездный комитет о беженцах на распоряжение. 2 декабря 1915 г.

⁵⁾ Текст в документе нрзб.

Документ 3. Прошение беженцев Гродненской губернии в Тобольский уездный комитет о беженцах, 5 января 1916 г., дер. Ольгино Малиновской волости Тобольского уезда Тобольской губернии^{1), 2), 3), 4), 2}

В Тобольский уездный комитет о беженцах крестьян-беженцев Гродненской губернии Бельского уезда Дубяженской волости деревни Снежки и Погребов, ныне проживающих в поселке Ольгинском Малиновской волости Тобольской губернии и уезда Ефима Яковлева Козлова и других

Прошение³

¹ Бегишевское волостное правление 13 января 1916 г. получило следующий ответ от уездного комитета: «Объявите просителю, что ему уездным Комитетом о беженцах назначено пособие в размере 30 рублей, каковое будет выдано через вол[остного] старшину». Самому просителю об этом решении было объявлено 23 января 1916 г. См.: ГАТ. Ф. И-344. Оп. 1. Д. 110. Л. 116.

² См. документы № 1, 4.

³ В ответ на данное прошение из Тобольского уездного комитета в Малиновское волостное правление 17 января 1916 г. поступил ответ следующего содержания: «Объявить просителям, что им назначено пособие Тобольским уездным комитетом по журналу от 13 сего января, которое и будет выдано вол[остным] старшиной семье Ефима Козлова и Петра Козлова одновременно до назначения пособия по закону 25 июня 1912 года по 15 рублей каждому. Семье Ивана Кондратюка 30 рублей и Петра Шимончука — 40 рублей». См.: ГАТ. Ф. И-344. Оп. 1. Д. 110. Л. 113.

В ноябре месяце минувшего 1915 г. в означенный комитет направленное наше прошение чрез канцелярию губернского правления как поданное на имя г[осподи]на губернатора о выдаче нам ссуды на прокормление наших семейств, каковое вступило на распоряжение Комитета и как мы до настоящих времен не можем дожидаться Комитетского распоряжения и удовлетворения остаемся вынуждены просить Комитет не медлить с удовлетворением, как и другие, удовлетворяющее, ибо мы рассчитываем на таковое удовлетворение, хотя встретить праздник Рождества Христова и Новый год, хотя не с ватрушками, а довольны куском черного хлеба, и надеть на ребят рубашонки кое-какие. Чего чрез неудовлетворение Комитетом таковой ссудой пришлось означенные праздники встретить нам с нашими семьями встретить горячими слезами и по ныне. А по всему вышеизложенному просим насколько возможно ускорить зависящее распоряжение и удовлетворить нас, как и по прочим местам удовлетворяются.

На что и приписуемся за безграмотных Козлова и других по личной о том просьбе расписался Никадим Антонов Гаришкевич.

1916 года января 5го дня.

ГАТ. Ф. И-344. Оп. 1. Д. 110. Л. 112–112 об. Рукопись. Подлинник.

1) Заголовок редактора.

2) Датируется по документу.

3) Место приводится по документу.

4) На полях документа рукописная резолюция нрзб.

Документ 4. Прошение беженца из Гродненской губернии Ефима Яковлева Козлова в Тобольский уездный комитет о беженцах, 22 января 1916 г., дер. Ольгино Малиновской волости Тобольского уезда Тобольской губернии^{1), 2), 3), 4), 1}

В Тобольский уездный комитет о беженцах
Беженца из крестьян Гродненской губернии
Бельского уезда Дубяженской волости деревни Петровщина
Ефима Яковлева Козлова, ныне проживающего в Тобольской губернии
и уезде малиновской волости в деревне ольгине
Покорное прошение

Я, проситель, следуя в означенное место, где проживаю чрез станцию железной дороги Голышманову Ишимского уезда и село Голышманово 130 верст пути следования от названной станции, где в селе Голышмановом сделанная моему семейству по числу 6 душ семейства господином крестьянским начальником и становым приставом переписка, а не оказали мне малейшей помощи достаться в Ольгине. Причем я благодаря еще милости крестьянина, что умилился на мою просьбу поверить мне в долг нанялся

¹ См. документы № 1, 3.

за 10 рублей 50 коп. извёз мое семейство в Ольгино, коих я одновременно уплатил 5 руб. и 50 коп., а остальные 5 руб. уплатил ныне, как получил 15 рублей пособия от казны.

Таким образом, я не имею ни малейших средств в продолжение продовольствоваться. Еще к сему я, проситель 60 лет, жена тоже, дочь 19 лет, остальное семейство 3х мальчиков старшему 12 лет, кроме того, хотя нет в семействе работников, но нет и заработков. Бывший же работник у меня сын Филипп Ефимович Козлов, которого трудами жена, я и все означенное семейство взят ратником на войну в первую мобилизацию, т.е. первый призыв, в июле месяце 1914 года. И я на такового не получаю пособие как прочие, почему так, я не знаю, а полученные 15 рублей: расходовав на уплату долгов, сделанных по продовольствию еще до получения. Ныне же нет чем жить и одеть ребят, не имею в чем послать детей в училище.

А посему вышеизложенному прошу Комитет как в таковом, что возбуждено ходатайство раньше обратить внимание свое на действительную сущность сего моего прошения и издать распоряжение об ускорительном удовлетворении по расчету, следуемому беженским пособием. А равно пособием за сына ратника Филиппа как единственного кормильца, дабы возбудить свое ходатайство за его на предмет пособия по месту моего первого жительства в Гродненской губернии. Я не имел на то возможности, одновременно был я угнан на работы в окопы, где был все время, когда [...] ⁵⁾ разогнали рабочих с окопов, то я еле добежал до дому, не успел даже насущного куска хлеба изготовить, взять в путь бегства своего, ушли босые и нагие, следовали в 12 верстах от врага немца. Его настижения пока нить отделились.

На что расписуюсь, а по безграмотству и личной просьбе расписался Никодим Горошкевич.

1916 года января 22 дня

ГАТ. Ф. И-344. Оп. 1. Д. 110. Л. 126–127. Рукопись. Подлинник.

¹⁾ Заголовок редактора.

²⁾ Датируется по документу.

³⁾ Место приводится по документу.

⁴⁾ На полях документа рукописная резолюция нрзб.

⁵⁾ Текст документа нрзб.

Документ 5. Прошение беженцев из Гродненской губернии в Тобольский уездный комитет о беженцах, 16 мая 1916 г., дер. Ольгино Малиновской волости Тобольского уезда Тобольской губернии^{1), 2), 3), 4)}

В Тобольский уездный комитет о беженцах беженцев Гродненской губернии Брест-Литовского уезда Рогаченской волости дер.

Быстры Клементия Яковлева Савчинского и Бельского уезда Дубяженской волости дер. Дубно Марии Клементьевны Терлецкой, ныне проживающих в дер. ольгино малиновской волости Тобольского уезда и губернии

Покорнейшее прошение

Мы, вышепрописанные беженцы, со 2-го октября минувшего 1915 года жили в Самарской губернии Богорусланском уезде, в Большой Сурпецкой волости селе Артемьевка, где и получали беженское пособие, как и другие беженцы. Именно я, Клементий 50 лет, жена Агафья 40 лет, сыновья Филипп 14 лет, Александр 8 лет Савчинские, получали ежемесячно. Именно выдано:

10 октября 1915 г. 4 рубля 50 к[оп].

11 ноября -/- — 3 -/- 60

20 декабря -/- — 13 -/- 50

27 января 1916 г. — 9 -/-

11 февраля -/- — 9 -/- 60

18 февраля -/- — 17 -/- 40

17 марта -/- — 9

23 апреля -/- — 9 -/- 60

Я, Мария Клементьевна Терлецкая, 20 лет:

10 октября 1915 г. получила 1 рубль 50 к[оп].

11 ноября -/- — 1 -/- 20

20 декабря -/- — 4 -/- 50

27 января 1916 г. — 2 -/- 25

11 февраля -/- — 2 -/- 40

18 февраля -/- — 4 -/- 35

17 марта -/- — 2 -/- 25

23 апреля -/- — 2 -/- 40.

И как из-за большой дороговизны разных товаров и продуктов вынуждены [...] ⁵⁾ переместиться в означенную местность, почему 9 мая сего 1916 года прибыли в дер. Ольгино.

А по вышеизложенному просим означенного Комитета о выдаче нам беженского пособия по месту нашего жительства в Ольгине чрез Малиновское волостное правление, сколько причитается за следующее время.

На что и расписуемся, а как по безграмотству и личной об этой просьбе расписался Никадим Горошкевич.

1916 года мая 16 дня.

ГАТ. Ф. И-344. Оп. 1. Д. 110. Л. 305–305 об. *Рукопись. Подлинник.*

¹⁾ Заголовок редактора.

²⁾ Датируется по документу.

³⁾ Место приводится по документу.

⁴⁾ На полях документа рукописная резолюция нрзб.

⁵⁾ Текст документа нрзб.

Документ 6. Прощение беженца из Гродненской губернии Петра Карпова Шимончука в Тобольский уездный комитет о беженцах, 15 июня 1916 г., дер. Ольгино Малиновской волости Тобольского уезда Тобольской губернии^{1), 2), 3), 4)}

В Тобольский уездный комитет о беженцах беженца Гродненской губернии Бельского уезда Дубяженской волости деревни Погребов, ныне проживающего в деревне ольгино ныне малиновской волости Тобольского уезда Петра Карпова Шимончука

Прощение

У меня, просителя, 4-ре нетрудоспособные души, кои должны пользоваться беженским пособием ото казны, как и прочие, на равных с другими. Именно бабушка моя, т.е. мать моей матери Меланья Яковлевна Баранчук, и родной мой брат Давид 11 лет, сестры Прасковья 10 лет, Екатерина 5 лет Карповы Шимончук, и бабушка 75 лет. Мы, беженцы, прибыли с одного места как губернии, так и уезда и волости с другими и одновременно, и пособие нам всем назначено и выдано на один срок всем, как и другим, проживающим тут же. Только не поровну всем. И как Комитет разъясняет, что таковое пособие выдается не по числу душ семейства, а на нетрудоспособных. И как на таковые души в пример из среды нас, беженцев, Илья Кондрачук на 2ве души, и Петр Козлов на 2ве души нетрудоспособные получили по 102 рубля. Я же, Шимончук, на 4ре души получил 153 руб. Следовательно, мне еще не додано 51 рубль. А потому-то прошу Комитет добавочные 51 руб. при выдаче следующей получки.

На что расписуюсь собственноручно Петр Карпович Шимончук.

1916 года июня 15 дня.

ГАТ. Ф. И-344. Оп. 1. Д. 110. Л. 228–228 об. *Рукопись. Подлинник.*

¹⁾ Заголовок редактора.

²⁾ Датируется по документу.

³⁾ Место приводится по документу.

⁴⁾ На полях документа штамп Получено 21 июня 1916 г. № 63, а также рукописная резолюция нрзб.

Документ 7. Прощение беженки из Гродненской губернии Татьяны Ефимовны Гапонюк на имя губернатора Тобольской губернии, 7 августа 1916 г., пос. Святославский Малышенской волости Ишимского уезда Тобольской губернии^{1), 2), 3), 4)}

Его превосходительству господину губернатору
Тобольской губернии крестьянки-беженки Бельского уезда
Дубяженской волости дер. Петровщина
Татьяны Ефимовны Гапонюк

Прощение

Я, просительница, прибыла в настоящий сибирский край с мужем моим Осипом Федоровичем Гапонюк и двумя малолетками ребят, разместились мы в Ишимском уезде Малышенской волости в пос. Святославском в первых числах минувшего 1915 года сентября месяца. В феврале месяце 1916 г. муж мой Осип Федорович Гапонюк ратником принят на военную службу, и ныне мне не известно, где находится. Я получала пособие в Малышенской волости. Получила всей суммы 26 рублей, с каковой выдала сестре мужа Аксиньи Гапонюковой 18 рублей как таковые и выдавались на меня, моих детей и на Гапонюкову как члену семьи. Дети мои обои умерли. Я состою беременная, работать некому, что есть ходить и то затруднительно, как нездоровой. Осталась нагая, босая и голодная. Дозналась, что в Тобольском уезде Малиновской волости деревне Ольгино есть родные беженцы, же куда я и пожелала переменить свое жительство, т.е. названную Ольгину. 1 августа сего 1916 года и как в малышенской волости состоялась выдача пособия беженцам, то мне отказали, сказали, что я могу заработать, а я и ходить не могу.

А по всему вышеизложенному честь имею просить Ваше Превосходительство отдать распоряжение об зачислении моего жительства в Ольгино и выдаче мне беженского пособия кормового по месту нового жительства как я не работница, на что расписуюсь, а по безграмотству и личной о том просьбе расписался Никадим Горошкевия.

1916 года августа 7 дня.

ГАТ. Ф. И-344. Оп. 1. Д. 110. Л. 316. Рукопись. Подлинник.

¹⁾ Заголовок редактора.

²⁾ Датируется по документу.

³⁾ Место приводится по документу.

⁴⁾ На полях документа имеется штамп канцелярии тобольского губернатора с датой 27 августа 1916 г., а также рукописная резолюция 1. Затребовать Ишимского к[омите] та сведений о том, за какое время удовлетворена просительн[ица] пайком и по получении предлож[ить] Тобольск[ому] уезд[ному] к[омите]ту принять ее на учет и попечение с выдачею продовол[ьственного] и квар[тирного] пайка.

Документ 8. Прощение беженца из Гродненской губернии Ивана Васильева Сегеня на имя члена Государственной Думы П.Н. Милюкова, 23 сентября 1916 г., мест. Брагина Речицкого уезда Минской губернии^{1), 2), 3)}

Его Превосходительству Члену Государственной Думы
Павлу Николаевичу господину Милюкову беженца
Гродненской губернии Кобринского уезда Ивановской волости
м. Иванова, ныне живущего в м. Брагина Речицкого уезда Минской губернии, вероисповедания православного Ивана Васильева Сегеня

Прощение

Осмелюсь всепокорнейшее просить Ваше Превосходительство простить меня, что я осмелился утруждать Вашу личность и всепокорнейшее прошу как избранника народа устраивать все правды законов направить мое заявление прилагаемое при сем его высокопревосходительству председателю Государственного Совета в его собственные руки в виду того, чтобы стало во известность как внутри России служат и как расходуют казенные государственные деньги и казенны[е] лошади и с прислужой полицейских урядника и стражников и к тому заведующий о[тец] Бондарук творит какову неправду.

А по сему прошу обратить внимание на такову личную растрату как это могло бы чрез учреждение волостных правлений раздаваться пайковое пособие беженцам, без никаких расходов, а о[тец] Бондарук Священническое жалование получает и заведующим по 120 рублей в месяц и жена его получила по 30 руб. в м[есяц] еще такова прислуга генеральска, а несчастные беженцы всего получают пайка по 4 руб. 50 коп. и квартирные по 1 руб. на семейство до четырех душ, а больше и не дают при такой дороговизне страдают от такового скудного пайка, а кто жирной то тому еще больше дают жиру.

Проситель Иван Сеген, а за него неграмотного по его личной просьбе расписалась Л. Борисюк.

23 сентября 1916 года.

ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 3074. Л. 4. Рукопись. Подлинник.

¹⁾ Заголовок редактора.

²⁾ Датруется по документу.

³⁾ Место приводится по документу.

Документ 9. Прощение беженцев из Гродненской, Виленской и Волынской губернии на имя члена Государственной Думы П.Н. Милюкова, 17 октября 1916 г., с. Чумляк Чумлякской волости Челябинского уезда Оренбургской губернии^{1), 2), 3)}

Господину Члену Государственной Думы
Павлу Николаевичу Милюкову беженцев Оренбургской губ[ернии]
Челябинского у[езда], Чумлякской волости

Покорнейшее прошение

Вынуждаемся беспокоить Вас, Павел Николаевич. Осели мы в Челябинском уезде с осени 1915 г. Нынешний год Зий неурожайный. Работ не было не только для пришлых, но и для уцелевшего от мобилизации местного населения. Какие были работы мы, поскольку нам их предлагали выполняли. Но пленные, как молодые и здоровые и семей не обремененные, были здесь нам конкурентами, работая по низкой плате. Так что за истекшее лето ни мы, мужчины, ни наши семьи не могли заработать себе на пропитание до будущего года. А с мест выселения, Гродненской, Виленской и Волынской губ[ерний], мы явились сюда совершенно разоренными. Вся надежда наша оставалась на казенное пособие. Но за ноябрь нам пособие не выдали неизвестно почему: все наши поиски его не имели успеха. Теперь мы не получаем пособия уже три месяца, также неизвестные, где и почему оно задерживается. Получив пособие мы хотя бы сообщали могли сделать какие-либо заготовки на зиму, пока цены на все не возросли до невозможности что-либо купить. А это предвидится в виду неурожая. Так что нам предстоит смерть от голоду и холоду. Местный волостной комитет нас к тому же презирает, руководимый бессердечным председателем, Чумлякским священником М. Баевским, который посылает нас топиться (тонуть) в реке Миассе. Так что рассчитывать на местную помощь нам почти невозможно. По слухам же, нас как будто на половину хотят совершенно лишит казенного пособия. Это решение мы считаем чудовищным по своей бессердечности. Кроме того, местные власти в начале весны объявили, что кто будет из беженцев на работах, тот против других может рассчитывать и на пособие. Теперь же этих работников в первую очередь лишают пособия.

Мы телеграфировали обо всем в комитет Е[е] И[мператорского] В[ысочества] Княгини Татьяны Николаевны, указывали на поступок — на отношение к нам председателя волостного комитета, просили помощи и защиты, но и при оплаченной телеграфном ответе мы ответа из комитета не дождались.

Обращаемся к вам, радатель народный, высокочтимый Павел Николаевич, с объяснением нашего положения, покорнейше прося довести о нем куда следует и похлопотать хотя бы даже с трибуны Государственной Думы об улучшении нашей участи. Знаем, что у вас все минуты заняты, но кроме вас мы не знаем кого просить с верой, что добьемся просимого. Умоляем вас, старцы и дети, мужчины и женщины, все голодные и холодные: не дайте нам погибнуть голодной смертью и померзнуть на чужбине.

1916 г. Октября 17 дня.

Село Чумляк Чумлякской волости Челябинского уезда Оренбургской губернии, беженцы, а по уполномочию их беженцы Василий Оверчук, Павел Познаков, Семен [...] ⁴⁾

Ответ о Вашем решении сообщите по адресу:

Чумляк Оренбург

Павлу Ивановичу Оверчук.

Для ответа прилагаем и открытку.

ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 3074. Л. 7. *Рукопись. Подлинник.*

1) Заголовок редактора.

2) Датируется по документу.

3) Место приводится по документу.

4) Текст документа нрзб.

Документ 10. Прощение беженца из Ковенской губернии Владислава Пляткуса в Центральную коллегия по делам пленных и беженцев, 17 июля 1918 г., г. Пермь ^{1), 2), 3), 4), 5), 6)}

В Центральную Коллегию по делам о беженцах в г. Москве гражданина Владислава Пляткуса, проживающего в городе Перми по Петропавловской ул., д. 161, кв. 9

Прощение

Желаю возвратиться немедленно на родину для обработки полей околица [...] ⁷⁾ волости Новомеская Ковенской губернии Поневежеского уезда, где ожидают меня находящиеся там в беспомощном положении жена Агата и две дочки Вароника и Констанция Пляткусы. Покорнейше прошу прислать мне официальное разрешение на право выезда моего в указанную выше оккупированную местность с пояснением, сколько разрешается брать с собой багажа и продуктов.

г. Пермь

17 июля 1918 г.

проситель Пляткус

ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 7. Д. 15. Л. 148. *Рукопись. Подлинник.*

¹⁾ Заголовок редактора.

²⁾ Датируется по документу.

³⁾ Место приводится по документу.

⁴⁾ В левом верхнем углу документа рукописная помета синим карандашом нрзб. Под ней помета красным карандашом К делу № 8.

⁵⁾ В верхнем правом углу документа штамп Центральная коллегия о пленных и беженцах 28 июл. 1918 г. Вх. № 9917.

⁶⁾ В правом нижнем углу документа штамп Получено отделом о беженцах Центральной коллегии пленбеж «29» VII 1918 Вх. № 1856.

⁷⁾ Текст документа нрзб.

**Документ 11. Письмо беженки из Волынской губернии Марии Шиги-
маревой управляющему делами СНК РСФСР В.Д. Бонч-Бруевичу¹,
24 марта 1919 г., г. Москва^{1), 2), 3), 4)}**

Многоуважаемый Владимир Дмитриевич,

Простите что не будучи Вам знакомой известной осмеливаюсь утруждать своим письмом, да еще с покорнейшей просьбой. В апреле если, отправлять будут беженцев, так и я хочу уехать из Москвы к себе в Волынскую губ[ернию] в город Кременец, а всепокорнейшая моя просьба состоит в том, чтобы Вы Владимир Дмитриевич по доброте своей разрешили мне взять с собой 5 пудов багажа (может быть, не будет столько на всякий случай пишу больше) и дали разрешение чтобы моего багажа не осматривали, у меня все будет хорошо уложено а при ревизии все разбросят, из газет знаем что при ревизии красноармейцы и гвардейцы многое забирают себе от бедных беженцев а в пути ходят и отбирают последний кусок сахару и хлеб а начальство отбирают деньги в свою пользу. У меня ничего запрещенного нет, а только в сундуке по 5–6 пар разного белья, два старых платья, летнее пальто, одеяло зимнее, осеннее, летнее, покрывало, в ложечек чайных накладного серебра и старая золотая брошка, а чемодане — 2 подушки, матрац и корзинка, в которой 5 банок от чая, в которых я привезла сюда с сахаром, а теперь беру пустые, как говорится у меня теперь нет ни ложки, ни плошки. Так они пригодятся на что-нибудь и 8 коробочек от конфет с разными женскими работами и безделушками и при себе будет 200 руб., которые я сэкономила из маленькой моей пенсии. Верьте, Владимир Дмитриевич, моему старческому честному слову, что я не осмелилась бы Вас обманывать и лгать, а пишу сухую правду. Я получала пенсию из Кременецкого казначейства, так буду ли ее получать и теперь по возвращении по месту жительства. Мой муж заслужил ее служа 20 лет в Северо-Западном крае в Гродненской губ[ернии] прежде военной службе, 4 года в прежнем суде, 4 г. стряпчим и 12 лет мировым судьей. В 1884 по расстроенному здоровью и совету доктора вышел в отставку, 8 лет жили в Новгородской губ[ернии] в имении, в 1892 продали его поехали в Петроград, мы очень скучали по деревне и по знакомых купили в 1894 г. В Волынской губ[ернии] клочок земли 5 дес[ятин] саду и огород, где построились и обзавелись всем нужным. В 1915 г. по приказу начальства должна была все бросить и уехать, в 5 дней, по моему от[ъ]езду австрийцы заняли целый Кременецкий уезд и село, в котором я жила. Поселились в моем доме, в котором, как говорится, дом был полная чаша, вся порядочная обстановка, много посуды столовой, чайной, кухонной, все хорошие вещи, хозяйственный инвентарь, урожай 1915 г., все это завладели

¹ Бонч-Бруевич В.Д. (1873–1955) — революционер, большевик, советский партийный и государственный деятель, доктор исторических наук, этнограф, писатель. Один из ближайших соратников В.И. Ленина. Брат М.Д. Бонч-Бруевича. С 1918 г. — управляющий делами СНК РСФСР.

австрийцы и когда их по прошествии 9 месяцев наши войска выгнали их из занимаемых местностей, они мои 2 дома и 6 сараев и полсела уничтожили, все сровняли землей, даже все у меня заборы уничтожили и я осталась на старости лет только с тем, что могла взять с собой, что поименовано в начале письма, а больше у меня ничего нет. Если я лишена буду пенсии по причине отделения Украины от России, так мне положительно нечем жить будет. Если бы я была здорова, как прежде, ни от какой работы не отказывалась бы, но теперь меня одолели болезни и я работать не могу. Вы, Владимир Дмитриевич, и многоуважаемый Владимир Ильич Ульянов (Ленин), все в вашей власти, все можете сделать, не лишайте меня, бежную⁶⁾ вдову, лишенной всего этой пенсии, если я не могу ее получают из Московского казначейства в г. Кременце в казначействе, так можно позволить получать ее моему брату с надписью на расчетном листе получать пенсию такому то, для передачи такой-то. Я живу здесь уже 3 1/2 года, на свои скудные средства приехала сюда, из беженского комитета ничего не получаю, так покорнейше прошу Вас посоветовать мне, могу ли я от куда-нибудь получить пособие за 3 1/2 года, ведь все получают, а я нет.

Еще забыла написать в начале, что у меня будет 1/4 чаю в дороге попить, но без сахара, так как я уже год как пью чай без сахару. Многоуважаемый Владимир Дмитриевич, удостойте меня милостивым ответом на все мои просьбы.

Многоуважающая Вас,

Мария Шигимарева.

1919 г. Марта 24

Живу я Покровка,

Угол Машкова пер.

Дом № 35, квар[тира] 1

ГАРФ. Ф. Р-130. Оп. 3. Д. 202. Л. 13–16. Рукопись. Подлинник.

¹⁾ Заголовок редактора.

²⁾ Датируется по документу.

³⁾ Место приводится по документу.

⁴⁾ В правом верхнем углу прямоугольный штамп Управление делами Крестьянск[ого] и Рабоч[его] Правительства Республики России 27/III 1919 г. Вход № 5808.

⁵⁾ Испр. по смыслу, в документе чумадане.

⁶⁾ Так в документе.

Документ 12. Письмо беженца из Холмской губернии Гайды в Центральную коллегия по делам пленных и беженцев, не ранее 12 мая 1919 г., г. Казань^{1), 2), 3)}

Много уважаемый товарищ [,] я как уроженец Холмской губернии Томашовского уезда, Буду Вас просить о нас[,], несчастных Беженцах, Может Вы нас выкупите из Этой Беды, этой несчастной нашей гибели, Дорогой Товарищ[,], это от Всех Беженцев[,], проживающих В Городе Казани⁴⁾. Усердно Вас Просим[,], Будте настоль добрым и сознательным человеком,

Неоставте нашей прозбы[,] Дайте нам возможность пробраться На свою нам дорогую родину, пушчай наши рабочие[,] оставшиеся под игом капитала[,] Узнают, Что Делается в Советской России, Да, Далбы нам Господь Добраться до наших Затемнелых Товарищей[,] Мы бы им указали, Что Делается на Свете и помоглибы им взяты за дело и вношой стороне. Пушчай Бы Знала Буржуазия[,] что Значит Рабочий Люд, Достаточно им Там из деваться над Нашим Товарищем, Достаточно им Барствовать и набивать Карманы. И Еще Раз прошу от имени Всех Беженцев Неоставть Нашой прозбы.^{5), 6), 7), 8)}

Даздраствует Российская Советская Ф[едеративная] Республика

Даздраствует Всемирная Советская Республика

Дазгинет Вся Буржуазия Навеки

Писал Товарищ Гайда⁹⁾

ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 135. Л. 23. Машинопись. Подлинник.

¹⁾ Заголовок редактора.

²⁾ Датируется по другим документам дела.

³⁾ Место приводится по документу.

⁴⁾ Городе Казани подчеркнуто красными чернилами.

⁵⁾ На левом поле документа штамп Получено отделом о беженцах Центральной Коллегии и плен. и беж. 13/V 1919 Вх. № 1648. Слева поверх текста документа резолюция красными чернилами Оставить без внимания за неуказанием адреса 14/V-19 [подпись нрзб.].

⁶⁾ С правой стороны текста рукописная помета синим карандашом 12/XI.

⁷⁾ Справа поверх текста документа надпись простым карандашом К делу.

⁸⁾ В правой нижней части документа штамп Центр. Кол. о плен. и беж. 12/V 191... Вх. № 15611.

⁹⁾ Под текстом документа от руки вписано Извеняюсь Что Плохо Писал Мало Грамотный Нужно Поучится Грамоты.

Документ 13. Письмо латышских беженцев в Центральную коллегия по делам пленных и беженцев, 12 сентября 1919 г., г. Курск^{1), 2), 3), 4)}

В Центропленбеж из Курска 12 сентября 1919 г.

Мы[,] беженцы города Риги[,] Латвии[,] [в] числе восьми семейств находимся критическом положении[,] многие из нас старики[,] некоторые большие члены семейств[,] при нас тоже некоторые большие[,] требующие семейной обстановки и лечения[,] убедительно просим товарищей Центропленбежа и Наркоминдела разрешить Курскому губпленбеж[у] теперь же до наступления холодов отправить нас на родину группой с семьями всего [в] числе 16 человек[,] Спешность обуславливается еще и тем[,] что на родину уже переехали некоторые из нас[,] родители престарелые старики с нашими малолетними детьми весною этого года и остались без присмотра на произвол судьбы[,] Просим распоряжения военным властям о пропуске нас через фронтную полосу по усмотрению или Двинск — Режица[,] или Псков[,] о следующих Ваших распоряжениях просим сообщить нам Курск Новопретворенская 43 Поссевин 145

Клинтен Бредне Грималис Поссевин Моор Лубберт Вельнер Наруп

ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 7. Д. 1. Л. 73. Машинопись. Подлинник.

¹⁾ Заголовок редактора.

²⁾ Датируется по документу.

³⁾ Место приводится по документу.

⁴⁾ На полях документа рукописная резолюция Отправить нельзя [далее — нрзб. 20/IX].

Документ 14. Прощение беженцев, проживающих в с. Ивановка Ивановской волости Оренбургского уезда Оренбургской губернии в Центральную коллегия по делам пленных и беженцев, 12 ноября 1919 г., с. Ивановка^{1), 2), 3)}

В коллегия «Пленбеж» центра беженцев-страдальцев империалистической войны, проживающих в селе Ивановке той же волости Оренбургского уезда и губ[ернии]⁴⁾

Прощение

Объявите нам на каком основании находятся беженцы в настоящее текущее время?

Обращаемся мы к вам потому что несмотря на декреты, изданные Советской властью для облегчения страдальческой жизни беженцев, жизнь наша не облегчается. Одним из декретов С.В. беженцы были поставлены в праве голоса с гражданами России. Мы же этого права не имеем с местным населением, где временно проживаем. Не имеем мы потому что в местных совдепах правят не сочувствующие нашей жизни. В кооперативе-потребилровке засели крупные торговцы, которые теснят нас, не давая нам продукты [первой] необходимости наравне с местным населением, хотя мы и внесли членский взнос. Центральное правление всероссийского союза беженцев отпустило на нужды беженцев 35000 рублей. Мы же не получаем ни одной копейки ни подушно, ни помесечно, начиная с июля месяца 1918 года. По постановлениям из телеграмм за № 386 31 янв. и за № 587 28 февраля 1918 года из Петрограда организовывали и регистрировывали к эвакуации на родину, но по разным причинам войны нас не вывезли. За остановкою эвакуации нам обещали денежное пособие, но никогда не выдавали до сего времени посылаемым нашим уполномоченным и не присылали по общанию по почте. В декрете о мобилизации для Красной Армии войск мы были освобождены, но несознательные местные люди добились того, чтобы мобилизовали и беженцев. Но беженцы посылали в г. Оренбург уполномоченных с таким условием, если для их семей будут даны даровые квартиры с отоплением и хлеб, то они пойдут на службу. Это условие утверждено давно, но так как местные исполкомы не выполняют это условие, то и они не идут. Наконец, телеграмма от 3 марта 1918 г. за № 926 из Петрограда и много других телеграмм из Оренбурга и Самары предлагали для местных властей об ограждении выступления беженцев из мест временного их проживания и об оказании им помощи хлебом, деньгами и даровыми квартирами, но ни

одно из этих предписаний не проведено в нашу жизнь-страдание местной властью. За неимением даровых квартир мы становимся на квартиры за бесплатную работу, работая день и ночь не покладая рук, рвем свою последнюю одежду и обувь и получаем за это клички: хохлы-лентяи-дармоеды и много других. Отрабатывая за квартиру, нам некогда заработать насущный кусок хлеба для детей и стариков. Есть и извлечение — телеграмма № 926, не позволяющая самовольный выезд беженцев, вообще правильна, но мы за исполнение ее и за ожидание правильной эвакуации каемся, потому что кто, не поверив, поехал на лошади чуть не заехал уже на родину и пишет, что заехал благополучно и хлеба вдосталь по России. И так с наступлением весны 1920 года все беженцы станут последние пожитки и начнут отправляться на родину. Этим они еще больше внесут разруху в свою страдальческую жизнь. В предупреждение этого надо оказать посильную помощь, чтобы утвердить веру в благожелании С.В. в их страдальческой жизни. Но не так мы ждем таковой помощи, как ждем долгожданной эвакуации на пепелище нашей любимой родины Белоруссии. Ждем мы победы Доблестной Красной Армии над поработителями панам поляками. Докладываем мы, беженцы, об нашем желании о присоединении Гродненской губернии и вообще Литво-Белоруссии к центру С.В. и о проекте, по котором можно бы вывести Беженцев из ивановской волости Оренбургского уезда и губернии по заключении мира с Польшей после победы хотя бы зимой этого 1919–1920 года.

Выбранный уполномоченный беженцев, проживающих в с. Ивановке той же волости Оренбургского уезда и губ[ернии] Василий Мойсик.

ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 146. Л. 159–160 об. Машинопись. Подлинник.

¹⁾ Заголовок редактора.

²⁾ Датируется по документу.

³⁾ Место приводится по документу.

⁴⁾ В левом верхнем углу документа штамп с текстом Центральная коллегия о пленных и беженцах Административный отдел 12/XII 1919 г. Вход. № 7611.

⁵⁾ В правом углу документа штамп Центр. Кол. о плен. и беж. ____ 191__ г. Вх. № 34511.

⁶⁾ Оренбургского уезда и губ[ернии] подчеркнуто красными чернилами.

Документ 15. Телеграмма председателю Совнаркома РСФСР В.И. Ленину от беженцев из Гродненской и Виленской губерний, проживающих в Верхнем Уфалее, 16 апреля 1920 г., г. Верхний Уфалей^{1), 2), 3)}

Телеграмма тов. Ленину от беженцев,
проживавших в В-Уфалее в Москву:
16 апреля 1920 г.

Просим обратить внимание на наше критическое положение за время пятилетнего проживания в здешней местности[.] Эвакуированы из Гродненской и Виленской губернии[.] остались совершенно без всяких средств,

голодны, раздеты, разуты[.] Помещаемся в скотных избенках[.] потому просим Вашего распоряжения о перемещении на свою родину или имение «Барковский» в близости своей родины[.] Благоволите телеграфировать[.] Председатель ста семейств беженцев Верхне-Уфалейского завода Грицевич.

ГАРФ. Ф. Р-130. Оп. 2. Д. 512. Л. 24. Машинопись. Подлинник.

¹⁾ Заголовок редактора.

²⁾ Датируется по документу.

³⁾ Место приводится по документу.

Документ 16. Заявление в СНК РСФСР от беженцев из Минской, Гродненской и Виленской губерний, 29 апреля 1920 г., Сокольская волость Липецкого уезда Тамбовской губернии^{1), 2), 3)}

В Совет Народных Комиссаров Российской Социалистической
Федеративной Советской Республики беженцев Минской,
Гродненской и Виленской губ[ерний] в числе двухсот человек,
проживающих в с. Желтые пески, Воскресенке и Ильино Сокольской
вол[ости] Липецкого уезда Тамбовской губ[ернии]

Заявление

Более пяти лет как мы насильно были выселены с своих оседлых мест по случаю кровавой бойни в войну России с Германией и временно поселены в Тамбовской губ[ернии] в Липецком у[езде] до распоряжения на обратное возвращение в свои оседлые места. Между тем мы, как оторванные частично от своих семей и разделенные на несколько частей и от своих обычных занятий, вынуждены были проживать на всевозможные подачки местного населения и в нередких случаях жизнь сама по себе заставляла идти против распоряжений и заниматься спекуляцией, не находя другого выхода из бедственного положения на почве голода. Но с наступлением тяжелого времени для страны в продовольственном отношении мы, как беженцы почему-то все время преследуемые местным оседлым населением, не имеем возможности приобрести куска хлеба, потребного для поддержания существования своих семейств по весьма высоким ценам и должны питаться только нормой, выдаваемой упродком¹ в размере 10 фунтов смеси муки и 3 1/3 фунта пшена в месяц на душу, каковой нормы далеко не достаточно и отпуск каковой бывает не постоянно. Несмотря на неоднократное наше заявление о наделе нас землей наравне со всеми оседлыми гражданами нам отказывают на следующем основании: «Так как беженцы не относятся к числу оседлого населения и с каждым днем может быть распоряжение о возвращении их на свои места, поэтому и не могут быть наделены землей и не может им быть оказано никакое содействие и помощь и не несут государственных повинностей». Между тем все беженцы, согласно декретов, не освобождаются от государственных

¹ Упродком — уездный продовольственный комитет.

повинностей, а несут их наравне со всеми гражданами как то: подлежат призыву в ряды армии и многие уже призваны, а также выполняют и другие трудовые повинности, за что и пользуются далеко не достаточными и даже не ежемесячными подачками упродкома, что влечет за собой голод и всевозможные заболевания среди этих лиц, что за последнее время наблюдалось в массовых случаях. Имея в виду, что советская власть действительно всесторонне защищает интересы трудовых масс, мы как мелкие труженики-земледельцы, несчастно оторванные от своих постоянных занятий и несчастно пострадавшие разорением своих имуществ противниками во время кровавой войны и очутившись в настоящее время без всяких средств к жизни, просим обратить внимание на наш голос и разрешить нам свободный проезд на наши оседлые места для продолжения жизни с оставшимися там детьми, братьями и отцами, что несомненно послужит на благо в процветании пролетариата и чем спасете несколько десятков пролетарских семей от гибели и смерти.

Сообщая об изложенном, еще раз просим обратить внимание на наше заявление и о последующем уведомить через Соколовский волостной Совет Липецкого у[езда] Тамбовской губ[ернии], так до настоящего времени выезд беженцам из этого района местными уездными властями не разрешается.

[9 подписей]

29 апреля 1920 г.

ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 185. Л. 16–17 об. Машинопись. Подлинник.

¹⁾ Заголовок редактора.

²⁾ Датируется по документу.

³⁾ Место приводится по документу.

Документ 17. Прощение беженцев из Гродненской и Минской губерний на имя председателя Совнаркома РСФСР В.И. Ленина, не ранее 14 мая 1920 г., г. Камышлов Екатеринбургской губернии^{1), 2), 3)}

Председателю Совета Народных Комиссаров товарищу Ленину

Прощение

Граждане Гродненской и Минской губ[ерний] решили обратиться с величайшей просьбой к председателю Совета Народных Комиссаров т. Ленину о выдаче разрешения на право выезда на родину в вышеназванные губернии, так как граждане беженцы названных губерний, находившиеся в пределах далекой и холодной Сибири, в течение пяти годов не имея никакого приюта, влачат жалкое существование. Мы слышали как наши братья рабочие и крестьяне поднимают красное знамя труда над нашей родной землей. Мы находимся в Сибири и, не имея возможности пробраться на родину, чтобы строить на родной земле новую и свободную жизнь, убедительно просим товарища председателя не отказать в нашей просьбе. Вышеназванные граждане, проживающие в гор[оде] Камышлове Екатеринбургской губернии, в чем и подписуемся

И. Стрешков, Степан Стельмах, Захар Стельмашук, Роман Илюсек, Степанович Артемий, Яков Вайтюк, Роман Букта, Петр Стельмашук⁴⁾, Александр Ковардей, Трофим Корзан, Павел Зуднюк, Федор Золинский, Антон Швед, Павле Казак, [...] ⁵⁾, Бортничук Лука, Гутак Стефан, Якоцик Даниил, Баран Тадеуш, Якоцюк Семен, Федор Якоцюк, Григорий Корзан, Михаил Кочюба, Виктор Антонюк, Иван Василевский, Хомич Лаврентий, Матвей Семенюк, Иван Сидоренко, Яков Старченко¹.

Верно [подпись нрзб.]⁶⁾

ГАСО. Ф. Р-1159. Оп. 1. Д. 19. Л. 15. Рукопись. Копия с копии.

¹⁾ Заголовок редактора.

²⁾ Датируется по другим документам дела.

³⁾ Место приводится по документу.

⁴⁾ И. Стрешков, Степан Стельмах, Захар Стельмашук, Роман Илюсек, Степанович Артемий, Яков Вайтюк, Роман Букта, Петр Стельмашук *подчеркнуто простым карандашом.*

⁵⁾ Фамилия и имя нрзб.

⁶⁾ Перед подписью стоит штамп Делопроизводитель.

Документ 18. Письмо беженца из Гродненской губернии И.С. Попкова, не ранее 14 мая 1920 г., дер. Больше-Ефимово Камышловского уезда Екатеринбургской губернии^{1), 2), 3)}

От гражданина беженца Иустина
Степановича Попкова Гродненской
губ[ернии] Волковыского уезда
Зельвянской волости дер. Бородичи

Прошу я вас, товарищи граждане Р.С.Ф.И. Совета⁴⁾, мы, беженцы, проживающие в Екатеринбургской губ[ернии] Камышловском уезде Внов-Юрмытской волости⁵⁾ в дер. Болшо-Ефаново⁶⁾, пострадавшие от германской войны, так как нам сейчас жить очень тяжело, потому что мы остались голодны и холодны, за 5 годов какая была у нас одежда и обувь, все износилось, и денег нету ни копейки, так что нам сейчас пришло тяжелое наше положение. Общество, в котором мы сейчас живем, нас заставляет нести ту же повинность, что мы остались, каждому известно, голодны и холодны, у нас одежи-обуви нету, а свое мы имущество оставили на своей родине. Просим мы вас, товарищи, [сообщить,] когда Вы нас отправите на родные места, или еще долго, потому что мы из силы выбились, и общество Болшо-Ефановское не дает нам казенной земли для обработки посева хлеба. мы спрашивали общества земли казенной посеять для себя хлеба, то нам общество, в котором живем, сказало «нету вам земли, а иди [к] крестьянину работай за кусок хлеба», то прошу я вас, товарищи, разъяснить нам подробно, нам дано равноправие, а нам

¹ В сентябре 1920 г. эта же группа беженцев отправила на имя В.И. Ленина новое прошение о возвращении на родину. Однако и эта просьба осталась без удовлетворения по причине войны с Польшей. См.: ГАСО. Ф. Р-1159. Оп. 1. Д. 19. Л. 99, 100.

общество разве не вправе не дать казенной земли, или же вправе мы, беженцы, если захочешь высказаться где-нибудь на собрании, что-нибудь докладывать, то нам общество наперво ответит, что вы, беженцы, не имеете права голоса, прямо вовсе занижают⁷⁾ нас, беженцев, местные жители. Еще мы вас, товарищи Центральный Исполнительный Совет⁸⁾, просим, разъясните нам нашу просьбу и отправьте нас, беженцев, на свои родимые места, потому что мы уже 5 годов из сил выбились и еще просим вас, товарищи, может нас, беженцев, обеспечили бы чем-нибудь одежей и обувью и чем-нибудь [еще], потому что мы из сил выбились, прошу я вас, товарищи, дайте нам ответ, причем⁹⁾ скорее, на это наше заявление, за что будем благодарить. Прошу, товарищи, дайте нам ответ, причем скорее, на наше это заявление.

Адрес: [в] Екатеринбургскую губ[ернию] Камышловского уезда Вновь-Юрмытскую волость дер. Болшо-Ефремово¹⁰⁾ беженцу Иустину Степановичу Попкову

С подлинным верно:

Начальник Отделения [подпись нрзб.]^{1,2}

ГАСО. Ф. Р-1159. Оп. 1. Д. 19. Л. 19. Машинопись. Копия.

1) Заголовок редактора.

2) Датируется по другим документам дела.

3) Место приводится по документу.

4) Так в документе.

5) Так в документе. Должно быть Вновь-Юрмытской.

6) Так в документе.

7) Так в документе.

8) Так в документе.

9) Здесь и далее испр. по смыслу, в документе чем.

10) Так в документе.

¹ Екатеринбургское губернское управление по эвакуации населения своим ответным письмом от 14 мая 1920 г. известило Камышловский уездзак, что «в настоящее время никакой отправки беженцев нет как на Юг, так и на Запад до особого распоряжения из Центра», по причине чего просьба И.С. Попкова осталась без удовлетворения. См.: ГАСО. Ф. Р-1159. Оп. 1. Д. 19. Л. 16.

² Ситуация, описываемая в документе, была типичной. К началу 1920-х гг. Беженцы усложнили и без того сложное социально-экономическое положение в регионе, что вызвало неудовольствие как местных жителей, так и местных властей. Так, в сентябре 1921 г. в Екатеринбургское губернское управление по эвакуации населения (Губзвак) поступила телеграмма следующего содержания: «В-Уфалейский исполнительный комитет настоящим доводит до Вашего сведения, что... в связи с продовольственным кризисом продовольственное положение беженцев катастрофическое, наблюдаются случаи вымирания от голода. А потому Волисполком просит Вашего разрешения об отправке беженцев на родину, желательно бы в кратчайший срок, ибо таковыми ежедневно осаждаются исполком с просьбой об отправке их на родину» (ГАСО. Ф. Р-1646. Оп. 1. Д. 27. Л. 40). 13 февраля 1922 г. власти Каменского уезда телеграфировали: «Положение беженцев катастрофическое, которые осаждают от голода, помощи оказать не можем, а потому отправляем [их в] распоряжение Губзвака» (ГАСО. Ф. Р-1646. Оп. 1. Д. 39. Л. 3).

Документ 19. Заявление уполномоченному Представителю Литовской Республики от уроженца Литвы Викентия Викентьевича Никипорчика, 27 февраля 1921 г., г. Кунгур^{1), 2), 3)}

Уполномоченному Представителю Литовской Республики гражданина-уроженца Литвы Викентия Викентьевича Никипорчика, проживающего в гор. Кунгуре Пермской губ[ернии] по ул. Труда д. № 35

Заявление

Империалистическая война 1914–1918 года в связи с последующими политическими событиями вырвала меня из Литовской стороны, которая является моей действительной родиной по происхождению, родственным и имущественным интересам. Родившись в местечке [...] ⁴⁾ уезда Ковенской губернии, до 1910 года я проживал, учился и служил в гор. Ковне, что видно из данных, зафиксированных в представленном мною послужном списке, а с 1910 г. по день мобилизации 1915 года — в г. Вильне. По указанным выше причинам была вынуждена эвакуироваться в Россию и моя семья, при чем отец моей жены, Агафья Николаевны, уроженки [...] волости [...] уезда Виленской губернии до ныне проживает в г. Вильне вместе с другими родственниками. Точно также как и мои дот ныне живут в с. Александровская слобода Ковенского уезда и губернии. То обстоятельство, что я состоял студентом Московской Академии помешало мне вернуться на родину непосредственно после демобилизации старой армии в 1918 году. А затем последовало закрытие границ и новая мобилизация, благодаря которой я до ныне состою на военной службе в звании инструктора в 7 запасном инженерном батальоне⁵⁾ Приуральского военного округа. Ныне же определенно время воспользоваться правами, вытекающими из заключенного между Литовской и Российской республиками мирного договора и ряда [...] приказов и распоряжений в смысле оптации литовского гражданства. Убедительно прошу товарища представителя родной Республики принять меры к моему полному освобождению от военной службы в Русской Армии с восстановлением моих прав литовского гражданства для выезда на родину, т.е. в пределы Литвы вместе со своею семьею. При этом считаю необходимым добавить, что мое движимое⁶⁾ имущество до ныне остается в г. Вильне.

При сем предоставляются: посвидетельствованная копия бессрочной паспортной книжки за № 165 и сокращенная копия послужного списка за № 486.

Гражданин Литовской республики Инструктор [В.В. Никипорчик]
К ходатайству мужа присоединяюсь [Агафья Никипорчик]
27/II-1921 г.
г. Кунгур

Приложение 5

ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 187. Л. 44–45. Рукопись. Подлинник.

¹⁾ Заголовок редактора.

²⁾ Датируется по документу.

³⁾ Место приводится по документу.

⁴⁾ Здесь и далее текст в документе нрзб.

⁵⁾ В 7 запасном инженерном батальоне подчеркнуто чернилами.

⁶⁾ Движимое вписано над строкой.

Документ 20. Заявление гражданина Латвийской Республики Эрнеста Федоровича Башбауэра начальнику Пермского губернского управления по эвакуации населения, 28 февраля 1921 г., г. Пермь^{1), 2), 3)}

Начальнику Пермского Губэвака гр[ажданина]
Латвийской республики Башбауэр Эрнеста Федоровича

Заявление

Страдаю туберкулезом легких в скоротечной форме, требующей срочно-го и непременно курортного лечения, а также перемену климата, и учитывая предстоящую весеннюю оттепель в приуральских условиях, могущую дальше убивать мое чрезвычайно расшатанное здоровье, прошу Губэвак исходатайствовать для меня внеочередной проезд⁴⁾ в Латвию, т.к., по мнению врачей-специалистов, лечение в латвийских курортах может безусловно восстановить мое здоровье до прежнего состояния.^{5), 6), 7)}

Э. Башбауэр

28/II-21 г.

ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 187. Л. 19. Рукопись. Подлинник.

¹⁾ Заголовок редактора.

²⁾ Датируется по документу.

³⁾ Место приводится по документу.

⁴⁾ Внеочередной проезд подчеркнуто чернилами.

⁵⁾ Слева поверх документа резолюция В регистрационно-учетный стол/ Направить [в] Центр и ходатайствовать, чтобы предоставили право отправления на родину.

⁶⁾ Внизу в левом углу документа штамп Пермский Губэвак Получено 2/III 1921 г. Вх. № 537.

⁷⁾ Внизу в правом углу документа штамп Центр. Кол. о плен. и беж. 21/III 1921 г. Вх. № 4249.

Документ 21. Заявление бухгалтера Пермского окружного артиллерийского склада Приурво Фрица Эрнестовича Осиса, гражданина Курляндской губернии Туккумского уезда Стурговской волости, 22 марта 1921 г., г. Пермь^{1), 2), 3)}

Представителю Латвии при Центроэвакуе

1915 году, в виду развития военных действий в окрестностях города Митавы Курляндской губернии я со своими родителями должен был эвакуироваться из родины в город Псков, где мне как беженцу было представлено бесплатное учение. Окончив высшие курсы коммерческих знаний, мне было представлено место в городе Сарыкамыше, куда я и уехал. Вернувшись оттуда в 1918 году, я хотел ехать домой, но в связи с развитием военных действий близ города Пскова, где в то время находились мои родители, должен был остаться в России и поступить на службу. Поступив на службу в Артиллерийском ведомстве по вольному найму, я впоследствии на основании приказа РВСР¹ № 260 был мобилизован и до настоящего времени состою на службе в Артиллерийском ведомстве.

По издании приказов РВСР за № 1053/183, 2368/461 и 2689, что военнослужащие, состоящие на службе и имеющие документы, удостоверяющие латвийское происхождение, могут быть уволены от военной службы, конечно, соблюдая, известных формальностей. По получении Артскладом одного из вышеупомянутых приказов мною был подан по команде рапорт с приложением всех необходимых документов в июне месяце 1920 года. До сих пор означенный рапорт путешествует по высшим инстанциям, и нет никакой надежды на то, что буду уволен с военной службы, хотя на это имею полное право.

Представляя при сем копию паспорта за № 3903, копию удостоверения Губэвака за № 8699 в том, что я зарегистрирован и как беженец подлежу отправке на родину (означенное удостоверение было мне выдано на основании представленных мною документов, что я действительно произхожу из граждан Латвии и эвакуировался с родины по причинам империалистической войны), копию свидетельства за № 602 об окончании курсов бухгалтерии Псковского губернского отделения Всероссийского комитета для оказания помощи пострадавшим от военных бедствий, из которого ясно видно, что я беженец, так как курсы эти были открыты только для беженцев.

По полученным мною сведениям от родителей они живут в городе Митаве, но так как они стары то мое присутствие дома крайне необходимо.

На основании вышеизложенного прошу Вашего содействия об увольнении меня от военной службы на предмет эвакуации в гор. Митаву.

¹ Революционный военный совет республики (РВСР), реввоенсовет (РВС) — высший коллегиальный орган управления и политического руководства Рабоче-крестьянской Красной армией (РККА) в 1918–1934 гг. Создан на основании постановления ВЦИК от 2 сентября 1918 г. о превращении Советской Республики в военный лагерь.

Приложение 5

О последующем не откажите уведомить.^{4), 5)} ¹

22 марта 1921 года, г. Пермь

Бухгалтер Пермского окружного артиллерийского склада Приурво
[Ф.Э. Осис]

Гор. Пермь

Управление Пермского артиллерийского склада
(Покровская ул., д. № 46)

Адрес родителей:

Латвия, гор. Митава

Штатгоф, д. 258

Э.И. Осис

ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 187. Л. 21. Машинопись. Подлинник.

¹⁾ Заголовок редактора.

²⁾ Датируется по документу.

³⁾ Место приводится по документу.

⁴⁾ В левом углу документа штамп Центральная коллегия о пленных и беженцах Административный отдел 8/IV-921 г. Вход. № 1974.

⁵⁾ В правом углу документа штамп Центр. Кол. о плен. и беж. 5/IV 1921 г. Вх. № 5366.

Документ 22. Заявление латышских беженцев, проживающих в г. Красноярске и Енисейской губернии, председателю Центрального управления по эвакуации населения А.В. Эйдуку², 6 мая 1921 г., г. Красноярск^{1), 2), 3)}

Председателю Центроэвака товарищу Эйдуку беженцев Латвии,
проживающих в гор. Красноярске и Енисейской губ[ернии]

Заявление

На основании конвенции, заключенной между Советской Россией и Латвией 12 июня 1920 года о реэвакуации беженцев, отправка таковых из Енисейской губернии губэваком предполагалась в октябре и ноябре месяцах минувшего года, что и было подтверждено Московской Латвийской миссией. Многие беженцы на основании этого приступили к ликвидации своего имущества, в том числе теплой одежды и обуви, оставив лишь самое необходимое на дорогу, но так как предполагаемая реэвакуация не состоялась и в ожидании отправки никто из беженцев на зиму не запасся дровами, столь необходимыми для суровой сибирской зимы, вследствие чего бежен-

¹ Ответ от зав. беженским подотделом Центроэвака от 11 апреля 1921 г. на это заявление гласил: «Административный отдел Центроэвака сообщает, что вопрос об освобождении Вас из рядов Красной Армии не входит в компетенцию Центроэвака и предлагает обратиться по сему в местный военком». См.: ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 187. Л. 20.

² Эйдук А.В. (1886–1938) — революционер; сотрудник ВЧК-НКВД; советский служащий. Председатель Центропленбежа НКВД РСФСР с 20 июня 1919 до 25 мая 1920 г.; председатель Центроэвака НКВД РСФСР с 25 мая 1920 г.

цы, оставленные на дорогу вещи и одежду зимой обменивали на топливо, а не имевшие таковых были вынуждены как сами, так и их семейства жить в холодных квартирах — результат: разные болезни и лишние расходы на лечение для Советской Республики. Оставшаяся у беженцев одежда и обувь с осени прошлого года по настоящее время окончательно износилась и приобрести что-либо вновь нет возможности за неимением средств. Выдавать таковую же кому-либо из беженцев Латвии начальство отказывается, ссылаясь на то, что беженцы Латвии в недалеком будущем будут отправлены на родину, как это имело место в главных красноярских железнодорожных мастерских, почему и латбеженцы в этом отношении находятся в критическом положении и выхода никакого нет.

У некоторых из начальствующих лиц существует предположение, что отправка беженцев задерживается для увеличения трудоспособного элемента Республики, но и этот взгляд не соответствует действительности, так как многие из беженцев в данный момент за неимением одежды и обуви сидят дома и число таковых не уменьшается, а с каждым днем увеличивается и таковые лица для Советской Республики являются только обузой.

На основании изложенного и во избежание таких же недоразумений, как в прошлом году, мы, нижеподписавшиеся беженцы Латвии, в том числе инвалиды, уволенные красноармейцы и отцы семейств, оставленных в Латвии, во имя справедливости убедительно просим распоряжений Центроэвака о скорейшей отправке нас, беженцев-латышей, на родину, так как дальнейшее наше проживание в Сибири не представляется возможным и этим мы только увеличиваем кадр инвалидов труда, смертность, разные болезни, недоразумения и лишние расходы для Советской Республики.

Остаемся в надежде, что наша просьба не останется без последствий.

О результатах просим нас поставить в известность через Енисейский губэвак.

6 мая 1921 г. гор. Красноярск.

[48 подписей]

ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 186. Л. 135–136. Машинопись. Подлинник.

¹⁾ Заголовок редактора.

²⁾ Датируется по документу.

³⁾ Место приводится по документу.

Документ 23. Письмо старшего делопроизводителя эксплуатационно-технического отдела Управления связи Киевского военного округа Якова Буканца Народному комиссару по иностранным делам РСФСР Г.В. Чичерину¹, 25 июня 1921 г., г. Киев^{1), 2), 3)}

Народному комиссару по иностранным делам РСФСР
тов. Чичерину

Находясь на службе в Красной Армии с 1918 года, с почти первых моментов ее формирования и до сего времени, я не имел никаких вестей от своих родных, проживающих в г. Ачинске Енисейской губ[ернии], в Сибири. Превозмогая беспокойство о них в то время, когда Сибирь была в руках колчаковских банд, я все силы свои клал в работу на пользу Красной Армии, видя в ней залог освобождения трудящихся и той угнетенной при царском режиме нации еврейской, к каковой принадлежу и я, и в частности залог освобождения и свободной жизни моей семьи. Доказательством моей честной службы на красном фронте — 14 Советской армии — является то, что мне после некоторого пребывания на фронте доверили должность начальника отделения тяжелого телеграфа и последнее время — начальника оперативного отделения Управления связи 14 армии, исполняя одновременно две должности. Только последнее время я получаю вести от своих родных из далекой Сибири, но, увы, вместо радости эти вести говорят о горе: мои родители бедствуют, так как колчаковские белогвардейцы разорили их до основания, забрав самое необходимое. Положение моей семьи ухудшается тем, что отец и мать мои убиты смертью моего младшего брата, 20-летнего юноши, и расстреляны деникинскими бандами в Павлограде Екатеринославской губ[ернии] деда моего, 65-летнего старика, оставившего после себя жену, больную старуху и двух детей-калек; второе, кроме переживаемого горя и отчаяния моей семьи, изложенного выше, [она] пережила немало во время империалистической войны. Отец мой, будучи уроженцем и жителем гор. Ковны (Литвы), в июле месяце 14 года был сослан в далекую Сибирь как политически неблагонадежный административным порядком (как еврей: было выслано более 100 человек, исключительно евреи). Такая же участь постигла впоследствии меня и остальных членов моей семьи, так как был приказ о выселении всего еврейского населения из Ковны, так как последняя являлась прекрасной крепостью, к которой приближались немцы. Выселение продолжалось 3 часа, после чего все еврейское население вооруженной силою выслано из пределов города. Всем нам остальным членам моей семьи, которые остались в живых, пришлось бежать в Сибирь к сыльному отцу, бросив на разграбление казачьим офицерам все свое необходимейшее из имущества. Помимо всего этого, что меня лично больше всего беспокоит вследствие наступления зимы, это то, что врачами констатировано вредное

¹ Чичерин Г.В. (1872–1936) — советский дипломат, Нарком иностранных дел РСФСР и СССР (1918–1930 гг.).

влияние резкого сибирского климата на здоровье моей семьи, главным образом на пожилых и разбитых родителей, потерявших [на] 90% способность к труду. Но непоколебимый и несмущенный домашним несчастьем, а наоборот, уверившись, что только советская власть может возвратить счастье и благополучие всему народу и в частности моей семье, на основании вышеизложенного я решил обратиться к Вам как к одному из передовых вождей пролетарской революции за помощью возвратить здоровье и благополучие семье моей, состоящей из 5 человек: отца, матери и трех человек детей, старшему из коих 12 лет, в том смысле, чтоб дать возможность ей вернуться на родину в Литву в гор. Ковно, где она сможет найти брошенную ею [часть] некоторых членов семьи и имущества. Обращаю Ваше внимание на то, что наркоминделом тов. Раковским¹ была оказана помощь в этом направлении некоторым моим товарищам по фронту. Думаю, что моя просьба не будет оставлена без внимания, и семья моя будет отправлена в скором времени домой, как и другие семьи моих боевых товарищей-беженцев, дав мне этим возможность со свежими силами, ясной головой и совестью продолжить свою работу для блага трудящихся. Адрес моей семьи: г. Ачинск (Енисейской губ[ернии]), Береговая ул., д. № 12, М.К. Буканцу. Мой адрес: Киев, Управление связи КВО, мне.

[подпись Я. Буканец]

P.S. Присовокупляю, что отца моего знает председатель Московского Совета рабоч[е]-крестьян[ских] и красноармейских депутатов тов. Каменев (Розенфельд), который совместно с моим отцом был в ссылке в г. Ачинске.

ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 186. Л. 169–169 об. Машинопись. Подлинник.

¹⁾ Заголовок редактора.

²⁾ Датируется по документу.

³⁾ Место приводится по документу.

Документ 24. Письмо польских беженцев и военнопленных Первой мировой войны начальнику Екатеринбургского губернского управления по эвакуации населения Антонову, 23 сентября 1921 г., Надеждинский завод Надеждинского уезда Екатеринбургской губернии^{1), 2), 3)}

Мы, нижеподписавшиеся поляки беженцы и военнопленные Империалистической войны, обращаемся к Вам с просьбой о содействии и возможном ускорении нашей отправки на родину. Из газет мы узнали, что в сентябре месяце отходит из Екатеринбурга эшелон в Польшу, но никакой регистрации по этому поводу в Надеждинском уезде пока не производилось. Работая в самом северном заводе Урала, мы находимся в весьма тяжелом продо-

¹ Раковский Х.Г. (1873–1941) — советский политический, государственный и дипломатический деятель. Один из организаторов советской власти на Украине. С января 1919 по июль 1923 гг. — председатель СНК и нарком иностранных дел Украины, одновременно с января 1919 года по май 1920 гг. — нарком внутренних дел.

вольственным и топливном положении, а посему нам необходимо выехать до наступления зимы, что освободит известное число пайков и квартир.

Беспокоить вас решили после разговора с Надеждинским уполномоченным Губэвака, который оказался очень малокомпетентным в интересующем нас вопросе отправки на родину.

Покорнейше просим известить нас, когда будут отбираться и посылаться на наложение визы наши документы, а затем когда наступит очередь отправки польских беженцев из Надеждинского уезда по адресу: Надеждинский завод, Екатеринбургской губернии, Уездное бюро профсоюзов, Игнатию Ивановичу Турнель¹.

[порядка 10 подписей ниже]

ГАСО. Ф. Р-1646. Оп. 1. Д. 27. Л. 64. Рукопись. Подлинник.

¹⁾ Заголовок редактора.

²⁾ Датируется по документу.

³⁾ Место приводится по документу.

Документ 25. Заявление беженца Н. Михалевича, уроженца Минской губернии, на имя начальника Екатеринбургского управления по эвакуации населения, 7 декабря 1921 г., Шайтанский завод Екатеринбургского уезда Екатеринбургской губернии^{1),2), 3)}

Начальнику Екатеринбургского «Губэвака» по эвакуации населения⁴⁾

Гражданина Шацкой волости Игуменского уезда Минской губернии⁵⁾, дер. Веркалы, временно проживающего в Шайтанском заводе Екатеринбург[ской] губерн[ии] и уезда Михалевич Николая⁶⁾

Заявление

В Шайтанском заводе Екатеринбургской губ[ернии] и уезда временно проживает мое семейство как беженцы империалистической войны 1914–1917 гг., состоящее из отца 71 года, матери 57 лет, нетрудоспособной сестры 32 лет и сестры 17 лет, месту постоянного жительства в Минскую губернию⁷⁾. Семейство же мое одно проживает на Урале, не имеет средств, я также здесь заняться никак не могу, так как моя профессия хлебопашество, а потому и желательно⁸⁾ заняться хлебопашеством и с наступлением посевного сезона желательно бы засеять поля, каковые у нас засеваются в скором времени. По справкам в эвакуационном отделе мне сказали подать на Ваше имя заявление, каковое с Вашей резолюцией пошлется в Губисполком, Укрисполком⁹⁾ и Земисполком¹⁰⁾ для запроса, не встречается ли с их стороны препятствий

¹ Поступивший из Губэвака ответ на данное обращение гласил: «Документы сдайте Надеждинскому уполномоченному по эвакуации населения. Он их препроводит в Губэвак, а Губэвак – в Центрэвак. По возвращении из Москвы и получении наряда на вагоны последует отправка на родину». См.: ГАСО. Ф. Р-1646. Оп. 1. Д. 27. Л. 71.

к выезду моего семейства на родину, с наложением же резолюции Вашей на моем заявлении мне хотелось бы лично исходатайствовать требуемые удостоверения от исполкома, т.к. в настоящее время почта функционирует тихо, а нам необходимо быть на родине ко времени посева.

А потому прошу Вашего распоряжения о выдаче пропуска моему семейству для проезда на родину до ст. «Руденск» Либаролинской ж[елезной] д[ороги]¹¹⁾ и разрешить мне лично исходатайствовать от исполкомов требуемых удостоверений.

Гражданин Н. Михалевич

ГАСО. Ф. Р-1646. Оп. 1. Д. 27. Л. 189–189 об. Рукопись. Подлинник.

1) Заголовок редактора.

2) Датируется по документу.

3) Место приводится по документу.

4) Сбоку от руки вписано Михалевич: Люциан Александрович, Анна Григорьевна, Юлия и Лидия. Николай.

5) Шацкой волости Игуменского уезда Минской губернии подчеркнуто синим карандашом.

6) Сбоку от руки вписано Исполнено За № 3817 7/XII-21 г.

7) Так в документе.

8) Снизу от руки синим карандашом вписано: Табаку нет.

9) Так в документе. Должно быть Уисполком.

10) Так в документе. Должно быть Волисполком.

11) Так в документе. Имеется в виду Либаво-Роменская железная дорога.

Документ 26. Письмо беженки из Витебской губернии Ю.В. Калека в Екатеринбургский губернский отдел управления с просьбой отправки на родину, 14 сентября 1922 г., Нижнетагильский уезд Екатеринбургской губернии^{1), 2), 3)}

Губотуправу¹

г. Екатеринбург

От беженки Витебской губернии,

Полоцкого уезда, Вороновцкой [волости]⁴⁾

Юлии Васильевны Калека

Ввиду империалистической войны в 1915 г. по занятии города Ковно мне с мужем и двумя детьми пришлось по распоряжению местного начальства эвакуироваться и остановились мы в городе Н[ижнем] Тагиле, где в 1917 г. муж мой умер и я осталась со своими детьми без всякого источника средств к существованию, в настоящее время живя в деревне около Краснопольской волости Н[ижне]Тагильского уезда, зарабатывая самое незначительное количество продовольствия, которого едва хватает на просуществование одному, но не троим, да и при том же в связи с окончанием сезона полевых работ заработать и то, что я зарабатывала, не придется и оставаться без куска

¹ Губотуправ — отдел управления исполнительного комитета губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.

хлеба, без одежды с двумя детьми никак не мыслю, уехать на родину в Витебскую губернию не имею совершенно средств, по последнему же распоряжению Линпункта¹ все белорусы могут выехать на родину за наличный расчет, что я ни в коем случае не могу, не имея абсолютно для этой цели средств.

Документы мои и списки для отправки меня на родину были отправлены еще в 1921 г., но результатов не получено и до сих пор, а поэтому моя убедительнейшая просьба, не найдете ли возможным отправить меня на родину за счет государства, т.к. не имея мужа, имея двух малолетних детей 12 и 8 лет, я не могу оставаться здесь, в то время как на родине я могу просуществовать, а потому надеюсь, что Губотуправ учтет мое безвыходное тяжелое положение и найдет исход отправки меня на родину.

За неграмотную по ее личной просьбе расписалась [подпись нрзб.]

ГАСО. Ф. Р-1646. Оп. 1. Д. 40. Л. 35. Машинопись. Подлинник.

¹⁾ Заголовок редактора.

²⁾ Датируется по документу.

³⁾ Место приводится по документу.

⁴⁾ Так в документе.

Документ 27. Письмо беженца из Латвии П.Ю. Мендиана заведующему Екатеринбургским губернским управлением по эвакуации населения, 28 ноября 1922 г., г. Ирбит Екатеринбургской губернии^{1), 2), 3)}

Заведующему Губэваком²
Мендиан Петр Юрьевич
ул. Карла Маркса, № 60
г. Ирбит⁴⁾

15 ноября с[его] г[ода] я лично справлялся в Ек[атерин]б[ургском] Губ[ернском] Эваке, когда пойдет эшелон с латвийскими беженцами в Москву и зачислен ли я в очередной эшелон. Мне было сообщено, что эшелон пойдет приблизительно через 2 недели, считая от 15 ноября, и что отношение

¹ Базисные и линейные пункты – административные и хозяйственные единицы, созданные по приказу НКВД № 757 от 20 декабря 1921 г. взамен ликвидированных губернских и уездных управлений по эвакуации населения. Подчинялись непосредственно НКВД. Базисный пункт ведал «управлением и снабжением линейных пунктов, расположенных на и приписанных к нему железных дорогах или водных участках». Линейные пункты, обслуживавшие «перевозимые контингенты в отношении жилищном, санитарном, справочно-информационном и в отношении снабжения всеми видами довольствия», имели в своем составе «следующие части (учреждения): а) приемник, б) баня, в) прачечная, г) амбулатория с изолятором, д) дезотряд, е) столовая с кухней, ж) склады, з) обоз и и) канцелярию». В соответствии с приказом НКВД, на Урале базисным пунктом был назначен Челябинск, в то время как линейные пункты располагались в Челябинске, Екатеринбурге, Перми и Вятке. См.: ГАСО. Ф. Р-1646. Оп. 1. Д. 7. Л. 30 об.–31, 35.

² Имеется в виду Екатеринбургское губернское управление по эвакуации населения.

о том, что я зачислен в очередной эшелон послано из Губэвака в Ирбитский Уисполком¹. Но в Ирбитском Уисполкоме до сих пор ничего не получено, кроме приказа НарКомВнуДел по Центрэваку за № 137/930 от 21/X-[19]22 г. при № 9054/а от II/XI-[19]22 г. Адм[инистративному] отд[елу] Губисполкома² о регистрации всех беженцев Латвии в 2-недельный срок. Опасаясь быть оставленным, я зарегистрировался при Уисполкоме.

Мендиан Петр Юрьевич³

ГАСО. Ф. Р-1646. Оп. 1. Д. 42. Л. 49. *Рукопись. Подлинник.*

¹⁾ Заголовок редактора.

²⁾ Датируется по документу.

³⁾ Место приводится по документу.

⁴⁾ В верхнем левом углу документа виза Эвакостану дать ответ по существу 4/XII-22 г. [подпись нрзб.].

¹ Уисполком — исполнительный комитет уездного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.

² Губисполком — исполнительный комитет губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.

³ На запрос П.Ю. Мендиана Ирбитский уисполком получил следующий ответ из Екатеринбурга: «Эвакостан Административного подотдела Екатеринбургского Губотуправа просит сообщить беженцу Латвии Петру Юрьевичу Мендиану, проживающему в городе Ирбит по улице Карла Маркса № 60, что Екатеринбургским Госполитуправлением не встречается препятствий к его выезду из России в Латвию и поэтому он может готовиться к отправке, которая в скором времени будет произведена. О дне отправки Эвакостан сообщит особо» (ГАСО. Ф. Р-1646. Оп. 1. Д. 42. Л. 48). Однако выехать на родину в 1922 г. П. Ю. Мендиану не удалось. В декабре эвакостан Екатеринбургского губотуправа сообщил в Ирбитский уисполком, что «документы, увезенные представителем Ек[атерин]б[ургско] Губотуправа в Москву для наложения на них визы соответствующих консульств, обратно еще не привезены и находятся в настоящее время в Москве» (ГАСО. Ф. Р-1646. Оп. 1. Д. 42. Л. 50). Отправка беженцев Латвии на родину могла затянуться, как минимум, еще на год, что косвенно подтверждается постановлением Екатеринбургского губисполкома № 152 от 27 октября 1923 г. об обязательной перерегистрации всех иностранцев, находившихся в губернии. Перерегистрация должна была проходить в уездных отделах управления или волисполкомах, а в Екатеринбурге и Верх-Исетском заводе — в Иностранном отделении губернского отдела управления. Регистрация планировалась по двум спискам: 1) те, кто хочет восстановить свое старое гражданство, 2) те, кто хочет остаться в России, т.е. сменить гражданство (См.: ГАСО. Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 352. Л. 43; Д. 386. Л. 11, 12, 16–17).

**БЕЖЕНЦЫ И БЕЖЕНСТВО
В ПОЭЗИИ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ**

Документ 1. Все об одном // Зауральский край. 1915. 22 авг.

Муки и кровь,
Волны удушливых газов,
Рядом — любовь,
Сотни чудесных рассказов.
Правда о том,
Как под огнем,
В вихре гранат и шрапнели
Люди идут,
Горы берут,
Двигаясь медленно к цели.
Братья идут,
Братья дойдут —
Не помешают могилы,
Пушки и меч,
Ужасы сечь,
Ужасы мирного тыла.
Беженцев скорбный поток
Плещет на север, восток;
Искры последнего света
Прячутся в тень лазарета;
Слышит притихший народ
Вопли сирот...
Холодом веет средь лета!

Документ 2. У беженцев // Зауральский край. 1915. 22 авг.

«О, сколько сердобольных дам
Пришло помочь несчастным сестрам
И как ничтожно — стыд и срам!
Число мужчин в кругу их пестром.
Вот, не угодно ль посмотреть
На эту барыньку с болонкой;
Она «желала бы иметь
Интеллигентную эстонку».
— Прислужой? Нет, а впрочем, да,
Смотреть за ванной и домом...
Но непременно, господа,
Чтоб с гимназическим дипломом.
— А плата? Плата? (дама тут

От изумленья бледной стала)
 — Но я ведь ей даю приют,
 Ужели этого вам мало?!
 — О, нет, сударыня... Под стать
 Почтенной барыньке — торговка:
 — Нельзя ли, сударь, подыскать
 Сиротку... Выдуманно ловко!
 Сиротку в дом к себе возьмут,
 Согреют ласкою живою,
 Дадут и пищу и приют,
 А там, глядишь, и нарекут
 Своей прислугой даровою
 На веки-вечные... Ну, люд...

Документ 3. Михеев С. Беженка // Заря. 1915. 23 авг.

Кофточка из серого муслина.
 Шляпа с лентой палево-лиловой.
 А в глазах глубоких словно тина,
 Серый сон загадочный и новый...
 Тусклый свет... платформа и вагоны...
 И людских шагов холодный топот, —
 У нее ж улыбки так смущены
 И в душе стыдливо — нежный топот...
 Ридикюль в руке, одетой лайкой...
 У носильщика корзинка и картонка...
 Каждый звук проходит в ухо тонко,
 Каждый шаг привинчен словно гайкой...
 Зал, где все в гримасу окунулось...
 Чьи-то лица и чужие речи.
 А пред нею прошлое проснулось
 И горжеткой больно давит плечи...
 Впереди теперь иные цели.
 Впереди и счастье может больше,
 Но в ресницах слезы заблестели,
 Светлые, как совесть старой Польши...
 Много песен, сказок и преданий
 Охраняли старые костелы,
 Много прошлых, дорогих страданий
 Знали те, покинутые селы...
 Больно сердцу... Утро же объятья
 Протянуло к заспанным колоннам
 Унося и девичье проклятье
 К прежде милым, далям полоненным!

**Документ 4. Беженцы! Беженцы! Беженцы! // Зауральский край.
1915. 23 авг.**

Словно набат,
Вести гремят:
«Беженцы! Беженцы! Беженцы!»
Горе людское безбрежное
Серой рекою ползет:
Целый народ
Едет, идет,
Дряхлая старость, младенчество нежное,
Сила бессильная, тысячи жен...
Едут бесцельно, а тучи ворон
Кружатся, смотрят, как люди бегут,
Падали ждут.
Сядут на камни, на дубы узорные,
Каркают черные
«— Кар-кар-кар-кар!
Цивилизация в дар
Смерти и нам эти полчища сдвинула,
Все идеалы добра опрокинула,
Истине в спину наносит удар...
Кар! Кар! Кар!»
Кыш вы, проклятые! Ваше глумление
Слишком ничтожно пред этой бедой!
Эти безумные тысяч мучения
Кто-то приемлет как дар искупления
За преступленья войны мировой.
Целый народ
Скорбно идет
Через леса,
Через поля...
Стонут земля
И небеса;
Дальше, вперед
Надо идти,
Где же пути
Будет конец,
Знает Творец:
Русь велика —
Вольная ширь:
Волга, Ока,
Кама, Сибирь,

Старый Урал...
Где ж отдохнут:
Около скал,
Или приют
В поле найдут?..

Документ 5. Опять про беженцев (Из подслушанных разговоров) //
Саратовский вестник. 1915. 28 авг.

— Приют для беженцев. Зайдемте, интересно...
— Идите, милочка, я, право, не хочу...
Здесь на дворе у них так неприютно, тесно
И грязно, — туфельки, пожалуй, промочу.
— Смотрите, женщина с детишками — бедняжка,
Худая, желтая и в рубище. — Как жаль...
О чем, бишь, это я? Ах, да, на шляпке пряжка
С кокардочкой из лент цветов националь,
Погоны, выпушки, недорогой и модный
Костюм «а ля солдат» и хорошо сидит...
— Смотрите, вон старик, наверно, он голодный,
Совсем шатается... Какой ужасный вид.
Сегодня встретила одну мою подругу
И вот теперь спешу ей нанести визит...
— Хочу из беженек нанять себе прислугу...
— Ах, что вы, душечка, детишек заразит.
Они, как говорят, ложатся прямо в лужу,
А эпидемий всяких теперь у нас сезон...
— А вы теперь куда? Я на минутку к мужу,
А после на бульвар — там поджидает «он»...
— Ах, тот студент в пенсне? — Другой, преинтересный,
И так идут ему повязка и мундир...
— Десятки человек в одной ютятся тесной
И душевной комнате... Да-да, насчет квартир...
Менять свою? О, нет, я так довольна —
Семь комнат, ванная, дубовый кабинет...
— Вот этот тип в глаза бросается невольно,
О чем он говорит? Какой-то полный бред...
Как этой девочке идут печаль и слезы,
Совсем а ля Рембрандт. На, детка, пяточок.
Наверно, дороги на вашей шляпке розы?
— Нет, по пяти рублей за штуку — пустячок...
Газеты все кричат про наши беспорядки,
Но разве приютить всех бедных хватит сил?

Приложение 6

Как поднялась цена на шведские перчатки,
За эти муж вчера семь сорок заплатил...
— Их каждый день приходит много, много,
Попробуй накормить, да всем приют им дать.
— Чем кончилась вчера «железная дорога»?
— Да что! Рублей шестьсот муж проиграл опять...
— Оревуар, ма шер... И с беззаботным смехом
Исчезли дамочки, как яркоцветный сон...
У них не прозвучат ответным скорбным эхом
Ни жуткий бред больных, ни детский тяжкий стон.
И думается мне, что, пообедав плотно,
Свернувшись кошечкой на бархатном лонг-шез,
Они мой фельетон просмотрят неохотно,
Зевнут «Про беженцев... Вот скука-то...» Диез.

Документ 6. Маугли. Беззаботная // Заря. 1915. 13 сент.

Идут... Лошаденки плетутся устало,
Под крик и удары плетутся шажком...
Солдатке-Марике заботушки мало.
Бредет при дороге пешком.
Горюют соседи — пропали остатки,
То — бросили дома, то — скрыли в земле!..
Ни горюшка только Марике-солдатке,
Что было — все с нею в узле.
Не молкнут над табором детские крики:
— Укрой!.. Накорми!.. Защити!..
... Дай, Господи, силы солдатке-Марике:
Сынок у ней сгинул в пути...

Документ 7. Константинов Ю. В вагоне // Зауральский край. 1915. 30 сент.

Мерно, четко, крепко, звонко
Ударяет сталь о сталь,
И в нахмуренных потемках
Встала серая печаль.
Бледный свет в углу вагона,
Давит, душит темнота, —
И огонь то умирает, то внезапно оживает...
Поезд мерно выбивает
«Тра-та, та-та, та-та-та...»
Кто я? Что я? Где я? Я ли
В мире стонов и речей,
В плаче рельс и лязге стали

Мчусь в безмолвии ночей?..
 Мерно, четко, крепко, звонко
 Ударяет сталь о сталь,
 И соседка-незнакомка
 Прячет взоры под вуаль...
 Кто я? Что я? Где я? Здесь ли,
 Где печаль и темнота...
 А огонь то умирает,
 То внезапно оживает...
 Поезд мерно выбивает
 «Тра-та, та-та, та-та-та...».

**Документ 8. Кн. Федор Касаткин-Ростовский. Беженцы // Известия
 Ананьевского уездного земства. 1915. 28 дек.**

По дорогам, лесам, от селений сожженных,
 От разрушенных храмов, измятых полей,
 В даль идут вереницы худых, огорченных,
 Утомленных людей...
 В жалком рубище, долго без крова и пищи,
 В дождь и холод, по грязи идут они в даль...
 Только камни остались на их пепелище,
 В их глазах только страх и печаль.
 Вереницы иду... Их стенанья и слезы
 Давят душу всех тех, кто их встретит в пути.
 Осень... Льются дожди... Скоро будут морозы...
 Помогите усталым, им тяжело идти!
 От безмолвия сел, от былого покоя,
 Их в неизвестную даль выгнал ужас войны,
 Надо встретить их лаской, согреть, успокоя,
 Это верные родины нашей сыны.
 К ней как к матери доброй идут они смело,
 Они приняли первый удар на нее —
 Пусть же жертвой посильной на доброе дело
 Каждый скажет России, как любит ее.
 Этих бедных отчизны детей приютите.
 Жены, дети и старцы толпой к нам идут.
 Помогите ж усталым в пути, помогите!
 Пусть скорей среди нас они ласку найдут.
 Дайте кров им родной, осушите их слезы,
 Приласкайте их теплым участием родным.
 Тяжек путь средь дождей... Скоро будут морозы...
 Братья наши страдают... Помогите же им!

Документ 9. Михаил П. Тост беженки // Жизнь и суд. 1915. № 49. С. 8.

Жалея беженок, не раз
Вздыхали вы... И, вспоминая
Красу покинутого края,
Провозглашали много фраз
О том, что «беженка — несчастна»,
Что «участь беженки — опасна»,
Что «спета песенка твоя,
Бедняжка-беженка моя»!..
Но нет, удел наш не печален,
Хоть мы живем среди развалин...
Но в этот черный, страшный год
Кто средь развалин не живет?..
Мы, убежавши от тевтонов,
Не затерялись в гуще тьмы,
Нет, к братьям устремились мы,
В ни струны добрые затронув!..
На нас идет любви волна —
И утешает нас она!..
О, как забыть минуты эти?
Как много добрых душ на свете!..
Любовь, великая любовь —
Ты ото сна проснулась вновь!
И нам открылись объятья,
И видим мы, что люди — братья!
О, люди, не жалейте нас:
Давно разрушен и погас
Лишений наших мрачный терем...
Мы свято в будущее верим!..
О, нет, не «жаворонки мы.
С гнезд согнанные злой рукою»...
Мы не грызем теперь с тоскою
Решетки крепкие тюрьмы...
Живем мы весело на воле
И с каждым днем смеемся боле!..
Что? В прошлом было много бед?
Но больше их не будет, нет!..
Во имя жизни неумной
Забудем дни неволи темной!
Тому не мил прекрасный свет,
В ком веры в будущее нет!..
Не лишены теперь мы крова, —
И все кругом для нас так ново!..

Мы вечерами дружно шьем,
И тихо песни мы поем...
И каждый миг светлей, чудесней
Живется нам с крылатой песней!..
Жизнь побеждает!.. Много дум
Тревожит нас под мерный шум
Машинки швейной... Край родимый,
Сыздетства горячо любимый...
И ряд дворов... и хижин ряд...
Врагом зажженные горят!..
Но это — было, это — было!..
Теперь в нас много жизни, пыла!..
Умчалось прошлое, как дым;
Над ним слезу не пророним!..
Брось, беженка, свои печали:
Гроза прошла, лучатся дали;
И — радуги пестреет мост!..
Друзья, за беженку мой тост!..

Документ 10. Котомкин А. Брошено в землю зерно благородное... //
Вестник Всероссийского общества попечения о беженцах. 1916. № 6
(8 февр.). С. 3.

Брошено в землю зерно благородное...
Дело великое, дело народное
Начато царственной, доброй рукой...
Все, что забытое, все, что голодное,
Все сиротливое, все, что бездомное,
Будет иметь и приют и покой.
Дети бедняги, сироты несчастные —
Беженцев дети. С нуждою злосчастною
Темный пред ними раскинулся путь.
Зла и позора дороги опасные;
Осенью черной, зимою ненастною
Где обогреться им? Где отдохнуть?
Слышишь, отчизна, их жалобы горькие? —
«Наши враги, бессердечно жестокие,
Нас разлучили с гнездом дорогим».
Вся их одежда — лохмотья убогие,
Впалые щеки, да вздохи глубокие,
Очи их выжжены горем лихим.
Страшно под гнетом нужды и несчастья
В сумерках жизни, без проблесков счастья
Изнемогают они в пути.

Луч путеводный в тумане несчастья —
Братская помощь; любовь да участие
Могут их только поднять и спасти.
Брошено в землю зерно благородное...
Дело великое, дело народное
Начато царственной, доброй рукой.

**Документ 11. А.Ф. Привет беженцам // Земская неделя (Казань). 1916.
21 февр.**

Вам, обездоленным бурей кровавою
Сброшенным с ваших родных очагов,
К нам прибежавшим с душою усталою,
Вам мы несем теплоту наших слов.
Мощною грудью дружины родимые
Стойко стояли за ваши края,
Только пред силой неравной любимые
Рати ушли, в сердце гнев затая.
Но не на радость себе рать немецкая
Дерзко ступила на русский наш край!..
Пусть отступили войска молодецкие,
Враг наш не встретил желаемый рай!
Всюду пылали деревни, окраины,
Нивы златые огонь пожирал,
Им оставляли лишь груды, развалины...
Села горели, лес ярко пылал...
Бросил народ свои нивы старинные,
Немцу оставил лишь пепел, да дым,
Тронулись беженцы лентою длинною
Прочь от врага, направляясь к своим.
Чащей лесною, болотами топкими,
В дождь и туман, в непогоду, мороз,
Шли вы, прикрыты лохмотьями легкими.
Путь орошая потоками слез.
Ночью и днем вы, с тоской безысходною,
Скорбный свершали ваш беженский путь,
К нам добрались вы, страдальцы невольные,
С думой одной — поскорей отдохнуть...
Сердце широко открылось народное,
Русское сердце умеет любить,
Щедрой рукой льется лепта свободная —
Сирых одеть и больных приютить...
Время изменится, рати любимые,
Царскому слову верны, победят...
Скоро вернетесь в края вы родимые,

Снова дни радости вам засветят!
 Ныне же с верой в душе беззаветною,
 Первый печальный несем вам привет,
 Пусть прозвучит он надеждой приветною
 Будущих русских геройских побед!

Документ 12. Клименко Т. Перед рассветом // Вестник Всероссийского общества попечения о беженцах. 1916. № 8–9 (21–28 февр.). С. 13–14.

Грозная туча над мирной землею
 Вдруг разразилась кровавым дождем:
 Вандалов орды широкой волною
 Хлынули к Руси с огнем и мечом.

Крупна создания — чудовищ громады
 Вдруг извергая смерть, пламя и дым,
 Все истребляют, не зная пощады,
 Все убивают дыханьем своим.

С дикою злобой «Безумец» жестокий
 Вызвал миллионы народов на бой;
 Горы из трупов и крови потоки
 Кайзера сердце пленяют собой.

С кайзером рядом, в жестокостях споря
 В битвах кровавых и принцы-сыны,
 Жертвы приносят в честь бога войны.

Русь в единеньи с Царем-Воеводой
 Мужеством твердым пленяет весь свет,
 Борется стойко с военной невзгодой,
 Верить в дни счастья, в дни славных побед.

Нет ни сомненья, нет ни роптанья,
 Верит в победу весь русский народ;
 Кончатся тяжкие дни испытанья,
 Солнце свободы и счастья взойдет.

Отрасль прекрасная лозы священной —
 Царская дочь, по завету Христа,
 Всем, пострадавшим от бури военной,
 Всем, истомленным под игом креста,

С женской любовью несет утешенье,
 Всем посвящает свой доблестный труд,
 Ранам героев дарит исцеленье,
 Беженцам пищу, одежду, приют.

Верь и надейся, Отчизна родная,
 Кровью родимых и верных сынов
 Ты посвятившись, воспрянешь, сияя

В свете свободы для новых трудов,
И омовенная потом и кровью
К благу и счастьем направишь свой путь,
С светлой надеждою, с лаской, любовью
Чадам откроешь обильную грудь.

Документ 13. Гиляровский Вл. Беженцы // Гиляровский Вл. Грозный год: Стихотворения. М.: Улей, 1916. С. 65–67.

I.

Родился там я, а жена напротив,
Чрез переулочек. Семейством озаботив
Себя большим, пристройку сделал я,
Разбил два садика, и жизнь текла моя
Покойно, счастливо. Я думал свековать
В своем углу. Но стали воевать,
Забрали сыновей. Свободных были взглядов!
Теперь они бойцы передовых отрядов.
Один уж офицер. Другому два креста
На грудь повесили... Жена — совсем не та,
Что год назад, — заметно постарела...
И я за ней! Отбились мы отдела,
Рук приложить не в силах ни к чему,
Повиноваться сердце не смогло уму.

Ту суматоху, что была и описать нельзя,
Когда аэроплан, по воздуху скользя,
Бросал к нам в город страшные гранаты,
Когда запрудили все улицы солдаты...
Автомобилей вой, штыков и сабель лязг
Заставили забыть поток вседневных дразг,
Обиды боль и старой и недавней...
Зарыли серебро... — Забили доски ставней,
И на тележку уложив случайный бутор,
Решили в лес отправиться, на хутор,
Забрать припасы, а потом уйти
В Москву или Киев, — где Бог даст пути.
Уселись в бричку. Вдруг жена к окошку:
— Скорей ломай! Забыли в доме кошку!

А вой гранат все ближе, все сильнее...
И выстрелы, и стон, и ржанье лошадей,
И всяк свое кричит... Не разобраться в толках.

Оттуда — раненых подвозят на двуколках,
Туда — стремятся свежие войска...
Народ на улицах, как бурная река,
Все: пушки, кавалерия, пехота...
Вот выехали мы тихонько за ворота.
Наш город не узнать: жизнь всюду замерла,
Покинуты дома, свезли колокола
С забытых ставнями церквей и колоколен.
Остался в городе, кто только подневолен,
Кто мог — тот убежал, кто пеш, кто на коне.
И очутились мы с женой в живой волне.

Шоссе забито все. Мы ехали полями,
И долго, долго раздавались за нами
Гул выстрелов, за взрывом новый взрыв,
Тревожа тишину опустошенных нив.
Где хутор был — чернеет дым пожара,
Орудия стоят у глинистого яра...
Там нет пути! Поехали вперед,
Куда народ испуганный и едет и идет.
Отстали те, а эти мчатся мимо,
Людской потолок течет неудержимо,
Затихли выстрелы, — от них мы отошли
И движемся вперед во мраке и в пыли.
Жена меня своим молчаньем мучит,
И кошка на руках так жалобно мяучит.

Четвертый день в пути. Тележка ожила,
Жена к себе троих детей подобрала.
Один лет трех, другой постарше малый,
Отбились от своих. У дочки годовалой
Мать умерла — зарыли на пути;
Сиротку мы с собой решили повезти.
А сколько мрет! Чем дальше путь пред нами,
Тем чаще он усеялся крестами,
И ежемесячно новый ряд могил
Погибших на пути нещадно хоронил.
Людской поток! Сплошная масса люда,
Стихийно движимая груда,
Ползет и стонет. Гиблая орда,
Гонимая судьбой неведомо куда.

Дорога вся полна. Загружена окрестность.
Где беженцы прошли, — там опустела местность:
Картошка вырыта, потоптаны поля,
Следами смрадными покрытая земля.
Все уничтожено — сады и огороды,
И с грязью смешаны прудов тенистых воды.
Поела все кругом людская саранча.
А смерть их косит! Косит всех, сплеча,
Ни горе старости, ни юность не жалея,
Разит она, крестами путь усея.
В селеньях, в городах, что были на пути,
Когда прошел поток — кусочка не найти!
На их окраинах обобраны халупы,
Кой-где оставлены неубранные трупы.

II.

То снег, то дождь. Холодные вагоны,
Везде голодный люд, рыдания и стоны.
Идет старик оборванный, седой,
Ребенок с ним и бледный и худой,
Он держит на руках испуганную кошку.
Старик его поставил на подножку,
Слез сам, потом его тихонько снял.
Вдали светился и шумел вокзал.
Народ толпился, словно в день базарный...
Вот поезд подошел, весь белый, санитарный.
Красавец-юноша с подвязанной рукой
Выходит из вагона, движется с толпой...
Георгиевский бант героя украшает.
Старик к нему на грудь! Целует, обнимает...

Ты, Коля, ты? Узнал ли ты отца?
И крепко обнялись. Рыдания без конца,
И проблеск радости, тревожной и минутной.
— Один остался я больной и бесприютный...
— А мать?! Где мама?!
— Умерла.
Она в пути детей покинутых взяла...
Не выдержала путь томительный и длинный...
Теперь вдвоем мы с этим сиротиной...
— А жив Иван?
— С своим полком дерется,

Храбрец, герой и многого добьется...
— А ты! Ты ранен?
— Пустяки, рука.
И сын старается утешить старика,
И кошку он узнал, сиротку назвал братом:
— Расти, братишка! Сделаю солдатом!

Документ 14. Мочульская М. Песня беженки // Вестник Всероссийского общества попечения о беженцах. 1917. № 45-46. (15 янв.). С. 13.

Где, берег лаская,
Струится Вилья,
С родным моим краем
Простилася я...
Разрушен тевтоном
Очаг мой и дом,
Могилы родные
Разрыты врагом.
Громил он кладбища,
Гробы мертвецов,
Тревожа прах наших
Дедов и отцов!
О, Боже, терпению
Ты знаешь предел!
Устали страдать мы –
Смягчи наш удел!
О, даруй нам, Вышний,
Встречая весну,
Увидел родную
Мою сторону!
Верни наши семьи
К родным берегам,
Где ждет нас печальный
Поруганный храм, —
Где снова Осанна!
Тебе воспоем,
И мир и победу
Над дерзким врагом!

РОССИЙСКОЕ БЕЖЕНСТВО: ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ

Документ 1. Из очерков английской медсестры Виолетты Турстан¹ «Люди, которые бегут. Трагедия беженцев в России», 1916 г.²

[...] Рождество застало нас в дороге: мы ехали в Гатчину с подарками для детей, живших там в большом бараке.

Рождество в России — такой прекрасный праздник. Все готовятся к нему заблаговременно. На каждой рыночной площади полно маленьких елей, и даже самый бедный крестьянин сможет приобрести рождественскую елку, несколько игрушек и пряников, по крайней мере для детей. Мать готовит на праздник особые блюда, и каждый с нетерпением предвкушает угощение, так как Рождественский пост³ в Русской церкви соблюдается очень строго. В Сочельник, когда наступают сумерки, все устремляют взоры на небо в ожидании Вифлеемской звезды, и когда появляется первая звезда, начинается большой праздник. Певцы рождественских гимнов ходят от двери к двери, носят самодельные полотнища, прославляя рождение Святого младенца и желая всем счастливого Рождества. Чудесный гимн «Господь Бог, спаси твой народ» разносится в неподвижном морозном воздухе. Затем проходит прекрасная всенощная служба в церкви, после чего зажигают елку, дарят подарки и начинается празднование. Мы узнали, что у бедных маленьких бездомных оборвышей, живущих в этом бараке, совсем не было рождественских торжеств. С этим нельзя было смириться, и вот, благодаря помощи многих добрых друзей, было приготовлено несколько сот нарядных холщовых мешочков, в каждый положили носовой платок, игрушку, ложку и немного сладостей, печенья или орехов.

Стоял день, когда было по-настоящему хорошо жить, — один из тех редких совершенных дней, которые время от времени случаются в Петрограде зимой. По небу была разлита бледная северная лазурь, солнце отважно

¹ Анна Виолетта Турстан (1879–1978) — английская медсестра, участница Первой и Второй мировых войн, а также Гражданской войны в Испании. В конце 1915 г. принимала участие в организации медицинско-санитарного обслуживания российских беженцев. По итогам своего пребывания в России написала свои «очерки беженцев», изданные отдельной книгой в 1916 г.

² Впервые опубликовано в: Михалев Н.А. «Величайшая трагедия войны не видна на поле боя»: беженцы Первой мировой войны в России // Уральский исторический вестник. 2014. № 1. С. 89–99.

³ Рождественский пост — христианский пост, установленный в честь Рождества Христова. Соблюдается с 15 (28) ноября по 24 декабря (6 января). В православных церквях византийской традиции Рождественский пост является одним из четырех многодневных постов церковного года и служит 40-дневным приготовлением к празднованию Рождества Христова.

светило, одаряя весь город светом и цветом, высвечивая темно-синие купола и бледно-золотые минареты¹ церквей. Недавно прошел снегопад, и острый утренний мороз превратил все это в сказочную страну. Один час в жарком и душном поезде — и мы в Гатчине. Барак располагался недалеко от станции, поэтому подарки были сразу доставлены туда. Он представлял собой огромный ангар, где были размещены пятьсот семей. Пятьсот семей! Только подумайте, целая деревня, втиснутая в один ангар! На первый взгляд, такое кажется физически невозможным, однако именно там они и жили. Императорский дворец в Гатчине¹ является резиденцией Марии Федоровны, вдовствующей императрицы², и ранее этот ангар использовался для укрытия царского поезда от дождей и холодов, на подьезде к нему еще можно было видеть железнодорожные пути. Строение было довольно высоким, в половину его высоты были сооружены леса, образуя верхний ярус и делая всю конструкцию в точности похожей на кроличий садок. Сложно сказать, где жить лучше — наверху или внизу. Внизу — темно, душно и сыро, наверху — больше света, но снизу поднимаются испарения и зловоние от перенаселенности весьма неприятно. На входе в барак было отгорожено нечто вроде передней: здесь располагались длинные деревянные столы и лавки и сюда обитатели барака могли прийти поесть. За пределами этой комнаты, непосредственно в бараке, каждой семье для проживания было выделено около восьми квадратных футов пространства, и в таких условиях пятьсот семей жили уже на протяжении трех или четырех месяцев. Посередине барака проходила низкая деревянная перегородка, в результате люди, жившие в его центре, находились спина к спине со своими соседями, разделенные лишь этой перегородкой. Других перегородок не предусматривалось, но многие жители барака натянули веревки и повесили одеяла или шторы так, чтобы обеспечить хоть немного уединения. Другие, вероятно, предпочитая больше воздуха, не отгораживались занавесями, поэтому вся жизнь семьи была открыта постороннему взгляду. Пространство у стен барака, по-видимому, считалось гораздо более «аристократической» частью для проживания, чем его центр. Из обстановки беженцы располагали лишь тем, что смогли привезти с собой. Все они являлись выходцами из Польши³ (Гатчина находится на основной

¹ Большой Гатчинский дворец — императорский дворец, расположенный в Гатчине, единственный дворец в пригороде Санкт-Петербурга. Построен в 1766–1781 гг. по проекту Антонио Ринальди для фаворита Екатерины II графа Г. Г. Орлова. После восшествия на престол Александра III стал основной загородной резиденцией царской семьи.

² Мария Федоровна (при рождении Мария София Фредерика Дагмар (Дагмара), 1847–1928) — российская императрица (с 1881 г.; с 1894 г. — вдовствующая), супруга Александра III, мать императора Николая II.

³ Поляки составляли вторую по численности (после русских) группу беженского населения России. При этом подавляющее большинство польских беженцев (98%) оказалось сконцентрировано в пределах Европейской России и Урала, около 1% — пришлось на Сибирь, остальные польские беженцы (1 %) находились в кавказских и среднеазиатских губерниях

железнодорожной линии между Варшавой и Петроградом), и некоторые из них сумели сохранить многое из своего имущества. У некоторых семей были кровати, у некоторых — даже буфеты, две или три женщины умудрились спасти швейные машинки, то тут то там встречались колыбели. Те, у кого не было кровати, спали на тряпье прямо на полу, а обитый жестью сундук, где хранилась одежда, как правило, был единственным предметом, на котором можно было сидеть. Все беженцы, будучи жителями Польши, являлись католиками, и очень трогательно было видеть, что, несмотря на все потери, почти все они сумели сохранить распятие или изображение Мадонны, которое висело на почетном месте.

Здесь и там встречались неопрятные семьи, но в большинстве случаев было трогательно наблюдать за теми усилиями, которые эти бедные люди прикладывали, чтобы содержать отведенные им места в порядке и чистоте. Нижняя часть барака в особенности отличалась очень темными углами, и жившие там дети выглядели зеленовато-бледными и нездоровыми, подобно росткам картофеля, который слишком долго держали в подвале. А за пределами барака находился мир света и свободы — мир, где светило солнце, а воздух был морозным и бодрящим. В парке по соседству здоровые дети кувыркались в снегу, катались на санках и коньках, кричали, смеялись, наслаждаясь жизнью.

— Неужели эти дети не бывают на улице? — спросила я у одной из матерей.

— Нет, барыня, слишком холодно, у нас нет верхней одежды, нет обуви и чулок для детей. Мы покинули нашу деревню летом и здесь у нас лишь летняя одежда, — ответила она.

Я огляделась кругом. Действительно, на детях были хлопковые платья и костюмы, многие из них были босыми, и я вспомнила, как видела двух маленьких мальчиков около барака, когда мы входили с подарками, которые, ускользнув от материнского взора, бегали босиком по снегу — их ступни были красными, ободранными и кровоточили от холода.

— Но они пробыли здесь уже три или четыре месяца. Неужели они не ходят в школу?

— Нет, барыня, их не берут в школы, боятся. У нас в бараке много случаев кори и скарлатины. Иногда в день умирает по три или четыре ребенка. Я сама потеряла двоих. Но что делать? Другие страдают еще больше.

От слов мало пользы, когда лицом к лицу сталкиваешься с неприкрытой правдой жизни, и нет никакого смысла в знак утешения говорить этим людям избитые фразы. Наш разговор на время прервался. Мы распаковали подарки

империях (подсчитано по: Известия Комитета ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны. 1917. № 18. С. 10). С точки зрения распределения беженцев по губерниям прежнего местожительства в рамках Царства Польского наибольшее число жителей покинуло Варшавскую, Ломжинскую, Люблинскую и Сувальскую губернии (Известия Комитета ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны. 1917. № 15. С. 13).

в передней комнате и аккуратно разложили их на большие кучки: в розовых мешочках были подарки для младенцев, в темно-синих — для больших девочек, в голубых — для маленьких, в ярких носовых платках с изображенными на них флагами всех союзников вместо мешочков — для мальчиков. Дети столпились вокруг нас — довольно робкие, с точки зрения англичанина, но их белые личики все равно светились радостным ожиданием. Их было так много! У меня порой возникало ужасное беспокойство, что подарков может не хватить, и я беспрестанно спрашивала себя, что же мы будем тогда делать, если подарков будет недостаточно, но надеялась на лучшее.

Мы попросили одного из старших подростков лет шестнадцати выстроить детей в ряд вдоль одной стороны стола, на котором были разложены подарки, и организовать проход в толпе, чтобы они могли возвращаться по другой стороне. Они были очень послушными и благовоспитанными, бедные маленькие существа, и быстро поняли, что от них требовалось. Один за другим они робко подходили, их ставили на скамейку, вручали им подарок, и они быстро уходили, точь-в-точь как пугливые дружелюбные птички-малиновки, которые преодолевают свою робость и решаются на поиски еды суровой зимой. Большинство детей обладали хорошими манерами: после напоминаний своих матерей они приседали в реверансе, говорили: «Спасибо, барыня», — и страстно целовали наши руки после получения подарка. По мере того, как они подходили, появлялась прекрасная возможность тщательно осмотреть каждого ребенка, и сердце сжималось, когда приходилось поднимать почти невесомые истощенные тела, на которых через тонкую ткань просвечивала почти каждая косточка, и видеть маленькие истощенные бледные лица и запавшие глаза, свидетельствовавшие о неудовлетворительном питании и затхлом воздухе. Также можно было наблюдать множество легких расстройств, от которых страдали дети и которые без должного ухода в дальнейшем, вероятно, обострятся или перейдут в хроническую форму.

Держа друг друга за руки, к нам подошли два малыша, без сомнения брат и сестра, с такими воспаленными глазами, что ресницы склеились от выделений, и они с трудом могли видеть, чтобы взять свой подарок. Дети с опухшими гландами, дети со зловонными выделениями из ушей, маленькая девочка с острым воспалением на пальце, требовавшим вскрытия, мальчик с тяжелой формой стригущего лишая, почти каждый ребенок с какой-либо болезнью или язвой, маленькие мальчики, чьи бледные лица и отекавшие веки безошибочно говорили о проблемах с почками, дети с раздражающим кашлем, сотрясавшим все тело.

Что за трагическая процессия!

Как мне хотелось перенести некоторых из них прямо в Англию и поместить в знакомый мне коттедж в Сомерсете¹, накормить их сливками, отпу-

¹ Сомерсет — графство, расположенное в юго-западной части Англии, где климат более мягкий и влажный, чем на остальной территории страны

стить играть на открытом воздухе весь день напролет, пока их истощенное тельце не поправится, на их бледных лицах не появится румянец и загар и немного света и радости не вернется в их ввалившиеся голодные глаза.

Раздача подарков продолжалась, радость детей от наших небольших даров была неопишима. Одна маленькая девочка, обнаружив внутри своего мешка украшенный бисером кошелек с двумя фартингами,¹ была настолько охвачена чувствами, что не знала смеяться ей или плакать, но в конце концов решилась на сияющую улыбку, и лишь одна крупная слеза покатилась по ее щеке, которую она тщательно вытерла тощим пучком волос, чтобы та не упала на драгоценный кошелек.

Ужасно видеть действительно голодного ребенка.

Некоторые дети набросились на печенье как оголодавшие зверьки. Другие же, почти забыв о том, что значит есть, не имели аппетита и, откусив от печенья только маленький кусочек, оставляли его на потом. Увы, в каждом мешке печенья было всего по четыре–пять штук.

Процесс раздачи подарков вдруг странным образом был прерван. Небольшая группа из восьми–десяти женщин, поющих печальную литанию, прошествовала мимо столпившихся детей и вышла в дальнюю дверь барака. Они шли парами, первые две держали зажженные свечи, и я смогла увидеть, что лицо одной из женщин опухло от слез. В бараке только что умер ребенок, и женщины направлялись в город, чтобы собрать деньги на гроб. Мы остановили раздачу подарков и замерли в молчании, пропуская их, однако это никоим образом не омрачило процесса: эти дети уже слишком привыкли к смерти, чтобы пугаться ее.

Наши опасения были беспочвенны: подарков вполне хватало. Их было достаточно для того, чтобы каждый присутствовавший ребенок получил подарок; остались подарки и для тех, кто из-за болезни находился в постели и не смог подойти к нам.

Формально беженцы, находившиеся в бараке, должны были сообщать о любом случае болезни, и если заболевание приобретало серьезный характер, их должны были² доставлять в больницу, но, как правило, ни того ни другого не происходило. Эти бедные люди боялись более всего быть разлученными со своими близкими, поэтому они скрывали болезнь сколько было возможно. Ни один микроб не мог пожелать себе лучшей среды для распространения, чем та, которая была в этом бараке; поэтому стоило инфекционной болезни появиться, как она в мгновение ока разносилась по всему бараку, и местная больница была бы, конечно, переполнена, если бы стала принимать всех заболевших. Страх беженцев быть разлученными вполне понятен. Они пережили слишком многое, потеряли практически все, что у них было, за исключением друг друга, поэтому жить среди близких людей, которые к тому же приехали из той же деревни, было для них, вероятно, самым большим

¹ Фартинг — самая мелкая разменная английская монета, равная 1/4 пенни.

облегчением их несчастья. По этой причине там, где им могли предоставить более пригодное жилье, они зачастую без колебаний отклоняли такие предложения, если вставал вопрос об их разлучении, что, таким образом, означало распад семьи.

Обычные городские больницы в России — серые и безрадостные заведения, и, увы, в слишком многих из них пациенты не получают должного ухода и внимания без соответствующих «чаевых», поэтому беженцы очень боятся попасть туда.

Есть у них также страх того, что они вернуться и обнаружат, что семья вывезена в неизвестном направлении, и это не пустые опасения: такое происходило не раз.

Не удивительно, что они скрывают и отрицают болезнь до тех пор, пока это возможно, но в результате этого в день нашего визита имелись случаи скарлатины, оспы, кори, свинки, рожистого воспаления, стригущего лишая, помимо прочих неинфекционных болезней.

Обходя барак, мы прошли мимо места, где лежало тело маленького ребенка. Девочка лежала на кровати, одетая в новое яркое розовое платье, которое так нужно ей было при жизни, в новые белые носочки и туфли, покрытые папиросной бумагой. Венок из розовых искусственных роз был надет на ее голову, икона с изображением «Скорбящей Богоматери», с жалостно смотревшей на убитую горем мать, висела прямо над кроватью. Восковое личико ребенка выглядело умиротворенным и счастливым, губы застыли в полуулыбке.

По той же стороне находилась другая клетушка, где еще одна мать, горько рыдая, склонилась над колыбелью умирающего ребенка. «Это ее последний ребенок, — грустно сказала соседка. — У нее было четверо, а сейчас не осталось ни одного».

— Нельзя ли каким-нибудь образом привезти сюда доктора, чтобы он позаботился об этих детях?

— Мы посылали за доктором, барыня, но он был в отъезде, и вместо него прибыл фельдшер. Он сказал, что у ребенка корь и воспаление легких и ничего уже сделать нельзя.

Фельдшер — это такое гибридное существо, которого нет в Англии. Он несколько выше по званию, чем студент-медик, но ниже, чем доктор. Его никогда не повышают: он остается фельдшером всю свою жизнь, либо становится неквалифицированным ассистентом доктора, либо ведет всю медицинскую практику в деревне, где нет врача. Иногда это старый солдат, работавший в военных госпиталях и получивший общее представление о грубой хирургии, но обычно он знает о детских болезнях не больше, чем трубочист — о китайском фарфоре.

— Все дети умирают здесь, барыня, — продолжала женщина, вытирая слезы, катившиеся по ее щекам, своим грубым передником. — Они слабеют

и умирают. А иногда их бросает в жар, и затем они также умирают. Ой-ой-ой, что же со всеми нами будет? — бедная женщина окончательно потеряла самообладание и зарыдала.

— Но неужели доктор никогда не приходит сам?

— Да, барыня, иногда он приходит, дает лекарства, но дети все равно умирают. Ой-ой-ой, что с нами станет? Ой-ой-ой!..

На верхнем ярусе лесов в одной из клетушек лежал, умирая от чахотки, высокий истощавший мужчина. Он сел на кровати, опираясь на те подушки, что можно было изготовить из подручных материалов; у него были мертвенно-бледные щеки, багровые губы, рот с трудом ловил воздух. Все же он был рад и польщен, когда мы вручили ему один из детских подарков. Его очень позабавило то, что его приняли за ребенка, и он торжественно выложил ложку, сладости и носовой платок на край кровати. Было очевидно, что его конец недалек, но в то же время он являлся источником острой инфекции для своей семьи и всех окружающих.

Сложно представить себе людей с меньшей сопротивляемостью болезням, чем была у обитателей этого барака после трех- или четырехмесячного пребывания здесь. Они почти никогда не покидают его зловонной атмосферы, эти люди, которые привыкли к открытому воздуху, сельской жизни в гораздо более мягком климате Польши, они недоедают, они плохо одеты. Неудивительно, что они готовы сдаться любой болезни, которая появляется перед ними.

Несомненно, нужно срочно что-то сделать, пока они все не погибли.

Барак, в котором жили эти люди, был предоставлен железной дорогой. И значительную часть работы с беженцами выполнили ее служащие, которые напрягали все силы, чтобы облегчить ужасные страдания, поджидавшие беженцев на каждом шагу. Какими бы отвратительными ни были условия в бараке, по крайней мере, беженцам дали бесплатную крышу над головой и, по крайней мере, в их убежище было тепло, действительно очень тепло. Железнодорожные власти, кроме того, выплачивают каждой семье по четырнадцать рублей в месяц, так что, безусловно, как сказала одна из женщин, другие беглецы страдают больше, чем они. Есть, например, беженцы, которые до сих пор скрываются в лесах рядом с линией фронта, тайком пробираясь по ночам к своим сожженным покинутым домам, живя тем, что смогут достать.

Слабым местом данного мероприятия является то, что небольшие семьи оказываются в гораздо более хорошем положении по сравнению с большими, поскольку каждая семья получает в месяц четырнадцать рублей, независимо от количества ртов, которые нужно прокормить.

Немного организации позволило бы беженцам питаться на их четырнадцать рублей в месяц намного лучше. Что касается их покупательной способности, то в настоящее время они примерно равны 4 шиллингам 6 пенсам¹

¹ Шиллинг — английская монета и счетно-денежная единица Великобритании до перехода на десятичную денежную систему в 1971 г.; равнялась 12 пенсам, или 1/20 фунта

в неделю в Англии — довольно скромная сумма, чтобы содержать семью, хотя русские и поляки из малоимущих классов живут намного проще, чем наши бедняки в Англии.

Мы спросили о том, в какое время принято есть в бараке.

— Мы едим только один раз в день, — ответила женщина без какого-либо недовольства. — Мы едим в полдень, и еще у нас чай утром и вечером.

— Не можете ли вы достать молока для детей?

— Нет, барыня, молока очень мало, и оно очень дорогое, мы не можем достать молока.

Вместо того чтобы каждая женщина совершала покупки и самостоятельно готовила для своей семьи, можно было бы организованно покупать провизию по оптовой цене, и то же количество денег обеспечило бы большее разнообразие и лучшее снабжение продуктами. Правда я совсем не уверена, что это им понравится в большей степени, нежели настоящее положение: покупка продуктов и приготовление пищи позволяют им чувствовать себя как дома и поддерживают их интерес к жизни, а возможность индивидуального выбора для их морального здоровья гораздо лучше, чем внешняя забота по ведению их хозяйства. Я видела бараки в других местах, которым уделялось больше внимания, которые были чище и не так переполнены, в которых питание обеспечивалось различными организациями помощи беженцам; и поскольку самим беженкам там оставалось очень мало простора для деятельности, они, как правило, выглядели более апатичными и несчастными, чем женщины гатчинского барака, как бы плохо в нем ни было.

Но я уверена, что преимущества совместного ведения хозяйства перевесили бы недостатки и что можно было бы придумать способ, чтобы женщины заведовали общим хозяйством самостоятельно, по очереди занимались приобретением продуктов и приготовлением пищи либо разделили обязанности каким-то другим образом.

Если бы только появился благодетель, чтобы как-нибудь вывезти детей из этого барака! Если бы можно было создать заведение, которое являлось бы чем-то средним между детскими яслями, амбулаторией, детским садом и питательным пунктом, куда дети могли бы приходиться утром и оставаться там до вечера, где бы их кормили, одевали, обучали, развлекали, заботились об их здоровье, это могло бы спасти очень много жизней этих маленьких детей.

Уже после того, как глава была написана, я узнала, что данный барак был признан непригодным для проживания, а беженцы были эвакуированы. [...]

Thurstan V. The people who run. Being The tragedy of the refugees in Russia. London; New York: G. P. Putnam's Sons, 1916. P. 45–62.

¹⁾ Так в тексте.

²⁾ Курсив автора.

стерлингов. Соответственно пенс (пенни) — мелкая разменная английская монета, равная 1/12 шиллинга.

Научное издание

Суржикова Наталья Викторовна, Михалев Николай Анатольевич,
Пьянков Степан Александрович

**Российское беженство: центры и периферии,
процессы и структуры, индивиды и массы (1914–1922 гг.)**

Монография

Верстка Е.М. Ивановой

Корректор Л.В. Маштакова

Подписано в печать .
Формат 60×84/16. Усл. печ. л. 28,83.
Бумага Снегурочка. Тираж 500 экз.
Заказ № 125/201 .

Издательский центр ЮУрГУ
454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 76

Отпечатано в Издательском центре ЮУрГУ
454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 76